

Мартин ван КРЕВЕЛЬД
АМЕРИКАНСКАЯ
ЗАГАДКА

Серия:
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ»

Martin van CREVELD

THE AMERICAN RIDDLE

Мартин ван КРЕВЕЛЬД

АМЕРИКАНСКАЯ ЗАГАДКА

Перевод с английского

СРІСЭН · МЫСЛЬ ·

Москва 2008

УДК 32/33(73)
ББК 66.3(7Coe)
К79

Редакционный совет серии:
В. Завадников (председатель),
П. Горелов, Дж. Дорн, М. ван Кревельд, Д. Лал,
Б. Линдси, Я. Романчук, Т. Палмер

Редколлегия: Ю. Кузнецов (редактор серии), Е. Белова,
Е. Болотова, И. Комарова, А. Нагайцев, А. Якимчук

Научный редактор: Ю. Кузнецов

Кревельд М. ван

К79 Американская загадка / Мартин ван Кревельд ; пер. с англ. под ред.
Ю. Кузнецова. — М.: ИРИСЭН, Мысль, 2008. — 549 с. (Серия «Меж-
дународные отношения»)

ISBN 978-5-91066-026-1 (ИРИСЭН)

ISBN 978-5-224-01112-4 (Мысль)

Книга израильского историка Мартина ван Кревельда посвящена исследованию США, как уникального исторического, социального и политического явления. Особенности США автор объясняет фундаментальными идеологическими предпосылками, положенными в основу американского государства. В книге анализируются такие аспекты американской жизни, как государственное управление, экономика, взаимоотношения между поколениями и полами, внешняя политика, методы ведения войны и политика безопасности. В последней главе рассматриваются различные сценарии будущего США и их последствия для роли этой страны в мировой системе.

М. ван Кревельд исследует США с позиции непредвзято настроенного иностранца, не склонного ни к восторгам, ни к огульной критике. Тем самым, он продолжает традицию, заложенную еще «Демократией в Америке» Алексиса де Токвиля.

Книга сочетает в себе популярность изложения и академическую строгость. Она будет интересна широкому кругу читателей, желающих больше узнать о США и об их роли в современных международных отношениях.

УДК 32/33(73)

ББК 66.3(7Coe)

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами без письменного разрешения владельца авторских прав.

ISBN 978-5-91066-026-1 (ИРИСЭН)
ISBN 978-5-224-01112-4 (Мысль)

© Martin van Creveld, 2007
© АНО «Институт распространения информации по социальным и экономическим наукам», 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издателя	7
ВВЕДЕНИЕ	9
Глава 1 АМЕРИКАНСКАЯ СИСТЕМА ПРАВЛЕНИЯ	15
Глава 2 PER ARDUA AD ASTRA	85
Глава 3 ОБЩЕСТВО ЧУЖАКОВ	157
Глава 4 ВОЙНА ПОЛОВ	223
Глава 5 ДЕТИ В АМЕРИКЕ	285
Глава 6 ГОРИЛЛА НА ОСТРОВЕ	343
Глава 7 ЗАВОДНЫЕ И ЗАВОДИЛЫ	409
Глава 2 ПОМЫСЛИТЬ НЕМЫСЛИМОЕ	475
Библиография	501
Именной указатель	537

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Книжную серию «Международные отношения» издательства ИРИСЭН продолжает новая работа известного израильского историка Мартина ван Кревельда «Американская загадка». Она продолжает давнюю традицию «книг иностранцев о США», вершиной которой является «Демократия в Америке» Алексиса де Токвиля.

В своем исследовании М. ван Кревельд рассматривает США как уникальное историческое, социальное и политическое явление, в значительной степени определяемое фундаментальными идеологическими предпосылками, положенными в основу американского государства. В некотором смысле эта страна была и остается результатом целенаправленной реализации проекта построения общества на основе рационально сформулированных принципов. Автор книги в подробностях прослеживает цепочки причинно-следственных связей, ведущие от фундаментальных идей к конкретным социальным, экономическим и политическим явлениям и проблемам, с которыми сталкивается американское общество и партнеры США на международной арене.

Невозможно отрицать огромную роль, которую играют США в современном мировом сообществе. Любые, даже на первый взгляд незначительные шаги американского государства могут иметь и имеют существенные международные последствия. В этой ситуации всем другим народам и государствам может весьма пригодиться глубокое понимание внутренних движущих мотивов американской внешней политики. В книге М. ван Кревельда этой теме посвящена целая глава, и к ней он возвращается и в других главах.

Однако международное влияние США не ограничивается собственно политикой. Не меньшее, а, может быть, даже большее значение имеет социальное и культурное влияние. Практически любая тема, ставшая предметом общественной дискуссии или государственной политики в США, вскоре неизбежно подхватывается экспертами, общественными движениями и правительствами других стран. Поэтому очень важно понимать, какие социально-идеологические движущие силы стоят

за очередным поветрием, идущим из Америки. И здесь книга М. ван Кревельда, в которой подробно рассматриваются политические, правовые и социальные проблемы США в их внутренней динамике, сослужит хорошую службу русскоязычному читателю.

Отдельную главу автор посвящает анализу различных сценариев будущего США и их последствий для роли этой страны в мировой системе. Тем самым он вносит свой вклад в активную дискуссию, ведущуюся на эту тему в экспертном сообществе.

«Американская загадка», как и положено книге, написанной историком, содержит сотни ссылок на первичные источники и исследовательские работы. Приведенная автором библиография представляет самостоятельную ценность и может быть использована студентами для первоначального ознакомления с американской историей и социологией американского общества.

По решению автора первое издание этой книги выходит в России и на русском языке. Она предназначена самому широкому кругу читателей, интересующихся современными международными отношениями и современной историей США.

Валентин Завадников
Председатель Редакционного совета,
Август 2008 г.

ВВЕДЕНИЕ

Все страны неповторимы, но Соединенные Штаты Америки, пожалуй, неповторимее всех. Главное же в том, что Америка *имеет значение*. Отчасти потому, что Соединенные Штаты Америки — самая могущественная страна на свете, и всякий раз, как эта страна чихает, миру грозит тяжкая простуда. Отчасти дело в ее поразительной способности экспортировать свои идеи, культуру и образ жизни, и потому все, что есть в США сегодня, с большой вероятностью появится в других странах завтра. Так обстоит дело и с разработкой новых поколений суперкомпьютеров, и с новым пониманием прав женщин; и даже динозавры произошли из Америки — если не в реальности, то в кино. Выходит, что изучение Соединенных Штатов Америки — это одновременно и самое настоящее исследование будущего. И этим-то оно исключительно важно и исключительно интересно.

Сам я впервые посетил Америку весной 1980 года, приземлившись в аэропорту Даллес, который тогда был куда меньше, чем сегодня. Подобно большинству людей, я полагал, что знаю, куда еду, — разве не прочел я уйму американских текстов, разве не просмотрел еще больше фильмов? Но не прошло и пяти минут, как я поразился тем, что можно смело назвать абсолютной инаковостью этой страны. Например, к тому времени мой водительский стаж насчитывал четырнадцать лет. Мне приходилось водить автомобили самых разных марок во множестве стран, в том числе и в странах с левосторонним движением. Но когда я решил запарковать свой арендованный «мустанг» в центре Вашингтона, то без помощи прохожего не смог вытащить из замка ключ зажигания. Оказалось, что для этого нужно было сначала нажать (или потянуть, уже не помню) какую-то кнопку, о существовании которой я прежде и не подозревал.

Проснувшись утром, я столкнулся с ворохом проблем. Первой из них оказалось бритье, потому что во всем Вашингтоне переходники для электробритвы продавались только в одном месте. Воскресный завтрак стал проблемой, потому что все было закрыто, а в большинстве отелей завтрак не предусмотрен

(позднее я, вместе с ордами других туристов, обнаружил, что можно позавтракать в ротонде на верхнем этаже Национального аэрокосмического музея). Проблемой оказалась еда в кафетерии, потому что каждое блюдо предлагалось в ошеломляющем числе вариаций, о большинстве которых я раньше и не слышал. Проблемой оказались поездки в метро или автобусе, потому что нужно было держать наготове мелочь. Проблемой оказались покупки, потому что без автомобиля нельзя воспользоваться бесчисленными предложениями о скидках. Ближайшие же магазины оказались не только дорогими, как выяснилось после, но к тому же продукты в них упаковывали не в обычные пластиковые пакеты, а в коричневые бумажные. Велосипеды на улице были не просто прикованы толстыми цепями — во избежание угона с них были сняты передние колеса. В первые дни и недели я чувствовал себя примерно как Алиса в Стране чудес.

Не я один растерялся при столкновении с этим новым, странным и немного пугающим миром. Вот как Симона де Бовуар, в свои 39 лет уже весьма известный писатель, рассказывает о своем первом визите в Нью-Йорк зимой 1947 г.: «Этот вестибюль [гостиницы] ошеломляет меня своей экзотичностью, противоестественной экзотичностью... Здесь газетный и табачный киоски, здесь парикмахер, комната для писем, в которой стенографистки и машинистки пишут под диктовку клиентов, — это одновременно клуб, контора, комната ожидания и большой универмаг. Я чувствую, что все вокруг приспособлено для жизни, но не знаю, как этим воспользоваться. Где получить присланные мне письма? Как мне отправить написанные мною? Меня все изумляет — все так неожиданно, даже то, что я ожидала увидеть. Я очутилась не просто в чужой стране, но в другом мире — в отдельном и особом мире»¹.

С тех пор я побывал в Америке много раз, по делам и ради собственного удовольствия. К тому же я прожил в ней целых два года — год в Мэриленде и год в Виргинии. Нет нужды говорить, что мы с семьей использовали каждую возможность для знакомства со страной. Конечно, Америка слишком велика и многолика, чтобы можно было «постичь» ее; но верно, пожалуй, и то, что мы узнали ее куда лучше, чем большин-

¹ S. de Beauvoir, *America Day by Day*, Berkeley, CA, University of California Press, 1999 [1947], p. 11.

ство американцев, не говоря об иностранцах. Со временем мы научились справляться с проблемами. Например, мы уяснили, что для сбора «отходов» (избегая всего, что считается нечистым и неподобающим, образованные американцы не употребляют слова «мусор») сначала нужно связаться с соответствующей компанией, а потом можно сделать выбор между различными договорами с различными условиями и ценами. А еще мы обнаружили, что телефон здесь используют куда чаще, чем мы считали возможным, и организовывать свою жизнь нужно соответственно.

Со временем, как тому и следовало быть, эти трудности ушли, и повседневная жизнь становилась все проще. И все же тот, кто научился понимать Америку и даже восторгаться ею, не всегда сближается с американской жизнью. Напротив: зачастую чем больше ее постигаешь, тем более чуждой она кажется. Слишком часто понимание рождает отчуждение, а не близость или желание стать своим. Не один я испытал это. В 1991—1992 гг. я целый год преподавал «стратегию ведения войны» в Командно-штабном колледже Корпуса морской пехоты в Квонтико. Среди почти двух сотен слушателей была дюжина офицеров из таких стран НАТО, как Британия, Франция, Италия, Германия и другие. Они часто говорили мне, что чем дольше живут здесь, тем острее чувствуют, насколько глубока культурная пропасть между Америкой и Европой и как много общего у них самих. Именно они подали мне идею попытаться объяснить, пусть только самому себе, что же делает Америку столь иной и особой. Откуда исходит эта инаковость и куда она ведет?

Содержание книги таково. Первая глава, «Американская система правления», пытается уловить ряд особенностей американской системы государственной власти — те черты, которые делают ее столь отличной от других стран (в том числе и демократических), и тот образ действий, что способствовал созданию этой страны. Глава вторая, «Per Ardua ad Astra»*, анализирует факторы, способствовавшие становлению самой успешной и самой большой экономики, доселе невиданной в мире. Третья глава, «Общество чужаков», посвящена социальной системе с ее уникальным сочетанием этнической пестроты, социальной и географической мобильности, отсутствия

* Через тернии к звездам (лат.). — Ред.

корней и отчужденности. Четвертая глава, «Война полов», посвящена весьма своеобразным отношениям между мужчинами и женщинами. Глава пятая, «Дети в Америке», исследует то, как множество взрослых американцев обращаются (хорошо или дурно) со своими отпрысками, обеспечивая передачу своих собственных проблем из поколения в поколение. Шестая глава, «Остров Гориллы», рассматривает факторы, отвечающие за формирование американской внешней и военной политики в отношении всего остального мира. Глава седьмая, «Заводные и заводилы», посвящена быстрым изменениям американского образа жизни и уникальной способности Америки распространять его по всему миру. Наконец, в главе восьмой, «Осмысление невысказанного», предлагаются некоторые размышления о том, что готовит нам будущее.

Когда берешься за такого рода тему, главной проблемой оказывается не нехватка источников, а их избыток. Всем известно, что если сложить в стопку все посвященные Америке публикации, она протянется до ближайшей звезды и обратно. Известно и то, что этот факт никому еще не помешал сочинить великие книги на эту тему. Следовательно, решил я, это не должно удерживать и меня от того, чтобы сделать все, что в моих силах.

Как всегда, первое и самое трудное дело состояло в определении вопросов, на которые я хочу ответить, — иными словами, в решении, на сколько частей резать мое творение, как будут выглядеть эти части и в каком порядке их расположить. Затем я изучил столько источников, сколько, по моему разумению, требовалось, чтобы получить приемлемые и не слишком пространственные ответы на мои вопросы. Материалы большей частью были американскими. Но я использовал и эпизоды, рассказанные иностранцами, которые при своих посещениях часто подмечают то, что для американцев разумеется само собой и чего они не видят. Некоторые части содержат статистику, по причине того, что цифры — единственный способ обращения со зверем, столь огромным, динамичным и многоликим, как США. Чтобы проиллюстрировать и оживить статистику, я использую истории из жизни. Порой я излагал те из моих собственных впечатлений, которые представлялись уместными и допускали обобщения.

После того, как президент Буш в апреле 2003 года напал на Ирак, на Америку обрушилась беспрецедентная волна крити-

ки. Большая часть критики идет извне, но немало ее звучит и из уст самих американцев; как уже не раз бывало в американской истории, на смену самодовольству, столь типичному для конца 1990-х гг., пришло время самобичевания. США обвиняют решительно во всех грехах — начиная с нарушений международного права в обращении с военнопленными и заканчивая тем, что американцы наводнили весь мир гамбургерами². По крайней мере один критик (американец) зашел так далеко, что объявил Америку несостоявшимся государством³. Поток обвинений столь безбрежен, что можно только дивиться, как еще земля терпит на себе эту архискверную державу (*The New York Times*)⁴. Куда там вспоминать о процветании, притягивающем как магнитом миллионы людей, которые, приезжая со всего мира, готовы на что угодно, чтобы пересечь ее границы. Ответ, разумеется, не в том, что эта страна хуже других, а в том, что она просто другая. Если моя книга сможет пролить свет на природу этих различий, на их истоки, на то, как они связаны между собой и как они формируют судьбу самой Америки (и, не в последнюю очередь, всего мира), значит, она выполнила свою задачу.

² См., например: Z. Saradar and M. W. Davies, *Why Do People Hate America?* London, Icon, 2002, в особенности pp. 103—136.

³ N. Chomsky, *Failed States: The Abuse of Power and the Assault on Democracy*, New York, N.Y., Holt, 2006. [Рус. пер.: Хомский Н. Несостоятельные Штаты. Злоупотребление властью и атака на демократию. М: Столица-Принт, 2007].

⁴ S. Schemann, "The Only Superbad Power", *New York Times*, Sunday Book Review, 25.1.2004.

Глава 1.

АМЕРИКАНСКАЯ СИСТЕМА ПРАВЛЕНИЯ

В 1986—1987 гг. я преподавал в Университете национальной обороны в Вашингтоне, округ Колумбия. В конце учебного года состоялась церемония вручения дипломов, в ходе которой главный капеллан ВМФ благословил выпускников. Я никогда не забуду, как он сказал в своем обращении: США — единственная страна в истории, в которой правительство с самого начала было создано ради того, чтобы обеспечить свободу, равенство и справедливость для всех. На лужайке рядом со мной стоял один из моих студентов, подполковник сухопутных сил примерно сорока лет. Повернувшись ко мне, он спросил: «Вы верите в это?» И я без малейших колебаний ответил: «Да».

Строго говоря, не все здесь идеально — ведь человеческое общество несовершенно. Американцы со времен Томаса Джефферсона и Александра Гамильтона без конца спорят о том, как уравновесить свободу, равенство и справедливость. Более того, они расходятся не только в понимании этих идеалов, но и в вопросе о методах, используемых для реализации этих идеалов на деле. Даже среди самых пылких американских патриотов немногие станут отрицать, что в их стране идеалы свободы, равенства и справедливости не всегда воплощались на практике. Почти каждый согласится, что их часто искажали и нарушали. Особенно когда речь идет об обращении с индейцами, чернокожими и другими меньшинствами, а также, добавят некоторые, с женщинами. И в Америке, и за рубежом очень многие считают, что эти нарушения и искажения продолжаются до сих пор — возможно, добавляя, что сегодня дела обстоят почти так же плохо, как и в прошлом.

Соответственно эта глава решает четыре задачи. Во-первых, мы поближе присмотримся к смыслу, который американцы вкладывают в свои идеалы, то есть к тому, как они понимают свободу, равенство и справедливость. Во-вторых, мы

исследуем систему правления, которую американцы, и прежде всего творцы Конституции США, создали, чтобы как можно лучше увериться, что эти идеалы будут править их страной. В-третьих, мы бросим взгляд, пусть и поверхностный, на то, как система работает на практике, начав с того, как соотносятся друг с другом различные ее составляющие, рассмотрев природу политического процесса и завершив некоторыми замечаниями о том, каким образом строятся отношения правительства и управляемых. В-четвертых, мы исследуем связи между всем этим и тем, что я со всяческой осмотрительностью и за отсутствием лучшего термина назову душой Америки.

По словам многих американских авторов, из трех столпов, подпирающих американский идеал, — свобода, равенство и справедливость — важнее всего первый, то есть свобода. Ее и впрямь рассматривают как предварительное условие двух других, как корень, из которого произрастают, по словам одного автора, «честь, верность, благородство, великодушие, честность [и] скромность»¹. Этот концепт вовсе не родился в готовом виде в головах создателей американской конституции. Наоборот, к тому времени, когда они приняли его, он уже имел длинную и сложную историю.

У древних греков свободой (*eleutheria*) обладали граждане, удовлетворяющие двум условиям. Во-первых, они не должны быть ни в чьей власти или собственности — иными словами, ни несовершеннолетними, ни женщинами, ни рабами. Во-вторых, они должны сами собой управлять, а не быть подданными отечественного тирана или иностранного владетеля. Римляне в республиканский период рассматривали этот вопрос в том же ключе. У них точно так же свободными гражданами являлись те, кто не был ни несовершеннолетним, ни женщиной, ни рабом. Они точно так же, как греки, считали свободу возможной только в условиях республики, но не монархии (*regnum*). Однако в сравнении с греками они сделали шаг вперед, создав формальные гарантии от произ-

¹ S. Nash-Marshall, *What It Takes to be Free*, New York, N.Y., Crossroad, 2003, p. 27. Об истории понимания свободы в Америке см. также: E. Foner, *The Story of American Liberty*, New York, N.Y., Norton, 1998.

вольного наказания². Когда апостол Павел заявил арестовавшим его солдатам, что он римский гражданин (*civis Romanus sum*)³, он имел в виду свое право предстать перед римским судом, и у него действительно была возможность добиться реализации этого права.

В Средние века и на протяжении значительной части Нового времени идея свободы была тесно связана с классом, статусом, местом жительства и даже видом собственности, которой владел человек. Подобно тому, как термин «капрал»* первоначально применялся к солдату, освобожденному от телесных наказаний, так и определенные классы, лица, общины и владельцы недвижимости претендовали на «свободу» от определенных законов, ограничений и сборов, которые налагались на других. Иными словами, свобода была эквивалентом того, что сегодня мы назвали бы особыми правами, привилегиями: не существовало абстрактной свободы, свободы как концепта⁴. Поэтому дворяне, духовные лица, горожане, фригольдеры и т.п. обладали «свободами» разного рода — такими, например, как свободой от прикрепления к земле или свободой от конкретных налогов. К тому же очень часто вопросы о том, что именно означали эти свободы, как их следовало толковать и каковы были последствия обладания ими, должны были решаться судами разных типов.

Если в Средние века свобода, понимаемая как особые права определенных групп, была частью фундамента общественного устройства, то этого нельзя сказать о начале Нового времени. Сама суть абсолютизма состоит в уравнивании, чему лучшее свидетельство труды его величайшего апологета Томаса Гоббса. Гоббс жил в период гражданской войны, и ему, чтобы выжить, пришлось спасаться бегством. Неудивительно, что он был склонен рассматривать каждую составную часть общественной жизни почти исключительно с точки зрения ее вклада в поддержание общественного порядка. В трактате «Левиафан»

² О римской концепции свободы см.: Ch. Wirszubski, *Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and the Early Principate*, Cambridge: Cambridge University Press, 1960.

³ Деян 25.

* Английское слово латинского происхождения «капрал» (*corporal*) имеет также значение «телесный». — Прим. перев.

⁴ См.: G. Tellenbach, *Church, State and Christian Society at the Time of the Investiture Conflict*, Oxford, Blackwell, 1970, pp. 10—25.

(1651) он попытался обосновать самую сильную из возможных форм правления. При таком правлении свобода означала не более чем зазоры между законами — щели, которые оставил суверен, издавший эти законы⁵. Из сфер, где *не* допускалось господства свободы, — т.е. тех, которые Гоббс считал слишком важными, чтобы оставить их вне рамок регулирования, — первой была религия. Не все могли согласиться с таким подходом. Среди тех, кто не принял религиозного диктата английской монархии и принял на себя все последствия этого, были пуритане, которые в 1620 г. от Р.Х. на борту «Мейфлауэра» отплыли в Новый Свет.

Для тогдашней Англии гоббсово определение свободы оказалось недопустимо деспотическим и на практике и в теории — причем в чистом виде его, по-видимому, никогда не применяли. Джон Локк, писавший свои труды спустя три десятилетия после Гоббса и в прямой полемике с ним, не считал, что свобода есть то, чем обладают одни группы людей и не обладают другие, но он также не считал, что свобода есть нечто, порождаемое деятельностью или бездеятельностью государственной власти. Нет, свобода есть то, что даровано людям — всем людям — самой природой. Она представляет собой одно из фундаментальных качеств человека, которое возникло задолго до установления какой бы то ни было государственной власти и которому суждено продолжать свое существование при любой форме правления и даже в отсутствие всякого правления⁶. Для Локка свобода не является порождением государственной власти, как позднее утверждал немецкий политический мыслитель Гегель, — наоборот, сама цель государственной власти состоит именно в защите свободы от всех, кто ей угрожает, и в том числе не только от людей, но также и от самого государства. Мы не знаем, когда именно Локк написал свой «Второй трактат о правлении». Но примерно через 87 лет после его написания имен-

⁵ Th. Hobbes, *Leviathan, or the Matter, Forme and Power of a Commonwealth*, Oxford, Blackwell, 1961, p. 143. [Рус. пер.: Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. С.147.]

⁶ J. Locke, *Second Treatise on Government*, London, Ballantine, 1884 [1688?], pp. 240—244. [Рус. пер.: Локк Дж. Два трактата о правлении. // Локк Дж. Сочинения в 3 тт. Т.3. М.: Мысль, 1988. С. 274—275.]

но эта двойственная концепция свободы вошла в американскую Декларацию независимости.

Вопрос о свободе был тесно связан с идеей равенства. Изначально греческие города-государства были аристократическими, управляемыми несколькими главами семейств, возводившими это право к своим предкам-богам. Позднее положение изменилось, но, как говорилось выше, даже самый демократичный из греческих городов-государств город Афины, признавал равенство за свободными гражданами и только за ними. Свободными гражданами могли быть только взрослые мужчины. Одним из следствий этого было то, что женщины не могли участвовать в голосовании или занимать государственные должности. Кроме того, они не могли выступать в суде — их должны были представлять родственники мужского пола или наемные поверенные. В отношении равенства Риму было далеко даже до этого. Правда, со временем к старой «патрицианской» аристократии присоединилась группа так называемых новых людей плебейского происхождения и постепенно различия между ними почти исчезли. Следует сказать, что народное собрание, или *consilium plebes*, постепенно увеличивало свою власть за счет других, менее демократичных собраний, а именно комиций *curiata*, *centuriata* и *tributa**. И все же ни система правления, ни само общество, в котором она была укоренена, так и не избавились от элементов аристократической традиции, и это было прекрасно известно Джефферсону и другим творцам американской конституции⁷.

Большинство исторических государственных образований *a fortiori*** вовсе не признавали равенства. Напротив: той основой, на которой они покоились и которая придавала их правителям легитимность в глазах приверженцев, было *неравенство* — неравенство происхождения, статуса,

* *Comitia curiata* — куриатные комиции (собрания), участники которых голосовали по куриям (союзам родов); *comitia centuriata* — центуриатские комиции, участники которых голосовали по войсковым сотням; *comitia tributa* — трибутные комиции, формируемые по трибам (территориальным единицам). — Ред. Carl J. Richard, *The Founders and the Classics: Greece, Rome, and the American Enlightenment*, Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1994, p. 225.

** И подавно (лат.). — Прим. науч. ред.

собственности или образования. Практически во всех случаях правителем, опирающимся на эти различия, был мужчина (реже женщина), обладавший наследственной властью. Эти правители носили такие титулы, как вождь, лорд, князь, король, император, или их вариации. Чаще всего они или их предки добывали власть силой оружия; однако, достигнув власти, они почти всегда начинали искать способ узаконить ее и институционализировать. Для этого властитель чаще всего объявлял себя представителем бога (или богов), избранником бога или его потомком. Некоторые шли еще дальше и провозглашали богами самих себя. Они требовали поклонения и в религиозном, и в политическом смысле. Именно так обстояло дело в Древнем Египте, в Риме (начиная уже с Августа) — и, разумеется, в Японии. Таким образом, сама основа правления исключала равенство. Как правило, попытка заявить «вышестоящим» о своих притязаниях на равенство стоила человеку головы.

Первым политическим мыслителем, заявившим, что все люди равны и что никто не должен обладать особыми правами или привилегиями на основании того, что он равнее других, был опять-таки Томас Гоббс⁸. Джон Локк явно стремился опровергнуть Гоббса решительно во всем, но в этом он его поддержал. Ко второй половине XVIII века идея равенства приобрела сильных приверженцев среди просветителей, а Французская революция вскоре сделала ее наступление неудержимым. Тем не менее история распорядилась так, что во главе этого движения оказались США. Одним росчерком пера были уничтожены все дворянские титулы, всякого рода особые статусы и все вытекавшие из них привилегии. Та же судьба постигла права, вытекавшие из принадлежности к определенным корпорациям, — например, право дворянина представлять перед судом из членов его класса и право быть освобожденным от определенного рода наказаний; экономические привилегии граждан некоторых городов, а также сохранявшееся еще во второй половине XIX века установление, по которому главы колледжей британских университетов имели на парламентских выборах два голоса, а не один. Правда, существенные островки неравенства еще сохранялись в се-

⁸ Th. Hobbes, *Leviathan, or the Matter, Forme and Power of a Commonwealth*, pp. 80—81. [Рус. пер.: Гоббс Т. Указ. соч. С. 85.]

мье (об этом см. четвертую и пятую главы этой книги), с одной стороны, и в рабовладении, с другой. Однако, за упомянутыми исключениями, с этого момента по закону отдельные американцы могли обладать особыми правами, только если занимали определенную должность и лишь до тех пор, пока они ее занимали.

Но даже с учетом этих исключений американская конституция вовсе не стремилась сделать всех людей равными во всем. Такое, вероятно, создателям конституции и не приходило в голову: в конце концов, они были детьми своего времени, которое уже несколько столетий продвигалось в направлении капитализма. Если не считать расу, пол и возраст, самым важным источником неравенства, который остался незатронутым, была собственность. История знает несколько обществ, прежде всего древнюю Спарту и ранние христианские секты, которые в стремлении к равенству чуть не отменили собственность. В XIX веке даже в самих США существовали утопические сообщества, стремившиеся к уничтожению частной собственности⁹. Они, в общем и целом, не достигли существенных успехов. Большая их часть довольно быстро распалась, а остальные превратились в замкнутые социальные островки.

Создателей американской конституции, взиравших на прошлое с позиций конца XVIII века, не привлекал опыт ни христианских сект, ни Спарты, о чем говорит то, что первые они игнорировали, а последнюю открыто отвергли¹⁰. В этом, как и во многом другом, они следовали Джону Локку. В системе Локка собственность играла столь огромную роль, что даже жизнь он рассматривал как вид собственности, которая принадлежит индивиду и не может быть у него отнята без соблюдения надлежащей судебной процедуры¹¹. По словам Джона Адамса, «собственность должна быть защищена, а иначе свобода невозможна», а Александр Гамильтон сказал, что, «отказываясь от защиты собственности, мы отказываемся защищать

⁹ Общее описание этих сообществ см. в работе: A. L. Peterson, *Seeds of the Kingdom: Utopian Communities in the Americas*, Oxford, Oxford University Press, 2005.

¹⁰ См., например: John Adams, *A Defence of the Constitutions of Government of the United States of America*, New York, N. Y., Da Capo, 1971, [1787—1788], vol. I, pp. 253—258.

¹¹ Locke, *Second Treatise on Government*, pp. 234—235. [Рус. пер.: Локк Дж. Два трактата о правлении. С. 277, 320—312.]

свободу»¹². Всякий раз, как создатели конституции говорили о необходимости защитить «немногих» от «многих», они в действительности заботились о защите собственности¹³ — прежде всего своей. Некоторые, среди которых самым знаменитым был историк Чарльз Берд, утверждали, что такова и была их главная цель при создании конституции¹⁴.

Конституция сыграла большую роль в превращении США в страну больших возможностей тем, что просто-напросто гарантировала всем живущим под ее руководством право невозбранно накапливать богатство и владеть им. С другой стороны, говоря словами Карла Маркса, и богатым и бедным она даровала равную свободу ночевать под мостом. Верховный суд в своем толковании Конституции США последовательно отказывался учитывать любые различия между людьми, источником которых могло быть наличие собственности или ее отсутствие¹⁵. В этом отношении он отражает общественное мнение США: в отличие от других стран, ни народ, ни его лидеры не готовы терпеть ограничения прав собственности ради того, чтобы восторжествовало равенство¹⁶. Таким образом, в определенном смысле американская идея равенства основана на притворстве. Она делает вид, будто то, что у богача есть столько-то акров земли или долларов в банке, а у нищего нет вовсе ничего, ровно ничего не значит, кроме того, что, ну да, первый богаче второго. Как будто в реальной жизни экономическое преимущество нельзя превратить в политическую власть, а политическую власть в особые пра-

¹² Цит. по: S. Bruchey, "Social and Economic Developments After the Revolution", in J. P. Greene and J. R. Pole, eds., *The Blackwell Encyclopedia of the American Revolution*, Oxford, Blackwell, 1991, pp. 559—560.

¹³ Об этом см.: F. McDonald, *The American Presidency; An Intellectual History*, Lawrence KS, University Press of Kansas, 1994, pp. 75—78.

¹⁴ C. A. Beard, *An Economic Interpretation of the Constitution of the United States*, New York, N.Y., Macmillan, 1913.

¹⁵ H. Gillman, «Reconnecting the Modern Court to the Historical Evolution of Capitalism», in H. Gillman and C. Clayton, eds., *The Supreme Court in American Politics*, p. 248.

¹⁶ Подтверждения этому см. в: S. M. Lipset, *American Exceptionalism; A Double Edged Sword*, New York, N.Y., Norton 1996, p. 145.

ва, а особые права в экономическое преимущество и так далее в бесконечном движении по кругу, который некоторые сочли бы поистине порочным.

Наконец, нужно кое-что сказать и о том, как американцы понимают справедливость, — тем более что, как мы увидим далее, само это понимание превратилось в экспортный товар. Очевидно, корни американской системы правосудия следует искать в британской системе — такой, как она сложилась, начиная со времен позднего Средневековья¹⁷. Основные элементы системы можно приблизительно представить следующим образом. Как во всех современных политических сообществах, правосудие отправляется от лица суверена, а в США суверен — не королевская власть, как в Англии, и не государство, как в большинстве других стран, а народ. Как во всех современных политических сообществах, судопроизводство разделено на уголовное и гражданское. В отличие от Англии, в США никогда не было отдельной системы церковных судов или судов по делам о завещаниях и наследствах, отвечающих за проведение в жизнь церковного и семейного права.

В Англии «Славная революция» 1688 г. положила конец старой системе особых судов, разбирающих дела государственной важности. Но колоний это не коснулось. На протяжении всего XVIII века английское правительство неоднократно пыталось восстановить эти суды именно для колоний, что порождало недовольство, сыгравшее ключевую роль в последовательности событий, приведших к Американской революции. Поэтому, как только возникли Соединенные Штаты Америки, эти суды сразу были уничтожены. Это решение означало, что отныне все судебные слушания стали открытыми. Оно означало также, что подсудимые теперь могли пользоваться целым арсеналом законных прав, разработанных для защиты их от недобросовестных процедур и произвольных наказаний. Права подсудимых ограждало и то, что решение о виновности принимало жюри присяжных, составленное из обычных мужчин (женщин допустили к участию в жюри только в 1920 г., после принятия Девятнадцатой поправки к Конституции) под председательством профессионального судьи.

¹⁷ Краткий обзор колониальной системы правосудия см. в: L. M. Friedman, *A History of American Law*, New York, N. Y., Simon & Schuster, 1973, pp. 17–104.

Основной деятельностью судов является закон. В Великобритании с 1688 года, а в США с самого их основания предполагается, что закон един для всех. В 1990-х гг. этот принцип довели до того, что стало возможным подать в суд на действующего президента — что и сделала молодая женщина из Арканзаса, утверждавшая, что он много лет назад домогался ее; другие страны если и пришли к подобному равенству, то намного позже. На своей новой родине колонисты первоначально применяли английское общее право (*common law*); которое, как следует из названия, было разработано для рассмотрения тяжб простых людей (*commoners*). Но стоило поселенцам обосноваться на новом месте, как они тут же начали вводить в систему правовых норм великое множество весьма интересных изменений. Отчасти причиной тому была их пуританская идеология: в конце концов, пуритане потому и оставили Англию, что хотели жить по закону Божию. Отчасти дело было в новых обстоятельствах, и здесь не последнюю роль сыграло наличие многочисленных рабов. Зато юный американский закон в точности следовал своему английскому родителю, наделив жюри присяжных и председательствующих в них судей существенными полномочиями в толковании закона: они даже могли создавать правовые нормы путем установления прецедентов. В этом отношении США резко отличаются от большинства других стран Запада, правовые системы которых в конечном счете опираются на римское право.

Самой самобытной чертой американского законодательства по сравнению с английским правом стало принятие писаной конституции — первой писаной конституции в мировой истории, во многом ставшей образцом для всех остальных. Такого рода инструмента не было ни в государствах начала Нового времени, ни в средневековых монархиях, ни в империях, подобных инкской, китайской или вавилонской (хотя многим правителям приходилось для восхождения на трон подписывать так называемые капитуляции, в которых они обещали уважать законы). Поразительнее всего, пожалуй, то, что писаной конституции не имело большинство античных городов-государств. Греки полагали, что их *ноμοί*, или законы, произошли от богов или, как в Спарте, от полумифического основателя. Правда, у римлян были законы Двенадцати таблиц. В 451 г. до н. э., через три столетия после основания города, эти законы были вырезаны на 12 медных досках и размещены на форуме,

где всякий мог прочесть их. Затея, однако, оказалась не слишком удачной, потому что таблицы часто портили и даже уничтожали — как минимум однажды.

Конституция США сумела избежать подобной судьбы, потому что она была напечатана — любопытный пример способности и готовности американцев использовать для достижения своих целей самые совершенные из имеющихся технических средств. Она появилась примерно через два столетия после того, как началось заселение новой страны, и через много лет после того, как каждая из изначальных 13 колоний создала для себя действующую правовую систему. Тем не менее, когда конституция была ратифицирована и обрела силу, она стала тем эталоном, на основе которого измерялись, взвешивались, принимались или отвергались все другие законы. И опять-таки суды являются теми инструментами, с помощью которых этот процесс оценки осуществляется изо дня в день в каждом судебном процессе.

Понятно, что американские идеи о природе свободы, равенства и справедливости, как и любые другие идеи, не являются полностью оригинальными. Даже истоки конституции могут быть обнаружены в идее «общественного договора», которая была столь дорога Гоббсу и другим политическим мыслителям XVII века. Надо полагать, Гоббс первым признал бы, что изначальный общественный договор, о котором он писал, скорее всего был вымыслом. Но при этом он смог бы указать ряд документов, подписанных в его время, и в том числе прежде всего Мейфлауэрский договор*, принятый отцами-пилигримами во время путешествия, чтобы гарантировать их совместное пребывание после того, как они достигнут цели. Родословная большинства других ключевых для Америки идей уходит корнями в еще более давнее время. Некоторые из них, особенно те, что связаны с методами осуществления правосудия,

* Соглашение о создании «гражданской политической организации» для поддержания порядка и безопасности, «принятия справедливых и обеспечивающих равноправие законов», заключенное 21 ноября 1620 года пассажирами «Мейфлауэра». «Отцы-пилигримы», высадившись на никем не управляемой территории и опасаясь раскола, первыми из английских колонистов выдвинули идею *суверенного народа*. На основе этого соглашения управлялась Плимутская колония. — *Прим. перев.*

пришли из Средних веков, а другие восходят даже к античной Греции. Отцы-основатели США были погружены в историю человечества, и прежде всего в историю Греции и Рима (высшей похвалой, которую каждый из них мог высказать в чей-нибудь адрес, было признание человека «безупречным римлянином»). Зачастую получив образование в сфере английского права, они к тому же превосходно знали, каким именно прецедентам следуют. При этом они не без гордости осознавали то, что им предстоит создать из массы разнородных элементов нечто совершенно новое — *novus ordo seclorum*^{*}, как гласит одна из надписей на Большой печати Соединенных Штатов. Однако идеи, не закрепленные в институтах, всего лишь миражи. В следующем разделе мы предпримем краткий очерк созданной американцами институциональной конструкции.

Как же защитить и сохранить свободу, равенство и справедливость (разумеется, речь о свободе, равенстве и справедливости в американском понимании)? Начнем с того, до чего мы уже добрались, — с важнейшего из инструментов, с собственно конституции. Конституция — писанный документ. Одна из ее задач — некоторые назвали эту задачу самой главной — состояла в том, чтобы с предельной точностью в 7810 словах зафиксировать все то, чего правительство *не должно* делать. Во избежание какого-либо недоразумения конституция ясно заявляет, что гражданам позволено делать все, чего она не запрещает. Таким образом она разом и определяет самую фундаментальную из американских ценностей, свободу, и гарантирует эту ценность.

Если видеть в конституции инструмент защиты свободы, то ее важнейшей частью является Билль о правах. Как следует из названия, составители конституции (среди которых важнейшую роль играл Джеймс Мэдисон) вначале не намеревались включать в нее Билль о правах. Они видели дело так, что задача конституции — «конституировать» правительство, то есть определить его структуру, функции и прочее, и спустя несколько лет лидеры Французской революции использовали слово

* Новый порядок на века (лат.), перифраза из Вергилия: *Seclo-rum novus nascitur ordo* — «рождается новый порядок веков». — Прим. перев.

«конституция» именно в этом смысле. В конце концов представители 13 штатов, собравшиеся в Филадельфии, согласились принять документ, предложенный Мэдисоном. Но сделали они это на том условии, что вместе с ней будут приняты и десять поправок, которые и составляют Билль о правах. В итоге в Конституцию США вошел ряд статей, определяющих, чего правительство не должно делать никогда, ни под каким предлогом и ни при каких обстоятельствах. Далее в этой главе будет дано несколько комментариев о том, как система работает на практике. А пока я хочу сказать, что у тех, кто приезжает в Америку из других стран, даже демократических, в которых нет ни конституции, ни Билля о правах, есть веские основания в этом отношении позавидовать американцам.

В 1776 году, да и во всей истории, преобладающей формой правления была монархия в ее бесчисленных формах. Однако США самым своим существованием обязаны восстанию против британской короны — в конце концов, разве в Декларации независимости Томас Джефферсон не перечислил все «преступления», совершенные Георгом III? К тому же, о чем и поныне свидетельствуют буквы «D.G.» (*Dei Gratia**), чеканящиеся на каждой британской монетке, монархия всегда и везде была тесно связана с религией, а недвусмысленно выраженным намерением создателей конституции было учреждение системы правления, которая была бы совершенно *независима* от религии в какой бы то ни было форме¹⁸. Следовательно, раз монархия исключалась, новой стране либо предстояло стать республикой, либо так и остаться невоплощенной мечтой. Но это сразу повлекло за собой два принципиальных осложнения. Во-первых, немногие исторические прецеденты, и прежде всего Древний Рим, указывали на то, что при определенных обстоятельствах республика может превратиться в тиранию. Во-вторых, собравшиеся в Филадельфии политики были представителями отдельных колоний, то есть штатов. Они не были бы людьми (т.е. были бы чем-то большим или чем-то меньшим, нежели обычные представители рода человеческого), если бы одобрили установление сильной власти над самими собой.

* Милостью Божией (*лат.*). — *Ред.*

¹⁸ Из новейших работ, посвященных этой теме, см.: S. Jacoby, *Free thinkers; A History of American Secularism*, New York, N.Y., Metropolitan, 2004, pp. 13—65.

Первая Конституция США, известная как «Статьи Конфедерации» (*Articles of Confederation*), стремилась обойти эти проблемы, исключив создание сильной центральной власти. Но вскоре оказалось, что эта конструкция неработоспособна, потому что штаты конфликтовали друг с другом, пытались ввести недружественные таможенные тарифы и даже грозили друг другу войной. Окончательным доводом в пользу централизации стало восстание Шейса 1786—1787 гг. на западе Массачусетса, представлявшее собой попытку бедноты добиться долговой амнистии¹⁹. Восстание было легко подавлено, но прежде законодателям штата пришлось спастись бегством. Понятно, что в стране, где большинство населения владеет оружием, где полно всевозможных официальных и неофициальных добровольных вооруженных формирований, созданных для поддержания порядка и борьбы с индейцами, было неизбежно создание сильной исполнительной власти, располагающей надежными вооруженными силами. По иронии истории, ключевую роль в создании вооруженных сил США сыграл Томас Джефферсон, большой противник централизованного правительства, который в свою бытность третьим президентом США открыл военную академию в Уэст-Пойнте²⁰.

По меньшей мере со времен фараонов известно, что сильная централизованная власть всегда подразумевает единоличного правителя. Творцы конституции, несмотря на то что они были убежденными республиканцами, признали (пусть нехотя) потребность в таком правителе, но в их умах большое место занимала проблема «обуздания» такого правителя²¹. Первым шагом стало признание принципа, что предназначение президента, как и всех других должностных лиц государства, состоит в служении народу и что народ может сместить их, если пожелает. Вторым шагом стало создание системы выборов как практического средства для воплощения первого принципа. При сравнении США с другими демократиями наиболее

¹⁹ Об этом эпизоде см.: D. Szatmary, *Shay's Rebellion; The Making of an Agrarian Insurrections*, Amherst, University of Massachusetts Press, 1980.

²⁰ См.: S. E. Ambrose, *Duty, Honor, Country: A History of West Point*, Baltimore Md., Johns Hopkins Press, 1960, pp. 19—23.

²¹ H. C. Mansfield, Jr., *The Taming of the Prince; The Ambivalence of Modern Executive Power*, New York, N.Y., Free Press, 1989, pp. 181—278.

явное различие состоит в частоте выборов и в числе должностных лиц, которые получают свои посты посредством выборов, а не назначения. От президента до окружного коронера лишь немногие посты рассматриваются как слишком высокие или слишком низкие, чтобы назначать на них, а не избирать.

Все законодатели избираются, и выборы организованы так, чтобы затруднить создание политических клик. Выборными также являются всевозможные чиновники, а также многие начальники полиции (шерифы), прокуроры округов и штатов. Должности в скромных школьных советах и районных санитарных инспекциях заполняются посредством выборов, точно так же, как августейшее собрание — Сенат США. Во многих штатах выбирают даже судей, некоторых или всех. Поскольку с каждым десятилетием число выборных должностей росло, в 1990-х гг. таковых было уже более полумиллиона, то есть примерно по одному избираемому лицу на пятьсот взрослых жителей. Американцы привыкли к избирательным бюллетеням длиной в несколько футов, с перечислением сотен лиц, претендующих на дюжину различных должностей. В некоторых случаях говорить о «привычке» не приходится, потому что выбор может оказаться действительно сложной задачей.

Для дополнительного усиления народовластия в некоторых штатах существует система отзыва должностных лиц. Если собрать достаточно подписей, то можно провести референдум и досрочно лишить полномочий то или иное официальное лицо; в 2002 году жертвой такого референдума стал губернатор Калифорнии Грей Дэвис. Некоторые штаты используют референдумы не только для отзыва должностных лиц, но и для введения или уменьшения налогов на недвижимость, для выпуска облигаций с целью финансирования расходов по строительству дорог, мостов и т.д. Другие штаты наделяют граждан правом законодательной инициативы, для чего требуется собрать достаточное количество подписей, передать предложения своим законодательным собраниям, а те обязаны вынести по ним решение. Система, естественно, не лишена недостатков. Тем не менее она объясняет, почему по части демократии Америка занимает особое положение (если не считать Швейцарии). При этом население Швейцарии составляет всего 7,5 млн человек, а в США жителей почти в сорок раз больше. Со времен древних Афин, где все граждане (совершеннолетние мужчины) представляли собой парламент и ежегодно

избирали сотни должностных лиц, ни одно общество не продвинуло демократизацию столь далеко.

¹ Многие ученые пытались объяснить силу и живучесть американской демократии. Сначала главным фактором сочли эгалитарное и антиавторитарное наследие Просвещения. Затем внимание привлекло отсутствие у большинства колоний «естественного» правящего класса. За рядом мелких исключений, феодализм в Новом Свете так и не прижился. Правда, многие колонии первоначально находились в частной собственности. Но продлилось это недолго. Некоторые из первоначальных владельцев просто бросили свои имения и вернулись в Европу. Другие пытались держаться за привилегии, изначально дарованные им королевской грамотой, превратились в помеху для всех и были изгнаны тем или иным способом. К 1752 году даже последняя частная колония, Джорджия, избавилась от своих изначальных владельцев, семейства Оглторп. Правда, начиная с Джорджа Вашингтона некоторые виргинские плантаторы стремились подражать британским аристократам. Это проявлялось во всем — в их одежде, манерах, в названиях, которые они давали своим загородным резиденциям, и все же в конце концов у них ничего не вышло.

Нет сомнений, что третьим фактором укрепления демократии стали традиции западного фронта. До 1890 года каждый, кому не по душе была власть там, где он родился, мог двинуться на запад. А кто мог считаться благородным господином в этой огромной стране, где Джон воевал с индейцами, а Мэри крутила свою прялку? Наконец, четвертым фактором оказалась практически не прекращавшаяся массовая иммиграция. Не всем американцам нравились иммигранты — далеко не всем. В истории США было множество попыток ограничить приток иммигрантов, а если это было невозможно, то как можно быстрее и в максимально возможной степени сделать их «настоящими американцами». Но, если не считать сравнительно непродолжительного периода 1924—1965 гг., в целом США охотно принимали новых людей. Что до демократии, результатом иммиграции был постоянный приток «свежей крови», что мешало возникновению «естественного» правящего класса и его укреплению во власти.

Но, каковы бы ни были причины, демократия в Америке всегда считалась несомненным благом, в чем американцы расходились с Черчиллем, полушутливо заявившим однажды, что

это «наихудшая форма правления, если не считать всех остальных». Вопрос о том, нужны ли выборы, не ставился никогда со времен первых пуританских поселений. Обсуждалось только то, кто может быть избранным (и должны ли избранные получать жалованье, на что почти с самого начала был дан утвердительный ответ), кто может участвовать в выборах, на какие должности, на какой срок, сколько может быть сроков, какими полномочиями следует наделить избранных, и т.д. Это не значит, что в Америке не было своих снобов. Преемник Вашингтона, президент Джон Адамс, любил потолковать о «человеческой черни» [«common herd of mankind»]. В частных беседах и сам Вашингтон прибегал к подобным выражениям. Но подобное высказывание, сделанное публично, и прежде и теперь равносильно отказу от всяких претензий на политическое влияние.

На втором месте после народных выборов стоит знаменитая система сдержек и противовесов. Она не является оригинальной: прецеденты такого рода были установлены в республиканском Риме, где существовали даже особые должностные лица — трибуны, наделенные правом отменять решения консулов. Другими предтечами этой системы были многие средневековые города с их разнообразными советами, органами и должностными лицами. Кстати, если говорить о демократии, то идея представительства пришла из Средних веков, а не из античного мира. Не будь этой идеи, такое обширное государство, как США, так и не стало бы демократией, не говоря уже о долговременном сохранении демократического режима. Однако создатели конституции были склонны рассматривать Средневековье как рассадник предрассудков, невежества и «феодализма»²². Поэтому для них в этом вопросе главным авторитетом был Шарль-Луи де Монтескье, автор трактата «О духе законов» (1750)²³. Идея Монтескье заключалась в разделении государственной власти между тремя независимыми ветвями, а именно между властью исполнительной, законодательной и судебной. Он был большим поклонником английской системы правления, а потому предложил разделить законодательное собрание на верхнюю и нижнюю палаты.

²² Н. М. Mumford, *Revolution and Romanticism*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1974, pp. 121—123.

²³ См. о нем: L. Althusser, *Montesquieu, la politique et l'histoire*, Paris, Presses Universitaires, 1959, p. 115.

То, как именно работает система сдержек и противовесов, многократно описано, что позволяет ограничиться самым кратким очерком²⁴. Сам факт, что законодательное собрание разделено на две палаты, из которых одна представляет народ, а другая — штаты, означает, что они взаимно контролируют и сдерживают, а зачастую и просто нейтрализуют друг друга. В добавление к исключительному праву Конгресса контролировать государственную казну, он еще должен одобрять все международные договоры и таким образом оказывает сильное давление на президента и всю исполнительную власть, которую тот возглавляет. Президент может наложить вето на законопроект, но его вето может быть преодолено двумя третями голосов Конгресса. Президент также назначает членов Верховного суда, но предложенные им кандидатуры должен одобрить Сенат. То же самое относится к министрам кабинета, послам и еще целому ряду высших должностных лиц. У судов есть право проверять законы, принимаемые Конгрессом (и *a fortiori** законодателями штатов), на предмет их конституционности. Конгресс может, если пожелает, двумя третями голосов подвергнуть президента импичменту. Таким образом, каждая часть системы связана со всеми остальными, сдерживает их и контролирует. Если бы задачу конструирования столь обширной и сложной машины доверили инженеру, он бы не смог справиться лучше.

Вдобавок к этому, подобно сдержкам и противовесам, разработанным для того, чтобы не дать правительству выйти за пределы своих полномочий за счет народа, федерализм точно так же мешает ему увеличить свои полномочия за счет штатов, что еще больше усложняет систему. В отличие от прочих элементов системы, это был первый в истории пример такого рода. Правда, две тысячи лет назад греческие города-государства объединялись в союзы²⁵. При этом некоторые союзы, такие как Афинский (Делосский) морской союз, Пелопоннесский союз и Беотийский союз в действительности означали, что

²⁴ Краткое описание см. в работе: L. Fisher, *The Politics of Shared Power*, Washington D.C., Congressional Power Press, 1981, особенно pp. 179—196.

* Тем более (*лат.*). — *Ред.*

²⁵ См.: V. Ehrenberg, *The Greek State*, New York, N.Y., Norton, 1960, pp. 103—134.

один город сумел подчинить своей власти другие, что превратило эти союзы в примеры того, чего следует избегать. Другие союзы, такие как Ахейский и Амфикионийский, походили скорее на рыхлые многосторонние альянсы, чем на настоящую федерацию. В этих союзах отсутствовала центральная власть, имеющая достаточную силу и полномочия, чтобы применять принуждение к союзным государствам. То же самое относится к ближайшему современному примеру, к Швейцарии. В 1776 году она была всего лишь конфедерацией кантонов. В более или менее унитарное государство она превратилась только в 1846 году, так что ни она, ни Древняя Греция не могли служить образцом для творцов американского федерализма²⁶.

Как и в случае Австралии²⁷, одним из главных факторов, подталкивавших США к федерализму, были размеры страны. Сухопутный транспорт был очень медленным и крайне дорогим. Обычная скорость дилижансов составляла всего четыре мили в час; легко вообразить, сколько времени занимало путешествие из Бостона в Чарльстон. Эта трудность и обусловила то, что первые поселенцы селились на приморских территориях, а оттуда по рекам проникали в глубь страны. Столкнувшись с вавилонским смешением разных народов, обстоятельств и климатических особенностей, каждая колония создавала собственное правительство, не задумываясь об остальных. Когда разразилась американская революция, за некоторыми из этих правительств уже стояла полутораветковая история. К тому же у них сложилась столь давняя традиция взаимных раздоров, что Джеймс Мэдисон одно время опасался, что обретенное единство «едва ли переживет теперешнюю войну»²⁸. Неудивительно, что многие из штатов не собирались передавать свои полномочия новому федеральному правительству. Результатом стала Десятая поправка, которая четко и лаконично сформулировала: «Полномочия, не делегированные Соединенным Штатам настоящей Конституцией и не запрещенные ею для отдельных штатов, сохраняются соответственно за штатами либо за народом».

²⁶ Carl J. Richard, *The Founders and the Classics*, pp. 104—113.

²⁷ См.: G. Blainey, *The Tyranny of Distance: How Distance Shaped Australian History*, London, McMillan, 1982.

²⁸ Цит. по D. Boorstin, *The Americans: The National Experience*, New York, N.Y., Vintage, 1965, p. 405. [Рус. пер.: Бурстин Д. *Американцы: национальный опыт*. М.: Прогресс, 1993. С. 510.]

С самого начала истории во главе большинства политических систем стоял единоличный правитель, чья власть передавалась по наследству. Если он был сильным, получалось королевство или империя. Если он был слабым, результатом оказывался феодализм, потому что его изначальные прерогативы попадали в руки нижестоящих, которые, передавая свое положение по наследству, превращались в независимую аристократию²⁹. Демократические государства встречались нечасто и были невелики. Население Афин никогда не превышало четверти миллиона человек, из которых полноправными гражданами были не более сорока тысяч; памятуя об участии Рима, сам Монтескье сомневался в том, что большая по размерам демократическая республика может быть реализована на практике или обладать долговечностью. Такие известнейшие авторы конца XVIII века, как мадам де Сталь и Бенджамен Констан, соглашались с ним и были уверены, что американский эксперимент окончится провалом. Известный французский реакционер Жозеф де Местр ставил «тысячу против одного», что эти варвары по ту сторону Атлантики не смогут даже построить столицу на том топком месте, которое они, как водится, выбрали для этой цели³⁰. Спустя два столетия можно констатировать, что скептики посрамлены, а система вовсе не пошла ко дну, а продолжает работать в самой большой и в некотором смысле самой прогрессивной державе из всех известных истории. Как же развивалась эта система, и как она действует на практике?

* * *

Прежде всего, *in re** демократии. Исключая отчасти Швейцарию (которая к тому же начиная с позднего Средневековья постепенно становилась не более, а менее демократической), в 1776 году Соединенные Штаты Америки были первым демократическим государством за почти две тысячи лет. С тех пор они проявляли тенденцию к тому, чтобы во многих

²⁹ См. об этом: M. Weber, *Economy and Society; an Outline of Interpretative Sociology* (G. Roth and C. Wittich, eds., New York: Bedminster, 1968) vol. iii chapter 12; а также O. Hintze, *Staat und Verfassung: Gesammelte Abhandlungen zur Allgemeinen Verfassungsgeschichte*, Goettingen: Vanderhoek, 1961, vol. I pp. 84—119.

³⁰ J. de Maistre, *Considerations on France*, Cambridge, Cambridge University Press, 1994, pp. 29—33.

* Относительно, по поводу (лат.). — Прим. перев.

отношениях становиться еще *более* демократичными³¹. Джон Локк, чей вклад в американскую систему правления невозможно переоценить, так и не объяснил, как именно обеспечить правление на основе согласия. Если бы ему пришлось отвечать на этот вопрос, возможно, он высказался бы в пользу собрания представителей, избранных на основе ограниченного имущественным цензом права голоса, что похоже на систему, существовавшую в его время в Англии³².

В колониальный период все штаты, за исключением Род-Айленда, ограничивали право голоса. Исключались те, кто не имел собственности, и/или те, кто исповедовал ненадлежащую религию. В большинстве случаев это приводило к тому, что доля имеющих право голоса среди взрослых мужчин составляла от 50% на Юге до 75% на Севере. После победы революции и завоевания независимости некоторые из этих ограничений сохранились. Но вскоре они стали оспариваться теми, кто был лишен права голоса. В Америке XIX века, как и в других странах, далеко не все одобряли происходящее. По мнению знаменитого нью-йоркского консерватора Джеймса Кента (1783—1847), «принцип всеобщего избирательного права, который сегодня идет триумфальным маршем от Мэна до Луизианы, являет собой грозную силу, которая... может иметь громадные последствия, как бедственные, так и благие»³³. От подобного рода опасений просто отмахнулись. В президентство Эндрю Джексона (1829—1837) были отменены последние ограничения на право совершеннолетних белых мужчин выбирать и быть избранными на общественную должность. С женщинами и неграми все оказалось немного сложнее. Первым пришлось ждать до 1920 года, а вторым до 1960-х гг., прежде чем были наконец отменены последние законодательные ограничения, мешавшие их участию в общественной жизни. В 1971 году процесс демократизации был завершен — Двадцать шестая поправка понизила возрастной ценз с 21 года до 18 лет.

³¹ G. P. Fletcher, *Our Secret Constitution; How Lincoln Redefined Democracy*, New York, N.Y., Oxford University Press, 2001, особенно pp. 52—56, 190—193, 195.

³² См.: J. W. Gough, *John Locke's Political Philosophy*, Oxford, Clarendon, 1973, pp. 76—77.

³³ Цит. по: P. N. Carroll and W.D. Noble, *The Free and the Unfree: A New History of the United States*, New York, N.Y., Penguin, 1985, p. 197.

Время от времени раздаются требования о дальнейшем снижении возрастного ценза. Но, по-видимому, отсутствует политическая воля к этому шагу, поскольку непонятно, какая партия или группа сможет от этого выиграть.

Уже в 1830-е гг. в некоторых штатах установилась практика всеобщих выборов сенаторов, которых прежде посылали в Вашингтон законодательные собрания штатов. Соответствующие изменения были завершены в 1910 году, когда поправка к конституции сделала эту процедуру обязательной для всех штатов. Но этим дело не кончилось; начало XX века стало еще и временем, когда некоторые штаты, прежде выдвигавшие кандидатов на выборы на партийных съездах [caucuses] в пресловутых «прокуренных комнатах», начали экспериментировать с предварительными выборами, праймериз. В 1960-х гг. система, дающая гражданам возможность принять участие в голосовании по поводу того, за кого они будут голосовать потом, стала обязательной, а одним из результатов стало начало конца почти полного доминирования истеблишмента, состоящего из «белых англосаксов-протестантов» (WASP), в высших эшелонах власти. Наконец, в 1964 году был введен принцип гражданского участия [citizens' participation]. Позднее такого участия стали требовать бесчисленные правительственные программы на всех уровнях власти. Гражданское участие — по крайней мере на бумаге, а отчасти и на практике — создает формальные каналы коммуникации между простыми гражданами и властями путем распространения информации, проведения консультаций, предоставления возможностей для контроля, оспаривания решений в суде и т.п.

Все это создало атмосферу, в которой одна из худших характеристик, которую можно дать тому или иному должностному лицу любого уровня (отчасти за исключением судей), — что он или она не избирается народом на свой пост. В свою очередь, такие должностные лица видят в этом собственную ущербность и пытаются оправдываться. Возьмем пример Алана Гринспена. Будучи председателем совета управляющих Федеральной резервной системы, Гринспен был одним из самых влиятельных и уважаемых деятелей не только в США, но и во всем мире, но при всем этом на свой пост он был не избран, а назначен. Чтобы избавиться от этого пятна, Гринспен счел нужным объяснить, что на нем лежит двойная ответственность: во-первых, перед Конгрессом, который назначил его на этот пост, а во-вторых,

перед народом Америки, который видит в нем того, кто отвечает за народное процветание и судит о нем по результатам его деятельности³⁴. В современной Америке демократическая традиция столь сильна, что даже Национал-социалистическая (нацистская) партия Америки не рискует подвергнуть сомнению «право голоса в вопросах законодательства и формирования правительства государства»³⁵. Напротив: если верить ее программным документам, эта партия стремится всего-навсего лишить права голоса всех тех, кто в силу расы, взглядов или убеждений не является «хорошим американцем».

Система сдержек и противовесов в целом тоже оказалась успешной. Нужно признать, что американской истории знакомы весьма значительные сдвиги в соотношении сил трех ветвей власти. Например, президента Джексона, чье имя известно по выражению «Джексоновская демократия», прозвали «король Эндрю». После того, как откололся Юг, президент Линкольн вел Гражданскую войну почти как диктатор, отменив гражданские свободы и закрывая газеты направо и налево. Однако после 1865 года Конгресс заиграл мускулами и, начав процесс по отстранению от должности президента Эндрю Джонсона, воспрянул духом. В последующие два десятилетия, когда в Белом доме сменялись слабые президенты, не имевшие поддержки большинства избирателей, Конгресс подмял под себя исполнительную власть и нередко действовал так, будто президент жил не в Белом доме, а на другой планете. По словам сенатора Джорджа Хора (республиканец, Коннектикут, 1877—1904), если бы Белый дом попросил его и его коллег проголосовать за или против какого-либо законопроекта, они восприняли бы это как «личное оскорбление»³⁶. Подававший надежды политолог по имени Вудро Вильсон назвал Конгресс «преобладающей и руководящей силой, центром и источником всех действий и всей регулятивной власти»³⁷. Это было

³⁴ A. Greenspan, "Transparency in Monetary Policy", 11.10.2001 (<http://www.federalreserve.gov/boarddocs/speeches/2001/20011011/default.htm>).

³⁵ "The 25 Points of the National Socialist Party of America" (www.nsm88.com/25points/25points.html).

³⁶ Цит. по: D. White, *The Republican Era, 1869—1901; A Study in Administrative History*, New York, McMillan, 1958, p. 214.

³⁷ W. Wilson, *Congressional Government: A Study in American Politics*, Gloucester, Smith, 1973 [1885], p. 31.

написано в 1885 году. Как часто и бывает, когда почти все начинают держаться одного и того же мнения, оно тут же оказывается неверным.

Укреплять президентскую власть начал Гровер Кливленд, первый демократ в Белом доме после Гражданской войны. Преодолевая сопротивление республиканского Конгресса, он за два срока президентства (1885—1889, 1893—1897) 584 раза использовал право накладывать вето на законопроекты — больше, чем все его предшественники, вместе взятые. Тем не менее он не был смещен с поста президента — весьма красноречивый факт. Завоевав репутацию «до безобразия честного» — и это тоже красноречивый факт, — он положил конец практике посылать на утверждение в Сенат все назначения и отставки государственных служащих, а позднее законность новой процедуры утвердил Верховный суд. Далее, в период президентства Бенджамина Гаррисона (1889—1893), Верховный суд вынес по делу *Пи Нигл* решение, постановив, что президент не ограничивается выполнением решений Конгресса. Напротив, суд признал за президентом власть добиваться соблюдения «прав, обязанностей и обязательств, вытекающих из самой конституции, из наших международных обязательств и требований, соответствующих природе правления в рамках конституции». В последующие десятилетия это решение, в свое время оставшееся почти незамеченным, использовалось для оправдания действий администрации.

К 1900 году дошло до того, что президент Мак-Кинли смог послать пятитысячный отряд на подавление боксерского восстания в Китае, даже не поставив Конгресс в известность. При Теодоре Рузвельте (по прозвищу «Теодор-Рекс»*) президентская власть продолжала усиливаться. Рузвельт, про которого порой говорили, что он по уровню развития примерно равен шестилетнему ребенку, использовал весьма оригинальные методы для достижения желаемого. Однажды он отправил «Великий белый флот» ВМФ США в кругосветное плавание, не запросив у Конгресса необходимые средства, а потом объявил, что если конгрессмены хотят, чтобы флот вернулся, им лучше бы не скупиться. Позднее, чтобы обойти право Кон-

* *T-Rex* — общепринятая аббревиатура названия тираннозавра, гигантского хищного динозавра; *rex* — король (лат.). — Прим. перев.

гресса утверждать все международные договоры, он изобрел «исполнительное соглашение», а в свое оправдание заявил, что до этого сам факт того, что соглашение заключено президентом, зачастую служил причиной отказа Сената в его ратификации. Расширение президентских полномочий продолжилось в правление президентов Тафта и Вильсона. Но в последние несколько месяцев президентства последнего тенденция сменилась на обратную, потому что Вильсон был настолько болен, что не мог исполнять свои полномочия.

Но это еще не конец истории. В 1920-е гг. президенты, как правило, предпочитали занимать позицию невмешательства. Они видели свою задачу не в расширении федеральной власти, а в возвращении к «норме», в демонтаже средств управления военного времени, так что это десятилетие прошло без крупных схваток между президентами и законодателями. Первого из них, Уоррена Гардинга, так снедали личные проблемы (в том числе связанные с женщинами и деньгами), что он умер в середине срока. Его преемник, Калвин Кулидж, превратил бездеятельность в высокое искусство. Известно его знаменитое высказывание, которое он повторял во множестве вариаций: дело Америки — заниматься бизнесом*, а правительству следует лишь время от времени подталкивать ее в тех случаях, когда поезду грозит опасность сойти с рельсов. Нет ничего удивительного в его словах, что, хотя «Конгресс порой бывал настоящей головной болью для президентов, в моем случае ничего подобного не было. Я никогда не считал своим долгом давить на сенаторов или конгрессменов или прибегать к каким-либо ответным мерам. Конгресс, пожалуй, не всегда шел мне навстречу, но он редко делал то, что я считал неправильным»³⁸. Так было, пока Великая депрессия не привела в Белый дом Франклина Делано Рузвельта. Затеяв политику Нового курса, вызвавшую бурные протесты республиканцев, Рузвельт возобновил войну с законодателями.

Вторая мировая война, по-видимому, способствовала сплочению американского народа больше, чем любой из предшествовавших вооруженных конфликтов. Война, а также последовавший за ней период экономического процветания,

* Игра слов: "America's business is business". — *Ред.*

³⁸ *The Autobiography of Calvin Coolidge*, Honolulu HW, University Press of the Pacific, 2004 [1929], pp. 222, 232, 240.

создали атмосферу национального согласия, что навело некоторых ученых на мысль о «конце идеологии»³⁹. Война 1941—1945 гг., подобно большинству других войн, усилила позиции исполнительной власти, и эта тенденция сохранилась и после наступления мира. Пик был достигнут в 1964—1972 гг. Воспользовавшись в качестве предлога нападением на американский военный корабль (какового нападения, возможно, на самом деле и не было), президент Линдон Джонсон смог обойти исключительное право Конгресса на объявление войны и начал необъявленную войну во Вьетнаме. Затем Ричард Никсон создал «имперское президентство». Ни до, ни после него Белый дом не видывал такого числа служащих⁴⁰, включая одетый в черное мотоциклетный эскорт в качестве символа мощи. Два следующих президента были куда скромнее: Джеральд Форд — из-за наследия Уотергейта, из-за того, что он не был избран и из-за склонности попадать в неловкие ситуации, что превратило его едва ли не в посмешище, а Джимми Картер — потому что ради популярности намеренно позиционировал себя как безобидного и свойского президента в джинсах. Но и это длилось не вечно. К концу 1970-х гг. американцы явно устали от президентов, которые, казалось, ковыляли от одного наваливающегося кризиса к другому. Воспользовавшись своим обаянием и ораторским мастерством, а также изменением законодательства, Рональд Рейган в свой первый срок в значительной степени восстановил престиж президентской власти.

Затем случилась беда. В конце 1986 года обнаружилось, что администрация в нарушение запрета Конгресса продавала оружие Ирану, а деньги использовала для поддержки никарагуанских повстанцев. Провели два независимых расследования. Рейгану удалось выпутаться благодаря самоотверженности ряда своих помощников, которые буквально прикрыли его своими телами. Но авторитет его рухнул, и, пожалуй, его спасло от импичмента лишь нежелание Конгресса снова ввязываться

³⁹ См. об этом: D. Bell, *The End of Ideology; On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties*, New York, N.Y., Collier, 1961.

⁴⁰ Подробнее об этом см. в работе: K. M. Hult and C. E. Walcott, *Empowering the White House: Governance under Nixon, Ford, and Carter*, Lawrence, KS, University Press of Kansas, 2004, p. 166.

ся в политическую смуту, когда еще не изгладилась память об Уотергейтском скандале. Другой причиной ослабления позиций Рейгана могло быть то, что 75-летний президент уже начал страдать от болезни Альцгеймера, которая позднее сделала его совершенно недееспособным⁴¹. Некоторые наблюдатели доказывали, что после каждого такого цикла президентство становилось сильнее, чем прежде⁴². Однако все не так просто. В частности, создание в 1974 году Управления следователя по особо важным делам (*Office of a Special Prosecutor*) породило совершенно новую ситуацию, которая привела президента Билла Клинтона на грань импичмента из-за любовной связи с практиканткой Белого дома. Неудивительно, что в своих мемуарах он говорит о том, что дело должно быть пересмотрено, а Управление следует расформировать или ограничить в его полномочиях. Но вероятность того, что Конгресс пойдет на это, равна нулю.

Роль судов, третьей составляющей нашего уравнения, тоже менялась со временем. Чтобы понять этот процесс, вспомним уникальную природу конституции как абсолютно искусственного, созданного людьми, записанного и официально принятого инструмента. Эти качества, которые отличали конституцию от всех ее предшественников, означали, что с самого момента принятия ее можно было использовать как основание для оценки всех других законов. Создатели конституции некоторым образом заняли место Бога, и это было в очередной раз продемонстрировано в 2003 году, когда судье в Алабаме было приказано удалить из зала суда стелу с десятью заповедями Моисея, а он не подчинился и был вынужден уйти в отставку⁴³. Собственно говоря, самые ранние намеки на то, что суды могут действовать как «оплот [ограничивающей власть] конституции против покушений законодателей», можно найти уже в «Федералисте», в этой неофициальной, но чрезвычайно влиятельной

⁴¹ J. T. Patterson, "The Legacies of the Reagan Years", in W. E. Brownlee and H. D. Graham, eds., *The Reagan Presidency*, Lawrence, KS, University Press of Kansas, 1992, pp. 366–367.

⁴² A. M. Schlesinger, *The Imperial Presidency*, Boston, MA, Houghton Mifflin, 1973, p. 68.

⁴³ Law Center, "Ten Commandment Monument Moved", 14.11.2003, www.cnn.com/2003/LAW/08/27/ten.commandments; H. Yen, "High Court to Hear Ten Commandments Case", Yahoo! News, 2.3.2005.

серии публикаций 1787—1788 гг., которые помогли рождению самой конституции⁴⁴.

Затем Джон Маршалл, который в 1801—1835 гг. был председателем Верховного суда, в процессе *Marbury v. Madison* (1803) застолбил участок, объявив неконституционным второстепенный закон, касающийся формирования судебных округов, чтобы избежать издания судебного постановления, которому президент Джефферсон вряд ли подчинился бы. Маршалл, чье политическое умение не уступало его квалификации юриста, отлично понимал, что политика — это искусство возможного. Он проявил достаточно осторожности, чтобы воздержаться от применения принципа судебного пересмотра постановлений законодательной и исполнительной властей в ряде важных случаев своей практики. В то же время он неизменно настаивал на его значимости, и к моменту его выхода в отставку этот принцип надежно утвердился⁴⁵. Хотя Верховный суд и выжидал пятьдесят лет, прежде чем решился второй раз использовать принцип судебного пересмотра, другие суды, следуя примеру столичного, делали это все чаще и чаще. Так соединились видение авторов «Федералиста» и осмотрительная дальновидность Маршалла. Действуя с разных направлений, они сделали американскую судебную систему, которая вначале была самой слабой из трех ветвей власти, самой влиятельной в истории. Очень часто закон окончательно принимается только после того, как он прошел процедуру судебного рассмотрения. Но даже если суд не вмешивается, одна лишь перспектива его вмешательства в определенной степени побуждает законодателей к тому, чтобы быть более или менее честными.

Вероятно, во всей истории США самым важным случаем применения принципа судебного пересмотра стал процесс *Dred Scott v. Stanford* 1857 года. Дред Скотт был рабом, которого хозяин в 1834 году вывез из Миссури (рабовладельче-

⁴⁴ A. Hamilton, J. Madison and J. Jay, *The Federalist Papers*, C. Rosziter ed., New York, N.Y., Mentor, 1999 [1787—1788], No. 78, p. 437. [Рус. пер.: Федералист. М.: Прогресс — Литера, 1993. С. 507.]

⁴⁵ M. A. Graber, “The Problematic Establishment of Judicial Review”, in H. Gillman and C. Clayton, eds., *The Supreme Court in American Politics*, Lawrence, Ks, The University Press of Kansas, 1999, pp. 28—34.

ского штата) в Иллинойс, а потом в Висконсин, которые были соответственно штатом и территорией, свободными от рабства. В 1846 году он при поддержке борющихся с рабством юристов обратился в суд с требованием предоставить ему свободу. В конце концов дело попало в Верховный суд, который отказал в иске. Тогдашний председатель Верховного суда Роджер Б. Тэйни [Roger B. Taney] зашел весьма далеко, написав, что у негров нет «никаких прав, которые был бы обязан соблюдать белый человек». Однако Тэйни и его коллеги в Верховном суде не удовлетворились этим решением. Они стали утверждать, что, приняв в 1820 году Миссурийский компромисс и разделив таким образом Союз на рабовладельческие и свободные штаты, Конгресс превысил свои полномочия. Превышение состояло в том, что рабы — это частная собственность, а Конгресс не имеет права лишать какой-либо собственности ни одного американца на всей территории страны. Этим постановлением Верховного суда был разрушен компромисс; и таким образом был открыт путь к Гражданской войне⁴⁶.

С тех пор в истории судебного пересмотра актов законодательной и исполнительной властей, так же, как и в балансе между судами и двумя другими ветвями власти, были свои взлеты и падения. В одном случае Верховный суд поддержал закон (закон Манна), запрещающий перевозку через границы штатов женщин в аморальных целях*. В другом случае он отменил законы, ограничивавшие применение детского труда, на том основании, что в конституции об этом ничего не сказано⁴⁷. В целом роль суда в политическом процессе начала расти в 1950-х гг., и этот процесс продолжается. Самая большая заслуга в этом, если здесь уместно говорить о заслуге, принадлежит одному человеку — Эрлу Уоррену [Earl Warren], который стал председателем Верховного суда в 1953 г. и оставался на этом посту шестнадцать лет, до выхода в отставку в 1969 г.⁴⁸

⁴⁶ См. об этом: D. Fehrenbacher, *The Dred Scott Case: Its Significance for American Law and Politics*, New York, N.Y., Oxford University Press, 1978.

* Федеральный закон о тайной торговле белыми рабынями (1900), направленный на борьбу с проституцией. — *Прим. перев.*

⁴⁷ *Hoke v. United States* (1913); *Hammer v. Dagenhart* (1918).

⁴⁸ О нем см.: M. R. Belknap, *The Supreme Court under Earl Warren, 1953—1969*, Columbia, S.C., University of South Carolina Press, 2004.

Президент Дуайт Д. Эйзенхауэр, который назначил Уоррена на этот пост, исходил из его репутации консерватора. Однако, будучи введен в должность, Уоррен, подобно ряду других видных председателей Верховного суда до и после него, удивил мир тем, что повел себя как законченный либерал: среди прочего в 1960-е гг. он больше любого другого американца помог успеху движения в защиту гражданских прав. Другой важной вехой было принятое в 1973 году решение о легализации абортов. После этого, однако, стала набирать силу реакция на эту тенденцию. В данном контексте не имеет значения, выступают ли критики с правого фланга, что случается много чаще, или с левого, что тоже бывает. Все они утверждают, и зачастую не без оснований, что суды, делающие вид, что всего лишь толкуют закон, на деле присвоили себе роль законодателей. При этом так называемый судебный активизм подрывает одновременно и конституцию, и демократию.

Если судить по состоянию дел в настоящее время, т.е. в начале XXI века, то остается неясным, смогут ли суды отстоять свою роль под огнем критики или их вынудят занять более скромную позицию. То же самое верно в отношении другого критически важного вопроса — о балансе между центральным правительством и правами штатов. В 1776 году, разумеется, *не существовало* никакого центрального правительства, и уже по этой причине вопрос о правах штатов явился одним из важных факторов, приведших к Американской революции. Завоевание независимости вовсе не привело к единству автоматически — скорее, наоборот. Усилению напряжения способствовал возникший вскоре раскол между северными и южными штатами. Уже в 1830-е гг. такой политический деятель, как Джон К. Калхун [John C. Calhoun], занимавший в 1825—1832 гг. пост вице-президента, но ушедший в отставку, чтобы представлять родную Южную Каролину в Сенате, смог заявить: «Сама идея, что американский народ образует единое сообщество, является просто химерой»⁴⁹.

Нужно признать, что даже большинство южан не понимало и уж тем более не принимало сложных идей Калхуна о необхо-

⁴⁹ Цит. по: L. Lipsitz and D. M. Speck, *American Democracy*, New York, N.Y., St. Martin's 1993, p. 130.

димости «коалиционного большинства» [concurrent majority]* и о праве штатов «аннулировать» законы, принятые Конгрессом в Вашингтоне. Нужно признать и то, что в первой половине XIX века вопрос о правах штатов был важнейшим политическим яблоком раздора в Вашингтоне — у иностранцев, наблюдавших с галереи споры конгрессменов, складывалось впечатление, что они только этот вопрос и обсуждают⁵⁰. Словно для того, чтобы укрепить Калхуна в его мнении, в 1833 году защитники прав штатов одержали великую победу. В решении по делу *Barron v. Baltimore* Маршалл при поддержке всего состава Верховного суда постановил, что Пятая поправка и, следовательно, весь Билль о правах, действительны только на федеральном уровне. Тем самым он предоставил местным властям и правительствам штатов в значительной мере действовать так, как им заблагорассудится.

В это время на Севере полным ходом шла индустриализация, а на Юге, в основном ввиду изобильного предложения дешевого рабского труда, ничего подобного не происходило⁵¹. Неравенство в развитии приводило к различию курсов экономической политики до тех пор, пока штат Южная Каролина не объявил, что федеральный закон об импортных пошлинах несовместим с «дальнейшим пребыванием... в Союзе», и приказал своим должностным лицам воздержаться от соблюдения этого закона⁵². В ответ Конгресс принял закон, уполномочивший президента Джексона применить силу, и одновременно понизил «мерзостные пошлины»

* В общем виде политический принцип «коалиционного большинства» требует защиты прав меньшинств от тирании численного большинства путем предоставления меньшинствам в той или иной форме права вето на решения, принимаемые большинством. В частности, идея Дж. К. Калхуна заключалась в требовании, чтобы закон, принятый федеральным законодательным органом, вступал в силу на территории всей страны только при его одобрении большинством законодательных собраний штатов. — *Ред.*

⁵⁰ F. Trollope, *Domestic Manners of the Americans* [1832], [1832], London, Penguin, 1997, p. 172.

⁵¹ См. об этом: Th. Weiss, *A Deplorable Scarcity; The Failure of Industrialization in the Slave Economy*, Chapel Hill, N. C. University of North Carolina Press, 1981.

⁵² G. Wills, *A Necessary Evil: A History of American Distrust of Government*, New York, N. Y., Simon & Schuster, 1999, p. 166.

(слова того же Калхуна), что позволило Южной Каролине отступить. Но, отказавшись от немедленного выхода из Союза, когда угроза применения силы уже осталась в прошлом, законодатели Южной Каролины «аннулировали» право Конгресса использовать эту угрозу. Обе стороны могли считать себя победителями, и кризис был преодолен⁵³. Однако вопрос о рабстве остался нерешенным и в конце концов привел к Гражданской войне.

Если бы не Гражданская война, США могли бы остаться децентрализованными почти как Канада. Здесь, как и в США, провинции сложились задолго до того, как в середине XIX века возникло федеральное правительство. Они отстаивали свою независимость еще более ревностно, чем штаты США, и превратили страну, по выражению одного из ее премьер-министров, в «конфедерацию торговых центров»⁵⁴. Фактически Гражданская война открыла длительный период расширения полномочий правительства США за счет штатов. Первый решительный шаг был сделан в форме XIII, XIV и XV поправок к конституции, которые отменили рабство и предоставили бывшим рабам гражданские права. Под угрозой исключения из Союза южным штатам пришлось ратифицировать их, но этим дело не кончилось. Уже в 1873 году в так называемом «Деле о скотобойнях» (*Slaughterhouse Cases*) Верховный суд постановил, что Четырнадцатая поправка не возлагает на штаты ответственности за *обеспечение исполнения* Билля о правах, в результате чего во многих штатах еще в течение сотни лет негры были лишены права голоса и подвергались дискриминации. Все это время Верховный суд занимал то одну позицию, то другую. В одних случаях он решительно выступал на стороне федерального правительства, а в других высказывался за права штатов. Например, лишь в 1972 году решение по делу *Argenstinger v. Hamlin* привело к тому, что всем обвиняемым по уголовным делам с перспективой получить тюремный срок было гарантировано право на помощь

⁵³ Об этом эпизоде см.: H. L. Watson, *Liberty and Power; The Politics of Jacksonian America*, New York, N.Y., Noonday, 1990, pp. 117–119, 129–131.

⁵⁴ Piere Trudeau, 11.3.1981; речь доступна по адресу: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1981/31181a.htm>.

адвоката⁵⁵, а до этого право принимать соответствующее решение оставалось в руках штатов.

В той степени, в какой централизация имела место, она по большей части совершалась не за счет сокращения полномочий штатов. Вместо этого федеральное правительство ловко использовало быстрое экономическое развитие страны и неуклонно осуществляло экспансию в новые области, такие как торговля, промышленность, транспорт, здравоохранение, жилищное строительство, защита окружающей среды (первые национальные парки были созданы при Теодоре Рузвельте) и многие другие. И при этом всякий раз оно требовало дополнительного финансирования. В результате только за 1877—1901 гг. доходы федеральной казны выросли с 239 млн до 694 млн долларов. Тогда и теперь людям из Вашингтона хватало мудрости для того, чтобы часть денег расходовать на субсидирование штатов. Зачастую субсидирование принимало вид сумм, направляемых на программы штатов в области транспорта, здравоохранения, социального обеспечения и образования; эти субсидии превратились в мощные рычаги, позволяющие без лишних слов добиваться лояльности штатов.

В этом перетягивании каната между федеральным правительством и штатами решающую роль сыграло введение федерального подоходного налога. Эта мера оказалась настолько важной, что потребовала принятия в 1913 году особой (Шестнадцатой) поправки к конституции, — не для того, чтобы санкционировать сам налог, а чтобы установить (вопреки прежней норме, содержавшейся в пункте 4 раздела 9 статьи I), что «Конгресс имеет право налагать и взимать налоги... без распределения этих налогов между штатами». Когда деньги пошли в казну, правительство получило возможность продолжить расширение себя самого. Представление об этом процессе можно получить из того факта, что только за 1916—1919 гг. было создано столько новых «независимых управлений», что их совокупный бюджет вырос с 7,2 млн долларов до 2,7 млрд⁵⁶ долларов. Большинство из них оказались

⁵⁵ Краткий обзор этих событий см. в: Lipsitz and Speak, *American Democracy*, pp. 164—165.

⁵⁶ С. Gilbert, *American Financing of World War I*, Westport, CT: Greenwood Press, 1977, table 18.

временными и позднее были расформированы. Но их преемники, созданные в ходе борьбы с Великой депрессией и заложившие фундамент государства всеобщего благосостояния [welfare state], действуют до сих пор⁵⁷.

Среди новых институтов, в названии которых было словечко «федеральный», одной из первых возникла — и оказалась самым важным из них — Федеральная резервная система [Federal Reserve System] (1913). Потом появились Федеральное бюро расследований [Federal Bureau of Investigation] (1924) и Федеральная корпорация страхования вкладов [Federal Deposit Insurance Corporation] (1933). В 1934 году возникло еще одно федеральное агентство (на сей раз без титула «федеральное») в виде Корпорации финансирования восстановления [Reconstruction Finance Corporation], которой было поручено распределять деньги на устранение разрушений, причиненных наводнениями, землетрясениями и так далее. В том же году возникло даже нечто под названием «Федеральный проект помощи литераторам» [Federal Writers Project] (1934), который вместе с рядом аналогичных агентств должен был обеспечивать занятость избранным группам интеллектуалов, спасать их от голода и, возможно, превратить их в пропагандистов Нового курса, подвергавшегося многочисленным нападкам. Все это способствовало тому, что пропорция между расходами штатов и федерального правительства поменялась на обратную: в 1930 году соотношение было два к одному, а спустя двадцать лет — один к двум.

В период Второй мировой войны приток новых федеральных служащих был столь велик, что многие получали должность без обычных конкурсных экзаменов. К началу 1950-х гг. их число достигло 2,1 млн. Из них 95% имели гарантии пожизненной занятости или получили бы эти гарантии, если бы президент Эйзенхауэр, ссылаясь на интересы национальной безопасности, не лишил этой привилегии десятки тысяч служащих⁵⁸. Завершением процесса стали два нововведения. Во-первых, в 1960-е гг. администрации Кеннеди и Джонсона запусти-

⁵⁷ См.: E. D. Berkowitz and K. McQuaid, *Creating the Welfare State: The Political Economy of 20th-Century Reform*, Lawrence, Ks, University Press of Kansas, 1992, особенно pp. 88—147.

⁵⁸ C. Wright Mills, *The Power Elite*, New York, N.Y., Oxford University Press, 2000 [1956], p. 238—239.

ли множество новых социальных программ, что увеличило численность обслуживавших федеральное правительство канцеляристов примерно до трех миллионов. Во-вторых, начиная с 1940 года шло грандиозное наращивание численности вооруженных сил США и обслуживающих их гражданских ведомств, которое описано ниже в главе 5. Таким образом, предусмотренная конституцией структура федеральной власти допустила или по крайней мере не смогла предотвратить создание государственного аппарата, могущество, централизация и вездесущность которого намного превысила рамки, подразумевавшиеся создателями конституции. Пожалуй, даже Александр Гамильтон, нью-йоркский юрист, занимавший в 1789—1795 гг. пост министра финансов, который был главным автором «Федералиста», не мог предугадать вездесущность, разветвленность и мощь возникшего в итоге федерального правительства. Что же касается его оппонентов-республиканцев, легко вообразить, что некоторые из них предпочли бы эмигрировать, лишь бы только не подчиняться такому правительству и не поддерживать его своими налогами.

Из всех полутора столетий после Гражданской войны периодом самых острых разногласий между Вашингтоном и правительствами штатов стали 1950-е и 1960-е гг. Напряженность достигла пика, когда власти Литл-Рока, столицы штата Арканзас, отказались подчиниться решению Верховного суда о десегрегации школ. Президенту Эйзенхауэру пришлось, во многом против своего желания, перевести Национальную гвардию в федеральное подчинение — обычно она подчинена губернатору штата — и ввести в штат дополнительные федеральные войска⁵⁹. Но даже в то время федеральное правительство не пыталось распустить правительства штатов, как часто происходило в других государствах с федеративным устройством (таких, как Индия и Бразилия), так что в этом отношении баланс между центром и периферией сохранился. Наконец, в 1980-е гг. маятник качнулся в обратную сторону. Десятью годами ранее Ричард Никсон, остро осознав проблему раздутости и неэффективности возглавляемого им бюрократического аппарата, выдвинул лозунг «нового федерализма» и пообещал что-нибудь предпринять

⁵⁹ Об этом эпизоде см.: S. E. Ambrose, *Eisenhower*, New York, N.Y., Simon & Schuster, 1984, vol. ii, pp. 414—426.

в этом отношении⁶⁰. Однако сначала Никсона отвлекла война во Вьетнаме, потом Уотергейт, и в конце концов его вынудили уйти в отставку. Его преемники, Форд и Картер, сделали в этой области столь же мало, как и во всех остальных.

Затем явился Рональд Рейган. В своей инаугурационной речи⁶¹ он заявил, что аппарат федерального правительства разрастается, и это разрастание «вышло за рамки дозволенного теми, кем он управляет», и впоследствии его администрация действительно попыталась демонтировать хотя бы часть бюрократического аппарата. Главной целью при этом было сокращение бюджетного дефицита, вызванного ростом расходов на оборону, с одной стороны, и снижением федеральных доходов в результате уменьшения налогов, с другой, а основным инструментом была передача штатам ряда функций, преимущественно в области жилищного строительства, социального обеспечения и образования. Президент, правивший через одного после Рейгана, а именно Билл Клинтон, в некоторых отношениях был демократом в духе Франклина Рузвельта, а главным пунктом его предвыборной программы было усиление федерального вмешательства ради достижения большей социальной справедливости, в частности в сфере здравоохранения. Однако через два года пребывания в Белом доме он столкнулся с тем, что республиканское большинство в Конгрессе намерено продолжать реформы в направлении, указанном Рейганом. В этой ситуации он предпочел не бороться против этих реформ, а возглавить их, и можно сказать, что он проявил выдающийся политический талант, потому что при таком повороте сумел не поссориться с теми, кто голосовал за него.

К началу XXI века влияние «деволюции»* стало совершенно очевидным. В ответ на расширение собственных полномо-

⁶⁰ См. его интервью в *Washington Daily News*, 9.11.1972; а также М. А. Crenson and F. E. Rourke, "American Bureaucracy since World War II", in L. Galambros, ed., *The New American State: Bureaucracies and Policies since World War II*, Baltimore, MD., Johns Hopkins University Press, 1987, pp. 155–156.

⁶¹ <http://www.bartleby.com/124/pres61.html>. [Рус. пер.: Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001 г.) с историческим комментарием. М.: Издательский дом «Стратегия», 2001. С. 467.]

* Децентрализация власти путем передачи полномочий от центра более низким уровням публичной власти. — *Ред.*

чий штаты увеличили число своих служащих и приняли меры для повышения профессионализма своего аппарата, то есть пошли тем же путем, каким с начала 1930-х гг. шло федеральное правительство. Штаты все еще сильно различаются в том, как они управляют всевозможными аспектами жизни граждан, в том числе самыми что ни на есть личными — от возраста совершеннолетия до ограничений скорости на дорогах, от простоты процедуры развода до законов, регулирующих бизнес. Однако радикального ослабления федерального правительства еще не произошло. Кое-кто сказал бы, что, какие бы сигналы ни шли из Вашингтона, к подобному ослаблению он никогда не стремился. Федеральное правительство все еще имеет преимущество перед штатами во многих областях, например в вопросе о переводе в федеральную юрисдикцию судебных дел, по которым возможен смертный приговор⁶². Речи не идет о возврате к ситуации, существовавшей до 1933 года, не говоря уж о периоде до 1861 года. На деле такой возврат потребовал бы еще одной гражданской войны, такой же кровавой, как первая⁶³.

Американская система правления уникальна своей способностью отзываться на требования народа, о чем свидетельствует выражение «корни травы» [grass roots]*. Другим показателем того же явления служит чрезвычайная распространенность всевозможных опросов общественного мнения. Такого рода опросы — это американское изобретение 1930-х гг. Их роль в политике невозможно преувеличить. С одной стороны, практически ни одно важное решение не принимается без учета его воздействия на общественное мнение. С другой, результаты опросов, фиктивные и настоящие, нередко публикуются только для того, чтобы повлиять на взгляды должностных лиц и общественности. Эта система не ускользнула от внимания иностранцев. Черчилль

⁶² W. Ring, "Feds Bring Rare Vermont Death Case", Yahoo! News, 5.5.2005.

⁶³ Некоторые считают такую войну возможной; см., например: Th. W. Chittum, *Civil War Two: The Coming Breakup of America*, Show Low, AZ, American Eagle Publications, 1996.

* Низовая инициатива, массовая политическая и гражданская активность. — *Ред.*

говорил, что «нет ничего опаснее, чем жить в капризной атмосфере опросов Гэллапа, постоянно замеряющих вашу температуру». Приехав в 1966 году в Вашингтон и ознакомившись с ситуацией во Вьетнаме, тогдашний глава израильского генштаба Моше Даян заметил, что ориентироваться на результаты опросов — весьма странный метод ведения войны⁶⁴. Он не мог знать, что через полтора десятилетия тот же метод привьется и в его собственной стране.

Сравнительно децентрализованная система правления означает прежде всего, что любой желающий может выйти на арену и побороться за свои взгляды и интересы, будь то отмена рабства или запрет курения, введение в школах преподавания «креационизма» наравне с дарвинизмом⁶⁵, ослабление экологического регулирования или разрешение катания на снегоходах в национальных парках, изменение правил зонирования с целью запрета или разрешения строительства тех или иных зданий той или иной фирмой. Некоторые даже борются за ликвидацию или по крайней мере за сильное ограничение полномочий самого правительства. Исторически этот подход, который, по всей видимости, укоренен в американской политической культуре более чем где-либо еще, восходит как минимум к афоризму Томаса Джефферсона, что наилучшее правительство — это то, которое как можно меньше правит. Одним из величайших достоинств системы является то, что люди могут повлиять и нередко действительно влияют на ситуацию, чем бы они ни руководствовались.

Один из способов осуществить перемены заключается в том, чтобы добиться избрания на пост, позволяющий принимать, применять или толковать законы. Перечень лиц, которые, начав с самых низов, добрались до вершины, весьма велик. Сын ремесленника, изготавливавшего свечи и мыло, Бенджамин Франклин, проучившись два года в школе, пошел работать подмастерьем в типографию своего брата. Эндрю Джексон рано осиротел, не получил систематического образования и сделал себе имя, сочетая «юридическую практику», махина-

⁶⁴ M. Dayan, *Vietnam Diary*, Tel Aviv, Idanim, 1977 [на иврите], p. 45.

⁶⁵ См. одну из последних публикаций на эту тему: S. Goldenberg, "Religious Right Fights Science for the Heart of America", *The Guardian*, 7.2.2005.

ции, карьеризм и дуэлянтство, причем включавшее не только цивилизованные поединки по правилам, но и потасовки с перестрелками, поножовщиной и рукопашной. Авраам Линкольн родился в бревенчатой избе, а в детстве постоянно переезжал с семьей с места на место в поисках лучшей жизни. Улисс Симпсон Грант был неудачником и пьяницей, прежде чем смог убедить мир в своих военных талантах и стать президентом. Но подобные истории успеха встречаются не только в XIX веке. Линдон Джонсон родился в бедной семье и вырос в трехкомнатном домишке, расположенном в самой бедной части Техаса. Билл Клинтон вырос в весьма скромной, почти неблагополучной семье, где часто менялись отчимы, и сумел пробиться только благодаря успехам в учебе. Уже после 1998 года два бывших культуриста, Джесси Вентура и Арнольд Шварценеггер (который приехал в Голливуд, не имея даже смены белья), были избраны губернаторами штатов.

Правда, в Америке, как и везде, лучше родиться в обеспеченной и образованной семье, но неплохо также, как сказал тот же Шварценеггер, породниться через брак с семейством Кеннеди. Джон Адамс и Джон Куинси Адамс, Теодор и Франклин Рузвельты, оба Буша и большинство других президентов родились в обеспеченных семьях. Говорят, что американское общество с каждым годом становится менее открытым⁶⁶. Однако сам факт, что подобные утверждения звучали и раньше, доказывает, что к ним не следует относиться слишком серьезно. О существовании «правлящего класса, всемогущей элиты»⁶⁷ заявлялось и в 1956 году, в период национального консенсуса при Эйзенхауэре, за сорок лет до эпохи, которую некоторые называли «революцией богачей»⁶⁸; требования, что американцам нужно либо «обеспечить более равное распределение собственности и дохода», либо приготовиться к «роковому краху демократии» в форме «тирании и упадка»⁶⁹, звучали еще в 1879 году. За пределами США мало где внебрачный

⁶⁶ Например: M. Knaus, *The End of Equality*, New York, N.Y., Basic Books, 1992, pp. 25—57.

⁶⁷ Wright Mills, *The Power Elite*, p. 20.

⁶⁸ M. Lind, *The Next American Nation: The New Nationalism and the Fourth American Revolution*, New York, N.Y., Free Press, 1995, pp. 181—216.

⁶⁹ Henry Carter Adams: quoted in D. Ross, *The Origins of American Social Science*, Cambridge, Cambridge University Press, p. 152.

сын бедной негритянки (преподобный Джесси Джексон) сможет всерьез добиваться выдвижения от своей партии кандидатом в президенты и где иммигрант вроде Генри Киссинджера может подняться до положения фактически второго человека в государстве.

Впрочем, победа на выборах — лишь один из способов повлиять на политику и не всегда самый важный. При наличии достаточного числа сторонников массовые движения могут оказывать влияние с помощью митингов, демонстраций, маршей, петиций и т.д. В истории США полно таких кампаний, как на местном, так и на общенациональном уровне. Нет такой проблемы, которая не привлекла бы хотя бы нескольких активистов, готовых бороться за ее решение, и, как правило, чем больше им удастся привлечь внимание средств массовой информации, тем лучше для того дела, за которое они борются. Вероятно, самые знаменитые движения протеста пришлись на 1960-е гг. Движение в защиту гражданских прав в условиях исключительной многочисленности молодых мужчин и женщин, известных как бэби-бумеры [baby-boomers]*, сыграло ключевую роль в прекращении вековой расовой сегрегации и дискриминации, а также в окончании войны во Вьетнаме. Впоследствии были и другие попытки организовать массовые движения протеста, прежде всего за права женщин, за и против абортгов, за и против прав гомосексуалистов. Во всех трех случаях эти движения добились известного успеха в изменении правовой и политической ситуации — первое на национальном уровне, а два других преимущественно на местном. Но все они не оказали столь же значительного воздействия, как их предшественники.

Еще одним методом влияния является лоббирование, — этот род деятельности получил имя во времена, когда желающие встречи с политиками дожидались их в вестибюлях (лобби) гостиниц, где те останавливались. Возьмите, например, влиятельное движение потребителей⁷⁰. Оно началось в 1966 году, когда вышла книга «Опасны при любой скорости» (*Unsafe at Any Speed*) с тщательным описанием недо-

* Люди, родившиеся в период всплеска рождаемости [baby boom] в первые годы после Второй мировой войны. — Ред.

⁷⁰ R. N. Mayer, *The Consumer Movement: Guardians of the Marketplace*, Boston, MA, Twayne, 1989.

статков ряда моделей автомобилей. Автор книги Ральф Нейдер, основавший движение, никогда не занимал государственных постов (хотя дважды баллотировался в президенты), однако он и его сторонники многое сделали для изменения законов и позиции судов. Еще лучше пример Национальной стрелковой ассоциации (NRA). Годовой бюджет этой довольно закрытой организации оценивается в 100 млн долларов. В ряде штатов и округов конфликт с ней может стоить карьеры любому политику, претендующему на выборную должность: во время одних лишь выборов 1994 года потерпели поражение 19 из 24 конгрессменов и сенаторов, попавших в список ее противников⁷¹. Во времена, когда другие демократические общества, особенно британское, ужесточают контроль над продажей оружия, нет сомнений, что NRA по-прежнему будет привлекать друзей и оказывать влияние на людей. И не успокоится, пока закон не разрешит каждому американцу держать у себя на заднем дворе водородную бомбу и средства ее доставки, продаваемые в каждой аптеке без рецепта.

Существуют буквально тысячи других групп, больших и малых, частных и общественных, религиозных и светских, на национальном уровне и на местном; к 1990-м гг. число групп, занятых проблемами здоровья, достигло восьмисот и продолжало быстро расти⁷². Во многих группах, прежде всего в крупных, есть штат профессиональных служащих. Говорят, что число *зарегистрированных* лоббистов в Вашингтоне, осаждающих влиятельных лиц с помощью писем и путем личного общения, составляет около 12 тыс. Они собирают деньги (по оценке 2004 года, около 2 млрд долларов в год⁷³), устраивают собрания, добиваются публикации своих мнений во всевозможных изданиях, поддерживают кандидатов, обещающих им свою поддержку, и угрожают тем, кто в такой поддержке отказывает. У многих есть свои исследовательские организации. Их названия зачастую хорошо известны — Институт Катона [Cato

⁷¹ В. Clinton, *My Life*, New York, N.Y., Knopf, 2004, p. 630. [Рус. пер.: Клинтон У. Дж. Моя жизнь. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 705.]

⁷² F. Zakaria, *The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad*, New York, N.Y., Norton, 2004, p. 173.

⁷³ "Lobbyist Spending Expected to Break \$ 2B", Yahoo! News, 30.12.2004.

Institute], Фонд наследия [Heritage Foundation], Американский институт предпринимательства [American Enterprise Institute] и им подобные. Один институт, по-видимому, финансируемый совместно фармацевтическими компаниями и Американской медицинской ассоциацией (АМА), может пропагандировать идею, что государственное здравоохранение слишком дорого и что оно, даже если бы было по карману, принесло бы больше вреда, чем пользы. Другие, финансируемые автомобилестроительными компаниями, могут попытаться убедить публику, что большие автомобили безопаснее малых, а потому нужно отказаться от политики внедрения более жестких стандартов экономики топлива. Некоторые доказывают, что табачные изделия на самом деле очень полезны для здоровья. Такого рода организации договариваются друг с другом, создают альянсы и враждуют между собой, и у этого процесса нет ни конца, ни начала⁷⁴.

Сказанное о лоббистских коалициях в равной степени относится к политическим партиям. Можно сказать без натяжки, что сами партии — не что иное, как рыхлые коалиции лоббистских групп. Фридрих Энгельс, побывавший в США в 1891 году и впоследствии описавший свои впечатления в небольшой язвительной книжке, отозвался о них следующим образом: «Мы видим две большие банды политических спекулянтов, которые попеременно забирают в свои руки государственную власть... а нация бессильна против этих двух больших картелей политиков, которые якобы находятся у нее на службе, а в действительности господствуют над ней и грабят ее»⁷⁵. Не считая борьбы за власть, главное различие между партиями и прочими лоббистскими группировками в том, что первые не концентрируются на каком-нибудь единственном вопросе вроде субсидирования сельского хозяйства или защиты чистоты воздуха, а служат затычкой каждой бочке. Один молодой американец сказал мне в шутку: «Раз у меня есть мнение обо всем на свете, я тоже мог бы стать политиком».

⁷⁴ Краткое объяснение того, как устроена эта система, см. в: А. М. Cammisa, *Government as Interest Groups: Intergovernmental Lobbying and the Federal System*, Westport, CT, Praeger, 1995, pp. 23—33; а также Lipsitz and Speak, *American Democracy*, pp. 415—431.

⁷⁵ Цит. по: S. Skowronek, *Building a New American State*, Cambridge, Cambridge University Press, 1982, p. 40. [Рус. пер.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 200.]

В других демократиях, даже там, где, как в Великобритании, Франции и Германии, действует система выборов, организованная по региональному принципу, партии обычно являются тесно сплоченными организациями. У них есть достаточно четкая идеология — клерикальная, светская, консервативная, социалистическая или иная. Они тяготеют к централизованной внутренней организации. Особые комитеты, назначаемые руководством, решают, кто будет представлять партию на выборах, и выделяют на это ресурсы. В США все устроено в значительной степени по-другому. Здесь, главным образом в силу федеративной системы правления, партии менее жестко структурированы. А сегодня, когда места в комитетах Конгресса, которые прежде автоматически доставались старейшим конгрессменам, заполняются по результатам голосования, эта черта выражена сильнее прежнего⁷⁶.

Обе главные партии представлены по всей стране, хотя их позиции и варьируются от одного штата, округа или города к другому. Обе служат прибежищем для множества различных взглядов, интересов и программ, хотя понятно, что те или иные их участники питают больше интереса к одним вопросам, чем к другим. Поэтому зачастую члены обеих партий сотрудничают, чтобы провести или заблокировать отдельные мероприятия; в отличие от других стран, в США никогда не возникало и не возникает вопроса о том, должны ли конгрессмены или сенаторы автоматически голосовать вместе с партией, к которой они формально принадлежат. Вот пример: в 1981 году Рейган получил 80% голосов в Конгрессе, хотя у демократов было там солидное большинство. В Сенате именно республиканцы спасли демократа Клинтона от импичмента. И, кстати, другой пример: в 2004 году Конгресс резко увеличил штрафы за «непристойные выражения» в средствах массовой информации⁷⁷. Как бы ни были остры разногласия республиканцев и демократов и каких бы бранных кличек они ни давали друг

⁷⁶ О влиянии этого изменения см.: Zakaria, *The Future of Freedom*, pp. 170—171.

⁷⁷ “House Votes to Raise Indecency Fines”, 1.3. 2004 (<http://www.nytimes.com/2004/03/11/politics/11CND-INDEC.html?ei=5007&en=7ea45535e1d00c9a&ex=1394427600&adxnnl=1&partner=USERLAND&adxnnlx=1120957272-m3xSF/OXYXhFZ-P5o1MXUJA>).

другу, этот билль поддержали и те и другие. Первые сделали это во имя политкорректности, а вторые в защиту «семейных ценностей».

Частые выборы, непродолжительный срок полномочий многих законодателей и открытый характер общественной жизни легко могут размыть границу между политикой, с одной стороны, и государственным аппаратом и системой правосудия — с другой, как это, кстати говоря, и случилось в древних Афинах. Что касается судов, то существует различие между федеральными судами и всеми другими. Федеральные судьи, подобно членам Верховного суда, назначаются президентом и должны быть утверждены Сенатом. Целью всего этого была система, построенная на британской традиции независимого суда, возникшей в 1701 г. Теоретически она должна была привести к деполитизированной судебной системе. Практически эта деятельность крайне политизирована, о чем говорит неоднократная смена либеральных судов консервативными и обратно.

И президент и сенаторы делают все возможное, чтобы усадить в судейские кресла выразителей своих взглядов и интересов. В результате кандидаты, прежние убеждения и судебные решения которых отличаются от взглядов политиков по таким актуальным вопросам, как смертная казнь, аборт или права штатов, не имеют ни малейших шансов. Как только федеральные судьи вступают в должность, причем в должность пожизненную, большинство из них выказывает достаточно независимости и объективности, чтобы избежать импичмента — процедуры, применяемой крайне редко. С другой стороны, большинство судей сохраняют верность взглядам, которые обеспечили их назначение на должность. Таким образом, суд оказывается продолжением политики другими средствами. За исключением Верховного суда, перебежчики, которые, заняв судейское кресло, начинают вести себя не так, как ожидалось, встречаются достаточно редко.

На более низких этажах ситуация та же, только еще хуже. Во многих штатах судей назначает губернатор — с помощью консультативной комиссии или без нее. В других штатах их назначают или выбирают законодатели. Однако о силе популистской демократической традиции свидетельствует тот факт, что более чем в половине штатов часть, большинство или даже все судьи избираются всеобщим голосовани-

ем. Чтобы получить свой пост, они *должны* иметь политические предпочтения и, более того, должны как можно эффективнее рекламировать эти предпочтения. Кандидат А строит свою кампанию на обещании «безжалостно искоренять преступность» (со времен консервативной революции 1980-х гг. «мягкость» в этом вопросе гарантирует политическую смерть). Кандидат В побивает А обещанием применять смертную казнь, а третий кандидат обещает выступить за гомосексуальные браки или против них — смотря по ситуации. Как заметил один член Верховного суда, система похожа на то, как если бы футбольным фанатам был доверен выбор судей, которые будут судить матч⁷⁸. На протяжении большей части XIX века ситуация была настолько скверной, что должность судьи открыто покупалась и продавалась, и в Нью-Йорке, например, она стоила порядка 15 000 долларов⁷⁹. Во многих других штатах, особенно в южных, судьи в угоду общественному мнению давали понять, что у них негр никогда не выиграет процесс против белого. Хотя реформы Прогрессивной эры и успех движения за гражданские права означали, что ситуация стала менее вопиющей, многие проблемы остаются. Даже сегодня у пострадавшего на рабочем месте перспектива получить пенсию по инвалидности может, например, зависеть от того, на какого судью он наткнется — на «прогрессивного республиканца» или «сочувствующего людям демократа»⁸⁰.

В первые примерно сто лет существования США все сказанное выше о судебной системе можно было сказать и о государственной администрации. В то время федеральная бюрократия была настолько малочисленна и слаба, что крупнейшим министерством была почтовая служба. Не считая получения и отсылки писем, большинство граждан никогда не сталкивались с бюрократией. Всякий раз на выборы в Вашингтон съезжались толпы претендентов на должность, желавших занять чей-нибудь освобождавшийся пост, а если не выйдет, то набить

⁷⁸ Из речи судьи Стивенса, см.: *the Washington Post*, 4.8.1996, p. A14.

⁷⁹ Согласно J. Bryce, *The American Commonwealth*, London, Macmillan, 1888, vol. ii pp. 118—119.

⁸⁰ Clinton, *My Life*, p. 231. [Рус. пер.: Клинтон У. Дж. Указ. соч. С.256.]

брюхо бесплатной едой и выпивкой⁸¹. Соответственно почти все административные решения, от изменения границ избирательных округов или строительства дорог и каналов до выбора имени для нового штата или города, принимались политиками, в большинстве случаев местными, и попахивали соответственно (или вызывали соответствующие подозрения). Возьмем пример Джорджа Вашингтона. Во всей американской истории не найти никого с более твердой репутацией честного человека, о чем говорит его прозвище «Цинциннат», в честь римского диктатора, который, уйдя от государственных дел, вернулся к плугу. Тем не менее, уже после того, как он покинул пост президента, Вашингтон попал под подозрение в корыстолюбии, потому что предложил сделать порожистый Потомак более судоходным за государственный счет — а разве не на этой реке располагалось его имение Маунт-Вернон?⁸²

В 1883 году закон Пендлтона отметил начало попытки покончить с этой системой, метко прозванной «дележ добычи» [«spoils system»] (это название придумал Уильям Марси — сенатор-демократ периода Джексона). Закон, составленный по немецкому образцу — а в то время лишь те американские ученые-обществоведы, которые учились в Германии, могли рассчитывать на серьезное к себе отношение, — сначала охватывал лишь 14 000 из 100 000 федеральных служащих. При Теодоре Рузвельте и Уильяме Говарде Тафте сфера действия закона была значительно расширена, и ушли в прошлое те времена, когда новый министр почт мог уволить — и увольнял — тысячи подчиненных только потому, что они принадлежали к другой партии.

Регулярная государственная служба выростала постепенно. Важнейшей из реформ, которая вначале встретила активное сопротивление, была система конкурсных экзаменов при приеме на службу. В число других мер входили гарантии занятости и продвижение в соответствии с заслугами. Эти изменения сопровождались томами постановлений, многие из кото-

⁸¹ Хорошее описание системы см. в: P. P. Van Riper, *History of the U.S Civil Service*, Evanston, IL, Row, Peterson, 1958, pp. 30—59.

⁸² J. L. Larson, *Internal Improvement: National Public Works and the Promise of Popular Government in the Early United States*, Chapel Hill, N.C., University of North Carolina Press, 2001, pp. 257—261.

рых были так подробны и тормозили дело до такой степени, что стало почти невозможно перевести человека с одной должности на другую. К 1900 году 100 000 федеральных служащих, то есть примерно половина их общего числа, стали служащими государства в прямом смысле слова, а к 1928 году таких стало примерно 80%⁸³. При всем при том федеральная бюрократия оставалась сравнительно малочисленной по сравнению с существовавшей в других современных государствах. В 1913 году она была втрое меньше, чем в Италии, и в шесть раз меньше, чем в Германии⁸⁴, а суммы, которые она собирала и которые на нее тратились, были еще меньше в относительном выражении. Развитие системы государственной службы не помешало президентам — а на уровне штатов губернаторам — сохранить полную свободу рук в заполнении высших эшелонов бюрократии своими сторонниками, жертвователями и выдвиженцами.

В парламентских демократиях министры кабинета обычно достаточно независимы и влиятельны как политики. Совсем иначе обстоит дело в США, где президент волен назначать министров по своему усмотрению и где они поэтому редко имеют собственных влиятельных политических приверженцев. Чтобы назначить человека на пост министра, президенту достаточно принять решение и попросить Сенат одобрить его. Чтобы уволить его, ему достаточно написать письмо или, чаще всего, попросить неугодного подать в отставку. Единственным существенным исключением является вице-президент. Кандидаты в президенты выбирают своих кандидатов в вице-президенты в соответствии с перспективами успеха на выборах. Но, попав в Белый дом, президент уже не может избавиться от того, кто был с ним в предвыборной связке. Историческим результатом этого стала ситуация, при которой человек, формально являющийся вторым должностным лицом в стране, зачастую оказывался одним из наименее

⁸³ О том, как проходил этот процесс, см.: F. McDonald, *The American Presidency: An Intellectual History*, Lawrence, KS, University of Kansas Press, 1994, pp. 315—326.

⁸⁴ См.: B. D. Porter, *War and the Rise of the State; The Military Foundation of Modern Politics*, New York, N.Y., Free Press 1993, p. 271, а также P. Flora, *State, Economy and Society in Western Europe 1915—1975*, Frankfurt am Main, Campus, 1983, vol. I, chapter 5.

влиятельных. Ему «приходится подъедать объедки за президентом», как однажды сказал Эл Гор, вице-президент при президенте Клинтоне.

Многие президенты игнорировали своих «альтер эго» и не подпускали их к делам. Именно так Франклин Рузвельт обходился со своим первым вице-президентом Джоном Гарнером, а позднее та же судьба выпала на долю Гарри Трумэна. До того, как в конце 1944 года Трумэн стал вице-президентом, он, будучи сенатором, провел бóльшую часть Второй мировой войны в качестве своего рода комиссионера по военным заказам, по собственной инициативе принявшего на себя эту функцию. Став вице-президентом, он, по его собственным словам, ни разу не разговаривал с Рузвельтом «о войне, или о внешней политике, или о [его] планах на послевоенный период»⁸⁵. Не было Трумэну ничего известно и о существовании атомного оружия, пока ему не рассказал о нем министр обороны Генри Стимсон⁸⁶. Точно так же Кеннеди обходился со своим вице-президентом Джонсоном, несмотря на то что не был в Вашингтоне настолько же «своим», как тот, — или, возможно, именно по этой причине.

Вице-президенты вовсе не бесполезны. Многие президенты использовали вице-президентов для публичного высказывания того, что они остерегались говорить сами. Именно так много лет назад поступил Никсон, когда, в условиях войны во Вьетнаме, устами Спино Агню назвал журналистов «изнеженной кучкой бессовестных снобов»⁸⁷. Аналогичным образом использовал своего вице-президента Дика Чейни и Джордж У. Буш. Переход к системе праймериз в значительной степени ослабил партийных боссов, что в последнее время дало президентам больше свободы в выборе вице-президентов и меньше оснований их опасаться. Это позволило им, начиная с Джимми Картера, больше полагаться на своих вице, что повысило значимость этого поста. И все же полномочия и влияние каждо-

⁸⁵ Цит. по: M. D. Pearlman, *Warmaking and American Democracy; The Struggle over Military Strategy, 1700 to the Present*, Lawrence, KS, University Press of Kansas, 1999, p. 272.

⁸⁶ R. Rhodes, *The Making of the Atomic Bomb*, New York, N.Y., Simon & Schuster, 1988, p. 690.

⁸⁷ Выступление от 19.10.1969 (www.cosmicbaseball.com/agnew8.html).

го вице-президента в конечном счете зависят исключительно от того, сколько власти ему предоставит президент.

Преимущество системы в целом состоит в том, что она исключает ситуации, представленные в британском телесериале «Да, господин министр», где неизбираемый, несменяемый и весьма опытный помощник министра водит своего начальника за нос. Однако не обязательно испытывать ненависть к Америке, верить в теорию заговора или быть законченным пессимистом, чтобы понять, насколько эта система открыта для коррупции. До начала в 1890 году реформ Прогрессивной эры США были, пожалуй, самым коррумпированным из «западных» обществ. Не будет большим преувеличением сказать, что само различие «коррумпированного» и «честного» не является американским по своему происхождению. Его пришлось импортировать из Германии, государственная администрация которой так славилась своей честностью и эффективностью, что познакомиться с ее организацией приезжали люди со всего мира⁸⁸. В числе тех, кто рассматривал «Пруссию» как образец «административного мастерства» был молодой Вудро Вильсон⁸⁹. С тех пор ситуация изменилась. В 2002 году было проведено исследование коррупции, основанное на данных опросов бизнесменов, ведущих дела в разных странах⁹⁰. США оказались на шестнадцатом месте, т.е. коррупции здесь оказалось меньше, чем в Германии, Бельгии и Испании. Тем не менее США были коррумпированы больше, чем другие страны Западной Европы, а также Канада и Австралия.

Представления о том, что такое коррупция, изменчивы, как и всё на свете. Шумиха, которой сопровождалось назначение Клинтоном своей жены Хиллари на пост главы Комиссии по подготовке реформы национальной системы здравоохранения (подобно тому как Кеннеди назначил своего брата

⁸⁸ О роли немецкой модели см.: J. A. Schumpeter, *History of Economic Analysis*, New York, N.Y., Oxford University State, 1954, p. 874. [Рус. пер.: Шумпетер Й. А. История экономического анализа. СПб: Экономическая школа, 2001. Т. 3. С. 1140.]

⁸⁹ W. Wilson, "The Study of Administration", in A. S. Link, ed., *The Papers of Woodrow Wilson*, Princeton, N.J., Princeton University Press, 1968, vol. 5, pp. 365—367.

⁹⁰ Transparency International Corruption Perceptions Index, 2002, (http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2002).

министром юстиции), показала, что некоторые формы коррупции, возможно, стали считаться приемлемыми. Это особенно относится к высшим эшелонам власти, которые привлекают повышенное внимание средств массовой информации, а следовательно, и всего общества. Уже не актуально высказывание Кулиджа: «Когда человек связал свой личный интерес и репутацию с государственной деятельностью, то если он сбивается с пути истинного, это происходит не из-за прежних связей, а потому что он дурной человек»⁹¹, — поскольку сегодня в Вашингтоне настолько страшатся обвинений в клановости, что сенаторы не рискнут пообедать с человеком, которого вскоре Сенат собирается утвердить в должности⁹². Некоторые виды коррупции, по-видимому, получают большее распространение. Прошли времена, когда Авраам Линкольн, получивший из партийной казны двести долларов на покупку нескольких бочек сидра для своих избирателей на выборах в Конгресс, истратил только семьдесят пять центов, а остальное вернул казначею. Еще в 1944 году переизбрание Франклина Рузвельта стоило демократам всего 5 млн долларов, в то время как его соперник-республиканец истратил почти вдвое больше.

С тех пор расходы на предвыборную кампанию взлетели до заоблачных высот, подталкиваемые вверх всевластием телевидения, а также растущей тенденцией полагаться на экспертов по компьютерным технологиям, по общественному мнению и прочих экспертов всевозможных сортов. Если учитывать выборы всех уровней, то в 1952 году они обошлись в 140 млн долларов, в 1976 году в 540 млн долларов, а в 1988 году в 2,7 млрд⁹³ долларов. Чем больше денег сможет собрать кандидат к началу своей кампании, тем вероятнее, что он (или она) соберет впоследствии еще больше. Про президента Клинтона говорили в свое время, что он пытался продавать право переночевать в Белом доме, хотя в своих мемуарах он это отрицает⁹⁴. В силу своих связей с нефтяным лобби

⁹¹ *The Autobiography of Calvin Coolidge*, p. 226.

⁹² По утверждению Билла Клинтона, см.: Clinton, *My Life*, p. 514. [Рус. пер.: Клинтон У. Дж. Указ соч. С. 574.]

⁹³ Данные взяты из работы: Н. Alexander, *Financing Politics: Money, Elections and Political Reform*, Washington D.C., Congressional Quarterly Press, 1992, p. 83.

⁹⁴ J. Fullerton and K. Kiely, "Clinton Admits Donor Sleep-Overs His Idea", *Arkansas Democrat-Gazette*, 26.2.1997; Clinton, *My Life*,

президент Джордж Буш мог позволить себе пренебречь подобными мерами. К началу 2004 года он собрал в кошелек порядка 170 млн долларов. Ко времени выборов расходы обоих кандидатов перевалили за миллиард, так что не будет преувеличением сказать, что весь политический процесс плавает в океане денег. Многочисленные попытки изменить систему так, чтобы очень богатые не имели преимуществ: выделение кандидатам бесплатного времени на телевидении, ограничение суммы взносов, разрешенной для частных лиц и корпораций, ограничение величины расходов кандидатов, — только усиливают коррупцию по мере того, как кандидаты и их команды обходят эти меры⁹⁵. В настоящее время самым известным методом являются комитеты политических действий.

На более низких уровнях власти происходит то же самое. Выборы губернатора Калифорнии в 2003 году наглядно показали, что процедура праймериз разрушает контроль партийных организаций над кандидатами и позволяет каждому Тому, Дику или Салли объявить себя кандидатом на выборный пост. А после самовыдвижения они вольны как им заблагорассудится привлекать средства и делать все остальное. В итоге в семидесяти пяти процентах рекламных роликов вы не найдете и намек на политическую принадлежность кандидата⁹⁶. Вместо того, чтобы объяснять свою программу, политикам приходится целовать младенцев (если повезло) или участвовать в конкурсах по поеданию помидоров (если не повезло). При этом от партийного руководства они в лучшем случае получают формальное одобрение. Но, поскольку обе партии объединяют множество разнонаправленных интересов и групп, даже это никоим образом не гарантировано.

Некоторые кандидаты богаты сами по себе, независимо от политической деятельности, и у них есть соответствующие финансовые возможности. Это может помочь им добиться избрания, как в случае Майкла Блумберга, который в 2001 году был избран мэром Нью-Йорка, а может и не работать, как случилось с тexasским миллиардером Россом Перо.

pp. 746—747. [Рус. пер.: Клинтон У. Дж. Указ. соч. С. 838—839.]

⁹⁵ О краткой истории этих попыток см.: Anon, “Campaign Spending”, fall 2002 (www.mit.edu/17.251/finance.pdf).

⁹⁶ Lipsitz and Speak, *American Democracy*, p. 392.

Так что если Джон Керри и проиграл на президентских выборах 2004 года, то не из-за бедности. Если кандидат недостаточно богат, он либо не сможет даже подобраться к стартовой черте, либо ему придется искать благосклонности других людей, используя и достойные, и грязные методы. Заголовком книги Филиппа Стерна «Лучший Конгресс, который можно купить за деньги»⁹⁷ все сказано, и, конечно, отрицательным персонажем здесь может служить не только Конгресс.

Пока что мы говорили о том, как работает политический процесс. А как выглядит правительство Соединенных Штатов Америки с точки зрения управляемых? Часто упоминается вызывающий тревогу рост склонности многих граждан, особенно принадлежащих к низшим слоям, игнорировать выборы. Если взять в качестве показателя процент тех, кто потрундился воспользоваться своим правом голоса, то получится, что самой демократичной стране мира не удалось породить столько демократов, сколько следовало бы. В объяснение этого факта можно привести несколько причин. Во-первых, голосование в США, в отличие, например, от Австралии и Бельгии, не носит обязательного характера. Во-вторых, многих избирателей многочисленные бюллетени сбивают с толку и утомляют — говорят, что этот фактор сыграл немалую роль в том, что избрание Дж. Буша в 2000 году было опротестовано. В-третьих, чтобы принять участие в голосовании, нужно сначала зарегистрироваться. В-четвертых, в США день выборов, в отличие от многих других демократических стран, не является официальным нерабочим днем. Учитывая то, сколько работают многие американцы, просить их прийти на избирательные участки после длинного дня в офисе, на заводе и, почти заведомо, за рулем — вероятно, это уже чересчур.

Каковы бы ни были причины, но в сравнении с другими демократическими странами активность американцев на выборах всегда была ниже. В последние годы проблему, похоже, усугубили два дополнительных фактора. Во-первых, поправка к конституции, понизившая возрастной ценз, не привела к успеху. Да, число потенциальных избирателей выросло.

⁹⁷ Philip M. Stern, *Still the Best Congress Money Can Buy*, Washington D.C., Regnery, 1992.

Но в то же время понизился процент тех, кто реализует свое право голоса. В частности, молодые женщины настолько безразличны к политике, что шутники предложили поднять для них возрастной ценз до двадцати шести лет⁹⁸. Даже на выборах в ноябре 2006 года, когда явка молодых людей оказалась самой высокой за двадцать лет, лишь менее четверти из них потрудились прийти на избирательные участки⁹⁹.

Во-вторых, все имеющиеся данные свидетельствуют о том, что доверие людей к правительству падает. Это впервые проявилось в 1960-е гг., когда сначала война во Вьетнаме, а потом публикация «Документов Пентагона» [*The Pentagon Papers*]* привели к так называемому «кризису доверия». С тех пор тот же результат выявляет один опрос за другим¹⁰⁰. Например, после подрыва здания Федерального центра в Оклахоме в 1995 году не менее 39% опрошенных американцев сказали, что считают федеральное правительство источником угрозы для своих прав и свобод. Через три года другой опрос показал: только 31% опрошенных думает, что «в большинстве случаев»

⁹⁸ С. Hong, "A New voting Age for Women: 26", *The Village Voice*, 15.6.2004.

⁹⁹ J. Szep, "Youth Turnout in Elections Biggest in 20 Years", 8.11.2006 (<http://elections.us.reuters.com/top/news/usnN08342322.html>).

* Сверхсекретное исследование предыстории участия США в войне во Вьетнаме общим объемом около 7 тыс. страниц, проведенное по указанию министра обороны Р. Макнамары, выполнявшего поручение президента Л. Джонсона. В 1971 году бывший высокопоставленный сотрудник Министерства обороны Д. Элсберг передал 47 томов этих документов в распоряжение газет «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост». Администрация Никсона попыталась наложить предварительное ограничение на публикацию документов, но решением Верховного суда по делу «"Нью-Йорк таймс" против Соединенных Штатов» (1971), на основании права народа знать правду и конституционной свободы слова и печати правительству было предписано опубликовать эти материалы за исключением отдельных документов и страниц, которые, по мнению суда, могли бы в случае опубликования нанести ущерб национальной безопасности. В изложении этого документа, появившемся в газете «Нью-Йорк таймс» 13 июня 1971 под заголовком «Вьетнамский архив», участие США в войне во Вьетнаме рассматривалось как аморальное, а методы информирования общественности о ней как бесчестные. Элсберг был отдан под суд по обвинению в шпионаже, но затем оправдан. — *Прим. перев.*

¹⁰⁰ См.: Lipset, *American Exceptionalism*, pp. 281—283.

может верить правительству. В 2005 году 70% выразили озабоченность информационной закрытостью правительства¹⁰¹. И этот список нескончаем.

Теоретически власти всех уровней должны служить обществу, и этот факт не то чтобы совсем не оказывает влияния на практику. Правительственные здания бывают большими и внушительными — если это не обычные бетонные коробки, то предпочтительным является неоклассический стиль, — но их редко делают устрашающими. Посетителям не приходится проходить через темные помещения, здесь нет зеркал, с помощью которых можно видеть людей сзади и спереди, пока они стоят в очереди или заполняют анкету. Пока в 1990-е гг. страх перед террористами не начал менять всё и всех, двери этих зданий были открыты практически для каждого. Любители бега использовали для тренировки лестницы Капитолия. В рабочие часы можно было войти в здание и при этом не подвергнуться проверке документов и обыску или досмотру личных вещей. Попробуйте сделать это сегодня, и вы тут же попадете в сумасшедший дом (если повезет), или вас застрелят (если не повезет).

В США государственные служащие часто работают без пиджаков. В сравнении со своими коллегами в других демократических странах, они несколько менее склонны защищать людей от их собственных слабостей или поучать их, и в целом им свойственны менее напыщенные манеры. Связанные Законом о свободе информации, они обычно более открыты: где еще журналист может спросить чиновника министерства обороны о том, сколько галлонов топлива потребляют за день действующие войска, и получить ответ?¹⁰² Естественно, нет и речи о том, чтобы они представляли собой угрозу — США, в конце-то концов, не тоталитарное общество. Но это не значит и того, что граждане, имеющие дело со своим правительством, всегда оказываются в приятной обстановке. Напротив: что американцы и умеют делать как следует, так это быстро и эффективно управлять толпами и «обрабатывать» людей. Дело

¹⁰¹ CNN, *World Report*, 22.4.1995; *International Herald Tribune*, 11.2.1998, p. 7; R. Tanner, "Poll: 7 out of 10 Worried about Government Secrecy", 13.3.2005 (<http://www.msnbc.msn.com/id/7171895>).

¹⁰² Рассказано мне Робертом Брайсом [Robert Bryce] из Остина, штат Техас, 10.05.2005.

завершает характерная для демократических стран необходимость равного обращения со всеми. Высокомерие, враждебность и злонамеренность встречаются редко. Однако здесь правит бал своего рода холодная формальность, если не сказать отчуждение. Попробуйте рассмешить человека в окошке, и ответом вам станет вежливое недоумение.

Идея, что правительство существует для служения, ведет к довольно странному, почти оруэлловским результатам. Среди них стремление называть правительственные органы, даже самые навязчивые и насильственные, «службами» (*services*). Проблему легко понять на примере одного из, казалось бы, самых невинных ведомств, «службы» национальных парков. Задача этой службы — охрана тех территорий страны, которые считаются особо ценными, чтобы люди могли наслаждаться ими. Большинство людей впервые сталкиваются с ней во время отпуска или на выходных у входа в какой-либо парк штата или национальный парк. Охранник, принимающий плату за вход, всегда одет в униформу в армейском стиле; внутри парка некоторые лесничие вооружены (в том числе многозарядными карабинами и пистолетами) так, что можно подумать, будто они собираются десантироваться в Ирак. За воротами вы попадаете на парковку, где посетители, выйдя из машины, обнаруживают внушительный список того, что делать запрещено, и наказаний за нарушение этих правил. Иностранцу может показаться, что такой прием отбивает всякое желание бывать здесь. Однако американцы к этому привыкли и принимают как должное.

Но это только начало. «Служба» иммиграции и натурализации на самом деле наименее дружелюбна к посетителям, потому что ее задача как раз в том, чтобы удержать от переселения в страну как можно большее число людей и сурово наказывать каждого, кто попытается сделать это нелегально. Точно так же и задача «службы» внутренних доходов (федеральная налоговая служба) в том, чтобы выжимать из кошельков людей столько, сколько позволяет закон. Она требует, чтобы граждане каждый год неделями потели над заполнением форм, а все, кто этого не сделает или сделает неправильно, преследуются с холодной безжалостностью, с которой мало что может сравниться. Тюремную систему тоже называют «службой», хотя она, вероятно, принадлежит к числу самых негуманных из всех, что имеются в развитых странах. В Аризоне один шериф

прославился, установив над подчиненной ему тюрьмой мигающий знак «Есть свободные места»; в Калифорнии по меньшей мере одна большая тюрьма известна как «Мужская деревня» (Men's Village), что вводит в заблуждение простодушных посетителей, не понимающих, что это значит. Управление по борьбе с наркотиками, выбравшее несколько другой стиль, похвально «традицией отличной работы», предположительно включающей опрыскивание полей в разных странах мира канцерогенными аэрозолями. Остряки утверждают, что фраза: «Я работаю на правительство. Я здесь, чтобы помочь вам» — одна из трех самых лживых фраз в английском языке (две другие: «Чек высылаю письмом» и «Я разведусь с женой и женюсь на тебе, моя радость»)¹⁰³. Наблюдая за тем, как работает правительство США, зачастую нельзя с этим не согласиться.

Нетрудно понять, почему в демократической стране правительство выбирает такой лицемерный стиль. Менее очевиден глубокий парадокс, на котором покоится этот стиль. Базовый принцип любой демократии гласит, что большинство людей в большинстве случаев действуют рационально и что при этом в каждом присутствует необходимый минимум бескорыстной доброй воли относительно друг друга и сообщества, в котором он живет. В конечном счете именно поэтому людям можно доверить управлять самими собой, а не требовать, чтобы они жили под тяжелой рукой господина; в случае США это даже зафиксировано в Декларации независимости. С самого начала, однако, было верно и обратное. Хотя государственная власть США была организована так, чтобы могла царить свобода, при этом имелось в виду и то, что народ должен знать свое место. По словам преемника Вашингтона Джона Адамса народ следовало защищать от его собственной податливости ко всяким «уловкам и трюкам... к лицемерию и суевериям... к лести, подкупу [и] подаркам»¹⁰⁴.

Представление о народе как о большом, опасном животном, которое нужно держать в узде, особенно очевидно проявляется в сфере права: ни в одной стране нет такого числа законов, как в США. Одна причина этого состоит в том, что

¹⁰³ См. форум Free Republic (<http://www.freerepublic.com>).

¹⁰⁴ J. Adams, *A Defence of the Constitutions and Government of the United States of America*, New York, N.Y., Da Capo, 1971 [1787–1788], vol. I p. 210.

в стране очень много законодательных учреждений — Конгресс, законодательные собрания штатов, округов и городов. Другая причина в том, что распространенное представление об американцах как о людях добродушных и простоватых ошибочно: на самом деле они одержимы манией писать и принимать законы. Источником этой мании, возможно, было то, что в стране, доставшейся первым переселенцам, практически все приходилось создавать *ex novo*. Позднее иммигранты, притекавшие волна за волной, помешали становлению однородной культуры, которая, установив совокупность общих ограничений, могла бы до известной степени заменить формально принятые законы. Наконец, в стране столь свободной, как это принято думать о США, закон абсолютно необходим для того, чтобы установить пределы свободы.

Проблему осложняет наличие множества агентств, которые, не имея права создавать законы, сочиняют правила и постановления. И делают они это с неподражаемым смаком, ежегодно добавляя десятки тысяч к уже существующим. Только за 1970—1975 гг. расходы федерального бюджета на соблюдение норм экономического регулирования подскочили на 157%¹⁰⁵; в результате, как утверждают специалисты, на одобрение нового лекарства в США уходит куда больше времени и денег, чем в Британии или Швеции. Чтобы представить, насколько огромен корпус уже созданных законов и регламентов, нужно пройти по коридорам, соединяющим Библиотеку Конгресса с соседними зданиями — с корпусом Джефферсона, корпусом Адамса и самим Капитолием. Вдоль стен тянутся мили и мили стеллажей со светло-коричневыми картонными ящиками с печатными материалами, предназначенными для членов Конгресса. Никому не известно, сколько в них слов, но счет должен идти на миллиарды. Конечно, предполагается, что правила и нормы регулирования соответствуют республиканско-демократической системе правления и в состоянии выдерживать процедуру судебного надзора. Но если они отвечают этим критериям, то в американской идее свободы не остается ничего, что помешало бы сковать людей по рукам и ногам.

Время от времени предпринимаются отважные попытки остановить этот поток, но они редко приносят сколько-нибудь

¹⁰⁵ G. Majone, "Regulatory Policies in Transition", *Jahrbuch fuer neue politische Oekonomie*, Tuebingen, 1984, p. 158.

существенные результаты. Принятый в 1980 году Закон о сокращении документооборота привел лишь к увеличению последнего, поскольку Конгресс потребовал — как обычно — документировать и отслеживать действие самого закона¹⁰⁶: в Америке того, чего нельзя задокументировать и проследить, просто не существует. Найдется ли человек, способный на самом деле выполнить все требования законодательства о подоходном налоге, если они меняются буквально каждый год? Найдется ли человек, способный одолеть сотни тысяч нормативных актов, содержащихся в «Федеральном регистре»? * Кто в состоянии прочесть, не говоря о том, чтобы понять, предложенный Клинтоном проект закона о здравоохранении объемом более 1300 страниц? И разве не тот же самый президент в собственных мемуарах рассказывает о своих попытках сократить бумажный поток и даже утверждает, что добился некоторого успеха?¹⁰⁷

В древних Афинах, которые во многих отношениях были самым демократическим государством в истории до 1776 года, предполагалось, что граждане знают закон. Поэтому запрещалось нанимать юриста, который представлял бы человека в суде. В Соединенных Штатах Америки сложилась прямо противоположная ситуация: здесь демократия зачастую означает власть не народа, а юристов¹⁰⁸. Уже творцы конституции отличались здоровым (а может быть, нездоровым) уважением к юристам, в силу чего многие из них боготворили «Туллия» (Цицерона)¹⁰⁹. Алексис де Токвиль обронил знаменитое замечание, что если в Америке и существует аристокра-

¹⁰⁶ OMB Report to Congress, September 1997 (www.whitehouse.gov/omb/inforg/prareprt.html).

* Ежедневное издание правительства США, в котором публикуются нормативно-правовые акты всех ведомств, а также проекты таких актов, вносимые в них изменения и другие материалы, связанные с государственным регулированием. — *Ред.*

¹⁰⁷ Clinton, *My Life*, pp. 555, 647—648. [Рус. пер.: Клинтон У. Дж. Указ соч. С. 620, 725—726.] Только за один 2003 г. Federal register увеличился на 75 000 страниц: D. E. Sanger, “Bush Embraces Some Regulations as Election Approaches”, *New York Times*, 31.12.2003.

¹⁰⁸ См.: M. A. Glendon, *A Nation under Lawyers*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1996, особенно pp. 257—279.

¹⁰⁹ Richard, *The Founders and the Classics*, p. 65.

тия, ее можно найти в кресле судьи и на скамье адвокатов. Он забыл упомянуть залы, где собирались народные избранники. Если взять в качестве примера 81-й Конгресс (1949—1951), почти две трети конгрессменов и сенаторов были юристами¹¹⁰. В 103-м Конгрессе (1993—1994) 181 из 435 конгрессменов и не менее 88 из 100 сенаторов были представителями этой профессии¹¹¹. В 2007 году то же самое можно было сказать о 26 из 45 президентов США, и очень может быть, что и следующий окажется юристом.

Когда правят юристы, страдают все остальные. В условиях обилия законов и норм количество преступлений и правонарушений, которые могут быть совершены, достигает астрономических величин. Однако в разных частях страны дело обстоит по-разному. Первоначально американское правительство, осуществлявшее власть над огромной и отчасти неисследованной страной, мало что могло сделать для контроля над нею. Соответственно оно закрывало глаза на отсутствие должной упорядоченности, а также на попытки граждан самостоятельно осуществлять грубое и скорое правосудие. Со временем присутствие правительства сделалось более заметным, и в этом заслуга каждого дополнительного государственного служащего, каждого полицейского, каждого нового успеха в таких сферах, как транспорт, связь и администрирование. Но и по сей день остаются регионы, где присутствие правительства ощущается слабо. Речь идет о юго-востоке страны (Западная Виргиния, Кентукки и Теннесси), юго-западе (пустынные штаты Нью-Мексико, Аризона и Невада) и об отдельных районах северо-запада (в штатах Северная Дакота, Вайоминг, Монтана и Айдахо).

Первый из этих регионов открылся для заселения уже в конце XVIII века. Но леса и горы затрудняли доступ к нему, превратив этот край в обиталище «диких горцев» [«Hill Billys»] — племени, известного своей отсталостью, упрямством и враждебностью ко всему новому. Суровый климат второго и третьего из названных регионов послужил причиной того, что в них поселилось не слишком много людей. Здешнее население состоит из тех, кому по душе безлюдье и независимость, чего в достатке в этих диких местах. Так или иначе, здешний люд привык полагаться на самих себя. К тому же они привыкли

¹¹⁰ Wright Mills, *The Power Elite*, p. 248.

¹¹¹ *Congressional Quarterly Weekly Report*, Special Report, 7.11.1992.

защищать самих себя, а это означает, что вооружены они, как правило, еще лучше, чем остальные американцы.

На большей части территории страны закон правит жесткой рукой. В зависимости от штата, где вы находитесь, причиной ареста могут стать закуренная сигарета, открытая банка пива или пес, спущенный с поводка там, где «не положено». Подождите кучу палой листвы на своем заднем дворе, и может найтись «активный гражданин», который сообщит куда надо о том, что вы наносите урон окружающей среде, и вас арестуют. Попробуйте искупаться обнаженным где угодно, кроме как в малом числе специальных мест, и вас непременно арестует какой-нибудь мерзко ухмыляющийся лесник, оповещенный еще одним «активным гражданином». Попробуйте промедлить с выполнением приказа полицейского немедленно выбросить леденец или мороженое на станции метро в Вашингтоне, и вас не просто арестуют, а вдобавок закуют в наручники и бросят за решетку¹¹².

Надлежащие правовые процедуры в суде в ходе уголовных процессов соблюдаются довольно приблизительно просто из-за многочисленности правонарушений. Существует два основных типа процедурных нарушений¹¹³. Первый состоит в том, что полицейские в ходе допросов и обвинители в ходе переговоров о заключении сделки с признанием вины [plea bargaining] обычно «убеждают» людей отказаться от своих законных прав, важнейшее из которых — рассмотрение дела в суде присяжных. Того же результата можно достичь, обвинив человека в совершении множества мелких преступлений. Если каждое из предъявленных обвинений не влечет наказания на срок более шести месяцев, дело не подлежит слушанию в суде присяжных. Но наказания по всем преступлениям суммируются, и человек может попасть за решетку на несколько лет.

Проблему усугубляет существующая с середины 1990-х гг. в ряде штатов и на федеральном уровне калифорнийская систе-

¹¹² С. Smith, “Woman Arrested, Cuffed, for Eating Candy”, 29.7.2004 (http://www.accessmylibrary.com/comsite5/bin/pdinventory.pl?pdlanding=1&referid=2930&purchase_type=ITM&item_id=0286-12814205).

¹¹³ Об этом существует огромная литература. См., например: L. M. Friedman, *American Law in the 20th Century*, New Haven, C., Yale University Press, 2002, pp. 205—250.

ма «три нарушения, и тебя нет» [“three strikes and you’re out”]. С одной стороны, она может обеспечить человеку пожизненное заключение за ряд мелких правонарушений. С другой, она доводит преступника до отчаяния и во многих случаях становится причиной того, что он действует с большей жестокостью, чем действовал бы в отсутствие подобного закона. Подобный исход особенно вероятен, когда обвиняемый беден, а также если он принадлежит к расовому меньшинству — к чернокожим или латиноамериканцам.

Всякое действие, естественно, рождает противодействие. В Калифорнии и других местах страх перед последствиями привлечения к ответственности за нарушение закона или административных предписаний пробуждает в гражданах необычайную жестокость по отношению к органам правопорядка, прежде всего к полицейским. Правительство, зная это, использует армии полицейских на всех уровнях, от Федерального бюро расследований (ФБР) до последнего окружного шерифа и его помощников. Многие из них вооружены не хуже военных. Даже небольшие провинциальные городки нередко могут похвастаться собственными подразделениями спецназа [SWAT, Special Weapons and Techniques Teams], имеющими на вооружении автоматическое оружие, шлемы, щиты и бронежилеты. Часть оружия предоставляется бесплатно Управлением снабжения правоохранительных органов (Law Enforcement Support Office), входящим в Министерство обороны. В 1995—1997 гг. оно предоставило полиции 1,2 млн единиц оружия, включая гранатометы и бронетранспортеры¹¹⁴. Создается порочный круг. Полиция должна служить гражданам, а вместо этого граждане и полиция боятся друг друга и, к сожалению, совершенно обоснованно. Тем более что совсем не редкость случаи, когда полицейские стреляют в невиновных, а граждане, приняв тяжело вооруженных, облаченных в маски полицейских за бандитов, палят в них из всех калибров.

Даже если полиция не прибегает к насилию, у людей есть все основания остерегаться ее. Дело в том, что стоит человеку войти в контакт с органами правопорядка, его личные данные будут занесены в гигантские базы данных, созданные именно для этого. Изобилие информации, которую можно извлечь простым щелчком мыши, вызвало изменение методов работы

¹¹⁴ P. Cassidy, “Police Take Military Turn”, *Boston Globe*, 11.01.1998.

полиции — и больше всего в США с их пристрастием к компьютерам и массовым обществом, составленным из безликих индивидов. Получив заявление от гражданина, полицейские очень часто вместо того, чтобы обратиться к традиционным методам расследования, будут сканировать базы данных в поисках «соответствий» и «паттернов». Всякого, кто был подозреваемым по какому-нибудь делу, и уж тем более если он подвергался аресту и был осужден, при совершении любого похожего правонарушения будут дергать на допросы снова и снова.

К части собираемой таким образом информации имеют законный доступ работодатели, кредитные организации и всевозможные лицензирующие учреждения. В других случаях они могут использовать не вполне законные методы доступа. Например, в Калифорнии, откуда идет так много новшеств, перечень профессий, требующих наведения справок о прошлом претендента, включает автомехаников, парикмахеров, косметологов, оптиков, владельцев заведений, торгующих алкоголем, стенографистов, работников санитарно-эпидемиологических служб и ремонтников телеаппаратуры, и этот список постоянно расширяется. Даже если предположить, что информация в этих базах данных верна (а зачастую это вовсе не так), результатом становится навешивание ярлыков на те или иные группы лиц, их изоляция и дискриминация. Возможно, что в отдельных случаях это толкает людей к совершению тех самых преступлений, в которых их подозревали, заслуженно или нет¹¹⁵.

Во всех такого рода вопросах ответственность за проведение границы между дозволенным и недозволенным возложена на судебную систему, высшим органом которой является Верховный суд. Последний время от времени пытается ограничить возможности правительства, как было, например, в процессе *Miranda v. Arizona* (1966), когда он принял постановление, что каждому человеку перед допросом следует зачитать его права¹¹⁶. Но в Верховный суд попадает лишь ничтож-

¹¹⁵ См. обо всем этом: D. R. Gordon, *The Justice Juggernaut: Fighting Street Crime, Controlling Citizens*, New Brunswick, NJ, Rutgers University Press, 1990, pp. 50—91.

¹¹⁶ См., например: L. Greenhouse, "Justices, in 5—4 Vote, Raise Doubts on Sentencing Rules", *New York Times*, 25.07 2004; G. Hulse and

ная доля рассматриваемых дел, и к тому же он не имеет права проявлять инициативу, а должен ждать, когда дело дойдет до него. Результаты впечатляют. Даже при том что многие штаты отчаянно ищут замену слишком дорогостоящему тюремному заключению, число людей, отбывающих срок за решеткой, за тридцать последних лет увеличилось вдесятеро. В начале XXI века оно составило почти два миллиона человек. Тюрмы обеспечивают работой более полумиллиона охранников; округа, города и предприниматели идут в тюремный бизнес — строят и обслуживают тюрьмы, стимулируя экономику и зарабатывая деньги; поскольку большинство арестантов приходят из крупных городов, а сами тюрьмы расположены чаще всего в сельской местности, они вносят вклад в рост сельского населения¹¹⁷. Еще четыре миллиона человек числятся на условно-досрочном освобождении, выпущены на поруки, привлечены к общественным работам или носят электронные браслеты, позволяющие следить за их перемещениями, превращая таким образом все общество в своего рода гигантскую тюрьму.

Из обитающих за решеткой меньше трети (29%) виновны в таких насильственных преступлениях против личности, как убийство, изнасилование, похищение людей, грабеж и разбой. Еще 30% сидят за преступления против собственности, такие как мошенничество, квартирные кражи со взломом, похищение автомобилей и воровство. Еще 30% сидят за наркотики, в том числе за простое владение ими. Остальные — нарушители общественного порядка, привлеченные за незаконное владение оружием, вождение автомобиля в пьяном виде и т.п. В пересчете на сто тысяч населения в США в шесть раз больше заключенных, чем в Канаде и в Британии, и в восемь раз больше, чем во Франции¹¹⁸. В этом США намного опережают все развитые страны, не считая России. Надо признать, что начиная примерно с 1990 года преступность несколько снизилась. Но то же самое происходило и в таких странах, как Канада и Британия.

A. Liptak, "New Fight over Controlling Punishment is Widely Seen", *ibid*, 13.01.2005.

¹¹⁷ Некоторые статистические данные приведены в работе: С. Parenti, *Lockdown America; Police and Prisons in the Age of Crisis*, London, Verso, 1999, pp. 213—217.

¹¹⁸ Источник: "The Dark Side of America", *New York Times*, 17.5.2004.

В сравнении с ними и многими другими преступность в США была и остается очень высокой.

Наконец, в стране крайнего индивидуализма социальные институты обычно слабы, а на взаимопомощь рассчитывать трудно¹¹⁹. Билль о правах можно лелеять и им гордиться, но это, в конце концов, всего лишь бумага. Когда гражданин может рассчитывать только на помощь низкооплачиваемого, зачастую перегруженного делами и небрежного государственного адвоката, он оказывается один на один со всемогущим правительством. Можно повторить сказанное президентом Бушем-старшим в другом контексте — правительству свойственно «такое же сострадание, как КГБ»¹²⁰. В Калифорнии число заключенных не превышает 200 тыс. человек только потому, что не хватает мест для еще 2,5 млн человек, ордер на арест которых уже выписан. Те, кто может себе это позволить, нанимают адвокатов. Тот факт, что бывший президент Клинтон, покидая Белый дом, имел несколько миллионов долларов долга, показывает, сколь велики могут быть эти расходы — и это не удивительно, если учесть, что правительственные органы в попытке предъявить ему иск истратили не менее 70 млн долларов. Система настолько безжалостна, что некоторые видят в ней всего лишь средство убрать с улиц тех, кто, говоря на языке экономики, не может или не хочет позаботиться о себе, и отправить их «на отдых» за казенный счет¹²¹. Циник сказал бы, и не без оснований, что во многих странах положение с правами человека гораздо хуже, чем в США. Не считая этой особенности, связанной с уникальной преданностью идеалам свободы, равенства и справедливости, проблемы в сфере правоприменения и наказания стоят в Америке более остро, чем где бы то ни было.

На протяжении всей ее истории американскую систему государственной власти одни считали крайне сомнительной, а дру-

¹¹⁹ См. об этом ниже в гл. 3.

¹²⁰ См.: <http://query.nytimes.com/gst/fullpage.html?res=9E0CE4DC1F31F930A3575BC0A964958260&sec=&spon=&pagewanted=all>.

¹²¹ Из недавних работ см.: E. N. Luttwak, *Turbo-Capitalism; Winners and Losers in the Global Economy*, New York, N.Y., HarperPerennial, 1998, pp. 22, 24, 69.

гие гордились ею. Во времена ее создания многие самые образованные люди своего времени сомневались в ее способности выжить и преуспеть, а спустя 140 лет утверждалось, что «ни один другой документ, созданный рукой человека, не принес такого прогресса и счастья человечеству»¹²² (заметьте, не только Америке!). Спор продолжается и в начале XXI века. Некоторые полагают, что государство все еще недостаточно надежно отделено от религии, и добиваются того, чтобы слова «На Бога уповаем» [«In God we trust»], появившиеся в государственной атрибутике только в 1864—1865 гг., были удалены со всех предметов и документов, скрепленных государственной печатью¹²³. Другие, напротив, считают, что это отделение зашло слишком далеко, и хлопочут о том, чтобы дети в государственных школах начинали утро с молитвы Господу¹²⁴. Одни утверждают, что невыборные органы, такие как Верховный суд, стали слишком влиятельны и даже действуют вопреки явно выраженной воле народа¹²⁵. Другие усматривают в существующей ситуации скатывание к популизму, который превращает страну в поле игры узких интересов и жертвует ее долговременным благополучием ради алчности и сиюминутных потребностей народа¹²⁶.

Хотя критики и не могут договориться между собой о том, кто виноват — корпорации, консьюмеризм или наркотики, — все они оплакивают утрату «гражданского духа». Именно благодаря этому качеству, утверждают они, в прежних поколениях было меньше распрей, они были законопослушней и более склонны служить общему благу, чем в наши дни. Как будто рузвельтовский Новый курс, вызывавший в свое время беспрецедентные обвинения, не угрожал расколом нации; как будто не было скандала «Типот-Доум» (в 1921—1922 гг. вскрылось,

¹²² *The Autobiography of Calvin Coolidge*, p. 40.

¹²³ См. об этом движении в: В. Poovey, “Court Affirms Ban on School Bible Classes”, А.Р., 06.08.2004, (<http://www.phillyburbs.com/pb-dyn/news/1-06082004-313022.html>).

¹²⁴ Об истории этих дебатов см.: Jacoby, *Freethinkers*, pp. 320—324.

¹²⁵ См., например: S. I. Powers and S. Rothman, *The Least Dangerous Branch? Consequences of Judicial Activism*, New York, N.Y., Praeger, 2002; а также Fletcher, *Our Secret Constitution*, особенно pp. 231—260.

¹²⁶ Например, см.: F. Zakaria, *The Future of Freedom*, особенно pp. 161—198.

что министр внутренних дел Альберт Б. Фолл за взятки передал корпорации *Mammoth* права на разработку нефтяных месторождений); как будто политика высоких импортных тарифов во второй половине XIX века не имела никакого отношения к политическому влиянию крупнейших корпораций; как будто «бароны-разбойники»* все свои деньги заработали честным путем.

Кое-кто полагает, что правительство недостаточно регулирует, т.е. запрещает, имея при этом в виду множество вещей — от права владения оружием до порнографии, от курения до потребления некачественной пищи¹²⁷. Другие считают, что правительство и так зашло слишком далеко. Оно превратилось в «государство-няньку», которое обращается с гражданами как с малыми детьми или идиотами, отказывает им в ряде самых насущных прав и, конечно, наращивает свою мощь, чтобы всех мучить и преследовать¹²⁸. Продолжая это направление мысли, существует немаловажное течение в общественном мнении, которое, будь у него такая возможность, ликвидировало бы значительную часть существующего государственного аппарата. Речь идет не только о таких «мягких» функциях, как социальное обеспечение, здравоохранение и образование, но и о ряде основных, выделяемых в этом качестве с конца XVI века, включая монополию на эмиссию денег (предлагается предоставить право на выпуск денег частным лицам и фирмам, как это было в 1837—1861 гг.), а также полицию¹²⁹.

* Выражение принадлежит политическому и экономическому комментатору Мэтью Джозефсону, который так охарактеризовал в 1934 году отраслевых магнатов, делавших состояния при помощи подавления конкурентов. Сам термин восходит к баронам средневековой Германии, учреждавшим собственные таможи на Рейне. — *Ред.*

¹²⁷ Один из перечней см. в: D. Moore *Stupid White Men*, New York, N.Y., 2002, pp. 209—220.

¹²⁸ См. *cri de coeur* [крик души (*фр.*). — *Прим. перев.*] в: G. Gordon Liddy, *When I was a Kid, This Used to be a Free Country*, Washington D.C., Regnery, 2002; и на более академичном уровне: R. Higgs, *Against Leviathan; Government Power and a Free Society*, Oakland, CA, The Independent Institute, 2004, pp. 9—19.

¹²⁹ См.: M. N. Rothbard, *For a New Liberty. The Libertarian Manifesto*, Auburn, Al.: The Ludwig Mises Institute, 2006 (доступно online: <http://mises.org/books/newliberty.pdf>), в частности, главу 12: www.mises.org/rothbard/newliberty11.asp; а также в намного

В других странах таких людей сочли бы, вероятно, анархистами и отнесли бы к ним, как к слегка чокнутым. В США все совершенно иначе. Здесь они называют себя либертарианцами и не без оснований претендуют на то, чтобы представлять одну из старейших и самых аутентичных составляющих американской традиции¹³⁰.

Политика — это искусство балансирования. Сам факт, что нападки идут одновременно с множества разных направлений, доказывает, что американская система правления во многом остается такой же, какой была всегда. Учитывая, что эта система существует уже более двух столетий, это является замечательным достижением. По сути дела, можно утверждать, что, за одним важным исключением, каковым была Гражданская война, эта система продемонстрировала замечательную устойчивость и достигла огромного успеха в том, что позволила множеству людей жить и заниматься своими делами, не прибегая к кровопролитию. И это утверждение тем более обосновано, что с 1776 года население США выросло с примерно трех миллионов до почти трехсот, то есть в сто раз; при этом страна, представлявшая собой сравнительно гомогенное общество выходцев из Европы, превратилась в самую, пожалуй, многонациональную в мире; выстроила неслыханно могучую экономику, одновременно превратив ее из сельскохозяйственной в промышленную, а из промышленной в экономику услуг; эта страна, бывшая вначале рыхлым союзом разрозненных колоний, обратилась в колосса, который не только занимает территорию в три миллиона семьсот тысяч квадратных миль, но еще и простирает свои руки в самые отдаленные уголки планеты.

В общем и целом, несмотря на все сдвиги, которые идут то в одном, то в другом направлении, по-прежнему существует баланс между исполнительной, законодательной и судебной властью, а также между народным волеизъявлением и принципом верховенства права. То же можно сказать и о балансе

более подробном изложении см.: Н. Н. Hoppe, ed., *The Myth of National Defense: Essays on the Theory and History of Security Production*, Auburn, Al., The Ludwig von Mises Institute, 2003 (<http://mises.org/books/defensemyth.pdf>).

¹³⁰ Лучшим источником для первоначального ознакомления с этой школой мысли является работа: M. N. Rothbard, *The Ethics of Liberty*, N.Y.: New York University Press, 1998.

между федеральным правительством и штатами. Например, в апреле 2004 года суд отклонил попытку генерального прокурора Джона Ашкрофта помешать гражданам Орегона осуществить свое право выбирать «достойную смерть» с помощью врача¹³¹. Спустя три месяца палата представителей приняла законопроект, лишаящий суды права обязывать штат признавать гомосексуальный брак, заключенный в другом штате. Вряд ли этот законопроект найдет поддержку в Сенате, но если найдет, то это станет радикальной атакой на федерализм, как его понимают с 1789 года. Следует признать, что правительство, а в особенности федеральное правительство, вышло далеко за пределы, представлявшие творцам конституции и даже прогрессистам начала XX в., положившим начало движению в этом направлении. Однако эта экспансия государства в значительной степени объясняется проблемами современной жизни, а в них нет ничего специфически американского. В сравнении с правительствами других развитых стран Европы и других континентов, правительство США до сих пор остается одним из самых небольших. Более того, после десятилетий экспансии федеральное правительство начало в некоторой мере сокращаться — хотя лишь в размере, а не в объеме полномочий, которыми обладает.

Хотя сам факт столь длительного существования американской властной системы служит достаточным доказательством ее стабильности, вряд ли эта стабильность оказалась бы столь продолжительной, не будь система достаточно гибкой. Определенная гибкость была встроена в систему с самого начала, когда создатели конституции снабдили ее механизмом — довольно неуклюжим, по мнению некоторых, — принятия поправок. Другие многочисленные изменения, включая многие шаги в направлении большей демократичности, были предприняты народом и правительством без обращения к механизму поправок. Сам факт, что конституция воплощена в словах, дал судам возможность толковать ее то так, то эдак, помогая ей принорваться к духу времени и не позволяя людям, попавшим под влияние изменений этого духа, заменить или уничтожить ее.

¹³¹ “Death with Dignity National Center”, “Ninth Circuit Court Sides with Oregon”, 26.5.2004, (<http://www.dwd.org/news/releases/05.26.04.asp>); “A Radical Assault on the Constitution”, *New York Times*, 24.7.2004.

Некоторые элементы, составившие американскую систему правления, являются оригинальными, другие созданы не самими американцами, а восходят к народам, существовавшим сотни и даже тысячи лет назад. Один из этих народов, британский, начал прокладывать путь к тому, что я буду для краткости условно называть либеральной демократией, за сто лет до возникновения США. Другие — скажем, французы — внесли существенный теоретический вклад в эту идею, применили ее всего через несколько лет после американцев и, пройдя долгий и зачастую извилистый исторический путь, ныне столь же преданы собственной версии либеральной демократии, как США. Разница в том, что ко времени, когда между 1688 и 1789 гг. народы других стран набрали на этот идеал, у них уже полтысячелетия, а то и более существовали сформировавшиеся, более или менее узнаваемые, более или менее внутренне связанные политические системы. Хотя они приняли либеральную демократию по тем или иным причинам, в тот или иной момент, нередко преодолевая то или иное сопротивление, тем не менее их существование от нее не зависит. Теоретически в один прекрасный день они могут отказаться от нее, скажем, отменив демократию и установив клерикальную или абсолютистскую форму правления. И если они смогут сделать это, не распавшись, то и после этого Британия останется Британией, а Франция — Францией.

Здесь-то и видна уникальность Америки. В ее случае борьба, приведшая к независимости, и борьба за утверждение демократии слились воедино, и вовсе не случайно события 1776—1783 гг. часто именуют Американской революционной войной [War of American Revolution]. И такие важнейшие документы, провозгласившие американские идеалы свободы, равенства и справедливости, как Декларация независимости, Конституция и Билль о правах, не были привиты к уже сложившемуся политическому сообществу. Наоборот, новое государство было создано именно для реализации этих идеалов, которые в итоге являются для него определяющими на протяжении всего времени его существования. Иными словами, Америка — это нечто большее, чем просто страна или нация. Это и то и другое, но плюс к этому это еще и мировоззрение и, как сказал упомянутый в начале главы капеллан, попытка осуществить его на практике. Можно сказать и по-другому: Америка — не только страна и государство, но еще и идеология, почти светская

религия¹³². И это весьма парадоксальная религия, поскольку ее задачей было доказать, впервые в истории, возможность упорядоченного, законопослушного политического сообщества, не требующего санкции официальной религии.

Учитывая длительную и сложную историю этих народов, по-видимому, невозможно быть антирусским (если только не понимать под этим, как делают некоторые, отсутствие принадлежности к православной вере), антифранцузом или антибританцем. Теперь, когда нацисты и их попытки навязать основанное на расовой теории идеологическое единообразие остались в прошлом и, будем надеяться, навеки, стало крайне затруднительно быть даже антинемцем. Но быть антиамериканцем *несомненно* возможно; значение этого термина весьма близко к тому, что значит быть антихристианином, антимусульманином, антиконфуцианцем и т.п. Американское мировоззрение настолько прочно впечатано в американскую систему правления и наоборот, что они стали просто неотличимы. И так будет до тех пор, пока существует Америка.

¹³² Исключительно четко эта точка зрения изложена в: Lipset, *American Exceptionalism*, pp. 18—19, 291—292.

Глава 2.

PER ARDUA AD ASTRA

*When I was just a little girl
I asked my mother, what shall I be
Shall I be happy, shall I be rich
That's what she said to me:
Que sera sera...**

В Америке богатство приравнивают к счастью, вероятно, больше, чем где-либо еще. На протяжении всей истории ни один народ не был столь предан достижению материального богатства, добиваясь его так, будто ничто другое в жизни не имеет значения. Ни один народ не превзошел американцев в создании богатства, и ни один народ, создав богатство, не похвалялся им перед своими и чужими больше американцев. В США даже торговые каталоги не такие как везде: нигде покупателю не сулят с таким напором, что, купив рекламируемые товары, он окажется в земном раю. Откройте буклет «SkyMall» из кармана в спинке самолетного кресла: вы обнаружите шлепанцы, «разработанные с таким расчетом, чтобы обеспечивать максимальное удобство и надежность и в то же время избавить ноги от усталости». В чем первопричина единодушной приверженности американцев идее богатства и их упорства в его обретении? Как развивалась американская экономика до 1945 года, когда она достигла беспрецедентного могущества, что произошло с ней с тех пор и что происходит сейчас? Наконец, какую цену платят американцы за свои экономические успехи?

«Раз ты такой умный, почему такой бедный?» Как объяснить исключительную роль в американской жизни денег и того добра, которое можно купить за них? Очевидный ответ: протес-

* Слова из популярной песни 1950-х гг. «Когда я была маленькой девочкой, / Я спросила мать: «Кем я буду? / Буду ли я богатой? / Буду ли счастливой?» И вот что она сказала мне: / «Что будет, то и будет» (англ., ит.). — Прим. перев.

тантская этика¹. Древние цивилизации зачастую связывали погоню за богатством с вырождением. Но при всем при том, если не считать Спарты, этой идее следовали по большей части только на словах.

Другие культуры усматривали связь между богатством и грехом. Некоторые народы, особенно мусульмане, до сих пор настаивают на соблюдении древнего библейского запрета взимать процент. Сам Иисус благословлял бедных: разве он не говорил, что «легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в Царство Небесное»? Знаменитый пуританский священник Коттон Матер поносил тех, кто гонится за богатством, и той же идеи некоторые американские христиане придерживаются и по сей день². Но большого распространения она не имеет. Колонии начали процветать не раньше чем большинство колонистов стало видеть в богатстве знак божьей милости, позволяющей стать ближе к Господу. И более того: религия стала не опиумом народа, не обещанием вознаграждения за гробом, а методом приобретения сокровищ в этой жизни. Вероятно, верующих и посещающих церковь в Америке больше, чем в других странах³, в том числе и потому, что с этим связывается нешуточное материальное вознаграждение. Веди добропорядочную жизнь, верят они, и Господь вознаградит тебя не только духовными дарами, но и красивой одеждой, домом «как у людей», двумя BMW в гараже и ежегодным отдыхом на Карибах.

Протестантская этика, как ясно из ее названия, возникла не в Америке и распространена не только в ней. Она утвердилась сначала в Германии, Швейцарии, Голландии, в Скандинавии, Шотландии, Англии и в некоторых районах Франции. Потом она пересекла Атлантику и нашла идеальную для себя

¹ См. классическую работу: M. Weber, *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*, New York, N.Y., Scribner's, 1958 [1905], pp. 181—183. [Рус. пер.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. / Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 61—272.]

² См., например: J. F. Kavanaugh, *Following Christ in a Consumer Society; The Spirituality of Cultural Resistance*, Maryknoll, N.Y., Orbis, 1981; и A. R. Simon, *How much is enough? Hungering for God in an Affluent Culture*, Grand Rapids, Mich., Baker Books, 2003.

³ Lipset, *American Exceptionalism*, pp. 61—62.

почву, на которой прижилась и расцвела. Неважно, что к переселенцам из перечисленных выше стран вскоре присоединились католики, православные, иудеи, китайцы, индусы и множество других народов, превративших США в самую, пожалуй, многонациональную страну в истории человечества. Стоило всем этим людям шагнуть на берега Америки, как они (а зачастую еще до этого шага) тут же понимали, каковы ставки, и быстро включались в гонку, в результате чего протестантские ценности усвоили и католики, и остальные⁴. Это не значит, что все они стали одинаковыми. Евреи, например, редко искали себе пахотных земель. Их привлекала не земля, а определенные профессии, так что желание еврейских матерей выдать дочь за врача вошло в поговорку. Итальянцы, китайцы и корейцы действовали сходным образом. Все они прибыли в страну уже после того, как движение на Запад прекратилось. Они селились в городах, где, по крайней мере поначалу, жили семейными кланами, более сплоченными, чем принято в США.

В других странах стремление к богатству сдерживали иные факторы. Важнее всего, пожалуй, были устоявшиеся, довольно жесткие классовые различия, переходившие из поколения в поколение; такого рода различия преобладали почти во всех обществах, от Европы до Индии. Для людей, стоявших на вершине социальной лестницы, они были способом отделить себя от большинства и пользоваться своими привилегиями (за счет этого большинства). Так было даже в тех случаях, когда привилегированный слой был не особенно богат. К примеру, эти люди имели право бывать при дворе и наслаждаться его великолепием, или исключительное право владеть землей, или право быть судимыми судом равных, быть избавленными от самых унижительных форм наказания, а чтобы показать, что они «равнее» прочих, у них к тому же было право носить определенные виды дорогой одежды, а также меч или шпагу. Для низших эти различия зачастую ставили жесткий предел их притязаниям и таким образом снижали остроту возможного

⁴ См., например: W. Herberg, *Protestant — Catholic — Jew; An Essay in American Religious Sociology*, Chicago, IL, University of Chicago Press, 1983, pp. 100, 152—154; а также: Th. E. Wangler, “John Ireland and the Origins of Liberal Catholicism in the United States”, *Catholic Historical Review*, 56, 1971, pp. 617—629.

чувства обиды и негодования. В силу этого классовые различия до известной степени заменяли богатство и помогали людям мириться с его отсутствием. Они недвусмысленно указывали каждому его место в жизни.

По сравнению с большинством других стран, Америка была бесклассовой. Покинув родной дом, люди выпадали из общества, в котором знали их и их родителей. На новом континенте они оказывались среди чужаков, которым не было дела до происхождения или бывшего статуса. Жизнь на фронтире разрушает социальные различия быстрее, чем что-либо еще, и в результате такие термины, как *фермер* [farmer], *йомен* [yeoman], *плантатор* [planter] и *хлебопашец* [husbandman], которые в Европе фиксировали существенные правовые и социальные различия между людьми, стали использоваться как синонимы. Дело довершила идеология равенства, так что всевозможные титулы и соответствующие им старинные привилегии были официально упразднены. Как отмечали многие иностранные наблюдатели от Токвиля до Симоны де Бовуар, повседневная жизнь здесь была и зачастую остается куда более открытой, чем там, откуда все они прибыли. Не было в ней и бывшего подобострастия. Многие уничижительные формы обращения вышли из употребления. Другие, такие как «малый», остались почти исключительно для обращения к неграм. И все же людям со времен их появления на земле всегда требовались резоны, чтобы отделить себя от других и смотреть на этих «других» сверху вниз. Поэтому в Америке, где классовые различия не могли играть никакой роли, они разделились по признаку богатства.

Свобода от классовых ограничений означала и расширение свободы выбора профессий. От Византии до Индии с ее системой каст, во многих обществах перечень профессий, которыми большинство людей могло (и соответственно не могло) заниматься, был наследственным и фиксировался при рождении. Даже там, где дело обстояло иначе — например, в городах средневековой Европы, — общество было пронизано гильдиями. Гильдии были корпорациями ремесленников. Они действовали как стражи, определявшие, кого впускать в соответствующую профессиональную сферу, а кого не впускать, и нет нужды говорить, что предпочтение всегда отдавалось родственникам членов гильдии. Кроме того, гильдии бдительно надзирали за всей трудовой деятельностью своих

членов. Запрещалось устраивать мастерскую за городом. Сменить профессию и перейти в другую гильдию тоже запрещалось и официально, и зачастую на практике. Жестко регулировались источники сырья, методы обработки и тому подобное. Ремесленникам даже могли запретить, скажем, чихать, чтобы не привлекать ненадлежащего внимания к своему товару⁵. Со своей стороны гильдии обеспечивали определенную степень безопасности, защиту от конкуренции и систему взаимного страхования.

Такого рода гильдии не прижились в Америке, которая стала независимой именно в те времена, когда на них началось наступление и в Европе. Одна из причин состояла в том, что по ту сторону Атлантики рабочая сила, особенно квалифицированная, с самого начала была в дефиците⁶. К тому же почти каждый желающий мог отправиться на Запад и, получив землю, обрести независимость. Соответственно людей обычно спрашивали о том, что они умеют, а не о том, где они научились своему делу, имеют ли законную лицензию и не используют ли в работе запрещенные методы.

Даже в наши дни американцы располагают большей свободой при выборе профессии и рода занятий, чем жители многих других развитых стран. Например, в Германии нельзя заниматься выпечкой хлеба на продажу, не пройдя через ученичество, а человек, предлагающий услуги по ремонту компьютеров, но не обучавшийся на соответствующих курсах, будет преследоваться по закону. Иногда трудовая мобильность сковывается необходимостью получить соответствующее разрешение, как, например, в Венеции, где даже для управления гондолой нужно купить у города лицензию, причем очень дорогую. В других случаях наследие социализма привело к принятию законов, обеспечивающих рабочим гарантии пожизненной занятости, так что их нельзя уволить без предварительного оповещения, выплаты денежной компенсации и т.п.

⁵ M. Weber, *General Economic History*, New York, N.Y., Collier, 1961 [1923], pp. 111—114.

⁶ E. J. Perkins, *The Economy of Colonial America*, New York, N.Y., Columbia University Press, 1980, pp. 1—2; H. J. Habakuk, *American and British Technology in the Nineteenth Century; The Search for Labor Saving Inventions*, Cambridge, Cambridge University Press, 1962.

В Америке дела обстоят по-другому. В отличие от большинства стран Европы и Латинской Америки, здесь никогда не было системы *corvée** или принудительного труда. Мобильность труда здесь была ограничена только у служащих по договору об ученичестве (да и те всегда могли выкупиться или просто сбежать до истечения срока договора)⁷, у чернокожих рабов и, в известной степени, у издольщиков, которые после 1865 года заменили рабов. Не считая сокращающегося числа университетских профессоров, гарантии пожизненного найма есть только у федеральных служащих. Но и эти весьма скромные привилегии воспринимаются с раздражением. Многие критики утверждают, что они приводят к раздуванию штатов и неэффективности⁸. Рабочие места остальных американцев не защищены, да они этого, как правило, и не требуют. Это находит отражение в статистике текучести кадров. Американец в среднем проводит на одном рабочем месте 6,9 года, тогда как француз — 10,4 года, немец — 10,8 года, а японец — 11,3 года⁹. Это отражается и в том, как американцы пишут свои резюме. Разумеется, даже в США чрезмерная мобильность превращается в непрофессионализм и потому вызывает неодобрение. Но в целом чем больше «опыта» накопил человек, тем больше у него шансов быть принятым на работу.

Все это сделало Америку страной упорного труда — и сами американцы говорят, что главным фактором успеха является упорный труд, а не классовое происхождение, связи или везение¹⁰. Еще до Гражданской войны английский экономист Гарриет Мартино, побывав в Соединенных Штатах, отметила большую продолжительность рабочего дня, что иногда приводило к забастовкам¹¹. Побывав в Англии в 1877 году,

* Барщина (фр.). — Прим. перев.

⁷ См. об этом в работе: D. W. Galenson, "The Market Evaluation of Human Capital: The Case of Indentured Servitude", *Journal of Political Economy*, 89, 3, 1991, pp. 446—467.

⁸ См.: D. Armev, *The Freedom Revolution*, Washington D.C, Regnery, 1995.

⁹ По данным из работы: D. Brooks, *Paradise Drive*, New York, N.Y., Simon & Schuster, 2004, p. 76.

¹⁰ См.: Lipset, *American Exceptionalism*, p. 81.

¹¹ Цит. по: H. J. Laski, *The American Democracy*, New York, N.Y., Viking, 1948, p. 52; о забастовках в этот период см.: W. Licht,

промышленник Эндрю Карнеги, на сталеплавильных заводах которого работали десятки тысяч рабочих, досконально знавший свое дело, заметил, что в Англии работают менее напряженно и делают более длительные перерывы, чем на его заводах¹². В 1900 году знаменитый английский журналист Уильям Стид писал, что «в Англии работают, чтобы жить, а в Америке живут, чтобы работать». Он приводит описанную в американской газете *Evening Journal* сцену на нью-йоркской железнодорожной станции, свидетелем которой был сам: люди буквально лезут по головам друг друга, чтобы попасть в поезд, везущий их на работу или с работы. Стид заканчивает статью следующим пассажем: «Это малопривлекательное зрелище, которое тем из нас, кто относится с одобрением к деятельной жизни, напоминает видение ада... какая польза человеку от того, что он приобретет весь мир, но при этом утратит собственную душу?»¹³

Если другие страны в те времена активно проводили законы, ограничивающие продолжительность рабочего дня, то нью-йоркский суд в 1905 году вынес решение, что работники пекарен, то есть люди, занятые на одном из самых тяжелых производств, не имеют права требовать 60-часовой рабочей недели¹⁴. С тех пор ситуация изменилась сравнительно мало. Посетив в 1947 году Нью-Йорк, Симона де Бовуар была свидетелем давки при посадке на паром до Нью-Джерси: «Все друзья говорили мне, как тяжелы будни в этом городе с его огромными расстояниями, в особенности для женщин, держащих на своих плечах работу и домашнее хозяйство и оказывающихся совершенно измотанными к вечеру»¹⁵. В 1995 году сравнительное исследование по четырнадцати странам показало, что по числу часов рабочий день мужчин-американцев длиннее, чем во всех странах, кроме одной, и только в двух

Industrializing America: The Nineteenth Century, Baltimore, Md., Johns Hopkins, 1995, p. 69.

¹² A. Carnegie, *An American Four in Hand in Britain*, New York, N.Y., Scribner's, 1883, pp. 249–250.

¹³ W. T. Stead, *The Americanisation of the World*, London, Review of Reviews, 1902, p. 164.

¹⁴ Lynn E. Winer, *From Working Girl to Working Mother: the Female Labor Force in the United States, 1820–1980*, Chapel Hill, N.C., North Carolina University Press, 1985, p. 72.

¹⁵ *America Day by Day*, p. 383.

странах женщины работали больше, чем американки¹⁶. Примерно в то же время разница с Германией и Францией составила 320 часов в год, что равно двум полным месяцам¹⁷. В 2002 году среднегодовая продолжительность рабочего времени в расчете на одного работающего составила в США 1809 часов, в Японии — 1807, в Испании — 1719, в Великобритании — 1668, в Швеции — 1559, во Франции — 1541, в Швейцарии — 1499 и в Германии — 1444 часа. В 2003—2004 гг. в сравнении с Евросоюзом в целом разница составила 14%¹⁸.

Отчасти этот разрыв объясняется тем, что в Старом Свете продолжительность рабочей недели меньше, хотя ситуация начала меняться по мере того, как европейские работодатели почувствовали давление глобальной конкуренции¹⁹. Остальное объясняется тем, что в Америке короче ежегодные отпуска, а также отпуска по болезни и по уходу за детьми. Но результат парадоксален. Американскому нанимателю проще избавиться от неподходящего работника, и потому он меньше тратит на его обучение²⁰. Будучи в среднем менее подготовленным, американский рабочий в среднем работает больше, чем в Европе, но менее производительно. В 2002 году статистика производительности труда была такой: 38 долларов в час в Норвегии, 35 долларов — во Франции, 34 доллара — в Бельгии и только 32 доллара в час в США²¹. И это было еще до того, как в 2003—2004 гг. начался устойчивый рост курса евро по отношению к доллару. Американским

¹⁶ J. P. Robinson and G. Godbey, *Time for Life: The Surprising Ways Americans Use Their Time*, University Park, PA, Pennsylvania State University, 1997, p. 109, figure 10.

¹⁷ J. B. Schor, *The Overworked American; The Unexpected Decline of Leisure*, New York, N.Y., Basic Books, 1991, p. 1—2.

¹⁸ *Junge Freiheit*, 28.11.2003, p. 11; J. Sterling, “A Shorter Workweek Indicates Lower Employee Productivity”, *Career Journal.com*, 23.11.2004 (<http://208.144.115.170/myc/workabroad/20041123-sterling.html>).

¹⁹ Sterling, “A Shorter Workweek Indicates Lower Employee Productivity”.

²⁰ L. M. Mynch, “Payoffs to Alternative Training Strategies at Work”, in R. B. Freeman, ed., *Working Under Different Rules*, New York, N.Y., Russell Sage, 1994, pp. 74—75.

²¹ Данные взяты из: *Yediot Ahronot* [на иврите], 03.09.2003, p. 7.

рабочим приходится дольше работать, чтобы компенсировать отставание в производительности. Прочитируем еще раз Симону де Бовуар: «В этой стране... жизнь расходуется только на выживание».

Американцы не просто много работают: помимо этого они должны еще и выглядеть как люди, которые много работают. Примерно в 1890 году будущий президент Теодор Рузвельт одобрительно высказывался о «напряженной жизни». Тогда, как и сегодня, приобрести репутацию бездельника означало повредить себе. Здесь тоже есть поле для соперничества. Люди хвастают тем, как рано встают, чтобы не застрять в пробке: некоторые ежедневно встают в пять утра. Добравшись до рабочего места, они первые полчаса-час тратят на то, чтобы выпить кофе и собраться с мыслями. Для всех, от военных и бизнесменов до священников, слова «у него (нее) напряженный график» звучат лучшей похвалой. Если дверь кабинета закрыта, этот человек не в счет, потому что его, очевидно, нет на месте. Если дверь распахнута и из коридора видно, что человек усердно трудится, он тоже не в счет, потому что он явно никому не нужен. У многих служащих среднего звена есть манера добраться до работы, распахнуть дверь своего кабинета и исчезнуть. Тогда все будут знать, что: а) вы сегодня на работе, и б) у вас важная встреча с важными людьми где-то внутри здания.

В большинстве мест работа останавливается в половине двенадцатого или в полдень, когда все расходятся на ланч; само выражение «бизнес-ланч» — американское изобретение. Некоторые в это время занимаются гимнастикой, а потом слегка перекусывают. Если при этом человек переусердствует с выпивкой или спортом, после перерыва он будет не в состоянии трудиться всерьез. В этом случае вся вторая половина дня пройдет в борьбе со сном и в ожидании конца рабочего дня. В том, что касается работы, даже в Америке не всегда можно доверять тому, что видишь.

Доказывать то, что работают не только ради хлеба насущного, вынуждены не только те американцы, стоящие на низших ступенях социальной лестницы, но и взобравшиеся на самый ее верх. Вот что сказал об этом зоркий француз Алексис де Токвиль, побывавший здесь в 1830-х гг.: «Богатый человек в Соединенных Штатах считает себя обязанным, дабы поддержать свой авторитет, посвящать досуг каким-либо общественным

делам. Он считает, что его репутация пострадает, если он будет жить просто в свое удовольствие. Именно для того, чтобы избавиться от обязанности постоянно трудиться, так много богатых американцев отправляются в Европу: здесь они находят обломки аристократических обществ, в которых праздность еще считается уделом благородных людей»²². Следуя сентенции Бенджамина Франклина «время — деньги», Эндрю Карнеги начал работать по двенадцать часов в день, еще будучи учеником, и сохранял эту привычку на протяжении большей части своей жизни. Джон Д. Рокфеллер начинал с того, что «с утра до ночи» окучивал картофель, и даже наутро после своей свадьбы явился на работу²³. Томас Эдисон следовал собственной рекомендации, что изобретение — это один процент вдохновения и девяносто девять процентов настойчивости, а потому требовал от сотрудников, чтобы они работали круглые сутки и спали прямо за лабораторными столами. При этом он сам подавал им пример, а потому нередко и выглядел, и вонял почти как сошедший с экрана чаплинский бродяга.

Что касается сегодняшних магнатов американского бизнеса, то считается, что они тоже не должны быть просто людьми, наслаждающимися накопленным богатством. Подобно своим предшественникам, которые путешествовали в частных пульмановских вагонах — Джордж Пульман, кстати говоря, был просто самым удачливым дельцом в отрасли среди множества других, чьи имена давно забыты, — они живут и перемещаются в роскошных условиях. Но, в отличие от прочих, они должны при этом выглядеть аккуратными и подтянутыми. Если человек ест слишком много, его не будут принимать всерьез — в современной Америке ожирением страдают бедные, а не богатые. Не для них и многомесячные отпуска, буйные вечеринки и пьяные оргии, столь популярные у их собратьев от Буэнос-Айреса до Парижа. Они обязаны не развлекаться с любовницами, а посвящать свое время спорту, и не только непременно гольфу, но таким видам

²² *Democracy in America*, New York, N.Y., Vintage, 1945 [1838], vol. 2, p. 161. [Рус. пер.: Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Весь Мир, 2000. С. 403.]

²³ M. Josephson, *The Robber Barons: The Great American Capitalists, 1961–1901*, New York, N.Y., Harcourt, Brace & World, 1962, pp. 47–48.

как теннис, плавание и горные лыжи, которые требуют большого напряжения сил²⁴. Этим они занимаются на роскошных и чудовищно дорогих курортах, но их цель при этом не столько сама роскошь как самоцель, оправдывающая издержки, а то, что она служит средством обособления от толпы. Другие могут выделить несколько выходных на участие во всякого рода семинарах, посвященных общественным проблемам — от образования до здравоохранения. По правде говоря, их слушают как настоящих оракулов: вера в то, что из уст миллионеров льется «золотой поток» мудрости (выражение журналиста Уолтера Липпмана²⁵), сама по себе характеризует Америку. Бизнесмен, чувствуя, что заработал достаточно, может переключиться на служение обществу, причем зачастую с большими личными финансовыми потерями. Начиная с Уильяма Кнудсена из *General Motors*, который отправился в Вашингтон, чтобы возглавить планирование выпуска продукции, именно этим занимались прославленные дельцы в период Второй мировой войны, когда они работали на оборону «за доллар в год». Позднее тем же путем пошли Роберт Макнамара, министр обороны при президенте Кеннеди, а также нефтяной магнат (не из крупных) по имени Джордж Г. Буш.

Еще одним центральным элементом протестантской этики является нелюбовь к долгам. Однако и здесь американцы поменяли сценарий. В колониальный период из-за нехватки капитала, типичной для новых и неразвитых стран, американцы сильно зависели от лондонских купцов и их представителей в Новом Свете. Они лезли из кожи вон, чтобы за счет экспорта своих товаров погасить долги. В своих «Письмах американского фермера» (1782) Эктор де Кревкер говорит, что они проигрывали в шести случаях из десяти²⁶ и всякий раз бывали вынуждены продавать фермы и двигаться дальше на запад — зачастую, чтобы начать все сначала. Позднее независимость и освоение западных территорий позволили Нью-Йорку, Бостону и Филадельфии занять место Лондона.

²⁴ Th. J. Stanley, *The Millionaire Mind*, Kansas City, KS, McMeel, 2000, p. 51.

²⁵ Цит. по: L. Barzini, *O America*, New York, N.Y., Harper & Row, 1977, p. 235.

²⁶ J. Hector St. John de Creveoeur, *Letters from an American Farmer*, London, Penguin, 1986 [1782], p. 273.

Действуя через сложные цепочки связей между местными банками, они охватили своей сетью всю страну и помогли переселенцам превратить леса и степи в пашню и пастбища, содействуя в то же время развитию промышленности и горного дела. Но еще в 1914 году американцы были должны остальному миру 3,7 млрд долларов. Прошло всего пять лет, и в 1919 году ситуация изменилась на прямо противоположную: теперь иностранцы были должны США не менее 12,6 млрд долларов.²⁷

Во времена, когда война разрушила экономику побежденных и даже победители потеряли немалую часть своего богатства²⁸, США оказались в крупном выигрыше. Страна была на пути к превращению в первое и крупнейшее в истории общество потребления — в общество, где массы не просто удовлетворяли свои основные нужды, но постоянно расширяли круг того, что сначала было просто желанием, а потом быстро превращалось в насущную потребность. Многие из этих перемен были вовсе не случайны, потому что их систематически продумывали и проводили в жизнь промышленники и торговцы. Появились первые специализированные рекламные агентства и началось сотворение мира гламура. За десятилетний период, закончившийся в 1929 г., доходы этих агентств выросли с 2,3 млрд до 3,4 млрд долларов в год. Как отмечалось в одном исследовании, действительная задача рекламы состоит в том, чтобы предложить решение — пусть и фиктивное — таких проблем, как «риск безработицы, социальная нестабильность, монотонность, одиночество, неспособность найти пару, и т.п... Современная торговля пытается все большее число товаров превратить в своего рода личностный буфер. Бдительный торговец всегда готов предложить панацею... терапевтическое средство для временного бегства от действительности»²⁹. Чарльз Кеттеринг, глава корпорации *General Motors*, сформулировал это еще короче. Все дело в том, сказал он, чтобы поддерживать в потребителе умеренное недовольство тем, что у него есть.

²⁷ См. подробности в: N. Lamoreaux, "Banks, Kinship, and Economic Development; The New England Case", *Journal of Economic History*, 46, September 1986, pp. 647–667.

²⁸ *America's International Relations since World War I*, New York, N.Y., Oxford University Press, 1999, p. 52.

²⁹ Цит. по: M. Klein, *Rainbow's End; The Crash of 1929*, New York, N.Y., Oxford University Press, 2001, p. 111.

Для стимулирования потребления универмаги упростили доступ к кредиту — открывали клиентам личные счета и выпускали круглые нумерованные металлические монетки для их идентификации. К 1915 году выражение «запишите на мой счет» стало «современной лампой Аладдина» из американской мечты; теперь каждый гражданин мог «отправиться в центр города с пустым кошельком и вернуться домой, источая запах роскоши»³⁰. К 1930 году, после того, как число небольших кредитных бюро в очередной раз увеличилось шестикратно, в рассрочку покупалось не менее 60% всех автомобилей, мебели и бытовой техники. Для других предметов домашнего обихода эта цифра составляла 75%³¹. Этот процесс увенчало изобретение в 1960-х гг. кредитных карт. Больше не нужно было заполнять формы и отвечать на вопросы. Чтобы заполучить сияющий новый телевизор с витрины, теперь достаточно было вставить карту и ввести PIN-код. Многие не ограничиваются одной или двумя картами. По какой-то причине американцы, и прежде всего современные американцы, ведут себя так, будто долги и должники лучшие друзья не дьявола, а самого Бога.

Некоторые скажут: раз море долгов, обусловленных дефицитом бюджета и внешнеторгового баланса, все равно существует, то склонность американцев вести себя так, будто завтра никогда не наступит, — весьма разумный выбор: ешь и пей, все равно настанет крах, и он, возможно, уже за углом. Но не исключено, что такое поведение — своего рода отражение их врожденного оптимизма. Все слои общества пронизывает готовность рисковать, укорененная в ожидании, что, как бы трудно ни было сегодня, в конце концов все закончится хорошо. Согласно такому подходу, низкий уровень сбережений не рассматривается как проблема, нависающая над экономикой США. Напротив: это просто «проявление более эффективно перераспределения ресурсов страны»³².

³⁰ Цит. по: W. Leach, *Land of Desire; Merchants, Power, and the Rise of a New American Culture*, New York, N.Y., Vintage, 1993, p. 130.

³¹ Цит. по G. Cross, *Time and Money: The Making of Consumer Culture*, London, Routledge, 1993, p. 148. См. также: Klein, *Rainbow's End*, p. 111.

³² M. Marquis, "What's Behind the Low U.S Personal Savings Rate?" *FRBSF Economic Letter*, 29.3.2002, (<http://www.frbsf.org/publications/economics/letter/2002/el2002-09.pdf>).

Ряд профильных исследований, а также множество опросов общественного мнения свидетельствуют о том, что американцы склонны с большим оптимизмом смотреть в будущее³³, что неудивительно, если учесть, сколь долго эта страна была землей возможностей. Другой фактор — необычайно сильное стремление к земным благам, буквально сквозящее со страниц всевозможных каталогов, — стремление, которое Токвиль в свое время определил как побочный продукт демократии³⁴. В практически бесклассовом, чрезвычайно мобильном обществе это стремление связано с потребностью любой ценой «быть не хуже Джонсов» («Быть не хуже Джонсов» — название комикса, печатавшегося во многих американских газетах в 1914—1958 гг.)³⁵. С другой стороны, ряд исследований показал, что богатыми чаще всего становятся те, кто не поддается этому побуждению³⁶.

Наконец, в пользу мнения, что кредитная мания порождена не пессимизмом, а оптимизмом, говорит и то соображение, что раз есть заемщики, то находятся и кредиторы. Многие компании торгуют в кредит, и многие банки выдают ссуды без обеспечения. И лучшие (или худшие) из них — компании кредитных карт, которых в Америке, вероятно, больше, чем где-либо еще, если судить по числу кредиток, которые люди таскают в своих бумажниках. За кредит эти компании берут с клиентов до 30% годовых плюс другие сборы. Очень часто это позволяет им выжимать прибыль даже из тех клиентов, которых они сами же довели до банкротства³⁷, а принятый в 2005 году закон о банкротстве и предназначен для того, чтобы делать это с еще большей легкостью.

³³ См. классическую работу по этому вопросу: D. McLelland, *The Achieving Society*, Princeton, N.J., Van Nostrand, 1961); см. также: Lipset, *American Exceptionalism*, pp. 51—52.

³⁴ *Democracy in America*, vol. 2, pp. 136—138. [Рус. пер.: Токвиль А. де. Указ. соч. С. 389—391.]

³⁵ S. J. Matt, *Keeping Up with the Joneses; Envy in American Consumer Society, 1890—1930*, Philadelphia, PA, University of Philadelphia Press, 2003.

³⁶ Th. J. Stanley and W. D. Danko, *The Next Door; The Surprising Secrets of America's Wealth*, New York, N.Y., Pocket Books, 1996, pp. 12, 27—40.

³⁷ P. G. Gosselin, "Credit Card Firms Won as Users Lost", *Latimes.com*, 4.3.2005 (<http://www.latimes.com/business/la-na-bankruptcy4mar0405,0,2770999.story>).

Каковы бы ни были тому причины, но в 1993 году сбережения у французов составили 14% их годового чистого дохода, у немцев — 12%, у канадцев — 11%, у японцев — 15%, а американцы отложили на будущее менее 5%. К началу нового тысячелетия нормы сбережения еще упали, и быстрее всего они падали в Америке. В 2001 году норма сбережений в США достигла исторического минимума — чуть более 1%, а к 2003 году этот показатель немного увеличился — до 3,6%. В первые месяцы 2003 года совокупная задолженность американских семей впервые превысила величину их годового дохода и составила 8 трлн долларов, а в 2005 и 2006 гг. норма сбережений оказалась отрицательной³⁸. Особенно интересно во всем этом то, что в других странах люди сберегают больше, вне зависимости от того, больше или меньше их уровень социальной защищенности по сравнению с американцами. Иными словами, экономические законы и даже предположение о том, что люди действуют рационально, не могут все объяснить. Американцы — явно особый случай во всем, что касается приобретения богатства, а еще больше в том, что касается его расходования.

Протестантская этика, несравненная экономическая свобода, оптимизм и готовность брать в долг создали исторически уникальный экономический климат — триста миллионов богобоязненных стахановцев в Лас-Вегасе. Эти установки частью были привнесены в страну, а частью созданы самой страной, которую природа наделила всеми предпосылками богатства. Не считая климата, который хоть и не всегда радует, но в целом вполне терпим, главной особенностью США было

³⁸ Данные за 1993 г. из: A. Schreyer, "The American Dream and the Spirit of Enterprise", in L. Alexander and C. E. Finn, eds., *The New Promise of American Life*, Indianapolis, ID, Hudson Institute, 1995, p. 228 figure 13.4; данные за 2001 г. из: *FBSF Economic Letter*, "What's Behind the Low U.S Personal Saving Rate", 9.3.2002 (<http://www.frbsf.org>); данные за 2003 г. из *Newsweek*, special issue, December 2003-February 2004, p. 11; величина 8 трлн долларов из: M. Calabresi and M. MacGuiness, "Spendthrift Nation", *Atlantic Monthly*, January/February 2003, доступно на <http://www.theatlantic.com/issues/2003/01/calabrese.htm>; данные 2004 г. и за 2005 г. из: Bureau of the Census, "Personal Saving Rate". March 2007 (<http://www.bea.gov/briefrm/saving.htm>).

практически неограниченное количество свободной или почти свободной земли. Как сказал Калвин Кулидж, в течение почти трех столетий после начала заселения всегда можно было «отвоевать место, где деревья толще, поля обширнее, а проблемы труднее»³⁹.

Большинство людей покупало землю у правительства, которое осуществляло межевание (среди тех, кто начинал жизнь в качестве землемера, был и Джордж Вашингтон). Другие просто селились на земле, что-нибудь делали для ее «улучшения», требовали преимущественного права на покупку и обычно получали его. По иностранным стандартам земельные наделы в Америке были огромны. Даже в Новой Англии, где преобладали семейные фермы, они редко составляли менее 60 акров⁴⁰. Чем дальше на юг вдоль восточного побережья, тем фермы были больше и тем выше была доля их продукции, продаваемой на рынке. А на «Старом Юге» землю нарезали большими плантациями, для обработки которых был необходим труд рабов.

Прибывая в новую страну с жалкими пожитками, состоящими из одежды, кое-каких инструментов да семян, иммигранты уже через год-два становились на ноги — поразительный факт, который первые поселенцы отметили изобретением уникального американского праздника — Дня Благодарения. После этого начального периода суровых испытаний и тяжелого труда обеспечение основных жизненных потребностей во всяком случае больше не представляло проблемы. Достаток зерна, кукурузы, картофеля, мяса, молочных продуктов, домашней птицы и овощей обеспечивали здоровое, хоть и несколько однообразное питание. Средний взрослый американец съедал в год 150—200 фунтов мяса — намного больше, чем современные жители малоразвитых стран. Благодаря обильному питанию американцы с самого начала своей истории стали выше ростом и жили дольше людей из тех стран, откуда они прибыли. А здоровые условия жизни, обусловленные умеренным климатом и простором, означали более низкую смертность, что, в свою очередь, привело к росту ожидаемой продолжительности жизни.

³⁹ *The Autobiography of Calvin Coolidge*, p. 6.

⁴⁰ P. Johnson, *A History of the American People*, London, Phoenix, 1997, p. 97.

Американцы строили для себя простые жилища — от знаменитых бревенчатых изб до печально известных домов из дерна*, усеявших западные степи во второй половине XIX века, — и ко времени первого брака разница в возрасте между женихом и невестой была меньше, чем в любой другой стране. После свадьбы они, в отличие от европейцев, не так сильно заботились о контроле над рождаемостью (в форме прерванного полового акта). Первоначально и детская смертность была ниже, хотя в начале XX века положение изменилось. В среднем женщина рожала семь или восемь детей, а четверо или пятеро из них доживали до совершеннолетия.

Вероятно, лучшим показателем преобладающего уровня жизни служит судьба рабов. Из всех известных историй бесчисленных форм рабства американская была одной из наихудших. С людьми обходились буквально как с движимым имуществом, не признавая за ними никаких прав. Когда хозяин перемещался на новое место, особенно со «Старого Юга» на «Глубокий Юг» с его новыми хлопковыми полями, семьи рабов подвергались безжалостному разделению. Но парадокс состоит в том, что, в сравнении со своими сородичами, оставшимися в Африке или попавшими на Карибские острова, североамериканские рабы находились в несравненно лучших условиях и лишь незначительно уступали белым в продолжительности жизни и плодовитости.

На протяжении всей истории вплоть до конца XIX века быстрый и резкий рост населения почти всегда оборачивался экономической катастрофой, которой можно было избежать только с помощью эмиграции; некоторые историки даже видят в этом причину современной нищеты китайского населения. Первыми странами, которые сумели избежать подобной судьбы, были Англия и Голландия благодаря сочетанию свободного предпринимательства, капитализма и структурного сдвига от сельского хозяйства к промышленному производству. И американские колонии, располагавшие к тому же практически

* Дома из пластов дерна, с земляным полом. Дома этого типа строились поселенцами в начальный период освоения Запада (1810—1830). В первой половине XIX века около 90% домов западнее р. Миссури строились из дерна. Когда семья могла позволить себе построить дом из древесины, постройка из дерна сохранялась для скота. — *Прим. перев.*

неограниченными земельными ресурсами, подражали в этом метрополии. В Америке не было системы регулирования цен, валютного контроля и монополий, которые могли бы помешать экономике действовать с максимальной эффективностью. Все это объясняет, каким образом процветание вместо того, чтобы остаться отдаленной возможностью, стало почти неизбежной судьбой огромного числа людей. И отличия от Европы быстро нарастали. Например, к началу Американской революции от 60% до 80% колонистов были собственниками земли, которую они обрабатывали⁴¹. Население колоний, считая рабов, составляло только треть населения Англии, а объемы производства — целых 40% от английских⁴².

В период Гражданской войны войска генерала Улисса Симпсона Гранта питались куда лучше, чем армии Наполеона⁴³. И это при том что Франция долгое время была, пожалуй, самой богатой сельскохозяйственной страной мира; более того, до 1809 года включительно местом военных действий были богатейшие области Европы, такие как Северная Италия и Южная Германия. К концу XIX века разрыв стал еще значительнее. Отмечая разительные отличия в уровне жизни, иностранцы испытывали одновременно и зависть, и благоговение. Оказавшись в Спрингфилде, штат Массачусетс, немецкий писатель и будущий нобелевский лауреат Герхарт Гауптман написал: «Нам приходится жить с невозможнейшей простотой, потому что здесь, в стране доллара, мы, бывшие в Европе вполне состоятельными, оказались почти бедняками»⁴⁴.

Не зная ограничений сельской общины (в США такие общины существовали только в первом поколении поселенцев, да и то только в Новой Англии), американские фермеры владели большими земельными наделами. В условиях хронической нехватки рабочих рук им приходилось платить наем-

⁴¹ См. подробнее в: A. Kullikoff, *The Agrarian Origins of American Capitalism*, Charlottesville, VA, University Press of Virginia, 1992, pp. 39–40.

⁴² Perkins, *The Economy of Colonial America*, pp. 1–2.

⁴³ По утверждению E. Hagerman, *The American Civil War and the Origins of Modern Warfare*, Bloomington, ID, Indiana University Press, 1988, p. xv.

⁴⁴ Gerhart Hauptmann, *Buch der Leidenschaft*, Berlin, Fischer, 1930, p. 115.

ным работникам намного больше, чем в Британии⁴⁵. Выходом стала широкая механизация труда на развивавшемся Западе и рабство на Юге. Одним из первых и важнейших устройств стала хлопкоочистительная машина, изобретенная Эли Уитни в 1793 году, которая позволяла одному рабу перерабатывать столько же хлопка, сколько перерабатывали вручную пятьдесят человек. Благодаря этому оживилось медленно угасавшее хлопководство: производство хлопка выросло с 8,7 млн фунтов в 1780 году до 100 млн фунтов в 1820 году.⁴⁶ Это изобретение продлило жизнь рабству. До появления машины цена рабов медленно снижалась, а теперь стало выгодно не только эксплуатировать их, но и разводить⁴⁷.

Это изобретение позволило Югу, особенно Новому Югу к востоку от Аппалачей, стать крупнейшим мировым производителем хлопка даже в условиях падающих цен. Но было и множество других изобретений. Если брать США в целом, сочетание территориальной экспансии и продолжавшейся иммиграции привело к росту числа фермерских хозяйств с 450 000 в 1800 году до 1 500 000 в 1850 году и до 7 000 000 в 1935 году, когда началось их сокращение. А это, в свою очередь, обеспечивало большой спрос на ветряные мельницы (которые в 1900 году продавались непосредственно через каталог магазинов *Sears and Roebuck*), на механические жатки, молотилки и веялки (позднее объединенные в комбайн), на машины для сгребания сена, сеялки для пшеницы и кукурузы, сноповязалки, усовершенствованные плуги и многое другое.

После Гражданской войны многие из этих машин стали такими тяжелыми, что лошади не справлялись с ними, и пришлось использовать паровые двигатели. Как отмечалось выше, американское сельское хозяйство почти с самого начала было капиталистическим. Помещиков не было, земля находилась

⁴⁵ Perkins, *The Economy of Colonial America*, p. 82.

⁴⁶ Данные взяты из: S. Bruchey, *Cotton and the Growth of the American Economy, 1790—1860*, New York, N.Y., Harcourt, Brace & World, 1967, pp. 9, 14—17.

⁴⁷ Н. Hobhouse, *Seeds of Change: Five Plants that Transformed the World*, New York, N.Y., Harper & Row, 1986, p. 153; о практике разведения рабов см.: R. Sutch, *The Breeding of Slaves for Sale and the Westward Expansion of Slavery, 1850—1860*, University of California, Institute of Business and Economic Research, 1972.

в частной собственности, и после первых нескольких лет освоения, когда пропитание переставало составлять проблему, значительная — возможно, даже бóльшая часть продукции поставлялась на рынок. Вероятно, это объясняет то, почему американские фермеры были готовы учиться новому, в отличие от фермеров других стран, веками использовавших одни и те же приемы. Существенным фактором было и то, что земли было много и традиционными методами ее было не обработать, но большое значение имело и то, что в Америке грамотных фермеров было больше, чем в других странах.

Как бы то ни было, примерно в то же время распахнули свои двери первые сельскохозяйственные колледжи. Американское сельское хозяйство стало самым передовым в мире, наравне с британским, но куда масштабнее. Ему потребовалось совсем немного времени, чтобы начать наводнять мир своей продукцией. Расширению сельскохозяйственного экспорта способствовало развитие транспорта, а также, начиная с 1900 года, использование холодильных установок на морских судах и железных дорогах. Дошло до того, что сегодня всего лишь 2,5% работающего населения кормят остальные 97%, поставляя им горы всякой всячины. Крупнейшие продовольственные магазины так обширны, что по ним лучше бы ездить на тележках для гольфа.

Природные условия Америки благоприятствовали не только сельскому хозяйству, но и промышленности. В XVII веке, когда Британия ощутила нехватку древесины для строительства судов и топливных нужд⁴⁸, добравшиеся до Новой Англии отцы-пилигримы обнаружили там изобилие всевозможных ресурсов для промышленности. Помимо лесов, здесь были реки, пригодные для получения энергии и для транспорта, и потому судостроение стало крупной и очень выгодной отраслью уже в колониальный период. Позднее были найдены (в практически неограниченных количествах и зачастую в удобных для разработки местах) все ресурсы, необходимые для промышленной революции, и прежде всего железная руда и уголь. Так или иначе, к началу войны за независимость колонии производили уже 15% мирового выпуска железа. Часть этого железа даже экспортировалась в Британию, которая в тот момент

⁴⁸ G. Hammersley, "The Charcoal Iron Industry and Its Fuel", *Economic History Review*, 26, 4, 1973, pp. 593—613.

была самой индустриализованной страной мира⁴⁹. Эта война, а также последовавшая за ней война 1812—1815 гг., приведшие к нарушению внешнеторговых связей, дали тем самым дополнительный мощный толчок развитию производства внутри страны. В отличие от Канады, Австралии и Новой Зеландии, США перестали быть частью империи. У них больше не было особых причин покупать промышленные товары в бывшей метрополии, и последняя уже не могла помешать им развивать собственную промышленность. Остальное довершили высокие импортные тарифы, установленные Конгрессом в 1828, 1832—1833 и 1842 гг.

В 1851 году посетители лондонской Всемирной промышленной выставки, разместившейся в специально выстроенном для нее Хрустальном дворце, могли подивиться тому, что уже в те времена получило название «американской системы» производства. Мебель, сапоги, ботинки, плуги, всевозможное сельскохозяйственное оборудование, гвозди, болты, замки, часы, гайки, шурупы, винты — все было продукцией массового машинного производства. Его особенностью было множество взаимозаменяемых деталей — еще одно новшество Эли Уитни, впервые примененное в производстве стрелкового оружия, в чем Америка опережала весь мир⁵⁰. Не менее примечательной была сознательная установка на устаревание техники. Ремесленники на протяжении тысячелетий делали все возможное, чтобы произвести как можно более долговечную продукцию. В Америке возник другой подход к делу. Очень многие вещи, в том числе такие большие, как суда, строились так, чтобы служить лишь до тех пор, пока на смену им не придет что-нибудь поновее и лучше.

При всем значении этих новшеств, лишь во второй половине XIX века американская промышленность, а с ней и американская экономика в целом развилась в поистине беспрецедентное явление мировой истории. Вопрос о роли Гражданской войны в этом развитии остается спорным. Война опустошила Юг, в значительной степени разрушила его инфраструктуру,

⁴⁹ Perkins, *The Economy of Colonial America*, p. 23.

⁵⁰ M. R. Smith, "Army Ordnance and the 'American System' of Manufacturing, 1815—1861", in *idem*, ed., *Military Enterprise and Technological Change; Perspectives on the American Experience*, Cambridge, MA, MIT Press, 1987, pp. 39—86.

подорвала экспорт и лишила его капитала. С тех пор началось сильное отставание этого региона от остальной страны решительно по всем показателям социально-экономического развития, в том числе по таким, как уровень грамотности населения, число отправленных писем и полученных патентов в год на душу населения, процентные ставки по банковским ссудам и чистая стоимость имущества на душу населения⁵¹. Выражение «сонный южный городишко» стало общеупотребительным штампом, а меняться ситуация начала только в 70-х годах следующего века.

С другой стороны, эта война подтолкнула технический прогресс. Он был особенно заметен в металлургии и в реализации крупных инженерных проектов, выполненных армией северян, которая строила мосты, перемещала гигантские объемы грунта (для фортификационных сооружений) и т.д.; позднее этот опыт был использован и в гражданском строительстве. Важнее всего, пожалуй, было то, что отсутствие в Конгрессе представителей Юга во время войны позволило, начиная с закона Моррилла 1861 года, резко поднять уровень импортных тарифов. Впоследствии республиканцы десятилетиями поддерживали высокие тарифы, а демократы по разным причинам были не в состоянии им сопротивляться. В результате до 1940-х гг. американские тарифы были одними из самых высоких в мире.

Ускоренному развитию экономики способствовало продолжение массовой иммиграции. Некоторые экономисты утверждают, что пятикратный рост производства американской обрабатывающей промышленности за период 1865—1900 гг. не менее чем наполовину обязан быстрому увеличению численности рабочих рук. К началу XX века промышленность создавала 53% валового внутреннего продукта; в промышленности работали 25% всех занятых, и из них 80% родились за границей⁵². И вновь основной выигрыш достался Новой Англии и штатам Среднего Запада. Юг отставал, и из новых иммигрантов там оседали очень немногие.

⁵¹ См. об этом: R. F. Bense, *The Political Economy of American Industrialization, 1877—1900*, Cambridge, Cambridge University Press, 2000, pp. 31, 34—35, 40, 303.

⁵² Licht, *Industrializing America*, p. 102; показатели в абсолютном выражении см. в: Carroll and Noble, *The Free and the Unfree*, p. 271.

К этому времени американская промышленность распространилась к западу в районе Великих озер. Быстро растущее население страны предоставляло громадный внутренний рынок. К 1914 году он стал крупнейшим в мире, а в 1864 году получил единую валюту. Такой рынок допускал и специализацию, и стандартизацию. Поощрявший производство в первую очередь дешевой массовой продукции, а не предметов роскоши, он стимулировал развитие поточного производства. Способствовало этому и то, что законы о банкротстве, о натурализации, патентное право и закон об охране авторских прав были в руках федерального правительства, а это обеспечивало единообразие условий деятельности.

Магнаты железнодорожной и сталелитейной промышленности (которая поставляла рельсы) первыми начали эксплуатацию общенационального рынка, для создания которого они сделали так много. При всей сомнительности их методов, их следовало бы признать в каком-то смысле благодетелями человечества: за период 1875—1890 гг. они обеспечили падение цен на сталь со 160 долларов до 17 долларов за тонну. К этому приложили руку и производители угля, поставлявшие топливо для локомотивов и доменных печей, нефтяные магнаты, поставлявшие смазочные масла для машин и керосин для освещения домов и производственных помещений, производители пиломатериалов, поставлявшие древесину для мебели и строительства домов, и, разумеется, производители говядины и свинины, которые кормили всех остальных. Два звена замыкают эту цепь. Первое — производители табака, которые, согласно результатам дальнейших исследований, упорно помогали согражданам наносить ущерб собственному здоровью. Другое звено представляют банкиры. Как и в других странах, им приходилось время от времени сталкиваться с паникой и «набегами» вкладчиков. Тем не менее они поддерживали движение денег в обществе, подобное циркуляции крови в живом организме.

В каждой из этих отраслей появились сказочно богатые мужчины — женщин среди них не было, хотя несколько женщин сыграли важную роль в организации светской жизни своих мужей и в создании предметов, на которые можно истратить деньги. Самыми известными были Вандербильты, Гарриманы, Гулды, Фиски, Фриксы, Рейнольдсы и Моргань. Из них 75% были английского происхождения, а 90% были

протестантами. Ими руководило немислимое сочетание религиозной веры и социал-дарвинистских идей. По причине своей веры Дж. П. Морган почитал собор Св. Петра в Риме так же, как «русский почитает иконы», и истратил полмиллиона долларов на христианскую благотворительность. А социал-дарвинизм, учивший, что они просто «самые приспособленные», служил оправданием почти всего, что они делали или могли сделать⁵³. Жизнь большинства из них отличалась похвальной добропорядочностью, хотя некоторые вели бурную любовную жизнь, сопровождавшуюся громкими скандалами. Они были жестоки, торговались между собой, создавали коалиции, враждовали (нередко и их рабочие воевали между собой). Они сумели создать и возглавить сказочно большие корпорации; первой корпорацией, стоившей миллиард долларов, была *U.S. Steel*, созданная в 1901 году.

В 1860 году США с населением, по численности сравнимым с населением Великобритании, Франции и Германии, еще отставали от этих стран по выпуску промышленной продукции. Спустя 54 года население США, благодаря естественному приросту и иммиграции, стало больше, чем население любой страны мира, кроме России, а объем производства превысил объем производства Великобритании, Франции, Германии и России вместе взятых⁵⁴. Нужно признать, что большинство американцев были совсем небогаты. Миллионам людей по всей стране, от многоквартирных домов Нью-Йорка до виноградников Калифорнии, приходилось биться за то, чтобы свести концы с концами. Тогда, как и теперь, говорили о «росте неравенства в распределении богатства» и о том, что это опасно для демократии⁵⁵. Но уже в те дни Америка стала потребительским раем, да таким, что на остекление витрин американских

⁵³ См. об этом: S. D. Cashman, *America in the Gilded Age: From the Death of Lincoln to the Rise of Theodore Roosevelt*, New York, N.Y., New York University Press, 1984, pp. 51–53, 320.

⁵⁴ Показатели ВВП таковы: США — 37 млрд долларов; Германия — 12 млрд долларов; Великобритания — 11 млрд долларов; Россия — 7 млрд долларов; Франция — 6 млрд долларов. См.: P. Kennedy, *The Rise and Decline of the Great Powers*, New York, N.Y., Random House, 1987, p. 243 table 21.

⁵⁵ Джон Бейтс Кларк, цит. по: D. Ross, *The Origins of American Social Science*, Cambridge, Cambridge University Press, 1991, p. 152.

магазинов уходила примерно половина мирового производства листового стекла⁵⁶. История страны не знала проблемы голода, этого проклятия, которое терзало отдельные районы Европы вплоть до 1840-х гг. и до сих пор хорошо известно в некоторых частях мира. До 1890-х гг., пока движение на запад не уперлось в Тихий океан, оставались незанятыми миллионы акров очень дешевой земли. Налогов было немного, и их ставки были низкими. Перед Гражданской войной они поглощали всего 4—5% душевого дохода, то есть составляли примерно треть от величины налогов в большинстве европейских стран. Налогов в пользу бедных просто не существовало. Их не было отчасти потому, что и самих бедных было немного, а отчасти в силу того, что правительство, как мы увидим далее, и не думало что-либо делать для тех бедняков, которые в Америке все же были.

Никогда не было в США и обязательных сборов вроде церковной десятины, не говоря о феодальной ренте. С точки зрения обычных американцев, самым тяжелым испытанием были, пожалуй, присущие капитализму циклы подъема и спада: к примеру, депрессиями были отмечены 1720, 1723, 1783, 1873—1879 и 1893—1896 гг. Всякий раз депрессия сопровождалась падением цен на биржевые товары и акции. Когда работу теряли тысячи, а позднее и миллионы рабочих, уменьшался спрос и возникал порочный круг. С другой стороны, если у человека были деньги, во время депрессии он мог чувствовать себя королем. Для экономики в целом существенно было то, что депрессии, разоряя одних бизнесменов, обогащали других, позволяя им задешево скупать активы своих конкурентов и наращивать свои владения, как поступал Джон Д. Рокфеллер, пока не стал контролировать более 90% всех нефтеперерабатывающих мощностей страны. Зачастую спад был *recueillir pour mieux sauter**, чтобы с новыми силами двинуться вперед.

Величайший в истории экономический подъем начался примерно в 1915 г. Начало большой европейской войны застало Америку в очередном экономическом кризисе. Но ситуация быстро изменилась, когда выяснилось, что война приобретает чудовищные масштабы, превосходящие все,

⁵⁶ Согласно Leach, *Land of Desire*, p. 61.

* Время консолидации сил (фр.). — Прим. перев.

что знала история. Британская блокада сначала ограничила, а потом ликвидировала всю торговлю США с Германией и Австро-Венгрией. Но утрата этих рынков была быстро восполнена огромными британскими и французскими заказами на продовольствие, сырье и промышленную продукцию, перечень которой включал все, от плугов до паровозов. Затем последовали не менее огромные банковские кредиты державам Антанты, обеспечивавшие бесперебойность военных закупок. После окончания войны некоторые авторы утверждали, что Уолл-стрит ринулся в это предприятие из страха потерять прибыль и втянул в войну всю страну. В 1936 году Сенат даже создал особый комитет (комитет Ная) для изучения этого вопроса. Нечего и говорить, что производителей оружия и боеприпасов обвинили во всех смертных грехах⁵⁷. Может быть, эти обвинения были и справедливы, а может быть, и нет). Но как бы то ни было, *определенно справедливо* утверждение, что в 1918 году Великобритания и Франция вместе были должны Соединенным Штатам Америки 7 млрд долларов. И даже в 1965 году Великобритания все еще направляла на погашение этого долга 1% ежегодных поступлений подоходного налога⁵⁸.

Задолго до этого американские фирмы, завоевавшие внутренний рынок и лопающиеся от денег, начали создавать дочерние компании в других странах; этим путем пошли *Ford*, *National City* (один из предков *Citibank*) и другие. Первыми мишенями американского экономического империализма стали, разумеется, Канада и Латинская Америка. И там и там были рынки — пусть скромные, в сравнении с внутренним рынком самих США, — и сырье. В случае Латинской Америки дополнительную привлекательность создавали дешевый труд и климат, позволявший выращивать некоторые сельскохозяйственные культуры, которые не росли в самих США. Потом настала очередь Европы, многочисленное и сравнительно обеспеченное население которой обещало прекрасные возможности сбыта. Казалось, что ничто не в силах остановить

⁵⁷ “Report of the Special Committee on Investigation of the Munitions Industry and World Peace”, 24.2.1936 (<http://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/nye.htm>).

⁵⁸ J. W. Markham, *A Financial History of the United States*, Armonk, N.Y., Sharpe, 2002, vol. ii, p. 79.

американскую экспансию, даже тарифные барьеры, возведенные специально для того, чтобы остановить янки. Зачастую эти меры лишь стимулировали промышленные инвестиции, сообщавшие американским производствам «местный» колорит: получалось, что американские инвесторы скорее выигрывают от тех самых барьеров, которые были установлены для их отпугивания. Война остановила иностранные инвестиции и скупку промышленных активов, но ненадолго. Стоило замолчать пушкам, как американские дельцы, как стервятники на падаль, набросились на страны Западной и особенно Центральной Европы. С карманами, набитыми обесценивавшейся валютой потерпевших поражение держав Оси, они практически задаром останавливались в лучших отелях. При этом они с королевским размахом скупали все самое ценное, как поступал, например, Томас Уотсон из *IBM*⁵⁹.

После непродолжительного, но резкого спада 1920—1921 гг. подъем возобновился, причем сильнее прежнего. За 1922—1928 гг. благодаря целому ряду технологических усовершенствований производительность труда выросла на ошеломляющие 75%. За тот же период ВВП вырос на 40%, промышленное производство — на 70%, ВВП на душу населения — на 30%, а частное потребление — на 50% (с 52,7 млрд до 79 млрд долларов). Учитывая размеры страны, неудивительно, что в периоды экономической экспансии ключевую роль часто играли новые средства транспорта, такие как каналы и железные дороги. В 1920-х гг. таким средством стал автомобиль. Автомобили были изобретены не в США, и большинство технических новшеств были созданы немецкими и французскими изобретателями, по каковой причине и по сей день в лонгмановском Словаре американского английского языка французское «шофер» (*chauffeur*) приводится рядом с более привычным «водитель» (*driver*). Но именно в США в первое десятилетие XX века началось массовое производство автомобилей.

Поскольку цены стали резко снижаться, многие люди смогли позволить себе автомобиль. Круг покупателей расширялся, и цены, отражая экономию на масштабах производства и неустанный технический прогресс, продолжали падать. К концу

⁵⁹ См.: E. Black, *IBM and the Holocaust*, New York, N.Y., Random House, 2001, pp. 43—44.

1920-х гг. реальная заработная плата в Америке была на 60% выше, чем в Великобритании, и в 2,5 раза выше, чем во Франции⁶⁰. Помимо прочего, это позволяло американцам покупать 5 млн автомобилей в год⁶¹, а остальные страны, вместе взятые, даже не приближались к этой цифре. Уже в то время один автомобиль приходился на 1,3 семьи, что положило начало дящемуся и поныне упадку других средств транспорта, в том числе железных дорог. Но автомобили — лишь самый заметный элемент непрекращавшегося потока новых изобретений. Многие из них были связаны с использованием электричества, которое уже революционизировало производство и теперь начинало революцию в быту. В 1920 году были электрифицированы 30% жилых домов, а спустя десять лет этот показатель удвоился. В домашний быт ворвались электролампы, радио, телефоны, холодильники, стиральные машины (зачастую первая большая покупка молодой семьи), утюги, тостеры, пылесосы... список можно продолжать бесконечно.

О причинах Великой депрессии 1929 года, с начала которой прошло уже почти восемьдесят лет, спорят до сих пор, и вряд ли когда-нибудь удастся объяснить ее исчерпывающим образом. В то время и позднее некоторые винили правительство в недостатке активности — оно, мол, вовремя не подняло процентные ставки (а в 1919 году это было сделано), чем создало условия для того, чтобы спекулятивный пузырь сначала раздулся, а потом и лопнул⁶². Другие видели (и видят) вину государства в проявленной им чрезмерной активности, но не могут договориться о том, в чем состояла эта чрезмерность. Вызвало ли оно Великую депрессию, ограничив объем денег в обращении, тогда как следовало его увеличить? Или проблемы возникли из-за политики минимума заработной платы, которая помешала ей упасть до «естественного» уровня, что и стало главным фактором возникновения массовой безработицы?⁶³ Тогда, как и обычно в тяжелые времена, ходи-

⁶⁰ Cross, *Time and Money*, p. 134.

⁶¹ S. Moore and J. Simon, *It's Getting Better All the Time: 100 Greatest Trends in the Last 100 Years*, Washington D.C., 2000, CATO Institute, p. 132.

⁶² См.: Klein, *Rainbow's End*, p. 75.

⁶³ M. N. Rothbard, *A History of Money and Banking in the United States; The Colonial Era to World War II*, Auburn, AL., Ludwig von Mises Institute, 2002, pp. 277—278. [Рус. пер.: Ротбард М.

ло немало теорий заговора. Обвиняющий перст наставляли на всевозможных негодяев, которые вели закулисные махинации, дурили публику, убеждали людей покупать акции и облигации и довели дело до того, что все рухнуло. Некоторые, чьи имена уже забыты, были даже арестованы, осуждены и отправлены за решетку; нет нужды говорить, что если бы Великая депрессия не оказалась столь ужасной, они бы так и остались героями.

Суть же в том, что 14 лет головокружительного роста, лишь ненадолго прерванного спадом 1920—1921 гг., создали неоправданный оптимизм не только у элиты, но и во всем обществе. США, разумеется, не единственная в истории страна, пережившая «мыльный пузырь». Однако отсутствие защищенности, столь характерное для американской жизни, зачастую понуждает людей присоединиться к происходящему даже против их воли. Здесь нужно без усталости делать все больше и больше денег, и расслабляться нельзя. В 1929 году дошло до того, что даже чистильщики обуви начали спекулировать на фондовой бирже. Разве банковский магнат Эндрю У. Меллон, министр финансов при трех президентах, не объявил, что цикличность экономики преодолена?⁶⁴ Конец 1920-х гг. был не первым случаем, когда охваченная манией нация утрачивала всякое чувство реальности и начинала верить, что процветание будет длиться вечно. И уж, конечно, этот случай не был последним.

Наступивший крах был впечатляющим. Не будем вспоминать истории про спекулянтов, бросавшихся с небоскребов. Черчилль, который тогда был в Нью-Йорке, уверяет, что видел, как кто-то пролетал за окном его гостиницы; правда это или нет, но достоверных историй такого рода было очень немного. Третьего сентября 1929 года фондовый рынок достиг максимума в 381*. Потом он начал падать и 8 июля 1932 года достиг дна на отметке 41; ничего подобного не происходило ни в 1987 году, ни в 2000—2002 гг. Только после 1940 года рынок достиг

История денежного обращения и банковского дела в США: от колониального периода до Второй мировой войны. Челябинск: Социум, 2005. С. 285.]

⁶⁴ Цит. по: Н. van B. Cleveland and Th. F. Huertas, *Citibank, 1812—1970*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1985, p. 162.

* Речь идет об индексе Доу-Джонса. — Ред.

уровня 1929 года. При этом в воздухе растаяло 74 млрд долларов богатства (существовавшего, правда, лишь на бумаге), что почти в 25 раз превышает размер федерального бюджета того времени. Но это не самое худшее. Взаимосвязи между фондовым рынком и остальной экономикой очень сложны, и на первых порах реальная экономика держалась весьма крепко. Но потом и она начала сжиматься, и к 1933 году национальный доход упал более чем на 25%. Одновременно на 25% упали розничные цены, а цены на продукцию сельского хозяйства — более чем на 60%. Лопнули пять тысяч банков, то есть почти треть всех банков, а с ними пропали сбережения людей. Это привело, среди всего прочего, к тому, что 500 тыс. человек потеряли право выкупа закладных по причине просрочки выплат по долгу. Число безработных выросло до 16 млн — без работы остался каждый четвертый. В то время, однако, лишь одна из шести замужних американок работала вне дома⁶⁵, тогда как в наше время работают две из трех. Поскольку большинство семей зависели от доходов только одного добытчика, а не двоих, принесенные безработицей испытания были куда более суровыми, чем сейчас.

Даже в 1938 году безработными оставались 10 млн человек, что составляло шестую часть рабочей силы, а в 1940 году цены все еще были на 20% ниже, чем в 1929 году. Не говоря о физических лишениях (в 30-е годы многие дети из-за плохого питания страдали рахитом и вырастали кривоногими), психологическое воздействие безработицы было сокрушительным, тем более что американцы имеют привычку к упорному труду и в неудачах при поисках работы склонны винить самих себя, и вдобавок для них по-прежнему не утратил блеска и притягательности американский идеал консьюмеризма⁶⁶. В надежде получить хоть какую-то еду американцы выстраивались в длинные очереди, растягивавшиеся на несколько городских кварталов. Мужчины бросали свои семьи, чтобы те получили право на скудную благотворительную помощь. Оста-

⁶⁵ William H. Chafe, *The American Woman: Her Changing Social, Economic and Political Roles, 1920—1970*, New York, N.Y., Oxford University Press, 1980, p. 56.

⁶⁶ См. об этом: J. Rorty, *Where Life is Better: The Unsentimental American Journey*, New York, N.Y., Reynal and Hitchcock, 1936, pp. 103—110, 380—381.

вив семьи, они селились в лачугах и палатках или превращались в бродяг. Американкам тоже приходилось нелегко, но не так скверно, как мужчинам. Как отмечали в то время⁶⁷, женщины никогда не стояли в очередях за хлебом и не спали в парках: так или иначе, они всегда находили себе приют. Кроме того, поскольку женщины зарабатывали меньше и были заняты в таких более современных секторах экономики, как легкая промышленность и услуги, спрос на их труд восстановился быстрее. Если в 1940 году число безработных мужчин все еще было больше, чем в 1929 году, число работающих женщин даже выросло на 15%⁶⁸.

В конце концов чудо совершила Вторая мировая война, во многих отношениях превратившая США в ту страну, которую мы знаем сегодня. Двигателем экономического чуда были грандиозные правительственные расходы, имевшие целью, по словам президента Рузвельта, превратить США в «арсенал демократии». Для иллюстрации приведем несколько цифр⁶⁹. В 1939 году ВВП Америки составлял 88,6 млрд долларов. Через пять лет этот показатель вырос (с учетом инфляции) до 135 млрд, то есть более чем на 50%. Расходы на закупку оружия выросли в 15 раз, от 2,1 млрд долларов в 1940 году (что уже было намного больше, чем в 1939 году) до 33,2 млрд долларов в 1944 году. Привлеченные денежной рекой, пролившейся после «тощих лет», работники вновь устремились на заводы и в учреждения. В 1944 году численность занятых была на 18,7 млн человек больше, чем в 1938 году, и это при том что в тот год 12 млн американцев служили в армии. Таким образом, 30 млн человек обрели занятость — они или убивали иностранцев, или обеспечивали средства для этого. Неудивительно, что, несмотря на многочисленные дефициты, процветание вернулось.

⁶⁷ Meridel Le Sueur, "Women Are Hungry", in *Ripening: Selected Works, 1927—1980*, Old Westbury, N.Y., Feminist Press, 1982, pp. 137—138.

⁶⁸ S. Stouffer and P. E. Lazarsfeld, *Research Memorandum on the Family in the Depression*, New York, N.Y., Social Science Research Council, 1937, pp. 28—35; M. Abramovitz, *Regulating the Lives of Women: Social Welfare Policy from Colonial Times to the Present*, Boston, Ma, South End Press, 1996 [1988] p. 222.

⁶⁹ Цит. по A. S. Milward, *War, Economy and Society, 1939—1945*, Berkeley, CA, University of California Press, 1977, pp. 63—67.

К тому времени производство сырья выросло на 60%, а производство готовой продукции не менее чем на 300%. Это, в свою очередь, позволило США произвести 40% мирового выпуска оружия и боеприпасов. Страна не только снарядила свои войска так, как не снаряжали ни одну армию в истории, но и образовала излишки всего — от самолетов до сапог, и эти излишки направлялись во все концы света в соответствии с программами помощи, такими как ленд-лиз. Значительная часть этих достижений объяснялась имеющейся гигантской ресурсной базой, но это лишь одна сторона дела. Производительность труда в Америке всегда была высокой — частично благодаря эффективным методам производства, а частично вследствие сознательного предпочтения количества качеству. Под влиянием огромных вливаний капитала она непрерывно росла примерно с 1900 года, и накануне Второй мировой войны объем выпуска в расчете на человеко-час труда был вдвое выше, чем в Германии, и впятеро выше, чем в Японии. За годы войны это превосходство выросло еще больше и достигло пика примерно в 1950 году⁷⁰. Например, на строительство первого транспортного судна класса «Либерти»* потребовалось 70 дней, а позднее на это уходило всего четыре с половиной дня. Их конструкция была простой, но это были вполне надежные небольшие суда. Каждое из них состояло примерно из 250 тыс. деталей; 250-тонные секции для них собирались по всей стране. Готовый продукт имел 441 фут в длину и 56 футов в ширину. В его пять трюмов можно было загрузить 9000 т груза, а на палубе вдобавок к тому размещались самолеты, танки и паровозы. Одно судно типа «Либерти» могло взять на борт 2840 джипов, 440 танков или 230 млн патронов к стрелковому оружию.

Экономика других воюющих стран, даже не испытывавших массового голода, как Советский Союз, была разрушена войной. В США ничего этого не было, и по опросу 1945 года лишь треть респондентов сказали, что им пришлось пойти на «серьезные жертвы»⁷¹. Как показывает статистика, война превра-

⁷⁰ См.: E. F. Denison, *Accounting for Slower Economic Growth: The United States in the 1970s*, Washington E. C., Brookings, 1979, p. 105.

* Транспортные суда водоизмещением 10 тыс. т. — *Прим. перев.*

⁷¹ Pearlman, *Warmaking and American Democracy*, p. 224.

тила США в мирового экономического лидера. В 1950 году объем европейского производства был выше, чем в 1939 году, во всех странах (в том числе в Советском Союзе, пострадавшем больше всех), кроме Германии⁷². При этом ВВП Соединенных Штатов Америки превышал суммарный ВВП СССР, Великобритании, Франции, Западной Германии, Италии и Японии. Обладая всего лишь 6% мирового населения, США производили половину мировой промышленной продукции⁷³. Их ВВП на душу населения превосходил соответствующий показатель для Японии в шесть раз, для СССР — в пять раз, для Италии — в четыре раза, для Франции и Германии — втрое и для Великобритании — почти вдвое.

Отчасти благодаря правовой системе, которая предоставляла изобретателям исключительно сильную защиту, американцы всегда были склонны к инновациям. Уже с первых десятилетий XX века экономические возможности страны позволили ей создать невиданные в истории исследовательские и конструкторские организации. США продолжали неустанно извергать в мир новые патенты, новые методы и новую продукцию. Дошло до того, что в 1950-е гг. «американскими» были буквально все хорошие товары, от автомобилей до радиоприемников и нейлоновых чулок, так что всем, кто жаждал приобрести эти вещи, приходилось работать в условиях так называемого долларового голода.

Если взять историю Америки до 1945 года, за вычетом ужасающего десятилетия 1929—1939 гг. (но с учетом периода Гражданской войны — во всяком случае, в том, что касается северных штатов), то экономические показатели США — это не имеющая исторических аналогов история непрерывного успеха. Если взять последующие шестьдесят лет, экономические показатели США тоже рисуют картину непрерывного успеха, пусть в некоторых отношениях и менее впечатляющего, чем в предшествующие периоды. Более того: этот успех был достигнут в совершенно ином мире, при совершенно других условиях и с использованием совершенно иных методов.

⁷² Н. van der Wee, *Prosperity and Upheaval: The World Economy 1945—1980*, New York, N.Y., Viking, 1986, p. 30 table 2.

⁷³ Цифры взяты из: J. Keegan, *The Battle for History: Re-Fighting World War II*, London, Hutchinson, 1995, pp. 95—96; Ashworth, *Short History of the International Economy since 1850*, p. 268.

В отличие от прочих стран, государственная власть США всегда придерживалась политики невмешательства в экономические дела — вспомним, что разрыв США с Великобританией произошел в том самом году, когда вышел в свет трактат Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов». Сам разрыв в значительной степени объясняется желанием избавиться от экономических ограничений, включая попытки направить всю колониальную торговлю через Лондон и прежде всего «налогообложение без представительства». Таким образом, система свободного предпринимательства была изначально встроена в американскую политическую систему, так что можно сказать, что один из *raison d'être** последней состоит именно в защите первой.

На протяжении всего XIX века вмешательство правительства в экономику было незначительным, отчасти в силу того, что вооруженные силы США были намного меньше, чем у сравнимых по населению стран. Одной из самых важных мер был Ордонанс о Северо-Западе (North West Ordinance, 1787), который установил надлежащую процедуру, в соответствии с которой новые земли включались в состав страны и распределялись среди граждан Америки. После обмера и межевания земля подлежала продаже. Были ограничены минимальные размеры продаваемых участков, но верхний предел установлен не был. После продажи земли правительство теряло к ней всякий интерес, а собственники получали возможность использовать ее или не использовать, продавать и сдавать в аренду — все что заблагорассудится. Например, при покупке Луизианы у Франции было приобретено 140 000 000 акров. Среди других инициатив правительства можно отметить создание центрального банка, который был учрежден в 1800 году, потом ликвидирован и создан заново. В 1861 году Конгресс создал единую национальную валюту. До этого по стране ходили тысячи различных банкнот, одни законные, другие — нет. Общонациональные деньги, сильно обесценившиеся в ходе инфляции и утратившие привязку к золоту, имевшую место на протяжении большей части их истории, имеют хождение и по сей день.

Среди правительственных мер, способствовавших экономическому росту, следует назвать упрощение процедур создания

* Смысл существования (фр.). — Ред.

корпораций с ограниченной ответственностью, что позволило мобилизовать и использовать действительно большие объемы капитала. Акционерные общества с ограниченной ответственностью были изобретены еще в XVII веке. Но они долгое время были редкостью: в 1800 году в Британии, самой развитой капиталистической стране того времени, было всего двадцать таких компаний. В то же самое время в США таких компаний было уже более трехсот⁷⁴, и они представляли собой важное средство мобилизации и использования капитала. Правда, конституция запрещала создание корпораций на общенациональном уровне. Тем не менее отдельные штаты превосходно понимали выгоду этого механизма и нередко вступали в конкуренцию между собой, предлагая инвесторам наиболее выгодные условия. Как показывает число корпораций на душу населения, и в наши дни создать акционерное общество с ограниченной ответственностью все еще относительно просто.

Однако это не значит, что корпорации всегда имели полную свободу действий. В частности, в конце XIX века прогрессисты, чьим самым видным лидером был Теодор Рузвельт, приняли закон Шермана. Затем они начали первую в истории антитрестовскую кампанию, ставшую образцом для многих других стран. Основная идея заключалась в том, что сам успех системы свободного предпринимательского капитализма начал угрожать ее существованию и даже превращать ее в свою противоположность, а потому государство должно вмешаться и не дать возникающим в ходе конкуренции гигантским корпорациям «загнуть рынок в угол». Первой мишенью антитрестовской кампании стали железнодорожные корпорации, а затем пришла очередь других отраслей. Как показывают истории *Standard Oil*, *IBM*, *AT&T*, а недавно и *Microsoft*, любая американская корпорация по достижении определенного размера привлекает внимание федеральных регулирующих органов, которые стремятся расчленить ее во имя свободной конкуренции и честного бизнеса.

Вопрос о том, действительно ли антитрестовское законодательство успешно защищает граждан от корпораций, остается спорным. Кое-кто утверждает, что многие корпорации сумели переиграть регулирующие органы и использовать последние в своих целях. Другие говорят, что это законодательство

⁷⁴ Licht, *Industrializing America*, p. 91.

стало стимулом для перехода от горизонтальной интеграции к вертикальной и эффект получился обратный задуманному⁷⁵. Очень часто результатом регулирования становилось увеличение издержек ведения бизнеса. Поэтому страдали малые фирмы, не имеющие соответствующих средств или неспособные защитить себя от государственных обвинителей. При этом процветают крупные фирмы, формирующие олигополии.

В 1920-е гг., несмотря на расширение аппарата и полномочий правительства в период Первой мировой войны, политика невмешательства в экономику в основном сохранялась. Налоги оставались еще низкими, субсидий было немного. Другие страны, боровшиеся за восстановление разрушенного войной хозяйства, уже начали отходить от довоенной политики *laissez faire**. Они занялись национализацией всего подряд, и главной целью стали новые отрасли, в частности такие, как производство электроэнергии, телекоммуникации, воздушный транспорт и радиовещание. Но в США ничего подобного не происходило, и капитализм по-прежнему работал. У большинства американцев было мало причин не любить систему, которая сделала их в целом (пусть и не всегда каждого в отдельности) самым сытым и благополучным народом земли. Важным показателем того, что люди в общем довольны жизнью, был тот факт, что, в сравнении с другими странами, профсоюзы США были слабее. Забастовки, конечно, бывали всегда — например, забастовка рабочих нью-йоркских типографий в 1778 году, моряков в Филадельфии в 1786 году, нью-йоркских обувщиков в 1785 году, типографских рабочих Филадельфии в 1786 году и плотников там же в 1791 году. Когда в последние десятилетия XIX века появились мощные профсоюзы, результатом стали частые забастовки, для подавления которых иногда приходилось использовать силу, что приводило к кровопролитию. В 1881 году было 474 забастовки, в 1891 году — 1432 и 1717 забастовок в 1901 году. В 1881—1885 гг. ежегодно

⁷⁵ G. J. Stigler, “The Theory of Economic Regulation”, *Bell Journal of Economics and Management Science*, 2, spring 1971, pp. 3—21; J. Larson, *Internal Improvement: National Public Works and the Promise of Popular Government in the Early United States*, Chapel Hill, N.C., University of North Carolina Press, 2001, pp. 158—159.

* Политика минимального вмешательства государства в экономику и общественную жизнь. — *Ред.*

происходило в среднем по 500 забастовок, в 1886—1891 гг. их уже стало по тысяче в год, а в следующее десятилетие — даже по 1300. Росло и число бастующих. Рабочие бились за увеличение заработной платы и против ее снижения, за сокращение продолжительности рабочего дня, за признание профсоюза, за контроль над наймом нового персонала и за изменение правил трудового распорядка. Много было и забастовок солидарности. Большинство стачек длилось от полумесяца до месяца. Из всех забастовок 47% окончились победой рабочих, 39% — их поражением, а 14% — компромиссом.

Впрочем, все это не привело к созданию сильной социалистической партии. Социализм открыто отвергали даже «Рыцари труда»*, численность которых достигла пика в 1886 году. Теоретически они выступали за рабочие кооперативы, но практически основали таких кооперативов очень мало; возможно, это связано с тем, что рабочие предпочитали, руководствуясь нуждой и имевшимися возможностями, менять место работы в поиске лучшего. «Рыцари труда» не приняли идею истории как классовой войны. И разве не сказал один из президентов «Рыцарей труда», Теренс В. Паудерли [Terence V. Powderly], что его цель состоит в том, чтобы «сделать каждого собственным работодателем»? Организация, ставшая преемником «Рыцарей труда», Американская федерация труда (АФТ) под руководством Сэмюэля Гомперса, не тратила сил на подобные фантазии. Ее интересовали только хлеб и масло, и она ввязывалась только в те схватки, в которых могла победить, а потому ее главными врагами становились прежде всего такие маргинальные группы, как негры, женщины и новые иммигранты. Вместо того, чтобы пытаться создать собственную партию, АФТ обещала поддержку всем существующим, если те пообещают ей содействие.

Посетив в 1900 году Европу, Гомперс был поражен бедностью рабочего класса, которая, по его словам, немыслима для среднего американского горожанина. Его веру в американский путь укрепили и другие наблюдения: он обнаружил, что Европа на десятилетия отстает от США во многих областях, от водопроводов до железных дорог⁷⁶. Он был не единственным рабочим

* Рыцари труда (Knights of Labor) — общественный союз во имя улучшения положения рабочих. — *Ред.*

⁷⁶ S. Gompers, *Labor in Europe and America*, New York, N.Y., Harper, 1910, pp. 59 and 210.

лидером, которого поразили эти различия. Спустя много лет Лев Троцкий, который перед русской революцией некоторое время жил в Нью-Йорке, написал о том, как его детям не хотелось уезжать из города, предлагавшего такие замечательные удобства, как электрическое освещение, газовые плиты на кухне, телефон и настоящие ванны.

Слабость профсоюзов отражалась и в том, как действовала правовая система — или, быть может, наоборот. Рабочие других стран сумели завоевать право на забастовку в последние годы XIX века или, самое позднее, в первые годы XX века. Все было иначе в США, где суды нередко действовали в отношении профсоюзов так, как будто последние представляли собой заговоры. Самое большее, что может быть сказано в пользу этих судов, — что они не всегда последовательно применяли этот подход. И все же лишь в 1935 году закон Вагнера предоставил в конце концов федеральную защиту праву рабочих создавать свои организации. Но даже при этом из-за отсутствия сильной социалистической партии, которая могла бы поднимать соответствующие вопросы в Конгрессе, рабочее законодательство отставало в таких вопросах, как продолжительность рабочего времени, минимальная заработная плата, оплачиваемые и неоплачиваемые отпуска и так далее. То же самое можно сказать о программах государственной помощи нуждающимся. В итоге для того, чтобы начались существенные перемены, потребовалась Великая депрессия. Впервые в американской истории возникла ситуация, когда большинство граждан не только одобряло государственное вмешательство в экономику, но и положительно требовало такого вмешательства.

Уже упоминалось о том, что многие экономисты возлагали вину за Великую депрессию на правительство США. Здесь мы разберем одну из версий — версию кейнсианцев, а именно: осуществленное в неподходящий момент сокращение государственных расходов заставило экономику замедлиться больше, чем следовало. Это истолкование игнорирует тот факт, что в то время мир был совсем не таким, как сегодня. В 1929 году правительственные расходы (всех уровней власти) составляли только 10,4% валового внутреннего продукта⁷⁷. А на расхо-

⁷⁷ P. George, *The Emergence of Industrial America: Strategic Factors in American Economic Growth since 1870*, Albany, N. Y., State University of New York Press, 1982, p. 194 table 9.1.

ды федерального правительства приходилось менее половины этой величины, так что его возможности в плане фискальной политики были весьма ограничены. И далеко не все зависело от правительства. Гувер, который хотел было увеличить расходы, столкнулся в Конгрессе с яростной оппозицией сторонников «твердых денег». Рузвельт, которому в конце концов удалось существенно увеличить расходы, обнаружил, что результаты не оправдали надежд.

Главной причиной, по которой Новый курс не приносил ожидаемых результатов, было то, что правительства штатов, не имевшие доступа к печатному станку в Вашингтоне, вынуждены были сокращать свои расходы пропорционально падению доходов. В конечном итоге из всех начинаний Рузвельта, вероятно, наибольшее долгосрочное воздействие оказала созданная в 1935—1936 гг. система социального обеспечения. Она была и остается системой страхования, управляемой правительством и финансируемой за счет обязательных взносов работающих. Как и в других странах, цель этой системы состояла в том, чтобы протянуть спасательный круг рабочим и их семьям, которым угрожали четыре всадника Апокалипсиса: старость, болезнь, несчастные случаи и безработица.

Конец Первой мировой войны вызвал недолгий спад, который ознаменовался многочисленными забастовками, в том числе и с применением насилия. Напротив, 1945 год оказался началом совершенно беспрецедентного бума. Война разорила множество заокеанских конкурентов американских корпораций, и теперь американцы с легкостью завоевали господство на мировых рынках. Это обеспечило им экономию на масштабах производства и позволило развернуть исследовательские и конструкторские работы в масштабе, которого не мог позволить себе никто. К тому же корпорации воспользовались возобновившимся потребительским бумом, который достиг пика в 1960-х гг. Поток новых изобретений обеспечивал быстрый рост производительности⁷⁸. Результаты в виде просторных домов, автомобилей, потребительских товаров и отпусков на дорогих курортах позволили десяткам миллионов американцев достичь процветания, невиданного в истории планеты.

⁷⁸ Подробнее см. в: G. Dumenil and D. Levy, *Capital Resurgent: Roots of the Neoliberal Revolution*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 2004, pp. 30, 31.

Неслучайно именно в то время возник наиважнейший символ современной Америки — торговый центр, окруженный многими гектарами автомобильной стоянки⁷⁹.

С другой стороны, сам размах бума, который, с небольшими перерывами, продлился почти четверть века, мог задержать создание государства благосостояния по европейскому образцу. Доля правительственных расходов в ВВП упала и больше никогда не достигала довоенного уровня. Налогообложение оставалось на существенно более высоком уровне, отчасти из-за необходимости содержать громоздкий военно-промышленный комплекс. Закон о занятости 1946 года возложил ответственность за обеспечение экономического благополучия народа на правительство. Но все это, в лучших американских традициях, осталось на бумаге и не привело к принятию сколько-нибудь эффективных практических мер⁸⁰. Всего через два года волна забастовок, вызванных инфляцией, привела к принятию закона Тафта—Хартли, отнявшего у профсоюзов ряд привилегий, полученных ими в период Нового курса. Федеральное правительство изменило свой подход только в начале 1960-х гг. Отчасти это было связано с желанием демократов упрочить позиции и продлить свое пребывание у власти. Другой причиной был ряд исследований, показавших, как живет менее удачливым американцам на фоне окружающего их изобилия⁸¹.

Это не значит, что правительство ничего не делало для процветания экономики. Если не считать вышеотмеченных мер, уже в первые десятилетия XIX века штаты часто участвовали в строительстве каналов. Одним из способов участия было освобождение инвесторов и строителей каналов от налогов, а взамен штаты, как правило, требовали и получали акции. В том же столетии, чуть позднее, американская сеть железных дорог не возникла бы без щедрого предоставления железнодорожным компаниям правительственных займов и свободных

⁷⁹ См.: С. LaRocco, "If You Build It, They Will shop; The Evolution of Malls in America", *Financial History*, 78, 2003, pp. 16—19.

⁸⁰ См.: Berkowitz and McQuaid, *Creating the Welfare State*, pp. 157—158.

⁸¹ См., в частности: J. K. Galbraith, *The Affluent Society*, Boston, MA: Houghton Mifflin, 1959; а также: M. Harrington, *The Other America: Poverty in the US*, New York, N.Y., Collier, 1962.

земель. Еще более важную роль, пожалуй, сыграл Верховный суд, который своим толкованием конституции сыграл ведущую роль в регулировании торговли между штатами⁸². С экономической точки зрения можно рассматривать обе мировые войны как эпизоды, во время которых правительства весьма обильно субсидировали промышленность и сельское хозяйство, чтобы те смогли расширить производство и удовлетворить потребности ненасытного Молоха.

Но и это не все. В конце 1940-х гг. федеральное правительство сделало некоторые вложения в строительство и оборудование лечебных учреждений, в том числе психиатрических лечебниц, хотя макроэкономическое значение этой программы было невелико. В 1950-е гг. оно поддержало автомобилестроение, запустив обширную программу строительства дорог, а если бы оно этого не сделало, дорожное движение страны представляло бы собой одну огромную пробку. Позднее получателями благ от многообразных форм правительственного участия стали авиакосмическая промышленность, компьютеры и, наконец, Интернет, не говоря о программах субсидирования сельского хозяйства, которые были начаты в 1930-е гг. и, несмотря на то что Великая депрессия осталась в прошлом, продолжают до сих пор. В первые годы XXI века ежегодные субсидии — в форме прямых денежных вливаний, налоговых льгот или предоставления бесплатного доступа к государственным ресурсам — составляют сотни миллиардов долларов, и их бенефициарами являются все мыслимые отрасли, от производства угля и нефти до средств массовой информации⁸³. И именно субсидии стали главным яблоком раздора в отношениях с иностранными конкурентами США, особенно с Евросоюзом.

Экономист, который в 1950 году или около того взялся бы за описание истории предыдущих ста лет, неизбежно отметил бы, что за этот период население Америки выросло в восемь раз, а рост численности занятых был несколько выше. Иными словами, в 1950 году доля экономически активных американцев была относительно больше по сравнению с 1850 годом,

⁸² См. об этом: В. Schwartz, *A History of the Supreme Court*, New York, N.Y., Oxford University Press, 1993, pp. 165, 236–238.

⁸³ См. краткий обзор в: М. Zepezauer, *Take the Rich off Welfare*, Cambridge, MA, South End Press, 2004.

что крайне любопытно, если исходить из предположения, что одной из важнейших целей труда является обеспечение досуга. Из тех, кто трудился в 1850 году, 60% были заняты в первичном секторе (сельское хозяйство, рыболовство, лесное хозяйство и горное дело), 9% в промышленности и 8% в транспорте и торговле. Спустя сто лет цифры были соответственно таковы: 10%, 23% и 20%. За тот же период капитал умножился в сто раз, а ВВП — в шестьдесят раз. Объем производства на душу населения вырос в шесть раз, производительность труда — вчетверо. Производство на единицу трудовых затрат увеличилось впятеро, а производство на единицу капитальных затрат — вдвое (иными словами, важнейшим итогом экономического развития стало повышение производительности труда, а не капитала). Производительность в промышленности выросла чуть больше, чем в сельском хозяйстве, хотя разница и незначительна⁸⁴.

К этому времени наиболее выдающейся чертой американской экономической жизни стало господство гигантских корпораций, которые, в свою очередь, занимались массовым производством для массового потребительского общества. Как отмечала во время своего посещения Америки та же де Бовуар⁸⁵, большинство следов ее «диких» истоков уже стерлись. Среди руководителей корпораций все меньше инженеров, техников или талантливых мастеровых, таких как Форд, Эдисон, Уильям Жилетт и Джордж Истмен (основатель компании *Kodak*), а их места все чаще стали занимать юристы и бухгалтеры. В отличие от ярких личностей предшественников, эти внешне бесцветные люди окружены легионами исполнительных гномов, помогающих им переключать бумаги и во всем похожих на своих боссов. Если перейти к более низким этажам, забастовки случались, но акты насилия, нередко сопутствовавшие им в годы Великой депрессии, теперь были крайне редки. Более-менее устойчивое процветание позволило капиталу и труду если не полюбить друг друга, то во всяком случае взаимно притерпеться. Американская история не знала времени, когда занятость была столь постоянной, а рост заработной платы столь равномерным и устойчивым, пусть и не очень впечатляющим.

⁸⁴ George, *The Emergence of Industrial America*, p. 5, table 1.1; pp. 9–10; pp. 12–13, tables 2.1, 2.2, 2.3; and pp. 17–18.

⁸⁵ *America Day by Day*, pp. 292–294.

В 1960 году правительственные расходы составили 27% ВВП, тогда как в 1940 году — всего 17,6%, а в 1950 году — 23,1%. В конце 1960 года президента Эйзенхауэра в Белом доме сменил президент Кеннеди, и это стало началом первой в американской истории попытки построить что-то вроде настоящего государства благосостояния. Кеннеди говорил об этом, но сделал немного, разве что набрал группы планирования из блестящих интеллектуалов: воображая себя одним из них, он любил бывать в их компании. По-настоящему тяжкий труд проталкивания реформ через Конгресс выпал на долю Джонсона, который и выдал чеканное выражение «Великое общество», обозначавшее намеченную цель. Среди самых известных программ, начатых в эти годы, были следующие: *Medicare** и *Medicaid***; раздача продовольственных талонов малоимущим, SSI (Supplemental Security Income) — схема, гарантирующая определенный уровень дохода пожилых людей, слепых и инвалидов, WIN (Work Incentive Program) — «программа поощрения труда», состоящая в предоставлении взрослым возможности получить профессиональную подготовку, а также множество программ помощи отдельным группам — от матерей-одиночек до негров и детей из неблагополучных семей.

Хотя с приходом Никсона в Белый дом правление демократов закончилось, движение к государству благосостояния по европейскому образцу продолжалось. Тому были две причины. Во-первых, все эти годы Конгресс контролировали демократы. Во-вторых, многие из реформ улучшили положение среднего класса и предпринимателей. Правительство тратило деньги без счета, и зачастую бессмысленно, но при этом обеспечило учителей, социальных работников, врачей, юристов и строителей совершенно новыми для них группами клиентов, которые без этих денег к ним бы и близко не подошли. Высшая точка была достигнута в 1975—1977 гг., когда раздел XX Закона о социальном обеспечении консолидировал множество различных пособий. Возникла ситуация, когда в стране сурового индивидуализма и свободного предпринимательства почти половина

* *Medicare* — программа медицинской помощи престарелым и инвалидам. — Прим. перев.

** *Medicaid* — медицинская помощь малоимущим и членам их семей. — Прим. перев.

населения, включая многих неплохо обеспеченных людей, получали того или иного рода государственные пособия⁸⁶.

К началу 1970-х гг. расширение государства благосостояния, продолжавшееся даже в разгар войны во Вьетнаме, довело правительственные расходы до 32,3% ВВП. И все же они были существенно меньше средних расходов других промышленно развитых стран⁸⁷. Более того: правительство США не национализировало ни одну из ключевых отраслей хозяйства. В той мере, в которой правительство осуществляло национализацию, оно делало это не из идеологических соображений, а из желания сохранить поставщика важных публичных услуг, как это было, к примеру, в 1971 году с *Amtrak*. Между тем, многих условий, которые запустили послевоенный экономический подъем, больше не существовало. Когда хозяйства Европы и Японии оправались от военной разрухи (в значительной мере с помощью США), их спрос на американские товары упал. Отчасти благодаря Бреттон-Вудской валютной системе, привязавшей в 1944 году валюты этих стран к доллару на искусственно заниженном уровне, их затраты на рабочую силу были намного ниже, а заводы, созданные после войны с нуля, более современными. В результате они смогли сначала вытеснить со своих рынков американский экспорт, а потом наводнили рынок США своими товарами, так что на каждый американский автомобиль на японских дорогах теперь приходилась сотня японских машин на дорогах Америки⁸⁸. Уже президента Кеннеди при вступлении в должность в 1961 году предупреждали об угрожающем росте дефицита платежного баланса, который, с учетом значительных расходов США на содержание войск в других странах, составлял примерно 600 млн долларов

⁸⁶ См.: N. Gilbert, *Capitalism and the Welfare State*, New Haven, CT, Yale University Press, 1983, pp. 52–54; J. L. Clayton, *On The Brink: Defense, Deficits and Welfare Spending* (New York: National Strategy Information Center, 1984) p. 101.

⁸⁷ Относительно ряда других стран см.: A. Milward, *The European Rescue of the Nation State* (London: Routledge, 1992) p. 35; а также P. Flora and A. J. Heidenheimer, eds., *The Development of Welfare States in Europe and America*, New Brunswick, N.J., Transaction Books, 1981, p. 319.

⁸⁸ О том, что происходило с американской автомобильной промышленностью в этот период, см.: D. Halberstam, *The Reckoning*, New York, N.Y., Morrow, 1986.

в год⁸⁹. Ситуация постепенно ухудшалась, а с 1969 года к ней добавился бюджетный дефицит, который с тех пор неизменно имел место, за исключением 1998—2000 гг. В 2005 году дефицит бюджета достиг 363 млрд долларов. Неясно, включает ли эта величина изначально не учтенные 100 млрд долларов, израсходованные администрацией Буша на военную операцию в Ираке⁹⁰.

Отчасти в силу роста импорта, отчасти из-за того (как не устают повторять американские экономисты), что переход от индустриальной экономики к экономике услуг — это «естественная» часть экономического развития, этот переход затронул США раньше и глубже, чем основных конкурентов Америки. Доля рабочих, занятых в «производственных» (первичном и вторичном) секторах хозяйства, достигла пика в 1957 году, когда она составила 45%⁹¹. С тех пор она падает, уступая третичному (услуги) и четвертичному (обработка информации) секторам. Стоит заглянуть в любой торговый центр, чтобы увидеть, что результаты этого процесса оказались неоднозначными. Хотя организация сельского хозяйства (относящегося к первичному сектору) изменилась (семейные фермы вытеснены агробизнесом), оно все еще в превосходном состоянии и кормит не только население собственной страны, но и немалую часть остального мира. О состоянии вторичного сектора свидетельствует тот факт, что многие производимые Америкой потребительские товары, включая такие знаменитые бренды, как *Philco* (электрооборудование) и *Kodak* (фото- и киноаппараты), почти исчезли с прилавков.

А вот третичный и четвертичный секторы, напротив, развиваются полным ходом. Первый состоит из людей, которые возят друг друга, стригут и причесывают друг друга, продают друг другу гамбургеры. Второй составляют люди, которые консультируют, дают советы и информируют друг друга. Расширение последнего сектора находит отражение в том, какое

⁸⁹ R. M. Solomon, *The International Monetary System, 1945—1976; An Insider's View*, New York, N.Y., Harper & Row, 1977, p. 131.

⁹⁰ CBS News, "CBO: \$368B Deficit — Without Iraq", 25.1.2005 (<http://www.cbsnews.com/stories/2005/01/25/politics/main669338.shtml>); Office of Management and Budget, *Historical Tables, Budget of the United States Government, Fiscal Year 2005*, p. 21, table 1.1.

⁹¹ Van der Wee, *Prosperity and Upheaval*, p. 168 table 17.

оборудование закупает бизнес. В 1950 году на оборудование для обработки данных и аппаратуру связи приходилось менее 15% всех капиталовложений. Через пятьдесят лет на него расходуется столько же, сколько на все остальные виды оборудования (станки, транспортное оборудование и прочее) вместе взятые⁹².

1971 год стал годом, когда, в добавление к вот уже десять лет пассивному платежному балансу, впервые с 1893 года стал отрицательным и торговый баланс. Золотой запас Америки, составлявший 23 млрд долларов в 1956 году, уменьшился почти вдвое всего за десять лет, так что США больше не обладали ресурсами для того, чтобы исполнять роль центрального банка для всего остального мира, а попытки решить проблему полумерами (скажем, ограничивая возможности вывоза капитала) только усиливали позиции иностранных финансовых центров, которые не были обязаны сотрудничать при таких ограничениях⁹³. Наконец, президенту Никсону выпало сделать то, что нельзя было не сделать. Никсон, скромно охарактеризовавший свое решение как «величайшую в истории валютную реформу», в одностороннем порядке вышел из Бреттон-Вудских соглашений, разорвал связь доллара с золотом и пустил его в свободное плавание. Одним из предвидимых результатов этой реформы было резкое повышение курса японской иены и европейских валют — и действительно, немецкая марка, например, поднялась от примерно 25 центов в 1971 году до 59 центов в 1979 году. Непредвиденный результат заключался в том, что когда в следующем году разразился мировой энергетический кризис, США он задел едва ли не больше, чем все другие развитые страны (на мировом рынке нефти расчеты идут в долларах).

В 1973—1981 гг. экономика росла медленно. Выросли безработица и инфляция — и это в стране, которая в те времена, в отличие от многих других, не имела формального механизма привязки ставок жалования и заработной платы к индексу потребительских цен. Когда воцарилась так называемая стагфляция, государственные расходы в реальном выражении умень-

⁹² G. Dumenil and D. Levy, *Capital Resurgent*, p. 152 figure 17.1.

⁹³ О принимавшихся мерах и результатах см.: R. Ghesquire, “Euro-Currency Markets; A Critical Survey”, in *Tijdschrift voor Economie en Management*, 22, 1, 1977, pp. 10, 14—15.

шились. Уменьшилась доходность капитала и инвестиций, что привело к уменьшению доли ВВП, расходуемой на исследования и разработки. Впервые со времен Великой депрессии прирост основного капитала стал отрицательным⁹⁴. Наконец, прирост производительности упал на 40% в сравнении с предыдущим десятилетием, и для мира, который на протяжении почти полутора столетий прославлял технический прогресс как источник повышения эффективности, это стало, пожалуй, самой важной из всех проблем. Было ясно, что исчерпан потенциал развития, заложенный в период Нового курса и Второй мировой войны. Когда в ходе президентской избирательной кампании 1980 года Рейган предложил американцам осмотреться и спросить себя, живут ли они сейчас лучше, чем четыре года назад, их ответ был ему заведомо известен.

Как уже отмечалось, избрание Рональда Рейгана стало критической поворотной точкой, что, пожалуй, дает ему право занять место среди самых значительных американских президентов рядом с Вашингтоном, Линкольном и Франклином Рузвельтом. В этом контексте особенно примечателен последний. В течение полувека после его избрания в 1932 году США явно продвигались в направлении к государству всеобщего благосостояния, пусть и припозднившемуся, пусть так и не ставшему столь же всесторонним, как его европейские соперники. Только в 1964 году Конгресс по настоянию Джонсона согласился с необходимостью использовать налогообложение как инструмент сглаживания делового цикла. К 1971 году даже Никсон, республиканец, которого никто не подозревал в либеральных симпатиях, гордо объявил: «Я кейнсианец».

Затем под влиянием кампании в средствах массовой информации, представившей получателей государственных пособий как людей распущенных, ленивых, беспомощных, среди которых непропорционально много чернокожих⁹⁵, страна изменила курс. Новой целью было восстановление того, что многие

⁹⁴ См. подробнее: A. Maddison, "Comparative Analysis of the Productivity Situation in the Advanced Capitalist Countries", in J. W. Kendrick, ed., *International Comparisons of Productivity and Causes of the Slowdown*, Cambridge, MA, Ballinger, 1984, p. 61 table 2-1 and p. 63 table 2-2.

⁹⁵ M. Gilens, *Why Americans Hate Welfare*, Chicago, IL, University of Chicago Press, 1999, pp. 60–153.

считали традиционными американскими ценностями — «сбросить правительство с наших плеч», как сказал Рейган. Началось урезание программ соцобеспечения, и движение в этом направлении ускорилось в 1990-е гг., когда впервые после полувекового преобладания демократов, республиканцы вернули себе контроль над Конгрессом. Больше всех, пожалуй, пострадала AFDC (помощь семьям с детьми-иждивенцами). Эта федеральная программа, выплачивающая пособия при доходе менее определенного уровня, была в несколько иной форме принята еще в 1930-е гг. и испытала сокращение бюджетных ассигнований в период администрации Рейгана. Ее преемница, TANF (временная помощь нуждающимся семьям), предоставляет пособия только тем, кто хочет — и способен, с точки зрения руководителей программы, — работать, и не больше чем на пять лет за все время жизни одного человека⁹⁶.

Прислушиваясь к советам так называемой чикагской школы экономической теории, администрация Рейгана сумела в первые годы провести ряд других реформ, самой значительной из которых было дерегулирование. Деревулирование затронуло целый ряд отраслей, включая банковское дело, телевидение, телекоммуникации и железные дороги, но для иллюстрации достаточно рассмотреть пример авиакомпаний. Как и в большинстве других стран, правительство США длительное время стремилось защищать отрасль с помощью таких мер, как регулирование цен на билеты, маршрутов, пунктов назначения и т.п. Изначальной целью всего этого было стимулирование роста за счет ограничения конкуренции. Однако к 1980 году регулирование превратилось в бюрократический кошмар. Самым заметным итогом регулирования здесь, как и во многих других случаях, стала олигополия. Если смотреть на дело с точки зрения авиакомпаний, результатом того стал мир, в котором относительно хорошо себя чувствовало небольшое число крупнейших компаний. А с точки зрения потребителя, это был мир с довольно однородным качеством услуг и искусственно высокими ценами. Вследствие скорее стечения обстоятельств, чем осознанного плана, но дерегулирование авиакомпаний привело к замечательному успеху. Результатом ста-

⁹⁶ Об этих реформах см.: M. B. Katz, *The Price of Citizenship: Redefining the American Welfare State*, New York, N.Y., Holt, 2001, pp. 325—332.

ло не только значительное расширение рынка авиаперевозок: увеличился спрос на новые самолеты, началось расширение аэропортов и т.д.⁹⁷ Неудивительно, что позднее тем же путем последовали многие страны мира.

Для стимулирования экономического роста было проведено значительное сокращение налогов, и прежде всего на самые высокие доходы, хотя в выигрыше оказались и люди со средними доходами. Теория, на которую опирались эти реформы, прославилась под названием «рейганомики». В ее основе была идея «эффекта просачивания богатства»: когда богатые начинают тратить больше, в выигрыше оказываются и простые американцы. Важнейшей политической фигурой этого периода стал назначенный Картером глава Федеральной резервной системы Пол Волкер, который с помощью заоблачных процентных ставок заставил американцев больше сберегать и остановил инфляцию. Сначала теория не привела к ожидаемым успехам, и первым результатом принятых мер стала сильная рецессия, но впоследствии ситуация изменилась. Курс доллара резко вырос, цены на нефть, достигшие пика в 1981 году, начали падать и инфляция пошла на спад. Потом началось снижение процентных ставок, и после 1985 года курс доллара стал снижаться. Все это, в сочетании с дерегулированием, привело к возобновлению инвестирования и экономического роста. Строго говоря, рейганомика не могла вернуть Америке то прежнее положение в мире, каким оно было до 1972 года, не говоря уж о 1945 годе. Но Рейгану удалось избавить страну от худших последствий 1970-х гг.

К тому времени постоянный рост дефицита бюджета и платежного баланса из простой неприятности превратился в сильную и постоянную головную боль. С точки зрения внутренней политики национальный долг и необходимость погашать проценты по нему съедали все большую часть федерального бюджета, и, начиная с 1989 года, посетители Таймс-сквер, что в Нью-Йорке, могут наблюдать на специально изготовленном электронном табло, как ползет вверх величина национального долга. Значительная доля остальной части бюджета предназначена на финансирование программ, сэкономить на которых практически невозможно. Важнейшие среди них —

⁹⁷ M. A. Brenner et al., *Airline Deregulation*, Westport, CT, Eno Foundation for Transportation, Inc., 1985.

трансфертные (перераспределительные) выплаты и оборона. В результате каждая новая администрация обнаруживает, что ее возможности влиять на распределение ресурсов весьма ограничены и что ей, вместо реализации программ, остается лишь латать дыры. С точки зрения внешней политики проблема дефицита платежного баланса стала настолько серьезной, что, когда в 1990 году разразился кризис в Персидском заливе, США пришлось пойти с шапкой по кругу, собирая деньги на военную экспедицию. Президенту Джорджу Бушу-старшему пришлось (в нарушение своего обещания) повысить налоги, но ситуацию это не спасло. Единственным результатом было то, что его выставили из Белого дома, в который вселился Билл Клинтон.

Причины поразительного экономического бума, пришедшегося на президентство Клинтона, несомненно, будут еще изучаться экономистами⁹⁸. Важнейшей из них, пожалуй, было окончание холодной войны и распад СССР. Это сделало США неоспоримо сильнейшей державой мира, единственным центром, вокруг которого все другие страны вращаются, как планеты вокруг Солнца. В сравнении с другими странами США всегда имели то счастливое преимущество, что им не приходилось много тратить на оборону. Эту ситуацию не изменили даже чудовищные объемы производства вооружений в период Второй мировой войны: США расходовали на это *меньшую* долю ВВП, чем другие воюющие державы⁹⁹. После 1945 года ситуация радикально переменялась. Если учитывать только страны Запада, теперь США тратили и тратили, а их союзники в Европе и Восточной Азии, укрывшиеся под крылом Вашингтона, могли экономить. В 1990-е гг. многих американцев интересовал вопрос — куда девались обещанные «дивиденды мира»? Судя по процветанию, установившемуся в эти годы, ответ совершенно очевиден¹⁰⁰.

⁹⁸ См.: A. S. Blinder and J. L. Yellen, "The Fabulous Decade; Macroeconomic Lessons from the 1990s", in A. B. Kruger and R. M. Solow, eds., *The Roaring Nineties*, New York, N.Y., Sage, 2002, pp. 91—156.

⁹⁹ Доля военных расходов в ВВП составила: в США 40%; в Германии 72%; в Японии 55%; в Британии 50%. Milward, *War, Economy and Society*, pp. 63, 76, 85, 90.

¹⁰⁰ См. об этом: M. D. Ward and D. R. Davis, "Sizing Up the Peace Dividend: Economic Growth and Military Spending in the U.S., 1948—1996", *American Political Science Review*, 86, 3, September 1992, pp. 748—755.

Подъему экономики способствовало то, что цены на нефть устойчиво снижались начиная с 1980—1981 гг., и серьезного влияния на них не оказала даже война между Ираном и Ираком. Правда, в 1990—1991 гг. в результате вторжения Саддама Хусейна в Кувейт и последующей военной операции во главе с США цены на нефть резко подскочили, но, как оказалось, ненадолго¹⁰¹. Как только иракская армия была изгнана из Кувейта и война окончилась, возобновилось снижение цен на нефть. В 1998 году, когда цены упали до минимума, они находились на самом низком уровне со времен энергетического кризиса 1973—1974 гг. Нужно отметить, что США и сами производят нефти больше, чем любая другая промышленно развитая страна, за исключением России. Но нужно отметить и то, что налоги на бензин и другие виды топлива в США ниже, чем в любой другой промышленно развитой стране. В результате граждане США, да и вся экономика страны зависят от нефти больше, чем кто-либо еще.

Среди множества технологических достижений, принесших плоды в «ревущие девяностые», самыми важными были достижения в области высоких технологий. Если начать отсчет от 1964 года, когда IBM объявила о первой версии своего компьютера IBM 360, влияние этой техники на рост производительности долгое время не оправдывало надежд¹⁰². Компьютеры использовались преимущественно в администрировании, особенно в управлении крупными компаниями и правительственными учреждениями. На них все в большей степени перекладывали контроль над работой других машин, но сами они еще не были частью этих машин. Ситуация начала меняться в 1979 году, когда был изобретен микрочип. Однако на то, чтобы влияние компьютеров начало сказываться, потребовалось еще примерно десятилетие, а также падение цен на компьютеры так, что покупать и использовать их смогли даже малые предприятия. Администрации Клинтона

¹⁰¹ Об ограниченном воздействии этих событий на нефтяные цены см.: E. Gholz and D. G. Press, “Energy Alarmism: The Myths That Make Americans Worry about Oil”, *Policy Analysis*, 5.4.2007, pp. 12—13.

¹⁰² M. A. Katzouian, “The Development of the Service Sector; A New Approach”, in *Oxford Economic Papers*, 22, 3.11.1970, pp. 362—382.

посчастливилось прийти к власти как раз вовремя, чтобы приписать себе заслугу в последовавшем быстром росте производительности труда — в росте, к которому она на самом деле не имела никакого отношения.

Как обычно бывает в Америке времен процветания, фондовый рынок пошел вверх с почти маниакальным напором, и некоторые наобещали всем, кто желал их слушать, что уж на этот раз подъем будет вечным¹⁰³. Как обычно бывает в Америке времен процветания, пузырь лопнул. Рынок рухнул, и начался спад, ударные волны которого распространились по всем направлениям. Некоторые из тех, о чьем оптимизме кричали заголовки новостей, теперь выступили с пессимистическими заявлениями, а самые неудачливые даже оказались за решеткой.

Тем не менее, по мере того, как мы приближаемся к концу первого десятилетия XXI века, об экономике США уже можно сказать нечто конкретное, не опасаясь, что через пять или десять лет эти слова перестанут иметь отношение к реальности — разве что произойдет внезапная катастрофа. Прежде всего ошиблись все те, кто в конце 1980-х и в начале 1990-х гг. предсказывали близкий и неизбежный упадок США¹⁰⁴. В то время главными конкурентами Америки считались Япония и Германия. Так вот: в сравнении с этими странами позиции США укрепились, а не ослабли. В 2006 году, несмотря на слабый доллар, ВВП Америки составлял примерно 73% совокупного ВВП Евросоюза и Японии, т.е. больше, чем в 1987 году (67%), и почти столько же, сколько в 1975 году.¹⁰⁵ Говоря словами Марка Твена, слухи о смерти Америки были преувеличены.

Во-вторых, в сравнении с остальными странами развитого мира США все еще располагают не имеющей аналогов ресурсной базой, и в том числе обширными территориями, изобили-

¹⁰³ Например: P. Schwartz et al., *The Long Boom; A Vision for the Coming Age of Prosperity*, Reading, MA, Perseus, 1999.

¹⁰⁴ Например: J. Laxer, *Decline of the Superpowers; Winners and Losers in Today's Global Economy*, Toronto, Lorimer, 1987, pp. 14—30; и P. Kennedy, *Preparing for the Twenty-First Century*, New York, N.Y., Vintage, 1993, pp. 290—328.

¹⁰⁵ Данные по США, Евросоюзу и Японии (2006 г.) взяты из: *World Fact Book*, <http://www.cenimar.com/index.jsp>. Данные за 1987 и 1975 гг. — из работы: J. Zysman, "US Power, Trade and Technology", *International Affairs*, 67, 1, January 1991, p. 90.

ем природных ресурсов и многочисленным, быстро растущим и хорошо образованным населением. В-третьих, США остались страной свободного предпринимательства *par excellence**. В США внедрять новшества проще, а венчурный капитал более доступен¹⁰⁶, особенно в сравнении с их основным соперником — Европейским союзом; если европейцы страшатся смены рабочего места, то американцы нередко считают это своим шансом на успех. В-четвертых, США, вследствие влияния всех этих факторов, остаются весьма конкурентоспособными на мировой арене. В 2005 году они занимали первое место, тогда как Великобритания (ближайший европейский конкурент) и Япония заняли соответственно только восьмое и девятнадцатое места¹⁰⁷.

В-пятых, постоянные дефициты бюджета и платежного баланса превратили американский народ и его правительство в величайших должников в истории. Многих иностранцев это раздражает. Они объявили, что США паразитируют на мировой экономике¹⁰⁸, и с нетерпением предвкушают их крах, игнорируя тот факт, что ненасытный спрос американских потребителей поддерживает занятость от Токио и Пекина до Парижа и Берлина. Некоторых, хотя далеко не всех американцев тоже тревожат эти дефициты, в которых они видят угрозу международному положению своей страны и ее будущему. Главной причиной того, что граждане столь многих стран уже многие годы продолжают вкладывать свои деньги в США, является не надежда на быструю прибыль, а стремление обезопасить себя от возможных действий собственных правительств, а также поиск места с более низкими налогами¹⁰⁹. И пока они ведут себя таким образом, сохраняется ситуация, позволяющая Соединенным Штатам Америки ежегодно потреблять примерно на 5% больше, чем произведено.

* Здесь: ярко выраженный (*фр.*). — *Ред.*

¹⁰⁶ А. Cane, "Why Progress Requires Ambition and Risk", *Financial Times*, 11.3.2005, p. 8.

¹⁰⁷ <http://times.hankooki.com/lpage/200505/kt2005050917202210220.htm>.

¹⁰⁸ Например: E. Frey, *Schwarzbuch USA*, Frankfurt/Main, Eichborn, 2004, pp. 157—168.

¹⁰⁹ См. об этом: E. Todd, *After the Empire: The Breakdown of the American Order*, New York, N.Y., Columbia University Press, 2003, pp. 90—94.

Все это сделало экономику США куда более ориентированной на мировой рынок, чем это было прежде. Как мы уже видели, американские корпорации начали триумфальную экспансию за рубежом в последние годы XIX века. В 1920-е гг. создавалось впечатление, что ничто не в силах помешать им завоевать весь мир. После 1945 года покупательская вакханалия возобновилась и достигла пика в 1960-е гг. Обо всем этом говорится в бестселлере 1967 года «Американский вызов» (*The American Challenge*). Если дела пойдут так и дальше, писал французский автор Жан-Жак Серван-Шрейбер, то третьей по величине экономикой мира после США и СССР скоро станет не Европа, а американские предприятия в Европе.

Прогноз оказался ошибочным. К первому десятилетию XXI века ситуация во многом сменилась на обратную. Американские корпорации по-прежнему самые большие¹¹⁰, но европейские и японские корпорации, в погоне за низкими налогами, низкими издержками на оплату труда или просто в стремлении разместить избыточный капитал, либо создают предприятия в США, либо скупают уже действующие американские. Результаты очень заметны на вашингтонском окружном шоссе: примерно семь из десяти машин либо иностранного производства, либо сделаны на работающих в США иностранных заводах. Если говорить об автомобилях, то действительно *General Motors* все еще является владельцем немецкой фирмы *Opel*. Но намного примечательнее тот факт, что сегодня владельцем корпораций *Chrysler* является немецкая фирма *Daimler Benz*. Иными словами, примерно до 1980 года производственными активами на других континентах владели почти исключительно американские корпорации. Сегодня ситуация стала куда более сбалансированной.

А, кстати, как выглядит сегодняшняя ситуация с точки зрения граждан США? Если бы этот вопрос задали в 1945—1975 гг., то не было бы сомнений в том, что самыми богатыми и благополучными являются американцы. Строго говоря, даже тогда им приходилось платить за это свою цену, в том числе и главную: существенно более высокий уровень безработицы и менее развитая система «страховочной сетки», смяг-

¹¹⁰ S. Anderson and J. Cavanagh, "Of the World's 100 Largest Economies 51 are now Corporations" (200 data), 2002 (<http://www.corporations.org/system/top100.html>).

чающей тяготы безработицы и других социальных проблем¹¹¹. Что же касается ситуации первых лет XXI века, то она при всех нюансах по сути осталась прежней. Относительно безработицы ситуация стала обратной — американская экономика создает намного больше новых рабочих мест, чем европейская¹¹². Если взять выраженный в долларах валовой внутренний продукт в расчете на одного занятого (производительность труда), то США, благодаря большей продолжительности рабочей недели, ведут с большим отрывом¹¹³. Если взять ВВП на душу населения, разница между США и их соперниками сократилась, но меньше, чем можно было ожидать. В 2006 году в США этот показатель составил 43 500 долларов, что намного выше, чем в Японии (33 100 долларов) и в других развитых странах, включая Германию и Австралию. Правда, в ряде европейских стран — в Люксембурге, Норвегии, Дании, Ирландии и Швейцарии — величина ВВП на душу населения выше, чем в США. Однако во всех этих странах населения немного. Их влияние на статистику незначительно: для Евросоюза в целом этот показатель составлял 29 400 долларов.¹¹⁴

Как показывают международные сопоставления ВВП по паритету покупательной способности в расчете на душу населения¹¹⁵, положение американцев по показателю уровня жизни даже лучше, чем по величине душевого ВВП. Если взять 1971 год за исходный, то стоимость «продовольственной корзины» продолжала снижаться, хотя и не так быстро, как в предыдущие 25 лет¹¹⁶, оставляя людям все больше средств на всякого рода «роскошь» и товары «не первой необходимости». Если взять душевой показатель обеспеченности жильем, кондиционерами воздуха, газонокосилками, автомобилями, холодильниками, микроволновыми печами, телефонами,

¹¹¹ См.: van der Wee, *Prosperity and Upheaval*, p. 77, table 6.

¹¹² Данные за 1980—1996 гг. см. в: W. M. Cox and R. Alm, *Myths of Rich and Poor; Why We're Better off Than We Think*, New York, N.Y., Basic Books, 1999, p. 94, table 5.1.

¹¹³ По данным европейских торговых палат, цит. по: T. Buck, "EU at Levels of U.S. in 1970s", *Financial Times*, 11.3.2005, p. 2.

¹¹⁴ Данные за 2006 г. взяты из *World Fact Book*, 2007 (http://www.cenimar.com/factbook/trend_list.jsp).

¹¹⁵ Согласно данным Википедии: http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_GDP_%28PPP%29_per_capita.

¹¹⁶ Cox and Alm, *Myths of Rich and Poor*, p. 41 figure 2.1.

телевизорами, персональными компьютерами и почти любыми мыслимыми потребительскими товарами, то экономика работает превосходно, тем более что многое из того, что люди покупали в 2006 году, в 1970-х еще не производилось, а это весьма затрудняет сопоставление. Разумеется, верно и то, что в Америке начала XXI века, как всегда и везде, пользуются этим потоком потребительских благ в первую очередь более обеспеченные, а некоторые очень богатые люди накапливают массу всевозможных вещей. Но не может быть и речи о том, что многочисленные торговые центры заполнены только богачами. Такое возможно лишь при наличии множества умеренно зажиточных, но совершенно обычных людей.

Три фактора объясняют, почему средний американец, даже с учетом разницы в величине ВВП на душу населения, может позволить себе владеть бóльшим числом благ и потреблять больше, чем почти весь остальной мир. Во-первых, налоги по-прежнему сравнительно невысоки. Взятые вместе федеральные налоги и налоги штатов составляют примерно треть ВВП, тогда как в большинстве европейских стран — почти половину ВВП, а в некоторых и более того. Не залезая столь глубоко в карманы среднего гражданина, правительство оставляет ему больше денег на жизнь. В этом отношении особенно важны подоходный налог и законы, позволяющие домовладельцам, подавляющее большинство которых принадлежит к среднему классу, вычитать из налогооблагаемого дохода проценты по закладным¹¹⁷. Более того: если в большинстве европейских стран взимается налог на добавленную стоимость по ставке 16—18%, то в США такого федерального налога нет. Его аналог — налог с продаж — есть в большинстве штатов США, но его ставка не превышает 5—7%, а в ряде штатов его нет и вовсе. После 1980 года были даже попытки уменьшить налогообложение, особенно на федеральном уровне. Впрочем, от этого выиграли преимущественно богатые, и в особенности очень богатые.

Во-вторых, начиная с 1970-х гг. на рынок труда вышло множество женщин, что привело к абсолютному и относительно увеличению численности занятых, а также позволило многим поддерживать уровень жизни даже в условиях роста инфляции. Другими факторами, действовавшими сходным

¹¹⁷ Zepezauer, *Take the Rich off Welfare*, pp. 19—20.

образом, были более поздние браки и падение общего уровня рождаемости¹¹⁸: раз средний размер семьи уменьшается, один и тот же доход делится между меньшим числом людей. Разумеется, подобное происходило и в других развитых странах. Однако среди американок больше тех, кто трудится полный рабочий день, чем среди их сестер в любой другой из развитых стран, и лишь немногие американки имеют право на выплаты, позволяющие, например, шведкам оставаться дома с больными детьми и при этом получать почти нормальную заработную плату. В-третьих, хотя атмосфера в американских супермаркетах и дисконтных магазинах не всегда приятна, розничная торговля в США, стремящаяся к получению экономии на масштабах торговли, по эффективности уже давно является лучшей в мире. Нередко информационные технологии здесь начинали внедряться на годы раньше, чем в других странах¹¹⁹. Как заметил Маркс, «Дешевые цены ее товаров — вот... тяжелая артиллерия» [буржуазии]¹²⁰. Если США — страна в основном среднего класса, то это имеет самое прямое отношение к сети магазинов *Wal-Mart*, бизнес-модель которой оказалась настолько успешной, что даже начала распространяться в Китае.

При том что высший и средний классы вполне благополучны, социальные расходы к концу 2002 года снизились до менее чем 13% ВВП. Это на 5% меньше, чем было пятнадцатью годами ранее, и намного меньше, чем в любой другой развитой стране, исключая Японию¹²¹, — а с учетом висящих на Вашингтоне долгов и политического господства республиканцев этот откат, по всей вероятности, сохранится и на ближайшие годы. Хотя

¹¹⁸ См.: J. Finkelstein, *The American Economy from the Great Crash to the Third Industrial Revolution*, Arlington Heights, Ill., Harlen Davidson, 1992, pp. 212–221.

¹¹⁹ См.: R. J. Gordon, “Why Was Europe Left at the Station when America’s Productivity Locomotive Departed?”, Working Paper 10661, National Bureau of Economic Research, Cambridge, MA, 2004 (www.nber.org/papers/w10661).

¹²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, *The Communist Manifesto*, in L. Feuer, ed., *Marx and Engels*, Garden City, N.J., Doubleday, 1959, p. 11. [Рус. пер: Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 4. С. 428.]

¹²¹ Gilens, *Why Americans Hate Welfare*, p. 27; а также Finkelstein, *The American Economy*, p. 211 table 10.2; D. Lambo, “Spending Growth Upsets Conservatives”, *Washington Times*, 30.6.2003 (<http://www.washtimes.com/national/20030630-121947-6635r.htm>).

сказанное относится и не только к США, между этой и другими странами есть существенное различие. Граждане большинства других развитых стран наблюдают за демонтажем государства благосостояния с сожалением, а в некоторых местах это даже привело к некоторому возрождению социалистических настроений. Всего этого куда меньше в США, где, отчасти по идеологическим причинам, а отчасти в силу того, что население здесь в среднем моложе, многие одобряют подобную политику. Многие американцы, особенно те, которые, не будучи богаты сами, голосуют за республиканцев, не хотят, чтобы их налоги шли на поддержку старых, больных и нуждающихся. Они требуют возвращения к «подлинно американским ценностям»: к индивидуализму, к опоре на собственные силы, к предприимчивости и упорству в труде. По их мнению, Франклин Д. Рузвельт увел страну с правильного пути, а святой Рональд Рейган начал великий труд по возвращению ее на путь истинный. Красно-бело-голубой — и навеки!

Чем платят американцы за процветание? Ответить на этот вопрос можно, если выделить несколько моментов. К числу наиболее существенных пунктов в этом списке относится, во-первых, расточительное отношение к экономическим ресурсам, что ведет к ухудшению качества окружающей среды. Во-вторых, это обязанность потреблять: в Соединенных Штатах Америки в счет идет только то, что стоит денег. Следующий пункт — огромное неравенство в распределении дохода и богатства. Американцам приходится работать больше, чем гражданам любой другой из развитых стран, еще один результат — высокий уровень преступности и резкое падение качества жизни. Наконец, имеет место чрезвычайная нестабильность, которая выливается в незащищенность. В глазах многих последнее является ключевым фактором, который сводит американцев с ума.

Начнем с того, как американцы обходятся с оказавшимися в их распоряжении экономическими ресурсами. Как уже говорилось, во времена, когда первые поселенцы отплыли в Америку, природные ресурсы Англии уже находились в процессе истощения. Прибыв в новую страну, они обнаружили, что ресурсы здесь, наоборот, практически неограниченны. Они могли потреблять, разрушать, выбрасывать за ненадобно-

стью и вновь потреблять — не было нужды сохранять что-либо. Почва была практически девственной, то есть либо вообще никогда не подвергалась обработке, либо обрабатывалась туземцами, еще не знавшими железа. Например, на Юге земля была настолько дешева, что на участках по три года подряд выращивался табак, после чего почва истощалась и расчищался новый участок¹²². Поэтому неудивительно, что по мере того, как из прибрежных колоний, превратившихся в «Старый Юг», поселенцы двигались на запад, население оставалось крайне малочисленным. Правда, движение на запад прекратилось незадолго до 1900 года. Становилась очевидной опасность разрушения окружающей среды, и Конгресс по требованию Теодора Рузвельта создал первые национальные парки. Впрочем, в сравнении с почти любой из промышленно развитых стран, в Америке сохранялось сказочное изобилие ресурсов. Остальное довершила алчность, этот мощный двигатель американской жизни.

Хотя у системы запланированного устаревания продукции есть свои преимущества, сохранение природной среды определенно не является ее плюсом. Сегодня, как и сто лет назад¹²³, мы можем наблюдать стремление к избыточности во всем, от автомобилей до бытовых приборов, — в размерах, мощности, в тепловыделении. Во имя экономии на строительных расходах большинство домов плохо утеплены. Поэтому жизнь протекает под аккомпанемент моторов, которые зимой греют дома, а летом их охлаждают. Во многих домах конструкция окон такова, что их открывают не чаще раза или двух в год, если открывают вообще. Во избежание малейшего дискомфорта американцы предпочитают жить в абсолютно искусственной и полностью управляемой среде; немного найдется других стран, где свежий воздух в жилищах так редок и ценится так мало.

Возможно, у американских автомобилей мощные двигатели из-за того, что им приходится в среднем покрывать большие расстояния. Возможно, американские пылесосы намного мощнее из-за большой площади жилищ американцев. Возможно, стиральные машины американцев мощны (настолько, что белье быстро превращается в ветошь) из-за того, что многим потребителям некогда обучаться выбору подходящей

¹²² См. об этом: Johnson, *A History of the American People*, pp. 18—19.

¹²³ Hauptmann, *Buch der Leidenschaft*, p. 114.

программы стирки. Приходится либо чаще покупать новое белье, либо обзаводиться более сложной и более дорогой стиральной машиной иностранного производства. То же самое относится и к другим электроприборам — к магнитофонам, телевизорам, сушильным аппаратам, видеомагнитофонам, электрическим хлеборезкам, прессам для уплотнения мусора, самоочищающимся духовкам, микроволновым печам, морозильникам, зубным щеткам и, разумеется, к компьютерам. За время с 1925 по 1975 год количество энергии, потребляемой семьей за год, выросло вчетверо. В 2003 году многим университетам пришлось срочно менять проводку в общежитиях, потому что студенты привозят с собой такую уйму всевозможных электроприборов, что старые электросети просто перестали справляться¹²⁴.

Правда, в других странах люди тоже используют все больше самых разных электроприборов, и зачастую это прямое проявление культурного влияния Америки. Однако с цифрами в руках можно доказать тот факт, что подход американцев отличается. В пересчете на душу населения в Америке больше компьютеров, телевизоров и радиоприемников, чем где-либо еще. Одним результатом стало то, что многие дома превратились в свалки всякого хлама. Где еще могла возникнуть целая отрасль, именуемая «организацией пространства», которая помогает людям все расставить по местам так, чтобы дома снова стали пригодны для жизни¹²⁵? Другой результат — расточительность. По данным *U.N. Human Development Report* за 2001 год, в 1998—2000 гг. потребление энергии в США на душу населения составляло 350 млн *Btu* (британских тепловых единиц). Сравните это с 250 млн *Btu* в Австралии, 180 млн *Btu* во Франции, 170 млн *Btu* в Италии и всего 130 млн *Btu* в Японии. Если сравнивать произведенный ВВП в долларах в расчете на единицу потребленной энергии, то и здесь США с показателем 3,8 доллара оказываются в числе наименее эффективных из развитых стран. Единственными странами, которые уступали США по этому показателю, были Фин-

¹²⁴ J. Hannah, "As Student Power Up; Colleges Rewire", Associated Press, 28.11.2003 (<http://edition.cnn.com/2003/EDUCATION/11/28/dorm.overload.ap/index.html>).

¹²⁵ Например, Personal Systems, Seattle, WA, веб-сайт www.youneed-me.com/home.htm.

ляндия (3,4), Канада (3,2) и Исландия (2,8), но в последнем случае название страны говорит само за себя. Кроме того, в 2005 году Исландия отличалась от США тем, что двигалась в направлении отказа от потребления нефти¹²⁶. На другом полюсе была Швейцария, развитая страна с завидным уровнем жизни, которая потребляла вполтину меньше энергии на доллар ВВП, чем США.

На 1000 долларов ВВП американцы проезжают за год 327 миль — больше, чем кто-либо еще. Ежегодно на каждого американца приходится 4,9 тонны выбросов газа CO₂ — больше, чем где-либо еще. Ежегодно на каждого американца приходится 1600 фунтов мусора, что тоже больше, чем где-либо еще (второе место в этом списке занимает, как ни удивительно, чистая и опрятная Швейцария)¹²⁷. Есть все основания утверждать, что всего за четыре века своей истории американцы сделали для разрушения своей природной среды больше, чем европейцы, которые, если считать с доисторических времен, живут на своей земле в десять раз дольше. Общественные места и сооружения зачастую бывают в плохом состоянии из-за чрезмерного использования, но нередко за ними и не ухаживают должным образом из-за сравнительно низкого налогообложения, и эта проблема сегодня очевидна не менее, чем в 1830-е гг., когда на нее указала Фанни Троллоп¹²⁸. В частной собственности полно плавательных бассейнов, полей для гольфа и тому подобного, и они всегда поддерживаются в порядке в той степени, в которой это допускает кошелек владельца. Но это не относится к аналогичным общественным сооружениям, которые, во-первых, находятся в относительном дефиците, а во-вторых, либо поддерживаются в недостаточно хорошем состоянии, либо чрезмерно зарегулированы, либо то и другое одновременно.

Ситуацию ухудшает и тот факт, что если участки пространства не предназначены в явном виде для публичного исполь-

¹²⁶ A. Doyle, "Iceland's Hydrogen Buses Zip toward Oil-Free Economy", Reuters, 14.1.2005 <http://www.detnews.com/2005/autosinsider/0501/17/autos-60181.htm>.

¹²⁷ Frey, *Schwarzbuch USA*, pp. 213-214 (основано на данных ОЭСР).

¹²⁸ Trollope, *Domestic Manners of the Americans*, pp. 38—39; см также комментарий современного экономиста: Galbraith, *The Affluent Society*, особенно pp. 207—220.

зования, то они обычно недоступны для публики; в результате равновесие между природой и людьми оказывается не столь благоприятным, как, казалось бы, можно было ожидать при низкой плотности населения. В отсутствие соответствующих законов многие береговые участки морей и озер оказались в частном владении, и каждый, кто без разрешения вторгнется на них, рискует подвергнуться судебному преследованию или даже чему похуже. Внутри страны сравнительно мало мест, где можно просто погулять. Чтобы понять, о чем я говорю, поезжайте по любой дороге, ведущей из калифорнийского Национального парка секвой. К северу и к югу от парка по обеим сторонам дороги покрытые лесом горы великолепны, как только может быть великолепным творение Бога на нашей земле. Но практически вся эта красота обнесена забором. Здесь нет тропинок, столь обычных в похожих местах в Европе, а потому у вас нет ни малейшей возможности насладиться этой природой. Вы можете разве что остановиться ненадолго на обочине, либо любоваться всем этим из окна движущегося автомобиля.

В огромной, демократически управляемой стране, где земля никогда не принадлежала феодальным землевладельцам, в свободном доступе находятся лишь принадлежащие государству музеи и т.п. Недоступность значительной части «публичных» мест просто поразительна¹²⁹. Редко когда можно провести досуг, не заплатив ни копейки. Отправьтесь в горы, и вы обнаружите, насколько жестко регламентировано то, куда можно идти, а куда нельзя (и даже что можно носить, а что нельзя; однажды мы с женой были в Колорадо и шли по склону горы Шайенн; вокруг не было ни души, и тут мы встретили лесничего, который настоял на том, чтобы она прикрыла свой лифчик блузкой, терпеливо ожидая, пока она сделает это). Отправьтесь на озеро, и вы обнаружите, что большая часть его поверхности предназначена для лодок, водных лыж и так далее. А вот для плавания, которое не требует дорогой экипировки, а потому не стоит не гроша, отведено лишь крошечное пространство.

Результат — гигантский рынок всевозможных товаров для отдыха, от палаток до велосипедов, от лыж до внедорожни-

¹²⁹ См. об этом: M. Kohn, *Brave New Neighborhood: The Privatization of Public Space*, London, Routledge, 2004, особенно pp. 69—92.

ков. Нет нужды говорить, что последние, якобы предназначенные для езды по бездорожью, оборудованы всеми мыслимыми удобствами от регулируемых и подогреваемых кожаных кресел до новейших стереосистем и приборов спутниковой навигации. Опять-таки нет нужды говорить о том, что в большинстве случаев их используют для похвальбы и как обычные автомобили: вряд ли они съезжают с дороги чаще, чем любой семейный автомобиль. Когда Олдос Хаксли в романе «*О, дивный новый мир*» (1932) описывал будущее общество, в котором разрешены только те новые игры, которые сложнее и дороже уже существующих, он, должно быть, имел в виду США. Вывеска к югу от границы между Северной и Южной Каролиной, где на шоссе I-95 устроена стоянка для отдыха, говорит именно об этом. Остановись, гласит она, и ты получишь бесплатно совет, воздух и воду.

Такие коммунальные услуги, как наземный транспорт и образование, действительно доступны, но бывают весьма низкого качества. Все это делает неравенство между богатыми и бедными еще более разительным, чем оно могло бы быть в стране, менее приверженной частной собственности. Строго говоря, часть неравенства связана с иммиграцией. Большинство иммигрантов бедны, а иначе они, скорее всего, не стали бы покидать родную страну и пытаться счастья в чужой и во многих отношениях нелегкой для жизни. На новом месте они неизбежно оказываются в самом низу. В этом отношении в США все так же, как и везде. Новички всегда живут крайне скудно, пока им или их отпрыскам не удастся устроиться и если уж не совсем слиться с новым обществом, то приспособиться к нему настолько, чтобы вести нормальную обеспеченную жизнь.

Неравенству способствует отмеченное выше отсутствие сильного социалистического движения и порожденного им развитого государства всеобщего благосостояния. Для иллюстрации рассмотрим два периода в истории страны. В 1890 году 1% самых богатых американцев владели 51% всей собственности, а 44% американцев с низкими доходами имели только 1,2% всей собственности. Верхний 1% состоял из 125 тысяч семей, каждая из которых имела в среднем 264 000 долларов. Нижние 44% составляли 5,5 млн семей, каждая из которых имела в среднем 150 долларов. А теперь предположим, что статистик определил группу богатых так,

что в нее входит не 1%, а 12%. В этом случае выяснилось бы, что этой группе принадлежит 88% всего богатства, а оставшимся 88% населения принадлежат всего 14%.

1920-е гг. были периодом процветания еще в большей степени, чем 1880-е гг. За десятилетие 1920—1929 гг. доля национального дохода, достаемого богачам из верхнего 1%, увеличилась почти наполовину, от 13% до 19%. Одной из причин этого изменения было сокращение налогов, как и при Рейгане и его преемниках. Дополнительный военный налог, действовавший до 1926 года, создал ситуацию, в которой человек, заработавший за год 1 млн долларов, должен был в течение двух лет выплатить в казну 663 000 долларов¹³⁰. В 1926 году этот налог был урезан более чем на две трети. Но если у богачей были основания торжествовать, то нижние 95% населения обнаружили, что их доля выросла на 5%. Поскольку этот прирост большей частью пришелся на фермеров, которые вскоре оказались главными жертвами Великой депрессии, даже это число обманчиво. По одному из расчетов, этот величайший в истории экономический бум обернулся тем, что доходы нижних 95% несельскохозяйственного населения вообще не выросли¹³¹. Что касается богатства, то 60% принадлежало верхним 2% населения, а нижняя половина имела только 5%¹³². Согласно Алану Гринспену¹³³, это был не последний случай, когда беднейшим работникам от процветания не досталось ничего.

За сорок лет от Рузвельта до Картера разрыв сузился, но ненамного¹³⁴. Начиная с 1980 года те же самые политики, которые стремились уменьшить налоги (преимущественно для корпораций и для богатых), делали все возможное для сокращения пособий. И результат ощутили не только клиенты государственной благотворительности. Одним из итогов расширения сектора услуг за счет промышленности была растущая

¹³⁰ Данные из: Klein, *Rainbow's End*, p. 70.

¹³¹ Данные из: George, *The Emergence of Industrial America*, pp. 166—174.

¹³² Согласно Leach, *Land of Desire*, p. 271.

¹³³ Цит. по: L. Ucitelle, "An Epitaph for a Rule that Just Won't Die", *New York Times*, 30.7.2000.

¹³⁴ Подробнее см.: M. Kaus, *The End of Equality*, New York, N.Y., Basic Books, 1995, p. 35 figure 4.1; также: Galbraith, *The Affluent Society*, pp. 95—96.

специализация труда. Остальное сделали гибкость рабочего графика, специализация карьерного роста, работа дома (например, с компьютером) и аутсорсинг: чем более разобщены оказались работники, тем труднее стало объединить их в профсоюз. Членство в профсоюзах, сильно выросшее в период Великой депрессии и достигшее 40% всех работающих по найму в 1950-х гг., затем начало съезживаться и в 1990-х составляло чуть более 10%. В то же время участие рабочих в управлении, являющееся обычной практикой в некоторых странах Западной Европы и в Японии, всегда было в Америке редкостью.

Некоторые авторы, особенно американские, превозносят систему за то, что она обеспечивает для фирм и рабочих намного большую гибкость при достижении договоренностей об уровне заработной платы, жалованья и пенсий. Это, пожалуй, верно, но это означает также, что соответствующие решения теперь принимаются еще более децентрализованным образом, чем прежде. Начиная с корпорации *Ford*, упрямый основатель которой признал профсоюзы только во время Великой депрессии, многие знаменитые американские компании делали все возможное, чтобы не допустить их на свои заводы, в свои офисы и торговые точки. В начале XXI века они достигли в этом даже большего успеха, чем на протяжении значительной части XX века. Они не допускают профсоюзы на новые заводы, угрожают безработицей, чтобы снизить заработную плату и прочие выплаты, и даже, подобно корпорации *Wal-Mart*, запрещают работникам говорить друг с другом о своих заработках¹³⁵.

Нетрудно понять результат всего этого. В 1979 году соотношение доходов верхнего и нижнего квантилей населения было равно 6,6 : 1, а спустя двадцать один год этот показатель увеличился до 10,2 : 1¹³⁶. По мнению многих экономистов,

¹³⁵ B. Ehrenreich, *Nickel and Dimed; On (Not) Getting by in America*, New York, N.Y., Metropolitan, 2001, p. 207; U.S. Newservice, "UFCW: Wal Mart Workers' Right to Talk Union on Job Upheld by Judge", 16.9.2003, (http://www.highbeam.com/library/doc0.asp?docid=1G1:107796717&refid=ink_pubnews&skeyword=&teaser); R. Hegeman, "Aircraft Industry Shaking Up Unions", 27.7.2005, (http://www2.ljworld.com/news/2005/jul/27/aircraft_industry_shaking_unions/).

¹³⁶ Frey, *Schwarzbuch USA*, p. 221.

источником американского процветания долгое время была дефицитность труда относительно территории и наличных ресурсов¹³⁷. Много зарабатывая, американские рабочие много тратили. Классическим примером может служить тот же Генри Форд, который платил своим рабочим неслыханные в то время 5 долларов в день, что позволяло им покупать выпускаемые компанией машины. В современной Америке высококвалифицированные работники все еще могут зарабатывать намного больше, чем где-либо еще, что и служит объяснением продолжающейся «утечки мозгов». Многие страны бессильно наблюдают за тем, как их самые квалифицированные врачи, инженеры и компьютерщики отбывают на более сочные луга Нового Света, где им обеспечены более высокая оплата и более низкие налоги, так что они смогут всего иметь больше. Это в равной мере относится и к бедным и, хоть и в меньшей степени, к богатым странам. Некоторые страны даже говорят о наказании эмигрантов: пусть хотя бы выплатят то, что было затрачено на их обучение.

Но работники, зарабатывающие 160 000 долларов в год и более, составляют крохотное меньшинство — примерно 4%. На другом конце шкалы легионы малоквалифицированных рабочих. Многие из них прибыли недавно, и среди них много чернокожих и испаноязычных. Некоторые из них нелегалы, и это отнюдь не улучшает их возможности для заработка. Есть и те, кто вырос в захолустных городках, которых полно и в США с их обширными пространствами и редким населением. Но если в Новой Англии такие городки по крайней мере красивы, то в других местах они похожи на унылые помойки. Некоторые рабочие родились или живут в городских трущобах, которые, в отличие от ситуации начала XX века, расположены теперь в центре городов, а не на незаконно застроенных окраинах. Не имея даже законченного среднего образования и не пригодные ни к чему, кроме физического труда, они зарабатывают не больше, а меньше, чем такие же люди в других странах. К тому же у них намного меньше шансов получить пособие в виде, например, дешевого социального жилья. В целом они живут куда хуже, чем могли бы жить в другом мес-

¹³⁷ См. краткое объяснение этого в: P. A. David, *Technical Choice, Innovation and Economic Growth*, New York, N.Y., Cambridge University Press, 1975, pp. 62—68.

те. Обычно эту социальную категорию называют трудящимися бедняками [working poor]¹³⁸.

Несложно представить воздействие всего этого на качество жизни. Идет ли речь об удачливых и богатых или о незадачливых бедняках, досуга у американских трудящихся всегда меньше, чем у их коллег в других странах. Богатые или бедные, они не могут рассчитывать на целый ряд пособий, которые их коллеги в других развитых странах принимают как само собой разумеющиеся. Социальное обеспечение — единственная область, положение в которой на обоих берегах Атлантики было примерно сопоставимым. Но в 2005 году Буш, вступивший во второй президентский срок, нацелился и на эту систему — отчасти оттого, что республиканцы ненавидят все, имеющее прилагательное «социальный», а отчасти оттого, что бэби-бумеры вскоре начнут выходить на пенсию, и тогда системе грозит банкротство¹³⁹. Многим бедным американцам едва удастся сводить концы с концами: им приходится работать на нескольких работах, жить в передвижных домах и питаться преимущественно пиццей. Многие благополучные американцы имеют после уплаты налогов больше, и даже много больше, чем имели бы где-либо еще. Но и это отчасти видимость, потому что им нужно иметь больше денег, чтобы оплачивать очень дорогие полисы частного медицинского страхования и обучение своих детей в колледже.

Но самое главное — незащищенность. Наблюдая Америку в 1830-е гг., Токвиль написал, что нигде больше богатство не достается и не уходит с такой легкостью; сегодняшней нищий завтра делается миллионером и наоборот¹⁴⁰. Сто семьдесят лет спустя мы видим то же самое. Положительной стороной этого является то, что, как отмечено в одном исследовании, из тех, кто в 1975 году входил в нижний квантиль дохода, через шестнадцать лет более 60% перешли в высший или второй сверху квантили. Другое исследование сообщает, что 80% американцев с состоянием более миллиона долларов не унаследовали эти

¹³⁸ См.: D. K. Shipler, *The Working Poor: Invisible in America*, New York, N.Y., Knopf, 2003.

¹³⁹ White House News, "Social Security", 11.1.2005 (<http://www.whitehouse.gov/infocus/social-security/>).

¹⁴⁰ *Democracy in America*, ii, pp. 144—147 [Рус. пер.: Токвиль А. де. Указ. соч. С. 402].

деньги, а заработали их¹⁴¹. Обратная сторона состоит в том, что лишь две трети тех, кто в 1975 году входил в высший квантиль, все еще входили в него в 1991 году. По-настоящему примечательно то, что, вопреки расхожему мнению, защищенность не всегда растет вместе с доходом. Так, из входивших в 1979 году в высший 1% по уровню доходов лишь менее половины (47%) все еще оставались в нем в 1988 году¹⁴².

Богатых американцев чаще всего приводят к обеднению ошибочные инвестиции или развод¹⁴³. Бедным ни то, ни другое не грозит, так что их можно назвать почти счастливыми. У бедняков просто нет инвестиций, которые можно потерять, или денег, которые могут стать добычей оставленного супруга. Сложнее всего ситуация среднего класса. Люди, входящие в него, тоже могут остаться без штанов из-за падения фондового рынка или распада семьи, который ведет к разделу имущества (если, конечно, у них что-нибудь останется после того, как адвокаты возьмут свою долю). К имущественному краху могут привести также судебный процесс, дорожная катастрофа с тяжелыми последствиями и/или болезнь. Все это помогает объяснить, почему американцы так много внимания уделяют своему здоровью.

Другим очень важным источником трудностей является недобровольное увольнение с работы. Некоторые получают «розовый квиток» (примечательно то, как много у американцев различных выражений для обозначения этой процедуры) из-за их собственной некомпетентности. Других увольняют в силу изменения экономических условий, которые не зависят от работника — например, когда крупная промышленная компания, перебирающаяся в другой район, делает ненужными некоторые профессии в покидаемом районе или когда внедряющаяся в район крупная компания розничной торговли отбивает клиентов у мелких магазинов. Как показало одно из исследований, даже в период бума в 1997 году работу потеряли миллион американцев. Типичный результат — сокращение дохода на 25% в первый год после увольнения и пониженный доход в следующие пять лет. Даже образование

¹⁴¹ Cox and Alm, *Myths of Rich and Poor*, p. 73 table 4.1, p. 77 table 4.4; Stanley and Sanko, *The Millionaire Next Door*, pp. 3, 9, 16.

¹⁴² Cox and Alm, *Myths of Rich and Poor*, p. 77 table 4.4.

¹⁴³ Stanley, *The Millionaire Mind*, pp. 234, 235.

не гарантирует защиты от увольнения. Напротив, чем лучше образование уволенного, тем труднее ему достичь прежнего уровня доходов¹⁴⁴.

И эта проблема только обостряется. Отчасти потому, что некоторые работодатели изобрели «наем точно в срок» [«just-in-time employment»*], чем ужасно горды: они «используют» работников, когда те нужны, и избавляются от них, когда надобность в них миновала¹⁴⁵. Отчасти причиной является американская привычка платить в рассрочку. Все, чем владеет американец, может быть истребовано в обеспечение кредита. Если ты теряешь работу, то у тебя могут отнять дом, в котором ты живешь, и машину, в которой ты едешь. Еще одной причиной является сокращение численности профсоюзов. Четвертая причина состоит в том, что за последние двадцать лет даже те немногие работодатели, которые обеспечивали надежную занятость, снижают численность персонала, перенося производство и даже предоставление услуг в другие страны, где заработная плата ниже.

Начиная с 1980 года федеральное правительство, когда-то крупнейший поставщик гарантированных рабочих мест, усиленно избавляется от постоянного персонала, на смену которому, где это возможно, приходят фирмы-подрядчики. В результате подрядчики теперь делают все что угодно: подстригают газоны вокруг Капитолия, охраняют заключенных, гонятся за людьми, которые задолжали деньги налоговой службе. Некоторые пытаются террористов в таких далеких местах, как Гуантанамо и Ирак¹⁴⁶. А раз место уволенных служащих занимают

¹⁴⁴ A. H. Stevens, “Long Term Effect of Job Displacement”, Cambridge, MA, National Bureau of Economic Research, 1995 (<http://www.nber.org/papers/w5343.pdf>), pp. 17, 27, and table 3.

* Выражение, придуманное по аналогии с термином “just-in-time delivery”, обозначающим метод поставки материалов и комплектующих на промышленное предприятие небольшими партиями с достаточно частой периодичностью, в соответствии с текущими потребностями производства, что минимизирует издержки на хранение. — *Ред.*

¹⁴⁵ Д. Уисс [D. Wyss], главный экономист Standard & Poor, цит. по: “The Shape of the Recovery”, 18.4.2004 (<http://www.ecc-conference.org/34/pdfs/wyss.pdf>).

¹⁴⁶ J. Mariner, “Private Contractors who Torture”, CNN.Com, 17.6.2004, (<http://www.cnn.com/2004/LAW/06/17/mariner.contractors/>).

подрядные организации, разговоры о том, что правительство сокращает свои размеры, являются жульничеством. На самом деле случилось лишь то, что место служащих со средними доходами заняли служащие с малыми доходами, а разницу положили в карман предприниматели.

Университеты тоже сокращают ряды штатных преподавателей и все чаще используют внештатников, несмотря на опасения, что такой процесс может привести к концу академической свободы¹⁴⁷. Это достигается двумя путями, и оба ведут к увеличению разрыва между теми, кто вверху, и теми, кто внизу. Один путь — использование, чтобы не сказать «эксплуатация», очень молодых людей (зачастую тех, кто еще работает над своими диссертациями), и именно по этой причине получение докторской степени в США зачастую занимает намного больше времени, чем следовало бы. Другой путь — привлечение зрелых специалистов, которые готовятся занять место в правительстве или бизнесе, а потому заинтересованы во временной занятости. Как бы то ни было, в 1998—1999 гг. в штате состояли менее трети преподавателей университетов, тогда как шестью годами ранее таких было 35%¹⁴⁸. Таким образом к худу или к добру, но происходит настойчивое и последовательное размывание оставшихся островков стабильности. Вместо того, чтобы замедлить бег кабинки американских горок и дать людям перевести дыхание, процветание, напротив, разгоняет ее все быстрее и быстрее.

Во всех обществах сбережения — в форме недвижимости, денег, золота или чего-то другого — являются традиционным демпфером против экономической незащищенности. Американцы, однако, не любят сберегать. Одна из причин состоит в том, что они редко считают своим долгом оставить детям что-либо, кроме хорошего образования¹⁴⁹, а другая в том, что они больше всех склонны покупать в кредит. В результате

¹⁴⁷ См., например: Kenneth R. Weiss, "Tradition of Lifetime Tenure Is Under Assault", *Los Angeles Times*, 13.1.1999, (<http://articles.latimes.com/1999/jan/13/local/me-62992>).

¹⁴⁸ NEA Higher Education Research Center, 7, 3, June 2001 (<http://www2.nea.org/he/heupdate/images/vol7no3.pdf>).

¹⁴⁹ См. превосходный анализ в работе: E. Dicey, *Six Months in the Federal States*, 1863, перепечатано в: H. S. Commager, ed., *America in Perspective; The United States through Foreign Eyes*, New York, N.Y., Mentor, 1947, p. 127.

у них мало средств на случай нужды. А раз люди многое берут в кредит и живут не по средствам, большая часть сбережений принадлежит верхним 10% семей¹⁵⁰. Согласно *The New York Times*, средняя стоимость имущества семьи «среднего класса», включая жилой дом, составляла в 2001 году всего 74 000 долларов¹⁵¹. Если же учесть все семьи, то в 2006 году эта величина равнялась уже 50 000 долларам — менее одной пятой цены среднего жилого дома¹⁵².

Владея немногими вещами, которые в будущем могут возрасти в цене, семья полностью зависит от годового дохода, который образует существенную часть ее чистого богатства. Эти доходы облагаются налогом. Следовательно, для большинства семей налоги — не просто самая большая статья расходов, а еще и та немалая часть имущества, которую можно было бы приобрести на эти средства¹⁵³. Итог же таков, что чистых активов средней семьи едва ли хватит для того, чтобы пережить серьезные неприятности, не говоря уж об обеспеченной жизни в старости. Если бы не система социального обеспечения, половина американцев старше 65 лет жила бы в нищете, а потому неудивительно, что они воспротивились попыткам Джорджа Буша-младшего сократить ее. Попадая в дом вполне обеспеченной немолодой четы, дети которой уже встали на ноги и разлетелись кто куда, поражаешься, узнав, что закладная на дом все еще не погашена. Когда она будет погашена, а нередко и раньше, пара переедет в дом побольше. Одна из причин таких действий состоит в том, что нужно куда-то вкладывать накопленное. Другая причина —

¹⁵⁰ F. L. Block, *The Vampire State*, New York, N.Y., New Press, 1996, pp. 135—136.

¹⁵¹ A. B. Crenshaw, “The Middle Class is Getting Richer”, *New York Times*, 12.10.2002. Рост стоимости имущества в значительной мере связан с ростом цен на жилье.

¹⁵² Данные о стоимости имущества за 2006 г. взяты из: J. Bowyer, “Debt be Not Proud?”, *National Review Online*, 4.1.2006 (http://www.nationalreview.com/nrof_buzzcharts/buzzcharts200601040939.asp). Данные о стоимости жилых домов за октябрь 2004 г. взяты из: J. Longley, “Average Home Price Tops 264,000”, in *October*, U.S. Government Info, November 2004 (<http://usgovinfo.about.com/od/consumerawareness/a/avghomeprice04.htm>).

¹⁵³ См. об этом: Stanley and Danko, *The Millionaire Next Door*, pp. 55—60.

федеральное налогообложение. Семья имеет право один раз в жизни продать свой дом и не заплатить налог, а вот с любой прибыли от продажи следующих домов придется платить — и платить немало. Один из способов избежать налогообложения — купить другой дом, который стоит столько же или больше. Таков еще один механизм, превращающий потребление чуть ли не в обязанность.

Обобщая сказанное, можно сказать, что потребление рассматривается почти как общественный долг, и многие политические меры в явном виде введены именно для того, чтобы его поощрять. Верно и обратное: если бедность постучит в дверь, то многие американцы скорее всего обнаружат не только то, что у них нет сбережений, чтобы удержаться на плаву, но и то, что, по сравнению с жителями других стран, скорее всего им не к кому обратиться за помощью и придется выкарабкиваться самим. К числу факторов, приведших к такой ситуации, относятся и те, которые в прошлом сделали возможным американское экономическое чудо. Да, в других странах феодальная система правления зачастую держала людей в оковах и тормозила прогресс, но при этом феодалы всех уровней были непосредственным образом заинтересованы в долговременном благополучии своих арендаторов. Да, каждая гильдия стремилась к монополии в своей области и не допускала конкуренции, но при этом она путем ограничения конкуренции и учреждения схем взаимного страхования обеспечивала некую минимальную защищенность своим членам (и их семьям), когда те попадали в трудное положение. Американское правительство действительно меньше мешает экономическому росту и больше делает для его поддержания, чем правительства большинства других стран. Но верно и то, что его меры обычно идут на пользу благополучным людям, а вот помощь менее удачливым членам общества всегда была крайне незначительной. В целом можно сказать, что в одном из самых богатых обществ, когда-либо существовавших на земле, простые и даже не очень простые американцы имеют все основания бежать от бедности как от черта. И при этом они страдают от всех тех проблем, которые обычно одолевают людей, спасающихся бегством.

Глава 3

ОБЩЕСТВО ЧУЖАКОВ

Зимой 1911 года австрийский писатель еврейского происхождения Стефан Цвейг (1881—1942) впервые приехал в США. Уже тогда он был знаменит, хоть и не так, как впоследствии. И первым городом на его пути стал Нью-Йорк. По его словам, целью визита были не заработок и не эксплуатация американской темы для достижения журналистского успеха. Он просто желал «сравнить довольно неопределенное представление о новом континенте с действительностью». Уже через несколько дней, отдав дань музеям и прочим достопримечательностям, он обнаружил, что скучает. То, что было дальше, лучше всего опишет он сам: «Я придумал игру: бродя здесь один-одинешенек, внушил себе, будто я один из бесчисленных переселенцев, которые не знают, что им предпринять, и что у меня в кармане всего семь долларов. И я сказал себе: делай то, что приходилось делать им. Представь, что уже через три дня ты должен начать зарабатывать себе на хлеб... После двух дней поисков работы я нашел пять мест, которые могли бы обеспечить мне средства для жизни. Благодаря этому опыту я получил наглядное, недоступное праздному туристу представление о том, какой простор, какие возможности открываются в этой юной стране для того, кто хочет работать... К тому же через это испытание с агентствами и работодателями мне открылась божественная свобода этой страны. Никто не спрашивал о моей национальности, религии, происхождении и при этом — совершенная фантастика для современного мира с его отпечатками пальцев, визами и справками из полиции — я путешествовал без паспорта. Зато здесь были рабочие места, ждавшие охотников, — это говорит больше, чем тысяча томов. Безо всяких формальностей или помех со стороны государства или профсоюзов, при этой свободе, ныне легендарной, сделка заключалась за минуту. Благодаря этому «поиску места» я сразу же, в первые дни, узнал об Америке больше, чем за все последующие недели»¹.

¹ Stefan Zweig, *The World of Yesterday*, London, Cassell, 1943, pp. 189—190.

С тех пор все переменялось — я пишу эти слова в мае 2005 года, когда закон, обязывающий каждого гражданина США иметь при себе удостоверение личности, утвержден Сенатом и ждет подписи президента Буша². Но все познается в сравнении. По сравнению с большинством развитых стран, та «божественная свобода», которая так влекла Цвейга и прочих, в определенной степени существует в США до сих пор: когда журналистка Барбара Эренрайх решила для своего расследования найти какую-нибудь малоквалифицированную работу, никто не поинтересовался ее анкетными данными³. В этом, однако, есть и обратная сторона. В мире нет страны, где бы люди были столь отчуждены от сограждан и от собственных корней; когда миссис Тэтчер бросила свое знаменитое замечание, что «нет такой вещи, как общество», она, должно быть, имела в виду США. США — свободная страна, но одна из главных причин этого в том, что большинству американцев нет дела друг до друга. Далее мы попытаемся исследовать этот вопрос глубже.

Как возникает общество чужаков? Ответ, самый банальный и одновременно самый существенный, дают сами размеры страны, которые, в сравнении с большинством других, можно назвать ошеломляющими. США в 31 раз больше, чем Италия, в 25 раз больше Японии и в 17,5 раза больше Франции. Расстояние по прямой от Бангора, штат Мэн, до Майами, штат Флорида, равно 1455 милям, то есть приблизительно расстоянию от Тронхейма (Норвегия) до Неаполя. Даже сегодня при поездке между двумя этими городами приходится пересечь не менее пяти государственных границ.

От Сан-Франциско до Вашингтона 2437 миль, что равно расстоянию от мыса Рока (к северу от Лиссабона, там, где Европа глубже всего вторгается в Атлантический океан) до Москвы. Результат — исключительно низкая плотность населения. Несмотря на то что за предшествующие сто лет население страны утроилось, а территория осталась прежней, на начало 1990-х гг. плотность населения Америки составляла всего

² См.: http://www.boingboing.net/2005/05/10/real_id_passes_in_us.html.

³ Ehrenreich, *Nickel and Dimed*, p. 5.

70 человек на квадратную милю⁴. Сравните это с 852 в Японии, 610 в Великобритании, 582 в Германии, 491 в Италии, 315 в Китае, 273 во Франции и 200 в Испании. Где, кроме Канзаса, можно встретить придорожный щит: «До следующего «Макдоналдса» 100 миль»?

Кроме того, что в Америке плотность населения меньше, чем в большинстве других промышленно развитых стран, здесь к тому же на квадратную милю территории приходится меньше путей сообщения. Поэтому среднему американцу куда труднее добраться до другого среднего американца. Это без труда можно увидеть из следующей таблицы:

Страна	Миль путей сообщения (железных и автомобильных дорог) на квадратную милю территории страны
Япония	5
Великобритания	2,9
Франция	2,7
Германия	2,6
Испания	0,66
США	1,09

Конечно, в ряде других стран, таких как Канада, Россия, Австралия и Бразилия, плотность населения еще меньше, а путей сообщения в милях на единицу площади намного меньше, чем в США. Но здесь действует один из двух следующих факторов. В одних случаях речь идет о недостаточно развитых странах — таких, как Россия, Бразилия и большая часть Китая, где люди на всю жизнь прикованы к своим деревням, в отличие от такой нации путешественников, как американцы. В других случаях значительная часть их территории — возможно, большая их часть — непригодна для обитания. Она представляет собой либо арктическую пустыню (Канада и Россия), либо просто пустыню (Австралия), либо непроходимые тропические леса (Бразилия), освоение которых начинается лишь теперь. Этот наш список показывает, что некоторые страны страдают сразу от обеих проблем, которые, по сути дела, усиливают одна другую.

⁴ Все данные из: *Encyclopaedia Britannica Annual*, Chicago, IL, Britannica, 1993.

В США тоже имеются обширные и почти совершенно необитаемые пространства — скажем, Аляска или пустыни юго-запада страны. И все же почти все земли расположены в зоне умеренного климата. По большей части это равнины, орошаемые достаточно, чтобы поддерживать существование если не крупных, то хотя бы небольших городов и цветущих фермерских поселений, как, к примеру, на большей части территории Среднего Запада. Поэтому намного бóльшая часть территории Америки представляет собой либо постоянно обрабатываемую пахотную землю, либо луга и пастбища. Соотношение составляет шесть к одному в сравнении с Россией и десять к одному в сравнении с Канадой. Каждый, кому случалось сравнить Нью-Джерси с Аризонай или Северный Иллинойс с Южным, знает, что население США распределено неравномерно. И при этом оно все же распределено куда равномернее, чем в любой из четырех вышеупомянутых стран.

Опыт других стран, отличающихся низкой плотностью населения, доказывает, что сам по себе этот факт не ведет к появлению общества чужаков. Это порождение американского отношения к пространству. Русские крестьяне располагают не меньшим количеством земли, чем американские фермеры, даже с учетом того, что значительная часть территории непригодна для обитания и культивирования. При этом первые всегда ставили свои жилища вблизи друг от друга, чего никогда не делали последние. У сегодняшних обитателей австралийских пригородов примерно тот же уровень жизни, что у живущих в пригородах американцев. Но участки земли и расстояние между домами в Австралии меньше, чем в Америке.

Статистика городских поселений подтверждает это предположение. Население Сиднея и Даллас-Форт-Уорта примерно одинаково, но в первом плотность населения 4308 человек на квадратную милю, а во втором — не более 2905. В случае Мельбурна и Сан-Франциско плотность населения составляет 9886 и 6056 соответственно. Для сопоставимых канадских городов, таких как Монреаль (8663) и Торонто (6766), значение этого показателя также намного выше⁵. Словом, американцы предпочитают большее пространство для жизни. Это доказывает и размер домов — 718 квадратных футов на чело-

⁵ Данные взяты на сайте: www.demographia.com/db-intluadens-rank.htm.

века в США в сравнении с 544 в Австралии, 442 в Канаде, 256 в Голландии и всего 170 в Японии⁶. В Америке нация в целом транжирит пространство примерно так же, как и все остальное; при сравнении США с малыми странами эти различия проступают еще более выпукло. Возможно, в этом можно усмотреть устойчивое влияние Томаса Джефферсона, который, мечтая о нации независимых фермеров, уподоблял простор добродетели, а скученность — пороку⁷. По всей вероятности, именно оно отзывается в словах десятого президента США Джона Тайлера (1841—1844): «Ничто не сравнится с просторами новой страны»⁸.

Американцы не только предпочитают жить вдали друг от друга, но они к тому же редко остаются подолгу на одном месте. Во всем мире поселения людей возникли задолго до возникновения современного капитализма и современных средств связи и транспорта. И в Европе, и в Азии большая часть земли принадлежала крупным землевладельцам, которые являлись либо феодалами западного типа, либо служилой знатью, как в Китае, а позднее и в России. Земля, которой они владели, давала этим людям не только авторитет, но и имена. Соответственно они делали все возможное, чтобы земля оставалась за их семьей и в следующих поколениях; вспомним о том, сколько берлинских улиц носят имена юнкерских семей. Простые люди по большей части никогда не удалялись от деревни, в которой родились, больше чем на десять миль. Здесь они выросли, обрабатывали землю, женились, растили детей и хоронили своих мертвецов; все происходило здесь, под зеленой сенью, как сказал английский романист Томас Харди. Обычно у них возникала сильная эмоциональная привязанность к земле. Нередко им запрещалось покидать эту землю, как это было с крепостными в Европе до конца XV века, а в России даже до середины XIX века. Поэтому деревни и малые города зачастую могли проследить свои истоки в далеком прошлом. Этот факт отражен в названиях, которые порой напоминают нам о правителях, умерших тысячи лет назад. Древность некоторых

⁶ Данные из: D. Brooks, *On Paradise Drive*, New York, N.Y., Simon & Schuster, 2004, p. 80.

⁷ Цит. по: Carroll and Noble, *The Free and the Unfree*, p. 126.

⁸ Цит. по: D. Boorstin, *The Americans: The National Experience*, front page.

названий столь велика, что не удается даже понять их первоначальное значение.

В США не было подобных препятствий передвижению. Здесь не было крупных землевладельцев, чье имя частица *von* («из») связывала бы с владением землей, частица *zu* («на») — с рекой, с холмом и т.д.; здесь были только люди, сделавшие деньги и стремившиеся их приумножить⁹. Поскольку на расселение выходцев из Европы никак не влияло расселение индейцев, не было и древних деревень, за которые стоило бы цепляться, — что, помимо прочего, отражено в произвольном присвоении тысяч имен тысячам мест¹⁰. Первыми белыми американцами были почти исключительно англичане и голландцы. Выходцы из самых развитых капиталистических экономик тогдашнего мира, они чуть ли не с самого начала смотрели на землю как на коммерческую собственность, в точности такую же, как и все остальное. При возможности эту землю следовало использовать, а если нет — то продать или бросить; владение землей могло наделять престижем, но человеческих чувств она не задевала. Наконец, пока западная граница не вышла на берег Тихого океана, то есть до 1890-х гг., правительство не только не запрещало людям двигаться дальше, как поступили бы (и как поступали) правительства многих других стран, но и побуждало их идти вперед, вновь и вновь распределяя огромные участки новых земель.

Вернемся к Европе XVIII века. Руссо, всегда с нежностью вспоминая о Женеве своего детства, считал поговорку *ubi bene, ibi patria* («где хорошо, там и родина») и выражаемый ею смысл совершенным злом, которое следует искоренить¹¹. Такое отношение чуждо большинству американцев, которые бросили свои дома (или их предки бросили свои дома) в поисках лучшей доли. Приехав на новое место, они обычно не прекращали движения. По стране неслись потоки людей, а с ростом населения они превратились в бурные реки. В XIX веке это

⁹ Об этом превращении см.: A. Kullikoff, *From British Peasants to Colonial American Farmers*, Chapel Hill, N.C. University of North Carolina Press, 2000.

¹⁰ О том, как это было, см.: Boorstin, *The Americans: The National Experience*, pp. 299–306. [Рус. пер.: Бурстин Д. Указ. соч. С. 380–382.]

¹¹ J. J. Rousseau, *The Government of Poland*, Indianapolis, IND, Bobbs Merrill, 1985, p. 14.

явление комментировали все, кто посещал Америку, а самый знаменитый из них, де Токвиль, написал: «Редко какой американский земледелец навсегда остается на занимаемой им земле. На новых территориях Запада поля расчищаются для перепродажи, а не для последующего возделывания»¹². Ему вторит британец, написавший, что американцы переезжали, «побуждаемые своей алчностью и неугомонностью. Ими не завладела привязанность к месту, и казалось, что их природе свойственна страсть к блужданию, что они обречены вечно воображать, будто чем дальше земля, тем она лучше той, на которой они уже поселились»¹³.

Пока оставалась свободная земля, которой можно было завладеть, пока еще не все залежи золота и серебра были вовлечены в оборот, американцы продолжали движение все в том же направлении — с востока на запад. К 1900 году, однако, они дошли до края земли. С этих пор и до последних десятилетий XX века движение стало центробежным. Быстрый рост производительности труда в сельском хозяйстве высвободил множество людей, которые направились в большие города. За исключением Канзас-Сити, Сент-Луиса и еще нескольких, все остальные крупные города располагались на восточном, юго-восточном и западном побережье или у Великих озер. К концу XX века, когда в сельском хозяйстве стал доминировать агробизнес, когда огромные поля обрабатывались с помощью не менее огромных машин при поддержке постоянно увеличивающегося капитала, сельским хозяйством было занято всего 4 000 000 человек¹⁴.

В 1960-е гг. движение за гражданские права раз и навсегда положило конец наиболее вопиющим формам сегрегации на Юге. Отчасти по этой причине, отчасти из-за энергетического кризиса, поднявшего расходы на отопление, а частью благодаря распространению кондиционеров в 1970—2000 гг. произошло массовое переселение людей с Севера в эту часть страны, а также на юго-восток, и в частности в Техас. Вместе с ними пришла промышленность, в том числе авиакосмическая,

¹² *Democracy in America*, vol. 2, p. 166. [Рус. пер: Токвиль А. де. Указ. соч. С. 406.]

¹³ Цит. по: R. A. Billington, *Westward Expansion: A History of the American Frontier*, New York, N.Y., Macmillan, 1960, p. 156.

¹⁴ Moore and Simon, *It's Getting Better All the Time*, 2000, p. 94.

и дочерние компании иностранных автомобилестроительных корпораций, которых привлекли в США сравнительно небольшие расходы на рабочую силу. Любопытно, что в 1915—1945 гг. движение шло строго в обратном направлении: южане массами переселялись на Север, то спасаясь от расовой дискриминации, то в поисках занятости.

Самое последнее движение стало центростремительным. Люди начали уезжать с берегов Атлантики и Тихого океана из-за перенаселенности и загрязнения среды. Опираясь на переход от вторичной экономики к третичной, а также на современные телекоммуникации, позволяющие заниматься многими видами бизнеса из любой точки Земли, они искали внутри страны более высокого качества жизни. В выигрыше оказались западные и юго-западные города, такие как Денвер (штат Колорадо), Феникс (Аризона), Альбукерке (Нью-Мексико) и Лас-Вегас (Невада). К 2000 году последний оказался самым быстрорастущим городом страны: каждую неделю он принимает 5000 новых жителей и милю за милей застраивает кажущуюся бесконечной пустыню все новыми домами, окруженными орошаемыми лужайками.

С точки зрения политического процесса в стране результатом являются существенные изменения, потому что с перемещением населения приходится менять границы избирательных округов, и при этом повышается или понижается относительная значимость штатов. С точки зрения государственной политики эти перемены принесли серьезные трудности, потому что численность населения, о котором нужно заботиться, снижается и повышается весьма резко. С точки зрения отдельного человека, он или она захвачены нескончаемым перемещиванием. Уже во времена Американской революции не менее четырех из десяти семей каждые десять лет паковали вещи и переезжали. В XIX веке восемь из десяти семей, отправившихся в Орегон и Калифорнию, уже переезжали из штата в штат по меньшей мере один раз. Многие, подобно семье, в которой вырос Авраам Линкольн, переезжали по нескольку раз, и были семьи, которые пребывали в движении почти все время¹⁵. При каждой переписи населения обнаруживалось, что из того

¹⁵ J. M. Hine and R. W. Faragher, *The American West: A New Interpretative History*, New Haven, CT, Yale University Press, 2000, pp. 362—363.

или иного района уехало 60% тех, кто жил в нем десятью годами ранее¹⁶.

Традиция жива до сих пор. В течение года, закончившегося в марте 1997 г., место жительства поменяли 44 391 000 человек в возрасте от одного года, что составило 16,5% населения¹⁷. При таком темпе через шесть лет по прежнему адресу нельзя будет найти никого; коэффициент мобильности населения в США вдвое выше, чем в Великобритании, вчетверо выше, чем в Германии и впятеро выше, чем в Таиланде. Число переездов, совершаемых человеком за жизнь, остается неизменным на протяжении нескольких десятилетий, зато продолжает расти среднее расстояние до нового места жительства¹⁸. Всего 51% переезжающих остается в пределах того же округа, 34% уезжают в другой округ того же штата, а 15% — в другой штат. Сделать это тем легче, что в большинстве случаев границы между штатами достаточно условны — между ними нет почти никаких культурных различий и дальность расстояний не мешает закрепиться на новом месте. Мобильность особенно велика у обитателей крупных городов и пригородов. Жители малых и средних городов живут на одном месте дольше, но эта разница невелика.

Из того, что наемные работники отличаются повышенной мобильностью в сравнении с остальными категориями населения, можно сделать вывод, что географическая нестабильность отражает текучесть рабочей силы. Как мы выяснили в предыдущей главе, в сравнении с другими развитыми странами текучесть рабочей силы в США выше из-за отсутствия или слабости препятствий, способных помешать быстрому найму или увольнению, — таких, как профсоюзы, обязательства принимать на работу только членов профсоюзов, выходные пособия, обязательства заранее предупредить об увольнении и тому подобное. Все это объясняет и то, почему американские работодатели мало инвестируют в своих работников, и то, почему те, в свою очередь, платят им той же монетой и редко проявляют

¹⁶ Licht, *Industrializing America*, p. 64.

¹⁷ U.S. Census Bureau, "Geographical Mobility of People 1 Year and Older, by Sex, Between March 1996 and March 1997" (<http://www.bls.census.gov/cps/pub/1997/mobility.htm>).

¹⁸ Согласно работе: L. Long, *Migration and Residential Mobility in the United States*, New York, N. Y., Russel Sage, 1988, table 2.6.

лояльность. Еще раз процитируем Токвиля: «Не только богатые не объединены прочно друг с другом, но и можно сказать, что нет никакой истинной связи между богатыми и бедными. Они не скреплены навеки один с другим; объединяющие их интересы постоянно их и разделяют. В целом рабочий зависит от предпринимателя, но не от конкретного хозяина. Эти два человека видятся друг с другом на фабрике, не встречаясь более нигде, и, соприкасаясь в одной точке, сохраняют очень большую дистанцию во всех остальных отношениях. Предприниматель ничего не требует от рабочего, кроме его труда, а рабочий ничего не ожидает от предпринимателя, кроме зарплаты. Первый не считает себя обязанным оказывать какое-либо покровительство, второй не считает нужным что-либо защищать; их не связывают ни постоянные взаимоотношения, ни привычка, ни долг»¹⁹.

Это подтверждается исследованиями платежных ведомостей компаний XIX века: менее половины американских трудящихся оставалось на одном месте более шести месяцев²⁰. По данным Бюро трудовой статистики, в период 1993—2001 гг. ежегодно от 27 млн до 34,5 млн американцев теряли работу. Даже в 2000 году, когда безработица была на самом низком уровне за ряд десятилетий, было ликвидировано не менее 33 млн рабочих мест. В тот же период число людей, нашедших себе работу, колебалось от 29,6 млн в 1993 году до 35,6 млн в 1999 году. Эти цифры ошеломляют, особенно если учесть, что общая численность рабочей силы составляет 130—140 млн человек: средняя продолжительность труда на одном рабочем месте составляет 6,9 года, тогда как во Франции — 10,4 года, в Германии — 10,8 года, а в Японии — 11,8 года. Ежедневно сотни тысяч наемных работников теряют работу, а спустя какое-то время — быстрее, чем в других странах²¹, — находят новую. При этом они нередко переезжают в другое место. Дело упрощается тем, что большинство жилых районов четко разделены по величине дохода, и каждый новый дом, в который человек переезжает, приобретается вместе, так сказать,

¹⁹ Democracy in America, vol. 2, pp. 170—171. [Рус. пер.: Токвиль А. Указ. соч. С. 408.]

²⁰ Licht, *Industrializing America*, p. 65.

²¹ R. B. Freeman, “How Labor Fares in Advanced Economies”, in Freeman, ed., *Working Under Different Rules*, p. 6 figure 1.3

с определенным набором прав по демонстрации своего положения. Так что большинство переезжающих, по-видимому, знают что делают. Исследования, относящиеся к разным периодам времени, показывают, что переезд оказывает положительное влияние на доходы. В последние годы это особенно верно для мужчин в возрасте до 40 лет и с семейным доходом, впятеро превышающим уровень бедности²².

Этот процесс непрерывного перемешивания затрагивает не только сообщества людей, не связанных друг с другом. Напротив, он глубоко проникает в самое базовое сообщество — в семью. Причина состоит отчасти в том, что разводы, о которых мы подробнее поговорим в следующей главе, всегда были в США куда более частым явлением, чем в любом другом обществе. Но даже если семья не распадается, ее члены перемещаются с такой же вероятностью, как и все остальные, и столь же часто живут порознь, а если муж и жена делают большую карьеру, то порой они живут и на разных континентах²³. Как показывает одно исследование²⁴, только у одного из трех жителей Мидлтауна (условного «среднего города») один или оба родителя живут в том же городе, и только у одного из пяти в том же городе живет брат или сестра. Неудивительно, что семейные связи слабы. Дети и родители признают долг помогать друг другу, чего не скажешь о братьях и сестрах, не говоря уже о более отдаленных родственниках²⁵. Наконец, в сфере экономики, которая играет столь важную роль в жизни, многие американцы гордятся тем, что *не делают* различий между членами семьи и чужаками, способными так же или лучше выполнить некую работу. Кровь гуще, чем вода, но бизнес гуще (или должен быть гуще), чем кровь²⁶.

²² B. F. Wertheimer, *The Monetary Rewards of Migration within the U.S.*, Washington D.C, The Urban Institute, 1970, pp. 57–59; J. R. Rodgers and J. L. Rodgers, “The Effect of Mobility on Male-Labor Force Participation in the United States”, University of Wollongong, Wollongong, Australia, 1998 (<http://www.springerlink.com/content/xh1tmkfkv8l8jlvw/fulltext.pdf>).

²³ См.: M. Abbott, *Power Couples*, London, Longman, 2003.

²⁴ Th. Caplow, *Middletown Families: Fifty Years of Change and Continuity*, New York, N.Y., Bantam, 1983, p. 200.

²⁵ Caplow, *Middletown*, p. 206.

²⁶ См., например: R. Peters, “Seven Sings of Non-Competitive States”, *Parameters*, xxxviii, No. 1, spring 1998, pp. 42–43.

Громадные расстояния, население, распределенное равномернее, чем в других больших странах (и обеспеченное транспортными артериями меньше, чем население большинства сопоставимых стран меньшего размера), высочайшая географическая и профессиональная мобильность, а также ослабленные семейные связи — всего этого достаточно, чтобы родилось общество чужаков. Но по-настоящему ставит Америку в особое положение то, что это страна иммигрантов. Чуть ли не с первого дня своего существования эта страна привлекала небывалое количество людей из самых разных мест и культур. Первыми приплыли испанцы, англичане и голландцы. За ними последовали шотландцы, немцы, французы, черные африканцы, которых в XVIII веке привозили сюда насильно, и скандинавы, так что к 1790 году только 60% населения США были английского происхождения. В XIX веке к ним присоединилось множество представителей тех же самых групп, а также ирландцы, китайцы, японцы, итальянцы, греки, албанцы и представители многих восточноевропейских народов, включая почти 3 млн евреев... Этот список просто бесконечен.

До последних десятилетий XIX века в страну мог въехать любой — помех не чинили никому. Позднее Конгресс, встревоженный тем, что в США стекаются отбросы со всего мира, установил множество ограничений. Одним из первых исключений был запрет на въезд душевнобольным, в которых видели продукт «вырождения», а также китайцам и японцам. Горлышко постепенно сужалось, а в 1924 году был принят закон об иммиграции, закрывший двери для всех, кроме нескольких групп, кровь которых сочли расово пригодной для смешивания с «настоящей» американской²⁷. Сегодня, однако, эти шлюзы опять широко открыты. Если и есть за что хвалить США, то, конечно, за то, что они по-прежнему привлекательны для иммигрантов, в том числе для иммигрантов из таких прежде мало представленных азиатских стран, как Филиппины, Корея, Индия, Пакистан и многие другие. По состоянию на 2000 год число жителей США, родившихся за пределами страны, оценивалось в рекордную величину 33 млн человек. Большин-

²⁷ Краткую историю ограничений на въезд см. в: С. Goldin, "The Political Economy of Immigration Restriction in the U.S., 1890 to 1921, National Bureau of Economic Research, Working Paper No. 4345, 1993 (<http://www.nber.org/papers/w4345.pdf>).

ство среди них были испаноязычными, а среди испаноязычных большинство (10 млн) были мексиканцами²⁸.

До 1945 года иммигранты прибывали в основном на кораблях в один из множества превосходных портов, которыми природа щедро снабдила Америку. Сегодня они куда чаще прибывают по воздуху: в 2000 году каждую неделю прилетали или улетали почти 3 млн человек²⁹. Многие попадают в страну, законно или незаконно, через мексиканскую границу. Прибывающие самолетом обычно селятся в одном из множества этнических гетто, расположенных в таких прибрежных городах, как Нью-Йорк, Майами, Лос-Анджелес и Сан-Франциско³⁰. Мексиканцы и все те, кто пересекает мексиканскую границу, чаще всего оседают в стихийно разрастающихся поселках в Техасе или Калифорнии, недалеко от границы с Мексикой. Уже в силу того, что многие иммигранты не знают английского, они склонны держаться своих, поэтому возникают тесно сплоченные сообщества. Последние обеспечивают больше взаимной поддержки, чем это принято в Америке: помогают найти работу, оказывают денежную помощь в острой нужде, а порой неофициально выполняют и полицейские функции. Именно такого рода отношениями прославились еврейские и, несколько иначе, итальянские семьи. Сегодня то же самое можно сказать о семьях выходцев из Восточной Азии, так что кое-кто мог бы утверждать, что этнические гетто — это те немногие места, где еще возможна настоящая семейная жизнь.

Некоторые иммигранты, и прежде всего те, кто не смог осуществить свои мечты, возвращаются на родину. Большинство начинает меняться. Они оседают, находят работу, стремятся улучшить свою жизнь и по возможности уходят из гетто. Они, кроме того, посылают своих детей в инструменты акклиматизации *par excellence* — в американские школы, и, как мы вскоре убедимся, что бы ни говорили об этих школах, они все же готовят человека к особенностям жизни в Америке.

²⁸ Самое известное обсуждение вопроса см. в: S. Huntington, *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*, New York, N.Y., Simon & Schuster, 2004.

²⁹ U.S Department of Transportation News, 22.8.2001 (<http://www.dot.gov/affairs/dot8601.htm>).

³⁰ U.S Census Bureau, "Migration and Geographic Mobility in Metropolitan and Nonmetropolitan America: 1995 to 2000", Washington D.C., 2000 (<http://www.census.gov/prod/2003pubs/censr-9.pdf>).

Некоторые дети заключают браки вне своей этнической группы. Через одно или два поколения многие иммигранты уже преобразились — во что? Давно ушли в прошлое те дни, когда люди наивно говорили о «плавильном тигле», в котором сливаются воедино «все разнородные чужеземные составляющие, чтобы дать однородную смесь американской цивилизации»³¹. Смесь по-прежнему есть, но уже далеко не однородная, если она хоть когда-нибудь и была такой; такие термины, как «плюрализм» или «мультикультурность» — это в лучшем случае благонамеренная попытка завуалировать огромные различия в языке, традициях и мировоззрении.

Некоторые группы ассимилируются быстро, изменяя при этом не только себя, но и «основное ядро» населения, и поэтому там, где прежде различали белых английского, шотландского, итальянского, польского и прочего происхождения, теперь говорят просто о «белых». Одни поразительно долго сохраняют культурную обособленность, а другие вспоминают о своих корнях пару раз в год, вывесив кусок зеленой ткани и выпив кувшин ирландского пива³². Традиционно у всех американцев есть по крайней мере одна общая черта — все они прибыли из разных стран, всем пришлось осваивать английский, и порой родители заботятся о том, чтобы дети знали только английский, чтобы побыстрее превратить их в «настоящих американцев». Но в наши дни меняется даже это. Отчасти это результат своего рода политкорректности, требующей, чтобы дети иммигрантов знали родной язык (даже если родители предпочли бы учить их только английскому). Отчасти так происходит потому, что новых испаноязычных иммигрантов столько, что в некоторых местах они уже образуют большинство. По некоторым оценкам, сегодня около 40 млн американцев говорят по-испански.

Результат — хаотическое, отчужденное общество, к которому трудно приспособиться и которое трудно даже представить людям, выросшим в более однородных странах, для которых характерны более тесные связи между людьми. Америку, пожалуй, можно сравнить с ванной-джакузи размером

³¹ Stead, *The Americanisation of the World*, p. 60.

³² См. об этом: S. D. Hoelscher and R. C. Ostergen, “Old European Homelands in the American Middle West”, *Journal of Cultural Geography*, 13, 2, 1993, pp. 87–106.

в континент с миллионами пузырьков. Некоторые пузырьки — «аборигены», то есть уже долго плавают в этой ванне, но со всех сторон вливаются непрекращающиеся потоки других пузырьков. Все они поразительно разнятся по размеру, цвету и строению. Они движутся во всех направлениях, встречаются, сталкиваются, сливаются и разделяются.

Как же американцы справляются с расстояниями и с темпом жизни и как это влияет на способ организации пространства? Ответ таков: американцы используют средства связи и путешествуют. С самого начала американцы всегда уделяли повышенное внимание развитию всевозможных средств связи. Старейшее из них — почта. Письма, конечно, придумали за тысячи лет до открытия Америки и возникновения США. Тем не менее другие страны возникли задолго до появления почты (в Англии почтовая служба была создана Оливером Кромвелем только в 1652 году), а в США почта и правительство появились одновременно.

О жизненной важности для страны почтовой службы говорит тот факт, что на протяжении почти всего XIX века почтовое ведомство было крупнейшей из федеральных служб³³. Во многих местах правительство и почта были почти тождественны: госдепартамент проникала в те места, куда не ступала нога полицейского, сборщика налогов и чиновника. И по сей день в малонаселенных районах таких штатов, как Мэн, Северная Дакота или Техас, многие дома расположены прямо в лесу либо так далеко от дороги, что почти не видны с нее. Поэтому на сельских дорогах единственными признаками обитаемости пространства служат почтовые ящики, расположенные вдоль сельских дорог, нередко группами по пять-шесть штук, да столбы с электрическими проводами.

Похоже, неслучайно именно американские изобретатели первыми создали такие инструменты телекоммуникаций, как телеграф, телефон, факс и Интернет. Каждое из этих изобретений распространялось со скоростью лесного пожара. Люди не только хотели, но буквально считали своим долгом

³³ Некоторые количественные данные см. в: В. D. Porter, *War and the Rise of the State*, New York, N.Y., Free Press, 1994, pp. 255, 257, 258, 264.

подключиться к связи — нет хуже, чем «потерять контакт». Особенно характерен в этом отношении телефон, который быстро распространился именно в Америке только потому, что вначале никакая другая страна не могла позволить себе громадных расходов на строительство станций, телефонных линий и прочего, так что в первые десятилетия XX века в Америке было вдвое больше аппаратов на душу населения, чем, скажем, в Германии³⁴. Многим странам удалось в этом отношении сравняться с США лишь сравнительно недавно, когда появились оптические кабели, мобильные и спутниковые телефоны. При этом США с 62 линиями связи на 100 человек до сих пор опережают такие страны, как Япония (56), Франция (55), Австралия (54) и Австрия (48)³⁵.

Другим следствием расстояний и мобильности являются путешествия. Как отметил Кревкер более двух столетий назад, у людей, добравшихся до Америки, меняется перспектива, и то, что представлялось огромным расстоянием, вдруг кажется пустяком³⁶. В других культурах провести время в дороге — печальная необходимость, вырывающая человека из повседневной жизни. В США все не так. У нации кочевников перемещаться означает стать частью жизни этой нации: переезжая, останавливаясь и разговаривая со встречными и поперечными, можно узнать об Америке больше, чем узнаешь в путешествии о почти любом другом месте. Дорога ассоциируется с отсутствием ограничений. Во времена, когда фронтир двигался на Запад, люди снимались с места в поисках лучшей доли. Когда это движение остановилось, они все еще стремятся жить по-своему и все время уезжают из мест, где не хотят оставаться, туда, где не хотят остаться надолго. Как показано в знаменитом романе Джека Керуака «*На дороге*» («*On the Road*»), странствие почитается за несомненное благо.

Уже столетие назад железнодорожное машиностроение способствовало сотворению этого несомненного блага строитель-

³⁴ Данные по США взяты из: C. S. Fischer, *America Calls; a Social History of the Telephone to 1940*, Berkeley, CA, University of California Press, 1992, p. 88; данные по Германии — из: M. van Creveld, *Command in War*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1985, p. 152.

³⁵ За 2003 г.: *World Fact Book* (<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/index.html>).

³⁶ *Letters from an American Farmer*, p. 82.

ством локомотивов, намного более мощных, чем где-либо еще. В 1920-е гг., однако, начался упадок железных дорог, и только за 1992—2002 гг. протяженность рельсовых путей сократилась на 10 %³⁷. Рельсы дополняются и в значительной части вытесняются автомобилями и самолетами. За 2001 год американцы сообща проделали путь длиной в 4,8 трлн миль, чего достаточно, чтобы 250 тыс. раз добраться до Солнца и обратно. Из них 1,4 трлн миль, или чуть меньше трети, пришлось на «дальние» поездки (более 50 миль в одну сторону). В том же году средняя протяженность поездки составила 17 миль на каждого мужчину, женщину и ребенка, что на 24% больше, чем в 1991 году.

В среднем американец за день делает четыре поездки, покрывая при этом примерно 40 миль. И не следует думать, что это по большей части поездки на работу и обратно — они составляют только треть покрываемых за день расстояний и всего 15% от числа поездок. Чаще всего (в 45% случаев) люди ездят в магазины, к врачам, юристам и по прочим личным делам — в кино, к друзьям или на стадион. Пригороды разрастаются, и структура поездок меняется. Туда, куда 50 лет назад можно было добраться пешком, сегодня можно только доехать на машине. Это объясняет, почему на частные автомобили приходится 99% всех поездок и 89% всех дальних поездок. С тех пор, как почти все поездки за границу (кроме поездок в Канаду и Мексику) стали совершаться самолетом, господство автомобилей внутри страны стало даже значительнее, чем о том говорят эти цифры.

Тот, кто хоть немного знаком с США, с первого взгляда отличит американскую дорогу от любой другой. Крупнейшие дороги, проложенные между штатами, отличаются от иностранных аналогов тем, что полосы здесь шире (поскольку автомобили больше и тяжелее), а въездные пандусы отличаются большей плавностью линий и более удобны. Покидая эти трассы и въезжая на меньшие дороги вы видите, что на всех перекрестках на тросах, расположенных над дорогами, размещены светофоры и прямоугольные дорожные знаки, на которых белыми или желтыми буквами написаны названия дорог. Кроме того, на каждом перекрестке есть множество небольших голубых, красных и белых знаков, которые чаще всего крепятся

³⁷ Источник: Bureau of Transportation Statistics, *Annual Report*, 2004 (<http://www.bts.gov/>).

к столбам электролиний. В других странах на бóльшей части знаков указаны названия городов и деревень, чтобы путник мог найти нужное место. А вот в Америке они указывают только на путь к другим дорогам, скажем, «I-95 North», «81 South» или «39 West». Кому-то такая система кажется простой и удобной, кому-то — нет. Суть в том, что здесь имеет значение не конечный пункт, а само перемещение в пространстве.

Но дороги — лишь часть огромной инфраструктуры, необходимой обществу, привыкшему к движению. Уже в 1815 году приезжих поражала величина и роскошь американских гостиниц. Первый отель класса люкс в Балтиморе (Barnham's City Hotel) был построен в 1825—1826 гг. В нем было не менее 200 номеров — вдвое больше, чем в крупнейшей из тогдашних европейских гостиниц. В нью-йоркской «Астории», строительство которой началось в 1832 году, было 309 номеров. К тому же в ней было 17 ванных комнат — потрясающее новшество. В 1858 году гостиница «Континенталь» в Филадельфии могла одновременно принять 800—900 человек, тогда как в крупнейшей европейской гостинице «Челтнем» было только 110 номеров. Предел роскоши был достигнут в 1907 году, когда нью-йоркская «Уолдорф» стала первой в истории гостиницей, в каждом номере которой была ванна. Задолго до этого европейские содержатели гостиниц начали жаловаться, что американские стандарты «портят» их клиентов и заставляют вкладывать дополнительные деньги, чтобы умерить их недовольство³⁸. Первоклассные американские гостиницы стали практически синонимом блеска и комфорта. Следом за ними идет самый типичный из американских институтов, мотель. Не говоря уж о бензозаправках, ремонтных мастерских, ресторанах быстрого питания и обо всем остальном, что нужно автомобилисту и что он ныне принимает как данность.

Задолго до того, как началось триумфальное шествие автомобиля, транспорт во многом диктовал способ организации пространства. Почти все американские города возникли недавно. В них редко обнаружишь четко выделенный центр, к которому сходились бы все улицы, и даже столичный Вашингтон не исключение. Правда, Капитолий и почти случайно примостившийся сбоку от него Верховный суд расположены там, где

³⁸ Цит. по: E. King, "The First Class Hotel and the Age of the Common Man", *Journal of Social History*, 23, 1957, p. 173.

сходятся не только улицы, но и несколько диагональных авеню. Как бы подчеркивая то, что это не настоящий или, по крайней мере, не единственный центр, Белый дом располагается дальше по Пенсильвания-авеню, а важнейшие национальные памятники: мемориалы Джорджа Вашингтона, Линкольна и Джефферсона — тоже расположены на некотором расстоянии, на Вашингтонском Молле. Кроме того, в Вашингтоне есть еще несколько площадей, к которым сходятся авеню. Может показаться, что архитектор Пьер-Шарль Л'Анфан задумал такую планировку, чтобы продемонстрировать, что, хотя в городе и есть большие улицы, все же Вашингтон — столица республики, а не монархии. И в этом его поддержал величайший из всех республиканцев, Томас Джефферсон.

Не выросшие органически, а выстроенные по продуманному плану, нередко произвольно размещенные в незанятом прежде пространстве, почти все города представляют в плане сетку с прямоугольными или квадратными ячейками кварталов. Несомненно, осознанным намерением при этом было избежать пробок и упростить ориентирование; неосознанным стремлением, возможно, было желание дать конкретное выражение американской идее безграничного господства человека над природой, которую он должен покорять, упорядочивать, использовать и исследовать. Улицы обычно имеют стандартную ширину и почти безупречно прямые — повороты крайне редки. Со времен древнего Рима ни один народ не строил столь идеально прямоугольных городов.

Доводя систему до крайностей, прямоугольная планировка торжествует даже там, где она совершенно неуместна. Выдающимся примером является Сан-Франциско. Этот город напоминает Рим с его семью холмами, только холмов здесь куда больше. Город, насколько это вообще возможно для города, деспотически торжествует над топографией. Пожалуй, неслучайно самая известная туристическая достопримечательность, мост «Золотые ворота», сама по себе является транспортной артерией. Здесь улицы не вьются по склонам холмов. А добравшись до вершины, не увидишь на ней ни крепости, ни замка, ни дворца. Нет, улицы Сан-Франциско пересекаются под углом в девяносто градусов, как и по всей стране. Автомобиль на такой улице мчится или прямо в небо, или круто вниз, как на американских горках, и непривычного человека такая поездка вгоняет в ужас.

Идея прямоугольной планировки оказалась настолько могучей, что ее использовали даже мормоны при постройке своего Солт-Лейк-Сити — мормоны, которые были настолько чуждыми американскому обществу, что подвергались преследованиям и были вынуждены спасаться бегством³⁹. Всепоглощающая цель городских архитекторов долгое время состояла в том, чтобы осчастливить автомобили, и во имя этой цели они потребовали, чтобы новые или реконструируемые дома были снабжены собственными парковками. В большинстве случаев этого можно добиться только устройством подземных гаражей, что делает реконструкцию дорогостоящей⁴⁰, а поскольку здания реконструируются редко, большинство городов, как пишет *Encyclopaedia Britannica*, выглядят так, будто их построила «олигархия из дорожных строителей, архитекторов и бульдозеристов». Настоящими городскими центрами могут похвастаться очень немногие регионы.

Главным исключением из этого правила являются многие южные города. Они подобны спящей красавице, которую гражданская война вырвала из бурного потока истории. Погрузившись в сон, они спаслись из лап застройщиков. Много позже, когда наконец пробудилось историческое сознание (и надежда на доходы от туризма), были приняты законы, разрешившие им сохранить свои малоэтажные здания из серого или красного кирпича, широкие площади, тенистые авеню, предназначенные для удобства и удовольствия прогуливающих горожан, и развлечения для туристов на открытом воздухе. Наиболее известны примеры Саванны и, на свой манер, Чарльстона. К числу более скромных, но все же очень привлекательных городов такого типа относятся Фредериксберг (Виргиния), Брансуик (Джорджия) и Монтгомери (Алабама). Но, как показывает пример Атланты, Хьюстона, Далласа, Майами и многих других, даже на юге они теперь под угрозой. Отчасти это происходит из-за воз-

³⁹ См.: R. H. Jackson, "Mormon Wests: The Creation and Evolution of an American Region", in G. J. Hausladen, *Western Places, American Myths: How We Think About the West*, Reno, NA, University of Nevada Press, 2003, особенно pp. 139–147.

⁴⁰ A. Duany and others, *Suburban Nation: The Rise of Sprawl and the Decline of the American Dream*, New York, N.Y., North Point, 2000, p. 163.

рождения, которое начиная с 1970-х гг. превратило многие штаты Юга в локомотивы экономического роста. А отчасти потому, что американцы, если уж они решились воспользоваться своими ногами, не прогуливаются, а быстро идут или мчатся трусцой.

От Бостона до Чикаго, от Атланты до Сент-Луиса, от Денвера до Лос-Анджелеса в сердце каждого города, достойного так называться, непременно есть небоскребы. Небоскребы — это, пожалуй, самый оригинальный американский вклад в архитектуру. В целом они принадлежат к числу самых функциональных сооружений в мире, хотя пришествие в 1980-е гг. постмодернистского стиля привело к определенным изменениям в этом отношении. Нет нужды говорить, что человек, сделавший небоскребы возможными, тоже был американцем. Элайша Грейвс Отис изобрел в 1850 г. безопасный лифт⁴¹. Чем больше город, тем более дефицитным является пространство и тем выше цена земли. Поэтому старые здания всегда сносились и на их месте строились новые. Постепенно они делались все выше и выше, в среднем, как утверждается, со скоростью один этаж в год⁴². В Нью-Йорке и других местах самые новые и самые современные небоскребы называют «щепками» [«slivers»]. Это словечко верно описывает и то, как они выглядят, и их место в городской жизни.

В небольших городах, не увлекающихся небоскребами, имеются одна или даже две главные улицы, идущие параллельно или перпендикулярно друг другу. По обеим их сторонам расположены банки, парикмахерские, аптеки, магазины подарков, рестораны и химчистки. В начале XX века многие большие и малые города были гордыми владельцами электрических трамваев, самого удобного и экологически чистого средства городского транспорта из всех когда-либо изобретенных. Однако трамвайные пути мешали автомобилям. По мере успеха поголовной автомобилизации во всех, за редкими исключениями, городах трамвайные маршруты были закрыты, а рельсы разобраны. Отчасти это могло быть результатом сознательно-го сговора автомобильных компаний, действовавших в тесной

⁴¹ См.: J. Goodwin, *Otis: Giving Rise to the Modern City*, Chicago, IL, Dee, 2001, especially pp. 5—20, 37—51.

⁴² P. Johnson, *A History of the American People*, London, Phoenix, 3000, p. 588.

связке с банками и муниципальными советами⁴³. Попытки 1990-х гг. восстановить трамвайное сообщение провалились. О роли трамваев все забыли так прочно, что многие даже считают их неамериканским видом транспорта.

Автомобили возобладали, большие города обзавелись многоэтажными парковками, и практически на всех улицах размечены стоянки со счетчиками времени или без оных. Как в больших, так и в малых городах названия улиц поражают отсутствием воображения. Одно объяснение этого явления состоит в том, что американцы по-настоящему равнодушны к того рода историческим лицам и событиям, имена которых дают улицам и площадям. Другим объяснением может быть то, что они вообще безразличны к месту, где живут или куда направляются: в конце концов, «достичь *чего-то*» — это синоним достижения успеха. Довольно часто названия намеренно вводят в заблуждение, как в новехоньком пригороде «Ореховая роща» [Walnut Woods] города Роквилл [Rockville] (штат Мэриленд), где почти каждое название начинается с прилагательного «Старая»: Старая почтовая дорога, улица Старой коновязи, и тому подобное «старое». Но очень часто название просто состоит из букв и цифр с прибавлением направления «восток» или «запад», «север» или «юг», и если бы не это, то сориентироваться было бы невозможно. От Нью-Йорка до Калифорнии можно насчитать не меньше десятка тысяч улиц Колумба и не меньшее число улиц Мемориала Вашингтона, Мемориала Джефферсона, да плюс еще тысяч десять Академических. Меняются лишь имена городов. Вот это Буффало, это Рочестер, это Мэдисон, а это Кливленд, но таблички с названиями улиц везде одни и те же.

Города окружены пригородами. Чем дальше едешь, тем дома внушительнее, более того, некоторые спроектированы так, что воспроизводят силуэт целой деревни. Большим домам нужны большие участки земли, а тут еще желание ставить их как можно дальше от дороги. Чем больше участки земли, тем длиннее и шире ведущие к ним улицы. Даже когда население сокращается, городские ареалы продолжают расти как раковая опухоль, поглощая все новые и новые пространства. Большинство при-

⁴³ B. Snell, "The Streetcar Conspiracy: How General Motors Deliberately Destroyed Public Transit" (<http://www.lovearth.net/gmdeliberatelydestroyed.htm>).

городов отличаются еще большим, чем города, единообразием. Это особенно ярко выражено там, где поселки застраиваются по единому плану, а не развиваются постепенно в результате дробления участков. Свой вклад нередко вносят ассоциации соседей, заботящиеся о том, чтобы сохранить «качество жизни» и поддержать «стандарты», т.е., в конечном счете, не допустить падения цен. До самого конца 1950-х гг. для этого было важно позаботиться о том, чтобы в таком поселке не смогли купить недвижимость или снять жилье негры, а если те все-таки пытались это сделать, результат зачастую выливался в насилие. Сегодня подобная дискриминация запрещена законом, и ассоциации соседей заняты регламентированием мельчайших деталей: можно ли прибить к стене своего гаража баскетбольное кольцо, а если да, то в какие часы в него можно бросать мяч.

Отличительной чертой американских пригородов, к которой иностранец не сразу привыкает, является отсутствие заборов. Первоначальная идея заключалась в том, чтобы создать атмосферу настоящей сельской глубинки, где населения немного, а потому и заборы не нужны. Из-за отсутствия заборов большинство пригородов выглядят как гигантские луга, по которым рукой какого-то великана разбросаны дома. Отсюда не обязательно следует, что соседи живут в дружбе; в действительности даже самая ничтожная былинка может стать предметом самых яростных распрей. Прозрачность означает также, что нужно быть очень осмотрительным, делая что-либо в уединении своего заднего двора — потому что никакое уединение здесь невозможно⁴⁴.

Жилые районы тянутся на многие мили. По возможности дома ставят вдоль тупиковых проездов. Первоначальная идея состояла в том, чтобы ограничить движение и гарантировать людям мир и спокойствие. Но для случайных посетителей это означает гарантированную возможность заблудиться. Обычно перед каждым домом есть небольшая лужайка и тротуар, отделенный от проезжей части узкой полоской травы, но во многих местах никакого тротуара нет. Архитектурные стили вольно заимствуются во всех частях мира и нередко безо всякого внимания к таким местным условиям, как ландшафт, климат и т.д.: если у человека есть кондиционер, то подойдет все что

⁴⁴ См.: Duany et al., *Suburban Nation*, p. 77.

угодно. Стили варьируют от испанского колониального и викторианского новоанглийского до чего-то и вовсе невразумительного — ну, чуть получше трущобного самостроая.

В этом, как и во всем остальном, внешность обманчива. Очень часто чем зажиточнее пригород и чем он новее, тем больше разрыв между тем, что он есть на самом деле и чем он хочет казаться. Серая стена, сложенная из неправильной формы камней, имитирующая английский сельский стиль, — всего-навсего декоративное покрытие для стен из древесноволокнистых плит, прикрепленных штырями к деревянному каркасу. Постучите по декоративным рифленным колоннам, обрамляющим вход в «колониальный» дом для среднего класса, и вы обнаружите, что они из жести. Внушительный мраморный пол сделан из пластика. И то же самое с раковинами, ваннами, душевыми и прочим. Недорогие материалы и непрочные, зачастую модульные конструкции означают, что американские дома легко ремонтировать — а это может быть преимуществом, если дом начнут пожирать термиты. Но нередко это означает, что вы получили за свои деньги совсем не то, что видите.

Плотность населения в пригородах слишком незначительна для обслуживания общественным транспортом. Это усиливает отчуждение, так как каждый взрослый вынужден ездить на собственном автомобиле. Это особенно характерно для более богатых пригородов, где своего соседа можно увидеть только в те моменты, когда он открывает или закрывает гараж. Но сегодня и это делается автоматически, с помощью пульта дистанционного управления, поэтому исчезла необходимость выходить во двор. Как только житель пригорода выехал из дома, все его общение с другими сводится к конкуренции за место на асфальте. При этом, если не считать прогулок, в которых направление не имеет значения, как это бывает при выгуливании собаки или при беге трусцой, дойти куда-либо пешком решительно невозможно, так что люди в буквальном смысле слова оказываются в плену этих зеленых пустынь. То же самое относится к нежилым пригородным территориям, т.е. зонам офисной застройки и т.п. Все общественные сооружения, все развлекательные центры, все школы расположены так, что добраться до них можно только на автомобиле, и все они окружены парковками. А раз они окружены парковками, то и расстояния вырастают еще больше.

Через пригородные поселки и между ними проложены автострады, соединяющие их с городом и все чаще — друг с другом. Пригороды, возникавшие после Второй мировой войны, были спальными районами, местами, откуда мужчины и женщины уезжали утром на работу и куда они вечером возвращались для отдыха. Но сегодня все перевернулось. Начиная с 1960-х гг., многие предприятия начали покидать города и перемещаться туда, где живут их самые состоятельные потребители⁴⁵. В США в последние двадцать лет почти вся новая коммерческая недвижимость строилась в пригородах или в загородных поселках (которые иногда называются *ex-urbs*, буквально — «внегорода»). По обеим сторонам основных дорог тянутся бесконечные ленты магазинов. Здесь есть мотели, автодилеры, ремонтные мастерские, заправочные станции, приемные врачей, агентов по недвижимости, юристов, консультантов, а также рестораны (американцы питаются вне дома вчетверо или впятеро чаще, чем европейцы), а все это вместе называется расползанием городов. Все соглашается, что эти расползшиеся города являются одной из самых уродливых деталей американского ландшафта. А поскольку теперь почти две трети населения живет в пригородах⁴⁶, то это еще и наиболее распространенное и характерное явление.

Вслед за автором знаменитой песни «Little boxes on the hillside»*, критики часто мечут стрелы в однообразии. С ними можно соглашаться, но, пожалуй, стоит разобраться в том, откуда идет это однообразие и насколько оно существенно. Дело в том, что в Америке, как и везде, семье, чтобы переехать из одного места в другое, нужно сделать десятки разных дел. Прежде всего нужно найти дом (с тех пор, как средний визит к агенту по продаже недвижимости стал занимать минут двадцать, поговаривают, что некоторые дома нарочно строят так, чтобы за это время предъявить все их достоинства). Потом нужно найти школу для детей, открыть новый счет в банке (банковская система США сильно фрагментирована по сравнению с большинством других, поэтому в Америке это важнее, чем где-либо еще), заключить договоры

⁴⁵ Duany et al., *Suburban Nation*, pp. 7–8.

⁴⁶ “A Survey of America”, *The Economist*, 8.11.2003, p. 9.

* «Маленькие коробочки на склоне холма» (англ.). — Прим перев.

с компаниями коммунальных услуг, получить документы на своих домашних животных и тому подобное. И все это нужно делать не изредка, как в других странах, а весьма регулярно, почти рутинным образом. Бесчисленные американцы проводят свою жизнь в суете, как крабы, снующие по отмели. И если бы многие вещи не были одинаковы решительно повсюду, эти люди, несомненно, просто свихнулись бы.

Из всех племен, составляющих американский народ, ни одно не переезжает чаще, чем военные. Вот уж кому не обойтись без единообразия, столь упрощающего все на свете. Если средний американец переезжает каждые шесть лет, солдаты редко засиживаются на одном месте больше, чем три года, а многие переезжают ежегодно. И, где бы ни располагалось место их службы — на территории США или за границей, — они рассчитывают, что будут иметь дело с той же бюрократией, будут заполнять те же формы и получать те же разрешения. Они рассчитывают также на примерно одинаковые жилищные условия, на совершенно такой же армейский магазин и точно такой же ресторан «Макдоналдс» (говорят, что на базе Гуам «Макдоналдс» расположен точно так же, как в учебном центре Квонтико). То же самое относится и к гражданским, хоть и в чуть меньшей степени. Переезжая, скажем, из Балтимора в Сан-Диего или из Чикаго в Даллас, они рассчитывают, что там их ждет жилье примерно того же типа, примерно такие же услуги, школы для детей и торговые центры с магазинами, входящими в те же самые сети — или в другие, но настолько похожие, что это просто не имеет значения.

И во всех этих хлопотах человек не брошен на произвол судьбы — существует множество фирм, которые, стоит им позвонить, помогут перебраться на новое место и приспособиться к новому окружению. Прежде всего во многих городах существуют «центры гостеприимства» [welcome centers], предназначенные в основном для туристов, но они охотно помогают людям сориентироваться на месте, разобраться в возможностях найти работу, школы, развлечения и т.п., причем в наши дни многие из них представлены в Интернете. Еще есть фирмы, сдающие напрокат мебельные грузовики, такие как U-Haul-It («Сам себе перевозчик»). Другие фирмы почти мгновенно готовы снабдить вас всем настоятельно необходимым: мебелью, садом, библиотекой, фамильными

реликвиями, мемуарами⁴⁷... и даже домашними животными, если клиент того пожелает. Одним из следствий является то, что жизнь становится комфортной. Если средства позволяют, зачем отказываться от всего этого? Другим итогом оказывается некая искусственность, столь присущая многим городским и пригородным домам. Это как если бы имя Вениринг* принадлежало не только богатому выскочке из романа Чарльза Диккенса «Наш общий друг», но и множеству самых разных людей — не то чтобы богатых, но и не бедных, а просто рядовых американцев.

Наконец, в Европе, в Азии, в некоторых частях Африки и Латинской Америки есть множество населенных пунктов, чей возраст исчисляется тысячелетиями. В США все обстоит иначе⁴⁸. Все географические названия, которые не поддаются расшифровке, имеют индейское происхождение. Но большинство из них — это названия деталей ландшафта или регионов от Коннектикута до Потомака и от Дакоты до Делавэра. В названиях населенных пунктов индейские топонимы очень редки. На каждый город с названием Милуоки (что значит «стоянка возле реки») приходится полсотни Парижей, Лондонов, Ганноверов, Кембриджей, с уточнением «Новый» или без него; не говоря о всяческих «Надеждах» (*Hope*), хотя бы разок встречающихся в каждом штате. А раз названия выбраны произвольно, время от времени их меняют, и самым знаменитым примером является, естественно, Нью-Йорк**. Но это никоим образом не единственное и не последнее из переименований. В 2002 году один городок, расположенный недалеко от Адского каньона (Орегон), не поленился сменить имя с Halfway («На полпути») на Half.com.

⁴⁷ N. Maestri, “Scrapbooks Create Booming Industry”, Reuters, 30.12.2004 (<http://www.tiscali.co.uk/news/newswire.php/news/reuters/2004/12/30/odd/scrapbookscreateboomingindustry.html>).

* По-английски имя *Veneering* означает «фанеровка», «облицовка», «показуха», «видимость». — *Прим. перев.*

⁴⁸ Превосходный краткий обзор см. в: Boorstin, *The Americans: The National Experience*, pp. 299—306. [Рус. пер.: Бурстин Д. Указ. соч. С. 380—392.]

** До 1670 года Нью-Йорк назывался Новым Амстердамом. — *Прим. перев.*

Отдельные населенные пункты буквально находятся в движении. Созданные из ничего в один момент времени, в следующий они уже покинуты, потому что исчерпались природные ресурсы или потому что проложены новые дороги и приходится менять старые транспортные и коммерческие схемы. Палаточные городки, возникавшие в XIX веке всякий раз, когда в Калифорнии или на Аляске находили золото, составляют лишь вершину айсберга. Поезжайте в Голубые горы, особенно ближе к югу, и вы увидите брошенные фермы, когда-то худо-бедно кормившие тамошних горцев. Путешествуя по Скалистым горам или по пустыне Нью-Мексико, в Неваде и в Аризоне, натыкаешься на развалины старательских поселков. Многие брошенные поселения используются в качестве декораций для фильмов и музеев под открытым небом; это очень типично для США — пускать в дело даже упадок и угасание. При должной организации дизайна следы былой жизни принесут доход местным властям или предпринимателям и корпорациям, скупающим целые деревни⁴⁹.

Одним из результатов становится то, что в некоторых частях страны, особенно на востоке и юго-востоке, лесов стало намного больше, чем лет сто назад. Как только в 1930-е гг. началось сокращение сельского населения, мать-природа взяла свое и место пашни снова заняли леса. В Миннесоте, Техасе и многих других штатах есть целые города (если их можно так называть), построенные с расчетом на то, что через довольно короткое время жители их покинут. В них торговые и административные здания (если их можно так называть) построены «на живую нитку», и их можно без труда разобрать, вывезти все ценное, а остальное бросить. Многие жилые дома снабжены колесами, и, когда придет срок, они тут же тронутся в путь, чтобы затем встать на стоянку в еще одном забытом богом месте.

Некоторые авторы, и особенно иностранцы, полагают, что в Америке переезд с места на место служит заменой той свободе, которой на самом деле больше нет (если она и была когда-то). Они не так уж и заблуждаются, но и не совсем правы. Разумеется, столь частые переезды, принятые в Америке,

⁴⁹ См. об этом в: D. Deylser, “‘Good, by God, We’re Going to Bodiel’; Ghost Towns and the American West”, in Hausladen, *Western Places, American Myths*, pp. 273–295.

предполагают определенного рода единообразия и порождают его. В то же время из-за того, что единообразие на все накладывает свою печать, движение само по себе означает освобождение. Нет сомнений, что это важный элемент «божественной свободы», восхитившей в свое время Цвейга и многих других иностранцев, путешествовавших по США и завидовавших здешней жизни. Уберите этот элемент, и Америка уже не будет прежней — если она вообще сможет существовать.

Каково обитать в стране, где собрались и живут люди со всего мира, где пространства огромны, а работа, друзья, родственники зачастую разделены такими расстояниями, что все теряются из виду и никто надолго не задерживается на одном месте и на одной работе? Вот как ответил на этот вопрос итальянский писатель Чезаре Павезе в своем романе 1950 года «Луна и костры»: «Где же дома этих людей?.. Можно ли родиться и жить в такой вот стране?.. Все время кажется, что эти люди только что прибыли сюда... чем больше мест ты видишь здесь, тем они тебе более чужды»⁵⁰.

Начнем с того, что сочетание разнородности, простора и частых переездов ведет и к определенной утрате идентичности и в то же время неожиданным образом укрепляет эту идентичность. Единственный способ охватить общество в целом — обратиться к цифрам. Никто ведь не следит за людьми, не отслеживает их перемещения и не пытается понять каждого из них. А вот условия их жизни, их имущество, их деятельность — все это постоянно «обрабатывается», пересчитывается и сводится в таблицы⁵¹. Вовсе не случайно первые современные табуляторы были изобретены в США. Изобрел их американский инженер Герман Холлерит. Построив свою машину, он продал ее правительству США, и очень вовремя, потому что ее стали использовать для подсчетов результатов переписи населения 1890 года; позднее он основал компанию, которая после ряда слияний превратилась во всемирно известную

⁵⁰ Павезе Ч. Прекрасное лето. Дьявол на холмах. Товарищ. Луна и костры. М.: Прогресс, 1974.

⁵¹ О происхождении этой системы см.: P. E. Cohen, *A Calculating People: The Spread of Numeracy in Early America*, London, Routledge, 1999.

IBM⁵². Куда важнее то, что это и последующие изобретения развили в американцах болезненную привязанность к статистике и позволили им выдавать на-гора больше числовой информации, чем кому-либо в истории. В итоге все и вся были размещены по маленьким аккуратным ящичкам. Правда, как может подтвердить любой, пытавшийся убедить чиновника, что в графе этой таблицы допущена ошибка в написании имени, выскочить из этого ящичка чрезвычайно трудно.

В Америке, как и везде, все люди разные. В Америке, как и везде, немало тех, кто из кожи вон лезет, чтобы быть не такими, как все, — впрочем, зачастую безуспешно, что видно из того факта, что даже издания, называющие себя «альтернативными», выглядят совершенно одинаково везде, от Нью-Йорка до Сан-Франциско. Глубинная одинаковость людей особенно проявляется в их именах. Одного могут звать Джон Аллен, но с равным успехом его могли бы звать Джон Аллен Мухаммед. Другого зовут Кевин, но он точно так же мог бы носить имя Ганс, Марио, Сальвадоре, Ким или Фонг. Из-за того, что часто в брак вступают люди разного этнического происхождения, получается настоящий винегрет. Некоторые меняют свои имена, чтобы упростить их произношение. Если у человека имя чуть сложнее, чем у большинства, его непременно будут до неузнаваемости исказить на письме, а это, конечно, приведет к немалым бюрократическим осложнениям. Некоторые меняют имя, чтобы скрыть свое происхождение, как поступил в 1950-е гг. один мой родственник, решивший, что лучше быть итальянцем, чем евреем, и из Вейлера превратившийся в Амати. В результате возникают сочетания, звучащие как уроки всемирной географии. При этом имена могут ничего не сообщать о подлинных корнях носителя диковинного имени — если, разумеется, у него или у нее есть подлинные корни.

В отличие от многих других стран, в США никогда не было установленного перечня имен. Первые поселенцы часто называли своих детей в честь библейских героев, и даже сегодня это обычная практика в кругах христианских фундаменталистов. Но загвоздка в том, что ни родители, дающие имена, ни священники, подсказывающие им выбор, чаще всего не знают иврита. Получается, что многие американцы носят име-

⁵² См. о нем в: G. Austin, *Herman Hollerith; Forgotten Giant of Information Processing*, New York, N.Y., Columbia University Press, 1982.

на, давно не употребляемые современными евреями и израильтянами, в том числе такие, которые имеют весьма странные коннотации. Многие идут противоположным путем. Они придумывают новые имена, и лучшим примером является г-жа Кондолиза Райс, мама которой надеялась, что девочка станет пианисткой, и придумала имя, которое происходит от музыкального термина и по-итальянски дословно означает «со сладостью».

Все это вновь, и вовсе не случайно, напоминает нам роман «О, дивный новый мир». Хаксли, будучи англичанином, тем не менее хорошо знал Америку, а под конец жизни даже поселился в Южной Калифорнии. В его книге полно персонажей, которых зовут Полли Троцки, Бенито Гувер, Гельмгольц Ватсон, Морган Ротшильд (Моргана — служанка из «Тысячи и одной ночи», а Ротшильды — одна из богатейших в истории семей), Сарониджи Энгельс, Мустафа Монд и Ленина Кроун. У последней есть подружка Фанни Кроун. Все эти имена, однако, ничего не говорят ни о семейных связях, ни о социальном положении. Все имена выбраны из справочника произвольно; сегодня этот выбор, скорее всего, поручили бы компьютеру. Но в реальной, а не в вымышленной Америке дают имена не власти, а родители. И от этого путаницы еще больше.

В романе «О, дивный новый мир» дети не рождаются биологическими родителями; их «высаживают» из сосудов, где они выросли. Пока что в Америке это не так, но результат — отсутствие корней — тот же самый. Спросите знакомого американца, откуда он родом. Задайте этот вопрос кассирше на заправке где-нибудь на Среднем Западе и в ответ получите недоумевающий взгляд. Спросите почти любого, и вы почти наверняка *не* узнаете, где человек родился, где он вырос или жил большую часть своей жизни. Вместо этого вы услышите, где он провел последние пару лет, месяцев или недель. Если верить статистике, то в одном случае из шести вам скажут, куда он или она намерены двинуться дальше. Если речь идет о подростке, причиной такого ответа будет то, что он еще не знает о существовании внешнего мира. Но во всех остальных случаях дело будет в том, что американцы просто не связывают себя с какими-нибудь определенными местами. Последняя смена места жительства — просто еще одно звено в длинной цепи перемещений, и вряд ли последнее. Поэтому вопрос не имеет смысла. Нередко он вводит собеседника в замешательство,

и, чтобы загладить неловкость, вам придется растолковать свой вопрос таким образом, чтобы средний американец его смог понять.

Неукорененность влечет за собой отчуждение. Телефоны, факсы и электронная почта, сколь бы дешевы и удобны они ни были, не заменяют сплоченной, основанной на личных связях общины, в которой каждый свободно общается со всеми другими. То же самое относится к автомобилям. Автомобили, особенно американские, с их кондиционерами, стереосистемами и высоким уровнем комфорта отрезают водителя от окружающего мира, его погоды и его звуков. Но при этом они изолируют людей друг от друга, в то же время позволяя им поддерживать контакт между собой; и это не говоря уж о битве с дорожным движением, нередким результатом которой становится «дорожная ярость» [«road rage»], агрессивное поведение на дорогах. Проблему обостряет и то, что во многих местах, вознамерившись навестить друга, приходится сначала думать о том, где оставить машину, что превращает любую городскую, а то и загородную поездку в непростое предприятие. Более того: когда появляется очередной новый вид связи, люди не только начинают его использовать, но и ждут того же от других. Из-за этого жизнь становится еще более отчужденной, чем прежде. Чем больше людей связывают волны и провода, тем реже они встречаются и тем менее непринужденны эти встречи.

Согласно одному исследованию, за двадцать лет, прошедших после 1974 года, число американцев, хотя бы раз в год принявших участие в приятельской вечеринке с соседями, снизилось на 15%. Соответственно число тех, кто никогда не участвует в таких вечеринках, выросло на 40%: прежде таким был каждый пятый, а теперь — каждый третий⁵³. Время, выделяемое на такого рода общение, тоже уменьшилось — от 6,8 часа в неделю в 1965 году до 5,7 часа в 1985 году⁵⁴, не говоря о том, что

⁵³ F. Fukuyama, *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*, New York, N.Y., Free Press, 1995, p. 310. [Рус. пер.: Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, АСТ Москва, Хранитель, 2006. С. 503—504.]

⁵⁴ J. Robinson and G. Godbey, *Time for Life; The Surprising Ways Americans Use Their Time*, Philadelphia, PA, Pennsylvania State University Press, 1997, pp. 168—169.

за 1970—1995 гг. выросло число одиночек: раньше в одиночку жил каждый шестой, а теперь — каждый четвертый. Расстояние можно преодолеть, а средства связи всегда под рукой, но, чтобы отправиться в гости, нужно сначала выяснить, на месте ли человек и не помешает ли ему этот визит. «Не помешает» означает, что тому нужно будет по крайней мере приготовить к визиту: подобрать с ковра в гостиной газеты, отправить в раковину грязные стаканы, поставить на стол какие-нибудь сладости. За пределами нуклеарной семьи — если у вас именно такая семья — вам редко приходится видеть людей такими, каковы они есть. Этот эффект усиливается тем, что пространство жилья, за вычетом гостиной, для посторонних остается более или менее закрытым, большинство американцев живут не в квартирах, а в домах, а большинство домов имеет два этажа. Разумеется, США не единственная страна, в которой современные технологии породили отчуждение. Но это, вероятно, единственная страна, в которой (в ряде районов) дошло до того, что нужно предварительно договариваться даже о встречах собак, чтобы они могли вместе поиграть.

Отчуждение, пронизывающее всю социальную жизнь, в некотором смысле компенсируется работой. Работа — это место, где (по крайней мере в будни) люди проводят больше всего времени. С коллегами по работе сплетничают, шутят, едят и, быть может, играют в гольф или теннис, а раз больше почти ни на что не хватает времени, то на работе все чаще находят себе пару⁵⁵. Неудивительно, что многие на работе чувствуют себя уютнее, чем дома⁵⁶. В другом смысле, однако, на работе отчуждения еще больше, чем дома. За исключением малых фирм, работников нанимают не на основе личного знакомства, а с помощью письменных тестов. Тесты разрабатывают, а нередко и проводят специализированные фирмы. При этом их не интересует ничего, кроме денег. Представители этих фирм появляются на предприятии, чтобы решить судьбу людей, которых и в глаза не видели, а потом проваливаются в преисподнюю, откуда и явились. Иногда роль интервьюера

⁵⁵ “Cupid Clocks Overtime in U.S. Workplaces”, Yahoo! News, 11.2.2005.

⁵⁶ См.: A. Russell Hochschild, *The Time Bind: When Work Becomes Home and Home Becomes Work*, New York, N.Y., Metropolitan, 1997, особенно pp. 35—45.

исполняет компьютер, предъявляющий претендентам на место вопросник с вариантами ответа.

Из каждых пяти крупных работодателей четыре теперь требуют, чтобы перед зачислением в штат служащие проходили тест на наркотики, и процент тех, кто действует таким образом, постоянно растет. Этот тест легко обойти, и потому некоторые полагают, что настоящая его цель не в том, чтобы выявить наркоманов, а в том, чтобы унижить претендентов, поставить их в положение просителей. То же самое относится ко многим другим тестам, используемым при найме персонала⁵⁷. С поступлением на работу целые категории работников обнаруживают, что за ними пристально следят. Неслучайно именно США стали родиной тейлоризма, системы, которая анализирует и нормирует каждое рабочее движение⁵⁸. Фредерик Уинслоу Тейлор (1856—1915) был весьма разносторонним человеком, и ему принадлежит не менее сорока патентов, а также победа в национальном чемпионате теннисных пар. Его система опирается на две основные предпосылки. Во-первых, всегда существует только один способ делать что-либо наиболее «эффективно». Во-вторых, многие, если не большинство рабочих слишком «тупы», чтобы позволить им работать по-своему, а потому их следует сначала обучать, а потом контролировать, чтобы они делали все так, как их учили.

Ряд самых сильнодействующих методов Тейлора, основанных на знаменитом хронометраже рабочих движений, остался в прошлом. Но дело его живет. Это особенно верно в случае таких малоквалифицированных работников, как официанты, уборщики и т.д. Когда повсюду появились компьютеры, некоторые фирмы начали замерять число нажатий клавиш в минуту. Другие определяют, сколько секунд каждый оператор тратит на разговоры с клиентами, и горе тому, кто транжирит «время компании» на то, чтобы сказать несколько необязательных, но, возможно, любезных слов. Многим работникам приходится время от времени проходить проверку на детекто-

⁵⁷ См.: Ehrenreich, *Nickel and Dimed*, pp. 150-151; см. также более ранний, но все еще актуальный обзор: В. Packard, *The Naked Society*, Harmondsworth, Middlesex, Penguin, 1964, pp. 51—73.

⁵⁸ F. W. Taylor, *The Principles of Scientific Management*, Mineola, N. Y., Dover, 1998 [1911]. [Рус. пер.: Тейлор Ф. У. Принципы научного менеджмента. М.: Контроллинг, 1991.]

ре лжи и тест на наркотики — оборот компаний, выпускающих тесты на наркотики, оценивается в 2 млрд долларов в год. Если так пойдет и дальше, в будущем некоторые фирмы могут ввести тесты на курение.

Тем временем такие же наемные работники на соседних местах получают повышение, увольняются, переводятся на другую работу, перемещаются в другое место — и все это в головокружительном темпе; в компании *Wal-Mart* не менее 40% персонала ежегодно либо увольняет компания, либо они уходят сами⁵⁹. В отсутствие профсоюзов соперничество за продвижение, за повышение жалованья и премиальные ведется индивидуально и с большой ожесточенностью. Такая же борьба идет за разные сопутствующие льготы. В числе последних — постоянное место на парковке, кабинеты с более чем одним окном (в Чикаго есть по крайней мере одно офисное здание, построенное так, что каждый кабинет занимает угол дома), а на самом высоком уровне — особые лифты, доступ в которые имеют только избранные, не говоря о частных реактивных самолетах, роскошных курортах и многом другом. В США, как и повсюду, идеи о том, как лучше организовать рабочее пространство, меняются, так что служащие сидят то в крошечных кабинках-«кубиках», то в больших неразгороженных комнатах, а потом снова в «кубиках» — как решит очередной модный психолог. Но, как бы это ни выглядело в данный момент, следует опасаться застрять в одном офисе больше, чем на три года. Тот, кто сидит без движения, — явный неудачник, которому следует задуматься о своей карьере.

И там, где человек живет, и там, где он работает, большую часть времени его окружают люди, которые ему не совсем чужие, но и близкими их не назовешь, потому что при встрече с ними он ограничивается привычным кивком или коротким «привет», чтобы тут же о них забыть. Поэтому и дома, и на работе он редко может позволить себе сбросить доспех психологической защиты. Тело должно всегда выглядеть и пахнуть так, будто человек только что из душа, иначе его сочтут принадлежащим к низшему классу; в других развитых странах люди начали приближаться к американским стандартам чистоты только после 1970 года. Уже более полутора столетий назад было отмечено, что американцы «чрезмерно заботятся

⁵⁹ *New York Times*, 13.5.2005.

о том, чтобы быть хорошо одетыми»⁶⁰. Рубашка всегда должна быть свежестырированной и крахмаленной. Костюм или юбка должны быть идеально отглажены — ни в одной стране нет такого количества химчисток на душу населения, как в Соединенных Штатах Америки.

Чтобы содержать внешность в порядке, необходимо все это плюс белые ровные зубы, на заботу о которых тратятся изрядные деньги. Солнечный день или ненастье, но фасад должен выглядеть идеально. Как написал один журналист в деловой газете еще в 1903 году, если носить старомодную одежду, все решат, что у тебя нет денег на модную. А как только это придет окружающим на ум, против вас тут же используют тот самый рычаг, который вы вложили в их руки⁶¹. Оставьте сломанный зуб без коронки, и вас примут за неудачника. Где еще один кандидат в президенты (Эдлай Стивенсон) может попасть под огонь нападков из-за дырявых подметок, а другой (Майкл Дукакис) из-за того, что использует устаревшую модель вентилятора для сдувания листьев с дорожки?

И опять же человек, впервые попавший в Америку, может просто не понять, что происходит вокруг⁶². На улицах, в магазинах, на всякого рода собраниях его окружают люди, которые даже если не всегда общительны и доброжелательны, то, во всяком случае, не производят впечатления злых, недоброжелательных или интриганов. Если попросить их о помощи, они блеснут улыбкой и любезно ответят. Обычно они делают это без малейших признаков уважения или пренебрежения. И этот факт часто привлекает внимание иностранцев. В зависимости от положения иностранных гостей, в них это вызывает либо злость, как было с аристократкой Фанни Троллоп, ездившей по стране в 1831—1832 гг., либо им это нравится, как было с Симоной де Бовуар с ее левыми идеями⁶³.

Но требуется совсем немного времени, чтобы обнаружить, что при всей вежливости у американцев, по их словам, «нет

⁶⁰ A. Mackay, *The Western World, or Travels in the United States in 1846 and 1847, 1849*, цит. по: Commager, ed., *America in Perspective*, p. 95.

⁶¹ Цит. по: J. Dorfman, *Thorstein Veblen and His America*, New York, N.Y., Viking, 1934, p. 113.

⁶² De Beauvoir, *America Day by Day*, pp. 23—24, 51, 53.

⁶³ De Beauvoir, *America Day by Day*, p. 293; Trollope, *Domestic Manners of the Americans*, pp. 12—17.

лишнего времени» — они не потратят на вас ни секунды сверх абсолютно необходимого⁶⁴. Многие, а может, и большинство улыбок — просто ритуал, и никакого отношения к вам лично не имеют. Слишком часто они являются всего лишь элементом предписанной сверху системы «обслуживания клиентов». Как удастся избежать судорог лицевых мышц американским горничным, продавцам, стюардессам и всем, кто работает с клиентами — это остается загадкой. Возможно, именно этой загадкой и объясняется появление жевательной резинки — не как еды, а как терапевтической процедуры.

Люди, участвующие во всякого рода светских мероприятиях — их иногда называют «компаниями»*, — готовы поговорить, но лишь пока идет поверхностный разговор. По большей части эти «разговоры» состоят из ироничных насмешек и демонстрации собственного превосходства. Серьезные разногласия, не говоря о пылких спорах, считаются недопустимыми, что объясняет, почему некоторые иностранцы в XIX веке сочли, что все американцы обо всем думают одинаково⁶⁵. Если разногласия вышли на поверхность, их, скорее всего, сгладят одной-двумя вежливыми фразами. Если вы вцепитесь в кого-то и проговорите больше, скажем, десяти минут, вас сочтут чужаком.

По сути, это общество, где все друг другу чужие. Цель светских мероприятий заключается в том, чтобы «покрутиться» вокруг как можно большего числа людей и завести контакты, которые могут оказаться полезными в будущем. Если не удастся достаточно быстро найти что-либо полезное, чего ради терять время? Прежде всего избегайте слишком личных проявлений дружелюбия — вас поймут неверно и в лучшем случае ответят вежливым безразличием. В таких ситуациях американцы используют стандартное выражение: «Как интересно!» — что означает предложение немедленно заткнуться. В худшем случае чрезмерно личные проявления вызывают раздражение, и вас начнут обходить стороной.

⁶⁴ Об отношении американцев ко времени см.: Carroll and Noble, *The Free and the Unfree*, pp. 148—150.

* Буквально: «толпы» [crowds]. — *Ред.*

⁶⁵ A. Mackay, *The Western World, or Travels in the United States in 1846 and 1874* [1849]; цит. по: Commager, *America in Perspective*, p. 90.

Это не просто проблема поведения в обществе. В среде военных любые плохо скрытые личные проблемы могут найти отражение в служебной характеристике. Хотя менеджеры корпораций не живут «на базе», это нередко относится и к ним. Руководитель может даже направить нижестоящего начальника пообедать в доме одного из подчиненных. При этом гость обращает внимание на все, от качества еды до прически жены и особенностей ее произношения. Поскольку служебные характеристики всегда основаны на системе оценок в баллах (чтобы можно было поручить их обработку компьютерам), для начала всевозможные личные проблемы будут зафиксированы «неофициально», скажем, под рубрикой «общие замечания». Это значит, что в системе оценки они появляются, так сказать, с черного хода, но рано или поздно они дадут о себе знать.

Иными словами, взаимосвязи между жизнью и работой — это обоюдоострый меч. Во многих отношениях разделение между ними выдерживается очень строго. Нет ничего пагубнее для карьеры, чем признаться в наличии личных проблем, не говоря о том, чтобы позволить им сказаться на работе. Американцы куда меньше многих других готовы принять вмешательство вышестоящих в частную жизнь⁶⁶. Но все это не отменяет того простого факта, что жена, дети и даже домашние животные служащего должны быть столь же безупречны, как и он сам. Возьмите типичного «соседа-миллионера» — это тот тип человека, который добился успеха, преданно и усердно работая на компанию⁶⁷. Тот факт, что его наниматель следит за его личной жизнью, делает чрезвычайно маловероятным, что он когда-либо разводился — в противном случае он, скорее всего, не стал бы тем, кем стал. Генерал Уэстморленд (позднее герой Вьетнама), готовясь к приезду президента Кеннеди в Вест-Пойнт, начальником которого он был, потребовал от своего семилетнего сына либо надеть пиджак и галстук, либо оставаться дома⁶⁸.

Все это находит отражение в повседневном языке. Когда американцы, прощаясь, говорят вам «береги себя» [*take*

⁶⁶ Некоторые данные об этом можно найти в: *A Summary Report of the World Youth Survey, 1989*, Tokyo, Prime Minister's Office, 1989, p. 62.

⁶⁷ См.: Brooks, *On Paradise Drive*, pp. 218—223.

⁶⁸ W. C. Westmoreland, *A Soldier Reports*, New York, N.Y., Dell, 1976, p. 46. Кстати говоря, мальчик предпочел остаться дома.

case»], они на самом деле имеют в виду, чтобы *вы* поберегли себя, т.е. делали бы то, чего они сами определенно делать не будут. Общество становится все более отчужденным. Если в 1960 году 58% опрошенных чувствовали, что «большинству людей» можно доверять, то через тридцать лет эта цифра упала до 37%⁶⁹. Недоверие означает, что американцы не рассчитывают, а очень часто и не могут рассчитывать на чужую помощь и что другие, скорее всего, ограничатся формальным: «Ты в порядке?» — и займутся собственными делами. Это, однако, лишь начало порочного круга. Именно оттого, что американцы не могут ждать помощи от других, они особенно склонны винить в своих неприятностях остальных, чтобы по возможности выбить из них компенсацию. А тем самым они могут оттолкнуть даже тех, кто *хотел* бы помочь.

Предположим, что некто попал в дорожную аварию и пострадал в ней. В этом случае перед судом предстанут водитель его машины, водитель другой машины, страховые компании и, возможно, те, кто несет ответственность за строительство и/или содержание дороги. Но та же судьба может постигнуть любого, кто попытается помочь, — например, того, кто вытащил пострадавшего из машины, но не знал, как это следует делать правильно, а потому принес ему больше вреда, чем пользы. Неудивительно, что при таких обстоятельствах многие предпочтут отвернуться и сделать вид, что ничего не заметили.

Именно недоверие в значительной степени объясняет то, почему столь многие американцы настаивают на своем праве приобретать оружие, носить его при себе и использовать в случае необходимости. Некоторые возводят эту черту национального характера к временам Американской революции, которую, в конце концов, начали на Банкер-хилл вооруженные фермеры. Другие видят истоки этой черты в том периоде, когда США были обществом фронта, в котором каждый мужчина и многие женщины должны были иметь оружие, чтобы защищаться от индейцев, от людей, живших как индейцы, и от разного сорта негодяев, живших разбоем и грабежом. Существовали обширные территории, на которых правительство по своей слабости не могло обеспечить порядок, а потому разрешало заботиться о нем комитетам бдительности. Последние охотно прибегали

⁶⁹ Fukuyama, *Trust*, p. 310. [Рус. пер.: Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 503.]

к грубым, но эффективным методам вроде суда Линча, и только в 1952 году Сенат окончательно поставил эту практику вне закона. Некоторые отрицают то, что фронтир и революция имеют какое-либо отношение к праву владеть оружием, и изображают начальные периоды истории США как сравнительно мирное общество. Они утверждают, что правительство создало вооруженный народ только в ходе Гражданской войны, вначале поощрив оружейную промышленность, а потом позволив солдатам армии северян унести ружья домой⁷⁰.

Как бы то ни было, нет сомнений, что в современной Америке очень много огнестрельного оружия на душу населения. Отчасти это следствие контроля над оружием, вернее, его отсутствия. Отчасти это результат усилий, прилагаемых оружейным лобби. Но в значительной мере это просто результат кочевого уклада жизни народа и огромных просторов, которые занимает этот народ. Первое порождает поражающее воображение родство между США, самым передовым обществом мира, и примитивными племенами охотников, в которых каждый достигший совершеннолетия мужчина постоянно носит оружие. Второе означает, что во многих пригородах и в сельской глуши есть районы, в которых при нападении грабителя бесполезно взывать о помощи — вероятнее всего, призыва никто не услышит, а к тому времени, когда прибудет полиция, жертва может быть уже мертва. Слетайте на самолете из Далласа в Калифорнию, и вид в иллюминаторе развеет все ваше недоумение по поводу того, почему американцы вооружаются. Разумеется, то, что столь многие люди имеют оружие, заставляет вооружаться и преступников, и это создает еще один порочный круг. Получается непрерывная гонка вооружений между разными группами общества.

Впрочем, стоит задуматься над тем фактом, что в таких странах, как Швейцария, Израиль и Новая Зеландия, оружие приобрести не труднее, чем в США, а граждане вооружены столь же основательно. Ведь не само оружие убивает американцев. Нет: это американцы, вооружающиеся до зубов против всех пришельцев, а порой и против правительства, убивают других американцев, а также и незадачливых иностранцев, которые некстати подвернулись под руку. Возможно, ста-

⁷⁰ M. A. Bellesiles, *Arming America: The Origins of a National Gun Culture*, New York, N.Y., Vintage, 2000, pp. 406—429.

тистика намеренно сделана несопоставимой, а может, были какие-то другие причины, но довольно трудно сравнить ситуацию в США, Канаде и Великобритании. Тем не менее, следующие данные, взятые из официальных статистических публикаций этих трех стран, говорят сами за себя⁷¹:

	США (2003)	Канада (2002)	Великобритания (2003)
Число насильственных преступлений	1 381 000	100 000	104 600
Насильственных преступлений на 100 000 населения	471	333	174
Число убийств	16 500	582	850
Убийств на 100 000 населения	6	2	1,4
Число грабежей	413 000	27 000	95 000
Грабежей на 100 000 населения	709	90	158

Иными словами, у американцев почти в полтора раза больше шансов стать жертвами насилия, чем у их канадских соседей. У них втрое больше шансов быть убитыми и почти в восемь раз больше шансов быть ограбленными. В сравнении с Великобританией пропорции выглядят соответственно как три к одному, четыре к одному и четыре к одному.

Следствием этого стала культура страха. Уже почти полтора десятилетия лет чем ближе к центру больших городов, тем эта культура проявляется сильнее; в гетто и дня не проходит без того, чтобы преступники не убивали не только друг друга, но и ни в чем не повинных людей, в том числе и детей. Опросы, проведенные

⁷¹ Данные по США взяты из предоставляемой ФБР статистики преступности (http://www.fbi.gov/filelink.html?file=/ucr/cius_03/xl/03tbl01.xls); данные по Канаде рассчитаны мной на основе публикации: *The Daily, Crime Statistics*, 24.7.2003 (www.statcan.ca/Daily/English/030724/d030724a.htm); источник данных по Великобритании — Nationmaster.com (http://www.nationmaster.com/country/uk/Crime&b_define=1).

в 12 американских городах, показали, что даже в таком небольшом университетском городе, как Мэдисон (Висконсин), 20% опрошенных сказали, что боятся преступлений в своем районе; в Вашингтоне и Чикаго, которые заняли первые места в списке, такой ответ дали 48%. Очевидно, американцы полагают, что *homo homini lupus est**. И, как показывают цифры, зачастую не без оснований.

Как же американцы справляются с социальной изоляцией, недоверием и страхом? В частности, обращаясь к чужакам и рассказывая им то, что не рискуют поведать знакомым. Ездивший по Америке в 1900 г. знаменитый английский журналист Уильям Стид описал это явление следующим образом⁷²:

«Янки, который в железнодорожном вагоне расспрашивает вас о том, кто вы такой, каков ваш доход, чем занимаетесь и чего намерены добиться, обходится с вами так же, как любой человек науки обходится с тем или иным неизвестным явлением, попавшимся ему под руку. Ученый — это неизменный знак вопроса, и эта напряженная жажда знать, выявить правду и детская способность постоянно изумляться образует широкий и глубокий фундамент для будущего преобладания Америки в научных поисках».

Стид был прав только отчасти. Само собой, большинство разговоров не имеют ничего общего с какого-либо рода «наукой». Иногда все сводится к экономике. Люди либо пытаются вам что-то продать, либо, что реже, хотят добыть коммерческую информацию. В рассказе о двух «Рейнардах»*, которые едут в одном экипаже и расспрашивают друг друга о перспективных рынках и клиентах, Фанни Троллоп продемонстрировала лучшее понимание американских реалий, чем Стид⁷³.

Желание выговориться — мотив столь же важный, как и «детская способность постоянно изумляться». Такой разговор делает возможным заведомая уверенность в том, что второй

* Человек человеку волк (лат.). — Прим. перев.

⁷² Stead, *The Americanisation of the World*, p. 117.

** Вероятно, от имени фольклорного персонажа-лиса, известного многим народам под именем Ренар, Ренарт, Рейнеке и т.п. — Прим. перев.

⁷³ Trollope, *Domestic Manners of the Americans*, pp. 288—289.

встречи с этим человеком не произойдет. Все это делает американцев внешне поразительно дружелюбными и открытыми, хотя некоторые люди, выросшие там, где незнакомцев не принято закидывать вопросами, назвали бы это качество невоспитанностью и бесцеремонностью. Но, если присмотреться, это дружелюбие обманчиво: американцы бывают поразительно равнодушны к проблемам других людей. Если вы считаете, что раз вы целый час дружески проговорили с незнакомцем в баре гостиницы, то он или она позаботится о вас в случае внезапной пожарной тревоги, вам стоит еще раз подумать.

Столетием позже подобные разговоры чаще всего происходят на борту самолетов, вероятно, потому что самолет — это одно из немногих оставшихся мест, где (ввиду запрета пользоваться мобильным телефоном) у людей есть время поговорить, да еще и в условиях полной анонимности. Другая возможность — войти в Интернет. В Сети степень анонимности еще больше, чем в самолете или вагоне поезда. При этом человек может симулировать новую личность. Кем бы ни были собеседники в жизни, все они — мужчины и женщины, богатые и бедные, гомо- и гетеросексуалисты, честные и жулики — в Сети оказываются на равных. При этом все ваши неприятные особенности — от перхоти до запаха изо рта и от долгов до сварливой жены или мужа — останутся скрыты, разве что вы решитесь поведать о них миру⁷⁴.

Посему неудивительно, что именно американцы изобрели чаты. Неудивительно, что десятки миллионов американцев тратят сотни миллионов долларов на «разговоры» с незнакомцами. При этом они часто используют знаки и аббревиатуры, означающие «громко смеюсь» [LoL], «улыбаюсь» [:)], «грустно» [:(], чтобы обозначить настроение, передача которого либо невозможна обычными словами, либо требует некоторых литературных способностей. Многие чаты предоставляют определенный минимум возможностей для того, чтобы в разговоре держаться определенных тем или сфер интересов. В некоторых даже есть посредники (модераторы), которые следят за порядком, а также одергивают сквернословов и т.п., что чем-то напоминает семинар. Но в большинстве форумов

⁷⁴ См. об этом: J. L. Locke, *Why We Don't Talk to Each other Any More; The de-Voicing of Society*, New York, N.Y., Touchstone, 1998, pp. 161–178.

такого нет. Это просто вавилонское столпотворение анонимных, безликих и бесплотных голосов. Впрочем, именно это и привлекает участников.

Популярнее чатов разве что ток-шоу. Ток-шоу позволяют американцам делать то, чего они, в силу всех вышеперечисленных факторов, обычно делать не могут, а именно: внимательно, а то и сладострастно заглядывать в жизнь других людей⁷⁵. Это превосходно понимают такие мастера жанра, как Опра Уинфри. Для начала она, вернее, ее помощники (большая часть которых остается неизвестной публике), тратят уйму денег и времени на поиски самых странных и невообразимых персонажей, которым есть о чем порассказать, — и лучше всего, чтобы это были «растлители» и потерпевшие от их мерзких действий. Затем этих «героев» выводят на сцену, сталкивают друг с другом, с помощью провокационных вопросов и рассчитанных реакций удивления и недоверия принуждают рассказать о себе даже то, что они предпочли бы скрыть, и по возможности привести шоу к грандиозному катарсису. В этот момент все начинают рыдать. На краткий миг изоляция преодолена, и все чувствуют себя одной большой семьей.

Для тех, кто не довольствуется разговорами с незнакомцами или сидением перед экраном, есть ассоциации. Американцы всегда были их заядлыми любителями. По словам Токвиля, «на земле существует только одна нация, представители которой ежедневно пользуются неограниченной свободой и правом объединяться в политических целях. Эта же самая нация — единственная в мире, представители которой пришли к мысли о необходимости постоянно пользоваться своим правом и создавать собственные гражданские ассоциации, научившись таким образом пользоваться всеми возможными благами цивилизации»⁷⁶. Таким образом, по его мнению, именно свобода — свобода, запечатленная в конституции и осуществляемая в повседневной политической жизни, стоит за склонностью американцев объединяться и создавать всевозможные ассоциации. Он, несомненно, прав, но здесь возможен и другой подход. Если любая государственная власть,

⁷⁵ J. Gamson, *Freaks Talk Back; Tabloid Talk Show and Sexual Non-conformity*, Chicago, IL, University of Chicago Press, 1999.

⁷⁶ *Democracy in America*, ii, p. 123. [Рус. пер.: Токвиль А. де. Указ. соч. С.383.]

в том числе в США, в конечном счете основана на насилии, то базовым принципом ассоциации является добровольное действие. Если так, то можно считать, что ассоциации представляют более фундаментальную американскую традицию, а потому и более легитимны, чем даже само правительство⁷⁷. Именно на собраниях всевозможных ассоциаций можно увидеть и почувствовать, как бьется сердце Америки.

Поражает количество ассоциаций в обществе, столь приверженном индивидуализму, как американское. Есть книжные клубы — собственно говоря, множество разных книжных клубов, посвященных различным тематикам, — а есть инвестиционные клубы и клубы серфингистов. Есть клубы собаководов и любителей татуировок, любителей старых автомобилей и оружия. Есть организации взаимопомощи и организации самосовершенствования, а также благотворительные организации, которые занимаются всем, чем угодно — от помощи только что прибывшим иммигрантам до организации убежищ для женщин, пострадавших от домашнего насилия. Существуют торговые палаты, профессиональные союзы, группы давления и лобби, не говоря уж о бандах, состоять в которых необходимо для выживания в определенных районах. Не считая гангстеров, 72% американцев являются членами добровольных организаций. Это намного больше, чем во Франции (39%), в Великобритании (53%), в Канаде (65%) и даже чем в Германии (68%)⁷⁸. Исторически сложилось так, что чем выше социально-экономический статус человека, тем в среднем в большем числе ассоциаций он состоит⁷⁹. Но не стоит преувеличивать значение этого факта: время и энергия человека ограничены, а потому членство в каждой последующей организации имеет все меньшее значение.

Помимо прочего, существуют и религиозные объединения, что неудивительно, поскольку отцы-пилигримы, основавшие первое поселение в Новой Англии, сами по себе были религиозным объединением. Господствующей религиозной группой

⁷⁷ См.: T. Ball, "The Myth of Adam and American Liberty", in T. Ball, ed., *Reappraising Political Theory: Revisionist Studies in the History of Political Thought*, Oxford, Clarendon, 1995, p. 273—296.

⁷⁸ Lipset, *American Exceptionalism*, p. 282 table 8-1.

⁷⁹ W. C. McWilliams, *The Idea of Fraternity in America*, Berkeley, CA, University of California Press, 1973, p. 71.

долгое время были протестанты, и таковыми они остаются по сей день. Однако почти с самого начала протестанты раскололись на враждующие группы: в Новой Англии пуритане прогоняли квакеров, высаживавшихся на их берег, а бывало, и казнили тех, кто пытался вернуться. Еще до Гражданской войны один исследователь смог насчитать семь разновидностей одних лишь баптистов, а сегодня американские протестанты раздробились на сотни разных церквей. Согласно одному источнику, лютеране делятся на 32 толка, методисты — на 36, епископальная церковь — на 37, а пятидесятники — на целых 241. Нет более убедительного свидетельства того, насколько благоприятен климат Америки для религиозных объединений, чем тот факт, что такие протестантские общины, как меннониты и гуттериты, процветают здесь по сей день, несмотря на то что они практически полностью исчезли в тех странах, откуда приехали в Америку.

Кроме того, в стране есть десятки миллионов католиков, хотя и они не представляют собой однородной группы. Подобно многим протестантам, католики сначала тоже объединялись по странам происхождения. Но очень быстро произошло отделение консервативных католиков от либеральных, «высоких» католиков от тех, кто придерживался более популистских позиций. Кроме того, есть не менее трех разновидностей иудейских объединений (помимо большинства евреев, не входящих ни в одно организованное сообщество). И этими тремя религиями перечень не исчерпывается. Начиная с середины XIX века, к ним присоединились конфуцианцы, буддисты и даосисты, число которых растет. Позднее к американским берегам приплыли мусульмане — сунниты и шииты⁸⁰. Есть даже самозванные язычники, почитатели природы и поклонники сатаны. Многие члены этих групп придерживаются крайних расистских взглядов и готовы, если понадобится, применить силу, чтобы США остались страной «белых» людей. Часть из них сидит за решеткой, обратившись в новую веру во время отбывания срока за другие преступления. По имеющимся оценкам, их уже сотни тысяч и, по некоторым данным, их число продолжает расти⁸¹.

⁸⁰ См.: A. Gull Hasan, *American Muslims*, New York, N.Y., Continuum, 2000, особенно pp. 23–26, 63–66.

⁸¹ Некоторые данные, относящиеся к началу 1990-х гг., см. на Adherent.com (www.adherents.com/Na/Na_455.html). Превосход-

Весьма существенной причиной усиления религиозной пестроты является продолжающийся приток иммигрантов со всех концов света, привозящих своих богов. При этом они перестают быть членами религиозной иерархии, которой были подчинены прежде, и создают новые организации, открытые новым влияниям, что может делать их еще менее однородными и более полицентричными. Помимо иммиграции, важную роль играет сочетание отделения церкви от государства и крайней религиозной свободы. В такой ситуации почти каждый может объявить себя наместником Всевышнего на земле и создать новую религию, либо, что, пожалуй, вероятнее, возродить почти вовсе забытую старую. Неудивительно, что каждый год весьма многие принимаются за подобное предприятие⁸², и, в зависимости от лидерских задатков, одним оно удается, а другим — нет.

Важнейшей из рожденных в Америке религий является мормонство⁸³. Мормоны утверждают, что их религия основана на учении жившего в Америке в IV веке н. э. пророка, рукописи которого были захоронены в земле, а потом найдены и переведены на английский язык в 1830 году Джозефом Смитом. Крайне необычно то, что его последователи, проповедовавшие, помимо прочего, многоженство, подвергались преследованиям и изгонялись из одного штата в другой. В конце концов, осев в пустыне Юта, мормоны превратили эту землю в сад. В настоящее время число приверженцев этой церкви в США и за рубежом оценивается в 11 млн человек. Они превозносят добровольное служение и успех в бизнесе, рекомендуют воздерживаться от алкоголя и табака (а также чая и кофе). С учетом этих фактов, по-видимому, их успех неудивителен.

С древних царств Месопотамии и до наших дней религия выполняла множество функций. Очень часто она была и орудием власти, и ее оправданием. Правители провозглашали себя богами, потомками богов или посланцами богов на земле.

ный обзор неоязычества в Америке см. в работе: M. Gardell, *Gods of the Blood; The Pagan Revival and White Separatism*, Durham, N.C.: Duke University Press, 2003. pp. 137—345.

⁸² См., например, обзор: D. E. Miller, *Reinventing American Protestantism; Christianity in the New Millennium*, Berkeley, CA, University of California Press, 1997, pp. 15—16, 18—19, 40—41, 157—159.

⁸³ О мормонах см.: D. J. Davies, *An Introduction to Mormonism*, Cambridge, Cambridge University Press, 2003.

Многие священники, назначенные этими правителями и служившие им, по сути дела были своего рода правительственными служащими и должны были заботиться о том, чтобы все платили религиозные сборы (такие, как церковная десятина), ввремя молились и пребывали если и не в состоянии божественного экстаза, то уж во всяком случае были довольны своим положением в жизни. В других краях и в другое время главная задача религии, выросшей в низах, а не навязанной сверху, была в том, чтобы помочь людям примириться со страданиями, включая те, которое приносит бедность, и те, что порождает насилие со стороны правительства, иностранных оккупантов и т.п.

В Америке религия редко играла эту роль. Во-первых, потому что, не считая очень короткого периода в самом начале заселения страны, религия здесь никогда не навязывалась сверху. Напротив, принцип отделения религии от государства проводится очень строго. Американцы первыми в истории ввели этот принцип. С тех пор этот институт часто служил примером для других, особенно для Латинской Америки. Во-вторых, едва ли хоть одна группа американцев систематически подвергалась испытанию нищетой (бедность всегда рассматривается как временное состояние) и угнетением. Поэтому в США никогда не было таких фигур, как католический епископ, который живет во дворце, железной рукой правит своим княжеством и наказывает своих подданных, если они норовят обойти церковь стороной, или бедный священник, разделяющий со своей паствой тяготы бедной и убогой жизни.

Одно из немногих исключений составляют чернокожие священники, служащие в негритянских приходах. До Гражданской войны христианство, которому рабов научили их белые хозяева, порой рассматривалось как инструмент, помогающий обуздать негров, внушить им смирение и послушание и в то же время дать духовное утешение, столь необходимое в их тяжелой жизни⁸⁴. Ведь черный цвет их кожи от рождения был судьбой, избежать которой невозможно, которая возводила препятствия на пути социального восхождения и часто вела к жестоким бессудным наказаниям вплоть до суда Линча. Неудивительно,

⁸⁴ См.: A. J. Raboteau, *Slave Religion: The Invisible Institution in the Ante-Bellum South*, New York, N.Y., Oxford University Press, 1978, pp. 144—145; E. D. Genovese, *Roll, Jordan, Roll; The World the Slaves Made*, New York, N.Y., Random, 1974, p. 284.

что при таких условиях негры долгое время были самой воцерковленной демографической группой, а чернокожие женщины составили подавляющее большинство прихожан в большинстве приходов. Чернокожие священники и пасторы, многие из которых не имеют того минимального дохода и благ, которые считают обязательными большинство американских рабочих⁸⁵, часто помогают людям примириться со своей жизнью. В то же время эти священники образованы лучше, чем большинство их прихожан. Благодаря этому они, как и священники во многих развивающихся странах, смогли сыграть выдающуюся роль в движении за социальные реформы.

Религия — это секта, которая обзавелась оружием и применила его для навязывания себя всем остальным. Если верно это определение, то одной из самых привлекательных черт Америки является то, что в ней нет религии, а есть только секты. В начале XIX века наблюдатели часто отмечали, что влияние, которое оказывают на общество религиозные организации, объясняется их добровольным характером — в той степени, в которой можно говорить о религиозной организации⁸⁶. И по сей день американцы верят в Бога и регулярно ходят в церковь чаще, чем люди в других развитых странах⁸⁷, оборотной стороной чего является вера и в ад. Многие верующие всех толков, и особенно протестанты, воспринимают Библию совершенно буквально. Например, они отвергают дарвинизм и настаивают на том, что мир был создан Богом за шесть дней пять с чем-то тысяч лет назад, и в поддержку этой своей веры создали целую «науку», известную как креационизм.

Этому обществу всегда недоставало взаимной поддержки и эмоциональной близости. И в нем задача и религиозных, и многих других объединений состоит в том, чтобы помочь людям выйти из изоляции и стать ближе друг к другу. Объединения выступают в качестве замены семьи для множества

⁸⁵ С. Е. Lincoln and L. Н. Haniya, *The Black Church in the African-American Experience*, Durham, N.C., Duke University Press, 1990, p. 135 table 10.

⁸⁶ Francis Grund, *The Americans in their Moral, Social, and Political Relations*, 1837, quoted in Commager, ed., *America in Perspective*, p. 70.

⁸⁷ См.: Lipset, *American Exceptionalism*, pp. 60—67; см. также: М. С. Witten, *All is Forgiven: The Secular Message of American Protestantism*, Princeton, N.J., Princeton University Press, 1993, p. 31.

людей, у которых ее никогда не было или которые сами ее разрушили, — по крайней мере в определенных аспектах и на некоторое время⁸⁸. Они делают это, создавая сети социальных связей и возможности для вмешательства в жизнь других людей, эвфемистически называемого «соучастием». Кроме того, они устраивают катарсис. Для этого у людей вызывают рыдания (очень заразительное занятие), организуют общие молитвы, эффектные религиозные обращения, чудесные исцеления; говорение на «языках» (либо невнятная тарабарщина, либо язык, которого говорящий не знает)⁸⁹, и т.п. Возможно, именно потому, что в обществе чужаков жить несладко, многие американцы проявляют религиозное рвение, которое редко встретишь в других современных странах. Некоторые настаивают на том, что это просто возвращение к первоначальному христианству⁹⁰; в современном мире наиболее близкими являются некоторые практики хасидизма и обряды мусульман-шиитов. Где еще встретишь верующих, которые впадают в экстаз во время исповеди, покаяния в своих грехах и бичевания себя до крови?

Исступление не мешает религии быть бальзамом для верующих, а зачастую и помогает. Обычно Бога представляют то как целителя, то как близкого друга, отца — в любом случае как фигуру, у которой ничто не вызывает раздражения. Если человек всецело «отдается» ему, то тот всегда рядом, чтобы простить прегрешения, укротить тревогу и чувство вины и примирить с собой⁹¹. Одна новая религия, сайентология, даже обещает указать «точный путь к духовному совершенствованию здесь и сейчас, причем к достижению этого с абсолютной уверенностью». Возможно, сама легкость пути к освобождению от грехов объясняет, почему американцы, будучи намного более религиозными, чем граждане других развитых стран, склонны к моральным прегрешениям и/или преступлениям ничуть не меньше, чем они.

⁸⁸ Miller, *Reinventing American Protestantism*, pp. 16, 136–138, 184–185.

⁸⁹ Об этом явлении см.: R. M. Anderson, *Vision of the Disinherited; The Making of American Pentecostalism*, Peabody, MA, Hendrickson, 1979, pp. 10–27.

⁹⁰ Miller, *Reinventing Protestantism*, pp. 145–146, 182–183.

⁹¹ См.: Witten, *All is Forgiven*, pp. 3, 35, 38–39, 46–47, 49–50, 52–53.

Но этот милостивый лик — лишь один из ликов религии. Не менее важно, что религия — это требовательный и безжалостный надсмотрщик. Она не делает людям уступок, не дает им передышки и вину за все, что случается, за все трудности, которые они испытывают, возлагает на их собственные плечи. Здесь уже говорилось о центральной роли протестантского этоса — настолько центральной, что он заразил католиков и иудеев и, если Аллах сумеет акклиматизироваться в этом царстве Бога, сделает то же самое с мусульманами. По-видимому, истинно американская религия отличается от тех, что существуют в других странах, этой своей «мирской» ориентированностью. Она всегда обещает, что верующие смогут наслаждаться достойной жизнью, если будут держаться правильных верований и выбирать правильные «установки». А в Америке «достойная жизнь» означает главным образом богатство.

Обретя богатство, американцы хотят сделать его зримым. Все должно быть крупнее, пышнее и экстравагантнее. В других странах богатые, известные люди иногда ездят в лимузинах, но именно американцы изобрели лимузин с удлиненным кузовом. В этом состоит одно из ключевых различий между США и другими протестантскими странами, прежде всего Швецией, Данией, Голландией и Швейцарией. В Стокгольме, Копенгагене, Амстердаме и Цюрихе богатство, даже очень большое богатство, старается быть незаметным. В отличие от США, все это очень безопасные общества, где уровень преступности низок, а потому не приходится объяснять эту скромность страхом перед окружающими. Просто здесь демонстрацию своего богатства или разговоры о том, как оно было добыто, считают делом не очень приличным. Это противоречит если не прямо воле Бога, то во всяком случае Его тонким чувствам.

Недавно администрация Буша решила, что религиозным организациям не следует закрывать доступ к государственным деньгам, если дело идет о различных видах благотворительности⁹²; до этого единственной финансовой привилегией таких организаций было освобождение от налогов. Но религиозные организации похожи на прочие объединения американцев тем, что они плавают по океану денег. Деньги нужны для

⁹² M. Lacey and L. Goudswin, "Bush Fleshes out Proposal to Expand Aid to Religious Organizations", 2003 (www.cephasministry.com/nwo_bush_faithbased_decisions.html).

содержания священников, для аренды или строительства помещений, для оплаты музыкантов, для пропаганды и для тысячи других вещей, включая автостоянки, без которых в Америке могут обойтись только виртуальные организации. Чем богаче церковь, тем более успешной она считается. Этим и объясняется то, почему мормоны решили построить эффектную церковь на окружной вашингтонской дороге, где ее ежедневно будут видеть сотни тысяч проезжающих.

По оценкам, сделанным в середине 1990-х гг., индустрия религии приносила 100 млрд долларов в год⁹³. За прошедшие годы цифра могла только вырасти. Неудивительно, что церкви часто сравнивают с корпорациями. Многие священники всех конфессий являются предпринимателями. Как и все предприниматели, они должны уметь находить прихожан и удерживать их⁹⁴. Главное отличие в том, что они продают Бога, а не другой товар; неудивительно, что страна усеяна «христианскими тематическими парками», предлагающими все что угодно, начиная от прогулок с Иисусом. Есть религиозные организации, в которых все наоборот. Их создали не коммерчески мыслящие священники, а религиозно настроенные бизнесмены, которые предоставляют начальный капитал. После чего они устанавливают основные правила и продолжают управлять делами — и могут в какой-то момент сами начать проповедь, почувствовав, что на них снизошел Святой Дух⁹⁵. Самым знаменитым среди них был, вероятно, Джон Келлогг, который лет сто назад изобрел кукурузные хлопья, названные впоследствии его именем и ставшие для нации одним из основных продуктов питания. Не слишком отстали от него такие как Джон Уонамейкер, «величайший торговец Америки», основатель множества универсальных магазинов⁹⁶.

⁹³ По оценке, сделанной в работе: Miller, *Reinventing American Protestantism*, p. 4.

⁹⁴ См. об этом: Miller, *Reinventing American Protestantism*, p. 3; более подробно: R. L. Moore, *Selling God; American Religion in the Marketplace of Culture*, New York, N.Y., Oxford University Press, 1994.

⁹⁵ R. L. Moore, *Selling God; American Religion in the Marketplace of Culture*, New York, N.Y., Oxford University Press, 1994.

⁹⁶ О Келлоге см.: J. A. Monroe, *Hellfire Nation: The Politics of Sin in American History*, New Haven, CT, Yale University Press, 2003, pp. 226, 249, 313; о Уонамейкере см.: Leach, *Land of Desire*, 34–35, 191–192, 194–215, 221–224.

Некоторые из этих бизнесменов руководствовались чувством, что своим богатством они обязаны Богу. Другие, несомненно, верили, что религия укрепляет трудовую дисциплину⁹⁷.

Впрочем, всевозможные ассоциации — это лишь одно из средств борьбы с изоляцией и отчуждением. Для тех, кто глубоко переживает свои трудности, кто, как говорят американцы, «не справляется» [«not up to it»], существуют так называемые «специалисты по душевному здоровью». Ни в одной другой стране вы не найдете сравнимого числа консультантов, социальных работников (477 000), психологов (182 000) и психиатров (40 000). Если исключить детских психиатров, на 100 000 населения в США насчитывается 16 психиатров, в Канаде — 14, в Великобритании — 4⁹⁸. Нужно признать, что в последние годы уменьшилось число студентов-медиков, выбирающих своей специальностью психиатрию. Но причина этого не столько в падении спроса, сколько в том, что сейчас главным оружием в борьбе с невротами стали таблетки, которые могут выписывать не только психиатры, но и врачи общего профиля. Наличие такого множества консультантов, психологов и психиатров определенно не свидетельствует о душевном здоровье нации. Скорее, наоборот.

По сути, многочисленность специалистов может быть одной из причин неуклонного роста числа психических заболеваний. Некоторые из этих заболеваний, такие как депрессия и арахнофобия*, являются традиционными и поражают людей и в других странах. Другие появились совсем недавно. Похоже, они возникли в той части человеческой популяции, которая обитает между границами Мексики и Канады: американцы первыми подцепили эти болезни и заразили ими всех остальных. Среди них, например, «аффлюенца» — вера в то, что деньгами можно решить все проблемы, а также «ASN» — «приобретенный ситуационный нарциссизм», поражающий преимущественно знаменитостей, и «киберхондрия» — страх встретить

⁹⁷ См. об этом: P. Johnson, *A Shopkeeper's Millennium; Society and Revivals in Rochester, New York*, New York, N.Y., Wang & Hill, 1978.

⁹⁸ U.S. Department of Labor, "Bureau of Labor Statistics - Social Workers", 2003 (www.bls.gov/oco/ocos060.htm); а также: *Psychiatric News*, 36, 5, 2.3.2001 (<http://pn.psychiatryonline.org/cgi/content/full/36/5/3>).

* Боязнь пауков. — *Ред.*

свои симптомы в Интернете. Паранойя, страх преследования, считается психической болезнью или по меньшей мере синдромом. Но такова же и ее противоположность, «проноия», то есть чувство, что тебя все одобряют и любят⁹⁹.

С точки зрения обычного человека, преимущество этого подхода в том, что он снимает с человека ответственность. А если повезет, то можно взвалить эту ответственность на кого-нибудь или на что-нибудь. Против такого подхода говорят два его крупных недостатка. Во-первых, хотя не все «специалисты» столь неучтивы, как психиатры, которые требуют денег в конце каждого приема, внимание профессионала стоит дорого и доступно только относительно обеспеченным людям. Во-вторых, и это, пожалуй, еще важнее, просьба о помощи воспринимается как доказательство того, что ты сам не справляешься. Даже при уверенности в том, что эти трудности останутся в тайне, сам факт обращения за помощью к специалисту, если о нем узнают заинтересованные лица, может быть использован против человека, то есть может стать помехой в карьере или на выборах. В конце концов, дух соперничества в этой стране силен как нигде. И в такого рода вещах это общество сегодня беспощадно не менее, чем в прошлом, когда это явление комментировали авторы XIX века¹⁰⁰.

Помимо врачей, на социальной изоляции и недоверии зарабатывает еще более значительная группа — юристы (к которым в последние годы примкнула новая группа, известная как посредники [mediators], которые обещают людям более дешевые и быстрые решения, чем могут предложить суды и адвокаты). Юристы, или «люди мантии», как их порой называют, были объектом ненависти уже в XVIII веке; но сам этот факт указывает на то, насколько они были влиятельны уже в те времена. Только за 1994—1995 гг. университеты страны выпустили почти 40 000 свежееиспеченных юристов¹⁰¹. Шесть лет спустя в стране насчитывалось 750 000 юристов, по одному на каждые 373 жителя страны. Для сравнения скажем, что в Канаде один юрист приходится на 566 человек — разница почти

⁹⁹ Из новейших работ по этому вопросу см.: J. Winokur, *Encyclopedia Nerotica*, New York, N.Y., St. Martin's, 2005.

¹⁰⁰ Например, Grund, *The Americans*, цит. по: Commager, ed., *America in Perspective*, pp. 72—73.

¹⁰¹ *Chronicle of Higher Education*, almanac issue, 1998, 44, 1, p. 26.

на 50%, а в Японии — на 1002 человека¹⁰². Примечательно, что единственная страна, где юристов еще больше в относительном выражении, — это крошечный Израиль¹⁰³. Быть может, это признак далеко зашедшей американизации, ну и, разумеется, свидетельство любви евреев к спорам.

Самые лучшие и наиболее высокооплачиваемые американские юристы работают на крупные корпорации. Ни в какой другой стране корпорации не находятся в такой стойкой зависимости от своих юрисконсультов, помогающих им уберечься от врагов. Враги — это либо конкуренты, вынюхивающие любую благоприятную возможность вчинить иск, либо правительственные агенты, которые могут в любой момент перевернуть все с ног на голову, обвинить корпорацию в нарушении таких-то и таких-то туманных норм, о которых никто никогда не слышал, и на этом основании тоже вчинить ей иск. Юристы нужны и для того, чтобы разбираться с претензиями и исками об ответственности, которые, несмотря на все усилия, только в 2003 году обошлись корпорациям в 246 млрд долларов (исключая косвенные издержки)¹⁰⁴.

Далее идут иерархически организованные сообщества юристов, готовых вести любые дела, обслуживать любые мыслимые интересы и кошельки¹⁰⁵, а некоторые юристы зарабатывают тем, что консультируют других юристов¹⁰⁶. С одной стороны, ни в одном другом обществе его целостность и функционирование не находились в такой зависимости от закона (в противоположность обычаю и традиции). С другой стороны, закон в Америке — это не просто рамка, позволяющая людям и группам вести упорядоченную и предсказуемую жизнь. Напротив, это молот, которым они умело пользуются. Они применяют его для того, чтобы припереть другого к стене, обанкротить его

¹⁰² О несходстве правовых культур Японии и Америки см.: F. K. Upham, *Law and Social Change in Postwar Japan*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1987, pp. 166—227.

¹⁰³ Ynet, 7.2.2005.

¹⁰⁴ По данным Института страховой информации [Insurance Information Institute], “Liability System”, January 2005 (www.iii.org/media/hottopics/insurance/liability).

¹⁰⁵ Краткий обзор того, как организована корпорация юристов см. в: Freedman, *American Law in the Twentieth Century*, pp. 457—504.

¹⁰⁶ J. R. Glater, “In a Complex World, Even Lawyers Need Lawyers”, *New York Times*, 3.2.2004.

и выжать из него средства на жизнь, — и все это, само собой, во имя справедливости и правосудия¹⁰⁷.

Если обращение к врачу предполагает признание наличия проблемы и может, в свою очередь, стать источником новых проблем, то с юристами все обстоит иначе. Обращение к юристу доказывает, что человек готов стоять на своем насмерть. Как и во многих развитых странах, увеличению числа судебных исков в особенности способствует то, что большинство людей и корпораций застрахованы. Суды исходят из того, что за все платит страховщик, а потому с большей готовностью выносят решения о компенсации, чем они делали бы в ином случае. Но Америка не была бы Америкой, если бы распространенности гражданских исков не способствовали еще два фактора¹⁰⁸. Во-первых, многие американские юристы рассматривают себя не как специалистов, дающих советы своим клиентам, а как предпринимателей на ниве закона. В качестве предпринимателей они прицельно изучают закон, «нацеливаясь» на людей, группы и организации, и разрабатывают «стратегии» того, как вытрясти из них деньги. Они готовы инвестировать — иными словами, будут работать не за гонорар, а за процент от полученной компенсации. Обычно они берут от 25% до 40%. В последние годы эта система поощряет подачу «коллективных исков». Адвокат, выигравший такое дело, может сделать состояние, а клиенты, которых он представляет или делает вид, что представляет, зачастую удовлетворяются сущими грошами. Очень хорошим примером является поданный в 1997 году иск от лица людей, которые в годы Второй мировой войны были привлечены к принудительному труду на немецких заводах. Мы здесь не говорим о том, насколько обоснован был этот иск. Но адвокатские конторы, которые им занимались, заработали на этом деле несколько сотен миллионов долларов¹⁰⁹.

¹⁰⁷ См. об этом: R. A. Kagan, “How Much to National Styles of Law Matter?”, in R. Kagan and L. Axelrad, eds., *Regulatory Encounters: Multinational Corporations and American Adversarial Legalism*, Berkeley, CA, University of California Press, 2000, p. 1.

¹⁰⁸ Превосходный анализ этого вопроса см. в: E. N. Luttwak, *Turbo Capitalism: Winners and Losers in the Global Economy*, New York, N.Y., Harper Perennial, 1999, p. 205, pp. 12–15.

¹⁰⁹ См. об этом в: Associated Press, “Holocaust Survivors Get Paltry Compensation”, 23.2.2002.

Во-вторых, этому способствует и то обстоятельство, что американские суды редко выносят решения о компенсации судебных издержек стороне, выигравшей иск. В результате простые граждане имеют возможность подавать иски к лицам и корпорациям, располагающим намного большими средствами, чем они сами, не опасаясь банкротства в случае проигрыша. В этом отношении система если и не идеальна, то, пожалуй, более демократична, чем во многих других развитых странах. В силу приверженности принципу *laissez faire*, государственная власть США всегда мало занималась защитой слабого человека (применительно к нашему времени — слабой женщины тоже) от сильного. В качестве компенсации та же государственная власть предоставила слабым арену, на которой он или она может постоять за себя и высказаться в свою защиту. Способствует тому и то, что в суде присяжных каждый имеет право на суд равных — людей самых разных профессий и общественного положения, которые скорее проявят сочувствие к маленькому человеку, чем сидящий на жаловании, облаченный в мантию государственный бюрократ.

Многие недолюбливают членов юридической профессии, о чем свидетельствуют многочисленные анекдоты об адвокатах. Из числа последних многие берут с клиентов поминутную плату. По-видимому, они приписывают столько лишних минут, что когда один из них пожаловался Богу, что умер слишком молодым, он получил ответ, что, судя по счетам, которые он выставил клиентам, он прожил по крайней мере две сотни лет. Другие зарабатывают тем, что активно возбуждают в людях взаимное недоверие и втягивают их в судебные разбирательства. И в этом им помогает разрешение на рекламу своих услуг — американское новшество, которое, как и многое другое, было подхвачено и в прочих странах. Средства массовой информации пестрят объявлениями, обещающими помочь людям отстоять свои «права» за счет других людей и организаций¹¹⁰.

По меньшей мере один известный американский автор видит в этом акцентировании «прав» одну из самых фундаментальных черт (или недостатков) современного американского

¹¹⁰ О ряде связанных с этим проблем см.: А. Т. Kronman, *The Lost Lawyer: Failing Ideals of the Legal Profession*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1993, особенно pp. 353—382.

общества¹¹¹. Впрочем, можно усомниться, так ли ново то, что он принимает за новизну. В конце концов, «Билль о правах» является частью конституции. Сама Америка была основана в том числе и для того, чтобы защитить людей от ущемления их прав. Якобы для того, чтобы гарантировать защищенность этих прав, в 2003 году Американская ассоциация адвокатов выдвинула предложение запретить предоставление юридических консультаций всем, кроме самих адвокатов, под угрозой гражданских исков и уголовных наказаний,¹¹². Если это предложение станет законом, то к любому делу: покупке дома, заполнению налоговой декларации и тысяче других — *придется* привлекать хотя бы одного, а может, и двух юристов.

Ну и, наконец, напуганные друг другом и преступностью, американцы отвечают драконовскими мерами наказания преступников. Большое число заключенных в учреждениях «Службы исправительных заведений» — еще один эвфемизм в стиле Оруэлла — результат не только чрезмерного количества законов и запретов, которые так и ждут, когда их нарушат, а еще и того, что судебные приговоры в США куда более суровы, чем в других странах. Хотя сопоставимые данные в этой области получить крайне сложно, следующие цифры дают некоторое представление о происходящем. В США средняя продолжительность тюремного срока, присуждаемого судами штатов, — исключая, следовательно, пожизненные сроки и всю федеральную судебную систему, через которую проходят самые тяжкие преступления, — составляет 54 месяца, тогда как в Канаде средний срок по приговорам *федеральных* судов (включая пожизненное заключение) составляет только 43 месяца¹¹³. Британская система правосудия также менее охотно приговаривает к длительным срокам заключения и более склонна к использованию альтернативных наказаний, чем американ-

¹¹¹ См. об этом: Fukuyama, *Trust*, pp. 279–281, 309–311, 314, 315.

¹¹² A. Liptak, “U.S. Opposes Proposal to Limit Who May Give Legal Advice”, *New York Times*, 3.2.2003.

¹¹³ Американские данные (2002 г.) взяты из: Bureau of Justice Statistics, *Summary Findings* (www.ojp.usdoj.gov/bjs/sent.htm); канадские данные (1996–1997 гг.) взяты из работы: R. Voe et al., “Recent Trends and Patterns Shaping the Corrections Population in Canada: 1983/84 to 1996/97”, 1998 (<http://www.csc-sec.gc.ca/text/rsrch/briefs/b20/b20e-eng.shtml>).

ская¹¹⁴. Похоже, что, как и во многих других случаях, этому есть экономическое объяснение. Американцы вложили много средств в расширение и модернизацию тюрем. Теперь им нужны заключенные, чтобы заполнить камеры.

В США приговор к пожизненному заключению обычно понимается и исполняется в буквальном смысле этого слова. Принятый в 1987 году закон делает невозможным досрочное освобождение заключенных, приговоренных к пожизненному заключению федеральными судами, хотя они могут рассчитывать на амнистию. В Канаде и Великобритании, напротив, убийцы в обязательном порядке приговариваются к пожизненному заключению, но обычно им достаточно отсидеть от десяти до двадцати пяти лет, чтобы получить право претендовать на досрочное освобождение. Многие американские судьи испытывают настоящий ужас перед досрочным освобождением — то ли оттого, что некоторые из них прислушиваются к обществу больше, чем в других странах, то ли в силу того, что многие граждане сохраняют верность пуританской идее воздаяния. Эти судьи громоздят один срок на другой, и в заботе о том, чтобы их жертвы оставались за решеткой до последнего вздоха, приговаривают к фантастическим срокам заключения. В этом, как и во многом другом, они сегодня подают пример всему миру.

Кроме того, в США есть и смертная казнь. В 1972 году Верховный суд отменил ее как «жестокое и необычное наказание», но четыре года спустя тот же суд отменил свое решение и разрешил приводить приговоры в исполнение. В 2003 году США были одной из двух развитых стран, не отменивших смертную казнь (второй страной был Сингапур). Остальные либо вообще отменили ее еще несколько десятилетий назад, либо, подобно Японии, не применяли ее, хотя формально она не отменена. Больше всех казнят в Китае, хотя статистика, исходящая из Пекина, слишком недостоверна, чтобы использовать ее. Без учета Китая получается, что по числу смертных казней США уступают только Ирану. Из 420 казненных по всему миру 65 человек, то есть 15%, встретили свою смерть в США¹¹⁵, а среди штатов первое место уже давно держит

¹¹⁴ J. D. Hirschel and W. Wakefield, *Criminal Justice in England and the United States*, London, Praeger, 1995, passim.

¹¹⁵ Данные из Википедии: http://en.wikipedia.org/wiki/Capital_punishment#Around_the_world.

Техас. В прошлом поддержка обществом смертной казни знала свои взлеты и падения. Однако в 2003 году она была сильнее, чем в 1976 году, когда смертная казнь была вновь введена решением Верховного суда (соответственно 71% и 66%¹¹⁶), так что нет оснований рассчитывать, что ее отменят в обозримом будущем.

В США сохранилась смертная казнь, и тем не менее в последние годы все, что с ней связано, вызывает повышенное внимание и эмоциональную реакцию публики. Удивительно, но это относится и к левым сторонникам политкорректности из Новой Англии, и к «реднекам» из Арканзаса, приверженным правым взглядам. В этом, как и во многом другом, у них больше общего, чем кажется. Особенно сейчас, когда дело каждого приговоренного к смертной казни в суде штата автоматически отправляется на повторное разбирательство в федеральный суд, так что многие из приговоренных по многу лет проводят в очереди на электрический стул. С приговоренными обращаются как с обезьянами в клетке — их кормят, приходят поглазеть на них и иногда берут у них пространные интервью. Порой они превращаются в объект бесконечных политических и юридических манипуляций в череде апелляций, призывов к милосердию и отсрочек исполнения приговора. Нередко для вящей театральности об отсрочке объявляют буквально в последний миг; особой частью представления является то, что всем известно, когда этот последний миг должен наступить. И всякий раз это становится пищей для заголовков в местных, а часто и в центральных средствах информации.

Вероятно, американцы брезгуют смертью куда больше, чем граждане других развитых стран. Умиравшего перемещают из дома в больницу, чтобы не портить ковры. Умершего либо кремируют, либо хоронят на далеком от жилья, похожем на парк кладбище; сам процесс похорон настолько обезличен, что, вероятно, недалеко время, когда трупы начнут метить штрих-кодами¹¹⁷. А вот о процедурах смер-

¹¹⁶ Clark County Prosecuting Attorney, “The Death Penalty” (www.clarkprosecutor.org/html/death/opinion.htm).

¹¹⁷ M. Locke, “U.S Considers Using Barcodes for Cadavers”, USAtoday.com, 7.2.2005 (http://www.usatoday.com/tech/news/2005-02-06-cadaver-coding_x.htm).

тной казни (в каждом штате своя), напротив, пишут со всеми отвратительными подробностями, и публика жадно читает все это¹¹⁸. Когда наступает время казни, вокруг тюрьмы собираются толпы возбужденных людей: в этом отношении современные американцы, похоже, цивилизованы не больше, чем их прадеды, в 1920-х и 1930-х гг. линчевавшие негров. Одни приходят, чтобы заявить протест, другие — чтобы одобрить приговор. Некоторых привлекает атмосфера ужаса. В последние годы родственники казнимых порой требовали и получали разрешение присутствовать при казни, чтобы выразить свое возмущение и сделать происходящее еще более мрачным. Когда речь идет о хлебе и зрелищах, Америка — вне всякого сравнения.

Каждый из отмеченных выше методов преодоления изоляции, недоверия и страха, которые столь ярко характеризуют американское общество, представляет собой и решение проблемы, и самостоятельную проблему. Перемещение в пространстве развлекает, но в конечном итоге делает человека еще более одиноким, чем прежде. Общение с незнакомцами, происходящее в реальном мире или в виртуальном, не заменяет человеческой близости. Порой это даже опасно, потому что незнакомцы не всегда бывают теми, кем кажутся. Ток-шоу и подобные формы развлечений представляют собой опиум для масс, а на самом деле не решают никаких психологических и социальных проблем. Некоторые из них могут даже подать зрителям любопытные и далеко не всегда здоровые идеи о том, как обходиться с другими.

В США, как и в любом другом современном обществе, многие специалисты по психическому здоровью мало чем отличаются от шарлатанов. Самые лучшие и честные из них с готовностью подтверждают, что их возможности помочь пациентам ограничены. Некоторые люди утверждают, что от психологической индустрии больше вреда, чем пользы. Эта отрасль изобретает множество новых синдромов, о которых прежде

¹¹⁸ См., например: University of Alaska, Justice Center, “Death Row”, n.d., (<http://justice.uaa.alaska.edu/death/deathrow.html>) — здесь можно найти статистику и детальное описание того, как это происходит от Алабамы до Вашингтона.

не слышал никто и нигде, и обращает клиентов в жертв, чтобы привязать их к своим услугам¹¹⁹. В США, как и в любой другой современной стране, юристы необходимы, и многие из них действительно помогают тем, кто может позволить себе купить их услуги, чтобы отстоять свои «права» от посягательств и частных лиц, и организаций. В то же время число адвокатов, агрессивно выискивающих клиентов и «нацеливающихся» на организации, означает, что судебные иски здесь возбуждаются чаще, чем где-либо еще; кое-кто полагает, что стремление любую социальную проблему превратить в правовую представляет собой одну из наименее привлекательных черт американского общества.

Американцы действительно создают объединения. Но большинство этих объединений, и в том числе и некоторые религиозные, основаны на почти неприкрытом личном интересе. Замешенные на эгоизме, они не в состоянии предоставить своим членам полноценную эмоциональную поддержку. И это тем более верно, что они (как и многое другое в американской жизни) недолговечны и им недостает сплоченности. Какой эмоциональной поддержки можно ожидать от такого чисто американского института, как церковь, в которой прихожане не выходят из автомобилей? Светские мероприятия организуются с величайшей церемонностью и продуманы до мельчайших деталей. Внешне царит дружелюбие, добродушие и дух сплоченности. Люди обнимаются и похлопывают друг друга по спине, чему порой способствует изрядное количество разносимых напитков. На самом деле эта сплоченность зачастую фальшива. Здесь царят стремление обставить других, острее соперничество и взаимная недоверчивость; попытавшись найти здесь истинную дружбу, можно превратиться в объект насмешек¹²⁰.

Некоторые авторы высказывают предположение, что готовность и умение американцев совместными усилиями создавать всякого рода ассоциации имеет источником отношения равенства и сотрудничества, воспитываемые в раннем возрасте

¹¹⁹ Из новейших работ на эту тему см.: T. Dineen, *Manufacturing Victims; What the Psychological Industry is Doing to People*, Westmount, Davis, 2000.

¹²⁰ Чрезвычайно интересные замечания об этом см. в книге: McWilliams, *The Idea of Fraternity in America*, pp. 82—84, 523.

в семейной атмосфере равенства и сотрудничества¹²¹. В действительности, как мы вскоре увидим, многие американские семьи можно назвать как угодно, но только не раем и не тихим пристанищем для их членов; даже если согласиться с вышеприведенным утверждением, можно показать, что причинно-следственная связь действует и в обратном направлении. Вполне может быть, что привычки, изначально сформированные внутри семьи, затем выносятся вовне, в другие организации. Но равным образом возможно и то, что многие характеристики американских организаций привносятся в семьи, из которых выходят люди¹²², превращая их в нечто такое, что иностранцы, привыкшие к более стабильному, более иерархичному и — да, да! — более патриархальному обществу, вряд ли вообще смогут признать семьей.

И, наконец, следует сказать, что все это неслучайно. Фактором, который обеспечивал сплочение людей, всегда и везде были общие страдания, особенно страдания от угнетения, от войн и кровопролитий. Пожалуй, настоящим ключом к пониманию американского общества является тот факт, что сколь бы тяжкой зачастую ни была жизнь, главным источником страданий и американцев, и иностранцев, были сами американцы. Сначала они причиняли страдания индейцам, потом неграм — рабам и свободным, а превратившись в самую могущественную империю в истории, они причинили страдания множеству людей по всему миру. Очень часто это делалось в наказание за некие преступления, либо во имя высоких и возвышенных идеалов. Американский путь всегда вел вверх, туда, где небо. В сравнении с гражданами других стран, в целом американцы имели все основания быть довольными своей судьбой. В каком-то смысле страдание есть нечто глубоко чуждое Америке — если страдание длится долго, если винить в нем некого, кроме самого себя, или если оно воспринимается как собственная вина и если вместо того, чтобы быть триумфально преодоленным, оно переносится со смирением и терпением.

Это не значит, что американцы неспособны проявлять солидарность. Цифры говорят однозначно: ни один народ не рас-

¹²¹ Ledeen, Michael A. *Tocqueville on American Character*. New York: St. Martin's Press, 2000, pp. 113—116.

¹²² См. об этом: de Tocqueville, *Democracy in America*, ii, pp. 202—208. [Рус. пер.: Токвиль А. де. Указ. соч. С. 425—428.]

ходует на благотворительность больше американцев¹²³. Список благотворителей возглавляют Рокфеллеры, Вандербильты, Карнеги, Форды, Стэнфорды и Джоны Хопкинсы этого мира. В ходе одной только акции Билл Гейтс пообещал дать 750 млн долларов на вакцинирование детей в развивающихся странах¹²⁴. Ненамного отстает второй по богатству человек в мире, Уоррен Баффет. Среди очень богатых людей пожертвования считаются почти долгом, это способ оправдать свое богатство дарами в пользу церквей, музеев, фондов, школ и университетов (после чего они нередко получают имя жертвователя). Для некоторых дарителей благотворительность — это разновидность страховки от невзгод. Некоторых привлекает увеличение личного влияния в виде присутствия в попечительских советах престижных организаций. Других интересуют налоговые льготы, которые могут оказаться очень значительными, если нанять подходящего бухгалтера¹²⁵. Если верить утверждению, что на благотворительность жертвуют не менее 94% тех, кто зарабатывает более 100 000 долларов в год, нужно признать, что великодушные небогатых людей еще поразительнее. Они похожи на официанта, который, зарабатывая 7 долларов в час, сам платит за постоянного клиента, оставшегося без гроша¹²⁶.

Обычное для американцев состояние изолированности не мешает им порой действовать сплоченно и испытывать общие чувства. Хорошими примерами являются легенды, возникшие вокруг доблестного поведения Континентальной армии в Вэлли-Фордж и во время обороны крепости Аламо. Другие примеры — сохранение духа Конфедерации в течение полутора столетий после Гражданской войны во многих южных штатах и сплоченность общества во время и после войны 1941—1945 гг.¹²⁷. Не менее замечателен взлет солидарности, охва-

¹²³ См. некоторые данные в работе: Lipset, *American Exceptionalism*, pp. 70—71.

¹²⁴ J. Hempel, "Gates' Booster for Kids' Health", *Businessweekonline*, 26.1.2005.

¹²⁵ F. Ostrower, *Why the Wealthy Give; The Culture of Elite Philanthropy*, Princeton, N.J., Princeton University Press, 1995, pp. 12—16.

¹²⁶ Ehrenreich, *Nickel and Dimed*, p. 20.

¹²⁷ J. W. Jackson, *Valley Forge; The Pinnacle of Courage*, Gettysburg, PA., Thomas publications, 1992; F. Thompson, *The Alamo*, San Diego, CA, Thunder Bay Press, 2002; L. Jacobs, *Cry, Heart; Stories*

тившей США после 11 сентября, когда многие проявили пренебрежение к опасности и помогали друг другу чем только могли, даже в мелочах. Одна американка рассказала мне совсем уж поразительную историю, свидетельницей которой она стала в этот день. Застигнутая событиями на полдороге в Нью-Йорк, она обнаружила, что многие гостиницы, причем бесплатно, пополнили свои запасы туалетной бумаги, чтобы помогать тем, кого, как ее, беда застала врасплох. Словом, когда требуют обстоятельства, американцы способны к сплочению не меньше других. Их проблема и их счастье в том, что такие ситуации случаются редко, длятся недолго и быстро забываются, когда возобновляется повседневная суэта.

Американцам повезло с самого начала, когда в их почти исключительное распоряжение попала огромная страна, сравнительно мало подверженная таким природным катастрофам, как наводнения и землетрясения (на фоне, скажем, Чили и Шри-Ланки). Даже в колониальный период им повезло с властью, которая, при всех ее действительных и воображаемых недостатках, твердо руководствовалась самой передовой системой права своего времени и обеспечивала большую свободу, чем любая другая на Земле. Развиваясь в рамках этой системы правления, они раньше всех сумели превратить ее в то, что Линкольн назвал властью «народа, силами народа и для народа», и это преимущество они сумели сохранить до нашего времени. Добавим к этому изобилие природных ресурсов, сделавшее возможным процветание, и не имеющий равных в истории рост населения, а также, как будет сказано далее, благоприятное географическое положение, превращающее практически любую войну в забаву, а любые разговоры о вторжении извне в шутку, настолько неудачную, что только американцы способны ее оценить. В свете всего этого вопрос о том, как американцы стали богатыми и могущественными; просто нелеп. Правильнее поставить вопрос так: как американцы, при всех этих преимуществах, сумели превратить свою страну в ад, которым она во многих отношениях является с социальной точки зрения.

Глава 4

ВОЙНА ПОЛОВ

Война полов, говорит Джордж Оруэлл в романе «Да здравствует фикус» [*Keep the Aspidistra Flying*, 1932], есть не что иное, как шутка. Этого не скажешь про США, где война эта ведется и, возможно, велась всегда с удручающей серьезностью. В этой битве есть четкая линия фронта, подобной которой не найти нигде, и она существует вопреки тому, что, несмотря на частоту разводов, более чем девять из десяти американцев в конце концов вступают в брак с лицом противоположного пола. Очень многие американки ненавидят американских мужчин и завидуют им, и для этого у них есть веские основания. Очень многие американские мужчины живут в страхе перед американскими женщинами, но что у них тоже, как мы увидим далее, есть веские основания. И вовсе не случайно своеобразные отношения между полами встроены в самую конструкцию американской политической и, так сказать, социально-экономической жизни. Все это восходит к первым годам существования республики, если не к более раннему периоду, и как бы ни изменялись формы этого противостояния, нет сомнения, что оно сохранится и в будущем.

Начнем с ряда биологических фактов, роднящих американцев, какими бы исключительными они себе ни казались, с другими людьми¹. В среднем женщины, в том числе предположительно и американские, обладают лишь 70% физической силы мужчины и лишь 50% процентами силы верхней половины тела. Меньший объем легких, тонкие и менее крепкие кости делают их менее приспособленными для бега, прыжков, подъема и

¹ См.: B. Mitchell, *Women in the Military; Flirting with Disaster*, Washington D.C., Regnery, 1998, pp. 140—145 (касательно физических различий) и S. Goldberg, *Why Men Rule: A Theory of Patriarchy*, Chicago, IL, Open Court, 1996, особенно pp. 77—102 (касательно психических особенностей, связанных с уровнем тестостерона).

переноса тяжестей, а также для выдерживания ударов. В силу своих анатомических особенностей они более уязвимы для грязи и сопутствующих инфекций. Если заставить женщину, даже американскую суперженщину, работать слишком напряженно, содержание жира в ее организме упадет настолько, что результатом станут сначала аменорея, а потом, возможно, бесплодие и остеопороз. Она может заболеть даже из-за того, что длительное время будет лишена возможности мыться, по какой-либо причине на протяжении большей части истории продолжительность жизни женщин была короче, чем у мужчин. Даже в современном обществе, где большинство людей больше не занимаются физическим трудом, женщины в среднем менее пригодны для решения любых задач, требующих исключительной выдержки и энергии. И это тем вернее, чем тяжелее условия, в которых решается задача².

В прежние времена женщин порой именовали «слабым полом». Сегодня большинство исследователей согласны с тем, что женщины в среднем менее склонны к состязательности, менее напористы и менее агрессивны, чем мужчины, что доказывается уже тем фактом, что некоторые из них ходят на специальные курсы «самоутверждения». Отчасти, как настаивают прежде всего американские феминистки, это может быть результатом воспитания. Большинство мужчин не станут жениться на женщинах, которых сочтут более напористыми, чем они сами. Цитируем Жан-Жака Руссо, имевшего репутацию бабника: «Дамы, чем больше вы будете походить на нас, тем менее желанными вы для нас станете». Поэтому женщин и учат соответствующему поведению — скажем, держать коленки вместе, не смотреть мужчинам в глаза и не вступать с ними в споры. Но в основном это результат гормональных различий: в крови средней здоровой женщины присутствует только 10% того количества тестостерона, которое имеется в крови среднего здорового мужчины³. Наконец, именно женщины всегда зачинали, вынашивали и

² Хороший обзор физических различий, многие из которых подробно исследованы специалистами вооруженных сил, см. в: B. Mitchell, *Women in the Military: Flirting with Disaster*, Washington D.C., Regnery, 1998, 143—145, 199—214, 221—222.

³ Хороший обзор предмета см. в: S. Goldberg, *Why Men Rule: A Theory of Male Dominance*, Chicago, IL, Open Court, 1994.

рожали младенцев. Самки человека, как всех млекопитающих, несут основную ответственность за вскармливание детей и заботу о них в раннем детстве, когда те особенно уязвимы. Учитывая беспомощность младенцев, бремя воистину тяжкое. И нести его приходится намного дольше, чем у других видов млекопитающих.

В Америке, как и везде, сочетание относительной физической слабости, меньшей агрессивности и необходимости вынашивать и рожать детей имеет далеко идущие последствия для жизни большинства женщин. То же самое относится к необходимости растить детей (даже если речь идет о чужих детях — в случае воспитательниц детских садов и школьных учительниц). Чтобы выполнить функцию размножения и вскармливания и даже чтобы просто выжить в мире мужчин, которые в среднем сильнее физически, женщины нуждаются в особой защите, которой мужчины обычно лишены. Однако такая защита всегда и везде сопряжена с определенными издержками, а точнее, с неравенством и некоторым ограничением свободы. В обществах, основанных на неравенстве (какими были все общества до 1776 года), это не составляло серьезной проблемы. Подобно большинству мужчин, большинство женщин оставались членами того же класса, к которому принадлежали их родители. Подобно большинству мужчин, они обычно стремились сохранить принадлежность к этому классу, хотя исключительная красота и другие дарования порой предоставляли женщине возможность подняться по социальной лестнице, так же, как подвиги — мужчинам. Принадлежа к любому из классов, они до известной степени пользовались его «свободами», в частности, когда приходилось отстаивать эти свободы в отношении мужчин (и женщин) более низких классов.

В отличие от мужчин, у женщин был, однако, собственный, особый статус — статус, который вел их по жизни иной дорогой. Например, женщины, даже обладая достаточными умственными способностями и знатным происхождением, обычно не могли выполнять основные функции знати, такие как функции правителя (разве что у дамы не было братьев) или воина. Будучи племянницей священника, женщина не могла сама стать священником, тогда как его племянник нередко шел по стопам дядюшки. Женщины-буржуа обычно не могли участвовать в работе городского самоуправления сами,

а только через своих отцов, мужей или бывших мужей. То же самое относится к членству в гильдии. Вообще говоря, женщин принимали в гильдии, но только в порядке исключения. В большинстве случаев только вдова могла взяться за ремесло своего покойного мужа, да и то лишь после того, как выйдет замуж за другого члена гильдии.

Если в некоторых отношениях принадлежность к женскому полу была помехой, то в других она же давала особый, своего рода привилегированный статус. Минанкабау, горцы Западной Суматры, обычно объясняли это так: «Женщинам должны быть предоставлены права, потому что они слабы»⁴; до Гражданской войны сходные идеи преобладали на американском Юге⁵. И они не оставались в сфере идей, но влияли на практику. Уже в Древнем Египте женщины были избавлены от таких самых тяжких наказаний, как предписанные законом отрубание частей тела и сажание на кол⁶. В раннем Средневековье по Салическому закону убийство беременной женщины каралось большим штрафом, чем убийство мужчины; фактически мужчина мог быть наказан за простое прикосновение к свободной женщине⁷. Во многих обществах закон запрещал женщинам обращаться с иском в суд, но запрещал и их судебное преследование. В других обществах ответственность за преступления женщин ложилась на мужей и других родственников мужского пола — в Европе такое положение сохранялось вплоть до XIX века; в некоторых странах смертная казнь для женщин была отменена задолго до того, как ее отменили и для мужчин. В этом и во многом другом женщины выпадали из классовой системы просто потому, что они женщины: они одновременно и были и не были ее частью. Карл Маркс в связи с этим писал, что буржуазия эксплуатирует как женщин своего класса, так и женщин трудящего-

⁴ Цит. по: P. R. Sanday, "Gender in Minangkabau Society", in P. R. Sanday and R. G. Goodenough, eds., *Beyond the Second Sex*, Philadelphia, PA, University of Pennsylvania Press, 1990, p. 149 (курсив оригинала).

⁵ G. Fitzhugh, *Sociology for the South* (Richmond, Morris, 1854) pp. 214–215.

⁶ G. Robins, *Women in Ancient Egypt*, London, British Museum, 1993, p. 117.

⁷ K. F. Drew, ed., *The Laws of the Salian Franks*, Philadelphia, PA, University of Pennsylvania Press, 1991, pp. 117, 127.

ся класса⁸. А один известный историк отозвался о женщинах европейского Средневековья, как о «четвертом сословии»⁹, имея при этом в виду то, что они, не входя ни в одно из трех других сословий, при этом были столь же важны, как все три, вместе взятые.

Иными словами, то, что женщины устроены иначе и соответственно обладают иным статусом и иными (неравными) правами, не нарушало принципов, на которые опиралось общество, а, наоборот, усиливало эти принципы и иллюстрировало их применение. Совсем иначе обстоит дело в обществе, претендующем на всеобщее равенство в правах, а также на свободу и справедливость. Учитывая биологические различия между мужчинами и женщинами, такое общество, не терпящее ни дискриминации, ни особых привилегий, делает проблему трудноразрешимой. Именно потому эта проблема и занимала еще Джона Локка. Как мы видели, для политической философии Локка идея равенства людей была основополагающей. Если женщины тоже равны, значит, исчезает законная основа для власти отца в семье, а это ведет к распаду самого института семьи. Более того: в этом случае женщин (хотя Локк и не говорит об этом прямо) следует наделить теми же политическими правами, что и мужчин, а для него и для всех предыдущих поколений эта мысль представлялась фантастикой. Будучи не в состоянии разрешить дилемму, Локк с некоторым смущением рассудил, что Господь в книге Бытия назначил Еве быть «в подчинении» у своего мужа. А познакомившись с описанием недавно открытых неевропейских обществ и увидев, что такое подчинение наличествует повсеместно, он объявил, что «для этого есть основания в природе»¹⁰.

Как сформулировал в Декларации независимости Томас Джефферсон: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все *люди* созданы равными» (курсив мой. — М. К.). Употребив слово «люди» (*men*), имел ли он в виду также и женщин

⁸ K. Marx and F. Engels, *Manifesto of the Communist Party* [1848], New York, N. Y., International Publishers, 1948, p. 27. [Рус. пер.: Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 4. С. 444.]

⁹ S. Shachar, *The Fourth Estate*, London, Routledge, 1983, pp. 1–3.

¹⁰ J. Locke, *First Treatise on Government*, in P. Laslett, eds., *Two Treatises on Government*, Cambridge, Cambridge University Press, 1960, book I, 47. [Рус. пер.: Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения в 3 тт. Т. 3. М.: Мысль, 1998. С. 173.]

(*women*)? В политической перспективе ответ, конечно, отрицательный. Ни в Декларации независимости, ни в Конституции США ничего не сказано о том, что женщинам должно быть предоставлено право голоса, право занимать государственные должности или быть членом коллегии присяжных в суде; потребовалось еще более ста лет, прежде чем они наконец стали частью «народа» в этом смысле. С другой стороны, поскольку выражение «люди» часто означало и женщин — например, как в высказывании Джеймса Мэдисона, сказавшего, что конституция не должна признавать идею, что возможно «право собственности на людей»¹¹ — нельзя ли исходить из того, что подобное истолкование по крайней мере не противоречит языку этого документа? Вероятно, да: ученые все еще спорят об этом¹².

Иными словами, противоречие между всеобщим равенством и свободой, с одной стороны, и особым статусом женщин, с другой, существовало с первой же минуты возникновения США. Поздравив в письме мужа с достижением независимости, Абилай Адамс, жена будущего президента Джона Адамса, выразила надежду, что Континентальный конгресс, членом которого он был, может освободить женщин от мужской тирании¹³, но ответом ей была лишь шутливая отговорка. Поскольку закон никогда не разрешал продавать и покупать женщин, они никогда не рассматривались как частная собственность. С другой стороны, поскольку женщины никогда не имели равных прав с мужчинами, правы те, кто видит сходство между их положением и положением рабов. Это объясняет, почему в период перед Гражданской войной все лидеры американских феминисток были еще и убежденными аболиционистами.

Как мы видели, сама американская история в значительной степени является историей растущей демократизации: одна группа за другой предъявляли требования о правах и в конце концов получали их. Поэтому со временем указанное протививо-

¹¹ Цит. по: P. Finkelman, "Slavery and the Constitutional Convention", in R. Beeman et al., eds., *Beyond Confederation: Origins of the Constitution and American National Identity*, Chapel Hill, N.C., University of South Carolina Press, 1987, p. 195.

¹² См. об этом: A. Jayne, *Jefferson's Declaration of Independence; Origins, Philosophy and Theology*, Lexington, KE, University Press of Kentucky, 1998, pp. 124—126.

¹³ Цит. по: Carroll and Noble, *The Free and the Unfree*, p. 15.

речие обострялось, и один из аргументов суфражисток в конце XIX века был именно таков: если право голоса предоставлено мужчинам - неграм, то его заслужили и женщины¹⁴. Сама природа американского общества и мировоззрение, на которое оно опирается, делали неизбежным конечный провал любой попытки обращаться с женщинами *quia** с женщинами, поскольку сами женщины откажутся занять «надлежащее» положение — точнее говоря, любое положение, отличное от положения мужчин. С 1639 года, с того момента, когда Энн Хатчинсон вступила с лидером пуритан Джоном Коттоном в спор о роли и поведении женщин в обществе (и за свои усилия была привлечена к суду), война между полами стала частью системы. Оглядываясь на два прошлых столетия, на самом деле задаешься вопросом: почему эта война не перешла в открытую форму еще раньше и не велась с еще большей яростью.

Противоречие между особым статусом женщин, с одной стороны, и всеобщими правами, с другой, — вовсе не единственный фактор, делающий жизнь американских женщин необыкновенно трудной. Как мы видели, еще одним столпом американской жизни, помимо равенства, является успех. Предполагается, что успех есть результат упорного труда. Как сказал Теодор Рузвельт: «Идти в мир, чтобы бороться, и отступать, и опять вставать, идти дальше и вновь и вновь повторять попытки, падать в изнеможении и опять идти, преодолевая трудности, и, поправ все препятствия, проложить путь к великолепному окончательному триумфу»¹⁵. Должны ли женщины тоже падать в изнеможении? Оставим в стороне все моральные возражения и предположим, что ответ — «да». Как в этом случае быть с ее способностью рожать? Физические и анатомические особенности безусловно объясняют, почему в Америке, как и повсюду, очень немногие женщины занимаются самыми грязными, тяжелыми и рискованными видами труда. Гормональные особенности, а также необходимость

¹⁴ О сложной взаимосвязи между правом голоса для женщин и для негров см.: A. S. Kraditor, *The Ideas of the Woman Suffrage Movement, 1899—1920*, New York, N.Y., Anchor Books, 1965, pp. 110, 114, 138, 140—141, 149, 153.

* Здесь: именно как (*лат.*). — *Ред.*

¹⁵ Цит. по: J. O. Robertson, *American Myth, American Reality*, New York, N.Y., Hill & Wang, 1980, pp. 185—186.

тратить время на то, чтобы вынашивать, рожать, нянчить и растить детей, вероятно, объясняют, почему почти все высокопоставленные должности занимают мужчины.

Так, после 1920 года на выборах президента США в 20 кампаниях из 22 в избирательном бюллетене не было ни одной женщины (только Уолтер Мондейл выбрал женщину своим вице-президентом и проиграл выборы, хотя, возможно, по другим причинам). Только в 1974 году первая женщина стала губернатором штата. В 2001 году женщинам принадлежало всего 10% мест губернаторов и 13% мест в Конгрессе, т.е., как считают некоторые социологи, они представлены в высших органах власти на «символическом» уровне¹⁶. Правда, у Хиллари Клинтон есть шанс стать президентом. Однако опыт таких стран, как Израиль и Великобритания, свидетельствует, что нечастое присутствие женщины на высшем государственном посту не меняет баланса между полами, и такие женщины не уменьшают степени патриархальности системы, а становятся ее частью и способны даже укрепить ее. Женщины занимают менее 5% руководящих постов в компаниях из списка Fortune 500¹⁷, а на высших исполнительных должностях этих компаний их только 1,2%¹⁸. Вообще говоря, в университетах и в свободных профессиях ситуация точно такая же¹⁹. И эти цифры лишь ненамного более сбалансированы, чем в других развитых странах. Разница лишь в том, что США — общество успеха *par excellence*, а поэтому меньшая способность средней женщины участвовать в соперничестве надежнее всего обеспечивает ей здесь статус второго сорта.

В то, что богатство является наградой за усердный труд, в Америке верят свято. В Америке богатство в гораздо большей степени, чем что-либо еще, является тем самым мерилom,

¹⁶ R. M. Kanter, *Men and Women of the Corporation*, New York, N.Y., Basic Books, 1977, p. 258.

¹⁷ По данным из: B. Friedan, *Life So Far*, New York, N.Y., Simon & Schuster, 2000, p. 363.

¹⁸ R. Gomez, "Women Slowly Moving Up", *The Seattle Times*, 19.11.2002 (<http://archives.seattletimes.nwsourc.com/cgi-bin/texis.cgi/web/vortex/display?slug=womenexecs19&date=20021119>).

¹⁹ V. Valian, *Why So Slow? The Advancement of Women*, Cambridge, MA, MIT Press, 1999, p. 214; Rosemary Pringle, *Sex and Medicine: Gender, Power and Authority in the Medical Profession*, Cambridge, Cambridge University Press, 1998, pp. 4–5.

по которому общество оценивает и судит людей. Женщинам труднее разбогатеть собственными усилиями хотя бы потому, что, как убедительно показали два американских профессора женского пола, массовый допуск женщин в любую профессию открывается лишь после того, как ее экономическая привлекательность начинает падать²⁰. Даже сегодня, после десятилетий усилий и бесконечных антидискриминационных законов, средняя американская женщина зарабатывает лишь три четверти того, что зарабатывает средний американский мужчина²¹. В этих расчетах не принимается во внимание то, что, с учетом времени на роды и вскармливание, а также более раннего выхода на пенсию, женщины гораздо меньше времени находятся в составе рабочей силы (в статистическом смысле). Если же учесть и эти факторы, то реальный разрыв между полами оказывается еще больше. За время всей жизни он может составить несколько сотен тысяч долларов. Опять-таки неспособность большинства женщин зарабатывать столько же, сколько мужчины, делает их жизнь очень тяжелой. Причинно-следственная связь действует и в обратную сторону. В семьях, где муж зарабатывает очень много, работающие жены столь же редки, как рыбы на дереве. Понимая, что победа в соперничестве им не светит, эти женщины выбирают светскую жизнь, посвящают усилия своей внешности или занимаются благотворительностью.

Встречаются женщины, которые буквально кровью и потом и очень часто ценой отказа от брака и/или детей²² умудряются сделать карьеру и разбогатеть собственными силами. Однако шесть из семи таких женщин на том или ином этапе сходят с дистанции. В результате мужчин, зарабатывающих доход, выражаемый шестизначным числом, впятеро больше, чем женщин. А среди зарабатывающих доход, выражаемый

²⁰ B. F. Reskin and P. A. Roos, *Job Queues, Gender Queues: Explaining Women's Inroads into Male Occupations*, Philadelphia, Pa., Temple University Press, 1997, особенно pp. 122—125, 133—141, 157—163, 175—181, 193—202.

²¹ По данным из работы: A. Crittenden, *The Price of Motherhood: Why the Most Important Job in the World is Still the Least Valued*, New York, N.Y., Holt, 2001, p. 93.

²² См. статистику в работе: S. A. Hewlett, *Creating a Life: Professional Women and the Quest for Children*, New York, N.Y., Talk Miramax, 2002, pp. 33—34.

семизначным числом, их больше вдесятеро. Если взять обратную сторону той же монеты, то обеспеченные женщины чаще, чем мужчины, живут на доход от инвестиций²³. Большинство женщин в списке самых богатых американцев въехали туда на плечах своих родственников мужского пола. Только около 1900 года появилась первая женщина, своими трудами ставшая миллионершей²⁴.

Даже в 2003 году в публикуемом Forbes списке ста самых высокооплачиваемых руководителей американских корпораций не было ни одной женщины (гендиректор компании *Hewlett-Packard* Карлтон Фиорина заняла только 116-е место, но с тех пор ее уволили и заменили мужчиной). В том же году в списке двадцати пяти самых богатых американцев оказалось шесть женщин, что весьма солидный показатель²⁵. Есть, однако, существенная разница. Начиная с основателя *Microsoft* Билла Гейтса и далее по списку, большинство мужчин попали в этот перечень благодаря собственным усилиям, а среди женщин, из которых самыми богатыми были дочери покойного Сэма Уолтона, основателя корпорации *Wal-Mart*, таких не было вовсе. А перечень двадцати пяти самых «бедных» миллиардеров (всего по одному миллиарду на каждого) еще поучительнее. В 2006 году в нем не было ни одной женщины²⁶.

В других странах меньшая конкурентоспособность женщин до известной степени компенсируется обществом, семьей, системой социального обеспечения или сразу всеми тремя. Это в меньшей степени применимо к Америке, где власть, если не считать бывших рабовладельческих южных штатов, никогда не была ни феодальной, ни наследственной. Поэтому граница между частным и государственным была здесь проведена раньше и куда более четко, чем где-либо еще. Например, во многих обществах, от Древнего Египта до феодальной Европы, суще-

²³ С. Goldin, "Career and Family: College Women Look to the Past", *National Bureau of Economic Research Digest*, Washington D.C., December 1995; Stanley and Danko, *The Millionaire Next Door*, pp. 179–180.

²⁴ Ее краткую биографию см. на сайте: http://en.wikipedia.org/wiki/Madam_C.J._Walker.

²⁵ www.forbes.com/richlist2003/rich400land.html.

²⁶ Forbes special report, 21.9.2006 (http://www.forbes.com/lists/2006/54/biz_06rich400_The-400-Richest-Americans_Rank_16.html).

ствовали правила, согласно которым вдовам должностных лиц нередко было позволено до конца жизни занимать дом покойного мужа. В Америке такого рода права либо не существовали с самого начала, либо были быстро отменены. Здесь все, что принадлежит государству, находится только в распоряжении правительства и подлежит строгому учету. Если же кто-либо вопреки закону попытался бы войти в личные обстоятельства вдовы, это был бы вернейший путь к скандалу и судебному преследованию. Здесь невозможно и помыслить о том, чтобы приемник некоего должностного лица получил должность на условии кормить вдову своего предшественника или даже жениться на ней. А ведь подобная, чрезвычайно древняя система, как это ни поразительно, действовала еще в Испании XVIII века²⁷.

Что касается семьи, то в Америке она никогда не существовала в расширенной форме. Здесь никогда постоянно не жили под одной крышей внуки, дети, родители, приемные и двоюродные родственники. По причинам, описанным в предыдущей главе, даже нуклеарная семья была и остается довольно слабой. По традиции сыновья оставляют родительское гнездо не позднее чем в 18—19 лет. В наши дни, когда женщины стали, подобно мужчинам, посещать колледж, то же самое происходит в отношении дочерей. Семьи недавних иммигрантов отличаются большей стабильностью, но во втором или третьем поколении ассимилированные отпрыски поворачиваются спиной к старшим. Так велики расстояния и так высока географическая мобильность, что люди зачастую даже при всем желании не в состоянии помогать родственникам, более того, это потребовало бы смены места жительства и всего образа жизни. Наконец, в обществе, в котором женщинам не помогают ни семья, ни старомодный патернализм, в лямку могло бы впрячься правительство. Но нет: американская система пособий и трансфертных платежей самая слабая среди всех развитых стран, не считая Японии.

Вместе взятые, все эти факторы ставят американскую женщину в уникальное положение. В отличие от других стран, в том

²⁷ Описание того, как это было организовано, см. в: G. Robins, *Women in Ancient Egypt*, London, British Museum 1993, p. 134; Joan Sherwood, *Poverty in Eighteenth Century Spain: the Women and Children of the Inclusa*, Toronto, University of Toronto Press, 1998, pp. 46—47.

числе самых развитых, в Америке нет ни патерналистского правительства, ни такой семьи, ни такой системы социального обеспечения, которые могли бы поддержать женщин экономически. В обществе, столь сильно ориентированном на личную предприимчивость, соперничество и успех, шансов подняться наверх у них немного. Более уязвимые для неудач, они не очень-то могут рассчитывать на помощь. Другие, более традиционные общества часто стремятся облегчить эти проблемы тем, что отводят женщинам особую нишу, в которой, ценой отказа от полной свободы и равенства, они получают известную защиту от суровости жизни, с которой сталкиваются мужчины. В Америке женщины, живущие без мужской поддержки, с большой вероятностью оказываются в числе первых жертв.

Женщинам приходится трудно не только в общественной жизни и в сфере экономики. Наоборот, проблемы проникают и в самые интимные сферы их жизни. Все-таки это общество чужаков, где каждому приходится все время следить за собой. Поэтому женщинам приходится труднее, чем мужчинам; в конце концов, мужчина может компенсировать непривлекательную внешность своими достижениями. Как довольно детально — разумеется, преследуя при этом собственные политические цели, — показала феминистка Андреа Дворкин²⁸, во многих культурах женские половые органы воспринимаются как источник нечистоты. «Кровь», «испражнения», «слизь», «зловоние» — вот лишь несколько слов, всплывающих в связи с этим предметом в памяти. Что бы ни делали женщины, говорит Дворкин, им не удастся избавиться от запаха влагища. Другие культуры так или иначе смирились с этими вещами. Но только не американцы, которые — в свойственном им стиле шоу на тему «Ты можешь это сделать!» — взялись изменить и это.

С того момента, как в 1890-е гг. началось массовое производство гигиенических прокладок, которые вначале были слишком дороги для общего пользования²⁹, ни одна американ-

²⁸ A. Dworkin, *Intercourse*, New York, N.Y., Free Press, 1987, pp. 183–185.

²⁹ См.: J. J. Brumberg, “‘Something Happens to Girls’: Menarch and the Emergence of modern American Hygienic Imperative”, in J. W. Leavitt, ed., *Women and Health in America*, Madison, WI, University of Wisconsin Press, 1999, pp. 156, 157.

ская девочка не избежала рекламного обстрела. К 1940 году индустрия красоты стала десятой отраслью по величине оборота {День и ночь перед глазами женщин проходят бесчисленные кремы, пудры, сорта мыла, шампуней, кондиционеров, дезодорантов, антиперспирантов, освежителей дыхания, тампонов и других средств гигиены, а остальное им вколачивают в мозги через электронные средства звуковой информации. Каждое рекламное объявление прославляет идеал только что сошедшей с конвейера, упакованной в целлофан красоты, которая если кому и доступна в реальности, то лишь горстке избранных и к тому же всего на несколько лет. Каждый такой ролик утверждает, что если женщина не купит и не использует эти изделия, то всякий ее шаг будет вызывать омерзение окружающих. Каждый сулит, что если она не будет поступать, как ей велят, то рискует никогда не найти мужчину или потерять того, который уже есть, из-за другой женщины, которая лучше следит за собой.

Мужчины тоже попадают под огонь: не будешь бороться с выпадением волос — не получишь желаемую работу. Но нет сомнений, что главной жертвой американского отношения к телу являются женщины. Девять из десяти косметических операций проводятся на женщинах. Каждое десятилетие появляются новые процедуры: к подтяжке лица, увеличению груди и липосакции прибавились улучшение формы нижней губы, сужение влагалища и расширение точки «джи». Здесь, как и всегда, весь мир идет по пути, прокладываемому Америкой.

Почти во всех известных обществах потребность в гарантии, что дети действительно происходят от своих отцов (так чтобы отцы были обязаны о них заботиться), вела к наложению ограничений на женскую сексуальность. Обычно эти ограничения относились ко внешнему виду. Например, женщин заставляли носить особые «скромные» одежды, от покрывала и *бурки** до длинных юбок викторианской эпохи. Тем, чьи мужья были богаты достаточно, чтобы жена не трудилась, могли запретить покидать дом, не говоря уж о занятиях, предполагающих общение с мужчинами. Некоторые общества доходили до того, что казнили женщин, нарушивших сексуальные запреты. Чтобы пресечь аморальное поведение в зародыше, почти во всех

* Длинное платье-покрывало, укутывающее мусульманку от макушки до пят. — *Ред.*

обществах мальчиков и девочек лет с шести или семи лет воспитывали отдельно. Очень часто им позволяли встретиться вновь только во время свадьбы или незадолго до нее.

В Америке, где господствующая идеология обещает свободу и равенство каждому, наложить или сохранить подобные ограничения было намного труднее. Отчасти причиной тому стала так называемая «европейская модель брака», которая с самого начала преобладала в Америке³⁰. В большинстве обществ прошлого и во множестве современных обществ девочек выдавали замуж к 14—15 годам за мужчин, которые были значительно старше. Тот факт, что в Америке брачный возраст женщин увеличился до 18—21 года, привел к постепенному уменьшению возрастной разницы между мужем и женой, так что в конце концов она стала одной из самых маленьких в мире, отчего руководить женой стало еще труднее. Другим фактором опять-таки стала традиция фронта. Характерным признаком обществ фронта является то, что в них каждая пара рабочих рук на счету, а большая часть жизни проходит вне дома³¹. Условия просто слишком суровы, чтобы женщина могла целыми днями сидеть дома, бездельничая или предаваясь развлечениям.

Пока сохранялся фронт — иными словами, на протяжении почти четырех столетий, — старые проверенные методы ограничения женской сексуальности могли применяться лишь с большими оговорками. Во-первых, хотя бы только в силу протяженности расстояний и малой населенности, США стали одной из первых стран, перешедших к совместному обучению мальчиков и девочек — это позволяло экономить расходы³². Затем, просто ради выживания в этих суровых условиях,

³⁰ О европейской модели брака см.: P. J. P. Goldberg, *Women, Work and Life Cycle in a Medieval Economy*, Oxford, Clarendon, 1992, p. 204 ff.; об изменении этой модели в США см.: R. Middleton, *Colonial America; A History, 1585—1776*, Oxford, Blackwell, 1992, pp. 247—276.

³¹ О трудовой деятельности женщин в XIX в. на западном фронте США см.: G. Riley, *The Female Frontier: A Comparative View of Women on the Prairie and the Plains*, Lawrence, KS, University Press of Kansas, 1988, pp. 85, 102—147.

³² См. об этом: J. R. Jeffrey, *Frontier Women: The Trans-Mississippi West, 1840—1880*, New York, N.Y., Hill & Wang, 1979, pp. 195—196.

женщины *должны* были носить удобную одежду вроде шаровар и шляп от солнца. Им *нужна* была свобода, чтобы передвигаться и работать. Они *должны* были заниматься мужскими делами, в том числе нередко владеть оружием, чтобы отстреливаться от индейцев и прочих мародеров, хотя бы для того, чтобы занять место мужчин на время их отсутствия.

Наконец, и опять же в силу столь длительного существования общества фронта, США были единственной промышленно развитой страной, которая вплоть до окончания Второй мировой войны испытывала недостаток женщин. Первоначально дефицит был таким острым, что в XVII веке один пуританский пастор заметил, что даже дурные женщины лучше, чем никаких³³. Не имело смысла и слишком сурово обходиться с согрешившими, потому что женщин стало бы еще меньше, а перспектива устранить дисбаланс отодвинулась бы еще дальше, не говоря об опасности того, что в отсутствие женщин мужчины могут обратиться к преступным методам удовлетворения своих потребностей — именно в этом некоторые видят причину того, что преступления сексуального характера столь долго были столь многочисленны³⁴. Как показывает провал нескольких «утопических» попыток XIX века устроить поселения, в которых практиковалась бы свободная любовь или групповой брак, американские мужчины готовы воспитывать чужих детей ничуть не больше мужчин, принадлежащих иным культурам. Предстояло найти другие методы обуздания сексуальности американских женщин, и во многих отношениях эти методы не слишком годились для того, чтобы сделать Америку страной, где лучше жилось бы и мужчинам, и женщинам.

Начнем с самого интимного вопроса. Ментальность фронта, а также упор на равенство и свободу означали, что американских женщин нельзя было подвергнуть тем ограничениям, которые сковывали их сестер в других краях, да американки и не приняли бы этих ограничений. Вместо этого пришлось убедить их взять на себя ответственность за собственную сексуальную

³³ J. Cotton, *A Meet Help*, Boston, New England, Green, 1699, p. 15.

³⁴ E. S. Morgan, "The Puritans and Sex", in L. W. Levine and R. Middlekauff, eds., *The National Temper: Readings in American Culture and Society*, New York, N.Y., Harcourt, Brace Jovanovic, 1972, p. 36.

защиту и носить ее с собой, как дикобраз носит свои иглы. Вот что написал об этом Токвиль³⁵:

«Ни в какой другой стране девушки в столь юном возрасте столь безоговорочно не предоставлены самим себе.

Задолго до того, как молодая американка достигает брачного возраста, начинается ее постепенное освобождение из-под материнской опеки; еще не совсем перешагнув границу детства, она уже самостоятельно мыслит, свободно высказывается и поступает по своему усмотрению... Таким образом, пороки общества и опасности, таящиеся в нем, очень скоро обнаруживают себя перед ней. Она их ясно видит, трезво оценивает и встречает их без страха, так как уверена в собственных силах...

Как и европейской девушке, ей хочется нравиться, но она точно знает себе цену. И если она и не предается порокам, то по крайней мере в них осведомлена; она скорее нравственно чиста, чем интеллектуально невинна.

Меня часто удивляли и почти пугали та необычайная гибкость и та геройская отвага, с которыми юные американки управляли своими мыслями и речью...

Даже пользуясь полной свободой ранней юности, американка на самом деле никогда не теряет полностью контроля над собой; она наслаждается всеми дозволенными удовольствиями, ни от одного из них не теряя головы...

Американцы... поняли, что в демократическом обществе индивидуальная независимость не может не быть весьма значительной..., что отцовский авторитет слаб, а власть мужа начинает оспариваться.

Учитывая эти обстоятельства, они решили, что у них мало шансов подавить в женщине самые властные из страстей человеческого сердца и что более надежен другой путь — научить женщину самостоятельно бороться с этими страстями. Не имея возможности оградить ее добродетель от множества подстерегающих ее опасностей, они хотят, чтобы она сама знала способы защиты и больше рассчитывала на силу своей свободной воли, чем на расшатанные или разрушенные барьеры запретов».

Токвиль был выходцем из достаточно традиционного, «аристократического» общества, в котором женщин держали в куда

³⁵ *Democracy in America*, ii, pp. 209—210. [Рус. пер.: Токвиль А. де. Указ. соч. С. 428—239.]

более жесткой узде. Его восхитила американская система, и он пришел к выводу: «Если... меня спросят, что я считаю главной причиной необычайного процветания и растущей мощи этого народа, я бы ответил, что вижу ее в чрезвычайно высоком положении американских женщин»³⁶.

Симона де Бовуар сама была женщиной и убежденной феминисткой и, вероятно, в силу этого думала иначе: по ее мнению, независимость американок была скорее видимостью, чем реальностью. Студентки, с которыми она встречалась, могли одеваться в грязные джинсы, как мужчины. Но их потребность в мужском внимании была такова, что при этом они красились «как проститутки». Многие из них претендовали на интеллектуальные интересы, но в своем кругу их престиж зависел от числа и качества свиданий (последнее измерялось толщиной кошелька мужчины и маркой его машины). Американки отнюдь не превращались с малых лет в неизменно осмотрительных и проницательных женщин, как полагал в свое время де Токвиль, но куда бы они ни шли, они несли с собой все запреты и таким образом, объясняет де Бовуар, на всю жизнь оставались незрелыми. Они охотно искушали мужчин, «щедро» принимая и даже провоцируя поцелуи, объятия и поглаживания. Но если возбужденный всем этим мужчина пытался идти дальше, они воспринимали это как посягательство и раздражались слезами³⁷.

Другие европейцы, и мужчины и женщины, были равно заинтригованы тем, что выглядело как загадка сексуальности американских женщин, или ее отсутствия, или, чаще всего, немислимого сочетания того и другого. Среди наиболее заинтересовавшихся был итальянец Марио Солдати (1906—1999).³⁸ В 1920-х гг. Солдати, который после Второй мировой войны стал знаменитым журналистом, кинорежиссером и писателем, провел в США два года и предполагал осесть там окончательно. Этот опыт нашел отражение в книге «Америка, первая моя любовь» (*America, My First Love*, 1935); по ее названию нельзя сказать, чтобы Солдати ненавидел Америку.

³⁶ *Democracy in America*, ii, p. 225. [Рус. пер.: Токвиль А. де. Указ. соч. С. 437.]

³⁷ De Beauvoir, *America Day t Day*, pp. 49, 269, 281—282.

³⁸ О нем см.: R. Ruland, *America in Modern European Literature: From Image to Metaphor*, N.Y.: New York University Press, 1976, pp. 136—144.

Позднее, в более значительной работе 1954 года «Письма с Капри» (*The Capri Letters*), он описывает, как желанны были для него, или для его героя, устами которого он говорит, красивые, изящные, американские блондинки, попадавшие на его пути. Легко одетые и непринужденные в обращении — он имел в виду юных ветрениц, — они вели себя так, будто все еще пребывали в Эдеме. В определенном смысле так оно и было: начни к такой приставать, и она завизжит, будто ее режут. Ему вторит английский писатель Уильям Томсон. В Америке он был окружен ослепительным роем «восхитительных конечностей», «потрясающих ножек», «сисек, попок и животиков». Все они были превосходно одеты, ухожены, загорелы. Но чего ради их демонстрировали? Уж точно «не для любви»³⁹. Один английский наблюдатель даже задумался о том, как вообще американцам удается размножаться⁴⁰.

Проблема заключается в двойственности американок⁴¹. Получив — благодаря сочетанию позднего выхода замуж, идеи равенства и демократии — исключительную свободу, американки стали самыми общительными в истории женщинами. Они могут отправиться куда угодно и когда угодно, днем или ночью, подобно Дейзи Миллер, героине одноименной повести Генри Джеймса, которая отправилась полюбоваться на Колизей в лунном свете в компании со своим итальянским дыхателем, которого называла «близким другом», даже не задумываясь о том, как ему могут рисоваться соответствующие отношения. Они могут говорить с кем угодно и обо всем, что взбредет в голову. Прямо в лицо и без малейшего смущения, как отметил еще один английский автор, Редьярд Киплинг (который, возможно, был скрытым гомосексуалистом и которому они очень нравились). В наши дни они даже могут себе позволить напиться в дым и вести себя с предельной неразборчивостью — танцевать на столах, обнажаться, позволять себя лапать и открыто ласкать мужчин.

³⁹ W. R. Thomson, *Black Caribbean*, London, MacDonald, 1946, pp. 50–51.

⁴⁰ “Hello Dollies, Everywhere”, *The Sunday Times*, 27.10.1996.

⁴¹ См. об этом в: G. J. Barker-Benfield, *The Horrors of the Half-Known Life: Male Attitudes Toward Women and Sexuality in Nineteenth-Century America*, New York, N.Y., Harper & Row, 1976, pp. 37–44.

Опираясь на поддержку закона, который при рассмотрении дел о сексуальных нападениях и изнасилованиях больше не позволяет затрагивать вопрос о сексуальном опыте женщин, они рассматривают все это как свое неотъемлемое право, как, вероятно, и должно быть в упорядоченном современном обществе. Но несмотря на все это, в глубине души они такие же чопорные, как и их предки-пуритане. Когда мужчина отвечает на их вызов и у него напрягается пенис, они устраивают скандал. Очень часто они утверждают, будто не понимают, что их сексуальные игры воспринимаются вполне однозначно, и в результате в 80% дел об «изнасиловании» в колледжах виновником оказывается мужчина, бывший до этого в хороших отношениях с «жертвой»⁴². Можно предположить, что зачастую они действительно не понимают, куда ведут сексуальные игры, хотя совершенно непонятно, как это возможно в обществе, гораздо более открытом, чем во времена Дейзи Миллер, — в обществе, где невозможно укрыться от всевозможных сексуальных сцен. Дело, возможно, в том, что они просто не хотят понимать. Вероятнее, пожалуй, что сама их ссылка на непонимание свидетельствует о том, что на определенном уровне они превосходно все понимают. Это относится даже к самой Дейзи Миллер. Когда ее итальянский обожатель приглашает ее в свою карету с обещанием открыть некий «секрет», она отвечает: «Я не хочу знать, что вы имеете в виду... Не думаю, что мне этого хочется»⁴³.

Короче говоря, обстоятельства превратили бессчетное число женщин в то, что Джеймс называет «американскими кокетками»; другие, как мы вскоре увидим, используют менее вежливые определения. В отличие от *cocotte*^{*}, которая отдает себе полный отчет в том, что делает, американская кокетка даже самой себе не признается в наличии скрытых мотивов — если они есть. Внешне она хочет всего лишь отбросить все условности и поразвлечься, ничего не обещая, но именно это делает ее столь опасной, когда ее попросят о большем. Однако плата

⁴² По данным из работы Т. Bouza, *The Decline and Fall of the American Empire: Corruption, Decadence and the American Dream*, New York, N.Y., Plenum, 1996, p. 292.

⁴³ H. James, *The Turn of the Screw and Daisy Miller* [1879], New York, N.Y., Dell, 1964, p. 169.

* Кокотка (фр.). — Прим. перев.

за замысловатую игру в прятки с самой собой нередко оказывается очень дорогой. Де Бовуар, например, позволила своим собеседникам — преимущественно женщинам и по большей части иностранкам, годами жившим в США, — убедить себя в том, что все американки фригидны. На дворе был 1947 год, когда Альфред Кинзи [Alfred Kinsey] еще только начинал исследование сексуального поведения своих сограждан-американцев. Это было еще до того, как Хью Хефнер, издатель журнала *Playboy*, изобрел свою «философию повесы» и начал убеждать американок расслабиться и быть хорошими подружками для своих мужчин, и задолго до того, как противозачаточные таблетки и так называемая «сексуальная революция» предположительно избавили их от комплексов. Но то ли благодаря, то ли вопреки этой кампании, направленной на женщин, *plus ça change, plus ça reste la même chose**.

Возможно, проблема стала еще острее. По оценке Кинзи, в зависимости от возраста 11—25% американок были фригидны⁴⁴. Однако, по данным проведенного в 1999 году исследования здоровья нации (National Health and Social Life Survey), 43% американок страдали той или иной сексуальной дисфункцией в форме фригидности, отсутствия интереса, болей во время полового акта и т.п.⁴⁵. Некоторые, естественно, утверждают, что оценки завышены или искажены. Другие винят капиталистическую патриархальность или патриархальный капитализм, создавший проблему точно так же, как когда-то он «принуждал» женщин носить корсеты или пользоваться косметикой⁴⁶. Однако размах и накал споров вокруг этого вопроса показывает, что проблема действительно существует. Опрос, проведенный корпорацией Unilever, производящей потребительские товары, показал, что 60% женщин скорее готовы на месяц отказаться от секса, чем от покупки понравившейся одежды⁴⁷. Если бы не действительное или внушен-

* Чем больше перемен, тем меньше все меняется (*фр.*). — Прим. перев.

⁴⁴ *Sexual Behavior in the Human Female*, Philadelphia, Pa, Saunders, 1953, p. 408 table 112.

⁴⁵ E. O. A. Laumann et al., "Sexual Dysfunction in the United States: Prevalence and Predictors", *Journal of the American Medical Association*, 281, 1999, pp. 537—544.

⁴⁶ *Harvard Women's Health Watch Newsletter*, July 2003.

⁴⁷ «Love is... a Pair of Really Good Jeans» (Reuters, 6.2.2007).

ное кем-то недовольство женщин сексуальной жизнью⁴⁸, значительной части американских психологов и психиатров пришлось бы менять профессию.

На протяжении большей части американской истории эти вещи проигрывались в мириадах контактов и встреч между бесчисленным множеством людей. Женщина справлялась как умела, будучи намного свободнее от семейного контроля, чем в любом другом обществе, но и получая куда меньше поддержки от своей семьи. То она огорчала приятеля, отказав ему в сексе, то сама была в отчаянии, когда он, получив желаемое, исчезал, отказываясь от «обязательств». То она влипала в историю, в которую не хотела попасть или, пытаясь оправдаться перед собой и другими, только говорила, что не хотела попасть. Но закон, четко запрещающий изнасилования и беспощадно каравший за них, особенно если речь шла о виновнике-негре и белой жертве, в таких сомнительных случаях вмешивался нечасто.

Все изменилось примерно около 1975 года по инициативе писательницы Сьюзен Браунмиллер и адвоката-феминистки Кэтрин Маккиннон⁴⁹. Прежде изнасилование признавалось таковым только в случае проникновения. Теперь, понимаемое прежде всего как насильственное действие и только во вторую очередь (если до этого доходит) как сексуальный акт, оно стало включать *попытку* вступить в связь без согласия женщины. Если прежде «нападение» непременно предполагало насилие, сопровождаемое теми или иными телесными повреждениями, то новый вид преступления, известный как *сексуальное нападение*, может состоять в простом прикосновении. Для возбуждения дела в суде достаточно просто поговорить с женщиной так, что та *почувствует*, что ее «домогаются». Еще хуже то, что «потерпевшая» может претендовать на компенсацию не только от того, кто ее предположительно домогался, но и от свидетеля, который не сделал «всего», чтобы помешать этому. Таким образом, та самая правовая система, которая позволяет

⁴⁸ Из новейших работ об этом см.: A. Clayton, *Satisfaction: Women, Sex and the Quest for Intimacy*, New York, N.Y., Ballantine, 2007.

⁴⁹ См. прежде всего их новаторские работы: С. А. McKinnon, *The Sexual Harassment of Working Women*, New Haven, CT, Yale University Press, 1979; S. Brownmiller, *Against our Will: Men, Women and Rape*, New York, N.Y., Simon & Schuster, 1975.

американцам с такой легкостью преследовать друг друга в суде, может применяться и очень часто применяется для того, чтобы обобрать мужчину до нитки⁵⁰.

При таких переменах на сексуальном фронте жизнь стала по-настоящему опасной для одних и весьма прибыльной для других. Возникла целая индустрия, которая взялась обучать людей тому, что является сексуальным домогательством, как его избежать, как себя вести в соответствующей ситуации и какими могут быть последствия для участников. Как зеркальное отражение этой индустрии возникли организации, занявшиеся предоставлением женщинам юридической помощи, убежищ или хотя бы сочувственных слушателей. Но все это не изменило базовую ситуацию: американские «кокеты» все так же раздают обещания (или создают такое впечатление), которые не намерены исполнять. Зачастую они даже не осознают их как обещания — им ведь нужно только хорошо провести время (за счет своих приятелей, естественно). Возможно, именно в этом состоит объяснение того, почему в одном опросе 20% сексуально активных школьниц заявили, что во время свиданий подвергались плохому обращению⁵¹.

Крайний пример такого рода всплыл весной 2003 г. в Военно-воздушной академии США в Колорадо-Спрингс. Девушка, курсант академии, пришла в комнату другого курсанта, напилась допьяна — порой складывается впечатление, что американки занимаются сексом исключительно в нетрезвом виде — и, как она призналась, слизывала шампанское с голого живота приятеля. Затем она подала жалобу об изнасиловании, в то время как он утверждал, что все произошло по взаимному согласию⁵². Настоящей причиной ее жалобы было, видимо, то, что сексуальные отношения между курсантами официально запрещены, и ей нужно было оправдаться за нарушение правил. Так или иначе, но если мужчину признают виновным, он попадет в тюрьму, и уж в любом случае на его карьере воен-

⁵⁰ См. об этом: M. Fitzgerald, *Sex-Ploitation: How Women Use Their Bodies to Extort Money from Men*, Willowbrook, IL, April House, 1999.

⁵¹ A. Norton, «Many High School Girls Report Date Violence», 3.8.2004 (<http://www.ncdsv.org/images/ManyHighSchoolGirlsReportDatingViolence.pdf>).

⁵² D. Cullen, «The Air Force Academy's Show Trial», 9.7.2003 (<http://slate.msn.com/id/2085365>).

ного летчика можно ставить крест. А вот она, напротив, будучи обвиняющей стороной, может даже требовать, чтобы ее имя не раскрывалось. Явное нарушение равенства, если последнее вообще существовало, и еще одно свидетельство того, сколь яростной стала война между полами.

Таким образом, традиция свободы, составляющая гордость и славу Америки, принудила американок заботиться о себе (в сексуальном плане) и нередко сталкивает и их самих, и мужчин, пытающихся их любить, с изрядными трудностями. В попытках совладать с этими трудностями сочетание экономической незащищенности и неразвитой системы социальной помощи делает американок чрезвычайно алчными и хваткими. Уже в средней школе, когда большинство подростков еще зависят от родителей и различия в доходе между ними еще предположительно минимальны, мальчики должны покупать девочкам дорогие подарки из карманных денег или из своих заработков в таких местах, как рестораны «Макдоналдс». Позднее, когда приходит пора серьезных ухаживаний, юные женщины могут заглянуть в книгу «Правила» (*The Rules*; 1995). Книгу написали две женщины, продано уже более миллиона экземпляров. Отрывки из нее публиковались в популярных журналах, в том числе в *Cosmopolitan*, *American Woman* и *Woman's Own*.

Целью книги *The Rules* было открыть женщинам «проверенные временем тайны, как пленить сердце м-ра Правильного (*Mr. Right*)» и, разумеется, женить его на себе. Вверху первой страницы жирным шрифтом выделено самое важное из правил: «Не уступай и не плати в ресторане за себя». Далее следуют «не откровенничай» и «не звони ему и пореже отвечай на его звонки». Далее мы узнаем, что «мужчины должны подстраивать свои дела под тебя... мужчины, которые требуют, чтобы их подружки шли на уступки (или хуже)... — это дерьмо... деньги, которые он тратит на кино, на еду и такси — это плата за то, чтобы быть рядом с тобой», и так далее.⁵³ Лучше идти в «Макдоналдс» (если ему не хватает денег на что-то лучшее), чем платить вместе; лучше дать ему отставку, чем простить за то, что он не купил тебе «романтический» подарок на твой день рождения или в день св. Валентина. И ни слова о том, чтобы

⁵³ E. Fein and S. Schneider, *The Rules*, New York, N.Y., Time Warner, 1995, covering page and pp. 3, 37, 38, 70.

делать ответные подарки, а по сути открыто не рекомендуется делать «дорогие» подарки даже по такому важному случаю, как его день рождения⁵⁴. Эти правила, в конечном счете, имеют целью «неэгоистичный образ жизни и отношений»⁵⁵. Если он не захочет играть в эту игру — что ж, утри слезы и приготовься к следующей игре, где можно использовать тот же набор уловок. А самое главное — никогда не отдавайся ему на первом же свидании, как бы тебе самой этого ни хотелось. Потому что тем самым ты просто отказываешься от возможности получить от него лишние подарки.

Нужно признать, что не одни американки падки на богатых мужчин и готовы идти на всякие ухищрения, чтобы получить желаемое. Однако причина того, что все это делается в такой грубой манере, возможно, состоит в том, что в Америке брак никогда не был предметом предварительных семейных договоренностей. В отличие от большинства традиционных обществ, в Америке ни опекуны, ни родственники, ни свахи не заботятся о практической стороне дела, неизбежной во всяком браке: кто будет выплачивать кредит за дом, как будет поделено совместное имущество в случае развода. В отличие от коммунистических государств, здесь нет всемогущей бюрократии, которая даст супружеской чете работу и квартиру (и при этом, как правило, требует от них ждать, когда появится свободная жилплощадь). Вместо этого именно жениху и невесте приходится договариваться, находить решение и скреплять его; для очень многих «любовь» — это всего лишь прелюдия к покупке недвижимости. Америка — общество чужаков, и потому все это зачастую делается с помощью особых детективных агентств, которые выясняют, насколько соответствует действительности то, что рассказывает о себе будущий супруг (или супруга). Сегодня, когда многие люди знакомятся и влюбляются в Интернете, такие агентства стали нужнее, чем когда-либо.

Все это объясняет, почему, когда речь заходит о браке, американские женщины в четыре раза чаще мужчин ищут «перспективу высокого дохода». В брачных объявлениях американок упоминания о состоянии и/или доходе предполагаемого партнера встречаются в десять раз чаще, чем у мужчин-аме-

⁵⁴ Fein and Schneider, *The Rules*, p. 152.

⁵⁵ Fein and Schneider, *The Rules*, p. 83 (курсив в оригинале).

риканцев⁵⁶. По сравнению с другими странами, эта разница очень велика. Так, в одном выпуске *The Washington Post* из 287 женщин, искавших пару, 17 недвусмысленно требовали, чтобы у будущего партнера были деньги. В выпуске сопоставимой по статусу немецкой газеты *Frankfurter Allgemeine* соответствующие цифры были 60 и ноль⁵⁷. Не стоит думать, что, выяснив материальное положение (нередко с помощью фирмы, представляющей отчет о кредитоспособности), пара договаривается о свадьбе. Чтобы удостовериться в том, что мужчина «относится к делу серьезно» и не сбежит, обычай требует от него купить невесте кольцо с бриллиантом ценой в двухмесячный доход. Возвращаясь к книжке «*The Rules*», в Америке лучшие друзья девушек — не мужчины, а драгоценности. Не получая драгоценностей, она «может считать себя свободной»⁵⁸.

Но борьба продолжается, даже когда свадьба позади и птичка уже надежно заперта в клетке. Как и практически во всех других обществах, древних и современных, право американки на материальную поддержку со стороны мужа гарантируется законом, хотя на практике закон, как правило, не вмешивается в такого рода дела, пока семья не распалась. Американцы больше всех других народов привержены идее равных прав для каждого. До 1960 года мало кто размышлял о том, что здесь может быть заложено противоречие, — точно так же, как Джефферсон, по-видимому, не задумывался о том, входят ли женщины в число «людей». Никому и в голову не приходило, что ситуация симметрична и что женщину в некоторых случаях можно обязать поддерживать мужчину: только в 1979 году Верховному суду США пришлось отменить закон штата Алабама, отрицавший право человека на алименты просто потому, что он мужчина⁵⁹.

На то, чтобы осознать противоречие между правами женщин, с одной стороны, и их экономической защищенностью, с другой, ушло всего три года. Поводом послужила Поправка

⁵⁶ Stanley, *The Millionaire Mind*, p. 249 table 6—4; M. Lind, “The Beige and the Black”, *New York Times Magazine*, 16.8.1998, pp. 38—39.

⁵⁷ Выпуски за 9.4.2004, 11.10.2003 соответственно.

⁵⁸ Fein and Schneider, *The Rules*, pp. 70—71.

⁵⁹ Leo Kanowitz, “‘Benign’ Sex Discrimination: Its Troubles and Their Cure”, *Hastings Law Journal*, 31, 6, July 1980, p. 1386—1387.

о равных правах [Equal Rights Amendment, ERA]. После того, как Конгресс двумя третями голосов одобрил эту поправку, она еще десять лет висела в воздухе. По истечении этих лет, когда 38 штатов собрались провести голосование для ее ратификации, американки впервые столкнулись с той возможностью, что закон может обязать их поддерживать своих мужей или бывших мужей. Когда некоторые авторы популярных книг, такие как Филлис Шлафли и ее «Форум Орла» (*Eagle Forum*), объяснили американкам возможные последствия, им все это не понравилось. Потребовалось несколько месяцев, чтобы поправка засохла на корню⁶⁰. И, что бы там ни говорили некоторые феминистки, нет шансов, что она будет принята в обозримом будущем.

Согласно популярной легенде, «развод по-американски» издавна знаменит тем, как мужчин одновременно избавляют и от собственности, и, с помощью алиментов, от дохода. В действительности нет никаких доказательств того, что матримонимальные драмы, разворачивающиеся в американских судах (и которые в последнее время превращены в пищу для телешоу), заканчиваются хуже, чем где-либо еще. Но надо признать, что американский брак всегда был в целом менее устойчивым, чем в большинстве других стран. Можно предположить, что семья, в которой жена имеет лучшее образование, чем ее муж, будет особенно уязвима. То же самое верно и в случае, когда у жены доход выше, чем у мужа, или когда муж оказался безработным: при всех разговорах о «равенстве» и «равном бремени» очень немногие американки станут жить с человеком, который «не тянет» или кажется таковым. При прочих равных условиях, чем ниже социально-экономическое положение семьи, тем больше шансов, что дело кончится разводом⁶¹.

В этих и других аспектах последние несколько десятилетий засвидетельствовали возникновение парадокса. С одной стороны, рост материального благосостояния позволил миллионам и миллионам людей приобщиться к стилю жизни сред-

⁶⁰ Ph. Schlafly, "A Short History of ERA", n.d. (<http://www.eagleforum.org/psr/1986/sept86/psrsep86.html>); J. J. Mansbridge, *Why We Lost the ERA*, Chicago, IL, University of Chicago Press, 1986, chapter 8.

⁶¹ W. J. Goode, *World Changes in Divorce Patterns*, New Haven, CT, Yale University Press, 1993, pp. 154–155.

него класса, и сегодня множество бедняков может позволить себе телевизор, стиральную машину, автомобиль и даже собственный дом. С другой стороны, многие представители среднего класса переняли некоторые особенности поведения, долгое время бывшие свойством исключительно низших классов, и в том числе не только разводы, но и растущее стремление сожительствовать и рожать детей, не вступая в брак⁶².

Одной из причин непрочности брака может быть столь характерная для американской жизни повышенная нестабильность — географическая, экономическая и социальная. Когда пересаживают два деревца, одно может прижиться и пойти в рост, а другое зачахнуть. И точно так же перемены вызывают напряженность в отношениях между людьми, а они могут реагировать на это по-разному и с разной скоростью. Сегодня, когда муж и жена зачастую работают далеко от дома (не говоря о «деловых поездках», в которых вдали от дома проходят дни напролет), общение между ними нередко сводится к формальному: «Как прошел день?» В таких условиях сохранять семью куда труднее, чем в былые дни, когда он возвращался в конце дня с работы, а она его встречала поцелуем и стаканом martini.

Другой причиной того, что многие браки оказываются недолговечными, является слабость институционализированных церквей в прошлом и в настоящем. Брак уже давно не заключается на небесах с благословения Бога, а представляет собой гражданский договор. Он и она вступают в брак в надежде на «совместную счастливую жизнь», пройдя церемонию, которая им нравится — некоторые женятся под водой в окружении дельфинов, другие во время прыжка с парашютом. Ну, а если надежды не оправдаются, они с тем же успехом расходятся⁶³. Вопреки распространенному представлению, это относится и к христианским фундаменталистам, и ко всем прочим религиозным группам. Показатель количества разводов на Юге, где живет большинство таких христиан, не ниже, чем где-либо еще⁶⁴.

⁶² “Trend to Live Together, Not Marry, Puts Kids at Risk”, *USA Today*, 20.10.2003.

⁶³ Goode, *World Changes in Divorce Patterns*, pp. 180—181.

⁶⁴ По данным за 1999 г., опубликованным на сайте ReligiousTolerance.Org (http://www.religioustolerance.org/chr_dira.htm).

Еще одним фактором, повлиявшим на особенности брака и развода, является традиция фронта. Там и сям можно встретить общества фронта, обходящиеся без формального супружества и превратившие внебрачное сожителство в норму. Традиция американских пуритан никогда не позволяла заходить так далеко, но в XIX веке чем дальше на запад, тем получить развод было проще. Такие штаты и территории, как Иллинойс, Индиана, Висконсин, Айова, Оклахома, Южная и Северная Дакота играли в свое время ту же роль, что Невада сегодня — все они стремились привлечь женщин, облегчая им процедуру избавления от мужей⁶⁵. Уже в 1889 году статистика министерства труда показала, что за год в США происходит больше разводов, чем во всех европейских странах, вместе взятых⁶⁶. В 1920-е гг. каждый восьмой американский брак заканчивался разводом, что в 12 раз превышало соответствующую частоту в Великобритании и в 20 раз — в соседней Канаде. К концу XX века показатель количества разводов в Америке достиг 4,1% в год — на 36% выше, чем в Великобритании, и вдвое выше, чем во Франции⁶⁷.

Поскольку во многих обществах женщины не могут выступать инициаторами развода, легкость расторжения брака в Америке означает, что американки обладают большей свободой, чем большинство других женщин. А поскольку для женщин развод является, наверное, наиболее распространенным путем к бедности⁶⁸, то и женщинам, и обществу в целом приходится платить за свободу высокую, а по мнению некоторых, даже чрезмерно высокую цену. Для белой женщины развод обычно влечет потерю примерно 50% дохода. Негритянка теряет меньше, но только потому, что лишь немногие чернокожие мужчины заботятся о содержании своих семей⁶⁹. В ка-

⁶⁵ Riley, *The Female Frontier*, pp. 21–22, 81.

⁶⁶ Цит. по: A. Horstman, *Victorian Divorce*, London, Croom Helm, 1985, p. 108.

⁶⁷ Ministry of Health, Labor and Welfare, Tokyo, “International Comparison of Divorce Rates”, 20.9.2003 (<http://personalwebs.oakland.edu/yamazaki/readings/Family2003.htm>).

⁶⁸ Общий обзор экономических последствий развода для женщин см. в книге: M. A. Mason, *The Equality Trap*, New Brunswick, N.J., Transaction, 2002, особенно главы 2, 5 и 6.

⁶⁹ S. M. Bianchi and D. Spain, *American Women in Transition*, New York, N.Y., Russell Sage, 1986, p. 31.

кой - то степени против женщины работает даже тот факт, что желание американки при разводе оставить детей себе удовлетворяется почти автоматически⁷⁰, чего нет в большинстве западных обществ. Во - первых, высокая степень децентрализации власти в сочетании с чрезвычайной мобильностью крайне затрудняет задачу поиска разведенных мужчин, чтобы принудить их к выполнению своих обязательств. Во - вторых, США — единственная из развитых стран, в которой нет системы, позволяющей выплачивать социальное пособие вместо не полученных алиментов.

Учитывая нелегкую судьбу женщин, следовало бы ожидать, что Америка станет родиной феминизма подобно тому, как она стала первопроходцем в области политических наук. Но это не так. Если кого - то и можно называть матерью феминизма, то англичанку Мэри Уоллстоункрафт [Mary Wollstonecraft] (1759—1797). Она неслучайно была поклонницей другого великого пророка свободы и равенства в XVIII в., Жан - Жака Руссо⁷¹. Она полагала, что все, что хорошо для идеального гражданина Эмиля, равно годится и для его подружки Софи; подозреваю, что ни один из теоретиков феминизма, в Америке или за границей, не достигал подобных высот⁷². Но нужно признать, что когда дело доходило до самоорганизации и участия в политических акциях, американки везде были первыми. Причина была, вероятно, в том, что, в Америке, в отличие от других стран, женщины не сталкивались с серьезными препятствиями. Здесь, например, не было попыток запретить женские политические клубы, как в революционной Франции. Одну француженку, Олимпию де Гуж, даже казнили за попытку участия в политике⁷³.

⁷⁰ R. Seidenberg, *The Father's Emergency Guide To Divorce Custody Battles*, Takoma Park, MD., TES Books, 1997, p. 39.

⁷¹ Об отношении Уоллстоункрафт к Руссо, в частности о ее посещении его могилы, см.: Mary Wollstonecraft, *A Vindication of the Rights of Women* [1792], Mineola, N.Y., Dover, 1996, pp. 14—15, 24—27; также: J. Todd, *Mary Wollstonecraft: A Revolutionary Life*, New York, N.Y., Columbia University Press, 2000, pp. 183—184, 306—307.

⁷² В течение 1.10.2003 на Yahoo! News ее имя было запрошено 44 660 раз, больше, чем Gloria Steinem (40 700) и Camille Paglia (36 600).

⁷³ О ней см.: S. Mousset, *Olympe de Gouges et le droits des femmes*, Paris, Folio, 2003.

Первый в истории феминистский съезд созвала Элизабет Кэди Стэнтон [Elizabeth Cady Stanton]. Съезд собрался в методистской церкви г. Сенека-Фолс, шт. Нью-Йорк, в 1848 году. Принятый этим съездом манифест открыто подражал Декларации независимости. «Мы считаем самоочевидной истину, — гласил он, — что все мужчины и женщины созданы равными»⁷⁴. К концу столетия это движение в Америке было сильнее, чем где-либо, за исключением, вероятно, Великобритании и ряда полукOLONиальных стран, страдавших от нехватки женщин, таких как Австралия и Новая Зеландия. Перечень его достижений за первые полвека существования весьма внушительен. Во-первых, начиная с 1860-х гг. женщины были допущены к высшему образованию; правда, к западу от Миссисипи все колледжи и университеты были смешанными изначально. Получив дипломы, женщины потребовали доступа к профессиональной деятельности, и к 1890-м гг. в основном добились своего. В 1869 году в Вайоминге, который тогда еще был не штатом, а территорией, женщины впервые в истории получили всю полноту политических прав. За ним в 1893 году последовал штат Колорадо, а в 1896 году — Юта и Айдахо.

Этот перечень достижений показывает, что успех американского женского движения был в значительной мере связан с менталитетом фронта. Как правило, чем дальше на запад, тем процент женщин в населении был ниже, и доходило до того, что в горняцких поселках Вайоминга, Колорадо, Юты, Нью-Мексико и Калифорнии мужчины были готовы тащиться за тридевять земель, чтобы просто увидеть женщину. Это объясняет, почему тамошние законодатели раньше всех предоставили женщинам право голоса. Их целью было привлечь дополнительных поселенцев, а также увеличить число своих избирателей, чтобы укрепить позиции в отношениях с Вашингтоном. Окончательная победа, или то, что в свое время казалось окончательной победой, пришла в 1920 году, когда все ограничения были наконец сняты и американки завоевали право наравне с мужчинами участвовать в политической жизни. Правда, здесь они были не одиноки, а женщины Великобритании даже опередили их на два года. Тем не менее понадобилось

⁷⁴ Манифест опубликован в сборнике: M. Scheiner, ed., *Feminism: The Essential Historical Writings*, New York, N.Y., Vintage Books, 1972, pp. 77—82.

еще десять лет, чтобы в Великобритании был отменен установленный первоначально для женщин возрастной ценз в 30 лет и женщинам было позволено начинать голосовать в том же возрасте, что и мужчинам.

Бесчисленные исторические данные свидетельствуют, что все это было достигнуто не без борьбы. В 1872 году коллега Элизабет Стэнтон, Сюзен Б. Энтони [Susan B. Anthony] и еще пятьдесят женщин были арестованы за незаконное участие в выборах. Энтони была приговорена к штрафу, платить который ей в конце концов не пришлось⁷⁵. Несколько других женщин попали в тюрьму, некоторые проводили голодовки протеста, но число таких подвижниц было крайне невелико. Всякий раз, когда власть пыталась поставить женщин на место, общественное мнение быстро заставляло ее отступить. А из тюрьмы дамы выходили во много раз сильнее и влиятельнее, чем прежде.

Видимо, почувствовав, что главное дело сделано, следующие после 1920 года четыре десятилетия американки посвятили перевариванию своих достижений. Социальные изменения продолжались, и число женщин, занятых профессиональным трудом, постепенно росло. Регулирование рождаемости, рассматриваемое как способ избавить женщин от наиболее важного биологического ограничения, стало удобным как никогда прежде. С другой стороны, в основном исчезло давление, порою очень сильное, характеризовавшее предыдущий период. Между 1945 и 1960 гг. можно было даже наблюдать возрождение домашнего уклада. Во время Второй мировой войны многие женщины хлебнули радостей наемного труда. Возможно, то, что они с окончанием войны отправились по домам, чтобы рожать детей, было формой их реакции на этот опыт.

А в 1963 году вышла книга Бетти Фридан «Женская тайна» (*The Feminine Mystique*). К этому времени примерно треть страны переехала в пригороды. Тем самым женщины, особенно из среднего класса, оказались заперты в своих домах. Когда младшего ребенка отправляли в школу, женщине оставалось лишь ходить по магазинам, наводить порядок в доме и смотреть мыльные оперы. В то время самой Фридан было 43 года,

⁷⁵ См.: E. Flexner, *Century of Struggle: The Woman's Rights Movement in the United States*, Cambridge, Ma, Harvard University Press, 1975, pp. 169—171.

и она работала журналисткой. Ее дважды увольняли с работы из-за беременности. Как она сказала мне во время интервью⁷⁶, именно этот опыт побудил ее написать свою книгу. В то время муж ее работал в театре, и у них было плохо с деньгами.

Как следует из названия, целью Фридан было снять с женщин покров тайны, заставив их действовать и вести себя по-мужски. Важнейшим путем к этой цели была работа, и не просто работа, а работа за плату; соответственно неработающая женщина была представлена в ее книге как недочеловек. Хуже того, на армию избыточно образованных, недостаточно занятых, скучающих домохозяек она возложила ответственность за все общественное зло — от алкоголизма и распутства до предполагаемого роста гомосексуализма и явной неспособности Америки догнать Советский Союз в космосе⁷⁷. Эта книга мгновенно превратила Фридан в международную знаменитость. В 1966 году она основала Национальную организацию женщин (National Organization of Women, NOW), которую и возглавляла до 1970 года.

Отслеживание истории американского феминистского движения в последующие сорок лет завело бы нас слишком далеко⁷⁸. Достаточно сказать, что, в сравнении с другими, NOW была сравнительно умеренной организацией. Состоявшая по большей части из белых женщин, принадлежавших к среднему классу, имевших университетское образование и нередко работу, NOW не стремилась сокрушить капитализм и установить новый социально-экономический порядок, подобно феминисткам марксистского и, в меньшей степени, социалистического толка. Она не объявляла своей целью создание мира без мужчин, как это делали некоторые радикальные феминистки, они же феминистки-лесбиянки. Она не мечтала о времени, когда матери будут заменены машинами, как проповедовали еще более радикальные феминистки-лесбиянки. Она не оправдывала всевозможные дикие выходки, как это делали SCUM

⁷⁶ В Вашингтоне, округ Колумбия, 10.5.2002

⁷⁷ B. Friedan, *The Feminine Mystique*, New York, N.Y., Bantam, 1963, pp. 258—261, 274—276, and *passim*.

⁷⁸ См., однако: G. Castro, *American Feminism: A Contemporary History*, New York, N.Y., New York University Press, 1990; см. также книгу, основанную на личном опыте: S. Brownmiller, *In Our Time; Memoir of a Revolution*, New York, N.Y., Dial, 1999.

и WITCH*. Но при этом позиция организации была достаточно радикальной. Самозванный «мейнстрим» американских феминисток отрицал право мужчин на инакость и особость во всех сферах жизни — в образовании, в спорте, дома, на работе, в местах развлечений, в политике и даже в армии и на поле боя. Иными словами, его представители требовали абсолютно-го «равенства» с мужчинами; тот факт, что «равенства» требовали и чернокожие, очень мешал противиться требованиям феминисток.

Результатом очень часто были новые проблемы. Десятки миллиардов долларов, если не больше, было потрачено в области образования, досуга, спорта и множестве других, чтобы создать такое равенство, какое прежде ни одно из существовавших в истории обществ не считало ни возможным, ни желательным и которое некоторые феминистки, осознавшие всю степень ограниченности возможностей женщин, когда те пытаются соперничать с мужчинами, считают теперь «ловушкой» для женщин⁷⁹. Возьмем самую важную область — работу. По всей Америке работодатели столкнулись с бесконечными трудностями, когда им пришлось взяться за соответствующее изменение правил трудового распорядка. Особенно тяжело приходилось со сверхурочными: попытавшись согласовать противоречивые требования феминисток в этом вопросе, Объединенный профсоюз рабочих автомобильной и авиакосмической промышленности и сельскохозяйственного машиностроения в конце концов сдался и в отчаянии опустил руки⁸⁰. Такого же рода неразрешимые проблемы возникли с санитарно-гигиеническими сооружениями (туалеты, душевые и пр.); с оплатой труда (следует ли платить женщине столько же, сколько мужчине, если она выполняет не более 70% того, что

* Women's International Terrorist Club from Hell — Международный клуб террористок из преисподней (англ.). Игра слов: *witch* — «ведьма». — Прим. перев.

⁷⁹ Mason, *The Equality Trap*; also D. Crittenden, *What Mother Did Not Tell Us: Why Happiness Eludes the Modern Woman*, New York, N.Y., Simon & Schuster, 1999.

⁸⁰ См.: Nancy Gabin, "Time out of Mind: the UAW's Response to Female Labor Laws and Mandatory Overtime in the 1960s", in Ava Abron, ed., *Work Engendered: Towards a New History of American Labor*, Ithaca, New York, Cornell University Press, 1991, pp. 355, 351–374.

делает он?) и с рабочей спецодеждой. В одном знаменитом процессе суд приказал отделению компании *Bell* в Цинциннати внедрить у себя особо легкие лестницы и гаечные ключи, чтобы женщины-телефонисты могли использовать их, забираясь на телефонные столбы⁸¹.

Нет нужды говорить, что число женщин, которые приняли этот вызов и пошли заниматься традиционно мужскими видами труда, было очень мало. Например, в 1990 году женщины составляли лишь 2% строительных рабочих⁸², а еще меньшее их число удержалось в этом деле надолго. Обнаружив, что многие мужские профессии очень тяжелы, женщины через пару лет бросали их и возвращались к традиционно женским занятиям, более легким, чистым и безопасным. Некоторые профессии все-таки подверглись феминизации, потому что они либо теряли престиж и уровень оплаты труда, как произошло в случае с фармацевтами и редакторами книг, либо потому, что благодаря новым технологиям они стали чище, как произошло в полиграфии⁸³.

Неудивительно, что перемены порой шли вопреки воле преимущественно мужских организаций — корпораций и профсоюзов. Первые, пытаясь приспособиться к женским потребностям и возможностям, наталкивались на многочисленные проблемы. Вторые оказывались ослабленными вследствие того факта, что женщины нередко соглашались на меньшую зарплату, чем мужчины. Вряд ли оказалось простым совпадением то, что массовый выход женщин на рынок труда в 1970-е гг. происходил в период значительного упадка профсоюзов. Оказывая понижающее давление на заработную плату мужчин, женщины, вероятно, даже помогли большому бизнесу восстановить позиции, утраченные им со времен политики Нового курса, причем, как уже было отмечено, сам бизнес остается преимущественно мужским делом. И последнее по порядку, но не по значению, — понесла ущерб

⁸¹ Детали см. в книге: J. Belknap, *The Invisible Woman: Gender, Crime and Justice*, Belmont, CA, Wadsworth, 1996, p. 9.

⁸² S. Headlee and M. Elfin, *Cost of Being Female*, Westport, CT, Praeger, 1996, p. 9.

⁸³ См.: F. Reskin and P. Roos, *Job Queues, Gender Queues; Explaining Women's Inroads into Male Occupations*, Philadelphia, PA., Temple University Press, 1995, pp. 275—298.

и мужская гордость. Что, в конечном итоге, происходит и не может не происходить всегда, когда мужчины противопоставлены женщинам⁸⁴.

Излюбленным полем битвы в войне полов оказались вооруженные силы⁸⁵. Начиная примерно с 1970 года на Конгресс и/или суды обрушились жалобы и иски по всевозможным вопросам — от равенства оплаты и продвижения по службе до расформирования всевозможных женских подразделений, от допуска женщин в различные академии до права женщин нести службу на борту боевых кораблей в походе. Все эти вопросы разрешались преимущественно в пользу женщин. Затем пошли дела с обвинениями в «сексуальных домогательствах», что неудивительно в среде, максимально насыщенной тестостероном. Один только скандал на базе Тэйлхук 1991 году сломал карьеру десяткам офицеров, и нет нужды говорить, что все они были мужчинами. Скандал к тому же стал причиной попытки самоубийства начальника штаба ВМС, который в момент событий находился в тысячах миль от этой базы. Случай в Тэйлхуке описывали как самое тяжелое поражение ВМФ США со времен Пирл-Харбора. Центром скандала была женщина, лейтенант Пола Кофлин. За то, что на нее одновременно накричали несколько человек — не было даже и речи о физическом нападении на нее, не говоря уже об изнасиловании, — она получила в виде компенсации почти два миллиона долларов⁸⁶.

Если бы американские феминистки удовольствовались равенством прав, с их требованиями примирились бы с большей или меньшей охотой, как примирились с требованиями суфражисток. Их возненавидели не столько за призыв к равенству, сколько за требование, чтобы женщины были равны с мужчинами *и одновременно* сохранили все традиционные привилегии; иными словами, они хотели и рыбку съесть, и в пруд не лезть. Мы уже говорили о некоторых

⁸⁴ *Male and Female*, London, Gollancz, 1949, pp. 159–160.

⁸⁵ См. об этом в: L. Francke, *Ground Zero: The Gender Wars in the Military*, New York, N.Y., Simon & Schuster, 1997, особенно pp. 241–260.

⁸⁶ См.: Francke, *Ground Zero*, pp. 159–160; B. Mitchell, *Women in the military*, pp. 249–278; также: J. Zimmerman, *Tailspin: Women at War in the Wake of Tailhook*, New York, N.Y., Doubleday, 1995, pp. 41–42, 61–64, 71–73, 78–79.

привилегиях американок, таких как свобода от обязанности материально поддерживать своих мужей и почти автоматическое право на детей в случае развода. К этому следует добавить намного более снисходительное отношение со стороны полиции и судов практически ко всем видам преступлений, начиная с детоубийства⁸⁷. А также, разумеется, право не служить в армии и даже не числиться в списке военнообязанных⁸⁸.

Некоторые привилегии затрагивают многих, но сравнительно незначительны: например, женский персонал корпуса морской пехоты имеет право не стричь волосы и носить ювелирные украшения, тогда как мужчинам это запрещено. Другие касаются лишь немногих, зато чрезвычайно важны. Например, осужденных за убийство женщин казнят сравнительно реже, чем убийц-мужчин⁸⁹; по имеющейся оценке, если бы полиция и суды обращались с совершившими преступление женщинами столь же сурово, как и с мужчинами, число женщин-заключенных выросло бы в четыре с лишним раза⁹⁰. Некоторые привилегии извращают самые элементарные правила правосудия, как в случае, когда женщину, обвинившую мужчину в изнасиловании, избавляют от с ним в суде. Другие просто унижительны для мужчин, как в том случае, когда суд решил, что надзирателям-мужчинам нельзя смотреть на то, как заключенные женщины моются или подмываются, тогда как надзирателям-женщинам позволено наблюдать за мужчинами в аналогичных ситуациях⁹¹.

⁸⁷ О снисходительности закона к женщинам написано чрезвычайно много. Прежде всего, см.: N. Levit, *The Gender Line: Men, Women and the Law*, New York, N.Y., University of N.Y. Press, 1998; C. C. Culliver, ed., *Female Criminality: The State of the Art*, New York, N.Y., Garland, 1993, pp. 413–468. E. B. Leonard, *Women, Crime and Society: a Critique of Theoretical Criminology*, New York, N.Y., Longman, 1982; O. Pollack, *The Criminality of Women*, Westport, CT, Greenwood Press, 1978.

⁸⁸ Из новейших работ об этом см.: Center for Military Readiness, "Court Dismisses Lawsuit to Include Women in Draft Registration", 4.9. 2003 (www.cmrlink.org/recruit.asp?DocID=212).

⁸⁹ Levit, *The Gender Line*, p. 107

⁹⁰ F. H. Julian, "Gender and Crime: Different Sex, Different Treatment?" in Culliver, ed., *Female Criminality*, p. 346.

⁹¹ Levit, *The Gender Line*, pp. 109–111.

Эти и многие другие привилегии выдвигаются и реализуются с исключительной жесткостью отчасти вследствие описанного выше развития правовой системы, отчасти, возможно, из-за того, что начиная с 1970-х гг. в юриспруденцию пришло множество женщин⁹². Например, в какой еще стране закон может содержать положение (знаменитый Раздел IX*), что школа может получить федеральное финансирование лишь при том условии, если она тратит на мужской спорт столько же, сколько на женский? Получается, что, если не удастся набрать в спортивную команду девочек, то команда мальчиков должна быть распущена.

В начале XXI века мужчины-американцы обнаружили, что им как никогда прежде угрожает чудовище, выросшее из их собственных призывов к свободе и равенству. В обществе упорных тружеников они по-прежнему делают практически всю самую тяжелую, грязную и опасную работу (а также являются жертвами более 90% производственных травм, в том числе со смертельным исходом)⁹³. В обществе, в котором конкуренция острее, чем когда-либо, они все так же несут ответственность (и по закону, и на практике) за материальное содержание семьи, в том числе распавшейся, в форме алиментов на детей, а порой и на жену. В обществе, которое регулярно посылает свои войска воевать за рубежом, именно им достаются смерть и раны: в Ираке, например, среди убитых в бою лишь 2% женщин⁹⁴. И, добавляя оскорбление к несправедливости, всякий раз новости об этом сообщает и комментирует женщина — представитель вооруженных сил. Женщина, которая проводит время в помещении с кондиционированным воздухом, читает документы и формулирует ответы на вопросы, имеет законное право на такую же оплату и привилегии, как те, кто патрулирует улицы и умирает на них.

Вместо благодарности за все, что они делают, мужчины в качестве мужчин оказались почти лишены права на суще-

⁹² См. некоторые данные в книге: V. Valian, *Why So Slow? The Advancement of Women*, Cambridge, MA, MIT Press, 1999, pp. 198–203.

* Закона об образовании 1972 г. — *Ред.*

⁹³ Bureau of Labor Statistics, 30.9.1998 (www.bls.gov/opub/ted/1998/Sep/wk5/art03.htm).

⁹⁴ По состоянию на 4.11.2006 (<http://www.cnn.com/SPECIALS/2003/iraq/forces/casualties/>).

ствование. Вряд ли осталась хоть одна область, в которой женщины, избавившиеся в неустанной погоне за равенством от всякой скромности, не дышат мужчинам в спину. Укрыться теперь нельзя ни в раздевалке футболистов, куда решение суда открыло доступ женщинам-репортерам, чтобы не ущемлять их в сравнении с их коллегами-мужчинами, ни в частных гольф-клубах миллионеров. В университетах простое предположение, что не всем женщинам, сообщающим об изнасиловании, следует заведомо верить, рассматривается как создание «недружественной атмосферы» и может стать предлогом для увольнения⁹⁵. С другой стороны, существуют бесчисленные состязания, награды и т.п., которые открыты только для женщин. Женщины сохранили такие женские высшие учебные заведения, как колледжи Смит, Вассар, Рэдклифф и др., а также многочисленные кафедры «женских исследований». Первые представляют собой роскошные заповедники, в которые не может проникнуть ни один студент мужского пола. Во вторые мужчине вход доступен только в том случае, если он не боится унижений, а то и чего похуже.

Нередко эти колледжи и кафедры служат инкубаторами для придумывания еще более агрессивных требований — главным образом за счет отцов, оплачивающих счета колледжей, которые объясняют их дочерям, какие все мужчины злые и безнравственные⁹⁶. Но если в других обществах у мужчин всегда оставалось последнее оружие против угроз со стороны женщин — секс, то в Америке даже его выбили из их рук. Мужчин, представляемых неотесанными мужланами, постоянно предупреждают о том, что с ним будет, если они хотя бы *взглянут* на женщину «не так». Даже использование предоставленного компанией компьютера для посещения порносайтов в тиши собственного дома, не говоря о том, чтобы принести на работу номер журнала *Playboy*, воспринимается как действие, «унижающее» женщин, и может повлечь серьезное наказание⁹⁷.

⁹⁵ А. М. Dershowitz, "Justice", 1994.

⁹⁶ См. об этом: С. Hoff Sommers, *Who Stole Feminism? How Women Have Betrayed Women*, New York, N.Y., Simon & Schuster, 1994, особенно главы 2 and 4.

⁹⁷ Об этих проблемах см.: L. Duggan and N. D. Hunter, eds., *Sex Wars: Sexual Dissent and Political Culture*, New York, N.Y., Routledge, 1995, особенно главы 2 and 3.

На экстраполяции изменений, происходящих с 1960 года, возникла целая литература, предсказывающая неминуемый закат мужчин и/или изображающая мужчину как приложение к всемогущему женскому началу⁹⁸. В фильмах стаи героинь прорубают дорогу сквозь толпы мужчин, и женщины-зрители отнюдь их не осуждают, как осудили бы мужчин, обходящихся подобным образом с женщинами, а, напротив, радостно аплодируют. Телевидение демонстрирует бесчисленные «юмористические» сцены того, как женщины унижают мужчин, — сцены, которые, если поменять местами мужчин и женщин, обеспечили бы производителям шоу серьезные санкции. Некоторые женщины мечтают о «гермафродитном» будущем, в котором пол будет личной характеристикой лишь ненамного более существенной, чем «цвет волос, глаз или кожи»⁹⁹. Тайным мечтам других отвечает шоу, темой которого является кастрация мужчин¹⁰⁰; если у организаторов шоу и возникнут проблемы с законом, то не потому, что оно оскорбительно, а потому что у них нет лицензии на развлечения для взрослых. Невозможно вообразить, что сделали бы с организатором шоу, в котором таким же образом обошлись бы с женщиной (за исключением жесткого порно).

Хотя некоторые из этих проблем сравнительно новы, другие восходят по крайней мере к тем временам, когда причины своеобразия американок описывали (каждый по-своему) Токвиль и Генри Джеймс. Хотя с некоторыми из этих проблем можно столкнуться и в других странах, в сравнении с Америкой они будут звучать как тихая фоновая музыка в сравнении с ревом артиллерийской канонады. Неудивительно, что взбешенные американские мужчины, отчасти подталкиваемые феминизмом, отчасти еще более раздувающие его, превратили слово «феминизм» в ругательство. Они также разработали ряд стратегий обращения с женщинами, позволяющих ставить их на место. Описанию этих стратегий посвящен следующий раздел этой главы.

⁹⁸ См., например: L. Tiger, *The Decline of the Male*, New York, N.Y., St. Martin's, 1999; B. Sykes, *The Seven Daughters of Eve*, New York, N.Y., Bantam, 2001; и S. Jones, *The Descent of Men*, Boston, MA, Houghton Mifflin, 2003.

⁹⁹ C. Bird, *Born Female: The High Cost of Keeping Women Down*, New York, N.Y., McKay, 1970, pp. xiii—xiv.

¹⁰⁰ The Haunted House, Dead Men's Mall, Wentzville, Missouri; см.: Yahoo! News, 11.10.2002.

Согласно Библии, ответственность за грехопадение несет Ева, первой надкусившая яблоко, а потом соблазнившая Адама сделать то же самое. В XIX веке эту историю стремились поставить с ног на голову; теперь именно мужчины, участвующие в капиталистической «борьбе за существование», считались агрессивными, грубыми и лживыми. Напротив, на женщин, защищенных от мира погруженностью в домашнюю жизнь, стали смотреть как на существа скромные, утонченные, нравственные и религиозные. Более того, именно этот «домашний ангел» мог духовно облагородить своего мужа и детей. Женщина разговаривала с ними, обучала их, служила им примером — словом, не давала сойти с прямого и узкого пути, а если у нее оставались силы, она занималась благотворительностью за пределами дома. Все это особенно верно в области секса. Новые исследования показывают, что викторианцы отнюдь не отвергали женской сексуальности, по крайней мере столь постоянно и яростно, как это порой утверждается¹⁰¹. С другой стороны, они определенно рассчитывали, что женщины послужат им образцом еще и в этом отношении.

Эти идеи в значительной степени были общими для США и стран Западной Европы, чьи традиции Америка продолжала и откуда прибыла значительная часть ее населения. США отличались от любой из стран Западной Европы в том, что мужчин здесь, как уже отмечалось, было существенно больше, чем женщин. Женщины, иными словами, были редким товаром, почти драгоценным. Одним из вероятных последствий этого дефицита могла стать эмансипация женщин, которая и осуществилась сначала в колониях Новой Англии, несмотря на всю критику со стороны Джона Коттона, потом на фронтире и, наконец, среди множества групп иммигрантов всех периодов, обнаруживших, что их дочери не станут подчиняться дисциплине, привычной для их матерей. Впрочем, это могло бы привести и к противоположным результатам — к помещению женщин под замок и бдительный надзор.

¹⁰¹ См.: C. N. Degler, "What Ought to be and What Was: Woman's Sexuality in the Nineteenth Century", in Leavitt, ed., *Women and Health in America*, pp. 193—201.

Хотя идеал «истинной женственности» был распространен повсеместно в США¹⁰², особенно влиятелен он был на Юге. Вплоть до последних десятилетий перед Гражданской войной нехватка женщин здесь была еще острее, чем где-либо¹⁰³: уже в 1619 году Виргинская компания сочла необходимым доставить из-за океана девяносто молодых незамужних женщин, чтобы сделать колонию более привлекательной для поселенцев. Но если на западе страны женщины воспользовались собственной малочисленностью, чтобы обрести большую независимость, чем большинство их сестер, на Юге «специфический институт» рабства привел к противоположному результату. Результатом стало рождение мифа о «южной леди». «Южная леди» (в той мере, в какой она существовала в реальности) погибла в огне Гражданской войны. Эта война покончила с рабством и создала затянувшуюся на десятилетия ситуацию, в которой женщин было существенно больше, чем мужчин, так что нередко им приходилось самим заботиться о себе. Но влияния культурного идеала «южной леди» хватило и на следующее столетие.

Кем же была эта южная леди¹⁰⁴? Если начать с внешности, у нее, конечно, должно было быть все, чего не было у черных рабынь: молочно-белая кожа, узкая талия и маленькие нежные ручки. Максимальным физическим усилием для нее была неспешная прогулка под солнечным зонтиком — возможно, в сопровождении галантно подставившего руку мужчины. Ей следовало помогать, когда она садилась в экипаж или выходила из него. Если южная леди ездил верхом, то только в дамском седле и с особой заботой о том, чтобы не были видны лодыжки. Очевидно, что подобное создание не могло заниматься никаким физическим трудом, да и не занималось. Для этого южная леди должна была иметь рабов, и они, как правило, у нее были. Собственно говоря, оправдание рабства и превознесение своих дам были двумя сторонами одной монеты.

¹⁰² B. Welter, "The Cult of True Womanhood, 1820—1860", in Levine and R. Middlekauff, eds., *The National Temper*, pp. 144—163.

¹⁰³ M. Guttentag and P. M. Secord, *Too Many Women? The Sex Ratio Question*, Beverly Hills, CA, Sage, 1982, p. 135 figure 5.3.

¹⁰⁴ См. об этом: A. F. Scott, *The Southern Lady; From Pedestal to Politics, 1830—1930*, Chicago, IL, University of Chicago Press, 1970, pp. 3—21.

Южанка была нежна, а не упряма, благоразумна, а не образованна и отличалась чувствительностью, а не утонченностью. Ее жизнь проходила в клетке, прутьями которой была религия. Считалось, что религия нужна прежде всего женщинам, которых без нее трудно было бы назвать людьми.

Религия, чаще всего в виде одного из толков протестантизма, требовала от женщин молиться регулярно и сосредоточенно. Они должны были повиноваться своим мужьям «во всем, что отвечает требованиям благоразумия» (как написала одна юная невеста, сформулировавшая для себя жизненную программу), избегать всего, что может быть связано со слушанием, видением и произнесением чего-либо, имеющего отношение к пороку, и вообще с достоинством нести свой жребий. К тому же южные леди не должны были иметь совершенно никакого отношения к сексу; и, хотя большинство из них жили в сельской местности, они не знали или делали вид, что не знали, что куры несут яйца. Не стоит и говорить, что даже на Юге не все женщины могли следовать этому образцу. Судя по письмам, дневникам и прочему, зачастую все это выливалось в неуверенность, самокопание, молитву, а порой и самобичевание. Совершенство — дело трудное, особенно если при этом приходится укрощать окружающих.

Иначе говоря, в ответ на угрозу, исходящую от американских женщин, американские мужчины водрузили их на такой высокий пьедестал и окружили таким количеством запретов, что те сделались почти совершенно беспомощны. Мужчины прелюбодействовали, причем на Юге многие, начиная с Томаса Джефферсона, использовали своих черных рабынь, не имевших возможности им отказать, а присутствие маленьких мулатов служило напоминанием им и их женам о том, как все обстоит в действительности. Их речь изобиловала руганью и богохульствами: путешествуя на пароходе по Миссисипи, Фанни Троллоп записала, что «по их манере изъясняться» никто не счел бы джентльменами ее спутников по плаванию, многие из которых были старшими офицерами или выдавали себя за таковых¹⁰⁵. К тому же они играли в карты и кости, курили, жевали табак, обедались так, как будто перед этим провели месяц на хлебе и воде, и потребляли безмерные количества виски. И, кроме того, они работали не покладая рук.

¹⁰⁵ Trollope, *Domestic Manners of the Americans*, p. 20.

Превратив предприимчивость в мирскую религию, они с невиданной ни до, ни после энергией создавали в этих нетронутых краях новую страну, расталкивая друг друга и пытаясь загрести как можно больше долларов за счет прочих.

При этом предполагалось, что южные леди, да и любые приличные женщины такими вещами не занимаются и даже не знают об их существовании. Возможно, именно из-за грубости мужчин оба пола развлекались отдельно, если не считать танцев, на которых бдительно оберегали приличия¹⁰⁶. Эта традиция до известной степени сохранилась: у мужчин свои клубы, у женщины — свои, и все живут по-своему. Что касается труда, у нас есть свидетельство Гарриет Мартино. Будучи самой известной женщиной-экономистом своего времени, Мартино была к тому же и независимой женщиной, за что ее порицали во всех дамских журналах от Хартфорда до Ричмонда. Проехавшись по Соединенным Штатам Америки через несколько лет после де Токвиля, она написала, что «от мысли о том, что его жена пойдет работать», у американского мужчины волосы «встают дыбом»¹⁰⁷. А вот согласно мисс Джон Сэндфорд¹⁰⁸, «по-настоящему здравомыслящая женщина» принимает свою «зависимость», признает свою «слабость» и «благодарна за поддержку». Лучшее, что могут делать такие женщины, — заботиться о других, будь этими «другими» их мужья (о которых нередко говорили как о Боге — «мой господин», «мой повелитель»), или их дети, или рабы, которые порой представляли собой подлинное бремя, или все те, кто не мог позаботиться о себе самостоятельно, а зависел от благотворительности.

Таким образом, один из способов нейтрализовать женщину состоял в преклонении, вознесении ее на пьедестал. Другим, и в некоторых отношениях более эффективным способом, были презрение и отвращение: предельно грубое обращение с ней, как с куском мяса, пригодным только для одной цели. Разумеется, не американцы изобрели порнографию, которая возникла за тысячи, и даже, возможно, за десятки тысяч лет до появления европейцев в Новом Свете. Во все времена определенная

¹⁰⁶ Trollope, *Domestic Manners of the Americans*, p. 118.

¹⁰⁷ *Society in America* [1837], New York, N.Y., Doubleday, 1966, vol. iii p. 106.

¹⁰⁸ Mrs John [Elizabeth] Sandford, *Woman in Her Social and Domestic Character*, Boston, MA, Otis, 1842, p. 15.

часть порнографии была предназначена не только для возбуждения, но и для целенаправленного очернения женщин, чтобы унижить их и «поставить на место». Я не хочу сказать, что одни только американские мужчины унижают женщин посредством текстов и картинок, чтобы излить мстительные чувства на тех, с кем скорее всего никогда не встретятся в реальной жизни. Отличие американцев в том, что они доверили эту задачу своим лучшим художникам, вместо того, чтобы предоставить ее самым низкопробным авторам, которые доносят свои идеи до потребителя через секс-шопы и порнофильмы.

Здесь мне придется прислушаться к писательнице-феминистке Кейт Миллет, сколь пронизательному, столь же и едкому наблюдателю американской жизни. В своей книге «Сексуальная политика» она показывает, какого мастерства достигли в этом искусстве унижения два выдающихся американских писателя XX века Норман Мейлер и Генри Миллер. Правда, Миллет, критикующая всю современную жизнь, рассматривает, кроме того, двух европейских авторов, англичанина Д. Х. Лоуренса и француза Жана Жене. Однако, как она сама с неохотой признает, между европейскими и американскими авторами есть разница. Лоуренс использовал образы, которые можно счесть порнографическими, чтобы воспеть поразительную тайну женственности, а Жене идентифицирует себя с сексуальными жертвами, которых столь мастерски описывает.

Начнем с Генри Миллера (1891—1980), которого Миллет не без оснований называет «компендиумом сексуальных невротиков американцев»¹⁰⁹. Главной темой самых известных работ Миллера является «вечная битва с женщиной»¹¹⁰. Сразу оговоримся, что не имеет никакого значения, говорит автор о себе лично или о придуманных героях, описывая тактику этой войны. Для Миллера идеал женщины не имеет ничего общего с чувствующим, мыслящим созданием, подобным ему самому. У идеала Миллера нет даже лица, не говоря об имени. Это всего лишь «пиписька», лишенная всех человеческих качеств. Чем меньше ее видно и слышно, чем меньше она проявляет себя, чем меньше она *существует* (помимо той «про-

¹⁰⁹ Kate Millet, *Sexual Politics*, London: Sphere Books, [1969] 1971, p. 295.

¹¹⁰ H. Miller, "Shadowy Monomania", *Sunday After the War*, New York, N.Y., New Directions, 1944, p. 261.

пасти небытия»¹¹¹, что у нее между ногами), тем удобнее ею пользоваться, примерно так же, как пользуются пачкой салфеток. Отсюда пристрастие Генри Миллера к проституткам, которым он отличался (если верить ему на слово) в годы жизни в Париже. Платишь деньги, а потом все просто, как ход поршня в цилиндре.

Большинство женщин не проститутки и никогда не поднимаются до этого уровня восхитительной анонимности. И меньше всего в Америке, где слишком многие из них «чопорны» и «высокомерны», и тем необходимее унизить их и показать им, что к чему¹¹². Но попадаются редкие избранные. Если продраться через несчетные сексуальные приключения, реальные или воображаемые, в большинстве которых женщины сведены к «массе каких-то не поддающихся определению, судорожно дергающихся, корчащихся контуров: так выглядит на рыбий взгляд кусок свежей наживки»¹¹³, то вот как Миллер описывает «лучшую еблю», которую он когда-либо имел. Женщина, оказавшаяся его соседкой с верхнего этажа, была проста настолько, как если бы вовсе была лишена разума¹¹⁴:

«Все анонимно и расплывчато... Выше пояса, как я уже говорил, она была совсем трехнутая. То есть абсолютно ку-ку, хотя еще держалась на плаву. Возможно, именно по этой причине ее пиписька была так восхитительно имперсональна. Такая приходится одна на миллион... При встрече с ней днем видно было, что она все больше свихивается, ночью же ее можно было подманить, как хорька. Мне только и требовалось улечься в темноте, расстегнуть ширинку и ждать... «Да иди же сюда, сучонка, — говорил я про себя, — иди сюда и раскрой для меня свою пипиську»... Я ни звука не издал и не шелохнулся. Только неотрывно следил внутренним зрением за ее пиписькой, которая, как краб, продвигалась в темноте».

¹¹¹ H. Miller, *Tropic of Cancer*, New York, N.Y., Grove Press, 1961, pp. 181—183. [Рус. пер.: Миллер Г. Тропик рака. М.: АСТ, Люкс, 2005. С. 276.]

¹¹² H. Miller, *Tropic of Capricorn*, New York, N.Y., Grove Press, 1961. p. 180—181. [Рус. пер.: Миллер Г. Тропик козерога. М.: АСТ, АСТ Москва, 2008. С. 326.]

¹¹³ H. Miller, *Sexus*, New York, N.Y., Grove Press, 1964, p. 143. [Рус. пер.: Миллер Г. Сексус. М.: АСТ, Хранитель, 2007. С. 120.]

¹¹⁴ *Tropic of Capricorn*, p. 121. [Рус. пер.: Миллер Г. Тропик козерога. С. 213—215.]

Для Миллера секс особенно хорош, когда женщина, в той мере, в какой она вообще существует, служит просто приложением к своему влагалищу — и уж, разумеется, не требует драгоценностей за право видеть ее! Для Нормана Мейлера (1923—2007), такого же блистательного комментатора американской жизни, секс — это вид битвы. В этой битве мужчина, влекомый бог весть какими демонами (первая книга Мейлера «Нагие и мертвые» построена на его опыте Второй мировой войны, где он дрался с японцами), «подминает», «разбивает» и «употребляет» эту «суку»¹¹⁵. Всякий раз, когда Мейлер говорит о сексе, можно не сомневаться, что сцена насилия появится не дальше чем через страницу.

Связь между сексом и насилием особенно выпукло раскрыта в романе «Варварский берег», который сам Мейлер позднее, отвечая Кейт Миллет, назвал своей «самой важной книгой». Примерно половину книги два основных персонажа, рассказчик Майк Ловет, по профессии писатель, и Лэнни Мэдисон, живущая в том же доме и бог весть кто, заняты сексом. Им обоим примерно по двадцать, хотя она, возможно, чуть старше — повидала достаточно, чтобы накопить опыт, позволяющий его проучить. Ловет быстро понимает, что их первый секс был провалом. «Уверенный в собственных ласках, я поставил на то, что она растает... [вместо этого] она лежала подо мной как окоченелая и перенесла все с улыбкой». Одевшись, она расслабляется и говорит ему, что то, что он считал своей любовью, с ее точки зрения всего лишь нарциссизм; впрочем, поскольку он получил то, за чем пришел, у него нет оснований жаловаться. Он обижается, и между ними начинается разговор. Однако ее неумелые попытки объяснить и его неловкие попытки понять то, что она говорит, только ухудшают ситуацию.

Затем вдруг случается чудо. То, что она не смогла выразить словами, ее рука начинает писать почти сама по себе, как если бы и ею, в свой черед, овладел некий демон:¹¹⁶

«В одну раскаленную ночь колокол бум бум бум в серебро луны филиппинская женщина сделала ему немислимо сальную непристойность и после он выпроводил ее с воплем и криком

¹¹⁵ N. Mailer, *The Naked and the Dead*, New York, N.Y., Holt, Reinhart and Winston, 1948, pp. 125—126.

¹¹⁶ Norman Mailer *Barbary Shore*, New York, N.Y., Grosset & Dunlap, 1951, p. 156.

и никаких денег за ее измятый рот и думая об этом на следующий день на солнце... что за классный решительный тип... он слышит колокол ночи... ему нравится как это было, как он костяшками пальцев слегка поглаживал ее черную голову давай, давай делай дальше что начала».

Тайна раскрыта, и это производит тем более сильное впечатление, что она выплеснулась, так сказать, из глубин женской души. Пораженный этим внезапным разоблачением того, что на самом деле означает секс, Ловет в состоянии только промямлить «понятно». Это не удовлетворяет Лэнни, которая решительно заявляет ему, что нет, он ничего не понял, и продолжает вдабливать ему урок:¹¹⁷

«Ты не можешь представить себе мир с мужчиной, который смотрит на тебя как будто тебя не существует, так что ты медленно и ритмично дергаешься под ним, и все кружится, и тебя совсем уже нет здесь, и любовь наконец пришла именно такой, как я хочу, когда все в дыму и я в опиумном притоне, а вокруг одни головорезы, но мне плевать, потому что я уже ничего не чувствую».

Разумеется, ни Миллер, ни Мейлер не сообщают всей правды об американках и об американском сексе — ничуть не больше, чем образ кротости, любви и всепрощения характеризует всех христиан, а образ самоубийцы-шахида — всех мусульман. Но вышеприведенные цитаты тем и важны, что это не бред дешевых порнографов вроде тех, на которых так часто нападали Андреа Дворкин и другие феминистки. Каковы бы ни были непреходящие достоинства Мейлера и Миллера, в то время, когда они создали свои главные книги, с середины 1930-х до начала 1970-х гг., их считали писателями-авангардистами, которые помогли осуществить так называемую «сексуальную революцию» и стали ее героями. Общество позволило им заявить о той свободе, которую влечет эта позиция. Миллер даже смог окружить себя колонией почитателей-единомышленников.

Если бы Миллер и Мейлер писали в более ранний период, они были бы привлечены к суду (с Миллером так и было, пока Верховный суд не оправдал его) и отправились бы за решетку. Если бы они занялись этим позднее, то в эпоху политкорректности, которая сама по себе является продуктом того, что Мейлер назвал «феминизацией Америки», их бы просто линчевали.

¹¹⁷ *Barbary Shore*, p. 157.

В 1983 году городские власти Индианаполиса даже приняли указ, позволявший преследовать тех, в чьих словах, текстах, картинах или фотографиях присутствует «дискриминация» женщин¹¹⁸. Только обращение в Верховный суд помешало этому указу вступить в законную силу, на основании которого за решеткой оказались бы бесчисленные «порнографы».

Короче (и Мейлер сам сказал это о Миллере), каждый из них в свое время и по-своему распахнул окно в душу американского мужчины. Они показали, как эта душа, «движимая трепетным благоговением перед женщиной, трепещущая оттого, что она стоит на шаг ближе к вечности»¹¹⁹, стремится «возненавидеть женщин, осквернить их, унижить, символически обгадить их, сделать все, чтобы умалить их, чтобы стало возможным войти в них и получить от них удовольствие». Следует признать, что впоследствии окно это захлопнулось, во всяком случае применительно к уважаемому обществу и уважаемому искусству. Та свобода, которая царилась с 1961 года (когда Верховный суд разрешил публиковать Миллера в США) до 1980 года, ушла, — и это, пожалуй, к лучшему¹²⁰. Но установившаяся цензура не означает, что американские мужчины стали относиться к американским женщинам с большим почтением или с меньшей злобой. Вероятно, ровно наоборот.

Не у каждого американца есть то, что нужно — а понадобится может очень много, — чтобы возвести американку на пьедестал, дать ей то, чего, по ее мнению, она заслуживает, и получить в ответ разрешение быть с ней и, возможно, даже спать с ней. Не все американцы читают и уж подавно не все пишут или занимаются другими видами творческой деятельности, чтобы выразить свои чувства к американкам и, что еще важнее, чтобы быть услышанными не только за стойкой бара, в стриптиз-клубе и в раздевалке. И среди них немало тех, кто ищет жену-неамериканку. Склонность искать жену за границей отчасти проистекает из того факта, что Америка была

¹¹⁸ См. об этом законе в: Duggan, “Censorship in the Name of Feminism”, in Duggan and Hunter, eds., *Sex Wars*, pp. 30—42.

¹¹⁹ N. Mailer, *The Prisoner of Sex*, Boston, MA, Little, Brown, 1971, p. 116

¹²⁰ См. об этом: K. Roiphe, *Last Night in Paradise: Sex and Morals at the Century's End*, New York, N.Y., Vintage, 1997.

и остается нацией иммигрантов. Во всех исторических волнах эмиграции мужчин было больше, чем женщин. И те, чьей целью были США, не составляли исключения¹²¹.

Прибыв на место, иммигранты обычно обнаруживают, что они беднее среднего жителя страны. Они живут в этнических анклавах и чаще всего не вполне владеют языком, а все это означает, что им трудно наладить общение с местными женщинами в новой для себя стране. Сначала они пытаются устранить затруднение, обращаясь к проституткам. Позднее, освоившись, задумываются о семье. Тот, кто может себе это позволить, сам отправляется за невестой, кто не может — выписывает ее по почте. Для примера того, как это делается в наши дни, достаточно открыть *New Delhi Times* и обнаружить изобилие объявлений, помещенных самими индийскими «парнями» или по их поручению. Начав зарабатывать в Америке, они жаждут подходящих невест из подходящих семей. Импортированные жены почти заведомо будут менее требовательными, и с ними будет легче ладить, хотя бы только потому, что в новом окружении они будут чувствовать себя неуверенно.

Америка еще в одном отличается от большинства других стран: если не считать Гражданской войны, после 1815 года на ее территории не было ни одного вооруженного конфликта. С другой стороны, она неоднократно посылала свои войска за океан. И, хотя большинство этих войн были локальными, некоторые, а именно Первая и Вторая мировые войны и война во Вьетнаме, были весьма крупномасштабными. Даже сегодня США сохраняют военное присутствие в таких далеких местах, как Германия и Южная Корея, Персидский залив и Япония. Армейский секс был преимущественно коммерческим — где бы ни размещались войска США, за ними тут же следовали бордели и стриптиз-клубы — но не всегда. Порой солдаты женились на этих женщинах и увозили их домой.

Иногда привлекательность этих женщин открыто связывается с тем фактом, что они меньше командуют мужчинами, менее требовательны и более почтительны к ним, чем американки. Пример — героиня романа Джеймса Миченера

¹²¹ См. некоторые цифры в: W. S. Thompson and P. K. Whelpton, *Population Trends in the United States*, New York, N.Y., Gordon and Breach 1969, pp. 172—175.

«Саёнара» (1954)*, действие которого происходит в Японии во время Корейской войны. Ее величайшее достоинство в том, что она ставит желания и потребности своего мужчины — американского военного летчика, которого она называет «Ас-сан» — на первое место, одновременно находя в этом собственное удовлетворение. Как она непохожа на его невесту, дочь генерала, которую он бросил и к которой вернется к концу романа! Она, безусловно, красива и желанна. Однако откровенность, с которой она обращается с ним, ясно показывает, что он вовсе не ее герой. Даже если оставить в стороне всю романтику, американским войскам за рубежом обычно было что предложить — от шоколада, сигарет и нейлоновых чулок до свадьбы, которая означала, что невеста получит визу в землю обетованную. Британцы в период Второй мировой войны с явной завистью утверждали, что «американцы переплачивают им во всем — в деньгах, в сексе, в своем собственном присутствии». Другие выражали ту же идею куда менее вежливо.

В этом и во множестве других случаев, вымышленных и реальных, родные страны этих женщин были опустошены войной настолько, что даже жизненно важные вещи доставались с большим трудом. Поэтому они были готовы на многое, лишь бы попасть в Соединенные Штаты Америки, издавна бывшие самой богатой страной мира — и она до сих пор самая богатая и во многих отношениях самая гостеприимная. Как и в случае с женами иммигрантов, сам факт переезда в незнакомое окружение должен был сделать их более зависимыми и покорными хотя бы до тех пор, пока они не начинали понимать, что к чему на их новой родине. Но стоило им как следует освоиться на новом месте, и на поверхность выходили культурные различия. А это порой вело к трагическому исходу, как в знаменитом деле Лорены Боббит, которая отрезала член своему мертвецки пьяному супругу.

Впрочем, даже во время Второй мировой войны большинство американских мужчин не служили в армии и не собирались подолгу жить за границей. Сочетание реактивного авиатранспорта и современных коммуникационных технологий создало условия для возникновения целой индустрии, которая занялась импортом женщин из других стран так же, как

* James Michener, *Sayonara* (1981). — Прим. перев.

импортируют любой другой товар¹²². Конечно, этой возможностью пользуются не только американцы, однако в сравнении с другими у них есть преимущество — они богаче по сравнению с большинством других. Соответствующие фирмы базируются в США или за рубежом. Они совершенно открыто расхваливают свой товар и подчеркивают его преимущество перед местным продуктом. «Вы ищете любящую, преданную и верную жену? Вы устали от ведущейся здесь, в Соединенных Штатах Америки, войны полов, в которой освобожденные и одинокие американки настолько поглощены тем, чтобы быть не хуже мужчин, что позабыли о том, как быть настоящей женщиной?»¹²³ А вот еще объявление: «Русские женщины неиспорченны. Во многих странах с более низким уровнем развития... социальный статус женщин намного ниже, чем у мужчин. Русские мужчины часто обходятся с женщинами грубо и неуважительно. Именно к этому привыкли русские женщины... Русские женщины видят в американцах добрых, отзывчивых, уважительных, понимающих, сочувствующих и надежных мужчин... Многие американки воспринимают эти качества своих мужчин как само собой разумеющиеся. Но поскольку русские женщины привыкли совсем к другому, они никогда не будут воспринимать эти качества как данность. Эти качества делают американцев очень привлекательными для русских женщин». Поэтому эти женщины «стараятся быть преданными, любящими женами»¹²⁴, не говоря о том, что они привлекательны, хорошо образованны и владеют английским. Хотя, по данным Иммиграционной службы, только один из пяти тысяч американских браков был заключен таким образом, американки встревожились и потребовали расследовать в Конгрессе деятельность этой индустрии¹²⁵. Другие заявили, что эти мужчины — просто «неудачники». Может, это и верно, но зато хорошо иллюстрирует хватку американок.

Поскольку американки травят своих мужчин и порой доводят их до отчаяния, то неудивительно, что американцы более

¹²² О том, как это организовано, см.: K. Garin, "A Foreign Affair", *Harper's*, June 2006.

¹²³ www.getgirls.com/foreign.htm.

¹²⁴ http://www.special-lady.com/sexy_wives.htm.

¹²⁵ The Report, "International Matchmaking Organizations" (1999) (http://www.uscis.gov/files/article/Mobrept_full.pdf).

склонны прибегать к насилию против женщин, чем их собратья в большинстве других развитых стран. Согласно статистике Интерпола¹²⁶, в 2000 году в США произошло 32 изнасилования на 100 000 жителей, что на 40% меньше, чем десять лет назад. В сравнении со Швецией соотношение составило 1,4 к одному, с Германией — 2,5 к одному, с Японией — 17 с лишним к одному. Если учесть, что из каждых четырех жертв трое были знакомы с предполагаемым насильником, легко представить, что за штучки эти американки. Случаи, которые в других странах и сами женщины, и полиция рассматривали бы как обычный элемент отношений между лицами разного пола, здесь преследуются со всей строгостью закона.

Наконец, исследование, проведенное Гарвардской школой здравоохранения¹²⁷, обнаружило, что на США, где проживает всего 32% населения 25 самых богатых стран мира, приходится 70% всех убийств женщин в этих странах, вместе взятых. А именно, ежегодно жертвами убийц оказываются около 4000 американок. Если сравнить с другими странами, у американок вдвое больше шансов быть убитыми, чем у канадок, впятеро больше, чем у немок, и в восемь раз больше, чем у англичанок. По данным министерства юстиции¹²⁸, в 2000 году девять из десяти американок, ставших жертвами убийц, пали от рук мужчины (или мужчин), а не женщин. 62% убийц состояли в интимных отношениях со своими жертвами, а еще 28% убийц поддерживали с жертвой близкие отношения иного рода.

В то время как в 52% случаев убийства мужчины мужчиной между убийцей и жертвой не было семейных или интимных связей, мужчины сравнительно редко убивают незнакомок. Иными словами, чем ближе отношения между женщиной и мужчиной, тем большую угрозу она представляет и тем больше шансов, что он отомстит ей убийством. Не менее 81% убитых американок нашли свою смерть в ситуациях, связанных с сексуальными отношениями — у мужчин соответствующий показатель только 19%. Ситуация настолько плоха, что убий-

¹²⁶ www.interpol.int/public/statistics/ics.

¹²⁷ Harvard School of Public Health Press release, 17.4.2002 (www.hsph.harvard.edu/press/releases/press04172002.html).

¹²⁸ “Homicide Trends in the U.S.: Gender” (<http://www.ojp.usdoj.gov/bjs/homicide/gender.htm>).

ство стало наиболее распространенной причиной смерти беременных женщин¹²⁹. Американцы не могли бы найти лучшего способа показать свое истинное отношение к американкам.

Пожалуй, Токвиль был прав, сказав, что американки, причисленные к самостоятельной сексуальной обороне, куда свободнее участвуют в созидании общества, чем другие женщины — и что это их участие отчасти определяет успех Америки. Если так, то обоим полам пришлось дорого заплатить за этот успех. Быть американским мужчиной не шутка в той степени, в какой это означает оказаться между защитными методами американок, их алчностью, склонностью к разводам и неустанным стремлением к равенству на всех возможных «полях сражений» (Бетти Фридан)¹³⁰. Но и жизнь американки не сахар в той степени, в какой такая жизнь означает заточение на пьедестале или обращение как с бессмысленным куском грязи, который следует взять силой, изнасиловать или убить, или отбросить в пользу более скромной иностранки. Но даже если женщина, избежав всех этих опасностей, сумеет выйти замуж за успешный механизм по добыче денег и, в наши дни, успешно сделает «карьеру», которая даст ей силу, деньги и славу, все равно ее жизнь может не удовлетворить ее. Как однажды было замечено¹³¹, американки преуспели во всем, кроме того, чтобы быть по-настоящему женственными.

Головокружительный темп модернизации, которым отличается американское общество, отнюдь не облегчает эти проблемы, а, наоборот, усиливает их. Начиная с (по всей вероятности) изобретения колеса и заканчивая разработкой компьютеров и проведения состоявшегося в 1995 году «марша

¹²⁹ «Pregnant Women Risk Murder in U.S, Report Finds», Yahoo! News, 23.2.2005 (<http://crime.about.com/b/2005/02/24/us-pregnant-women-face-murder-risk.htm>); J. Levine, «No. 1 Cause of death in Pregnant Women: Murder», WeBMD Medical News, 21.12.2004, (http://my.webmd.com/content/article/31/1728_75217?src=Inktomi&condition=Home%20&%20Top%20Stories).

¹³⁰ B. Friedan, *The Second Stage*, New York, N.Y., Summit Books, 1981, p. 30.

¹³¹ Американка азиатского происхождения, Элен Куо, цит. по: E. Dingwall, *The American Woman*, New York, N.Y., Signet, 1957, p. 14.

миллиона мужчин»*, позднее скопированного в виде «марша миллиона женщин», исторически почти все новшества, изобретения и открытия были сделаны мужчинами¹³². Поэтому чем быстрее развивается общество, тем сильнее приходится женщинам тянуться, чтобы догнать мужчин, иницирующих большинство изменений. А чем больше усилий прилагают женщины, тем быстрее приходится бежать мужчинам, если они хотят остаться мужчинами — есть даже книжка под названием «Пожалуйста, верните мне яйца»¹³³, написанная в пик книги Фридан, Добавьте относительную слабость социальной «страховочной сетки», что для женщин имеет куда более пагубные последствия, чем для мужчин, и можно заподозрить, что американское общество намеренно организовано так, чтобы вызвать у женщин зависть к пенису, а у мужчин — страх перед женщинами. К тому же все это переплетено с ненавистью. В какой еще стране женщины могут похвастаться написанной про них песней со словами «Американская женщина, держись от меня подальше» (1968 г.), ставшей одним из самых популярных гитарных соло в истории рока?

Вероятно, родиться чернокожей женщиной — наихудший из возможных жребиев. Продолжительность жизни Джима Кроу** ниже, чем у представителей любой другой расовой группы¹³⁴, и все же в сравнении с Джейн Кроу даже он находится в привилегированном положении. Здесь, как и во многих других случаях, трудно сказать, то ли дискриминация породила материальные лишения, то ли материальные лишения способствовали усилению дискриминации. Как бы то ни было, уже в 1900 году негры в 6—10 раз чаще белых женились на аме-

* По инициативе лидера религиозного движения «Нация Ислама» Луиса Фарахана, хотевшего таким образом повысить степень участия черных мужчин в выборах и т.п. — *Прим. перев.*

¹³² В 1998 г. 10,3% выданных в США патентов было получено женщинами, тогда как в 1972 г. — только 2,7%; по данным About.com (http://inventors.about.com/library/inventors/blkidprimer6_12w4.htm).

¹³³ А. Adebayo, *Can I Have My Balls Back, Please?*, Boston, MA, National Book Network, 2002.

** Джим Кроу — презрительная кличка американских негров. — *Прим. перев.*

¹³⁴ Summary of National Vital Statistics, Deaths, 1998, доступно на http://www.cremationassociation.org/docs/life_expectancy.pdf.

риканках, имевших работу вне дома¹³⁵. Это не имело никакого отношения к желанию «развить личный потенциал» и «реализоваться», сделав «карьеру» в доступных им областях деятельности. Причиной, скорее, был исключительно высокий уровень безработицы среди черных мужчин: негритянки были вынуждены работать задолго до феминизма.

С тех пор ситуация изменилась не намного. В начале 1990-х гг. средний заработок чернокожего американца составлял 70% зарплаток белого. При этом работающая на полную ставку и круглый год чернокожая американка зарабатывала 83% того, что получал чернокожий мужчина — и это несмотря на то что на женщин пришлось почти две трети всех университетских дипломов, выданных американским неграм¹³⁶, так что в этом случае не срабатывает даже образование, эта великая панацея американской жизни. Почти половина негритянок все еще занята неквалифицированным трудом на производстве, в сфере услуг и в качестве домашней прислуги¹³⁷. Их заработок располагается в самом низу шкалы дохода, чем объясняется то, почему в стране, где в вооруженные силы идут только самые обездоленные, среди завербованных военнослужащих чернокожих женщин на 50% больше в относительном выражении, чем чернокожих мужчин¹³⁸. Почти такие же трудности испытывают испаноязычные женщины. Но это хотя бы объясняется тем, что они принадлежат к числу недавних иммигрантов, которые прибыли из бедных стран и мало что умеют. Но в свое время их ждет судьба прежних иммигрантов, которые начинали с наемных квартир, а затем переселялись в пригороды.

К тому же чернокожим женщинами крайне трудно найти себе пару. Загляните на многочисленные веб-сайты, где размещаются брачные объявления иностранных невест¹³⁹. Есть спрос

¹³⁵ 30% в сравнении с 3—5%; Licht, *Industrializing America*, p. 184.

¹³⁶ Summary of Vital Statistics, *Journal of Blacks in Higher Education*, 35, spring 2002.

¹³⁷ T. Amott and J. Matthaei, *Race, Gender, and Work: A Multi-Cultural Economic History of Women in the United States*, Boston, MA, South End, 1996, pp. 185, 348, table 10—13.

¹³⁸ Среди военнослужащих женщин черных 33%, а среди мужчин только 22%; C. Johnson, *The Sorrows of Empire: Militarism, Secrecy and the End of the Republic*, New York, N.Y., Metropolitan, 2004, pp. 103, 105.

¹³⁹ Например, <http://www.mysticcafe.com/women/profiles.shtml>.

на белых женщин из стран Восточной Европы, и довольно много мужчин готовы зарегистрироваться и заплатить несколько тысяч долларов, чтобы поехать туда и встретиться с ними. Есть спрос на желтокожих женщин из стран Восточной Азии и на смуглых латиноамериканок. В последние годы появился даже спрос на темнокожих арабов и индианок. Эти женщины нужны мужчинам из соответствующих этнических сообществ то ли потому, что они недавние иммигранты, а потому не могут рассчитывать на белую американку, то ли потому, что им нужны особые, редкие у американских дам женские достоинства — такие, как скромность. Спроса нет только на чернокожих африканских женщин. Дело, конечно, в том, что этого «товара» хватает и в самой Америке: согласно некоторым источникам, 3 млн черных американок не в состоянии найти себе подходящую пару¹⁴⁰.

Предназначенные для чернокожих американок журналы мод с очевидностью показывают, что если негритянка хочет быть востребованной, цвет ее кожи должен быть как можно светлее, и существуют соответствующие осветлители, причем некоторые из них небезопасны. Им следует использовать косметику или обратиться к хирургу, чтобы избавиться от широких носов и полных губ. Волосы можно выпрямить, носить их длинными или очень короткими, стричь под бобрик или заплетать в косички, нельзя лишь одного — оставить их естественно-курчавыми¹⁴¹. Словом, чем меньше в их внешности негритянского, тем они привлекательнее: в рекламе, а возможно, и в жизни невозможно себе представить, чтобы дама с характерной африканской внешностью выходила из «Мерседеса». Как доказывает статуя чернокожего солдата в Мемориале ветеранов Вьетнама на Национальной эспланаде в Вашингтоне, мужчинам-неграм тоже хорошо бы как можно больше походить на белых. Разница в том, что мужчина, даже негр, может восполнить дефекты внешности с помощью образования, мастерства, денег, силы и славы. К чернокожим женщинам это относится в куда меньшей степени: если они пойдут тем же путем, то скорее отпугнут потенциальных спутников жизни, чем привлекут их.

¹⁴⁰ R. Staples, "Race and Marital Status; An Overview", in H. P. McAdoo, ed., *Black Families*, Thousand Oaks, CA, Sage, 1997, p. 174.

¹⁴¹ См. об этом: K. Russell et al, *The Color Complex: The Politics of Skin Color among African Americans*, New York, N.Y., Anchor, 1992, pp. 41—61.

Даже если чернокожая женщина привлекательна, против нее работает демография. По большей части так происходит оттого, что из обращения изъято астрономическое число чернокожих мужчин. Одни убиты — по преимуществу другими чернокожими. Другие нарушили закон и сидят в тюрьме: в любой данный момент времени 50% чернокожих мужчин в возрасте от 19 до 24 лет либо сидят за решеткой, либо осуждены и отпущены на поруки. Молодые негры, оставшиеся в живых и хоть немного преуспевшие, завалены брачными предложениями. Зачастую они предпочитают иметь дело с временными подружками вместо того, чтобы жениться и взваливать на себя ответственность за семью. Чернокожие мужья зачастую менее образованны, чем их жены, — частью в силу своей немногочисленности, частью оттого, что среди них лишь немногие посещали колледж, — тогда как в белых семьях соотношение обратное¹⁴². Иными словами, чернокожие американки вынуждены вступать в неравный брак.

Если чернокожая американка попытается сломать шаблон и найти белого мужчину, она скорее всего обнаружит, что это очень непросто. В тот или иной период две трети штатов принимали законы, запрещающие межрасовые браки, сексуальные отношения или то и другое. Только в 1967 году Верховный суд объявил все эти законы неконституционными. До этого пары, нарушавшие закон — скажем, обвенчавшись в другом штате и вернувшись домой, — нередко становились объектом преследования со стороны полиции и судов¹⁴³. Даже в 2000 году в университете Боба Джонса в Южной Каролине действовало правило, запрещающее студентам назначать свидания лицам другой расы. В Джорджии одна средняя школа выжидала до 2007 года, чтобы провести первый смешанный выпускной бал¹⁴⁴. Хоть и говорят, что американцы стали более терпимыми к межрасовым бракам¹⁴⁵, даже сегодня

¹⁴² Sweet and Bumpass, *American Families and Households*, p. 45.

¹⁴³ См. об этом: J. Ritterhouse, "Speaking of Race: Sara Patton, Boyle and the 'T. J. Sellers Course for Backward Southern Whites'", in M. Hodes, ed., *Sex, Love, Race; Crossing Boundaries in North American History*, New York, N.Y., New York University Press, 1999, pp. 491—513.

¹⁴⁴ D. Schoetz, "Georgia High School to Celebrate First Ever Integrated Prom", ABC News, 10.4.2007 (<http://abcnews.go.com/US/story?id=3026519&page=1>).

¹⁴⁵ См. в: "A Survey of America", in *The Economist*, 8.11.2003, p. 8.

только 4% негритянок выходят замуж за мужчин с другим цветом кожи.

А теперь рассмотрим другую сторону проблемы. На каждых двух негритянок, вступивших в брак с человеком иной расы, приходится пять чернокожих мужчин, которые поступили так же¹⁴⁶; таким образом, устранение правовых запретов на «смешение рас» ведет к тому, что возможности черных американок найти себе пару сокращаются еще больше, т.к. уменьшается количество доступных мужчин одной с ними расы. Наконец, помимо того, что число привлекательных чернокожих мужчин с самого начала невелико, сливки с этой группы снимают белые женщины. Мужчины, о которых идет речь, намного выше среднего уровня по образованию, карьере, благосостоянию или по всем этим показателям сразу. Посмотрите, скажем, на футболиста О. Дж. Симпсона и игрока в гольф Тайгера Вудса. Для этих и подобных им мужчин добыча в виде белой женщины, желательно голубоглазой блондинки, — лучшее доказательство того, что они полностью состоялись в Америке.

Возможно, негритянки в семь раз чаще белых оказываются в тюрьме именно потому, что они чаще живут бедно¹⁴⁷. Возможно, негритянки вчетверо чаще белых умирают во время родов¹⁴⁸ или сразу после них из-за того, что у них меньше возможностей на получение адекватной медицинской помощи, особенно в предродовой период¹⁴⁹. Родив, они чаще, чем белые, воспитывают детей в одиночку, без мужской помощи. Причина отчасти в том, что у замужней негритянки больше шансов овдоветь¹⁵⁰. Отчасти так происходит потому, что браки между чернокожими даже менее стабильны, чем остальные. Разница составляет примерно 40%¹⁵¹: через 10—14 лет пос-

¹⁴⁶ “Socioeconomics of Interracial Marriage”, *Gene Expression*, 29.7.2003. См. также интересные наблюдения, сделанные в работе: Todd, *After the Empire*, p. 110.

¹⁴⁷ Frey, *Schwarzbuch der USA*, p. 242.

¹⁴⁸ L. Casimir, “Black Maternal Deaths 4 Times the White Rate”, *Daily News*, 8.6.2001.

¹⁴⁹ Summary of Vital Statistics, *Journal of Blacks in Higher Education*, 35, spring 2002.

¹⁵⁰ В любом возрасте до достижения 75 лет, когда различия сглаживаются; J. A. Sweet and L. L. Bumpass, *American Families and Households*, New York, N.Y., Russell Sage, 1990, p. 203 table 5.14.

¹⁵¹ Goode, *World Changes in Divorce Patterns*, p. 157.

ле первого замужества только чуть более половины негритянок (у белых более двух третей) все еще будут замужем¹⁵².

Следует иметь в виду, что те чернокожие женщины, кто все же замужем, страдают из-за безработицы среди черных мужчин, которая вдвое выше, чем среди белых¹⁵³ мужчин, что затрудняет содержание семей этими мужчинами при всем их желании. Но, по-видимому, у значительного их числа такого желания как раз нет. Каковы бы ни были тому причины, в 1990-е гг. примерно 47% черных матерей растили своих детей без помощи мужа или другого постоянного партнера. Среди негров с низким доходом этот показатель составил 80%, что намного больше, чем у любой другой демографической группы¹⁵⁴. Во всей истории человечества трудно найти другое общество, в котором семья претерпела бы столь катастрофический крах. Ситуацию усугубляет еще и то, что чернокожие матери вдвое реже получают пособия на детей, чем белые. Вероятно, именно по этой причине почти половина одиноких черных матерей живет ниже уровня бедности¹⁵⁵.

Не стоит надеяться на то, что белые сестры протянут им руку помощи. Судьба чернокожей бедной американки не слишком отличается от судьбы бедной белой, разве что она труднее. Однако еще со времен съезда в Сенека-Фолс американские феминистки всегда по большей части были белыми и принадлежали к среднему классу. Многие из них участвовали в благородной борьбе за отмену рабства. Но, достигнув своей цели, они предоставили негритянок их нелегкой судьбе. Обычно белые женщины не занимались защитой негров от прогресса, навязываемого обществу белыми мужчинами¹⁵⁶: в начале XX века некоторые белые женщины даже отвергли суфражистское движение только потому, что в случае успеха право

¹⁵² Sweet and Bumpass, *American Families and Households*, p. 188 table 5.3.

¹⁵³ Amott and Matthaei, *Race, Gender, and Work*, p. 181 table 6-2.

¹⁵⁴ Amott and Matthaei, *Race, Gender, and Work*, p. 183; U.S. Bureau of the Census, *Poverty in the United States*, Washington D.C., U.S. Government Printing Office, 1991, Series P-60. No. 181, pp. 7-9.

¹⁵⁵ Amott and Matthaei, *Race, Gender, and Work*, p. 313 figure 9-3, p. 314 table 9-7, p. 315 table 9-8.

¹⁵⁶ L. K. Dunlap, "The Reform of Rape Law and the Problem of White Men", in Hodes, ed., *Sex, Love, Race*, pp. 352-357.

голоса получили бы и их черные сестры¹⁵⁷. В наши дни белые женщины, загруженные собственными проблемами вроде экспериментов с нетрадиционными формами семьи, редко обращаются к проблемам негритянок, которые, зачастую перед лицом невероятных трудностей, отчаянно пытаются сохранить ту семью, которая есть, какой бы она ни была. Предпринимая чрезвычайные усилия, чтобы пробить так называемый «стеклянный потолок», белые женщины не обращают внимания на множество негритянок, к которым обращаются «леди», только когда те моют полы.

Время от времени отдельные чрезвычайно талантливые, целеустремленные и трудолюбивые негритянки добиваются успеха несмотря ни на что. Зачастую успех обходится им куда дороже, чем их белым соперницам. От ведущей ток-шоу Опры Уинфри до бывшего помощника президента по вопросам национальной безопасности и действующего государственного секретаря Кондолизы Райс, от профессора права Аниты Хилл до министра труда в администрации Клинтона Алексис Герман все они, практически без исключения, остались бездетными. Многие из них шли по жизни без мужа или постоянного партнера. Да и как могло быть иначе? Подходящие чернокожие мужчины встречаются реже, чем единороги; подходящие белые мужчины почти заведомо предпочтут белую леди. У этих вызывающих несомненное восхищение суперуспешных черных дам так же мало общего с большинством своих сестер, как у среднего дирборнского автомобильного магната с легионом мужчин-рабочих, работающих на него на какой-нибудь сборочной линии в Детройте. Почти все они смотрят сверху вниз на среднюю негритянку, заброшенную и одинокую.

Когда весь мир сговорился против чернокожих женщин, сексуальность — все, что у них осталось. Представление, будто от чернокожих женщин (и мужчин) несет козлом, что они обладают более развитыми половыми органами и гораздо похотливее остальных, — одна из самых ярких составляющих американского расизма. Ее можно проследить по меньшей мере до середины XVIII века, а среди ее сторонников и распространителей был

¹⁵⁷ R. Ferguson, "Women's Liberation Has a Different Meaning for Blacks", in G. Lerner, ed., *Black Women in White America: A Documentary History*, New York, N.Y., Vintage, 1973, pp. 587—592; Kraditor, *The Ideas of the Woman Suffrage Movement*, p. 25.

сам Томас Джефферсон¹⁵⁸. До отмены рабства, когда в этой сексуальности видели доказательство биологической ущербности, ее часто использовали для оправдания рабства и обычной для того времени практики принуждения рабынь к сожителю с хозяевами¹⁵⁹. После освобождения ее часто истолковывали в том смысле, что трудящиеся негритянки должны обходиться без той защиты от сексуальных преследований, которой требовали их белые сестры и которую они получили.

Суды с «веселым презрением»¹⁶⁰ реагировали на упоминания о добродетели и человеческом достоинстве негритянок, и даже в 1960-х гг. тот «факт», что «цветные» развращены и не чувствуют стыда в присутствии лиц противоположного пола, использовался как оправдание общих для чернокожих мужчин и женщин туалетов в правительственных учреждениях, на автобусных и железнодорожных станциях и т. д. Словом, негритянке была предназначена незавидная роль «черной шлюхи», а когда она старела, то лишалась и этого.

Черная шлюха — это южная леди и ее современные приемницы, взятые с обратным знаком. Она, подобно этой леди, отчасти вымысел, отчасти реальность. В отличие от леди, она приходит не со страниц романов и ученых социологических трудов, а со страниц бесчисленных порнографических журналов и веб-сайтов. В ноябре 2006 года на поисковик Yahoo.com с запросом «черные шлюхи» обращались 370 000 раз. Если не в реальности, то в Сети черных шлюх намного больше, чем всех остальных потаскушек, вместе взятых.

Южная леди была женщиной из любящей семьи, которую окружали защитники-мужчины, готовые драться на дуэли за ее честь. Шлюха, напротив, целиком предоставлена самой себе,

¹⁵⁸ См.: J. L. Morgan, “‘Some Could Suckle over Their Shoulder’; Male Travelers, Female Bodies, and the Gendering of Racial Ideology, 1550—1770”, *William and Mary Quarterly*, 54, 1997, pp. 184—192; W. Peden, ed., *Notes on the State of Virginia*, Chapel Hill, N.C., University of North Carolina Press, 1955, p. 138.

¹⁵⁹ См. об этом: Lerner, ed., *Black Women in White America*, pp. 146—172; W. Harper, “Memoir on Slavery”, in W. Harper and others, eds., *The Pro-Slavery Argument; as Maintained by the Most Distinguished Writers on the Southern States*, Charleston, S.C., Walker, Richards & co., 1852, pp. 40—41.

¹⁶⁰ L. F. Litwack, *Trouble in Mind; Black Southerners in the Age of Jim Crow*, New York, N.Y., Knopf, 1998, p. 348.

что, разумеется, и делает ее столь удобной мишенью. Южная леди целомудренна, а самым заметным достоинством шлюхи является ее сексуальная неразборчивость. На деле незамужние черные подростки женского пола беременеют во много раз чаще, чем девушки из любой другой этнической группы¹⁶¹. В этом отношении сложившийся стереотип имеет известную опору в действительности. Жизнь этих девушек настолько трудна и скудна, что попользоваться ими вполне способен любой, располагающий автомашиной, квартирой и небольшим количеством денег.

Согласно стереотипу, шлюха из гетто либо безмозгла, либо одурела от наркотиков, купленных на деньги любовников. Она не пользуется дезодорантами и шампунями и потому плохо пахнет, и недостаточно умна, чтобы использовать противозачаточные средства. Напротив, вся ее привлекательность заключается в грубой, необузданной, животной натуре, то есть в том, чего у белой американской женщины нет или кажется, что нет, а если и есть, то тщательно скрыто. У нее все черное — грудь, живот, зад — и непристойно яркие, как у какого-нибудь бабуина, розовые губы и влагалище, служащие приемником для жидких выделений мужчины. Вот типичная история: «Требовались шлюхи, мы заплатим шлюхам за секс... Мы долго не казали носа наружу, пока некоторые местные не вызверились на нас... Этот район не работал, поэтому мы выползли... где же здесь еще гетто, чтобы нам найти шлюху, которая будет трахаться за деньги... какую-нибудь случайную девку... готовую лечь под любого»¹⁶². Как в литературе, так и в жизни и белый, и негр желают ее, потому что презирают, а презирают именно потому, что она желанна. В литературе и в жизни они овладевают ею и отворачиваются, как только кончат. Нет никаких сомнений, что из всего необозримого множества рас, культур, полов, стилей жизни, которые собрались в этом огромном бурлящем котле, который есть Америка, черная шлюха — самая несчастная и самая растоптанная.

¹⁶¹ См. об этом ниже с. 287.

¹⁶² “Eric’s Nuts, Real Girls Get Fucked” (http://gallery.clubdrunk.com/gallerys/en/en_5/5index/php?r=bejba).

Глава 5

ДЕТИ В АМЕРИКЕ

Средняя американка ждет, когда ей исполнится 29 лет, чтобы родить первого ребенка; уровень рождаемости падает, а ожидаемая продолжительность жизни больше, чем когда-либо прежде. Но даже в эту эпоху дети и молодые люди до 21 года составляют более четверти населения страны. Потому-то и поразительно, что в большинстве превосходных книг, написанных об Америке, дети и молодежь едва упомянуты. Это относится к «Истории американского народа» Пола Джонсона [Paul Johnson, *A History of the American People* (1997)] и к «Империи разума» Генри Стила Коммагера [Henry Steele Commager, *The Empire of Reason* (1978)], к книге «Американцы» Дэниела Бурстина [Daniel Boorstin, *The Americans* (1965)] и к «Фронтиру в американской истории» Фредерика Джексона Тернера [Frederick Jackson Turner, *The Frontier in American History* (1893)]. Даже Токвиль в своей «Демократии в Америке» (1835—1840), которая охватывает буквально все стороны жизни американского общества, не сказал об этом предмете ни слова. Однако то, как общество обходится со своими юными членами, многое говорит о том, как это общество функционирует; более того, способ обращения с ними и есть тот метод, посредством которого ценности фиксируются и передаются из поколения в поколение. Чтобы разгадать загадку по имени Америка, нет средства лучше, чем разобраться в том, как страна обращается с детьми.

Судя по тому, что у американцев потомства больше, чем у жителей любой другой развитой страны¹, они любят детей. Тем поразительнее открытие, что в самой богатой стране земли детям приходится нелегко. Основные факты известны давно

¹ Данные о рождаемости и о доле детей в численности населения взяты из отчета: *U. N. Human Development Report*, 2001, table 5; см. также: Todd, *After the Empire*, p. 55.

и широко обсуждались. После 1980 года они привели к созданию особого Комитета Конгресса по проблемам детей, молодежи и семей, Комитета по экономическому развитию, Национальной комиссии по проблемам детей и аналогичного комитета Национальной академии наук. На каждый национальный комитет приходится десятки других, созданных штатами, городами, академиями, частными и общественными благотворительными учреждениями.

Многие из этих организаций получали немалые гранты на исследования, позволившие им нанять персонал и провести изучение вопроса. Все они выполнили пространные изыскания, а многие даже опубликовали полученные результаты (собственно говоря, можно рассматривать значительную часть «образовательной индустрии» попросту как один из множества механизмов, предназначенных для того, чтобы за счет всех остальных немного помочь взрослым людям, принадлежащим к среднему классу). Лавина публикаций была такова, что всякий, кто возьмется разобраться в них, рискует быть погребенным под ее толщей. Тем не менее фундаментальных перемен не произошло, а ситуация, если уж на то пошло, стала еще хуже.

Начнем с обстоятельств рождения и воспитания детей, нередко оказывающих решающее влияние на их последующую жизнь. За последние четверть века после 1970 года число американских детей, рожденных вне брака, увеличилось с 5,3% до 24,5% (среди белых с 2,3% до 16,7%)². В частности, матери в возрасте до 19 лет, в подавляющем большинстве незамужние, а потому обреченные на трудности в содержании и воспитании своих детей, стали в США куда более частым явлением, чем в любой другой развитой стране. В 1999 году из 1000 американских женщин в возрасте от 15 до 19 лет 54,4 родили ребенка. Для сравнения скажем, что в Великобритании таких было 28,4, в Канаде 24,2, в Австрии 19,8, а в Австралии 15,6; в списке из 45 стран США заняли второе место после Армении³. Одним из результатов стало то, что за послед-

² R. Haverman and B. Wolfe, *Succeeding Generations: On the Effects of Investment in Children*, New York, N.Y., Russell Sage, 1995, pp. 5–9, table 1.1.

³ S. Singh and J. E. Darroch, “Adolescent Pregnancy and Childbearing: Levels and Trends in Developed Countries”, *Family Planning Perspectives*, 32, 1, 2000, p. 16, table 2.

ние тридцать лет доля детей, матери которых никогда не были замужем, увеличилась почти в десять раз, с 0,8% до 7,6%.

Совершенно неясно, почему американские женщины, особенно молодые, так склонны беременеть и рожать детей вне брака. Возможно, это как-то связано с пуританской атмосферой, в которой они выросли. Она то ли является причиной женского невежества относительно секретов половой жизни, то ли с возрастом приводит их к бунту, то ли дело в дороговизне аборт и их малой доступности. Сопоставление с европейскими странами наводит на мысль, что здесь могут оказывать влияние все три фактора⁴. Другой причиной может быть невнимание со стороны родителей, особенно со стороны матери. Американские подростки (обоих полов), общающиеся со своими матерями, ведут менее активную сексуальную жизнь⁵. Другие исследования показали, что у матерей, работающих вне дома, дочери-подростки начинают заниматься сексом в возрасте до 18 лет на 40% чаще; с другой стороны, о том, что их дочери занимаются сексом, было известно менее чем половине матерей, чьи дочери-подростки забеременели⁶. Это объяснение подкрепляет тот факт, что дочери разведенных родителей, живущие с одинокой матерью, чаще становятся матерями-одиночками, чем девочки, выросшие в полных семьях⁷. А это объясняет, почему именно негритянки подросткового возраста ведут в этом списке с большим отрывом.

Наконец, выраженная склонность многих незамужних подростков беременеть и рожать детей может иметь отношение к системе свободного предпринимательства, частью которой — благодаря четырем десятилетиям направленных усилий феминисток — женщины стали в большей степени, чем когда-либо прежде. Большинство молодых женщин, о которых идет речь, происходят из низших классов⁸. Многие из них чувствуют, что

⁴ T. Amin, "Why Are European Teens Healthier?" Network for Family Education, Rutgers University, 2004.

⁵ R. T. Michael, "Private Sex and Public Policy", in E. O. Laumann and R. T. Michael, eds., *Sex, Love and Health in America*, Chicago, IL, University of Chicago Press, 2000, p. 479.

⁶ See *USA Today*, 5.9.02, p. 8D.

⁷ Haverman and Wolfe, *Succeeding Generations*, p. 106; см. также: R. T. Michael and K. Joyner, "Sex During Adolescence", in Laumann, ed., *Sex, Love and Health in America*, p. 76, 87.

⁸ Haverman and Wolfe, *Succeeding Generations*, pp. 107—108, 197.

в силу происхождения им не выстоять в ожесточенной конкуренции, которая начинается в школе и длится всю жизнь. Как сказала одна из них⁹, они беременеют и рожают скорее всего не потому, что не знают о противозачаточных средствах или не могут себе их позволить. Они просто хотят показать всем — и родителям, и учителям, и обществу в целом, — что они *что-то* могут. Они чувствуют себя по-настоящему живыми только в то время, когда у них внутри растет дитя. Так обстоит дело с девушками-подростками независимо от цвета кожи и от того, что говорят о них люди.

То ли из-за дороговизны и несовершенства медицинского обслуживания беременных¹⁰, то ли из-за того, что женщины стали рожать первенца слишком поздно, а может, из-за того, что они продолжают работать во время беременности, детей, имеющих при рождении недостаточный вес, за 1990—1997 гг. стало больше на 7%¹¹. Более того: многие учреждения здравоохранения выпроваживают женщин домой через 24 часа после родов (в Англии в 1970 году им было разрешено оставаться там десять дней). США — одна из немногих развитых стран, в которых закон не гарантирует оплачиваемый отпуск по беременности и родам даже матерям, не говоря об отцах¹². Наконец, США не входят в число тех 76 стран, в которых матери гарантировано право кормить ребенка грудью на работе.

Все это может объяснить, отчего американским младенцам, появившимся на свет, смерть угрожает больше, чем детям некоторых других стран. По данным одного исследования, в 1998 году младенческая смертность составила в Америке 6,67 на 1000 новорожденных¹³. Это больше, чем в Австра-

⁹ Цит. по: Lerner, *Black Women in White America*, p. 314. См. об этом: K. Edin and M. Kefauver, *Promises I Can Keep; Why Poor Women Put Children Before Marriage*, Berkeley, CA, University of California Press, 2007.

¹⁰ Об экономических аспектах ухода за беременными см.: *Breaks*, pp. 169—171,

¹¹ *Kids Count Data Book 2000*. The Annie E. Casey Foundation, p. 27 (www.aecf.org).

¹² См.: The Project on Global Working Families, Harvard School of Public Health, "The Work, Family and Equity Index: Where does the U.S. Stand Globally?" (www.globalworkingfamilies.org/), p. 29.

¹³ Данные Center for Unhindered Living (www.unhinderedliving.com/mortality.html).

лии, Канаде, странах Скандинавии, Бенилюкса, в большинстве стран Западной Европы и в Японии, а также больше чем на Тайване (5,67) и в Словении (5,22). В 2007 году Америка занимала 22-е место в этом постыдном списке, сразу после Чехии, большой, высокоразвитой и, по-видимому, очень загрязненной страны, ранее входившей в Организацию Варшавского договора¹⁴. Некоторые исследователи оспаривают статистику и утверждают, что США должны быть на 15-м¹⁵. Другие указывают на очень неравномерное распределение детской смертной по штатам США. Это верно, однако в 1997 году штат Нью-Гемпшир, который был лучшим в стране по этому показателю (4,3), все-таки уступал Японии (4,05), Швеции (3,9), Сингапуру (3,8) и Финляндии (3,79). В 2005 году худшим по этому показателю штатом был Миссисипи — 11,4 на тысячу. Свой вклад в это внесли сокращение социальных пособий в эру Буша, чрезмерный вес матерей, курение, недостаточная забота о новорожденных (многие матери — чернокожие, очень молодые и незамужние)¹⁶.

Как мы видели, американские взрослые всегда имели возможность питаться лучше, во всяком случае, есть больше, чем жители прочих стран, и то же самое можно сказать об общем уровне жизни. Поэтому так поражает тот факт, что американские дети, выжившие в первые дни или недели после рождения, чаще не доживают до пятилетнего возраста, чем такие же дети в других странах. Соответствующий показатель смертности составляет 8 на 1000. По этому показателю США оказываются на одном уровне с Кипром, где величина ВВП на душу населения вдвое меньше, и существенно «опережают» все страны с высоким уровнем дохода¹⁷. А если этим детям все-таки удастся выжить, то многие из них растут в бедности:

¹⁴ J. Ward, «UNICEF: U.S, British Children Worst Off» (http://www.redorbit.com/news/health/840735/unicef_us_british_children_worst_off/index.html).

¹⁵ G. A. Cornia and S. Danziger, “Common Themes, Methodological Approach”, in A. Cornia and S. Danziger, eds., *Child Poverty and Deprivation in the Industrialized Countries, 1945—1995*, Oxford, Clarendon Press, 1997, p. 11.

¹⁶ E. Eckholm, “In Turnabout, Infant Deaths Climb in South”, *New York Times*, 22.4.2007.

¹⁷ U.N. *Human Development Report*, 2001, table 9.

в 2001 году таких детей было 16%¹⁸. Для сравнения, в Австралии соответствующий показатель составляет 14,1%, в Канаде 13,5%, в Норвегии 4,5%, в Швеции 2,7%, а в Финляндии 2,5%¹⁹.

Мало того, что большее число американских детей растут в бедности, но и разрыв между бедными и всеми остальными здесь больше, чем где-либо. В нижнем квинтиле доход на одного ребенка составлял 33% медианного показателя. Для сравнения, соответствующий показатель в Швейцарии составлял 56,7% (а это значит, что в сопоставлении с соответствующим уровнем жизни беднейшие 20% детей там живут почти вдвое лучше, чем американские дети), 56,7% в Швеции и 43,8% в Канаде²⁰. В других развитых странах дела тоже обстоят получше, чем в США, — во Франции (39,2%), в Великобритании (34,9%) и в Австралии (34,7%)²¹. Фактически только в Ирландии ситуация с детьми по этому показателю хуже, чем в США. Но, учитывая экономический бум, пережитый этой страной в конце 1990-х гг., было бы неудивительно, если бы и она сравнялась или даже опередила США по этому показателю в последующие годы.

На материальное положение детей оказывает значительное влияние еще один ключевой фактор — развод. Если в Японии почти три четверти опрошенных полагают, что ради детей родители должны сохранять семью, то в США так считают меньше 40% взрослых²². Поэтому неудивительно, что за последнюю треть века число разводов в год в расчете на 1000 американских детей увеличилось с 12,5 до 16,3; отметим, что две трети разводов приходятся на семьи с детьми. В результа-

¹⁸ U.S. Government, "America's Children" (<http://www.childstats.gov/americaschildren/tables/econ1a.asp>).

¹⁹ G. A. Cornia, "Child Poverty and Deprivation in the Industrialised World", in Cornia and Danziger, eds., *Child Poverty and Deprivation in the Industrialized Countries*, p. 56 table 2.11.

²⁰ S. Danziger, S. K. Danziger, and J. Stern, "The American Paradox: High Income and High Child Poverty", in Cornia and Danziger, eds., *Child Poverty and Deprivation in the Industrialized Countries*, p. 181.

²¹ T. M. Smeeding, S. Danziger, and L. Rainwater, "Child Well-Being in the West", in Cornia and Danziger, eds., *Child Poverty and Deprivation in the Industrialized Countries*, p. 381 table 14.2.

²² См. данные в: S. M. Lipset, *American Exceptionalism*, p. 229.

те лишь половине детей удалось провести детство с двумя биологическими родителями²³.

Иными словами, в начале 1990-х гг. примерно половина всех американских детей жила в семьях, прошедших хотя бы через один развод. Отчасти по этой причине, а отчасти из-за высокого числа внебрачных рождений только 69% детей жили в семьях с двумя родителями, родными или иными. В 2000 году среди чернокожих детей таких было только 39%. В целом в 2000 году примерно каждый пятый американский ребенок жил в неполной семье. Из 28 развитых стран ситуация была еще хуже только в Великобритании²⁴.

Утверждается, что через пять лет после развода 37% детей страдали от депрессии — умеренной или сильной²⁵. Примерно половина из них утратила контакт с родным отцом. Но и при наличии «контакта», в пяти случаях из шести речь идет о встречах с отцом раз в неделю или реже²⁶. Другим детям приходится довольствоваться «виртуальными встречами» через Интернет — уникальное американское изобретение, которое, как и многие другие американские новации, непременно будет подхвачено в других странах. При прочих равных условиях, чем больше времени проходит после развода, тем реже дети видятся со своими отцами²⁷. Причина этого, видимо, в том, что американцы часто переезжают с места на место, и при этом расстояние между ними зачастую увеличивается. Другой причиной является то, что женщины часто препятствуют визитам отца, даже если он готов участвовать в воспитании ребенка и хочет этого²⁸.

²³ R. L. Taylor, "Who's Parenting? Trends and Patterns, in ", in T. Arendell, ed., *Contemporary Parenting; Challenges and Issues*, London, Sage, 1997, p. 69.

²⁴ Luxemburg Income Study (http://www.lisproject.org/keyfigures/full_kf.xls).

²⁵ W. F. Hodges, *Interventions for Children of Divorce*, New York, N.Y., John Wiley, 1986, p. 41.

²⁶ Данные за 1980: F. F. Furstenberg and C. W. Nord, "Parenting Part", *Journal of Marriage and the Family*, 47, 4, November 1985, p. 874.

²⁷ F. F. Furstenberg and A. Cherlin, *Divided Families*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1991, pp. 72—73.

²⁸ D. Kurz, "Doing Parenting; Mothers, Care, Work and Policy", in T. Arendell, ed., *Contemporary Parenting*, pp. 106—107.

Происходящий в последние лет тридцать распад семьи ведет к разрушительным долговременным последствиям, которые только сейчас начали давать о себе знать. Одно исследование утверждает, что дети из разведенных семей существенно отстают от сверстников из полных семей по уровню образования, зато значительно опережают их по уровню наркотической и алкогольной зависимости²⁹. Другое обнаружило, что дети из разведенных семей чаще бросают среднюю школу и раньше начинают половую жизнь³⁰.

В 1972 году под сильным давлением феминистских организаций было разрешено исключать некоторые расходы на воспитание детей из налогооблагаемого дохода, что создало ситуацию, в которой у работающих матерей появилось преимущество перед теми, кто по глупости занимается только воспитанием своих детей³¹. Неудивительно, что после этого процент детей до 18 лет, матери которых имеют работу вне дома, вырос от 39,2% до 61,7%. Для детей до шести лет соответствующие цифры составляют 29% и 51%. Иначе говоря, за столетия после 1940 года доля детей, не достигших пяти лет, которым повезло иметь неработающую мать, упала более чем наполовину, от 78% до 32%³².

Некоторых детей выпихивают в детские сады, когда им всего три месяца. К тому времени, когда им исполняется год, у малышей, которые только учатся ходить, работает половина матерей. Примерно до 1960 года такая неласковая судьба ждала почти исключительно младенцев из малообеспеченных семей, но сейчас она стала нормой. Даже если качество ухода в детском саду сносное, что бывает далеко не всегда, воспитательницы по чисто экономическим причинам почти заведомо менее образованны, чем матери, которых они замещают. В конце концов, женщина, зарабатывающая уборкой чужих домов, вряд ли в состоянии отдать ребенка в детский сад, воспитательницы которого имеют университетский диплом.

²⁹ См.: J. Wallerstein et al., *The Unexpected Legacy of Divorce*, New York, N.Y., Hyperion, 2000, особенно pp. 329–332.

³⁰ F. Furstenberg and J. O. Teitler, "Reconsidering the Effects of Marital Disruption", *Journal of Family Issues*, 15, 1994, p. 188.

³¹ Подробнее см.: Robertson, *Day Care Deception*, pp. 7–8.

³² B. L. Wolfe and J. Sears, "health Indicators for Preschool Children, Ages One to Four", in R. M. Hauser and others, eds., *Indicators of Children's Well Being*, New York, N.Y., Russell Sage, 1997, p. 77.

Еще хуже то, что США являются единственной развитой страной, в которой женщин, занятых полный рабочий день, почти столько же, сколько мужчин³³. Иначе обстоит дело в других странах, где женщины чаще имеют неполную занятость. В некоторых из них, скажем, в Израиле, матери, работающие в государственном секторе, могут уходить с работы на час раньше. В других, как в Швеции, закон позволяет «работающим» матерям проводить дома столько времени (до 110 дней на каждого ребенка), что их трудовая деятельность превращается почти в фарс³⁴. Аналогичные, хотя и менее щедрые нормы действуют еще в 36 странах³⁵.

Однако Америка не была бы Америкой, если бы позволила такую роскошь своим женщинам, не говоря уж о мужчинах. Здесь работа означает работу независимо от того, есть ли у тебя дети. Это объясняет, почему наемные работники, имеющие детей, пропускают работу лишь немногим чаще, чем бездетные³⁶: полноценный уход за больным ребенком вредит карьере. Детей нередко отправляют в детский сад, вне зависимости от того, больны они или здоровы. Так поступают невзирая на предостережения педиатров³⁷ о том, что это повышает вероятность заражения других детей, а также заражения ребенка новой болезнью.

Нет нужды говорить о том, что чем больше времени американские родители проводят на работе, тем меньше времени они уделяют своим детям³⁸. Понятно и то, что проблема стоит особенно остро в неполных семьях, которые в девяти случаях из десяти возглавляет одинокая мать. Из них почти

³³ См.: A. R. Hoschschild, *The Time Bind: When Work Becomes Home and Home Becomes Work*, New York, N.Y., Metropolitan Books, 1997, p. 267 table F.

³⁴ A. Nyberg, "The Social Construction of Married Woman's Labour-Force Participation: the Case of Sweden in the Twentieth Century", *Continuity and Change*, 9, 1994, pp. 153—154.

³⁵ Harvard School of Public Health, "The Work, Family and Equity Index: Where does the U.S Stand Globally?" p. 39.

³⁶ D. E. Friedman, *Linking Work-Family Issues to the Bottom Line*, New York, N.Y., The Conference Board, 1991, p. 13.

³⁷ См. об этом: Robertson, *Day Care Deception*, pp. 85—91.

³⁸ См., например: W. R. Mattox, "The Family Time Famine", *Family Policy*, 3, 1, 1990, p. 2; и *Idem*, "The Parent Trap", *Policy Review*, 55, winter 1991, pp. 3—13.

половина (45%) официально признаны бедными³⁹ и вряд ли могут обеспечить ребенку адекватный уход, если они работают, т.е. выполнить условие, которого теперь требует закон от живущих на пособие. За 1976—1994 гг. число детей «с ключом на шее» выросло на 750% (от 1,6 млн до 12 млн)⁴⁰. Материнство, мешающее женщинам работать и делать карьеру, стало восприниматься как нечто особенно тягостное: если забота о других, в том числе о детях, мешает самореализации женщин, тем хуже для этих других. Что, например, делать со следующим признанием женщины, которая «стремилась обрести и сохранить материнский взгляд на вещи»:

«Я смотрю на деторождение и материнство глазами яркой феминистки. Я ищу только те образы материнства, которые способны подорвать подчиненное положение женщин, матери они или нет, и обещают помочь тем матерям, которые являются и женщинами [*sic*], обрести больший контроль над своей жизнью и больше удовольствия от нее... Я буду судить совокупные представления о деторождении по их способности вливать силу в рожаящих»⁴¹.

Вот уж действительно мир, вывернутый наизнанку. От матерей, давших своим детям жизнь, больше не ждут, что они хотя бы часть своей жизни посвятят тому, чтобы «вливать силу» в этих детей, пока те не встанут на ноги. Вместо этого предполагается, что дети будут «вливать силу» в своих матерей, чтобы те обрели больший контроль над жизнью и получили от нее больше удовольствия. Идея о похвальности женского эгоизма имеет долгую историю в Америке. Сегодня самой видной ее сторонницей является профессор Гарвардского университет Кэрол Гиллиган [Carol Gilligan]. В опубликованной в 1982 году работе «Другим голосом» [*In a Different Voice*] она убеждает женщин заботиться не о «других», а о «себе», что всегда, по ее словам,

³⁹ По данным из статьи: D. Pearce, "Welfare is Not for Women", in L. Gordon, ed., *Women, the State, and Welfare*, Madison, WI, University of Wisconsin Press, 1990, p. 267.

⁴⁰ R. D. Kaplan, *An Empire Wilderness: Travels into America's Future*, New York, N.Y., Random House, 1998, p. 75.

⁴¹ S. Ruddick, "Thinking Mothers / Conceiving Birth", in H. Bassin and M. Kaplan, eds., *Representations of Motherhood*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1994, p. 43.

делали мужчины⁴². И за этот подвиг не пригвоздили к позорному столбу, а среди всего прочего дали премию Фонда Джона М. Олина в четверть миллиона долларов. Ничего удивительного, что она нашла немало сторонниц.

Даже если учесть работу по дому⁴³, американские мужчины работают больше часов, чем женщины⁴⁴. В среднем им приходится покрывать более длинные расстояния в пути на работу и обратно⁴⁵, а это требует еще больше времени и энергии. Все это объясняет, почему, несмотря на бесконечные разглагольствования СМИ об изменении образа жизни и тому подобном, отцы не сумели возместить детям потерю материнской заботы. Усиление их роли было в лучшем случае малосущественно. Зачастую оно ограничивалось периодами безработицы или сокращения обычных сверхурочных. Опыт показывает, что, как только заканчивается экономический спад, отцы возвращаются к привычной роли ходячих машин для добычи денег⁴⁶.

За период, прошедший с начала 1970-х гг., чистый итог состоял в потере детьми от 10 до 22 часов (разные источники называют разную величину) родительского внимания в неделю⁴⁷. Некоторые исследователи утверждают, что в 1990-е гг. дети проводили с родителями вполтину меньше времени, чем в 1964 году.⁴⁸ Строго говоря, благополучие детей — не просто функция того, сколько свободного времени остается у их родителей. Напротив, оно отражает множество переменных, учесть которые можно лишь обработав ошеломляющую массу статистической информации. Есть свидетельства, что, при прочих

⁴² C. Gilligan, *In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1982, pp. 83—105.

⁴³ Schor, *The Overworked American*, pp. 35—36, tables 2.3 and 2.4.

⁴⁴ В 1987 г. соотношение было 1,26 к 1: J. Glass and S. B. Estes, "Employment and Child Care", in Arendell, ed., *Contemporary Parenting*, p. 278.

⁴⁵ Michael S. Kimmel, "Invisible Masculinity", *Society*, September-October 1993, p. 28

⁴⁶ Kurz, "Doing Parenting; Mothers, Care, Work and Policy", pp. 103—104; J. Glas and S. B. Estes, "Employment and Child Care", in T. Arendell, ed., *Contemporary Parenting*, p. 266.

⁴⁷ V. R. Fuchs, *Women's Quest for Economic Equality*, Boston, MA, Harvard University Press, 1988, p. 111; Council of Economic Advisers as quoted in "Got The Time?", *Economist*, 26.6.1999.

⁴⁸ R. Haverman and B. Wolfe, *Succeeding Generations*, p. 2.

равных условиях, когда родители, и особенно мать, много времени проводят на работе, это приводит к замедленному развитию речи. На более поздних стадиях развития этот фактор проявляется в снижении математических способностей и умения читать, а также в разнообразных проблемах с поведением⁴⁹.

Некоторые женщины-исследователи идут на многое, в том числе на фальсификацию данных и запугивание оппонентов, чтобы скрыть негативные последствия недостаточного внимания со стороны родителей, и прежде всего матери, на развитие детей⁵⁰. Но их усилия не приносят результатов. Один опрос показал, что подавляющее число американцев — 83% — полагают, что родители уделяют недостаточно внимания своим детям, а другой — что 55% американских отцов и 57% матерей испытывают чувство вины за то, что проводят со своими детьми недостаточно времени⁵¹. Вряд ли их чувство вины пойдет на пользу детям: в некоторых случаях оно может только усилить раздражение и агрессивность.

Многие чрезмерно занятые родители из среднего класса успокаивают свою совесть тем, что читают или дают читать своим отпрыскам книжки типа «сделай сам» с такими названиями, как «Научите своего ребенка оставаться дома без взрослых» [*Teaching Your Child to Be Home Alone*] и «Я могу сам о себе позаботиться» [*I Can Take Care of Myself*]. Другие вцепились в концепцию «качества времени» — как будто те немногие часы, что они в состоянии уделить своим детям, мановением волшебной палочки можно сделать более плодотворными, чем «обычные». Но «качественное время», по-видимому, не что иное, как миф⁵². Какое «качество» может дать ребенку родитель, вернувшийся домой после долгого и напряженного рабочего дня? А какое «качество» может усвоить ребенок, вернувшийся домой из детского сада (где он может прово-

⁴⁹ T. L. Parcel and E. G. Menaghan, *Parents' Jobs and Children's Lives*, New York, N.Y., Aldine, 1994, pp. 79, 149, 158, 162.

⁵⁰ См. об этом в книге: В. С. Robertson, *Day Care Deception; What The Child Care Establishment Isn't Telling Us*, San Francisco, CA, Encounter, 2003, pp. 42—61.

⁵¹ G. Bauer, "Congress Gets the Child-Care Issue Wrong", *Wall Street Journal*, 10.10.1990, p. A18; Robertson, *Day Care Deception*, p. 20.

⁵² Glass and S. B. Estes, "Employment and Child Care", pp. 278—280.

дить по десять часов в день) или из школы (и после выполнения домашних заданий)? Можно ли целенаправленно производить «качество» там и тогда, где и когда оно требуется, или оно возникает более или менее неумышленно из тысяч мелочей обычной жизни? Разве «качество» не является в первую очередь способностью удовлетворять потребности ребенка там и тогда, где и когда они возникают? Ясно, что дети превратились в проблему, которую родители встраивают в свою рабочую жизнь как умеют. Один опрос показал, что среди выпускников Стэнфордского университета 31,7% мужчин и 41,4% женщин, принимая решение о рождении детей, учитывают свою работу. Аналогичные цифры для выпускников университета Тодай (Токио), составляют соответственно только 9,7% и 30,8%⁵³. Если учитывать и матерей, и отцов, то разница составит 1,8 к одному, и при этом известно, что японцы не самый расслабленный народ в мире и отнюдь не чужды усердного труда.

Среди представителей низшего класса, и особенно во многих негритянских семьях⁵⁴, неспособность или нежелание родителей проводить время со своими детьми ведет к значительному росту того, что у социологов получило название «псевдовоспитание». Малообеспеченные родители доверяют своих детей друзьям и родственникам, которые присматривают за ними бесплатно или за небольшие деньги. В семьях среднего класса для этого нанимают профессионалов. В 1991 году почти две трети (65%) детей в возрасте до пяти лет посещали детский сад того или иного типа⁵⁵. Из них половина проводила в таком учреждении не менее 35 часов в неделю, а треть еженедельно курсировала между двумя или более детскими садами⁵⁶. Если, как уверены большинство педиатров и родителей

⁵³ M. H. Strober and A. M. Kaneko Chan, *The Road Winds Uphill All the Way: Gender, Work and Family in the United States and Japan*, Cambridge, MA, MIT Press, 1999, p. 153 table 5.2.

⁵⁴ Sweet and Bumpass, *American Families and Households*, p. 280.

⁵⁵ Wolfe and Sears, "Health Indicators for Preschool Children, Ages One to Four", in Hauser, ed., *Indications of Children's Well-Being*, 1997, p. 77.

⁵⁶ По данным, приведенным в работе: S. L. Hoffereth et al., "National Household Educational Survey, 1995", National Center for Education Statistics, Publication 89-128, Washington D.C., NCEC, 1998.

(включая работающих матерей)⁵⁷, детям лучше всего расти в домашних условиях, то нет сомнений, что эти детишки оказались обделенными.

Еще одним показателем недостатка родительского внимания у американских детей является то, что примерно с 1980 года начали во множестве возникать специализированные компании, которые берут на себя некоторые функции родителей. Одни фирмы организуют праздники в честь дня рождения или помогают выполнять домашние задания. Другие предоставляют «доброжелательного», пусть безликого и временного, слушателя по телефону. Есть и такие, которые возят детей к дантистам, берут их в походы по магазинам за новой одеждой или следят за тем, чтобы ребенок не пропустил проходящие дважды в неделю тренировки бейсбольной команды. Большинство, не мудрствуя лукаво, используют две главные опоры современной заботы о детях — видеофильмы и пиццу. И так продолжается, пока кто-нибудь когда-нибудь не вспомнит о существовании детей и не придет за ними.

Куда страшнее то, что в расчете на 10 000 детей сегодня ежегодно регистрируется 11,8 случая плохого обращения с детьми. С учетом численности населения, США занимают по этому показателю третье место среди 27 промышленных стран, уступая только Мексике и Португалии. Абсолютное число *зарегистрированных* случаев составляет примерно миллион в год. Почти три четверти всех случаев убийства детей в возрасте до 15 лет (в тех же 27 странах) приходится на США⁵⁸. Вопреки устоявшемуся стереотипу, американские женщины плохо обходятся со своими детьми на 50% чаще, чем мужчины⁵⁹, хотя причины этого неясны — то ли потому, что они проводят с ними больше времени, то ли из-за того, что они постоянно испытывают напряжение или просто воспринимают детей как помеху в карьере. Если бы американ-

⁵⁷ См. данные в статье: K. Zinsmeister, "The Problem with Day Care", *American Enterprise*, May/June 1998, pp. 34–35; также Robertson, *Day Care Deception*, p. 131.

⁵⁸ UNICEF Report, September 2003.

⁵⁹ См. об этом: M. Chesney-Lind, *The Female Offender, Girls, Women and Crime*, Thousand Oaks, CA, Sage, 1997, p. 40; а также: Administration for Children and Families, "Child Maltreatment, 2001", Chapter 4 (www.acf.hhs.gov/programs/cb/publications/cm01/chapterfour.htm#character).

ское общество, особенно (но не только) в последние несколько десятилетий, прилагало сознательные усилия к тому, чтобы как можно больше американских детей страдало от недостатка внимания и плохого обращения, оно вряд ли смогло бы достичь большего.

Хотя деньгами не объяснить всего, что происходит с детьми в обществе, но многое они все же объясняют. На протяжении всей истории общество пыталось помочь детям, не имеющим родителей, а если родители были слишком бедны и не могли прокормить детей, то помощь предоставлялась самим родителям. Одна из форм помощи заключалась в том, что религиозный долг требовал от мужчин брать в жены вдов, как велит Коран⁶⁰. Другая форма помощи состояла в создании особых учреждений для бедных детей, как это делается в Европе со времен Средневековья. Народные вожди, подобно Моисею⁶¹, как минимум заставляли свой народ приносить клятву, что те не лишат сирот законного наследства.

В 1930-е гг. акценты сместились. Идея использовать государственную казну, чтобы платить женщинам за воспитание их детей, носилась в воздухе с начала XX века, когда ее вынесли на обсуждение такие знаменитые авторы, как Герберт Уэллс, Вирджиния Вульф и другие. Может быть, в силу того, что в самых развитых странах женщины получили право голоса, а может быть, под влиянием социалистических идеологов, видевших в экономической независимости жизненно важный шаг к эмансипации женщин, после 1918 года законодатели многих европейских стран начали предоставлять матерям пособия на воспитание детей. Другим важным мотивом было желание обеспечить государство как можно большими запасами пушечного мяса, но, как бы то ни было, к началу Второй мировой войны пособия на детей выплачивались в странах Скандинавии, Бенилюкса и в большинстве других стран Западной Европы. К числу немногочисленных исключений относились нацистская Германия, фашистская Италия и

⁶⁰ M. Muhammad Ali, *Translation of the Holy Quran*, Lahore, Ah-hamadyyah Anhuman Ishaat-i-Islam, 1951), part IV, section 1, verse 3 (p. 80).

⁶¹ Втор. 27, 19.

присоединившаяся к ним позднее фашистская Испания. Здесь пособия получали не матери, а отцы семейств.

Как и в других развитых странах, в США (на федеральном уровне, а не на уровне штатов, которые начали вводить такого рода программы примерно с 1900 года) выдача детских пособий началась в 1930-е гг. в рамках Нового курса. В отличие от других развитых стран, в Америке пособия предоставлялись выборочно: они предоставлялись только тем семьям, которые не могли обеспечить определенный минимальный уровень дохода. Отчасти, пожалуй, в силу традиционного для Америки отвращения ко всему «социалистическому», пособия составляли здесь намного меньший процент ВВП, чем где-либо еще. Так, в 1990 году в США расходы на семейные пособия составили 0,9% ВВП (по другим оценкам, 1,1%). Это было меньше, чем в Австрии, Канаде, Дании, Финляндии, Франции, Ирландии, Голландии, Норвегии, Швеции и Великобритании и составляло лишь треть того, что в среднем тратили на пособия страны ОЭСР — 2,9%⁶².

С абсолютными величинами было то же самое. Детские пособия в США составляли 232 доллара на ребенка. Это было меньше, чем в Австралии, Австрии, Канаде, Дании, Финляндии, Франции, Германии, Ирландии, Италии, Японии, Голландии, Новой Зеландии, Норвегии, Швеции и Великобритании, и намного меньше, чем 369 долларов, составляющих среднюю сумму по странам ОЭСР⁶³. Общая величина денежных пособий на семью составляла 95% заработка работающей одинокой матери в Швеции и 60% во Франции. В Великобритании и Западной Германии этот показатель равнялся 30%, а в Пенсильвании — только 20% (по США в целом соответствующих данных нет)⁶⁴. В результате в 1990-х гг. США

⁶² S. B. Kamerman and A. J. Kahn, "Investing in Children: Government Expenditures for Children and their Families in Western Industrialised Countries", in Cornia and Danziger, eds., *Child Poverty and Deprivation in the Industrialized Countries*, p. 97 table 4.4.

⁶³ Данные за 1984 г.: S. B. Kamerman and A. J. Kahn, "Investing in Children: Government Expenditures for Children and their Families in Western Industrialised Countries", in Cornia and Danziger, eds., *Child Poverty and Deprivation in the Industrialized Countries*, p. 96 table 4.3.

⁶⁴ G. A. Cornia and S. Danziger, "Common Themes, Methodological Approach", in Cornia and Danziger, eds., *Child Poverty and*

с 22% детей, живших в бедности, занимали первое место по этому показателю среди 17 стран. В двух следующих, в Канаде и Австралии, таких детей было 14%, а в странах Скандинавии — только 3%. Из всех промышленно развитых стран положение было хуже только в России, но в 1990 году, как и сегодня, США занимали первое место по величине ВВП на душу населения⁶⁵. Иными словами, народ с самым высоким доходом меньше всех тратил деньги общества на своих детей, предпочитая, чтобы они терпели лишения.

Учитывая то, что в 1990-е гг. в США происходил настоящий экономический бум, а в Белом доме правили демократы, можно было бы ожидать, что за это десятилетие разрыв между Америкой и остальными развитыми странами сузится. Но произошло обратное. Как только впервые за тридцать лет бюджет был сведен с изрядным профицитом, большинство в Конгрессе захватили республиканцы во главе с Ньютом Гингричем, немедленно приступившие к урезанию пособий и заменившие, как уже упоминалось выше, AFDC (помощь семьям с детьми-иждивенцами) на TAFN (временная помощь нуждающимся семьям). Прежде родители-бедняки, среди которых большинство составляли матери-одиночки, могли получать пособие на каждого ребенка до тех пор, пока он не достигал установленного возраста. Теперь было решено, что пособие выплачивается не детям, а матери, и что любой человек в течение своей жизни может получать пособие не более пяти лет.

Кроме того, новая программа была более децентрализованной, чем прежде. Замысел заключался в том, чтобы дать штатам возможность экспериментировать. Одни штаты, стремясь обеспечить приемлемый уровень жизни при минимальном расходе казенных средств, стали отказываться в пособии не достигшим совершеннолетия матерям-одиночкам, отказывающимся жить дома. Другие постановили, что если мать, получающая пособие на ребенка, родит еще одного, она лишается части выплат. Третьи потребовали, чтобы получательницы пособий сообщали властям имя и адрес отца ребенка, чтобы

Deprivation in the Industrialized Countries, p. 48.

⁶⁵ S. B. Kamerman and A. J. Kahn, "Investing in Children: Government Expenditures for Children and their Families in Western Industrialised Countries", in Cornia and Danziger, eds., *Child Poverty and Deprivation in the Industrialized Countries*, p. 107 table 4.12.

иметь возможность взимать с него алименты. Самое радикальное решение заключалось в том, что получение пособий было увязано с участием в финансируемой штатом программе, которая либо обеспечивала получателя пособия работой, либо готовила его к получению полноценной оплачиваемой работы. В результате родители, и прежде всего матери-одиночки, были буквально принуждены забросить своих детей, чтобы не потерять работу. Время от времени это приводило к весьма пагубным результатам, после чего на сцену выходил государственный обвинитель, возбуждавший против родителей дело о халатном исполнении родительских обязанностей⁶⁶.

Целью реформы было снижение числа получателей пособий. В этом она достигла большого успеха: число получателей пособий сократилось с 12,2 млн до всего лишь 5 млн⁶⁷. Вряд ли она помогла выбраться из бедности множеству детей. Согласно одному исследованию, «показатель детской бедности, измеряемый отставанием дохода всех бедных детей от величины уровня бедности, несмотря на улучшение общей экономической ситуации, не претерпел в 1995—1999 гг. существенного улучшения... В среднем дети, и прежде бывшие бедными, стали еще беднее»⁶⁸. В этом нет никакой загадки: в 2001 году из 21,1 млн детей, признанных бедными, более двух третей жили в семьях, которые по тем или иным причинам не получали никаких денежных пособий⁶⁹. В 2006 году, по оценке Национального центра помощи бедным детям, 18% детей жили в бедности⁷⁰.

⁶⁶ N. Bernstein, "Daily Choice Turned Deadly: Children Left on Their Own", *New York Times*, 19.10.2003.

⁶⁷ R. Pear, "Welfare Spending Shows Huge Shift", *New York Times*, 13.10.2003.

⁶⁸ W. Primus and K. Daugirdas, "Reducing Child Poverty by Improving the Work-Based Safety Net", in G. J. Duncan and P. Lindsay-Lasdale, eds., *For Better and for Worse: Welfare Reform and the Well Being of Children and Families*, New York, N.Y., Russell Sage, 2001, p. 249.

⁶⁹ P. England and N. Folbre, "Reforming the Social Family Contract", in G. J. Duncan and P. Lindsay-Lasdale, eds., *For Better and for Worse: Welfare Reform and the Well Being of Children and Families*, 2001, p. 297.

⁷⁰ National Center for Children in Poverty, "Basic Facts about Low Income Children: Birth to Age 18", 2006 (http://www.nccp.org/publications/pub_678.html).

Но и у оставшихся 82% детей, не признанных «бедными», материальное положение зачастую было несладким. В частности, положение почти бедных, то есть тех, доход которых составляет от 100% до 133% уровня бедности, в некоторых отношениях еще хуже, чем у бедняков. Причина этого отчасти состоит в том, что родители, зарабатывающие недостаточно, чтобы платить подоходный налог, не могут претендовать на уменьшение налоговых обязательств на величину расходов на детей; как и во многих других случаях, система налоговых льгот в Америке приносит выгоду преимущественно среднему классу. Другой причиной является то, что, как и в случае с временной помощью нуждающимся семьям, бесплатная медицинская помощь в рамках Medicaid* предоставляется по данным проверки нуждаемости⁷¹, а в результате в 2004 году в стране было 6,5 млн детей, не имевших никакой медицинской страховки⁷². США являются единственной развитой страной, в которой никогда не было финансируемой государством программы предоставления медицинской помощи беременным женщинам и матерям, имеющим малолетних детей. В стране, где большая часть коммунальных услуг предоставляется на частной основе, даже не слышали о таких бесплатных услугах в шведском стиле, как бесплатный общественный транспорт для детей, бесплатный доступ к культурным и досуговым центрам — от плавательных бассейнов до музеев.

Все это объясняет, почему в такой почти неприлично богатой стране 25% бездомных горожан — дети школьного возраста и молодежь (данные 1998 года). В абсолютном выражении это 615 000 человек — рост на 125% за десять лет. Из них у 100 000 нет даже места для ночлега; и эти данные не включают 205 000 бездомных детей дошкольного возраста⁷³. Есть и другая пугающая статистика. В зависимости от штата, от 0,2%

* Программа Medicaid осуществляется на основе компенсации затрат на лечение. — *Прим. перев.*

⁷¹ См. об этом: В. L. Wolfe and J. Sears, 'Health Indicators for Pre-School Children Ages One to Four', in Hauser, ed., *Indicators of Children's Well Being*, p. 77.

⁷² U.S. Government, "America's Children" (http://www.childstats.gov/pdf/ac2006/ac_06.pdf).

⁷³ National Center for Homeless Education, (<http://www.serve.org/nche/>).

до 1,4% детей воспитываются у приемных родителей⁷⁴. Ежегодно рождаются 375 000 детей, страдающих наркотической зависимостью⁷⁵, а 27% учащихся средней школы бросают учебу⁷⁶. В Америке чаще, чем в других странах, родители бросают детей, и дети чаще умирают в подростковом возрасте (от 10 до 15 лет)⁷⁷. Нужно признать, что бóльшая часть проблем связана всего с одной специфической группой — с чернокожими. Но это утешает лишь немногих, то есть расистов.

Подведем итог. В сравнении с детьми других стран, и особенно в последние тридцать лет, американские дети были лишены государственной поддержки и в форме дородовой медицинской помощи, и в виде помощи их семьям. Поскольку главной целью реформирования системы пособий на детей было сокращение расходов, замена AFDC на TAFN не улучшила ситуацию. В результате в США умирает в младенчестве относительно больше детей, чем в других развитых странах, а выжившие чаще живут в бедности. Удовлетворительная медицинская помощь недоступна в первую очередь тем, кто недостаточно беден, чтобы иметь право на помощь по программе Medicare*, а до известной степени и тем, кто имеет право на нее⁷⁸. Кроме

⁷⁴ G. D. Sandefur and J. Mosley, "Family Structure, Stability, and the Well being of Children" in Hauser, ed., *Indicators of Children's Well Being*, p. 338.

⁷⁵ Hearing before the Select Committee on Children, Youth and Families, 27.4.1989, "Born Hooked", Washington D.C., House of Representatives, 1989, p. 1.

⁷⁶ S. A. Hewlett, *When the Bough Breaks; The Cost of Neglecting Our Children*, New York, N.Y., Basic Books, 1991, p. 12.

⁷⁷ Количественные данные таковы: в Австралии 23,5 смертей на 100 000 детей и подростков; в Канаде — 25,5; в Великобритании — 24; во Франции — 19,5; в Германии — 20; в Японии — 16,5; в Голландии — 19; в Швеции — 16; в США — 28. В. Starfield, "Health Indicators for Pre-Adolescent School Age Children", in Hauser, ed., *Indicators of Children's Well Being*, p. 103 table 5.3.

* Программа помощи пенсионерам и инвалидам. — Прим. перев.

⁷⁸ Дети, получающие медицинскую помощь в рамках программы Medicare, гораздо реже получают полный комплекс прививок и стоматологическую помощь, чем дети, получающие помощь в рамках системы частного медицинского страхования; "Programs that Mitigate the Effects of Poverty on Children", *The Future*

того, если верить статистике, многие дети лишены достаточного внимания родителей, хотя международные сопоставления здесь осложнены отсутствием данных, а также тем обстоятельством, что в разных культурах «недостаточное внимание» понимается по-разному. Но Америка не была бы Америкой, если бы не подвергала своих детей некоторым особым формам плохого обращения, которые коренятся в самом устройстве ее культуры и ее демократии.

Во всех культурах одной из функций образования является подготовка детей, особенно мальчиков, к соперничеству с другими, когда придет время. В Америке, где соперничество образует, пожалуй, более существенную часть национальной мифологии, чем где-либо еще, и где социальная страховочная сетка относительно неразвита, эта нацеленность на успех даже сильнее, чем в других странах. Американские родители больше всего боятся того, что их отпрыски не смогут постоять за себя, и этот страх постоянно демонстрируется на всех доступных публичных форумах. Он, естественно, транслируется в опасение того, что родителям придется заботиться о них до старости. За проявлениями «любви», прячется изрядная доля эгоизма. Если младшенький не достигнет ожидаемых результатов, родители не смогут отправиться в давно запланированный круиз.

И, надо сказать, у родителей есть основания для беспокойства по поводу того бремени, которое представляют собой дети. В зависимости от места жительства и дохода, расходы на воспитание ребенка до 18-летнего возраста составляют, по некоторым оценкам, около 200 тыс. долларов. Еще четыре года, и сумма может вырасти до 300 тыс. долларов, а если молодой человек пойдет учиться не в государственный колледж, а в частный, она может оказаться намного больше⁷⁹. Особенно тяжело приходится родителям из среднего класса, потому что на то, чтобы дать образование в колледже более чем одному сыну или дочери, может потребоваться весь заработок одного

of Children, No. 6 (www.futureofchildren.org/information2827/information_show.htm?doc_id=72184).

⁷⁹ Baby Center, «Cost of Raising a Child» Calculator» (http://www.babycenter.com/costofchild/costs.jhtml?_requestid=6589).

из них. В ответ они давят на своих детей, добиваясь того, чтобы те поменьше играли и побольше занимались «учебой», так что лучшей похвалой игрушке стало то, что она «побуждает к учебе». В школе ситуация не лучше. По данным одного исследования — надо признать, недостаточно репрезентативного, — перемены между уроками в американской начальной школе короче, чем во всех других обследованных странах. Их продолжительность составляет только три четверти длительности перемен в Швеции, занявшей по этому показателю второе снизу место после США⁸⁰.

А начиная со средней школы, где для каждого предмета отведен особый класс, даже это время уходит на то, чтобы перейти из одного класса в другой, достать все нужное из шкафчика, а затем сложить обратно. Порой доходит до того, что ученикам (и учителям) не хватает времени поесть и зайти в туалет. В итоге учеба страдает куда больше, чем если бы перемены были увеличены на несколько минут: вряд ли голодные ученики будут внимательны на уроках. При этом во многих семьях вся родительская забота сводится к тому, чтобы проследить за выполнением домашних заданий. Стоит отцу или матери появиться на пороге, первый вопрос: «Все домашние задания сделал?»⁸¹

Этот стресс по большей части коренится в повседневных обстоятельствах американской жизни и в этом смысле неизбежен. Но отчасти он является результатом целенаправленных действий родителей и тех, кто отвечает за воспитание детей. Возьмите вопрос о «домашних обязанностях» [chores] детей, имеющий столь большое значение для американской жизни, что поиск в Интернете дает более трех миллионов ссылок. Конечно, домашние обязанности есть не только у американских детей. Надо сказать, что если не в большинстве культур, то во многих бедность означала, что по достижении определенного возраста дети должны участвовать в добывании хлеба насущного. Но, как следует из самого выражения «домашние обязанности», здесь мы говорим о другом. Речь не о том,

⁸⁰ Лига женщин-избирателей округа Мидвил, шт. Техас, "Report on School Recesses", 2001 (<http://www.geocities.com/recessplease/CCSDReportExecSum.htm>); Mail Tribune, 18.9.2002 (www.mailtribune.com/archive/2002/0918/local/stories/02local.htm).

⁸¹ Hewlett, *When the Bough Breaks*, p. 94 ff.

чтобы зарабатывать деньги, как это было в XIX веке в Англии в семьях ткачей, где детей с семи лет приучали к ткацкому станку. Нет, здесь главное в идее, что дети от природы ленивы и безответственны, а потому им только на пользу выполнение определенных домашних обязанностей, таких как опорожнение мусорного ведра, наведение порядка на книжных полках, сгребание опавших листьев или, в случае девочек, глажка белья. Выполнение такого рода домашних обязанностей считается полезным для детских душ именно потому, что все эти дела скучны, порой утомительны и даже унижительны. В этом отношении дети оказываются жертвами протестантской этики, лишь с той разницей, что, в отличие от взрослых, не имеют права голоса, а должны делать то, что велено.

В соответствии с этой логикой одна группа под названием «Христианское домоводство» советует приучать детей к выполнению определенных домашних дел уже с 12—18-месячного возраста — так им легче будет постичь «дух служения». С каждым годом круг детских забот и ответственности должен расширяться. Тогда к 12—13 годам, учит эта группа, «когда Мать (с большой М) будет нянчиться с новым ребенком, на старших можно будет положиться в том, что они помогут отцу справиться со средними детьми, когда он уходит на работу»⁸². Иными словами, часть родительских забот перекладывается на детей, не имеющих права голоса ни в чем, которым даже рано еще знать, как дети появляются на свет, — вот такова готовность *взрослых* нести ответственность за свои действия.

А если родители видят, что ребенок не хочет работать по дому, целые армии советников готовы научить их тому, как уговорить или заставить его сделать все, что от него требуют. Многие из этих экспертов продают наборы для «исправления поведения», действующие по принципу «сделай сам», которые помогают родителям следить за детьми и поправлять их так же, как это делают на любом производстве. Один даже советует родителям в том случае, если ребенок забудет или недоделает домашние задания, нарочно не напоминать ему об этом, чтобы он был наказан в школе и получил должный урок⁸³. Если подобным образом обойтись с коллегой или даже с незнакомцем,

⁸² <http://www.christianhomekeeper.com/>.

⁸³ L. Julian, "Lee Bee Homework Tips" (www.freenetpages.co.uk/hp/An.yGill/Teaching%20Responsibility%20With%20C).

то такое поведение назовут злонамеренным невмешательством, которое в некоторых ситуациях может даже стать основанием для судебного преследования. Но в случае детей все делается во имя «любви» по-американски.

Для защиты детей от эксплуатации во многих развитых странах действуют законы, запрещающие принимать на работу тех, кому не исполнилось 16 лет. В США такого закона нет. В 1930-е гг., когда Рузвельт пытался в рамках Нового курса ограничить детский труд, его обвинили в том, что он пытается «советизировать американскую молодежь»⁸⁴. В конце XX века закон разрешает (при соблюдении определенных условий) использовать труд детей с 14 лет, а в результате трудятся более половины подростков — вместо посещения школы или в свободное от учебы время⁸⁵. Обычно они занимаются доставкой газет, работают в ресторанах быстрого питания и т.п.; многие работают по вечерам или во время летних каникул. Как и в случае с домашними обязанностями, смысл детского труда вовсе не в том, что в семье не хватает денег. Нет, речь идет о необходимости усвоить такие ценности, как самостоятельность, уверенность в себе и т.п., что доказывается тем фактом, что чаще всего подрабатывают таким образом дети из семей среднего класса⁸⁶.

Но даже сочетание учебы и работы не всегда гарантирует успех, измеряемый прежде всего поступлением в такие лучшие университеты, как Гарвардский, Йельский, Принстонский и др. Для поступления нужно хорошо учиться в школе — на «отлично», а также получить высокие отметки на общенациональном экзамене «проверки способностей» [Scholarly Aptitude Test]. Последний превратился в настоящий ритуал, ежегодно поглощающий внимание миллионов детей. Поступление в выбранный университет — источник великой радости и гордости. И наоборот: не поступить — настоящая катастрофа, которая может сильно повлиять на будущее. Во всяком случае именно эту мысль внушают детям, чтобы возбудить в них желание учиться.

⁸⁴ G. Seldes, *You Can't Do That*, New York, N.Y.: New Age, 1938, pp. 86—87.

⁸⁵ Schor, *The Overworked American*, p. 21.

⁸⁶ S. Jayson, "More High School Seniors Working their Way Through School" *USA Today*, 22.2.2005.

Помимо прочего, для поступления зачастую требуются и спортивные достижения. Американские дети очень серьезно относятся к спорту — может быть, потому, что это один из немногих видов взрослой деятельности, в которой им разрешено участвовать (о том, как их исключают из всех остальных сфер, см. далее в этой главе). Спорт организован куда лучше, чем большинство других видов досуговой деятельности. Дети начинают заниматься спортом в возрасте семи или восьми лет, а иногда и раньше. К старшим классам это уже полупрофессиональный спорт с требовательными тренерами, формой, группами поддержки и всем остальным. Перед перспективными детьми систематически ставят все более высокие цели. Родители так «болеют» за своих отпрысков, что на матчах Малой лиги, объединяющей детские бейсбольные команды, родители, особенно в последние годы, ожесточенно грызутся друг с другом и с тренерами⁸⁷, а некоторые даже переносят дело в суд.

За этим поведением стоит тот факт, что успехи в спорте могут впоследствии обеспечить стипендию, что облегчает семье нелегкое финансовое бремя. Поэтому детей нередко побуждают к игре и соперничеству даже вопреки их желанию и здоровью. Число спортивных травм в возрасте от 5 до 14 лет, по некоторым данным, вдвое больше, чем в возрасте от 25 до 44 лет⁸⁸. Чтобы не терять время на цитирование множества экспертов⁸⁹, я лучше обращусь к личному опыту. Я знавал юную баскетболистку, которая перенесла операцию на одном колене. Когда у нее начало болеть и второе колено, родители отмели все ее возражения и заставили пройти еще одну операцию, что позволило ей и дальше играть за школьную команду. Кто, зная ставки, упрекнет их за такое? Это были милые, уважаемые члены

⁸⁷ CNN, World Report, 4.8.02; B. Weber, "For Players, Fast Pulses; For Parents, Raw Nerves", *New York Times*, 22.1.2005; B. Pennington, "As Stakes Rise, More Parents Are Directing Rage at Coaches", *New York Times*, 28.6.2005.

⁸⁸ D. Noonan, "When Safety is the Name of the Game", *Newsweek*, 22.9.2003, p. 64.

⁸⁹ См., например: J. P. DiFiori, "Overuse Injuries in Children and Adolescents", *The Physician and Sportsmedicine*, 27, 1.1.1999 (http://www.physsportsmed.com/issues/1999/01_99/difiori.htm); а также J. Stenson, "Pushing Too Hard Too Young", 1.4.2004 (www.msnbc.msn.com/id/4556235).

среднего класса, очень любившие животных. Они оба работали в правительственных учреждениях и неплохо зарабатывали. Они хотели только помочь дочери в ее будущей карьере, сэкономив при этом, если получится, кучу денег.

Надзор и порождаемое им давление не ограничиваются школой и домом. Если дети живут на ферме, что еще бывает, или в пригороде, как подавляющее большинство, у них нет возможности встретиться друг с другом. Иногда все дело только в больших расстояниях, разделяющих их дома. В других случаях причина в напряженном дорожном движении, которое делает дорогу слишком опасной для пешеходов и велосипедистов. В отсутствие нормальных тротуаров во многих пригородах пешая ходьба сопряжена с опасностью для жизни. К тому же во многих пригородах отсутствуют особые дорожки, по которым так удобно и безопасно передвигаться на велосипеде в европейских городах. Как бы то ни было, для участия детей в любой совместной деятельности прежде всего нужно отвезти их в нужное место на том виде транспорта, который в народе называют «мамочка-такси». Требования вежливости и большие расстояния требуют, чтобы перед всяким мероприятием дети договаривались по телефону или, в наши дни, Интернету.

С точки зрения родителей, нужно выделить столько-то времени на футбольные тренировки своей дочери и столько-то на занятия сына музыкой. Иными словами, нужно распределить время между работой и семьей, и зачастую это исполняется с военной точностью. С точки зрения детей, если их не перевозят с места на место, они фактически прикованы к дому. Свобода самостоятельного передвижения полностью утрачена. А дома они могут только смотреть телевизор, что, разумеется, не одобряется, и делать домашние задания. Почти вся деятельность за пределами дома находится под наблюдением. Чем богаче пригород, тем больше участки и строже законы зонирования, и тем меньше у живущих там детей возможностей непринужденно встретиться в парке или на спортплощадке и побыть там, пока не устанут и не захотят домой. Вдобавок работают обычные правила консьюмеризма: разве не расточительство позволять детям играть без того, чтобы кто-то на этом наживался? Такого рода привилегии сохранились только у детей, живущих в малых городах и в городских гетто. Неудивительно, что их, особенно последних, часто винят в том, что у них нет «чувства времени».

Очень часто все это заканчивается лишь тогда, когда подростку исполняется шестнадцать или семнадцать (в ряде малонаселенных штатов даже пятнадцать) лет и он получает свой первый автомобиль. Нет полной уверенности в том, что человеку шестнадцати или семнадцати лет стоит доверять потенциально опасную машину. В США, как и повсюду, молодые водители попадают в аварии чаще других⁹⁰, что отражено в цене страховых полисов. То ли из-за испуга, то ли из страха объяснений с родителями юные водители после дорожного происшествия часто разражаются слезами. Однако от Лос-Анджелеса до Лас-Вегаса и от Колорадо-Спрингс до Хамптона без машины нельзя попасть практически никуда. Таким образом, собственный автомобиль, освобождающий юнцов от родительского контроля и открывающий массу интересных возможностей, — это и декларация независимости, и свидетельство о совершеннолети. Одновременно он возбуждает острейшее соперничество — у кого машина самая новая, дорогая и сверкающая? Поскольку автомобиль виден всем, у кого он лучше — тот победитель. А у кого хуже, тот оказывается человеком второго сорта. Чтобы восстановить ущемленный престиж, отвергнутые подростки порой объединяются в банды⁹¹.

Живи дети в более стабильном окружении, многие проблемы удалось бы до известной степени смягчить посредством создания устойчивых групп, в которых у каждого своя ниша. Но столь характерная для американского общества географическая мобильность только ухудшает ситуацию. Возможно, многим взрослым американцам нравится путешествовать, но для детей это зачастую очень утомительно. Существует целая литература о том, как развлекать своих крошек в пути, и можно предположить, что детей все чаще стали пристегивать к заднему сиденью главным образом для того, чтобы они не разорвали друг друга в клочья. Куда хуже то, что всякий раз, когда семья переезжает на новое место, у ребенка рвутся связи со сверстниками. Друзья пропадают из вида, и чаще всего они больше

⁹⁰ Некоторые данные об этом см. в: Registrar for the State of Massachusetts, "FAQs about Learner's Permits and Junior Operator", n.d., (http://www.mass.gov/rmv/jol/21336_web.pdf).

⁹¹ См. об этом в книге: К. А. McCabe and G. M. Martin, *School Violence, The Media and Criminal Justice Responses*, N.Y., Lang, 2005, pp. 61–62.

никогда не увидятся и даже не услышат друг о друге; недавно это даже привело к возникновению небольшой отрасли, помогающей выпускникам школ находить одноклассников в Интернете. На новом месте чаще всего действуют новые правила, и человеку вновь приходится начинать бороться за место в групповой иерархии. Неправда, что американские дети не умеют дружить. И все же на их дружбу влияет тот факт, что зачастую эти отношения кратковременны и об этом заранее известно. Пока неясно, как все это отражается на характере детей⁹².

Но для гарантированного успеха недостаточно даже успешной учебы, прилежной работы по дому, занятий спортом и, пожалуй, даже работы — некоторые университеты имеют наглость спрашивать абитуриентов, как они расходуют заработанные деньги. Идеальный молодой человек наберет дополнительные очки, участвуя в качестве волонтера в помощи престарелым, читая слепым и так далее. Таким образом, не создав полноценного государства благосостояния, американцы часть бремени переложили на плечи молодых, а если они оказываются недостаточными идеалистами, их всегда можно направить в нужную сторону с помощью обдуманного применения кнута и пряника. Волонтерство довольно часто помогает молодым людям украсить свою шляпу лишними перьями «лидерской деятельности» (из вступительной анкеты Калифорнийского университета).

Тратя час в неделю на уборку местной спортплощадки, ничего не добьешься. По-настоящему нужно организовать группу сверстников, готовых участвовать в подобной работе, найти необходимые средства и всем вместе отправиться куда-нибудь вроде Сьерра-Леоне или Бомбея. Судя по вступительной анкете, используемой многими университетами, если ты уступаешь Сесилу Родсу*, то лучше и не пытаться поступать в них. Сверх всего ожидается, что жизненный опыт будет описан хорошим литературным языком. Сам Родс, кстати гово-

⁹² Brooks, *Paradise Drive*, pp. 171—172.

* Сесил Родс [Cecil Rhodes] (1853—1902) — выдающийся британский колониальный деятель, политик и предприниматель, основатель компании «Де Бирс». Будучи пятым сыном в семье священника, он мог рассчитывать в жизни только на свои силы и сделал блестящую карьеру благодаря выдающимся дарованиям. — *Ред.*

ря, учился в местной классической школе — его сочли непригодным для Итона, выпускающего будущую элиту Англии, — и отправился работать на хлопковых полях Южной Африки, так и не поучившись ни в каком университете. Эту систему извиняет лишь то, что в стране, где не менее 80% выпускников средней школы изъявляют желание учиться в колледже, критерии приема зачастую вовсе не те, какими они представляются публике. Многие университеты, особенно ряд самых престижных, тайком принимают детей своих выпускников и тех, кого «проталкивают» влиятельные люди. Другие же — не более чем фабрики по изготовлению дипломов.

Во всем этом нет ничего удивительного. Вполне логично, что в стране, в которой система социального обеспечения слаба, а личный успех считается высшим идеалом, детей с самого рождения будут нацеливать на успех. Столь же логично, что в стране, в которой взрослые перегружены работой (или должны выглядеть таковыми) куда больше (или так это выглядит), чем в других странах, дети тоже будут чрезмерно загружены работой. Отчасти так происходит потому, что считается необходимым работать много. Отчасти это следствие сознательной попытки подготовить их к будущему, а отчасти самоцель. До тех пор, пока все это остается в разумных пределах, нечего возразить против того, что детей поощряют выкладываться до конца и, так сказать, подвергают их небольшому стрессу ради достижения цели. Разумеется, нужно отдать должное протестантской этике, даже если результатом оказываются не самые счастливые, не самые уравновешенные и не самые здоровые люди. Беда в том, что подход американцев к воспитанию своих детей прямо противоречит ряду других характеристик культуры, которые столь же существенны для социальной системы и столь же основательно в ней укоренены.

Америка, как и все современные страны, изобилует социальными проблемами, реальными и воображаемыми. Разнородность и плюрализм американского общества, его размеры и акцент на идеалах свободы означают, что консенсуса в их решении здесь достичь трудно — как и в других современных странах, только в большей степени. А раз консенсус недостижим, всегдашний результат — компромисс между множеством групп давления, населяющих политический ландшафт.

С точки зрения взрослых, которые к тому же граждане и избиратели, способность к компромиссу издавна является одной из сильнейших сторон американской системы, позволяющей стране меняться, не прибегая к кровопусканию. Но с точки зрения детей это явная беда. В чем бы ни заключалась проблема, все соглашаются, что наилучшей политикой является профилактика и что последняя должна начинаться с ранних лет. Иными словами, если проблема существует и не рассасывается сама по себе, то ее решение, скорее всего, будет переложено на плечи детей. С точки зрения взрослых, преимущество этого подхода в том, что обществу удастся и невинность соблюсти, и капитал приобрести. Более того, люди гордятся тем, как ловко они это проделывают. Разве они не посвящают свои усилия священной цели защиты будущих поколений? Хитрость состоит в том, что в стране, которая во многом демократичнее любой другой на свете, дети — единственная группа, не имеющая права голоса. По природе вещей (они ведь дети и неспособны самостоятельно заботиться о себе) и по закону (они находятся под опекой родителей и должны делать то, что те им скажут) дети не в состоянии защитить себя от наложенных на них ограничений — ограничений, которые, будь они наложены на взрослых, вылились бы в судебные тяжбы, а то и в настоящие бунты.

Например, многие города, страдающие от молодежной преступности, установили для подростков комендантский час, так что любой из них, находящийся на улице после определенного часа, автоматически оказывается нарушителем. Идея не нова: уже в конце XIX века тысячи муниципалитетов устанавливали законы и подзаконные акты, требовавшие, чтобы молодые люди не появлялись на улицах без сопровождения взрослых, либо ограничивавшие места, которые они могут посещать, и время, когда они могут это делать⁹³. Пускай подобные ограничения нарушают основные права человека и размывают различие между виновными и невиновными. Пускай совершенно не доказано, что подобные меры помогают поставленной цели — уменьшить преступность и защитить молодежь от тех, кто предположительно подталкивает ее к противоправным

⁹³ См.: D. J. Pivar, *Purity Crusade; Sexual Purity and Social Control, 1862—1900*, Westport, CT, Greenwood Press, 1973, pp. 139—146.

действиям⁹⁴. В некоторых случаях настоящая цель запретов, изгонявших молодежь с улиц, состоит — ну конечно же! — в уменьшении дорожных пробок. Следует облегчить взрослым проезд и поиск места парковки⁹⁵, потому что как иначе они смогут достать бумажники и потратить деньги?

При сложившемся уровне географической мобильности американская полиция зачастую испытывает трудности в поимке рецидивистов, но страдают от последствий этого обстоятельства именно подростки, у которых при всяком столкновении с законом снимаются отпечатки пальцев⁹⁶. Если многие взрослые американцы употребляют наркотики, то можно в любое время вторгаться в частную жизнь школьников для проведения тестов на наркотики, а ведь это обход конституции, запрещающей без достаточных оснований подвергать таким тестам взрослых. Разумеется, многие работодатели тоже регулярно проверяют свой персонал на наркотики. Разница лишь в том, что детей никогда не спрашивают, хотят ли они посещать школу, да их и накажут, если они решат больше в нее не ходить.

Среди американцев много расистов, которые делают все от них зависящее для того, чтобы помешать неграм селиться рядом с ними, но бремя последствий вынуждены опять нести американские дети, которым приходится ежедневно тратить целые часы в автобусах, которые развозят их по дальним школам в рамках программы расовой интеграции. Раз многие американцы используют бранные слова, то учитель семилетнего школьника накажет, если тот обзовет мать одноклассника шлюхой, пусть даже это и будет правдой⁹⁷. Раз американцы предположительно курят слишком много, то молодым людям запрещают курение до 21 года и за покупку пачки сигарет могут отправить за решетку. Американские борцы с курением

⁹⁴ См. довольно полный обзор литературы на эту тему в: M. A. Males and D. Macallair, "An Analysis of Curfew Enforcement and Juvenile Crime in California", *Western Criminology Review*, 1 (2), 1999 (<http://wcr.sonoma.edu/v1n2/males.html>, introduction).

⁹⁵ "Memphis Downtown Entertainment Area Public Safety Assessment", 1.10.2002 (<http://www.memphiscrime.org/research/studies/downtown-safety.html>).

⁹⁶ R. Willing, "FBI May Collect Juvenile's DNA", Yahoo! News, 17.11.2003; G. Keating, "Calif. DNA Plan Draws Ire of Civil Libertarians", Yahoo! News, 22.12.2003.

⁹⁷ Yahoo! News, 1.12.2003.

оправдывают за пределами налоги на табак необходимостью сделать их недоступными для детей⁹⁸, но при этом взрослые американцы выкуривают больше сигарет, чем их сверстники почти во всех богатых странах⁹⁹.

Раз взрослые американцы готовы бесконечно потреблять высококачественные товары и услуги, то Американская психологическая ассоциация организует исследование того, как реклама влияет на детей¹⁰⁰. А раз исследование уже идет, то опыт подсказывает, что теперь предложение и, возможно, принятие соответствующего закона с целью ограничить доступ детей к рекламе (даже если для этого придется завязывать им глаза и затыкать уши) — лишь вопрос времени. Некоторые семьи, бегущие впереди прогресса, уже так и делают. В конце концов, чем меньше дети знают обо всяких возможностях, тем меньше родителям придется тратить на них и тем проще будет учителям водить их за нос.

Раз в американских вооруженных силах недобор новобранцев, то любая школа, получающая федеральные средства, *обязана* сотрудничать с вербовщиками Пентагона и *обязана* сообщать им адреса учеников, даже без согласия последних и их родителей¹⁰¹. Это требование, ставшее в 2001 году законом, известным как «Не пропустить ни одного подростка», имеет целью уговорить учащихся, чтобы они позволили убить себя в таких местах, как Вьетнам, Сомали или Ирак. Раз взрослые американцы используют пейджеры, то школьникам, подозреваемым в том, что с их помощью они добывают наркотики, запрещается приносить пейджеры на территорию школы¹⁰². Если американцы выпивают, а порой пьяными садятся за руль, то молодым людям до 21 года запрещено употреблять алкоголь. Для них сухой закон все еще в силе. Более того, в некоторых штатах к молодым людям применяют требование о нулевом содержании алкоголя в крови, незаконное в отношении взрослых.

Раз взрослые американцы любят пьянствовать, разъезжая в длинных лимузинах, то из страха, что и подростки поведут

⁹⁸ D. Crary, “States Brace for Cigarette Backlash”, 13.7.2002 (<http://www.freerepublic.com/focus/news/715737/posts>).

⁹⁹ U.N. *Human Development Report*, 2001, table 7.

¹⁰⁰ ИТ (TV station), 4.9.2002.

¹⁰¹ Johnson, *The Sorrows of Empire*, p. 111.

¹⁰² Office of the Attorney General, Texas, Release of 18.9.1990.

себя так же, им запрещено выезжать на лимузинах на пикники — пусть довольствуются автобусами¹⁰³. Раз более 60% американцев страдают от избыточного веса, то нужно позаботиться, чтобы их дети, среди которых таких только 14%¹⁰⁴, не могли купить в школе сладости, пирожные и всевозможные виды сладких газированных напитков. К середине 2003 года такие правила рассматривались не менее чем в 30 штатах. А в двух крупнейших, в Нью-Йорке и Калифорнии, этот запрет уже действует.

По новейшим данным, американцы хранят в своих домах более 220 000 000 единиц огнестрельного оружия, используя его, чтобы убивать друг друга в масштабах, сравнимых лишь с немногими странами третьего мира вроде Колумбии. При этом Сенат не пропустит закона, возлагающего на производителей оружия ответственность за все преступления, совершенные с помощью их продукции. Одна из немногих одобренных им мер требует установки предохранителей, с которыми не смогут справиться дети¹⁰⁵. Взрослым позволено вооружаться до зубов, а ребенка, который соорудил «пистолет» из палки, прицелился и крикнул «пах-пах», исключили из школы. Еще большим парадоксом является то, что 19-летнему парню запрещено иметь пистолет для защиты от нападения в школе и на улице, но ему разрешается вступить в армию, где ему не то что позволят, а потребуют овладеть почти всеми видами оружия начиная с тяжелой артиллерии.

Раз американские города кишат стриптиз-клубами, то спортсменов-старшеклассников наказывают за появление в них (многие родители против наказаний не потому, что разглядывание голых девиц полезно для юнцов, а потому что за это могут исключить из полезного спортивного общества)¹⁰⁶. Если, по распространенному мнению, слишком многие американцы балуются внебрачными связями, то подросткам, не имеющим

¹⁰³ Yahoo! News, 12.6.2002.

¹⁰⁴ Источник данных о взрослых: National Institute of Diabetics and Digestive and Kidney Diseases (<http://win.niddk.nih.gov/statistics/index.htm>); о молодежи: http://www.surgeongeneral.gov/topics/obesity/calltoaction/fact_adolescents.htm.

¹⁰⁵ J. J. Holland, "Senate Oks Handgun Locks Legislation", 26.2.2004 (<http://www.officer.com/article/article.jsp?id=10098&siteSection=1>).

¹⁰⁶ E. Goodman, "High School Punishes L.I Athletes for Visits to Florida Strip Club", *New York Times*, 9.9.2003.

права вступать в брак, собираются закрыть доступ к половому воспитанию. Если, по мнению тех же самых людей, американки делают слишком много аборт, то несовершеннолетние девочки не имеют права делать аборт без согласия родителей, и им может быть даже запрещен выезд с этой целью за границы штата¹⁰⁷. Всякий, кто поможет им, совершит федеральное преступление, а бесплатные клиники аборт (у подростков, естественно, нет денег) закрыты; согласие родителей требуется даже на покупку противозачаточных пиллюль¹⁰⁸.

Заняв в 2001 году Белый дом, администрация Буша, многие из членов и сторонников которой боятся секса даже больше, чем средний американец, объявили войну подростковому сексу. В этом они смогли опереться на некоторых левых феминисток, для которых половая связь с мужчиной эквивалентна изнасилованию; молодежь, как это нередко бывает, попала под перекрестный огонь. Газетные заголовки гласили: «Школьная вечеринка: платоническая или преждевременная?» (*Christian Science Monitor*, 4.12.2002); «Выбирая девственность» (*Newsweek*, 2.12.2002); «Печальная правда о подростковом сексе» (*Newsweek*, 2.11.2002); «Секс в средних классах» (ABC News.com, 6.12.2002); «Подростки, решившие подождать» (*Christian Science Monitor*, 5.12.2002); и неизбежный, «Чем больше безнадзорности, тем больше секса и венерических болезней» (Reuters, 2.12.2002). К 2007 г. некоторые школы пытались запрещать своим ученикам даже *разговоры* о сексе¹⁰⁹.

Все это обрушилось на головы поколения, рожденного в 1980-х и 1990-х гг., а активистами кампании были те самые люди, которые сделали 1970-е гг. временем невиданной прежде вседозволенности, прежде чем распространение СПИДа позволило консерватизму поднять голову. Аргументы против подросткового секса указывают на венерические болезни (как будто взрослые ими не болеют), а также на эмоциональную незрелость и раннюю беременность (и это при том что подростки *более*

¹⁰⁷ E. Guggs, "Senate Passes Bill to Tighten Teen Abortion Rules", *The Atlanta Journal-Constitution*, 12.2.2004; D. Crary, «Bill Aims to Curb Out-Of-State Abortions», 30.1.2005 (<http://www.newsmax.com/archives/articles/2005/1/30/90823.shtml>).

¹⁰⁸ M. Kaufman, "Compromise May Restrict Morning After Pill", *Washington Post*, 8.4.2004, p. 2.

¹⁰⁹ AP, "Judge: School Gay Rights School Club Can Meet", 7.7.2007 (<https://www.cbn.com/CBNnews/133533.aspx>).

систематически используют презервативы, чем старшее поколение)¹¹⁰. Смысл всего этого прост и понятен. Что хорошо для взрослых, не подходит тем, кто вскоре достигнет совершеннолетия. Лучший способ подготовиться к тому, чем ты будешь заниматься, скажем, лет через пять, состоит в том, чтобы не делать этого сейчас (а во многих случаях даже не говорить об этом).

Чтобы направить молодых в правильную сторону, различные финансируемые государством организации будут продавать им 12-долларовые «серебряные колечки», символизирующие обет девственности¹¹¹. Некоторые школы активно проводят программы полового воздержания и используют их в попытках привлечь учащихся. Пуритане, высадившиеся в Массачусетском заливе в начале XVII века, хотя бы понимали, что воздержание до брака если и возможно, то только при поощрении ранних браков¹¹². А их современные последователи жизнерадостно игнорируют тот факт, что в наши дни средний возраст вступления в брак выше, чем когда-либо прежде. Уже только по этой причине кампания обречена на провал¹¹³.

Если судить по тому факту, что большинство женщин объявляют себя пострадавшими, сексуальные домогательства — одно из самых частых правонарушений, совершаемых взрослыми в современной Америке. В порядке профилактики о недопустимости подобного поведения предостерегают даже трехлетних малышей. Детям в возрасте от пяти до семи угрожают за это наказанием (в Америке, как мы видели, любое «воспитание» сопровождается угрозами), а некоторые дети в возрасте от шести до девяти даже подверглись за это наказанию¹¹⁴. Один из перечней, предназначенный специально для детей, перечисляет не менее 12 разных форм сексуальных

¹¹⁰ “Most Adults in the United States Who Have Multiple Sexual Partners Do Not Use Condoms Consistently”, *Family Planning Perspectives*, 26, January-February 1994, pp. 42–43.

¹¹¹ “No Sex Please, You’re American”, *The Guardian*, 8.9.2003.

¹¹² Morgan, *The Puritans and Sex*, p. 40.

¹¹³ C. Trencham et al., “Impact of Four Title V Section 510 Abstinence Education Programs”, Mathematica Policy Research Inc., *Final Report*, April 2007.

¹¹⁴ См.: C. Hoff Sommers, *The War Against Boys*, New York, N.Y., Simon & Schuster, 2000, pp. 55–56; J. Levine, *Harmful to Minors: The Perils of Protecting Children From Sex*, New York, N.Y., Thunder’s Mouth, 2002, pp. 45–69.

домогательств¹¹⁵. Неудивительно, что детей, едва ли знающих, что такое секс, могут обвинить, и порой обвиняют, в чем угодно — от домогательств до изнасилования. Именно это случилось в Огайо, где шестилетний мальчуган, купавшийся голышом, услышал гудок школьного автобуса. Он забыл обо всем на свете и выбежал к дороге не одетым. За этот ужасный проступок его временно исключили из школы¹¹⁶. И неважно, что он это сделал не нарочно. И уж совсем неважно, что ему и так пришлось несладко, когда все начали над ним смеяться.

Гораздо более серьезный случай, привлечший международное внимание, произошел в ноябре 1999 года в Колорадо. По звонку соседа (возможно, преследовавшего своекорыстные цели) был запущен чудовищный механизм подавления. В середине ночи полиция вломилась в дом, заковала в наручники и увезла с собой 10-летнего мальчика, которого застали за тем, как он помогал мочиться своей младшей сестренке. Родители, американцы швейцарского происхождения, забрали остальных детей и бежали из страны с полными на то основаниями. Если бы они остались, власти могли бы забрать и этих детей. На их освобождение потребовались бы недели, а возможно, и месяцы, а также целое состояние на адвокатов, не говоря о моральных издержках. Иногда детям предъявляют еще более абсурдные обвинения. Например, в конце 1950-х гг., когда казалось, что Советы обошли США в космосе, виновными в этом сочли американских детей, которые учатся недостаточно прилежно. После убийства президента Кеннеди Сенат создал комиссию по душевному здоровью детей. По словам сенатора Абрахама Рибикоффа, ее цель состояла в «предотвращении появления новых Освальдов»¹¹⁷.

По данным одного исследования, в 1997 году всего треть взрослых американцев имела положительное мнение об американских подростках¹¹⁸. Тем не менее они в то же время считали, что дети невинны и нуждаются в защите; иначе говоря, они готовы на все, чтобы скрыть от них знания о мире. Если

¹¹⁵ К. West, "Stopping Sexual Harassment Before it Starts" (<http://pages.sssnet.com/ohiobar/parenting-sh-kw.html>).

¹¹⁶ *New York Daily News*, 12.8.2000.

¹¹⁷ Цит. по: К. W. Jones, *Taming the Troublesome Child*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1999, p. 219.

¹¹⁸ McCabe and Martin, *School Violence*, p. 8.

Интернет полон секса и насилия, то решение состоит в том, чтобы поставить программу, которая не даст детям читать, слышать и видеть то, что можно читать, видеть и слышать только взрослым. Если и телевидение переполнено сексом и насилием, нужно прицепить к телевизору некое устройство, которое помешает детям смотреть сомнительные программы в отсутствие родителей.

Для пущей надежности Верховный суд запрещает трансляцию таких программ в то время, когда их могут видеть дети¹¹⁹. Но что это были за фильмы! В одном мотеле почти три четверти предлагаемых на выбор видеофильмов были предназначены «только для взрослых». Судя по используемой терминологии, все это была порнография, хотя среди них, как ни удивительно, были такие культовые для Америки фильмы, как «Бэтмен», «Звездные войны», «Миссис Даубтфайер», «Паттон» (части I и II), «Маска Зорро» и «Неспящие в Сиэтле»¹²⁰. Некоторые из этих фильмов изначально были предназначены для детей, но каким-то образом попали в категорию «только для взрослых». Герой последнего фильма — 10-летний ребенок, который решил помочь своему овдовевшему отцу найти новую подружку; совершенно непонятно, почему этот фильм нельзя смотреть детям. Во многих штатах запрещено использовать в учебниках слово «секс». В 2002 году магазинам *Wal-Mart* даже запретили продажу куклы Мидж, подружки Барби. Мидж изображает замужнюю женщину с животиком, в котором виден младенец. Очевидно, девочкам 11—12 лет, для которых в основном и производят кукол Барби, не положено знать, откуда они вышли на свет и откуда придут на свет их собственные дети.

Чтобы защитить детей от мира зла, грозящего им отовсюду, разработаны версии телевидения и Интернета, позволяющие родителям «устанавливать» доступные для детей каналы и сайты. Нажатием кнопки, обещает реклама, можно заблокировать отдельные фильмы или целый канал. То же самое относится и ко времени просмотра; очевидно, предполагается, что родителей не будет дома и они не смогут контролировать доступ к информации другими способами, требующими больших затрат времени. Кроме того, существуют устройства,

¹¹⁹ FCC vs. Pacifica Foundation (1978).

¹²⁰ All Points Inn, Camp Lejeune, North Carolina.

позволяющие родителям шпионить за тем, какие *на самом деле* фильмы смотрели и какие сайты посещали их отпрыски, чтобы потом в случае чего устроить им выволочку. Как и в случае с сигаретами, бал правит лицемерие. Взрослые американцы проводят в Сети или перед телевизором больше времени, чем граждане других развитых стран¹²¹. Без слов понятно, что программы, которые они смотрят, и сайты, которые они посещают, переполнены теми видами секса и насилия, которых не должны видеть их дети.

В этом контексте неудивительно, что рынок «защиты детей» превратился в солидный бизнес. Даже без учета юношей и девушек студенческого возраста невольные «клиенты» этого рынка составляют четверть населения страны. Вместо того чтобы проводить время со своими детьми, чрезмерно занятые американские родители тратят деньги на то, чтобы держать их в заточении и под надзором, словно преступников. Еще хуже то, что они, похоже, думают, будто эти два способа воспитания детей — одно и то же. Дорога в ад вымощена благими намерениями; чтобы предотвратить отпор со стороны проблемных подростков, родителям советуют начинать воспитание как можно раньше. Не проходит и недели, чтобы на рынке не появилось новое изобретение. Все они направлены на то, чтобы определить границы того, что о чем дети могут и, наоборот, не могут думать, читать, слышать, видеть, говорить, писать и т.д., а также на то, чтобы позволить родителям точно знать, где и с кем их дети, для чего предлагаются всевозможные устройства, от следящих телекамер до тестов на наркотики типа «сделай сам».

Некоторые родители используют детекторы лжи, чтобы выяснить, действительно ли их дочь сидела с соседским ребенком, как она им сказала по телефону, или нарушала комендантский час в компании приятелей. Другие покупают тесты для проверки мочи на следы наркотиков или устанавливают на окна системы сигнализации, чтобы сын ночью не мог ускользнуть к друзьям или девчонке, которую он, чего доброго, обрюхатит. Теоретически все это служит защите детей, и прежде всего от них самих, но, что примечательно, защите именно в то время, когда родителей нет дома. На практике все это работает не совсем так, как предполагается, и нередко все эти средства просто предоставляют приоритет интересам взрослых.

¹²¹ По данным из книги: Hewlett, *When the Bough Breaks*, p. 50.

Возьмем проблему комендантского часа. Во многих штатах детям без сопровождения взрослых нельзя появляться на улицах с одиннадцати вечера (по выходным с часу ночи) до пяти утра. Разумеется, не может быть и речи о том, чтобы заставить отца или мать вернуться домой пораньше только потому, что он или она находятся в сопровождении ребенка — каждый согласится, что эта идея не только нереализуема, но и неконституционна. Таким образом, к детям относятся скорее как к собачкам: хороший ребенок — это ребенок на поводке. Другое исключение относится к подросткам, направляющимся на работу или с работы. Иными словами, если возникает противоречие между (предполагаемым) благополучием ребенка и потребностью работодателей в дешевых рабочих руках, на первом месте оказывается последнее.

Время от времени законы о детях оспариваются в судах. Инициатором чаще всего выступает Американский союз защиты гражданских свобод (American Civil Liberties Union, ACLU). Одни иски оказываются успешными, другие — нет; иногда успех бывает временным, потому что позиция судов и общественного мнения может меняться. Как и в случае комендантского часа, эти иски интересны тем, что в большинстве случаев целью исков является защита прав *взрослых*. Возьмем весьма спорный и вызывающий непрекращающиеся жесткие конфликты вопрос об абортах. Некоторые против их запрета, т.е. за сохранение нынешней ситуации, возникшей после 1973 г., потому что женщины должны иметь право распоряжаться собственным телом, а старикам нужно продолжение исследований болезни Альцгеймера, которые ведутся на абортированных плодах. Другие требуют их запрета, потому что Бог запрещает убийство даже нерожденных детей, даже если беременность есть результат инцеста или изнасилования. Никто или почти никто не задается вопросом о том, какого рода жизнь ждет ребенка, которого мать родит против своей воли. Этот вопрос просто не обсуждается.

Или возьмем закон, под угрозой прекращения федерального финансирования предписывающий библиотекам устанавливать программы, ограждающие детей от порнографии в Интернете¹²². Особую важность этому закону придает тот факт,

¹²² См., например: G. Holland, "Supreme Court to Hear Web Porn Case", 12.2.2002 (http://www.fairness.com/resources/one?resource_id=4919).

что в другой форме он применяется также к ресторанам, гостиницам, магазинам подарков в национальных парках, государственным музеям и так далее. Все они должны гарантировать, что ни один зашедший в них ребенок не увидит этих мерзостей. То есть, например, женской груди, которая их кормила или могла бы кормить, если бы ее владелица не была слишком занята. Я предоставляю читателю решать, какой вывод можно сделать о том, как такое общество (более половины которого составляют женщины) относится к женщинам¹²³. А сомнительным этот закон делает то, что программы, используемые для выявления порнографии, действуют весьма неточно. Вторгаясь в право взрослых хозяев сайта и мешая им общаться с другими взрослыми, такой закон может привести к ограничению свободы слова и свободы распространения и получения информации. Только представьте себе какого-нибудь небогатого взрослого, который не может купить компьютер и, придя в библиотеку, не может попасть на сайт, посвященный какой-нибудь разновидности рака половых органов, который его убивает.

Если предположить (хотя это пока и не доказано)¹²⁴, что порнография и впрямь вредна для детей, причем в такой степени, что допускается ее преследование судом, то получается, что праву младших на сохранение своей невинности мы жертвуем правом взрослых говорить, видеть и слышать то, что им хочется. В других случаях «права детей» просто служат тому, чтобы продавить или заблокировать законодательство, по каким-то причинам желательное для того или иного лица или группы лиц. Хорошим примером является кампания по запрету детской порнографии. Теоретически ее цель состоит в защите детей от неразборчивых киношников. Но тогда при чем здесь попытка дополнить этот закон таким образом, чтобы он запретил съемку не только реальных детей, но и виртуальные образы, порожденные компьютером¹²⁵?

¹²³ См. об этом: J. M. Smith, "Civil Liberties and Bare Breasts", in D. Goldberg et al., eds., *It's A Free Country*, New York, N.Y., Thunder's Mouth, 2003, pp. 184—185.

¹²⁴ U.S. Department of Justice, *Report of the Surgeon General's Workshop on Pornography and Mental Health*, Washington D.C., Government Printing Office, 1986, pp. 36—38.

¹²⁵ D. Cisneros, "'Virtual Child' Pornography on the Internet: A 'Virtual' Victim?" *Duke Law Review*, 23.9.2002 (<http://www.law.duke.edu/journals/dltr/articles/2002dltr0019.html>).

Легко понять, что системы, используемые для слежки за детьми и для надзора за их поведением, иногда используются довольно сомнительным образом. Один из подобных случаев, выявленный в 2003 году, произошел в средней школе округа Овертон (Теннесси)¹²⁶. Там из соображений безопасности были установлены телекамеры в детских раздевалках — нужно же видеть, как одеваются и раздеваются мальчики и девочки в возрасте от 10 до 14 лет. Нечего и говорить, что одно это уже представляло собой вторжение в частную жизнь, которого никто не потерпел бы и в течение пяти минут, если бы речь шла о взрослых. Такого рода вещи допускаются еще только в одном месте — в тюрьме.

Далее, все эти изображения хранились в компьютере и могли быть доступны через Интернет. Всего за шесть месяцев — с июля 2002 года по январь 2003 года — в эти файлы кто-то наведывался 98 раз. Расследование показало, что среди посетителей сайта были люди, жившие на другом конце страны, так что не могло быть и речи о том, что ими руководили педагогические соображения. Имя компании *Edutech* (сокращение от слов «образовательная техника»), установившей эти телекамеры, звучало как причудливое напоминание о романе Джорджа Оруэлла «1984», где тайная полиция именовалась «министерством любви». Аналогичную работу эта компания выполнила еще для нескольких школ, и даже в 2007 году все еще предлагала свои услуги в Интернете. Таким образом, вторжение в частную жизнь детей, оказывается, не результат чьего-то чудачества в каком-то отдельном случае, а часть политики, весьма широко распространенной и в принципе считающейся приемлемой.

В других странах детей воспитывают на примере старших. В США, где люди постоянно говорят о том, что детям «с этим» не справиться, слишком часто предполагается, что дети должны воспитываться, *не* делая то, что делают старшие. Когда дети спрашивают у родителей, почему те делают то-то и то-то — скажем, курят, пьют или смотрят порнофильмы, а им все это запрещено, — их родители сталкиваются с дилеммой. Либо им следует найти себе какое-нибудь оправдание, сказав, например, что все эти вещи, которые им нравятся, могут навредить детям. Либо они могут сослаться на то, что закон гласит

¹²⁶ Yahoo! News, 1.7.2003.

то-то и то-то; увы, даже сам вопрос может стать предлогом для наказания.

Будучи наказанными, но не избавившись от желания попробовать запретный плод, который столь по душе их родителям, дети начинают действовать тайком — скажем, отправляются на чердак, где хранится папочкина тайная коллекция журналов *Playboy*, и изучают ее, когда родителей нет дома. И наоборот, дети, которым неинтересны «взрослые дела» или которые не осмеливаются интересоваться ими, рискуют показаться занудами или дурачками в глазах их сверстников. Так лицемерие взрослых может привести к разрушительным результатам. И весьма нередко оно граничит с жестокостью или прямо превращается в нее.

Излишне говорить, что большинство детей делают не то, что им говорят, а то, что, по их наблюдениям, делают взрослые, что считается *cool* — крутым и «клёвым». Еще хуже то, что они, когда вырастут и сами станут родителями, будут обходиться со своими детьми так же, как когда-то обходились с ними. Таким образом связь поколений во многом строится на подражании, притворстве и прямой лжи, что может отчасти объяснить, почему столь мало молодых людей берут на себя труд участвовать в выборах.

В 2004 году менее 20% студентов колледжей полагали, что политика «очень важна» для их жизни¹²⁷. К тому же молодежь меньше, чем любая другая группа, интересуется новостями, печатными и электронными¹²⁸. Еще одним результатом является склонность американских студентов, отмеченная иностранными и американскими преподавателями¹²⁹, не задумываясь и не споря принимать все, что говорят профессора. В этом отношении ситуация была иной только в 1960-е гг., когда студенческий негативизм был так силен, что преподавание оказывалось просто невозможным. Но это время давно прошло. Когда обращаешься к аудитории, особенно к студентам младших курсов, видишь перед собой только строчащие

¹²⁷ “Students Found Apathetic About Politics”, 13.7.2004 (<http://www.freerepublic.com/focus/f-news/1153031/posts>).

¹²⁸ George C. Edwards III, et al., *Government in America*, New York, N.Y., Longman, 2000, p. 4 figure 1.2, p. 169, table 7.1.

¹²⁹ De Beauvoir, *America Day by Day*, pp. 143, 171, 307, 313; Brooks, *Paradise Drive*, p. 159.

ручки, перебирающие клавиатуру пальцы и пустые глаза. Очевидно, что они никогда не верили ни единому слову взрослых и воспринимали их с безразличием, причем нередко по достаточно веским основаниям.

В последние годы эта апатия возросла еще больше из-за внесения в школьную жизнь элементов коммерциализации в виде рекламы. В поисках средств на модернизацию или реализацию особых программ директора обращаются к корпорациям с просьбами о «партнерстве» или «спонсорстве». В других случаях инициатива исходит от представителей самих корпораций. Иногда формы сотрудничества сравнительно невинны — некоторые фирмы получают разрешение разместить свои символы на территории школы, на ее спортплощадках и даже на майках спортсменов. Иногда они весьма сомнительны, когда ученикам в целях экономии приходится вместо общения с живым учителем пользоваться телевизионным наставником, и чаще всего это происходит в самых бедных районах¹³⁰. На соответствующих телеканалах, как и на всех каналах Америки, учебный материал перемежается рекламными объявлениями, нередко бессмысленными и вводящими в заблуждение. Получается, что если взрослые американцы вольны в любой момент выключить телевизор, то детей *обязывают* смотреть эти ролики те, кто отвечает за их «образование». Неудивительно, что немалую часть учебного материала они начинают воспринимать как мусор.

В других странах, покидая дом временно (для участия в мероприятиях какого-либо молодежного движения) или навсегда, молодые освобождаются от ограничений. Парадоксальным образом далеко не так в Стране свободы. Как сказал Джефферсон, американская жизнь строится на том, что «человек — это разумное животное, наделенное... от природы чувством справедливости». Очевидно, это не относится к молодым людям, на которых нельзя положиться в том, что они будут «добровольно воздерживаться от зла и будут привержены праву»¹³¹ Малейшее отсутствие надзора воспринимается как возможность для

¹³⁰ См. об этом: E. Wartella, "The Commercialization of Youth: Channel One in Context", *Phi Delta Kappa*, 76, 6, February 1995, pp. 448—451.

¹³¹ Из письма Джефферсона Уильяму Джонсону, 1823. Memorial Edition 15:441.

бог весть каких саморазрушительных и даже преступных действий. А поскольку американские дети не привыкли оставаться без надзора и при этом нередко против него бунтуют, зачастую эти опасения весьма обоснованны. Не такой уж редкостью является история, когда родители, вернувшись вечером домой, обнаруживают безобразия, устроенные гостями, которых пригласили на вечеринку их дочь или сын. Можно вспомнить и о бурных попойках, вандализме, безответственности за рулем, а временами и о бессмысленном насилии.

Одним из решений проблемы является летний лагерь. Целью таких лагерей объявляются отдых и кое-какое обучение. Их необъявленная цель состоит в том, чтобы поместить детей в изолированное сообщество подальше от дома. Зная, что их отпрыски находятся под плотным надзором воспитателей, родители могут делать что им угодно, при этом пребывая в достаточной уверенности, что дети не учинят чего-нибудь вредного и опасного. Другим решением являются молодежные движения. Первоначальная цель молодежных движений, как у британских бойскаутов и у немецких *Wandervogel*^{*}, заключалась в том, чтобы увести подростков, особенно принадлежащих к семьям среднего класса, из регламентированной атмосферы городских домов и дать им возможность под руководством молодых людей более старшего возраста вкушать более свободной жизни на природе. В Америке эта идея превратилась в пародию на саму себя. Здесь в лагерях всем распоряжаются взрослые, и здоровенные дяди и тети, украшенные бойскаутскими значками и нашивками, выглядят чрезвычайно комично.

Говоря о детях из среднего класса, заметим, что упомянутые ограничения очень часто распространяются на колледжи и университеты. Как и летние лагеря, многие университеты стремятся подменить собою родителей, что отчасти объясняется их географической изолированностью, создающей условия для подчинения полутоталитарному контролю. Конечно, не все университеты соответствуют этой модели, примером чему могут служить расположенные в городах Гарвардский, Джорджтаунский и Колумбийский университеты. К тому же

* Буквально: перелетная птица (нем.) — движение юных туристов, существовавшее в Германии до Первой мировой войны. — Прим. перев.

студентам, в отличие от множества их несчастных собратьев в летних лагерях, закон разрешает свободно покидать кампус. С другой стороны, изоляция зачастую приводит к возникновению замкнутых сообществ, тем более что студентам, особенно младших курсов, могут запретить владение собственными машинами — из «образовательных» соображений или по недостатку мест для парковки. В университетских городках есть свои общежития, рестораны, торговые центры, спортивные сооружения, кинотеатры, клубы, гостиницы (на случай если приедут родители) и все, что нужно для цивилизованной жизни. Хорошими примерами являются Обернский университет (Алабама) и университет Лойолы (Мичиган). Сюда же можно отнести Принстонский (Нью-Джерси) и Йельский (Коннектикут) университеты, а также самую известную военную академию Вест-Пойнт.

Вместо того чтобы покончить с зависимостью от семьи, позволить студентам вырасти и повзрослеть, американские университеты, действуя *in loco parentis*^{*}, стремятся по возможности воспроизвести эту зависимость. Та небольшая свобода, которая все же даруется университетами, подчинена бдительному надзору в аудиториях и за их пределами. Безусловно, от студентов ждут хорошей, даже блестящей учебы. Но при этом они не должны показывать настолько блестящие результаты, чтобы поставить под сомнение систему, не говоря о том, чтобы взять на себя ответственность за свою жизнь и проявлять несгибаемый индивидуализм, якобы присущий взрослой Америке.

Видимо, неслучайно некоторые из величайших изобретателей и предпринимателей Америки (такие, как Джон Рокфеллер, Эндрю Карнеги, Генри Форд, Уилбер и Орвил Райт, Томас Эдисон, Говард Хьюз и Билл Гейтс) не получили законченного высшего образования. Оставаясь в рамках системы, даже будущие Эйнштейны вынуждены маршировать в ногу. Молодые люди демонстрируют свою мятежность с помощью поношенных джинсов и стоптанных кед, но эти джинсы и кеды одинаковы у всех. Едва ли можно представить себе бóльшую разницу с ситуацией в некоторых других странах, где студенты сами организуют свою жизнь и, если они успешно сдают экзамены, то могут даже не появляться на лекциях.

* Вместо родителей (лат.). — Прим. перев.

Предметом пристального контроля является, как обычно, секс. Когда-то университеты США, как и их аналоги за рубежом, принимали только мужчин. Во второй половине XIX века ситуация начала меняться, и большинство университетов взялись за регулирование этой составляющей жизни студентов. Для этого женские и мужские общежития были размещены в отдельных зданиях, были ограничены часы, в которые они могли посещать друг друга, наняты надзиратели, и т. д.¹³² Известный бунтарь Тед Тернер был изгнан из университета Брауна за то, что в неурочный час в его комнате обнаружили некую особу женского пола.

Если начиная примерно с 1960-х гг. и позже многие ограничения были ослаблены, то спустя два десятилетия поднялась новая волна подавления. Студенты и студентки под угрозой обвинения в «дискриминации» просто обязаны совместно участвовать во всевозможных мероприятиях, в том числе и за пределами учебных помещений. Тем не менее они, во избежание возможных последствий, сразу после прибытия в кампус обязаны прослушать лекции о недопустимости сексуальных домогательств. Каждый должен узнать не только о том, что делать и чего избегать, но еще и с кем говорить, о чем, сколь часто, сколь долго и каким образом. Даже среди студентов магистратуры инфантилизм в поведении остается не столько болезнью, которую с возрастом нужно преодолеть, сколько обязанностью, которую нужно исполнять постоянно. Преподаватели обязаны следить за соблюдением этикета и сами следовать ему. Профессор может быть уволен только за то, что он произнес в аудитории слово «секс», и такие случаи имели место¹³³.

Колледж, который не преуспел в надлежащем надзоре и допускает эксцессы, в том числе в области половых отношений, рискует быть привлеченным к судебной ответственности. Поэтому университетский надзор во многом отражает ожидания общества и родителей. В этой связи не следует забывать, что обычно именно родители платят за обучение, причем

¹³² См. об этом книгу: V. Packard, *The Sexual Wilderness: The Contemporary Upheaval in Male-Female Relationships*, New York, N.Y., Pocket Books, 1968, pp. 44–47.

¹³³ D. Patai, *Sexual Harassment and the Future of Feminism*, London, Rowman & Littlefield, 1998, pp. 88–89, 202.

в престижных университетах им приходится выкладывать по 40 000 долларов в год и более. В стране капитализма люди рассчитывают, что за свои деньги везде получают товар должного качества, в том числе и в сфере образования. Поэтому многие родители настаивают на том, чтобы получать сведения об академической успеваемости своих детей по Интернету (в былые дни — по почте). Насколько мне известно, ничего подобного нет ни в одной стране. Многим иностранцам сама идея кажется невыносимой. За 30 лет преподавания в Израиле я встречался с родителями студентов один или два раза. Но и они приезжали не для того, чтобы узнать, как учится их отпрыск, поскольку это в любом случае совсем не их дело. Обычно израильские родители выполняют различные поручения, чаще всего связанные с тем, что их сыновья призваны в армию резервистами.

В последние годы нечто подобное захлестнуло даже вооруженные силы. Со времен древней Спарты армия была именно тем институтом, который превращал мальчиков в мужчин, используя предельно жесткие методы для того, чтобы оторвать их от семьи. В период обучения их подвергают всем тяготам и опасностям боя, заботясь только о предотвращении чрезмерного количества несчастных случаев, и при этом им позволяют вести себя так, как подобает взрослым мужчинам, и ожидают от них такого поведения. Сегодня, когда везде, кроме морской пехоты, мужчины и женщины проходят совершенно одинаковый основной курс подготовки, ситуация изменилась. Сержантам-инструкторам по строевой подготовке запрещено использовать «плохие» слова, а уж о том, чтобы прикоснуться к солдату не может быть и речи — иначе новобранец может удариться в слезы. Чтобы пощадить самооценку новобранца, основной курс боевой подготовки изменен таким образом, что его может выдержать каждый. Наказания и «дедовщина», эти традиционные методы превращения гражданских лиц в дисциплинированных солдат, сведены к минимуму или устранены. Сегодня будущие солдаты во время курса молодого бойца тратят больше времени на разговоры о контрацепции и венерических заболеваниях, чем на обучение стрельбе¹³⁴.

¹³⁴ См.: S. Gutmann, *The Kinder, Gentler Military; Can America's Gender-Neutral Fighting Force Still Win Wars?* New York, N.Y., Scribner, 2000, pp. 68—79, 93—94, 238—239.

По-настоящему военная жизнь начинается только тогда, когда от курса основной подготовки они переходят к освоению конкретной военной профессии.

Но ситуация, тем не менее, остается парадоксальной, потому что многим из солдат еще нет 21 года. Молодых мужчин и женщин могут послать, а нередко и посылают, на другой конец света, в одну из опасных точек, где необходимо американское военное присутствие. Там они могут вступить в бой. Они даже могут погибнуть от пуль и мин террористов или других людей, которым не нравятся старые добрые Соединенные Штаты Америки; но при этом на походы в стриптиз-клубы и бордели — традиционное развлечение солдат всех времен и народов — их начальство смотрит косо. Более того, у себя на родине молодым людям этого возраста запрещено курить и покупать себе пиво.

* * *

Нужно признать, что порочное сочетание лицемерия, стресса, бедности и недостаточного внимания родителей — последнее если не навязывается, то по крайней мере усиливается смертоносным сочетанием феминистской идеологии и налоговых льгот — затрагивает различные части общества по-разному. Многое зависит от социального положения семьи, дохода и расы, а также от личных особенностей. Не все (но многие) дети испытывают влияние всех четырех факторов, и очень немногие не подвергаются воздействию хотя бы одного или двух из этих факторов. А учитывая то, сколько часов люди проводят на работе и в дороге, совсем не удивительно, что лишь немногие родители следуют бесконечно повторяемому совету «надо говорить со своими детьми», чтобы установить атмосферу доверия и помочь им избавиться от стресса.

По данным одного исследования, американские родители меньше *одного процента* времени тратят на общение со своими детьми, достигшими подросткового возраста¹³⁵. По данным другого¹³⁶, всего 13% подростков могут похвастаться доверительными отношениями с матерью, и только 6% — с отцом. Особенно редки доверительные отношения между отцами

¹³⁵ M. Rafaelli and E. Duckett, "We Were Just Talking... Conversations in Early Adolescence", *Journal of Youth and Adolescence*, 18, 1989, pp. 567–582.

¹³⁶ Caplow, *Middletown Families*, p. 147.

и дочерьюми, что может быть побочным следствием всепроникающего пуританства и стремления мужчин понимать секс как грязь и насилие¹³⁷. Постоянные припевы «моя сладкая», «принцесса», «солнышко» звучат фальшиво.

Некоторые дети ломаются под этим давлением. Они не получают ожидаемых хороших оценок, а это называется «неспособностью раскрыть свой потенциал» и служит оправданием усиления нажима. Другие, особенно мальчики, не могут столько часов упорно сидеть над учебниками и начинают плохо себя вести. Ответом обычно бывает диагноз «синдром дефицита внимания» (Attention Deficiency Disorder, ADD). Особенно часто это встречается в семьях среднего класса, и особенно если и мать, и отец делают карьеру, — и в силу того, что таких родителей больше заботит школьная успеваемость, и в силу того, что они могут оплатить помощь психолога. При этом самым легким путем решения этой проблемы оказывается приписать все биохимическим особенностям подросткового организма. Если дело в возрастной физиологии, значит, родители не несут за это никакой ответственности, а получить рецепт и купить таблетки куда дешевле, чем прибегнуть к какой бы то ни было психотерапии.

В соответствии с американской приверженностью к сложным акронимам, синдром ADD был заменен синдромом ADHD (Attention Deficiency/Hyperactivity Disorder — синдром дефицита внимания и гиперактивности). Как следует из названия, первоначально он применялся к детям, которым, скорее всего, в классе было скучно и они невнимательно слушали мудрые наставления учителей. Потом число симптомов начало расти, и этот рост все еще продолжается быстрыми темпами. Вероятно, не стоит удивляться тому, что эти симптомы отражают все, что не нравится учителям: импульсивность, ошибки из-за «невнимательности», непоседливость, «избыточная» разговорчивость, невнимательность на уроках, медлительность и даже «прерывание других»¹³⁸. Особенно часто этот синдром диагностируют у детей, которые младше

¹³⁷ См. об этом в книге: R. Devlin, *Relative Intimacy: Fathers, Adolescent Daughters, and Modern American Culture*, Durham, N. C., University of North Carolina Press, 2005.

¹³⁸ Список из рекламного объявления компании Eli Lilly and Co., *Newsweek*, 22.9.2003.

одноклассников¹³⁹: вряд ли найдется более ясное указание на то, что причина в системе, а не в детях.

Хотя надежного теста на эту болезнь не существует, лекарство от нее уже есть — риталин. Химически риталин аналогичен кокаину, а в результате им часто злоупотребляют; более того, некоторые родители, детям которых прописали это средство, перепродают его на улице. Американцы производят и потребляют (наряду с большинством других стимуляторов) 90% всего производимого в мире риталина. Из этого объема 75% скармливают детям. Зачастую это делается по требованию социального работника в школе и под угрозой исключения из нее; процедура эта, кстати говоря, незаконна, но многие родители не знают этого или боятся конфликта со школой. Нет данных о том, сколько детей принимают это средство в тот или иной конкретный момент времени, но счет явно идет на миллионы. В пропорции к населению это больше, чем где-либо еще. Фармацевтические компании поощряют происходящее и при этом нередко утверждают, что сопутствующие риски минимальны или вообще отсутствуют¹⁴⁰. И это при том что, согласно некоторым данным, не исключена возможность смерти от паралича сердца при длительном применении.

Синдром ADHD, о котором до середины 1980-х гг. мало кто слышал, быстро набрал популярность. Вместе с двумя другими ведущими расстройствами психики — тревожностью и угрюмостью, которая, когда она поражает взрослых, называется депрессией, — этот синдром, по некоторым данным, наблюдается у каждого пятого американского ребенка¹⁴¹. В 2002 году на препараты, изменяющие поведение, было израсходовано больше денег, чем на все другие лекарства, выписываемые детям¹⁴².

Но это еще не дает полного представления о масштабе проблемы. Чем больше детей страдают от проблем с психикой, тем больше родителей вместо присмотра за своими отпрысками

¹³⁹ Согласно статье: G. LeFever, "Ritalin Alert!" (www.newhorizons.org/spneeds/adhd/lefever.htm).

¹⁴⁰ Обо всем этом см.: L. H. Diller, *Running on Ritalin; A Physician Reflects on Children, Society and Performance in a Pill*, New York, N.Y., Bantam, 1998, pp. 2, 8, 36, 37, 39, 114, 115.

¹⁴¹ C. Kalb, "Troubled Souls", *Newsweek*, 22.9.2003, p. 69.

¹⁴² L. A. Johnson, "Spending Soars for Kids' Behavior Drugs", 17.5.2004 (<http://www.msnbc.msn.com/id/4993606>).

выбирают легкий (пусть зачастую и дорогой) путь — отправляют их в психиатрические лечебницы. В этом им помогают суды, отчего подростка стало проще принудительно направить в лечебницу, чем взрослого¹⁴³. За 1971—1990 гг. число подростков, испытавших эту судьбу, выросло в 15 раз — с 6500 до 200 000 человек, и этот рост настолько непропорционален каким бы то ни было демографическим изменениям, что закрадывается вопрос о том, кто же сходит с ума — дети или родители. За 1950—1994 гг. уровень самоубийств среди американцев в возрасте от 15 до 24 лет увеличился втрое — с 4,5 до 13,7 на 100 000. Эти цифры заставляют тревожиться еще и потому, что за тот же период уровень самоубийств среди взрослых и пожилых фактически снизился¹⁴⁴: Трудно вообразить более сокрушительную критику отношения к детям со стороны родителей, школы и государства. При этом школьная успеваемость, измеряемая результатами общенационального теста на проверку академических способностей (SAT) по математике и владению английским языком, ухудшилась¹⁴⁵. По результатам проверки грамотности выпускников средних школ в возрасте от 16 до 25 лет в 20 странах США сегодня занимают 16-е место¹⁴⁶.

Если одни дети заболевают психическими расстройствами или убивают себя, то другие прибегают к насилию друг против друга и против взрослых. Обратимся к количественным данным. Общий уровень молодежной преступности, связанной с насилием, составляет 5460 на 100 000, что в пять раз выше, чем в Японии. За 1965—1990 гг. число несовершеннолетних, арестованных за преступления против личности, увеличилось с 137 до 430 на 100 000 соответствующей части населения¹⁴⁷. Молодые люди, не достигшие 18-летнего возраста, совершают 31% преступлений на почве ненависти, что превышает их долю в населении¹⁴⁸. Ежегодно 54% школьников становятся свидетелями серьезных актов жестокости и насилия, что на 50%

¹⁴³ *Parnham v. J. R* (1979).

¹⁴⁴ "Such a Waste", *The Economist*, 8.12.2001.

¹⁴⁵ Haverman and Wolfe, *Succeeding Generations*, pp. 8—9, table 11.

¹⁴⁶ Данные OECD, 1992—1998.

¹⁴⁷ Th. C. Reeves, *Twentieth Century America*, New York, N.Y., Oxford University Press, 2000, p. 244.

¹⁴⁸ K. J. Strom, *Hate Crimes Reported in NIBRS, 1997—1999*, Washington D.C., U.S Department of Justice, 2001.

больше, чем в России или в Бельгии¹⁴⁹. По данным проведенного в 1996 году общенационального опроса, почти половина американских подростков уверена, что насилия в школах стало больше. Каждый десятый боялся быть застреленным или избитым одноклассниками, носящими с собой огнестрельное оружие, а каждый пятый боялся заходить в школьную уборную¹⁵⁰. Драться в школе приходилось 16,2% школьников, а у каждого третьего крали или намеренно портили личные вещи. Каждому четырнадцатому угрожали оружием или нанесли ранение (каждому одиннадцатому мальчику и каждой двадцатой девочке)¹⁵¹. Ежегодно каждый тридцатый учитель становится жертвой нападения¹⁵².

Больше всего поражают происходящие время от времени расстрелы школьниками учителей и учеников, завершающиеся самоубийством. Создается впечатление, что в последние годы такие инциденты стали происходить чаще. Обычно такое случается в районах с высоким уровнем преступности, на юге и на западе страны¹⁵³, и похоже, что на подростков просто действует пример взрослых. Однако происшествя вроде того, что случилось в средней школе в Колумбайне (Колорадо) в 1999 году и в Вирджинском политехническом институте в 2007 году, где преступник в явном виде воспроизвел события 1999 года¹⁵⁴, — это лишь верхушка айсберга. Молодые люди в возрасте от 12 до 24 лет совершают почти половину преступлений против личности без смертельного исхода¹⁵⁵. Поскольку в большинстве

¹⁴⁹ Yahoo! News, 4.3.2003 (<http://www.ojp.usdoj.gov/bjs/abstract/hcrn99.htm>).

¹⁵⁰ D. S. Elliott et al., "Violence in American Schools: An Overview", in D. S. Elliott et al., eds., *Violence in American Schools*, Cambridge, Cambridge University Press, 1998, p. 4.

¹⁵¹ M. A. Hamburg, "Youth Violence as a Public Health Concern", in D. S. Elliott et al., eds., *Violence in American Schools*, p. 35.

¹⁵² R. Loeber and M. Southamer-Loeber, "Juvenile Aggression at Home and at School", in D. S. Elliott et al., eds., *Violence in American Schools*, p. 118.

¹⁵³ McCabe and Martin, *School Violence*, pp. 43–45.

¹⁵⁴ M. Apuzzo, "Gunman in Virginia Tech massacre had raised concerns with his disturbing writings", AP, 19.4.2007 (<http://www.signonsandiego.com/news/nation/20070417-1354-virginiatechshooting.html>).

¹⁵⁵ J. A. Mercy, "Youth Violence as a Public Health Problem", *Spectrum*, 60, 3, Summer 1993, pp. 26–30.

случаев одни юнцы нападают на других, насилие стало второй по значению причиной смертности американских подростков¹⁵⁶. Авторы одного кросскультурного исследования пришли к выводу, что американские родители больше других заботятся о том, чтобы их дети выросли «хорошими людьми»¹⁵⁷. Если это действительно так, то, судя по статистике, их методы воспитания оставляют желать лучшего.

В ответ на подростковое насилие школы по всей стране начали наперегонки устанавливать камеры слежения. В ход пошли металлоискатели, вооруженные охранники (которых эфемистически называют «сотрудниками школьной спасательной службы» — School Resource Officer, SRO), выборочные обыски, программы выявления наркоманов и т.п. Если бы к делу подключилась NRA (Национальная стрелковая ассоциация), учителя приходили бы в классы вооруженными¹⁵⁸. Психологи, социальные работники и простые граждане, интересующиеся проблемами образования, выдвигают бесчисленные предложения о том, как справиться с ситуацией. Диапазон советов — от семейных консультаций до переучивания учителей и от денежного поощрения школьников-доносчиков («за сто долларов они родную мать сдадут», по словам одного «педагога»)¹⁵⁹ до введения обязательного посещения церкви и прослушивания проповедей.

Возможно, на источники проблемы указывает то, что многие работы по «современному воспитанию» и «материнству» вообще почти не упоминают о детях¹⁶⁰. Вместо этого они, глава за главой, рассуждают о проблемах *родителей*: одинокие родители, разведенные родители, родители в новом браке, родители-гомосексуалисты, работающие родители, безработные родители, родители-феминистки и все другие разновидности

¹⁵⁶ L. A. Fingerhut, "Firearm Mortality among Children, Youth and Young People", in National Center for Health Statistics, ed., *Advance Data from Vital and Health Statistics*, Hyattsville, Md., 1993, p. 231.

¹⁵⁷ L. W. Hoffman, "Cross-Cultural Differences in Childrearing Goals", in R. A. LeVine et al., eds., *Parental Behavior in Diverse Societies*, San Francisco, CA, Jossey-Brass, 1988, pp. 102, 114, tables 1 and 6.

¹⁵⁸ *New York Times*, 24.9.2003.

¹⁵⁹ L. Copeland, "Students Paid for Snitching on Peers", *USA Today*, 18.4.2005.

¹⁶⁰ A. Hochschild and A. Machung, *The Second Shift; Working Parents and the Revolution at Home*, New York, N.Y., Avon, 1989, p. 230.

родителей¹⁶¹. Некоторые наиболее радикальные идеи того, как развязать этот гордиев узел (начало которым положила еще известная феминистка начала XX века Шарлота Перкинс Гилман), заключаются в том, чтобы забирать детей у родителей и воспитывать их в государственных дошкольных учреждениях¹⁶².

Неготовность многих родителей ставить на первое место нужды своих детей, а также нежелание публики тратить на детей государственные деньги объясняют то, почему большинство американцев, по-видимому, предпочитают карательные меры, проводимые с помощью полиции и судов¹⁶³. При необходимости суды и полицию можно усилить за счет комитетов бдительности в рамках «сотрудничества полиции с населением», а что касается детей, то здесь каждый сосед — шпион. Вот только свидетельств того, что вышеперечисленные меры дают хоть какой-то положительный эффект, мало (а то и вовсе нет). Некоторые из этих мер скорее углубляют проблему: они вводят новые правонарушения, которые могут совершить только подростки (комендантский час); они создают атмосферу страха (металлоискатели); они увеличивают число бросающих школу (политика нулевой терпимости); они приводят к тому, что люди, хорошо разбирающиеся в охранной деятельности, но не обладающие никакой педагогической квалификацией, предлагают неофициальную, но весьма обширную и эффективную учебную программу, дающую школьнику практический опыт человека, подвергающегося сканированию, обыску, задержанию, допросу и исключению из школы¹⁶⁴.

Более чем в половине из 50 штатов обращение с правонарушителями в возрасте от 14 лет в судах и в местах заключения ничем не отличается от обращения со взрослыми. Канзас даже

¹⁶¹ Например: Т. Arendell, ed., *Contemporary Parenting; Challenges and Issues*, London, Sage, 1997; также: Р. DiQuinzo, *The Impossibility of Motherhood: Feminism, Individualism, and the Problem of Mothering*, London, Routledge, 1999.

¹⁶² С. Р. Gilman, "Comment and Review", *Forerunner*, 1, December 1910, pp. 25–26; также: N. Chodorow, *The Reproduction of Mothering; Feminism, Psychoanalysis and the Sociology of Gender*, Berkeley, CA, University of California Press, 1978, p. 217.

¹⁶³ Согласно Elliott and others, "Violence in American Schools: an Overview", p. 10.

¹⁶⁴ McCabe and Martin, *School Violence*, pp. 94–99.

понижил возраст полной уголовной ответственности до 10 лет, а Флорида разрешает с детьми *любого* возраста обходиться как со взрослыми. По состоянию на 2002 год в 25 штатах не было возрастного предела для вынесения и исполнения смертного приговора. Если не считать Сомали, США являются единственной страной, не подписавшей международную конвенцию об отказе от казни детей. В 2002 году в Техасе действительно был казнен малолетний преступник; в силу своего малолетства он еще не имел права подписывать договоры, но уже созрел для электрического стула. В оправдание этого решения прокурор заявил, что для жертвы нет разницы, было ли нажавшему на курок 16 или 17 лет, а не 18 лет¹⁶⁵. Однако положение несовершеннолетних, с которыми обходятся таким образом, тоже не сахар: они не имеют права на суд присяжных¹⁶⁶. Таким образом, дети оказываются в самом трудном положении.

Если подросток, обвиненный в убийстве, может быть приговорен к смертной казни без соблюдения процедур, обязательных при суде над взрослым преступником, то наказанием за меньшие преступления служат различные формы так называемого шокового заключения [*shock incarceration*]. Подросток может подвергнуться наказанию в виде шокового заключения с его согласия или без такового в зависимости от штата. Введение этого наказания отчасти обусловлено желанием уменьшить сроки содержания в тюрьме и сэкономить таким образом деньги. Оно может быть применено и по инициативе родителей за их счет, чтобы уберечь своего отпрыска от беды, реальной или воображаемой. Есть компании, которые за подходящую плату вытаскают молодого человека или девушку из кровати, наденут на него или на нее наручники и отправят в заведение, напоминающее тюрьму, с камерами, плацем и стенами, исключающими возможность побега. Здесь они попытаются «излечить» свою жертву от проблем, от которых он или она страдает (по мнению родителей, учителей, консультантов и прочих гениев педагогики).

Задуманное в соответствии с тем, что именуется «теорией управления» [*«control theory»*]¹⁶⁷, шоковое заключение орга-

¹⁶⁵ Clark County, ID, Prosecuting Attorney, “Juvenile Crime”, 2003 (<http://www.clarkprosecutor.org/html/juvenile/juvenile.htm>).

¹⁶⁶ *McKeiver v. Pennsylvania*, 403, U.S. 528 (1971).

¹⁶⁷ C. L. Clark and D. W. Aziz, *Shock Incarceration in New York State*:

низовано по образцу армейских учебных лагерей того времени, когда армейская жизнь еще не была смягчена присутствием женщин. Распорядок дня включает побудку, построение, физические упражнения, специально придуманный физический труд (чем противнее и грязнее, тем лучше), разнообразные наказания за нарушение правил и спартанскую атмосферу, которую порой поддерживают отставные сержанты из армейских учебок. Поскольку содержание подростка в таком лагере обходится порой очень дорого, наблюдается тенденция размещать лагеря там, где подешевле — в Мексике, Пуэрто-Рико, на Карибах или даже в Чехии: в таких местах труд дешев, контроль со стороны государства слаб или вовсе отсутствует, а с подростками зачастую обращаются еще свирепее¹⁶⁸. Коротче говоря, если некоторые американские подростки под влиянием непереносимого давления начинают плохо себя вести, то обычным ответом служит еще большее усиление давления со стороны родителей и общества в целом.

Бессчетному числу взрослых всего мира Америка всегда представлялась надеждой на рай земной. Для бессчетного числа детей, рожденных в Америке или, еще хуже, привезенных туда родителями в возрасте, когда они уже способны сравнивать, она похожа на ад. С другой стороны, многие, особенно женщины, смотрят на детей через призму упущенных возможностей; дети для них только обуза, от которой нужно как можно быстрее избавиться, чтобы мамочка смогла вернуться к своей драгоценной карьере. Нет оснований думать, что американцы любят детей меньше или относятся к ним хуже, чем другие народы. Просто их способ обращения с детьми коренится в самых основных особенностях американского общества и воспроизводит их. Первой из этих особенностей является система свободного предпринимательства, которая транслируется в нежелание тратить государственные средства на тех детей, которые в этом нуждаются, и одновременно с самого раннего возраста подвергает всех детей сильному давлению духа сопер-

Philosophy, Results, and Limitations, New York, N. Y., Koch Crime Institute, 2003, p. 2.

¹⁶⁸ T. Weiner, "Parents, Shopping for Discipline, Turn to Tough Schools Abroad", 9.5. 2003 (<http://www.nytimes.com/2003/05/09/international/americas/09MEXI.html?ex=1368504000&en=887f047ae8a9643f&ei=5007&partner=USERLAND>).

Глава 6

ГОРИЛЛА НА ОСТРОВЕ

О правившем в Баварии в начале XVIII века курфюрсте Максимилиане-Иммануиле II говорили, что он *menteur par la geographie*, т. е. лжец в силу географического положения. Говорили о нем так потому, что он был зажат между двумя соседними странами, Австрией и Францией, каждая из которых была куда сильнее, чем его страна. Чтобы не быть растоптанным, он был принужден постоянно маневрировать между ними и постоянно врать обеим. При этом он и его преемники неоднократно рисковали потерять корону. В конце концов Бавария попала под власть третьей сильной соседки, Пруссии, и на этот раз окончательно: с 1889 года именно Берлин приказывает Мюнхену, а не наоборот.

Американский опыт настолько непохож на баварский, насколько это вообще возможно. В отличие от Баварии, расположенной в глубине континента и окруженной со всех сторон другими государствами, Америку защищали и защищают от вторжения два океана. В отличие от Баварии, которая была меньше и слабее соседей, США быстро стали самой большой и сильной страной не только своего континента, но и всего полушария. Огромное могущество США не позволяет сравнивать их и с такими островными державами, как Япония и, как мы скоро увидим, Великобритания. Неудивительно, что сочетание непреодолимой мощи и географической обособленности повлияло на внешнюю политику американских президентов не в меньшей степени, чем влияли на политику баварских курфюрстов их собственная слабость и алчность соседей. Без этих двух факторов невозможно понять картину в целом.

Родиной отцов-пилигримов был коварный Альбион. Во времена, когда они покидали его берега, Британия еще была сравнительно слаба и невелика. Ею правил Яков I Стюарт, выходец из Шотландии, страны еще более бедной, слабой и совсем маленькой. Самое буйное воображение не позволило бы ему

сравнивать себя с великими правителями Вены, Парижа и, прежде всего, Мадрида. Свое прозвище «коварный Альбион» Англия заслужила начинавшимися тогда попытками маневрировать между монархами этих стран. Позднее эта игра превратилась в высокое искусство всегда выступать на стороне слабых против сильного.

Для отцов-пилигримов все это было несущественно. Они осели на другом берегу Атлантики, за тысячи миль от родины. Они хотели основать Новый Иерусалим, Град-на-Холме. В духовной жизни их сообщество должно было руководствоваться словом Божиим, отринув процветавшие в Старом Свете идолопоклонство и моральное разложение. Им, изолированным географическим положением, ничто не угрожало, а потому не было нужды лгать, притворяться и ходить окольными путями, если не считать, конечно, туземного населения, «индейцев». Но эти язычники и варвары были не в счет, а любая война с ними *ipso facto** была священным крестовым походом¹. В любом случае их сопротивление было практически сломлено уже к концу XVII века, хотя разрозненные стычки продолжались еще лет двести.

Первые американцы были чуть ли не единственным народом мира, надеявшимся, что роскошь уединения позволит им жить исключительно нравственно. Своим примером они могли даже вдохновить другие народы; в конце концов, лучший способ подтвердить собственную правоту — увидеть, как за тобой следуют другие². А поскольку в Европе в XVII века возникла целая литература, восхвалявшая новую и неиспорченную жизнь в Новом Свете, в частности в Пенсильвании³, им

* В силу самого факта (*лат.*). — *Ред.*

¹ См., например, Cotton Mather, *The Great Works of Christ in America = Magnalia Christi Americana*, Carlisle, PA, Banner of Truth Trust, 1979 [1702], vol. 2 pp. 552—553.

² Эта идея развита в работе: E. S. Morgan, *Visible Saints: The History of a Puritan Idea*, Ithaca, N.Y., Cornell University Press, 1963, chapter 1.

³ J. T. Lemon, *The Best Poor Man's Country: Early Southeastern Pennsylvania*, Baltimore, MD, Johns Hopkins University Press, 2002; E. A. Rapping, "Theory and Experience in Crèvecoeur's America", *American Quarterly*, 19, 4, 1967, pp. 707—718; H. Steffens, *Die gegenwertige Zeit und wie sie geworden*, Berlin, Reimer, 1817, p. 330.

сопутствовала удача. В любом случае очень долгое время все, что они делали и чего не делали, политически затрагивало лишь небольшую часть Североамериканского континента. И для этого было тем больше оснований, что колонии не являлись суверенными государствами. Внешними сношениями занимались не они, а далекая Британия. В Лондоне же за них отвечали министерство колоний, министерство торговли и министр по делам Северной Америки. К тому времени, когда Британия наконец создала пост министра иностранных дел, американцы уже одержали победу в войне за независимость.

Достижение независимости только усилило положение Америки в качестве сияющего образца⁴. Эта страна ясно и недвусмысленно опиралась на самые передовые идеи своего времени и, как с гордостью заявляли ее сторонники, всех времен, пусть и не без иностранной (преимущественно французской) помощи, колонии победили одну из величайших держав эпохи, которая, благодаря своему несравненному флоту, представляла для них единственную реальную угрозу. Теперь, когда они объединились под руководством центрального правительства, их возможности отразить любые попытки вмешаться в их дела неизмеримо выросли. Но для этого было прежде всего необходимо преодолеть искушение вмешиваться в чужие дела. И отцы-основатели США превосходно справились с этой задачей. Отклоняя требование Франции поддержать Французскую революцию, Джордж Вашингтон в прощальном послании в сентябре 1796 года заявил о необходимости «избегать постоянных союзов» и сконцентрироваться на внутренних делах⁵. Через 25 лет его пятый преемник, Джон Куинси Адамс, не менее настойчиво предостерег от стремления отправляться за границу «искать чудовищ, чтобы их уничтожить»⁶.

На деле все пошло не так, как задумывали Вашингтон и Адамс. Вместо того, чтобы заниматься собственными делами, США с самого начала стали склоняться к активному экспан-

⁴ См.: L. Lipson, "European Responses to the American Revolution", *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 428, 1976, pp. 22–32.

⁵ *Letters and Papers of George Washington*, New York, N.Y., Sun Dial, 1909, p. 400.

⁶ Выступление в палате представителей Конгресса США, 4.7.1821 (<http://www.fff.org/comment/AdamsPolicy.asp>).

сионизму. До 1776 года правительство Британии, обеспокоенное растущей силой первых тринадцати колоний, ограничивало их сравнительно узкой полоской земли между берегом Атлантики и Аппалачами. Но этот механизм рухнул вскоре после достижения независимости, и уже в 1783 году национальная территория удвоилась в соответствии с Парижским договором, продвинувшим западную границу до Миссисипи. За рекой лежали неисследованные пространства французской «Луизианы», населенные лишь горсткой охотников на пушного зверя и, разумеется, местными индейцами, постоянными обитателями этих мест. В 1803 году и эти земли были куплены у Наполеона, у которого не было выбора из-за установленной английскими военно-морскими силами морской блокады. В 1818 году США отняли у Испании Флориду и потратили три года на ее «умиротворение». В 1845 году Техас, первоначально являвшийся частью Мексики, но активно заселявшийся англоговорящими колонистами, восстал и был принят в Союз.

Как показывают эти даты, экспансия шла не плавно, а рывками: удачу требовалось время, чтобы переварить добычу. Начиная с президента Томаса Джефферсона, некоторые американцы поднимали вопрос о том, что плотность населения слишком незначительна, а потому нужно ограничить расширение территории и создать за Скалистыми горами другую страну, но эти сомнения длились недолго. В конечном счете верх всегда брало так называемое явное предначертание [Manifest Destiny]: в 1845 году журналист Дж. Л. О'Салливан изобрел эту квазирелигиозную формулировку для оправдания присоединения Техаса, и она пришлась очень кстати для подведения идейной базы под экспансию ради «наших ежегодно умножающихся миллионов» граждан — даже если для этого требовалась открытая агрессия против другого государства, как это было в случае войны против Мексики в 1846—1847 гг.

С присоединением каждого очередного участка земли с нее сгоняли индейское население. Происходило это всегда одинаково. Сначала землю у индейцев формально покупало либо правительство штата, либо, позднее, Вашингтон. Потом заключался договор, фиксирующий, где именно заканчивается земля белых и начинается земля, оставленная индейцам. Затем на индейскую территорию начинали проникать белые поселенцы — охотники, скваттеры, спекулянты, купцы, миссионеры.

Встречая сопротивление, порой свирепое, они взывали о помощи, и помощь всегда приходила. Происходило несколько стычек, которые делали имя какому-нибудь американскому генералу — к примеру, Эндрю Джексону или Уинфилду Скотту. Когда все заканчивалось, потерпевших поражение индейцев заставляли продать свою землю по смехотворной цене, и они перемещались еще дальше на запад. Так переселялись целые общины, зачастую с ужасающими человеческими жертвами.

Только за первую половину XIX века свои земли утратили такие племена, как шауни, шайены, соки, фоксы, кикапу, семинолы, мускоги и чероки — последние ушли за Миссисипи зимой 1838—1839 гг. печально знаменитой «тропой слез» — и бесчисленные другие. Когда Верховный суд объявил политику вытеснения индейцев незаконной, у губернатора Джорджии нашелся готовый ответ: «Договоры, — заявил он, — были уловками, чтобы побудить невежественных, упрямых и диких людей... отказаться от того, что по праву должно принадлежать цивилизованным людям»⁷.

Таким образом, задолго до того, как победа над Мексикой позволила США распространить свою власть от океана до океана, страна оказалась в выгодной позиции, очень редко встречающейся в мировой истории: она могла не опасаться вторжения чужестранцев. Последнее и фактически единственное вторжение произошло во время войны 1812—1814 гг. Непосредственным поводом для войны было то, что британский флот пытался принудить некоторых американских моряков к службе в нем. Конечной целью, по словам Джефферсона, было «изгнание Англии с американского континента»⁸. На деле же британцы продемонстрировали свое превосходство на море, ненадолго захватили столичный Вашингтон и сожгли Белый дом. Победителей в войне не было, все окончилось компромиссом. Для предотвращения подобных неудач в будущем в 1820—1860 гг. была построена цепь крепостей, установивших контроль над входом в устье всех больших рек на восточном побережье и в Мексиканском заливе, в том числе форт Самтер, форты Пуласки, Виксберг и другие.

За эти десятилетия мощь Америки выросла настолько, что эти оборонительные усилия оказались напрасными. Ни одна

⁷ Цит. по: Carroll and Noble, *The Free and the Unfree*, p. 170.

⁸ Цит. по: Johnson, *A History of the American People*, p. 266.

из крепостей не выстрелила ни разу, если не считать войны между Севером и Югом. Уже в 1837 году Авраам Линкольн, в то время многообещающий молодой юрист из Спрингфилда, штат Иллинойс, заявил следующее: «Даже объединенные армии Европы, Азии и Африки, имеющие в войсковой казне... все богатства земли, под командованием Бонапарта, могут биться хоть тысячу лет, но не смогут силой ни получить глотка воды из Огайо, ни взойти на Голубой хребет»⁹. Он верно оценил тогдашнюю ситуацию, а с тех пор, за частичным исключением периода холодной войны, к которому мы еще вернемся ниже, такого рода угроза отодвигалась все дальше и дальше. Более того, даже для 1837 года Линкольн несколько недооценил ситуацию. За 14 лет до этого президент Джеймс Монро провозгласил получившую его имя доктрину, согласно которой вся Америка, и Южная и Северная, представляет собой угодья США, закрытые для государств-соперников с других континентов.

Благодаря капризу природы — речной системе Миссури-Миссисипи, — стратегически важные коммуникации между обширными территориями севера и юга страны были обеспечены с самого начала, а позднее, когда пар стал приходить на смену парусу, стали еще лучше. Благодаря железным дорогам и телеграфу, которые, как мы видели, появились уже в 1830-е гг., открылся доступ и к другим территориям, которые перестали быть недоступными и влились в общее целое. Когда в 1833 году железная дорога связала Бостон и Вустер, стоимость перевозок упала на две трети. Только за 1850-е гг. стоимость перевозки товаров по железным дорогам штата Нью-Йорк снизилась наполовину, а в 1860-х гг. она составляла всего 5% от сумм, затрачивавшихся на перевозку до появления железных дорог¹⁰. Хотя в 1890 году территория США составляла всего 6% земной суши, ее пересекало 42% всех железнодорожных путей мира. Америке повезло и стратегически, и экономически, что эти технологии появились так вовремя. Без железных дорог протяженность пространства из источника силы превра-

⁹ Цит. по: W. McDougall, *Promised Land, Crusader State: The American Encounter with the World since 1776*, Boston, MA, Houghton Mifflin, 1997, p. 52.

¹⁰ Данные взяты из книги: G. R. Taylor, *The Transportation Revolution, 1815—1860*, New York, N.Y., Harper & Row, 1951, pp. 134—135.

тилась бы в источник слабости, как случилось со множеством прежних империй начиная с Персидской.

К 1863—1866 гг., как обнаружили император Наполеон III и его протеже австрийский эрцгерцог, император Мексики Максимилиан I в ходе своей Мексиканской авантюры¹¹, США уже могли эффективно проводить в жизнь доктрину Монро. Использование наступательных военных действий вовсе не исключалось: когда Жюль Верн в повести «Из пушки на Луну» (1865) заставил своих американцев, собравшихся отправиться в космос, обсуждать вопрос о войне с Мексикой, чтобы вынудить ее предоставить им гору, нужную путешественникам для постройки гигантской пушки, он знал, о чем пишет. Если тогда и позднее США воздержались от захвата британской Канады, то вовсе не из-за недостатка сил. Просто во второй половине XIX века Вашингтон предпочитал использовать Канаду как заложника, гарантировавшего хорошее поведение Великобритании. Эта политика давала то дополнительное преимущество, что последняя оказывалась зажатой между США и главными европейскими державами. Спустя много лет США использовали Великобританию в качестве передовой базы в войне, как «горячей», так и «холодной», против этих самых держав, так что в итоге бывшая метрополия превратилась, по сути дела, во «взлетно-посадочную полосу номер один».

Не считая войны за независимость, Гражданская война оказалась самым важным событием во всей истории США. По словам Линкольна, очень верно понявшего ситуацию¹², вопрос в действительности стоял о том, сохранится ли Американский Союз, понимаемый не только как государство среди других государств (как сказано в Геттисбергском послании), но и как всемирно-исторический эксперимент по установлению народного правления. Если бы Конфедерация победила — что чуть не случилось в 1864 году, когда противник войны, кандидат от демократов Джордж Б. Макклеллан получил на выборах 45% голосов, — то наиболее вероятным исходом стало бы создание трех североамериканских государств, состоящих из южных, северных и западных штатов. Они смогли бы

¹¹ P. H. Reuter, "U.S. - French Relations Concerning Intervention in Mexico", *Southern Quarterly*, 6, 4, 1968, pp. 469—489.

¹² Письмо к Х. Грили, 22.8.1962 (<http://showcase.netins.net/web/creative/lincoln/speeches/greeley.htm>).

поддерживать между собой «нормальные» отношения и обходиться без войн. При этом они, руководствуясь собственными интересами, могли бы создавать союзы между собой и с другими странами.

Во время Гражданской войны Юг пытался привлечь на свою сторону Великобританию и Францию, и в какой-то момент даже казалось, что это вот-вот удастся¹³. К добру или к худу, но этого не произошло. Север победил, а Юг был сокрушен и прекратил существование. Соответственно так и не возник независимый Запад, который мог бы состоять из земель к западу от Миссисипи, а Союз сохранился в целости. Цена, которую пришлось заплатить — 600 000 убитых, — превзошла суммарные потери США во всех остальных войнах во всех концах земного шара; в пропорции к численности населения американские потери в восемь раз превысили их потери во Второй мировой войне. И это служит доказательством (если здесь нужны доказательства) того, как мало был способен остальной мир угрожать безопасности США.

Результатом Гражданской войны стало возникновение того, чего не существовало ранее, — единой сплоченной нации во главе с сильным правительством¹⁴. Сразу после войны США вернулись к традиционной, то есть экспансионистской политике. Как и до войны, экспансия шла не плавно, не в виде равномерной прогрессии, а рывками, отделенными друг от друга одним-двумя поколениями. Время от времени Конгресс даже блокировал план захвата той или иной страны как, например, в случае Кубы, когда ему это удавалось на протяжении двух десятилетий до 1898 года. Но в конце концов все эти остановки оказывались временными. Как и прежде, страна направляла свою поразительную энергию преимущественно на Запад, потому что здесь, не считая жалких кучек индейцев, некому было оказывать организованное сопротивление. В 1867 году президент Эндрю Джексон купил у России Аляску, которая

¹³ B. Holden-Reed, "Power Sovereignty and the Great Republic: Anglo-American Diplomatic Relations in the Era of the Civil War", *Diplomacy and Statecraft*, 14, 2, 2003, pp. 45—76.

¹⁴ Porter, *War and the Rise of the State*, pp. 262—268; см. также: G. P. Fletcher, *Our Secret Constitution; How Lincoln Redefined American Democracy*, New York, N.Y., Oxford University Press, 2001.

стала первым внешним владением США. Сделкой занимался госсекретарь Уильям Сьюард, занимавший этот пост до 1869 года. Допекаемый критиками, которые настаивали, что новая территория никому не нужна (ее называли «ледником Сьюарда»), он воспользовался случаем и заявил, что за тридцать лет он превратил бы во владения США «весь американский континент» и поставил бы под их контроль «весь мир»¹⁵, — не больше и не меньше.

В том же году к США был присоединен остров Мидуэй, стратегический плацдарм в Тихом океане. Права на строительство военно-морских баз в Самоа и на Гавайях были получены в 1878 и 1887 гг. соответственно. Важнее всего то, что за приобретением дополнительных территорий вырисовывалось невиданное прежде в истории грандиозное преобразование экономики, о котором мы говорили во второй главе. Когда в Европе разразилась Первая мировая война, открылось движение по Панамскому каналу, начатому французом, но построенному и управляемому американцами, который удвоил возможности Республики направлять свои вооруженные силы в любую точку планеты. Для защиты американских интересов из ребра Колумбии были выкроены новая страна Панама и десятимильная полоса земли, по которой прошел канал, находившийся под суверенным контролем Америки. За все это США ежегодно вносили плату, которая время от времени увеличивалась, но всегда оставалась весьма незначительной.

США всегда были проникнуты идеей, что они некоторым образом исключительная страна, не такая, как остальные, но до того времени они вели себя более или менее так же, как и все прочие государства. Как и у всякого государства, главным предметом их интересов были ближайшие соседи — хотя бы по той причине, что нужно было заботиться о транспорте и коммуникациях. Как и все государства, США стремились расширяться за счет этих соседей. К счастью для США, большинство их соседей были исключительно слабыми. В отличие от других стран, для Америки внешняя политика вряд ли когда-либо была вопросом жизни и смерти. Всего один раз после 1814 года США для достижения своих целей пришлось вести что-то вроде настоящей войны — это случилось во время конфликта с Мексикой.

¹⁵ Цит. по: D. Malone, *The New Nation, 1865—1917*, New York, N.Y., Alleton-Century-Crofts, 1960, p. 50.

Но даже эта война была относительно малой и велась на таком удалении от основных центров американской жизни, что никакой угрозы для них так и не возникло. Именно американские войска вторглись в Мексику и пришли в «Залы Монтесумы», а не наоборот. И с тех пор так было всегда.

До самого конца XIX века противодействие, с которым сталкивались США (оказанное такими странами, как Китай, Бразилия и — о ужас! — Чили¹⁶), было столь незначительным, что в связи с этими эпизодами почти невозможно говорить о политике с позиции силы в обычном смысле слова. Говоря об индейцах, неуместно даже упоминать о внешней политике, потому что все американские должностные лица, начиная с председателя Верховного суда Джона Маршалла, чаще всего смотрели на них как на «подопечных» государства. В этом и других случаях обеспечивавшие экспансию вооруженные конфликты были едва ли чем-то большим, нежели полицейские акции, а подписываемые вслед за ними договоры едва ли чем-то большим, нежели просто предписания. Некоторые договоры, вроде заключенного с королевой Гавайев Лилиуокалани, были результатом не столько обдуманной политики правительства США, сколько итогом достойных комической оперы интриг, организованных по инициативе частных лиц. Другие договоры, особенно с индейцами, зачастую нарушались почти сразу после подписания.

Иначе говоря, по крайней мере до последних десятилетий XIX века все важнейшие проблемы американской внешней политики неизменно вращались вокруг интересов страны¹⁷. Речь не шла о ее безопасности или существовании, и, если не считать ядерного холокоста, о чем мы поговорим ниже, такой опасности никогда не существовало. Угроза безопасности и существованию могла бы возникнуть лишь в том фантастическом случае, если бы против США объединился весь остальной мир. Никогда не возникало и малейшей угрозы жизни и собственности американских граждан в самой Амери-

¹⁶ Об этих «угрозах» см.: F. Zakaria, *From Wealth to Power: The Unusual Origins of America's World Role*, Princeton, N.J., Princeton University Press, 1998, p. 86.

¹⁷ См. об этом: В. Brodie, "Vital Interests; What Are They, and Who Says So?" in *idem*, *War and Politics*, New York, N.Y., Macmillan, 1973, chapter 8.

ке. В сравнении с библейским Бегемотом, каковым являлись сами США, почти все интересы, вокруг которых *на деле* вращалась их политика, были совершенно ничтожны, почти незаметны. Поскольку США полностью доминируют в Северной Америке, эти интересы, за исключением экспедиции в Мексику в 1916 году, были сосредоточены исключительно за океаном. Со временем США стали доминирующей силой не только в Северной Америке, но и во всем западном полушарии, на пространстве, измеряемом тысячами миль. Расположенные там страны в большинстве своем настолько незначительны, что средний американец и не слышал об их существовании — разумеется, если его правительство, используя средства массовой информации или под их давлением, не раздувало значимость этих стран сверх всякой меры.

Говоря словами начальника штаба сухопутных войск времен Второй мировой войны генерала Джорджа К. Маршалла, не было «того воодушевления, которое приходит, когда ты защищаешь собственный дом»¹⁸. Напротив, сочетание государственной мощи и благоприятного географического положения превратило США в задиру, которому для драки нужен лишь повод [соответствующее английское выражение «to have chip on the shoulder» само является американским неологизмом XIX в.¹⁹]. На протяжении большей части своей истории страна проводила политику изоляционизма и занималась своими собственными делами, заботясь только о том, чтобы как можно быстрее стать как можно богаче. Америка раскинула сети торговых связей шире всех известных истории наций, и задолго до заключения каких-либо официальных международных союзов у нее уже была масса поводов для драки в виде находившихся за границей граждан, собственности, складов, источников сырья и международных торговых соглашений.

Начиная с последних десятилетий XIX века, сохранение и расширение этих активов в других странах стало главной целью внешней политики США. Всякий раз, когда где-либо в мире менялось *status quo*, эти перемены оценивались с точки зрения того, затронуты американские интересы или нет и какие действия в связи с этим следует (или не следует) предпринимать.

¹⁸ Цит. по: Pearlman, *Warmaking and American Democracy*, p. 224.

¹⁹ Согласно Бурстину: Boorstin, *The Americans*, p. 292. [Бурстин Д. Указ. соч. С. 374.]

По аналогии можно вспомнить, как в 219 году до н.э. римляне спровоцировали Вторую Пуническую войну. Вначале они объявили о неприкосновенности своего союзника, испанского города Сагунто. Потом, поощряя провокации союзника, дразнили Карфаген, пока у того не лопнуло терпение, и разразилась война. Спустя семьдесят лет они разыграли ту же карту еще циничнее, использовав царя Нумидии Масиниссу для того, чтобы подготовить окончательное разрушение Карфагена. На этом, однако, сходство кончается. При Ганнибале Карфаген был источником реальной угрозы, чем никогда не смог стать ни один из врагов США.

Как некогда с грубой простотой выразился Макиавелли, справедливая война — это война вынужденная. По этому критерию, которому подчинена политика безопасности большинства стран, подавляющее большинство американских войн не были вынужденными; иными словами, Америка обладала завидной возможностью *выбора*. Но верно и обратное: свобода выбора означает, что ее действия должны быть или хотя бы казаться справедливыми если не в холодном свете вечности, то хотя бы в соответствии с преобладающими культурными понятиями, и если не в соответствии с некими универсальными критериями, то хотя бы в глазах самого американского общества. Это объясняет тенденцию, отмеченную Генри Киссинджером и многими другими²⁰: любое противодействие воспринимать с моральным негодованием. Какие бы действия ни предпринимали США, они всегда обернуты в высокие принципы.

И опять-таки величайшим примером этого может служить Геттисбергское послание Авраама Линкольна. В истории мало кому из политиков удавалось внушить аудитории чувство, что правота на их стороне и что всякий, кто противостоит им, держит сторону сатаны. Тем не менее можно утверждать, (а некоторые и утверждают²¹), что Гражданская война была чем угодно, только не попыткой обеспечить право народа на то,

²⁰ H. A. Kissinger, *American Foreign Policy*, New York, N.Y., Norton, 1974, pp. 32—34; S. M. Lipset, *Continental Divide: The Values and Institutions of the United States and Canada*, New York, N.Y., Routledge, 1990, pp. 78—79.

²¹ Например: J. V. Denson, *The Costs of War: America's Pyrrhic Victories*, New Brunswick, N.J., Transaction Books, 1999, pp. 155—158.

чтобы им правили «для народа и на благо народа». Ее настоящая цель состояла как раз в уничтожении этого права, — по крайней мере для тех, кому случилось быть южанином и белым. Это не значит, что американцы лицемерны более всех прочих. Просто обстоятельства сложились так, что Америка превратилась в памятник национальному лицемерию. По словам покойного романиста Грэма Грина, ни у одной страны не было лучших оправданий всему, что она творила.

До самого конца XIX века важнейшим принципом, лежавшим в основании американской внешней политики, были право и долг упорной в труде, честной, протестантской англосаксонской расы распространиться прежде всего по всей территории Северной Америки. Когда это свершилось, многие стали распространять тот же принцип на весь остальной мир. Самым известным представителем такого подхода был сенатор от Индианы Альберт Беверидж: «Американский закон, американская цивилизация и американский флаг утвердятся на землях, прежде кровавых и мрачных, которые с помощью Божьей станут прекрасными и светлыми»²². С этим был согласен президент Теодор Рузвельт, бывший, кстати, другом уже упоминавшегося Редьярда Киплинга (знаменитого автора «Бремни белого человека»): «Долг Америки перед народами, пребывающими в варварстве, состоит в том, чтобы помочь им сбросить эти тяжкие цепи, но освободить их можно, только разрушив само варварство». В августе 1914 года, как только в Европе началась война, Вудро Вильсон выразил надежду, что европейский конфликт даст Америке «бесценную привилегию исполнить свое предназначение и спасти этот мир»²³.

Какова бы ни была тому конечная причина, США всегда видели себя участниками некоего «крестового похода» — именно так назвал свои мемуары величайший в истории США и в некотором смысле самый типичный из американских крестоносцев генерал Дуайт Эйзенхауэр. Всякий раз, участвуя в таком походе, он ставил целью не просто продвижение американских интересов, а, цитируя Стратегию национальной безопасности США (сентябрь 2002 г.), «ценности, истинные и верные для каждого человека в каждом обществе... во всем

²² Цит. по: Malone, *A New Nation*, p. 205.

²³ Слова Рузвельта и Вильсона цит. по: Carroll and Noble, *The Free and the Unfree*, p. 310.

мире и во все времена». Даже если, как часто бывало, другие отвергали эти ценности, несмотря на всю их благотворность, полагая, что имеют право распоряжаться своей жизнью в соответствии с собственными идеями. И даже если эти принципы приходится навязывать силой, как это происходит в отношении народа Ирака в то время, когда пишется эти строки.

Понадобилось бы слишком много времени на обсуждение или хотя бы перечисление ситуаций, в которых США угрожали применением силы или применяли ее против стран и народов, которые, сколь бы плохи они ни были, не смогли бы оцарапать даже мизинчик на ноге хотя бы одного американца в его родном американском доме. Ограничимся лишь важнейшими случаями. Первым иностранным правительством, которое испробовало уникальное сочетание непреодолимой силы, агрессивности и фанатизма, было правительство Испании. Хорошо известно, что на территории, на которой позднее утвердились Соединенные Штаты Америки, испанцы появились задолго до создания этой страны. Мы уже отметили, что последний испанец покинул территорию страны в 1818 году, и больше они не возвращались. Теперь испанское присутствие сохранялось только на Кубе, которая находится в 90 милях от Америки, и в Пуэрто-Рико, что существенно дальше. Самый беглый взгляд на карту показывает, что нелепо и думать о том, чтобы Испания могла угрожать США. Утверждалось даже, что за 80 лет, предшествовавших войне, в американской прессе появилось всего 35 статей о Кубе²⁴, но это был не первый и не последний случай, когда невежество сыграло не меньшую роль в истории американского империализма, чем знание.

Испания не угрожала США, но США определенно угрожали Испании. О необходимости господства США на Карибских островах империалисты говорили с 1870-х гг. Сьюард в свое время утверждал, что Куба есть часть Соединенных Штатов Америки, потому что она возникла из наносов реки Миссисипи²⁵; истории едва ли известно более оригинальное обоснование экспансионизма. Первоначально призывы империалистов

²⁴ R. Hofstadter, "Cuba, the Philippines and Manifest Destiny", in Levine and Middlekauff, eds., *The National Temper*, p. 255.

²⁵ См.: A. K. Weinberg, *Manifest Destiny; A Study of Nationalist Expansionism in American History*, Baltimore, MD, Johns Hopkins Press, 1935, p. 234.

не были услышаны, но в 1890-е гг. им удалось заключить союз с частью лидеров крупного бизнеса, стремившихся получить подряды на строительство «сильнейшего в мире» военно-морского флота. Виднейшими фигурами в стане империалистов были знаменитый военно-морской историк и теоретик Альфред Мэхэн (Alfred Mahan), сенатор из Массачусетса Генри Кэбот Лодж и будущий президент Теодор Рузвельт. Последний в свою бытность заместителем министра ВМФ сделал, по-видимому, больше всех для развязывания этой войны.

В начале 1898 года эти люди увидели свой шанс в усилении тянувшейся уже лет двадцать вооруженной борьбы кубинцев против Испании. С точки зрения Америки, на кону стоял торговый оборот с Кубой, составлявший около 50 млн долларов в год, а также несколько кубинских плантаций сахарного тростника. Даже стране, обезумевшей от джингоизма, этого не хватало для оправдания войны, на которую уйдет куда больше денег (итоговый счет составил 250 млн долларов) и которая непременно потребует немалого числа жизней американцев. То, как мало значат сахарное лобби и гуманитарные соображения, выяснилось, когда Конгресс одобрил тариф на импортируемый сахар. Тем самым он одновременно и сделал сахар более дорогим для американских потребителей, и ухудшил положение того самого народа, который США собрались спасти от испанских мучителей.

Месяцами напролет пресса, направляемая такими гигантами газетного рынка, как Уильям Херст и Джозеф Пулитцер, призывала общество к войне. Особое внимание уделялось тому, как испанские власти сгоняли население в лагеря, чтобы лишить повстанцев народной поддержки (через 70 лет США проводили во Вьетнаме аналогичную политику, известную как «стратегическая программа обеспечения безопасности деревень» [Strategic Hamlet Program]). Еще интереснее было то, как были использованы женщины. С незапамятных времен мужчины отправлялись на войну, чтобы защитить своих женщин от похищения похотливыми иностранцами²⁶. Вторжение Америке не грозило, поэтому никак не получалось использовать эту угрозу для разжигания воинственности населения — мысль о том, что явятся орды испанцев и сотворят то, что всегда творят орды,

²⁶ См. об этом: M. van Creveld, *Men, Women and War*, London, Cassell, 2001, pp. 27–37.

была просто абсурдом. Поэтому объявили, что одной из целей войны является «освобождение» женщин врага. Впереди был тот день, когда обеспечение «уважения к женщинам» официально станет элементом стратегии национальной безопасности²⁷ — такое произошло в первый и, вероятно, в последний раз. Американцы полагают, что им одним известно, как подбаивать обращаться с женщинами. Если люди, принадлежащие к другой цивилизации, с ними не согласны, что ж, придется их убивать до тех пор, пока они не узрят свет истины.

Жадные до сенсаций журналисты стремились превзойти друг друга в описаниях того, как злобные испанские чиновники якобы избивали и насильничали кубинских женщин, а одна из них, Евангелина Сиснерос, привлекла к себе особое внимание. Она оказалась племянницей революционного президента Кубы²⁸, была арестована, сумела бежать и явилась в Вашингтон, где ее встретили как героиню. Но даже ее полупорнографические рассказы не смогли побудить Конгресс к немедленным действиям. В конце концов это удалось броненосцу «Мэн», который взорвался в порту Гаваны (куда его в этой нестабильной ситуации отправил Рузвельт в «знак дружеских чувств»)²⁹ и унес на дно бухты жизни 266 человек. Комиссия по расследованию, назначенная президентом Мак-Кинли, быстро пришла к выводу, что во взрыве виновата Испания, однако и по сей день не опровергнута гипотеза, что катастрофа могла быть вызвана и случайными причинами³⁰. Но это уже не имело значения: оппозиция была сметена, и страна вступила в войну под лозунгом «помни “Мэн”».

И без слов ясно, что, пока американские войска захватывали Кубу, Пуэрто-Рико и Филиппины, не возникало и вопроса

²⁷ National Security Strategy of the United States, September 2002 (www.whitehouse.gov/nsc/nss.html).

²⁸ См.: Н. М. Jones, *The Age of Energy: Varieties of American Experience, 1865—1915*, New York, N.Y., Viking, 1971, p. 396; см. также: Ph. Seib, *Headline Diplomacy: How News Coverage Affects Foreign Policy*, Westport, CT, Praeger, 1997, p. 4.

²⁹ Из письма замминистра ВМФ Теодора Рузвельта президенту Мак-Кинли, цит. по: Е. Morris, *The Rise of Theodore Roosevelt*, New York, N.Y., The Modern Library, 1979, p. 622.

³⁰ Из последних публикаций см.: М. Blow, *Ship to Remember: the Maine and the Spanish-American War*, New York, N.Y., Morrow, 1992.

об опасности, представляемой испанцами для Вашингтона или любой другой американской собственности в самой Америке или за морем. Береговые батареи, на строительство которых в начале 1890-х гг. были истрачены немалые средства, не произвели ни единого выстрела. В этом отношении война 1898 года стала моделью для всех последующих войн, в том числе даже и двух величайших из них — Первой и Второй мировых войн³¹. В обоих случаях речь шла о защите США от «угрозы» со стороны потенциальных врагов, сначала Германской империи, а потом нацистской Германии и Японии. В обоих случаях «угроза» исходила от стран, сильно уступавших США по величине, расположенных очень далеко, в другом полушарии, и уже вовлеченных в борьбу не на жизнь, а на смерть с другими державами.

В речи, произнесенной в апреле 1939 года, Адольф Гитлер сам заявил, что о немецком вторжении в США могут говорить только люди с расстроеным воображением³². Бывший президент Герберт Гувер был с ним согласен. На этой грешной земле, сказал он, три тысячи миль Атлантики и шесть тысяч миль Тихого океана защищают так хорошо, что любая страна может об этом только мечтать³³. Как заметил в 1941 году Генри Льюс, публицист и изобретатель выражения «американское столетие»: «Мы воюем не для защиты территории Америки... это не вопрос необходимости и выживания. Это вопрос выбора и расчета»³⁴. Факты подтвердили его правоту. В ходе Второй мировой войны, самой большой и жестокой из пережитых человечеством войн, все, чем смогли ответить японцы на налеты В-29, планомерно разрушавших японские города, были воздушные

³¹ Относительно Первой мировой войны см.: R. E. Osgood; *Ideals and Self-Interest in America's Foreign Relations*, Chicago, IL, University of Chicago Press, 1953, part 2; относительно Второй мировой см.: B. M. Russett, *No Clear and Present Danger; A Skeptical View of the United States' Entry into World War II*, New York, N.Y., Harper & Row, 1972.

³² N. Baynes, ed., *The Speeches of Adolf Hitler, 1922—1939*, London, Oxford University Press, 1942, vol. ii, p. 1650.

³³ Цит. по: D. A. Lake, *Entangling Alliances; American Foreign Policy in Its Century*, Princeton, NJ, Princeton University Press, 1999, p. 101.

³⁴ H. R. Luce, "The American Century" (www.informationclearinghouse.info/article6139.htm).

шары, с помощью которых они хотели поджечь леса в Калифорнии³⁵. Но даже в этом они не преуспели.

Словом, в обеих войнах угроза Америке носила столь незначительный и отдаленный характер, что врага необходимо представить агрессивным и заносчивым. В обоих случаях этот вражеский вызов, сам по себе незначительный, был подан в виде необходимости соблюдения некоего великого и важного принципа, благотворного не только для США, но и для всего мира. В руках разных президентов демократия, право малых народов на самоопределение, необходимость покончить с войнами и разнообразными «свободами» играли центральную роль в разогревании эмоций публики. Кроме того, по крайней мере в случае Первой мировой войны, эту роль сыграл секс. На одном чрезвычайно эффектном плакате маленькая Бельгия, представленная в виде полуобнаженной сублильной девицы, была изображена в лапах здоровенного, похожего на годзиллу насильника с островерхой немецкой каской на голове и с подписью *Kultur*³⁶. Дальше, как и в любом вестерне, вопрос был лишь в том, когда кавалерия США придет на помощь, уничтожит чудовище и потребует соответствующей награды.

Но в обоих случаях решающим было дарованное свыше право американцев отправляться куда угодно, вмешиваться во что угодно, торговать с кем угодно и получать прибыль на любой войне, свидетелями которой они стали³⁷. Даже если все это предполагает снабжение врагов своих врагов деньгами, военным снаряжением и оборудованием, что может изменить исход конфликта в их пользу, как было в 1915—1917 и в 1937—1941 гг. Еще в 1867 году Конгресс предусмотрительно утвердил право Америки продавать воюющим сторонам военные корабли, невзирая ни на какие возражения. Даже если

³⁵ См.: R. C. Mikesch, *Japan's World War II Balloon Attacks on North America*, Washington D.C., Smithsonian Institution, 1973.

³⁶ Воспроизведен в книге: M. and S. Harris, *The Last Days of Innocence: America at War, 1917—1918*, New York, N.Y., Random House, 1997, p. 173.

³⁷ См. выступления Корделла Хала, государственного секретаря в администрации Франклина Д. Рузвельта от 16.7.1937 и 17.3.1938 в D. B. Schewe, ed., *Franklin D. Roosevelt and Foreign Affairs*, New York, N.Y., Garland, 1979, vol. 2, doc. No. 384, а также Dept. of State, ed., *Peace and War; The United States Foreign Policy 1931—1941*, Washington D.C., GPO, 1943, pp. 407—419.

это означало вооружение торговых судов в нарушение международного права, как произошло сначала в 1917 году, когда Вильсону для этого пришлось перехитрить оппозицию в Конгрессе, а потом и в 1941 году. Даже если это означало совместное с Великобританией планирование, которое началось в марте 1941 года. Даже если это означало посылку американских боевых кораблей для эскортирования британских конвоев, доставлявших оружие и боеприпасы, до середины Атлантики и открытие огня по германским подводным лодкам, как это делалось по приказу Рузвельта летом того же года. И даже если политика «открытых дверей» в отношении Китая означала установление эмбарго на экспорт в Японию нефти и лома черных металлов, как это и было сделано в месяцы, предшествовавшие нападению на Пирл-Харбор.

В обеих войнах уловка сработала. Отчаянно сражавшаяся Германия, которая в 1917 году, казалось, уже изнемогала в условиях установленной Великобританией морской блокады, однажды уже уступившая давлению США, во второй раз объявила неограниченную подводную войну. Не видя выхода из ловушки, которая угрожала лишить ее всего, что было захвачено с 1932 года, Япония в конце концов напала на США. Гитлер месяцами сдерживал своих адмиралов и запрещал им отвечать огнем боевым кораблям США³⁸, но, узнав о Пирл-Харборе, объявил войну Америке, потому что, по его словам, «теперь это уже не имело значения». Разница между ним и адмиралом Того заключалась в том, что последний, благодаря мощным авианосцам, имел возможность нанести удар по ряду американских аванпостов в Тихом океане. А положение Гитлера, не имевшего ни одного авианосца, было совершенно другим. Между ним и США стоял британский военный флот, и поэтому ему приходилось довольствоваться подводными лодками и речами.

Если и этого было недостаточно, чтобы показать, что такое настоящее военно-географическое превосходство, то Вторая мировая война обеспечила решающее доказательство. Главными участниками конфликта были восемь великих держав: Германия, Великобритания, Франция, Италия, Китай, Советский Союз, Япония и, разумеется, США. Из них четыре потерпели

³⁸ S. Friedlaender, *Prelude to Downfall: Hitler and the United States, 1939—1941*, New York, N. Y., Knopf, 1967, pp. 256—261.

сокрушительный разгром, капитулировали и были оккупированы иностранными войсками. Шесть из них пережили вторжение на свою территорию со всеми тяжелыми последствиями, которые сопутствуют вражескому вторжению. Еще одна, Великобритания, едва ли не чудом избежала той же судьбы. Бомбежки прошли не только по территориям семи стран, но и по их главным городам, и от ряда этих городов остались лишь дымящиеся развалины.

Только Соединенные Штаты Америки смогли избежать подобных последствий, отчасти благодаря своему географическому положению, а отчасти из-за своей выдающейся мощи. Более того, потери США в живой силе в пересчете на душу населения были намного меньше, чем у остальных. Потери Великобритании, например, были в четыре раза больше, потери Германии — в тридцать раз, а потери Советского Союза и Китая были настолько велики, что их почти невозможно подсчитать. По мнению некоторых, все это лишь доказывает, насколько мудрой, предусмотрительной и успешной была политика США при Вудро Вильсоне и Франклинe Рузвельте. Для других это свидетельство того, что угрозы, побудившие страну вступить в войну, были по большей части воображаемыми.

Отчасти благодаря развитию событий до 1939 года, отчасти в силу того, что все остальные были разорены или по меньшей мере понесли тяжелые потери в войне, с ее окончанием США, обладая 7% мирового населения, стали величайшей державой планеты. Им принадлежали 75% мирового золотого запаса, 50% мировых производственных мощностей, 43% мирового дохода, 42% мировых электрогенерирующих мощностей и 80% автомобилей³⁹. И, что для нас важно, к этому времени страна развила столь же мощные вооруженные силы.

До завоевания независимости вооруженные силы Америки состояли из разнообразных ополчений или милиционных формирований штатов, округов и городов. Эти силы создавались для борьбы с индейцами и поддержания общественного порядка. Во время французской и индейской войны (1756—1763) эти отряды помогли Англии в захвате Канады, но британцы

³⁹ См.: W. W. Rostow, *The World Economy: History and Prospects*, Austin, TX, University of Texas Press, 1978, p. 68 table II-7.

не спешили признать их регулярной армией, а их командиров, среди которых был и юный Джордж Вашингтон, — профессиональными военными⁴⁰. Когда разразилась война за независимость, американской армии не существовало, так что на первых этапах конфликта, как хорошо известно, в войне участвовали те самые добровольные милиционные формирования, которые и вели настоящую партизанскую войну. Однако, при всех успехах минитменов и других иррегулярных частей, у них не было шансов победить британскую армию, которую поддерживал самый могущественный на тот момент флот. Американскую континентальную армию пришлось создавать по ходу войны. Ее максимальная численность составила 15 000 бойцов. Для страны с населением примерно 2,5 млн человек этого было мало даже по меркам XVIII века. Но созданию более мощных вооруженных сил помешали, по-видимому, огромная территория, примитивные коммуникации — на все 13 колоний была только одна гравийная дорога — и система государственной власти, которая отличалась такой децентрализованностью, что едва ли заслуживала называться таковой.

После победы над Британией в 1783 году сохранились армия и небольшой военно-морской флот. Но из предубеждения против регулярной армии, а также из-за отсутствия угроз и армия и флот были сокращены до минимума. В следующие полтора столетия США обходились очень незначительными вооруженными силами. В 1821 году, когда испанцы были изгнаны из Флориды, армия была сокращена до 6100 человек⁴¹. Накануне войны с Мексикой Конгресс из скарденности чуть было не закрыл военную академию в Уэст-Пойнте. Всего за 12 дней до начала испано-американской войны палата представителей при поддержке многих губернаторов отвергла предложение увеличить армию США с 27 000 до 104 000 человек. Учитывая, что уже тогда население Америки превышало население любой другой державы, кроме России, этот факт лучше всего

⁴⁰ D. Higginbotham, "The Military Institutions of Colonial America: The Rhetoric and the Reality", in J. A. Lynn, *Tools of War: Instruments, Ideas and Institutions of Warfare, 1445—1871*, Urbana, IL, University of Illinois Press, 1990, pp. 131—153.

⁴¹ M. S. Fitzgerald, "Rejecting Calhoun's Expansible Army Plan: The Army Reduction Act of 1821", *War in History*, 3, 2, April 1996, pp. 161—185.

свидетельствует о том, насколько защищенными чувствовали себя американцы.

Поэтому всякий раз, когда начиналась война, вооруженные силы приходилось создавать почти заново. Спешка, с которой это делалось, нередко приводила к чудовищным промахам. Неподготовленные офицеры, часть которых осталась от предыдущих войн, а часть была выдернута из гражданской жизни, становились во главе столь же неподготовленных и плохо обученных частей. Например, в 1836 году в Аламо мексиканская армия разбила армию техасских повстанцев (Техас в то время еще не входил в состав США). В 1861 году в первом сражении на реке Бул-Ран северяне потерпели поражение от конфедератов. В 1943 году американские солдаты бежали от танковой армии Роммеля, прорвавшейся через перевал Кассерин. Но каждый раз, когда такое случалось, из хаоса немедленно начинал возникать порядок. Систематически, шаг за шагом полки сливались в дивизии. Из дивизий сколачивали корпуса — причем из-за чрезвычайной спешки американские соединения порой оказывались рыхлыми и недостаточно сплоченными⁴², — корпуса сбивали в армии, и так возникали целые группы армий. Тем временем некомпетентных командиров снимали, а на их место приходили молодые.

Если времени было в достатке — а некоторые войны заканчивались слишком быстро, — осуществлялась и мобилизация экономики. Масштабы производства наращивались с неслыханной быстротой и эффективностью. Только за 1944 год США произвели 100 000 военных самолетов всех видов, чего хватило, чтобы насытить потребности и своих, и союзных вооруженных сил. Поток снабжения был порой так силен, что, например, на ранних этапах испано-американской войны возник хаос из-за переполнения линий снабжения. Но такого рода проблемы решались быстро. А когда они оказывались решены, появлялись превосходно оснащенные, вооруженные и снабженные всем необходимым части, переправлявшиеся за море невиданными в истории армадами⁴³. Французский автор времен Первой

⁴² M. van Creveld, *Fighting Power: German and U.S. Army Performance, 1939–1945*, Westport, CT, Greenwood, 1982, pp. 166–168.

⁴³ Хорошее описание подобной операции, имевшей место совсем недавно, см. в: W. H. Pagonis, *Moving Mountains; Lessons in Leadership and Logistics from the Gulf War*, Cambridge, MA, 1991.

мировой войны, описывает это так: «Когда американские части высадились во Франции, в грубой материальной мощи Соединенных Штатов блеснула заря неминуемой победы союзников... Америка перестала быть для европейцев одной из множества отдаленных и экзотических стран; она стала неоспоримо *главной страной настоящего и будущего*»⁴⁴.

С окончанием каждой войны тот же процесс происходил в обратном направлении. Большая часть войск распускалась, и солдаты отправлялись по домам настолько быстро, насколько это было возможно. Постоянные силы были и невелики, и разбросаны по всей стране. В данном случае причина состояла в том, что армейские базы, большей частью созданные для войны с индейцами, представляли собой так называемые форты и находились вдали друг от друга. Если вооруженные силы других стран состояли из корпусов и армий, то в армии США были только батальоны и бригады, что не могло не отразиться на опыте генералов. Состояние военно-морских сил определялось тем фактом, что до ввода в 1914 году в эксплуатацию Панамского канала они базировались на разных океанах, а соединить их могло только плавание через Магелланов пролив. Вооруженные силы страны были столь незначительны, что в справочнике, опубликованном германским генеральным штабом в 1879 году, упоминалась армия Черногории, но не было армии США. В 1891 году персонал компании Пенсильванской железной дороги втрое превышал по численности армию страны.

Во время Первой мировой войны в вооруженные силы были призваны миллионы мужчин⁴⁵, но, как только война окончилась, последовала массовая демобилизация. В 1939 году, когда в Европе разразилась Вторая мировая война, численность американской армии составляла всего 250 000 человек, как в Португалии. Еще летом 1941 года Конгресс проголосовал за отмену призыва, восстановленного всего двумя годами ранее. Нужно признать, что начиная с 1910 года военно-морские силы США стали одними из самых мощных в мире. Но флот комплектовался исключительно добровольцами.

⁴⁴ Andre Bellessort (1882—1946), цит. по: Ruland, *America in Modern European Literature*, p. 36.

⁴⁵ Описание механизма мобилизации см. в книге: J. W. Chambers, *To Raise an Army: The Draft Comes to America*, New York, N.Y., Free Press, 1987.

Спустя шесть лет вооруженные силы США, в которых служили 12 млн мужчин и женщин (8 млн в сухопутных войсках и в авиации и 4 млн на флоте и в морской пехоте), были самыми большими по численности и лучшими по уровню оснащения. Но даже величайшая из войн не смогла убедить американское общество, что теперь его безопасность постоянно под угрозой. Войска, как обычно, рвались домой. Отвечая их желаниям, демобилизацию провели очень быстро. К 1948 году семь из восьми военнослужащих были отправлены домой, а под ружьем осталось всего 1,5 млн человек. У армии оказалось так много излишков, а темп технологических изменений был так высок, что пришлось отдать иностранным правительствам массы материальных ценностей, которые иначе пришлось бы оставить на съедение моли на складах и ржавчине на гигантских свалках в пустынях Юго-Запада.

Изначально предполагалось последовать традиции и отказаться от призыва. Но этого не произошло, и выборочный призыв сохранялся, пока президент Никсон в 1973 году не отменил его окончательно. В течение этих 25 лет численность вооруженных сил колебалась от 1,5 млн до 3 млн человек. После 1973 года вооруженные силы подверглись сокращению, и к концу холодной войны их численность составила примерно 2 млн человек⁴⁶. А за ними стояла самая большая и самая производительная экономика, которую когда-либо порожидала история.

Но куда важнее численности вооруженных сил было качество техники, имеющейся на вооружении. До 1918 года США, будучи лидером в машиностроительных отраслях, редко занимали передовые позиции в производстве вооружений (в ходе Первой мировой войны американский экспедиционный корпус использовал преимущественно французское оружие). В межвоенный период ситуация начала меняться, когда США вырвались вперед в таких сферах, как авианосцы, дальние бомбардировщики и морские десантные операции⁴⁷. Но решающий прорыв произошел только в 1945 году, когда США стали первой

⁴⁶ International Institute of Strategic Studies, *The Military Balance*, London, IISS, 1992, 1991—1992, p. 19.

⁴⁷ См. новейшую работу об этом: E. Goldman, "The U.S Military in Uncertain Times: Organizations, Ambiguity and Strategic Adjustment", *Journal of Strategic Studies*, 20, 2, June 1997, pp. 41—74.

страной, создавшей и использовавшей атомное оружие. За ним последовали первые межконтинентальные бомбардировщики, первая водородная бомба, первые образцы тактического ядерного оружия, первые межконтинентальные баллистические ракеты (МБР), первые твердотопливные МБР, первые баллистические ракеты морского базирования, первые ракеты с разделяющимися головными частями индивидуального наведения, первые крылатые ракеты и поражающая воображение масса прочего «первого». Если бы прислушались к идеям некоторых американских стратегов, нет сомнений, что США первыми заняли бы Луну для защиты от вторжения с Марса.

Как указывает термин «межконтинентальный», появилась возможность нанести удар по любой цели на Земле без развертывания войск вне Северной Америки. Для прочих случаев США создали беспрецедентную логистическую инфраструктуру, способную обеспечивать ведение широкомасштабных военных действий практически в любой точке земного шара. Защиту этой инфраструктуры обеспечивал флот авианосцев. Из десятилетия в десятилетие они становились все больше и сложнее и стали в итоге такими дорогими, что США оказались почти монополистами в этом виде вооружений⁴⁸. После 1945 года ни один вражеский надводный корабль не смог бы приблизиться к авианосцам на расстояние в несколько сотен миль и остаться целым, а поскольку они позволяли США «проецировать силу» практически без издержек для страны, само их существование постоянно искушало на то, чтобы это сделать. Наконец, если прежде американский бизнес оставался сравнительно глух к возможности зарабатывать на участии в гонке вооружений в мирное время, теперь он с охотой взялся за дело. Здесь и там звучали предупреждения о «неоправданном влиянии, которое вольно или невольно приобретает военно-промышленный комплекс», самое известное из которых прозвучало в прощальном послании президента Эйзенхауэра в январе 1961 года⁴⁹. Это предостережение породило множество книг,

⁴⁸ Об истории отношения к авианосцам в ВМФ США см.: J. Pay, "Full Circle: The U.S. Navy and Its Carriers, 1974–1993", *Journal of Strategic Studies*, 17, 1, March 2004, pp. 124–147.

⁴⁹ Перепечатано в книге: S. J. Ambrose and J. A. Barber, eds., *The Military and American Society*, New York, N.Y., Free Press, 1972, pp. 61–63.

статей и даже фильмов, осветивших все стороны деятельности ВПК⁵⁰. Но это ничего не изменило.

Нервным центром всей этой деятельности был Пентагон, самое большое в мире офисное здание, построенное на заболоченном участке земли в Виргинии, рядом с Вашингтоном, в 1941—1944 гг. Внутри здания деятельность состояла в следующем: начиная с министра обороны и вниз по служебной лестнице все занимались выбиванием денег из Конгресса — на содержание баз, войск, на вооружения и, пожалуй, самое главное, на людей, которые должны всем этим управлять⁵¹. Многие члены Конгресса и Сената также были сторонниками увеличения оборонных расходов, не заботясь о том, на что они тратятся, до тех пор, пока эти деньги расходовались в их избирательных округах. Вопреки домыслам сторонников теории заговора, большинство политиков и военных вовсе *не* собирались развязывать войну, чтобы получить эти деньги, а предпочитали получать их иными способами; в конце концов, война для них могла означать что угодно — от необходимости отправляться в какую-нибудь далекую страну, о которой американцы ничего не знают и еще меньше беспокоятся, до ядерного холокоста. Нет, главная задача состояла в том, чтобы найти «отставание».

В любой данный момент времени в «оборонном сообществе» [«defence community»] (это чисто американское явление, экспоненциально разросшееся после 1970 года и не имеющее реальных аналогов в других странах) циркулировали сотни статей и докладов. Некоторые из них были написаны инсайдерами, другие — людьми со стороны. Одни были опубликованы, другие нет. Но каждый из этих текстов пытался привлечь внимание к себе указанием на то, что в той или иной области СССР уже вырвался вперед или вот-вот окажется впереди, а потому необходимо принять соответствующие меры, пока ситуацию еще можно считать терпимой. В любой данный момент времени, зачастую по никому не понятным причинам,

⁵⁰ Перечень соответствующих произведений см. в: В. М. Russett and A. Stepra, eds., *Military Force and American Society*, New York, N.Y., Harper & Row, 1973, pp. 276—286, Nos. 1160—1296.

⁵¹ См. обо всем этом: R. A. Stubbing, *The Defense Game: An Insider Explores the Astonishing Realities of America's Defense Establishment*, New York, N.Y., Harper & Row, 1986.

популярность одной или двух идей, изложенных в этих статьях, начинала расти со скоростью снежного кома, затмевая и выталкивая на задний план все остальные. Этими идеями начинают интересоваться журналисты, эти идеи становятся темой кратких интервью, даваемых генералами и политиками. Именно так в свое время выявилось, одно за другим, отставание в области бомбардировочной авиации, в области ракет, в области методов антипартизанской борьбы, в области противоракетной обороны, в области эскалационного доминирования и бог знает в каких еще областях⁵².

Отчасти поощряющие этот феномен, отчасти движимые им, большинство администраций сотворили по одному отставанию за четыре года, а в ряде случаев даже по два. По мере того, как чиновники и военные находили в решении этих задач место для себя, своих министерств и ведомств, формировались коалиции. После того, как конкретное отставание должным образом впаривалось Конгрессу, СМИ и публике, на его преодоление отпускались сначала первый миллиард долларов, а затем десятки дополнительных миллиардов. Проходило несколько лет, и всеобщее возбуждение рассеивалось. Свежие данные разведки нередко показывали, что никакого отставания никогда и не было, как это имело место, например, в случае с ракетами и бомбардировщиками. Однако к этому времени у власти была уже другая администрация, и все кидались на разработку темы нового отставания, так что процесс начинался заново. Утверждается, что за десятилетия холодной войны таким образом было израсходовано около 10 трлн долларов (в пересчете на цены 1994 года)⁵³.

В отличие от США, СССР, главный враг, против которого было направлено 90% этих усилий, вышел из Второй мировой войны с гигантскими людскими потерями. К тому же его экономика была разрушена, и на ее восстановление ушло примерно десять лет. За некоторыми исключениями, Советский Союз

⁵² Хороший анализ процесса см. в статье: S. Melman, "Military State Capitalism", *Nation*, 20.5.1991, p. 648; см. также более юмористический подход: M. Zepezauer, A. Naiman, *Take the Rich off Welfare*, South End Press, 2004, pp. 68—72.

⁵³ R. Higgs, "The Cold War Economy; Opportunity Costs, Ideology, and the Politics of Crisis", *Explorations in Economic History*, 31, July 1994, p. 292.

все время отставал в технологиях. Чаще всего он занимался разработкой систем оружия, уже развернутых в США, как это было в случае важнейшей из них — атомной бомбы. Точно так же обстояло дело с дальними бомбардировщиками — первые советские представляли собой точную копию американских образцов, — с твердотопливными МБР (ценность которых состояла в скорости запуска), баллистическими ракетами морского базирования, ракетами с разделяющимися головными частями индивидуального наведения и крылатыми ракетами. В 1980-е гг. США первыми начали работы над программой «звездных войн» президента Рейгана. Если бы холодная война продолжилась, нет сомнения, что ученые придумали бы еще более амбициозные программы.

В известном смысле все это не имело значения. С самого начала 1950-х гг. США могли за несколько часов после соответствующего приказа превратить СССР в радиоактивную пустыню. Начиная с середины 1950-х гг. СССР, первоначально имевший меньше бомб и средств доставки, тоже мог за несколько часов после соответствующего приказа превратить США в радиоактивную пустыню. Именно в силу такой их ужасающей разрушительной силы ядерные арсеналы не играли никакой роли в проведении внешней политики, не считая, возможно, одного или двух случаев. Во избежание самопроизвольной эскалации конфликта были приняты тщательно продуманные меры, гарантировавшие, что ядерные силы двух стран никогда не нанесут удар под влиянием минутной вспышки гнева. Вашингтон и Москва десятилетиями теребили перемычки, но не вынимали мечи из ножен. Но, поскольку советская экономика была намного слабее, ее расходы на поддержание паритета с более богатым соперником были куда более высоки в относительном выражении⁵⁴.

Теперь почти все, что происходило за пределами Америки, рассматривалось сквозь призму холодной войны — как сказал президент Джон Кеннеди, больше не существует незначущих территорий. Когда в той или иной безвестной стране недовольные полковники устраивали государственный переворот, возникал единственный вопрос — это выгодно США

⁵⁴ См. об этом: International Institute for Strategic Studies, *The Military Balance 1990–1991*, London, IIS, 1991, p. 33; а также: Kennedy, *The Rise and Fall of the Great Powers*, pp. 498–499.

в их противостоянии СССР или это вредит американским интересам? В первом случае мы будем называть их борцами за свободу и поможем им деньгами, оружием и советниками, а во втором — прекратим помощь, и пусть ЦРУ посмотрит, нельзя ли их свергнуть. К тому же существовал целый ряд вопросов, в которых никак нельзя было уступать. Вспомните о Берлине, Иране, Греции, Тайване и десятках других. Обычно их ценность для США равнялась нулю, и поэтому они получили уничижительное наименование «домино».

По одному подсчету американских ученых-обществоведов⁵⁵, за период 1945—1977 гг. США 215 раз угрожали применением военной силы или применили ее. За тот же период Советский Союз проделал то же самое только 115 раз, так что не вполне ясно, какая из двух стран больше заслуживает названия «империя зла». В 1968 г. СССР принял знаменитую доктрину Брежнева, формально закреплявшую право на вмешательство в дела любой страны, пытающейся отколоться от социалистического лагеря. Несомненно, это пагубная доктрина, но она появилась лишь через семь лет после того, как Конгресс США значительным большинством голосов принял резолюцию, разрешившую президенту применять силу для недопущения социализма в любой стране западного полушария.

Большинство международных проблем, за исключением двух случаев, не привело к широкомасштабному вмешательству США — то ли потому, что они были сочтены не слишком значительными, то ли ввиду сдержанной реакции другой стороны. Вьетнамская и корейская войны начались после того, как одно или несколько коммунистических государств явным образом затронули престиж Америки. В обоих случаях Вашингтон считал своих противников — ошибочно, как выяснилось впоследствии⁵⁶, — простыми марионетками Кремля. Еще важнее то, что в обоих случаях предметом конфликта служили малые неразвитые страны, расположенные так далеко от США, что большинство американцев никогда прежде и не слышало о них. В случае Кореи это произошло вскоре после того, как госсекретарь Дин Ачесон и Объединенный комитет

⁵⁵ Brookings Institution Report, reported in *Time*, 17.1.1977.

⁵⁶ См. об этом: W.L. O'Neill, *American High: The Years Of Confidence, 1945—1960*, New York, N.Y., Free Press, 1989, pp. 111—113.

начальников штабов (организация, управляющая всеми вооруженными силами США) пришли к выводу, что эта страна находится за пределами американского периметра обороны⁵⁷. И самое главное, в обоих случаях ничто не угрожало безопасности США. Когда знаменитый боксер Мухаммед Али отказался от службы в армии и отправки во Вьетнам, он вполне резонно сказал: «Мне нечего делить с Вьетконгом».

В условиях этого глобального противостояния США всегда могли выбирать, где и когда пускать в ход свою непревзойденную силу. Поскольку не было никакой абсолютной необходимости применения силы, то военные действия оправдывались пламенной риторикой. Америка всегда заботилась о самоопределении, демократии и свободе, включая и свободу американских корпораций вести бизнес на самых выгодных условиях. Ее демонические враги, напротив, постоянно стремились разрушить эти блага и навязать самое ужасное, что есть на свете, т.е. коммунизм. В период и корейской, и вьетнамской войн в ход были пущены самые мощные в истории пропагандистские машины. Опираясь на помощь правительства, а порой и на его субсидии, они породили море газетных статей, радио- и телешоу, кинофильмов и пр. В обоих случаях эти усилия первоначально были успешными. Например, после того, как в августе 1964 года США впервые произвели бомбардировку Северного Вьетнама, журнал *Newsweek*, позднее выступивший против войны, превозносил «твердость и невозмутимость», с которыми разрешают кризис президент Джонсон и его министр обороны Роберт Макнамара⁵⁸.

По мере того, как конфликт затягивался, пропаганда почти неизменно теряла результативность. И раньше всего это начали ощущать за рубежом. Иностранцы, в том числе зачастую и союзники США, даже географически более близкие к «врагу», чем сами США, просто не понимали, от какой опасности Вашингтон спасает их с такой настойчивостью. Очень часто для таких сомнений были все основания. Так, например, получилось весной 2003 года, когда выяснилось, что Саддам

⁵⁷ См.: С. А. MacDonald, *Korea: The War Before Vietnam*, New York, N.Y., Free Press, 1986, p. 26; A. R. Millett and P. Maslowski, *For the Common Defense: A Military History of the United States of America*, New York, N.Y., Free Press, 1984, p. 486.

⁵⁸ *Newsweek*, 17.8.1964, p. 16.

Хусейн не располагал оружием массового поражения, которое послужило поводом для войны против него. Некоторые союзники могли при этом заподозрить, что если вмешательство США окажется успешным, то они окажутся следующими на очереди.

Со временем разочарование охватывало и саму Америку⁵⁹. Вражеские войска, нередко опиравшиеся на широкую поддержку населения, отказывались признавать благородство американских намерений. Они мешали убивать себя ради того, чтобы американцы построили еще одну Калифорнию, где будет полно «Макдоналдсов», а женщины смогут по своему капризу разрушать свои семьи. Они не желали американского опекуна, которое, с их точки зрения, мало чем отличалось от владычества. Они сопротивлялись с мужеством отчаяния, тем самым опровергая утверждение, что их вожди — всего лишь марионетки или еще кто похуже. Американцы рассчитывали на благодарность, а получили только гробы.

Во Вьетнаме, а позднее в Сомали, сама мощь Америки стала работать против нее. Что делать с врагом, который одет в черную пижаму, обут в сандалии из старых автомобильных покрышек и подчиняется вождю, который выглядит как бедный родственник Санта-Клауса? Что делать с голыми вьетнамскими детишками в телерепортажах, с которых кусками сходит кожа после того, как их по ошибке облили napalmом американские бомбардировщики? Что думать о самых совершенных в мире американских вертолетах, которые пускают ракеты в беззащитных невооруженных сомалийцев (на американском армейском их называют «скелетами»), которых они пришли спасти от голода? Само огромное военное превосходство США делало почти любую войну ненужной по определению, и чем дольше тянулась эта война, чем больше «врагов» убивали американцы, тем сомнительнее выглядела ее цель. В конце концов, корейский и вьетнамский конфликты были урегулированы не столько на поле боя, сколько в жилых комнатах. Рядовые американцы приходили в ужас от разрушений, произведенных от их имени, и отказывались посылать

⁵⁹ О том, как средства информации и общественное мнение произвели разворот и выступили против войны, см.: Ph. Seib, *Headline Diplomacy: How News Coverage Affects Foreign Policy*, Westport CT, Praeger, 1997, pp. 15–30.

своих сыновей для продолжения этой бойни. И в обоих случаях это не привело к подрыву американской безопасности, предсказанному вашингтонскими паникерами.

Поражение во Вьетнаме, совпавшее с энергетическим кризисом и последовавшим экономическим спадом, привело к попытке некоторого пересмотра политики. Не считая таких незначительных инцидентов, как захваченный красными кхмерами контейнеровоз «Майягуэс» [*Mayaguez*], при освобождении которого погибли 41 американец и неизвестное число камбоджийцев, а также неудачной попытки спасти заложников в Иране, США в течение семи лет не вели никаких войн. Но переоценка политики оказалась тем более недолгой и неглубокой, что некоторые начали утверждать, что США вовсе не потерпели поражения⁶⁰. И, когда американцы взялись оказывать помощь афганским моджахедам, сопротивлявшимся советским войскам, и *контрас*, воевавшим против правительства Никарагуа, они вновь и во все больших масштабах стали втягиваться в конфликты за рубежом. В 1983 году Америка, которую теперь возглавлял самый агрессивный за два десятилетия президент, проверила свою военную мощь в Гренаде, где враги, если их можно считать таковыми, представляли собой несколько сотен преимущественно безоружных кубинских рабочих. В 1989 году Америка проделала то же самое с Панамой, где ей противостояла вся Национальная гвардия президента Норьеги. Обе операции, закончившиеся чуть ли не прежде чем начались, не вызвали почти никакого протеста внутри страны. И это при том что вторая обошлась весьма дорого в том, что касается разрушения американской недвижимости в Панаме.

До 1945 года США по большей части избегали союзов, заключали их неохотно и только на временной основе, до окончания чрезвычайных обстоятельств. Порой это приводило к своеобразным результатам. К примеру, после вступления США в Первую мировую войну в 1917 году президент Вильсон выразил протест против того, что Государственный департамент отзывался о Великобритании и Франции как о «наших союзниках». Он приказал называть их «нашими

⁶⁰ Например: D. Sorley, *A Better War; The Unexamined Victories and Final Tragedy of America's Last Years in Vietnam*, New York, N.Y., Harcourt, Brace, 1999.

партнерами», поскольку у США, пояснил он, «нет союзников»⁶¹. Это отношение было особенно характерно для периода 1919—1939 гг., когда многие американцы, разочарованные исходом Первой мировой войны, винили в нем систему сложившихся перед войной союзов⁶². После 1945 г. Конгресс, осознавший, что США столкнулись не с рядом мелких угроз, среди которых можно лавировать, а всего с одной, но очень серьезной, изменил отношение к делу. Союзники, вопреки всем традициям, стали нужны, а американские войска теперь готовы были защищать их даже в мирное время и даже рискуя тем, что они могут втянуть США в не нужную им войну. И теперь союзники перестали быть просто аванпостами «американской крепости». Напротив, как пояснил в 1947 году меморандум Объединенного комитета начальников штабов, чем ближе союзник располагается к границам СССР, тем он ценнее⁶³.

В сентябре 1947 года США заключили с 19 странами Межамериканский договор о взаимной помощи («пакт Рио»), положивший конец политике изоляционизма, продолжавшейся 171 год (с момента заключения в 1778 году Парижского договора с Францией). Затем, в июне 1948 года, резолюция Ванденберга наделила президента Трумэна полномочиями заключать в целях безопасности как можно больше союзнических договоров во всех частях земного шара. И он положил этому блестящее начало, заключив в 1949 году с Канадой и странами Западной Европы договор о создании НАТО. Спустя шесть лет к организации присоединился бывший враг, *Западная Германия. Потом США заключили договор со странами Среднего Востока (CENTO), Юго-Восточной Азии (SEATO) и южной части Тихого океана (ANZUS). Помимо этого, было заключено немалое число более или менее формальных союзнических договоров с отдельными странами. Важнейшими из них были Япония (с 1950 года), Южная

⁶¹ Цит. по: D. A. Lake, *Entangling Relations*, Princeton, N. J., Princeton University Press, 1999, p. 83.

⁶² Среди историков самым влиятельным сторонником этой точки зрения был американский историк Сидни Фэй: Sidney H. Fay, *Origins of the World War*, New York, N. Y., Macmillan, 1930.

⁶³ Цит. по: M. Schaller, *The American Occupation of Japan; The Origin of the Cold War in Asia*, New York, N. Y., Oxford University Press, 1985, p. 155.

Корея, Тайвань, Филиппины, Сингапур, Пакистан, Израиль (с 1967 года), Ливия (договор действовал до 1969 года), Иран (до 1978 года), Иордания и Саудовская Аравия. Важными союзниками были также Египет (с 1974 года), растущее число стран Персидского залива, где США взяли на себя роль, которую прежде исполняла Великобритания, и на протяжении большей части рассматриваемого периода — Южно-Африканская Республика (до 1961 г. — Южно-Африканский Союз). После окончания холодной войны несколько бывших советских сателлитов в Восточной Европе и в Центральной Азии и ряд советских республик также попали в эту паутину — либо сами по себе, либо как часть НАТО.

К 1960 году сеть союзнических отношений США стала самой большой и сложной в истории. Огромная цепь военных баз, протянувшихся через Канаду, Восточную и Южную Азию до Средиземного моря и Западной Европы, окружила Советский Союз. Численность войск, размещенных за океаном или сражающихся там с врагами Америки, в точке максимума в конце 1960-х гг. составляла примерно миллион человек⁶⁴. Лично я получил полное представление о масштабе развертывания войск в 1987 году, увидев карту мира на стене Национального военного колледжа в Вашингтоне. В те точки на карте, где ждали офицеров-выпускников, были вколоты цветные булавки. Насколько я помню, ими пестрела вся карта, от Европы до Японии и от Новой Зеландии почти до самого Северного полюса — настоящая мировая держава! С тех пор вооруженные силы США вынуждены были покинуть такие страны, как Филиппины и Саудовская Аравия, но зато появились в таких местах, как Балканы, Восточная Африка, Пакистан и центральноазиатские республики. Число баз, тайных и явных, исчисляется сотнями⁶⁵.

Каждый союз означал еще один потенциальный повод для драки. При этом разным союзникам нередко давались взаимно противоречивые обещания, что заставляет усомниться в спо-

⁶⁴ См. об этом новейшую работу: С. А. Johnson, *The Sorrows of Empire: Militarism, Secrecy, and the End of the Republic*, New York, N.Y., Metropolitan, 2004.

⁶⁵ См. новейшую работу об этом: С. А. Johnson, *The Sorrows of Empire: Militarism, Secrecy, and the End of the Republic*, New York, N.Y., Metropolitan, 2004, особенно pp. 151—186.

способности Америки выполнить их в случае необходимости. Так, на протяжении большей части холодной войны Греция и Турция больше боялись друг друга, чем Советского Союза, и это находило отражение в их отношениях с самым важным членом НАТО. После окончания холодной войны то же самое можно сказать в отношении Индии и Пакистана. Индия нужна как противовес Китаю, который многие в Вашингтоне рассматривают как будущего соперника, а Пакистан — как важный союзник в борьбе с терроризмом в Афганистане. Кроме того, существует Ближний Восток. Здесь США приходится тщательно лавировать между Израилем и его многочисленными арабскими и мусульманскими соседями, и чем больше поддержки оказывают первому, тем дороже обходится лояльность остальных. Некоторые из союзников, и прежде всего Израиль, имеют собственные плацдармы в общественном мнении США, что делает балансирование еще более сложным. Таково затруднительное положение ведущих держав по меньшей мере с того времени, когда Афины создали Делосско-Аттический союз для отпора сначала Персии, а потом Спарте. Учитывая, что тогда еще не было угрозы ядерного холокоста, следует, пожалуй, признать, что Вашингтон справляется с задачами не хуже, чем прежние великие державы, а может, даже и лучше.

Хотя такого рода раздоры обычно удавалось улаживать или хотя бы сглаживать, на более фундаментальном уровне всегда зияла разверстая пропасть. В 1949 году главный соперник Америки, Советский Союз, взорвал первую атомную бомбу. Мы уже убедились, что советские военные технологии по большей части уступали американским, так что США, как правило, обладали тем, что эксперты называли термином «эскалационное доминирование». Но не могло быть сомнений, что Америка уязвима для советского ядерного удара и вряд ли станет по-настоящему неуязвимой даже после создания национальной системы противоракетной обороны (National Missile Defence, NMD), если она вообще будет построена и введена в действие. Поэтому на протяжении всех десятилетий холодной войны Америке было нелегко убедить своих союзников в том, что она на самом деле придет им на помощь. Сначала европейцы сомневались, что какой-либо американский президент, как говорили тогда, действительно пойдет на риск того, что Нью-Йорк будет стерт с лица земли ради спасения Гамбурга. С крахом Советского Союза этот вопрос по большей

части отошел в прошлое, но в отношении Китая и Тайваня он отнюдь не потерял остроты⁶⁶.

Ситуацию усложняло то, что, поскольку США были несравненно сильнее любого из своих союзников, последние постоянно чувствовали, что их точка зрения не всегда учитывается в достаточной степени. Например, члены НАТО зачастую опасались, что американцы, надежно защищенные океанами, будут проявлять ненужную агрессивность по отношению к СССР. Особенно ярко это выражалось в правление президента Рейгана. Некоторые из его предшественников, особенно Ричард Никсон в период разрядки в конце 1960-х и в начале 1970-х гг., стремились к ослаблению напряженности; напротив, администрация Рейгана сознательно ее наращивала. И тогда, и в другие времена такие ближайшие соседи СССР, как Германия и Франция, по-видимому, меньше всего боялись именно его⁶⁷. Когда в Южной Корее пришло к власти демократически избранное гражданское правительство, аналогичные трудности начались и в этой стране; именно Сеул инициировал так называемую «политику солнечного тепла» [«Sunshine Policy»], а Вашингтон скептически относился к возможности наладить отношения с Северной Кореей. На обоих концах Евразии некоторые люди больше всего боялись того, что США сделают неосмотрительный шаг, что могло привести в действие тот самый арсенал средств уничтожения, который следовало сдерживать. Более того, при этом можно было опасаться того, что их собственная территория подвергнется налету с использованием ядерных боеприпасов, что превратило бы ее в радиоактивную пустыню, хоть и «эффективно защищенную».

В соответствии с уникальным географическим положением Америки и ее непреодолимой мощью эта ситуация могла бы длиться десятилетиями. Но в 1989—1991 гг. ей с распадом СССР неожиданно пришел конец, чего не предвидел практически ни один эксперт⁶⁸. Варшавский договор ушел в прошлое.

⁶⁶ R. A. Manning et al., *China, Nuclear Weapons and Arms Control: A Preliminary Assessment*, New York, N.Y., Council on Foreign Relations, 2000, p. 29.

⁶⁷ О разнице восприятия см.: R. Kagan, *On Paradise and on Power; America and Europe in the New World Order*, New York, N.Y., Knopf, 2003, pp. 30—41.

⁶⁸ Например: H. S. Rowen and C. Wolf, Jr., “The Future of the Soviet Empire”, in H. S. Rowen and C. Wolf, Jr., eds., *The Future of the So-*

Русские армии, которые десятилетиями стояли на Эльбе, угрожая независимости континента, были выведены домой. Советский Союз развалился, и развалилась его экономика. Когда страны Восточной Европы присоединились к НАТО, а Украина стала независимым государством, Россия, возникшая из обломков Советского Союза, обнаружила себя примерно в том же положении, в каком она была в 1762 году, перед тем как на престол взошла Екатерина Великая.

В какой степени это было результатом американской политики, которая в 1980-е гг. втянула Москву с ее слабой экономикой в очередную виток гонки вооружений, а в какой явилось следствием внутренних проблем, — вопрос спорный. Во всяком случае большинство людей восприняло окончание холодной войны как триумф Америки. Когда с карты мира исчезла единственная страна, представлявшая реальную угрозу безопасности США — пусть даже реализовать эту угрозу она могла только ценой самоубийства, — положение США как ведущей мировой державы предстало неуязвимым как никогда прежде.

Задолго до окончания холодной войны положение Америки как сильнейшего государства мира сделало неизбежным столкновение между ней и Организацией Объединенных Наций, представлявшей весь остальной мир. Как мы уже видели, идея, что США некоторым образом уникальны и не похожи на другие страны, возникла задолго до основания самой республики. Мы, кроме того, видели, что начиная с последних десятилетий XIX века Америка, защищенная океанами и почти полностью контролирующая американский континент, всегда могла выбирать, оставаться ли в стороне от мировых событий или принять в них участие. Поэтому когда в 1919 году была предпринята первая попытка создать новый международный порядок с помощью Лиги Наций, в принципе были возможны два результата. США могли настаивать на том, что они не просто государство, а *primus inter pares*^{*}, и соответственно остаться в стороне, отказавшись от сотрудничества с остальными на основе равенства. В ином случае они могли

viet Empire, New York, N.Y., St. Martin's, 1987, pp. 289—294.

* Первые среди равных (лат.). — Прим. перев.

принять новый порядок вещей, постараться занять в нем ведущую позицию и использовать ее для своего блага и для блага всего мира, как надеялся и рассчитывал президент Вильсон, который был одним из создателей Лиги.

На деле Америка предпочла лавировать между двумя этими курсами. Сначала, отвергнув видение Вильсона, а с ним и Лигу Наций, она в немалой степени способствовала краху последней. Позднее, осознав свою ошибку, она приняла ООН, причем с такой самоотверженностью, что даже разместила на своей территории штаб-квартиру новой организации. Этому немало способствовал тот факт, что во многих отношениях ООН была просто преемником союзной коалиции, которая в 1941—1945 гг. разгромила державы Оси. Большинство членов новой организации, начиная с Великобритании, были американскими союзниками в войне. Многие, в особенности страны Латинской Америки, присоединились к антифашистской коалиции в самый последний момент лишь для того, чтобы войти в ООН и принять участие в нарождающемся новом мировом порядке. Поэтому новая организация приняла доминирование Америки, что видно из того факта, что примерно до 1960 года США редко прибегали к своему праву вето в Совете Безопасности. Многие из таких дочерних организаций ООН, как ЮНЕСКО, также проецировали вонне американскую мощь и американскую пропаганду⁶⁹.

Однако доминирование США в ООН в первые годы существования последней не смогло разрешить внутреннего конфликта между этой организацией и ее самым могущественным участником. Этот конфликт перешел в открытую стадию в 1960-е гг., когда расширилось членство в ООН. Не станем оспаривать здесь тот факт, что в создании организации большую роль сыграл идеализм. При этом последний в немалой степени служил прозрачной маскировкой попыток США направлять мир в желательном им направлении, и это подчеркивает факт многочисленных вето, налагавшихся Советским Союзом в Совете Безопасности. Но теперь ООН превратилась в форум, где многие новые страны могли предъявить свои претензии к доминирующей державе (хотя вряд ли ослабить ее влияние).

⁶⁹ W. L. Hixson, *Parting the Curtain: Propaganda, Culture, and the Cold War, 1945—1961*, New York, N.Y., Griffin, 1998, p. 9.

В ходе обострения конфликта и после отказа ООН подчиняться американскому руководству в США в 1964 году появился кандидат в президенты Барри Голдуотер, предложивший выставить ООН из США и предоставить ей возможность жить самой по себе. Это означало бы возврат к политике 1920—1939 гг., за тем исключением, что Голдуотер предлагал не возврат к изоляционизму, а намного более агрессивный антикоммунистический курс. Американский народ значительным большинством голосов отверг Голдуотера, но в 1990-х и в начале 2000-х гг. столкновения между ООН и США вспыхнули вновь. Прежде всего давление США на ООН выразилось в задержке финансовых взносов, что привело на грань краха организацию, для создания и поддержания которой страна сделала немало. В 2002 году бывший госсекретарь Джордж Шульц, который редко использует недипломатические выражения, заявил, что ООН это «бремя... по преимуществу сборище лизоблюдов, лжецов и двурушников». Через два с половиной года группа конгрессменов пригрозила прекратить финансирование, если ООН не будет реформирована⁷⁰. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, в свою очередь, подверг критике американскую доктрину национальной безопасности, которая, вводя в международные отношения принцип упреждающих действий, опасно близко подошла к нарушению содержащегося в Уставе ООН запрета на все войны, кроме оборонительных⁷¹.

Причина столкновений между США и ООН — или, если угодно, между положением США как одного из государств и их положением как самого могущественного из государств — коренится в природе этих двух образований. И ООН была не единственной ареной конфликта между США и остальным миром. Другим примером этого конфликта был отказ США подписать Киотский протокол о борьбе с загрязнением окружающей среды, а еще одним стал отказ признавать юрисдикцию Международного суда в Гааге в делах о военных

⁷⁰ *Daily News* (New York), 18.10.2002; N. Wedhans, “Bill Would Tie U.S. Dues to U.N Reform”, 20.5.2005 (http://www.huffingtonpost.com/2005/05/20/bill-would-tie-us-dues-_n_1302.html).

⁷¹ E. Leopold, “Annan Challenges U.S Doctrine of Preventive Action”, *Free Republic*, 23.9.2003 (<http://www.freerepublic.com/focus/f-news/987503/posts>).

преступлениях, в которых могли обвинить военнослужащих США. В прошлом мир уже сталкивался с похожими проблемами. Вероятно, наиболее известным столкновением такого типа был конфликт между императорами и римскими папами, который оказал огромное влияние на историю европейского Средневековья. Тогда, как и в наши дни, ключевым был вопрос о том, подчиняется ли Империя Церкви, являвшейся важнейшей наднациональной структурой; тогда, как и в наши дни, не менее важен был и вопрос о том, должна ли Империя платить Церкви⁷². Как следует из истории этого конфликта, вряд ли можно рассчитывать на скорое окончание борьбы между США (как самым могущественным государством мира) и ООН (как организацией, в которой все остальные вместе тоже пытаются оказывать влияние).

Пока длилась холодная война, склонность Америки использовать свое положение глобального острова для вмешательства в дела других народов сдерживалась необходимостью избежать войны с другой сверхдержавой, а также привлекать союзников в противостоянии с ней. Вашингтон, например, мог проявить крайнее неудовольствие по поводу того, что происходит в такой-то и такой-то стране. Как показали события, которые произошли — вернее сказать, которые *не произошли* — в Восточной Германии (1953 г.), в Чехословакии (1968 г.) и в Польше (1980 г.), вмешиваться можно было только там, где страна не являлась настолько близким союзником СССР, что вмешательство порождало угрозу ядерного холокоста. Осознавая это, любая страна, желавшая сделать что-нибудь к неудовольствию США, стремилась найти убежище под крылышком СССР. Что обеспечивало защиту если не от всех — было множество случаев, когда ЦРУ помогало местным деятелям провести государственный переворот и сбросить правительство, — то хотя бы от самых вопиющих форм американского вмешательства.

Распад СССР развязал Америке руки. В течение десяти лет после 1990 года номинальная величина американских военных расходов оставалась неизменной, а доля этих расходов в ВВП резко снизилась. Некоторые критики заговорили

⁷² См. краткий исторический обзор в: F. Bosbach, "Papstum und Universalmonarchie in Zeitalter der Reformation", *Historisches Jahrbuch*, 107, 1, 1987, pp. 44–76.

даже о «грядущем крушении американской обороны»⁷³ и при этом наставляли обвиняющий перст на президента Клинтона, который был якобы тому виной. Но, вопреки всей этой критике, доля Америки в мировых «оборонных» расходах выросла с 30% до 36%. На пороге нового тысячелетия эти расходы в полтора раза превышали оборонные расходы 12 следующих за США стран, вместе взятых⁷⁴. Некоторое представление о расточительности этих расходов может дать тот факт, что всего одна система вооружений, национальная противоракетная оборона, по-видимому, обойдется налогоплательщикам в 80 млрд долларов, и это при том что пока еще не произведено ни одной действующей противоракеты⁷⁵. В то же время склонность США действовать вызывающе, провоцируя других на конфликты, стала более выраженной, чем когда-либо.

Первым в ловушку попался иракский диктатор Саддам Хусейн⁷⁶. На протяжении большей части 1980-х гг. США и ряд их западных союзников поддерживали Саддама. Невзирая на то что он использовал химическое оружие против курдов и против Ирана, они продавали ему оружие для войны с последним; среди прочих в этом участвовал и Доналд Рамсфельд, бывший министр обороны, который в свое время выступал в роли специального представителя президента Рейгана⁷⁷. Поэтому, когда война с Ираном окончилась и Саддам начал планировать вторжение в Кувейт, у него, вероятно, и в мыслях не было, что

⁷³ Например: J. Gour and J. M. Ronney, *Avoiding the Defense Train Wreck*, Washington D.C, Center for Strategic and International Studies, 1999.

⁷⁴ По данным за 2001 г., расходы были таковы (млрд долларов): США — 350; Япония — 40; Россия — 30; Франция — 26; Великобритания — 24; Германия — 21; Китай — 17; Италия — 16; Индия — 15; Южная Корея — 12; Канада — 11; Израиль — 10; Тайвань — 8. International Institute of Strategic Studies, *The Military Balance*, 2002-3, pp. 243, 252, 253, 273, 290, 298, 299, 301.

⁷⁵ Согласно R. L. Garwin, "Holes in the Missile Defense", *Scientific American.com*, November 2004 (<http://www.sciam.com/article.cfm?chanID=sa006&colID=1&articleID=000A45A2-E044-115D-A04483414B7F0000>).

⁷⁶ О возможной логике действий Саддама см.: E. Karsh, "Reflections on the 1990—1991 Gulf Conflict", *Journal of Strategic Studies*, 19, 3, September 1996, pp. 307—308.

⁷⁷ C. Marquis, "Rumsfeld Made Iraq Overture in '84 Despite Chemical Raids", *New York Times*, 23.12.2003.

США встанут на его пути. Он считал, что окончание холодной войны развязывает ему руки, а раз так, то чего ради Вашингтону в этих обстоятельствах беспокоиться о судьбе маленькой страны на другом краю света⁷⁸? Как когда-то у Кореи (а также у Кубы, Бельгии, Великобритании, Франции, Китая и прочих), у Кувейта не было формального договора, обязывающего США прийти на помощь. На встрече с Саддамом американский посол в Багдаде Эйприл Гласпи, действовавшая в соответствии с инструкциями госсекретаря Джеймса Бейкера, недвусмысленно заявила, что «вопрос о Кувейте не связан с Америкой»⁷⁹. Будучи азартным игроком, Саддам двинулся вперед. Дальнейшее хорошо известно.

По населению США превосходят Ирак в 12 раз, а фактически и более, потому что из 24 млн иракцев 3 млн составляют курды, которые десятилетиями ведут борьбу за независимость. Даже до того, как война разрушила экономику Ирака, ВВП Америки превышал соответствующий показатель Ирака примерно в 100 раз, а если говорить о технологических возможностях, то не будет преувеличением сказать «в тысячу». К этому следует добавить и тот факт, что от Вашингтона до Багдада примерно 6000 миль, т.е. дальше некуда, и в 15 раз больше, чем радиус действия самой мощной из иракских ракет. Даже если предположить, что Саддам добился бы контроля над кувейтской нефтью и даже если бы он приобрел куда более мощное оружие, он еще долгие десятилетия угрожал бы безопасности Америки не более, чем угрожала ей Испания в 1898 году. Утверждать, что Саддам способен на то, чего не смогла сделать советская империя с 270 млн населения, с четырехмиллионными вооруженными силами и могучим ядерным арсеналом, — явная бессмыслица.

И вновь, как и в 1898 году, отсутствие реальной угрозы привело к необходимости выкатить претензии об отсутствии свободы, о нарушениях гражданских прав, зверствах и пр. К счастью, режим Саддама Хусейна и его собственные поступки поз-

⁷⁸ См. об этом его высказывание в декабре 1990 г., цит. по: Lake, *Entangling Relations*, p. 298.

⁷⁹ Согласно иракской стенограмме совещания от 25.7.1991 (<http://www.informationclearinghouse.info/article11376.htm>); выступая перед сенатским комитетом по международным отношениям, Гласпи изложила другую версию этой беседы.

волили с легкостью проделать все это, кроме того, делу помогли его кожа оливкового цвета, усы и религия, которая для многих американцев олицетворяет противоположность всему тому, за что стоят они сами. Параллель можно распространить даже на сюжет о злодейском обхождении с женщинами, сыгравший ключевую роль в пропагандистской кампании, которая предшествовала войне. Некоторые из самых чудовищных историй о том, как иракцы насильствовали кувейтских женщин, а кувейтских младенцев вытряхивали из инкубаторов, чтобы увезти их (инкубаторы, а не младенцев) в Багдад, поведала плачущая кувейтская девушка. Позднее выяснилось, что это была дочь кувейтского посла в Вашингтоне. Разумеется, ее не было в стране в момент начала вторжения. Все ее «знания» имели источником большую американскую фирму по отношениям с общественностью, которая научила девушку сказать то, что, по мнению ее нанимателей и тех, кто оплатил счета этой фирмы, хотела услышать американская публика⁸⁰. Какая разница? К тому времени, как обман был раскрыт, война уже закончилась.

Тот же самый сценарий был повторен в Сомали, в Боснии, в Сербии. Всякий раз конфликт, становившийся оправданием для американского вмешательства, происходил в стране столь малой, бедной и далекой, что для простых американцев она была почти неразличима. Ни в одном из этих случаев у США не было реальной заинтересованности, которая оправдывала бы решение прибегнуть к силе. По мере того, как каждый из этих инцидентов привлекал общественное внимание, средства массовой информации полнились леденящими кровь картинками убитых и истощенных людей, женщин, рассказывающих о том, как они были изнасилованы, или всего этого сразу; если верить президенту Клинтону, в его решении вторгнуться на Гаити сыграло роль стремление прийти на помощь страдающим девам⁸¹. Всякий раз первый шаг состоял в возложении вины за зверства на некое лицо или группу лиц, которые таким образом превращались в воплощение дьявола. Тот факт, что действия конфликтующих сторон были похожи как две капли воды, обычно обходился молчанием, а любой способный

⁸⁰ О подробностях этой фантазмагорической истории см.: www.geocities.com/CapitolHill/3589/us-iraq-lie.html.

⁸¹ Clinton, *My Life*, pp. 616—617. [Рус. пер.: Клинтон У. Дж. Указ. соч. С. 689.]

отличить зверства сербов от зверств хорватов заслуживал медали⁸². Позднее некоторые истории оказывались правдивыми, а другие вымышленными. В любом случае отсутствие реальной угрозы означало, что пропаганда, которую теперь нередко именуют «фактором CNN», из служанки политики превратилась в одну из ее главных движущих сил.

С нарастанием пропагандистской шумихи правительство США обнаруживает, что его призывают очнуться, «выбомбить» преступников из каменного века — а не «вбомбить» их туда — и заставить их уважать американские ценности, поданные, как обычно, в форме универсальных принципов. В отсутствие реального врага сама способность Америки творить добро становится основанием к таким действиям — а иначе какой смысл быть самым сильным? Даже если это означает предстать перед Советом Безопасности ООН в качестве единственного политического образования, имеющего законное право объявлять войны, не являющиеся оборонительными. Даже если это означает нарушение ряда общепризнанных принципов международного права, таких как уважение суверенитета и целостности других государств⁸³. Даже если это означает нести смерть и разрушение людям, которые не сделали ничего плохого Соединенным Штатам Америки и совершенно не в состоянии защитить себя. К тому моменту, когда Сербия, сильнейшая из тех стран, которые подвергались нападению при Клинтоне, попала под удар США и ее натовских союзников, она занимала 35-е место в мировом рейтинге держав по их военной мощи. По численности боевых самолетов она уступала силам коалиции, развернутой против нее, в 40 раз, а по величине экономических ресурсов, вероятно, — в тысячу раз.

Всякая справедливость, которую вершат США, должна быть не только действенна, но и наглядна, а потому вторжения в Сомали, Боснию, на Гаити и в Косово выглядели как шоу, специально подготовленные для показа в лучшее телевизионное время. То же самое еще в большей мере относится к кампании 2003 года против Ирака, которую даже ее руководители

⁸² Seib, *Headline Diplomacy*, pp. 132–136.

⁸³ Два очень хороших примера: M. Lind, “In Defense of Liberal Nationalism”, *Foreign Affairs*, 73, 3, 1994, pp. 87–99; R. Peters, “The American Mission”, *Parameters*, xxix, 3, autumn 1999, pp. 2–8.

назвали войной не по необходимости, а по расчету⁸⁴. Пентагон многому научился во Вьетнаме, где действовавшие почти без ограничений средства массовой информации предположительно сыграли ключевую роль в поражении Америки. Чтобы предотвратить повторение этой истории, корреспонденты были прикреплены к воинским частям и подразделениям и даже обеспечены элементарной подготовкой, так чтобы они чувствовали определенную солидарность с войсками⁸⁵. Целью было гарантировать, что они будут писать и показывать только то, что им позволят увидеть генералы. В результате к ежедневным информационным сводкам из Катара и Вашингтона они могли лишь добавлять местный колорит.

Поскольку «межконтинентальные силы» оснащены по большей части ядерным оружием, а потому слишком сильны, чтобы палить из них как из пушки по воробьям, наличие союзников, готовых предоставить необходимые военные базы, становится почти единственным ограничением для жгучего желания очистить мир от злых диктаторов. Другое ограничение — политическая необходимость достигать цели с минимальными потерями в живой силе, а лучше и вовсе без потерь. Результат — убийственная смесь самоуверенности и трусости. Американцы жалеют себя даже тогда, когда используют огневую мощь для того, чтобы стереть с лица земли другое общество, и даже убивая десятками тысяч. Например, накануне бойни в Ми Лае (Сонгми), в которой были бессмысленно и беспощадно истреблены сотни вьетнамцев, журналу *Time* хватило духа написать об «американской трагедии»⁸⁶. Спустя 35 лет журналисты сердечно сочувствовали солдатам, которые, увы, пропустили день рождения своих детишек. *New York Times* даже нашла добрые слова для армейских вербовщиков, у которых в срочном поиске пушечного мяса для иракской авантюры президента Буша возникли «проблемы с желудком», «жгучая боль в спине», «семейные проблемы» и «профессиональный стресс»⁸⁷.

⁸⁴ Утверждение Колина Пауэлла, цит. По: L. J. Korb, "A War of Choice or of Necessity?" *Washington Post*, 8.12.2003, Page A25.

⁸⁵ О том, как это происходило, и о возникших проблемах см.: B. R. McLane, "Reporting from the Sandstorm: An Appraisal of Embedding," *Parameters*, xxxiv, 1, spring 2004, pp. 78—84.

⁸⁶ *Time*, 5.12.1969, p. 1. (Курсив мой. — М. К.)

⁸⁷ D. Cave, "For Recruiters, a Hard Toll from a Hard Sell", *New York Times*, 27.3.2005.

Серия войн, проведенных США в 1991—2003 гг., наглядно доказала, что их вооруженные силы самые мощные в мире. Вероятно, за всю историю человечества ни одна страна не имела лучших возможностей для быстрого уничтожения своих противников, разнося их в клочья при малейшей попытке сопротивляться. Однако те, кто проектировал эти вооруженные силы и посылал их на войну, не учли новой формы войны, неточно именуемой терроризмом. В отличие от войны между государствами, в которой вооруженные силы США достигли совершенства благодаря своему подавляющему технологическому и материальному превосходству, в террористической войне не участвуют армии, которые массированно пересекают границы и вторгаются на территорию противника. Таковую войну ведут малые группы мужчин и женщин. Некоторые из них исполнены такой решимости, что готовы жертвовать собой — самый неамериканский способ ведения войны, но, к сожалению, чрезвычайно эффективный. У этих мужчин и женщин мало тяжелого оружия или нет его вовсе, не говоря уж о логистической и технической инфраструктуре, необходимой для применения подобного оружия. Они действуют скрытно, делая все возможное, чтобы раствориться в мирном населении. Очень часто у них нет централизованной иерархии руководства. Это означает, что борьба с такого рода организациями может оказаться очень трудной. Стоит выявить и уничтожить одну группу, как в другом месте возникает точно такая же.

Корни современного терроризма следует искать по большей части в бесчисленных войнах за национальную независимость, которые велись в мире «развивающихся стран» в течение трех десятилетий после 1945 года. Соответственно они и велись преимущественно на территории стран «третьего мира», и некоторые даже обманывали себя надеждой, что так будет всегда⁸⁸. Америка казалась особенно защищенной от этого зла — и потому, что у нее никогда не было колоний в прямом смысле этого слова, и потому, что она была очень далеко. Америка знала доморощенные формы терроризма, которые применялись такими группами, как защитники превосходства белых, радикальные защитники черных, противники абортов,

⁸⁸ См., например: W. Laqueur, *Guerrilla*, London, Weidenfeld & Nicolson, 1977, pp. 383—409.

борцы с гомосексуализмом, защитники прав животных и пр.⁸⁹ В сравнении с тем, что происходило в других частях мира, их воздействие было невелико.

Даже задним числом трудно установить момент, когда ситуация изменилась и США стали мишенью иностранных террористов. Возможно, решающей поворотной точкой был декабрь 1988 года, когда в небе над Шотландией был взорван самолет рейса 103 компании *Pan Am* и погибло почти 300 человек. На протяжении 1990-х гг. имели место менее эффективные атаки, когда террористы наносили удары по американским объектам то в одной стране, то в другой. Была сделана по крайней мере одна попытка взорвать нью-йоркские башни-близнецы, но, к счастью, неудачная. Президент Клинтон отвечал на нападения с помощью крылатых ракет, а большинство американцев не воспринимали всерьез угрозу терроризма. В целом эта тема не интересовала ни полицию, ни СМИ⁹⁰. Ряд предложенных мер борьбы с терроризмом и предотвращения терактов, особенно в области гражданской авиации, остались на бумаге, а те, кто предупреждал об опасности, рисковали прослыть занудами и паникерами.

Перелом произошел 11 сентября 2001 года. Главным организатором нападения был лидер «Аль-Каиды» Усама бен Ладен. Этот уроженец Саудовской Аравии получил начальную военную подготовку в 1980-е гг., воюя с Советами в Афганистане, что парадоксальным образом делало его союзником США. Но со временем он преисполнился негодования против всего, что делали США в арабском мире, и прежде всего против самого присутствия американских войск на «священной» арабской земле. В 1995 году он выпустил посвященную этой теме 60-страничную брошюру, на которую мало кто обратил внимание⁹¹. Не имея практически никаких иных возможностей нанести удар по врагу, террористы действовали в глубокой тайне и решили захватить четыре американских пассажирских самолета. Затем,

⁸⁹ О различных группах, их организации, воздействии и принимаемых против них мерах см.: С. Hewitt, *Understanding Terrorism in America: From the Klan to Al Qaeda* (London, Routledge, 2003).

⁹⁰ См. об этом: S. Emerson, *American Jihad: The Terrorists Living Among Us*, New York, N.Y., Free Press, 2002, pp. 5—27.

⁹¹ Английский перевод так называемого послания Ладена [Ladanese Epistle] доступен в Интернете по адресу: <http://www.rbvincent.com/warosama.htm>.

глядя смерти в глаза, они превратили эти самолеты в управляемые бомбы и направили их на три самые символически значимые цели в США. Отчаянная попытка использовать истребители ВВС США для того, чтобы сбить эти самолеты, не удалась, потому что, пока люди сообразили, что происходит, времени уже не осталось. Из трех целей одна была разрушена, а другая получила серьезные повреждения. Третья была спасена только благодаря противодействию пассажиров самолета. Общее число погибших составило почти 3000 человек.

Потрясенное увиденным и встревоженное тем фактом, что злоумышленники оказались в конце концов недостижимы, американское общество, разумеется, потребовало возмездия. Как высказался на CNN сенатор Джо Либерман, «да смилуется над ними Аллах, потому что мы не пощадим их»⁹². И возмездие, то есть бомбежка и последующая оккупация Афганистана, выглядело на телеэкране чрезвычайно эффектно — никогда в истории такая огневая мощь не была использована для покорения столь малой и слабой страны, которая практически не имела вооруженных сил, о которых стоило бы говорить. И если судить по тому, что афганка (проведшая, впрочем, последние семь лет жизни в США) приняла в 2003 году участие в конкурсе красоты, причем была одета не в чадру, а в бикини⁹³, эти усилия увенчались блестящим успехом. Если же судить по тому, что главные преступники, Усама бен Ладен и его афганский свекор мулла Омар, шесть лет спустя были еще на свободе, получается, что цель достигнута не была, а вся затея выродилась в изматывающую и опасную борьбу с повстанцами, в которой США победить не могут.

Кроме того, что успехи в деле стабилизации Афганистана оказались невелики, к тому же никто не знает, где и когда нанесет следующий удар «Аль-Каида», утверждающая, что может выставить 12 000 бойцов. Даже если этой организации, постоянно преследуемой крупнейшими и технически самые совершенными разведками мира, это не удастся, наверняка воследуют удары со стороны одной или нескольких из множества террористических организаций, которыми кишит мусульманский мир. И нет уверенности, что следует опасаться нападе-

⁹² 14.9.2001.

⁹³ Т. В. Fucanan, “Much Ado About a Bikini”, *The Sunday Times* (Manila), 16.11.2003.

ний с применением только обычных видов оружия. Эксперты предупреждают о том, что террористы могут использовать химическое, биологическое и ядерное оружие. Уже состоялось несколько таких атак с применением конвертов, содержащих споры сибирской язвы.

К октябрю 2003 года даже тогдашний министр обороны США Доналд Рамсфельд задумался о том, куда все это может привести. Родившийся в 1932 году, Рамсфельд уже занимал пост министра обороны при президенте Джералде Форде, когда главным противником Америки был Советский Союз. Второй раз оказавшись в том же кресле, он активно занялся развитием самых совершенных видов высокотехнологичного оружия, предназначенного для супервысокотехнологичной обычной войны против обычного врага (иностранного государства), пусть и не располагающего столь же совершенным оружием, как Америка.

Казалось, что подготовленная им кампания против Ирака подтвердила его правоту. Несмотря на то, что Ирак обширная страна, протянувшаяся с севера на юг более чем на 600 миль, он был поставлен на колени в поразительно короткое время. Людские потери американцев были очень невелики; им помогло и то, что они однажды уже нанесли поражение иракской армии, а ее части, брошенные командирами и испытывавшие нехватку всего, кроме легкого стрелкового оружия, не могли оказать серьезного сопротивления. Но когда обычная межгосударственная война была окончена, вся президентская конница и вся президентская рать оказалась совершенно бесполезной против действий партизан и террористов. Вышло, что сокрушить армию врага не означает сломить его волю.

В документе, адресованном ближайшим помощникам, но просочившемся в прессу (почти заведомо в результате подковёрной бюрократической грызни)⁹⁴, Рамсфельд поднимал ряд фундаментальных вопросов относительно возглавляемой им организации. Созданные для ведения войны против одетого в униформу противника, в основном подобного им самим, являются ли вооруженные силы США самым подходящим инструментом для борьбы с мировым терроризмом? А если нет, то не следует ли доверить эту задачу новой, более гибкой организации? На что может быть похожа такая организация?

⁹⁴ Rumsfeld memo, 16.10.2003, Yahoo! News, 22.10.2003.

В каких отношениях она должна состоять с другими организациями, отвечающими за внутреннюю безопасность Соединенных Штатов? Каким бы ни был ответ на эти вопросы, ясно, что ушли в прошлое дни, когда американцы, оправданно или нет, могли рассчитывать на то, что будут воевать и убивать врагов, способных дать им отпор, только на чужой территории, зачастую за тысячи миль от их дома. Начался новый этап истории Америки, да и всего остального мира.

Оглядываясь в прошлое, трудно не обратить внимания на парадоксальность американской истории. С одной стороны, США угрожали использованием вооруженных сил или использовали их не реже, чем любая другая великая держава. Многие президенты, в особенности после 1945 года, воспринимали внешнюю политику и политику безопасности как арену, на которой, по словам Ричарда Никсона, они, как лидеры, способны реально изменить ситуацию⁹⁵. Возможно, все дело было в том, что внутри страны они чувствовали себя буквально скованными конституционными ограничениями и невообразимо сложной сетью бюрократических структур и групп давления. А может, они просто считали, что поражение во внешней политике меньше навредит их политическому положению, чем провал во внутренней политике. Как бы то ни было, среди постоянных украшений Овального кабинета присутствуют флаги четырех видов вооруженных сил. Намеренно или нет, они напоминают посетителям, что США располагают всем необходимым, чтобы раздавить их.

С другой стороны, большинство американцев не очень интересуются внешней политикой и не склонны к милитаризму. Причина отчасти состоит в том, что на протяжении всей истории никто на них не нападал. Другой причиной может быть старый лозунг: «Никаких войск на постой!» — а также то, что, будучи приверженцами индивидуализма, они любят свои свободы. Да, героями популярных фильмов о войне часто ока-

⁹⁵ См. об этом: С. Е. Neu, "The Rise of the National Security Bureaucracy", in L. Galambos, ed., *The New American State: Bureaucracies and Policies since World War II*, Baltimore, MD., Johns Hopkins University Press, 1987, pp. 91—99; также Clinton, *My Life*, p. 529 [Рус. пер.: Клинтон У. Дж. Указ. соч. С. 592.]

зываются действующие в одиночку бойцы, которые, подобно Рембо, сокрушают толпы врагов. Но многие из этих героев-одиночек действуют вне рамок системы или даже против нее; наоборот, военная жизнь как таковая не показывается привлекательной⁹⁶. Наблюдая за войнами революционной Франции, Александр Гамильтон предостерегал своих соотечественников - американцев от «невыгодного героизма»⁹⁷. Спустя лет двести только сумасшедший добровольно променяет жизнь в Сиэтле или даже в Далласе на приключения в Ираке. Среди всего прочего, это помогает объяснить, почему Соединенным Штатам Америки всегда недоставало разведывательной информации, добытой путем непосредственных контактов с источниками [human intelligence, HUMINT].

В том милитаризме, который все-таки есть, много детского. Многие, особенно белые из рабочего класса, коллекционируют копии старого оружия, а также знаки, нашивки, бляхи, кеги, устраивают выставки и обмениваются своим богатством. Некоторые молодые мужчины из среднего класса развлекаются участием в разных военных играх, а люди среднего и низшего класса собираются огромными толпами поглазеть на воспроизведение исторических баталий. Множество групп (некоторые из них объединяют сотни участников) всерьез учатся владеть настоящим оружием, начиная с карабина. Однако их боевая подготовка — это не поддержка милитаризма, а скорее способ выразить свое разочарование в правительстве США и в вооруженных силах страны. Зачастую такие группы мотивированы гремучей смесью расизма, религии и либертарианского экстремизма, и некоторые из них представляют собой реальную угрозу общественному спокойствию. Короче говоря, как бы американцы ни любили играть в войну, в целом они мало расположены служить в вооруженных силах, не говоря о том, чтобы жертвовать своей жизнью. Ясно, что это сильно ограничивает возможность вербовки людей в армию⁹⁸.

⁹⁶ См. об этом: J. W. Gibson, *Warrior Dreams: Violence and Manhood in Post-Vietnam America*, New York, N.Y., Hill and Wang, 1994.

⁹⁷ “Continentalist”, 4.7.1782, in H. C. Syrett, ed., *The Papers of Alexander Hamilton*, New York, N.Y., Columbia University Press, 1961—1979, vol. 3 p. 103.

⁹⁸ См. одну из последних публикаций на эту тему: Davey, “Recruiters Try New Tactics to Sell wartime Army”, *New York Times*, 14.06.2004.

Следует отметить, что примерно в то время, когда страна отказалась от воинской повинности и перешла к добровольному комплектованию вооруженных сил, среди американцев было не менее 28 млн человек, которые прошли воинскую службу и потому именовались «ветеранами»⁹⁹. Однако большинство из них отслужили всего по два года, да и то по призыву. Поэтому не может быть и речи о распространенности воинственных настроений или о престиже воинской доблести. Мирному характеру общества способствует и то, что социально-экономическая элита страны, которой стараются подражать все остальные классы общества, никогда не стремилась к службе в вооруженных силах. Уже в период Гражданской войны те, которые хотели стать бизнесменами, почти всегда находили способ увильнуть от службы в армии¹⁰⁰. В крайнем случае всегда можно было откупиться. Будущий банковский магнат Джон Пирпонт Морган потратил на это 300 долларов. Если есть деньги, почему бы не заплатить тому, кого убьют вместо тебя? Вообще единственным периодом американской истории, когда заметная часть мужчин, принадлежавших к высшему классу, надели военную форму, были 1940-е и 1950-е гг., когда в строй встали даже такие, как Джон Кеннеди и Элвис Пресли. Но это длилось недолго. Ко времени вьетнамской войны восстановилась былая традиция уклонения богачей от призыва¹⁰¹.

Исторически в рядовые всегда шли низы общества, включая многих недавних иммигрантов, а также, разумеется, представители расовых меньшинств, таких как негры и испаноязычные американцы. Недавно к ним добавились женщины, и в том числе внушительный контингент одиноких матерей, которые в вооруженных силах могут найти лучшие условия жизни, медицинского обслуживания и образования для своих детей и для себя, чем где-либо еще¹⁰². Офицеры, в свою очередь, разделяются на две основные группы. Одна состоит из отпрысков военных семей, особенно протестантов-южан, для

⁹⁹ J. A. Barber, "The Social Effects of Military Service", in Ambrose and Barber, eds., *The Military and American Society*, p. 151.

¹⁰⁰ См.: Licht, *Industrializing America*, p. 150.

¹⁰¹ См. об этом: Kaus, *The End of Equality*, pp. 49—51.

¹⁰² S. Hutchinson, "Under Fire Both in Combat and Back at the Home", *Mercury News*, 25.4.2003.

которых военная служба — это традиция и чьи сестры и дочери, привыкшие к гарнизонной жизни и сторонящиеся внешнего мира, склонны выходить замуж за военнослужащих. Другая группа — представители нижних слоев среднего класса из малых городов и сел. Для них служба в вооруженных силах — самый быстрый, а порой и единственный способ получить высшее образование и покинуть глухомань. В социальном плане обе группы консервативны и голосуют за республиканцев. Морские пехотинцы более других склонны видеть в себе элиту, стоящую на страже общества, готового отринуть или уже отринувшего традиционные ценности.

Время от времени пропасть, разделяющая в Америке гражданских и военных, вызывает беспокойство в левых кругах¹⁰³. Озабоченность эту можно понять, но дело в том, что у американских военных, в сравнении с армиями других развитых стран, всегда было меньше возможностей участвовать в общественной жизни и навязывать обществу свои ценности, во всяком случае до 1945 года. Люди, с которыми столкнулась Фанни Троллоп, называли себя офицерами, но в их внешности и поведении не было ничего от военной касты. Если уж на то пошло, они были всего-навсего толпой мужчин, буйных более обычного. И это неудивительно, потому что многие из них служили в ополчении, а не в регулярной армии и были избраны на свои посты именно по той причине, что оказались неспособными собрать и обучить собственные роты¹⁰⁴. Да и позднее иностранные эксперты часто обнаруживали, что их американские коллеги — люди скорее воинственные, чем по-настоящему военные, и что они любят хорохориться, как простые солдаты, но не слишком хороши с точки зрения дисциплинированности, сдержанности и порядка.

Еще совсем недавно, где-нибудь в 1939 году, американские офицеры могли только завидовать роли и статусу своих иностранных коллег. В Германии, например, поговорка гласила, что солдат — «первый человек в государстве», а в США

¹⁰³ Например: T. Ricks, "The Widening Gap Between the Military and Society", *Atlantic Monthly*, 280, July 1997, p. 66 ff.; см. также: P. D. Feaver, *Armed Servants: Agency, Oversight and Civil-Military Relations*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 2001, pp. 180—233.

¹⁰⁴ Bellesiles, *Arming America*, pp. 277—278.

на них чаще смотрели как на нечто столь же неуместное, как их палаши¹⁰⁵. За двести с лишним лет американской истории всего четыре генерала сумели вселиться в Белый дом. Из 15 министров обороны только один (Джордж К. Маршалл) имел звезды на эполетах; все остальные были бизнесменами, государственными чиновниками, юристами и учеными. Через тридцать лет после отказа от всеобщей воинской повинности даже среди старших чинов министерства обороны очень редко встречаются те, кто служил в вооруженных силах, — считается, что именно этот факт сыграл роль в решении начать войну с Ираком. Еще важнее то, что даже в разгар Второй мировой войны военные расходы поглощали только 40% американского ВВП, что существенно меньше, чем у других крупных воюющих держав, о которых у нас есть соответствующие данные¹⁰⁶. В то время как другие страны воевали и истекали кровью, ты, счастливая Америка, торговала и процветала.

После 1945 года роли переменялись. То ли из-за чудовищных потерь, то ли потому, что американские победители настояли, чтобы вчерашние враги очистились от «милитаризма», большинство других развитых стран избавились от воинственности и с тех пор если и участвуют в войнах, то неохотно и малыми силами. Только СССР с его небогатой материальной базой еще держался. Но и Советский Союз за оставшиеся ему 45 лет предпринял только одну крупную военную кампанию (в Афганистане), да и та была куда менее масштабной, чем американская во Вьетнаме. А вот в Вашингтоне, напротив, президент Кеннеди вскоре после избрания выступил со знаменитым заявлением, что ради защиты свободы США готовы «платить любую цену, нести любые тяготы и преодолевать любые трудности». К тому времени американцы уже начали рассматривать все происходящее в мире сквозь призму холодной войны. Необходимость противостоять коммунизму служила оправданием всевозможных программ — от строительства сети автомагистралей до субсидирования аэрокосмической промышленности и преследования гомосексуалистов. Утверждалось, что распространение гомосексуализ-

¹⁰⁵ Van Creveld, *Fighting Power*, pp. 18–21.

¹⁰⁶ A. Milward, *War, Economy and Society, 1939–1945*, Berkeley, CA, University of California Press, 1977, pp. 63, 67, 84, 93.

ма — часть обдуманного заговора, направленного на подрыв моральных устоев Америки¹⁰⁷.

Впрочем, в конечном итоге не появилось ни военной диктатуры, ни преторианского государства. Не может быть и речи о том, чтобы военные диктовали политику правительству. Правилom было обратное. Так, в последние годы вьетнамской войны некоторые кадровые военные, чувствуя, что их держат в неведении о политике, доходили — в надежде как-то прояснить перспективы — до воровства документов Национального совета безопасности; накануне и во время войны в Афганистане занимающиеся ею «ответственные деятели» встречались почти ежедневно, тогда как военнослужащие, носящие форму, только время от времени участвовали в совещаниях¹⁰⁸. В период холодной войны максимальная доля ВВП, которую могло выбить для себя министерство обороны, колебалась от 6% до 8%. Только однажды, в разгар корейской войны, этот показатель достиг 10%¹⁰⁹. Это означает, что 90% богатства страны по-прежнему обслуживали потребности гражданского общества, что сделало возможным экономический бум 1950-х и 1960-х гг. Когда холодная война кончилась, доля военных расходов в ВВП резко понизилась. После 11 Сентября военные расходы вновь начали расти, по крайней мере в абсолютном выражении, но и в 2007 году они все еще составляли существенно меньше 5% ВВП.

Полномочия Конгресса по контролю над вооруженными силами весьма обширны даже в сравнении с теми, которыми располагают аналогичные органы в других демократических странах. За исключением отдельных «закрытых» программ, а также отдельных контртеррористических операций, проводимых частными фирмами на основе аутсорсинга¹¹⁰, за каждый потраченный грош приходится отчитываться перед

¹⁰⁷ О нападках на гомосексуалистов в Комитете Конгресса по антиамериканской деятельности в 1953—1954 гг. см.: <http://uk.gay.com/headlines/4265>.

¹⁰⁸ Об этих совещаниях см.: С. Woodward, *Bush at War*, London, Pocket Books, 2002.

¹⁰⁹ Согласно данным из работы: Millett and Maslowski, *For the Common Defense*, pp. 512, 543, 583.

¹¹⁰ Расходы по этим программам оцениваются в 23,2 млрд долларов: N. Easen "New Technology from 'Black World'", CNN, 8.9.2004 (www.cnn.com/2003/TECH/09/05/wow.tech.black.world).

Конгрессом. Этим занимается Главное бюджетно-контрольное управление, одно из самых больших в Вашингтоне. В итоге если в 1947 году список военных расходов умещался на одной страничке, то через 50 лет он занимает более 1000 страниц. Каждую неделю Конгресс направляет в вооруженные силы 2500—3000 запросов на информацию решительно обо всем — от состава танковой брони до обращения с женщинами-военнослужащими. Эта информация становится частью процесса распределения оборонных расходов. Очень часто при этом не принимаются во внимание рекомендации кадровых военных, а решения принимаются так, как диктуют политические интересы конгрессменов, включая те, что продиктованы узкими местническими соображениями. Именно так и происходит, когда сохраняются никому не нужные военные базы, создают-ся бессмысленные системы оружия и т.п.

Некоторые старшие военачальники играют в собственные политические игры, особенно когда речь идет о бюджетной грызне с иными родами войск. Другие прекрасно умеют затянуть дело, представить тенденциозную информацию или кружным путем надавить на Конгресс через группы давления и публику в целом, для чего используется слив информации в прессу. Время от времени тот или иной президент обнаруживает, что ему трудно противиться пожеланиям военных. Но то же самое происходит и в других странах — еще в XVIII веке Фридрих Великий жаловался на склонность своих подчиненных темнить и тянуть с выполнением не нравящихся им приказов¹¹¹. Правда, когда коса находит на камень, ни один американский офицер не может повторить слова, которые некогда якобы произнес начальник германского генерального штаба Ганс фон Сект: «За мной стоит армия».

В других странах происходили военные перевороты, удачные и не очень. Несмотря на такие фильмы, как «Семь дней в мае» (1964), в США переворот невозможен даже теоретически. В 1944 году генерал Дуглас Макартур заявил, что «кратчайшим путем к победе было бы направить в Белый дом опытного военного [имея в виду самого себя]»¹¹², а через восемь

¹¹¹ Н. Rosenberg, *Bureaucracy, Aristocracy and Autocracy: the Prussian Experience, 1660—1815*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1953, p. 197.

¹¹² Цит. по: Pearlman *Warmaking and American Democracy*, p. 252.

лет обнаружил, что нужно проститься с погонами. Как показало его увольнение, президент, являющийся главнокомандующим, в конце концов всегда может избавиться даже от самых влиятельных и популярных генералов, а всем остальным командовать «кругом марш». Пока действует закон «О чрезвычайных полномочиях шерифа» от 1878 года (*Posse Comitatus Act*), который запрещает вооруженным силам вмешательство во внутренние дела, и пока Национальная гвардия, которую может созывать только губернатор, служит своего рода противовесом вооруженным силам, не может быть и речи о сколько-нибудь значительном выходе последних за конституционные границы. Если и существовали, как утверждают некоторые¹¹³, заговоры с целью захвата власти, то нужно отдать должное американским военным — они поразительно хорошо замечают свои следы.

Если не считать сравнительно коротких периодов, столь ценимые американцами гражданские свободы никогда не подвергались серьезной опасности. Это не означает, что в истории страны не было взрывов паранойи. Одним из самых поразительных аспектов американской общественной жизни является способность параноиков привлекать внимание общества и составлять политический капитал, играя на его страхах¹¹⁴; в этом отношении прослеживается прямая преемственность между теми, кто проводил процессы над салемискими ведьмами и современными борцами с курением. Для Джона Адамса, второго президента страны, внутренний враг состоял из тех, кто верил в «адскую конфедерацию» коррумпированных проповедников, политиков и аристократов, противостоящих ценностям, воплощаемым молодыми Соединенными Штатами Америки¹¹⁵. В середине XIX века тайными врагами были иезуиты и прочие католики. Обосновавшись в Канаде и Мексике, они на деньги папы римского денно и нощно хлопотали о том, чтобы низвергнуть республику, увести ее с истинного пути и уничтожить все, что есть в ней хорошего и ценного.

¹¹³ См., например, истолкование событий 11 сентября 2001 г. Линдоном Ларушем [Lyndon Larouche] (<http://www.lebed.com/2006/art4724.htm>).

¹¹⁴ R. Hofstadter, *The Paranoid Style in American Politics and Other Essays*, New York, N.Y., Vintage, 1964 ed., pp. 3—40.

¹¹⁵ См.: A. Herman, *The Idea of Decline in Western History*, New York, N.Y., Free Press, 1997, p. 150.

Потом место иезуитов заняли «грязные» агенты Мексики, тщасящиеся отомстить за войну 1846—1847 гг., такие же грязные агенты Франции, пытающиеся помочь им, и подлые японцы, мечтающие завладеть Панамским каналом. Однажды среди заговорщиков оказался даже министр иностранных дел Германии по имени Артур Циммерман. Явно не ведая о том факте, что Германия отрезана от мира британским флотом, он совершенно серьезно собирался натравить большую, могучую, агрессивную Мексику на слабые, маленькие и беззащитные США, — а мексиканцы немедленно сообщили об этом плане в Вашингтон¹¹⁶. Все эти мерзкие людишки были яростными врагами всего, что воплощала в себе республика, и всех их нужно было всячески разоблачать, чтобы помешать им достичь своих целей.

Поддавшись этой паранойе или, может, используя ее в своих целях, президенты Джон Адамс, Линкольн и Вильсон (каждый из которых втянул страну в большую войну) заставили Конгресс принять драконовские законы против свободы слова. Линкольн, игнорируя мнение председателя Верховного суда США, приостановил действие главного из прав личности, *habeas corpus**; правда, Джефферсон Дэвис, президент Конфедерации, поступил точно так же. Законы использовались для того, чтобы преследовать и отправлять за решетку политических противников, зачастую существовавших только в воспаленном воображении инициаторов, как это было в случае первого закона о подстрекательстве к мятежу (1798 г.). Взять хотя бы принятый в 1917 году закон о шпионаже, позднее превращенный в закон 1918 года о подстрекательстве к мятежу. Он запрещал выражать суждения, считающиеся «нелояльными, профанирующими, оскорбительными или бранными», относительно американской формы правления, флага или униформы, причем этот запрет не зависел от вероятных последствий подобных высказываний. В таком виде он применялся для преследования американцев за критику Красного Креста, молодежной

¹¹⁶ См. об этом: В. Tuchmann, *The Zimmermann Telegram*, New York, N.Y., Dell, 1958, особенно pp. 155—184.

* Принцип неприкосновенности личности, предписывающий представление арестованного в суд в течение установленного срока для надлежащего судебного разбирательства и установления законности ареста. — *Прим. перев.*

христианской организации YMCA и даже федерального бюджета. Среди жертв оказался видный писатель Эптон Синклер, который, участвуя в демонстрации в поддержку тех, кто отказался от службы в армии по политическим или религиозным соображениям, был арестован за публичное зачитывание Билля о правах. Другой жертвой стал основатель американского Союза против милитаризма Роджер Болдуин, который публично зачитывал конституцию¹¹⁷. Но самое худшее было еще впереди: в разгар «красной паники» 1918—1922 гг. за один день не менее 6000 человек были арестованы, а большинство из них впоследствии подверглись депортации.

Спустя двадцать лет, во время Второй мировой войны, в концентрационные лагеря были интернированы более 100 000 американских граждан японского происхождения, и при этом ни один из них не был ни осужден, ни даже обвинен в каких-либо преступлениях. По условиям военного времени в тюрьме оказались 6000 человек, отказавшихся от службы в армии по религиозным мотивам (три четверти из которых принадлежали к церкви Свидетелей Иеговы), а множество газет лишились почтовой привилегии. Все это, однако, было лишь видимой частью айсберга. Одна только армейская контрразведка использовала более 250 000 агентов, среди которых был и основатель компании *Wal-Mart*, упоминавшийся выше Сэм Уолтон. Рассеянные среди работников оборонных заводов, они вели охоту на нацистов и коммунистов. Объектами расследования стали миллионы людей; во многих случаях использовались такие незаконные методы, как прослушивание телефонных разговоров и тайное проникновение в жилище, но результаты практически равнялись нулю¹¹⁸. Каждый раз с установлением мира все успокаивалось. Со временем, оглядываясь в прошлое, большинство американцев испытывали стыд за эти эпизоды и чувствовали необходимость извиниться за них. Другие горько подшучивали над ними, как сделал Джозеф Хеллер в романе «Уловка 22».

Склонность видеть повсюду заговоры была особенно сильна в первые годы холодной войны. Хотя холодная война была

¹¹⁷ M. Linfield, *Freedom Under Fire: U.S Civil Liberties in Times of War*, Boston, MA, South End Press, 1990, p. 65.

¹¹⁸ См.: J. Jensen, *Army Surveillance in America, 1775—1980*, New Haven, CT, Yale University Press, 1991, pp. 211—229.

по преимуществу бескровной, она была одним из наиболее напряженных международных конфликтов, в которых когда-либо участвовали США. Одним из результатов этой борьбы было осуждение по закону Смита от 1949 года* одиннадцати руководителей коммунистической партии США, обвиненных в том, что они изучали и обсуждали работы Маркса о революции. Закон имел и такие весьма причудливые побочные последствия, как осуждение экспрессионизма, который в 1940-х и в начале 1950-х гг. был, вероятно, самым оригинальным направлением в американском искусстве¹¹⁹. Осуждение основывалось на том аргументе, что эти художники симпатизировали коммунистам и отошли от принципов здорового, социально ответственного «американского» искусства. Суждения «американских» художественных критиков при этом парадоксальным образом совпали с критериями лелеемой Сталиным школы «социалистического реализма». Цензоры всех стран, объединяйтесь!

Писатели тоже были призваны к ответу — книги некоторых были изъяты из американских библиотек в других странах. В числе подвергшихся этой мере воздействия оказались Шервуд Андерсон, Чарльз Бирд, Эрскин Колдуэлл, Джон Дьюи и Джон Дос Пассос, создавший отрицательный образ Америки в своей вышедшей в период Великой депрессии трилогии «U.S.A.». Та же судьба постигла книги Говарда Фаста и Эрнеста Хемингуэя, книги которого сжигали и нацисты в 1933 году. В черный список попали Норман Мейлер и Артур Миллер, а также Льюис Мамфорд (в честь которого теперь назван зал в Библиотеке Конгресса), Рейнхольд Нибур и Генри Уоллес, бывший в 1941—1944 гг. вице-президентом США. Среди музыкантов под удар попали Джордж Гершвин, умерший в 1937 году, и Леонард Бернстайн, страдавший манией подписывать петиции левых политических деятелей. Такая же судьба постигла великого архитектора Фрэнка Ллойда Райта. Из-за нехватки места для хранения некоторые книги были сожжены. Некото-

* Закон, запретивший призывать к насильственному свержению правительства, поддерживать выступающие за это организации или быть членом такой организации. — *Прим. перев.*

¹¹⁹ R. Pells, *Not Like Us: How Europeans Have Loved, Hated and Transformed American Culture since World War II*, New York, N.Y., Basic Books, 1997, pp. 81—82.

рые выдающиеся иностранные деятели культуры, и среди них Чарльз Чаплин и Бертольд Брехт, долго жившие и работавшие в США, была так напуганы, что сбежали в Европу и больше не вернулись. Все это привело к шумной критике со стороны иностранцев, которые всячески высмеивали США. Это и вправду было бы очень смешно, когда бы не было так грустно.

Среди охотников на ведьм самым видным был печально знаменитый сенатор Джозеф Маккарти, который опирался на созданную им Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности¹²⁰. У Маккарти было изрядное преимущество перед большинством предшествовавших ему параноиков, так как своим врагом он избрал коммунизм. А коммунизм был врагом не только США, но и самой частной собственности, поэтому борьбу с ним поддерживали даже те либертарианцы, которые обычно предпочитают противостоять большому правительству во имя личной свободы. Возможно, именно это обстоятельство и позволило Маккарти и его окружению забрать такую власть — хотя некоторые говорят, что в действительности за всем этим стоял многолетний глава ФБР Эдгар Гувер. Сам Маккарти не побоялся предъявить обвинения в предательстве высшим должностным лицам страны, в том числе бывшему начальнику штаба сухопутных сил, а впоследствии государственному секретарю и министру обороны Джорджу Маршаллу¹²¹. В дальнейшем в сети расследования, которое велось и открытыми и тайными методами, попались сотни фигур меньшего масштаба. Тысячи человек потеряли работу или попали в черные списки, зачастую так и не узнав за что. Сам сенатор подвергся общественному осуждению в 1954 году, крепко запил и через два года умер. Однако созданная им машина продолжала крутиться до конца десятилетия.

В период вьетнамской войны президенты Линдон Джонсон и Ричард Никсон тоже не гнушались нарушением закона. Последний, в частности, использовал ФБР и ЦРУ для того, чтобы собирать досье на своих противников и запугивать их; печально известно его описание фигуры, нужной ему на посту

¹²⁰ См.: E. Schrecker, *Many Are the Crimes: McCarthyism in America*, Princeton, N.J. Princeton University Press, 1998, особенно pp. 240—266.

¹²¹ J. R. McCarthy, *America's Retreat from Victory*, New York, N.Y., Devin-Adair, 1951, pp. 54, 66, 130, 141, 156, 168, 169—171.

главы Налоговой службы США: «Это должен быть безжалостный сукин сын... [который] выпотрошит наших врагов и не тронет наших друзей»¹²². Люди президента проникали в левые организации и рассылали анонимные письма, нацеленные на возбуждение вражды между предполагаемыми противниками. Они не брезговали прибегать к услугам провокаторов с теми же целями; известен случай, когда в поисках компрометирующих материалов они вломились в кабинет психиатра, среди пациентов которого был известный диссидент Дэниел Элсберг¹²³. Опять-таки после окончания холодной войны большинство американцев воспринимали подобные действия со смесью стыда и недоверия.

Атаки на Башни-близнецы и на Пентагон вызвали обычную реакцию. И через четыре года результаты стали видны всем. Через месяц с небольшим после этого события Конгресс принял «Патриотический закон» (*Patriot Act*), позволивший вести слежку за американскими гражданами, подозреваемыми в «терроризме», еще до совершения ими какого-либо преступления. Руководители различных федеральных ведомств получили дополнительные полномочия на прослушивание телефонов и перехват электронной переписки. Эти же агентства потребовали доступа к такой информации, которая прежде считалась частной — списки авиапассажиров, сведения о книгах, покупаемых в магазинах и запрашиваемых в библиотеках, и, в ближайшей перспективе, сведения обо всех денежных переводах, поступающих из-за границы и направляемых туда. Дела подозреваемых, выявленных с помощью такого рода методов, подлежат рассмотрению в особом суде, известном как Суд по контролю за внешней разведкой (*Foreign Intelligence Surveillance Court, FISC*), который не предоставляет обвиняемым обычных процессуальных гарантий. В течение года после

¹²² Цит. по: J. E. Stiglitz, "The private Uses of Public Interests" Incentives and Institutions», *Journal of Economic Perspectives*, 12, spring 1998, p. 5.

¹²³ См. обо всем этом Итоговый доклад Специального комитета Сената Соединенных Штатов по разведывательной деятельности (*Final Report of the Select Committee to Study Government Operations with Respect to Intelligence Activities of the United State Senate, 94th Congress, 2nd session, 1976*); а о деле Элсберга см.: T. Wells, *Wild Man: The Life and Times of Daniel Ellsberg*, New York, N.Y., Palgrave, 2001.

атаки 11 сентября этот суд рассмотрел 170 дел — втрое больше, чем за предыдущие 23 года¹²⁴.

Граждане США, захваченные за рубежом в плен как сражавшиеся на «вражеской» стороне, не имеют права даже на процесс в Суде по контролю за внешней разведкой: их можно тайно содержать под арестом без предъявления обвинений и без права на встречу с прокурором. В 2003 году было предложено дополнение к «Патриотическому закону», уполномочивающее правительство на создание общенациональной базы ДНК лиц, «подозреваемых в терроризме», куда может попасть любой уличенный в том, что на своем заднем дворе экспериментировал с крысиным ядом. Также были выдвинуты следующие предложения: ограничить *habeas corpus*, взвалив тем самым на подсудимых бремя доказательства того, что они заслуживают быть отпущенными на поруки или под залог, и освободив обвинителя от необходимости доказывать, почему их следует держать за решеткой; разрешить допрашивать «важных свидетелей» по делам о терроризме, даже когда по этим делам не предъявлено обвинений; допустить использование в судопроизводстве ссылок на непроверенную информацию; разрешить депортацию иностранцев, ставших членами или помощниками «террористических» групп.

Для претворения всех этих мер в жизнь в 2002 году было создано не имеющее аналогов и, по мнению многих, чудовищное Министерство внутренней безопасности (Department of Homeland Security). В дополнение к огромным суммам, расходуемым на свою безопасность частными лицами и корпорациями, это министерство, возможно, располагает бóльшим числом миллионов долларов, чем насчитывает людей в своих рядах «Аль-Каида». Оно день за днем мотает американцам нервы, то понижая «уровень террористической угрозы», которая уже стала столь же привычной, как прогнозы погоды, то повышая ее в ответ на не уточняемые загадочные «угрозы», об источниках и природе которых можно только гадать. Другим столпом этой борьбы с терроризмом является министерство юстиции. Его руководитель, генеральный прокурор Джон Ашкрофт, сделал все возможное для расширения определения терроризма таким образом, чтобы под него попадали

¹²⁴ Согласно юристам Американского Союза защиты гражданских свобод (ACLU), Yahoo! News, 24.3.2003.

отмывание денег, наркоторговля и мошенничество всех мастей. Согласно новым правилам, каждый федеральный обвинитель обязан отвергать сделки с признанием вины [plea bargain] и требовать максимально жесткого приговора для каждого «террориста», а всякий судья, который не удовлетворит требования обвинения, будет занесен в особый список¹²⁵. Если Ашкрофту и его приспешникам дать свободу действий, то каждому члену Конгресса пришлось бы пройти в ФБР проверку на детекторе лжи¹²⁶; к счастью, президенту Бушу хватило здравого смысла уволить его прежде, чем он успел принести еще больше вреда.

Министерство внутренней безопасности и министерство юстиции — не единственные игроки на этом поле. Вооруженные силы, которые многие годы противились всем попыткам привлечь их к операциям внутри страны (связанным, например, с борьбой против наркотиков), поскольку опасались, что это понизит эффективность их деятельности за рубежом, теперь, после окончания холодной войны, начали менять подход. Теперь закон уполномочил их создать Внутреннее командование (Home Command), функции которого полностью соответствуют его названию. Одним из первых мероприятий этого командования было развертывание ракетных батарей «земля-воздух» вокруг ряда ключевых городов Америки. Оно также проводит регулярные тренировки по сбиванию захваченных террористами гражданских самолетов на случай, если это потребуется. Но дело в том, что из-за скорости современной авиации оружие противовоздушной обороны относится к числу наиболее автоматизированных видов вооружений. Вероятно, остается лишь вопросом времени то, что самолет будет сбит по ошибке, как это случилось в Иране в 1987 году, а теперь с тем же успехом может повториться в Америке.

Справедливости ради нужно отметить, что США не единственная страна, принимающая меры по предотвращению терроризма или по отражению террористических атак. Кроме того, каждая из отмеченных выше мер в отдельности представляет собой лишь небольшой шаг. Некоторые из них — скажем, расширение роли военных на территории Америки, — тщательно

¹²⁵ Yahoo! News, 23.9.2003.

¹²⁶ Yahoo! News, 3.8.2002.

ограничены формулировками законов, на основании которых они были введены. Некоторые из принятых мер встретили сопротивление в судах. Например, в ноябре 2003 года Верховный суд постановил, вопреки выраженной воле администрации, что будет заслушивать дело, касающееся узников базы Гуантанамо. В декабре того же года другой федеральный суд принял решение, что правительство не может просто так захватывать «террористов» на территории Америки и держать их в заточении без суда. В апреле 2004 года в Верховном суде прошли слушания о том, можно ли задерживать на неопределенно долгий срок американских граждан, арестованных по обвинению в «терроризме»¹²⁷.

Некоторые меры, по-видимому, никогда не войдут в силу. Это стало ясно, когда несколько штатов объявили, что не будут сотрудничать с Министерством внутренней безопасности в создании общенациональной «контртеррористической» базы данных, поскольку она, по мнению руководителей штатов, явится нарушением прав их граждан на неприкосновенность частной жизни¹²⁸. В других случаях мешают технические трудности, как случилось, например, когда США не смогли убедить другие государства принять разработанную американцами систему биометрической идентификации личности и сделать обязательным присутствие соответствующей информации в паспортах каждого пытающегося въехать в страну¹²⁹.

Но многие меры уже реализованы, а за ними, несомненно, последуют и другие. Опыт показывает, что и в Америке, и в других странах люди быстро привыкают к ним. Посетители туристических достопримечательностей уже привыкли опорожнять карманы при проходе через металлоискатели. Авиапассажиры с готовностью отдают персоналу всевозможные острые металлические предметы, и это неудивительно, потому что любое проявление недовольства мерами безопасности или их высматривание могут окончиться арестом. Но особенность этой ситуации в том, что объявленная президентом

¹²⁷ L. Greenhouse, "Court Hears Case on U.S Detainees", *New York Times*, 29.4.2004.

¹²⁸ Yahoo! News, 22.10.2003.

¹²⁹ R. Mark, "Biometric Passports Not Ready for Prime Time", 15.6.2004 (www.internetnews.com/security/print.php/3368661).

Бушем война против терроризма, получившая название «Операция 'Непоколебимая свобода'», окажется долгой и вряд ли будет когда-либо «выиграна» в привычном смысле слова. Нам предстоит узнать, сможет ли Америка в ходе этой войны остаться той страной свободных людей, которой она объявила себя и которой была так долго.

Глава 7

ЗАВОДНЫЕ И ЗАВОДИЛЫ

*Гневно восстали все, и гром загремел тяжело
Над берегами, пламя Орка которые жрет.*

Уильям Блейк, «Америка: Пророчество», 1793*

Блейк никогда не бывавший в Америке, явно уловил идею страны, пребывающей в безостановочном движении. В США хоть и есть свои тихие заводы, это не спокойное, безмятежное течение широкой реки, пересекающей чуть всхолмленную цветущую равнину. И она не похожа на реку, которая бурлит и ревет в стремнинах, чтобы вновь успокоиться, вырвавшись на простор. Нет, это постоянный и очень мощный поток, который уместнее сравнить не с речным течением, а со струей высокого давления, бьющей из пожарного рукава. Давление в шланге создает пламенная сила — ангельская, демоническая или присущая Америке некая смесь того и другого. Какова природа этой силы и что она означает для нации в целом? И как американская динамичность воздействует на остальной мир?

Подчиняющиеся правительству, которому они доверяют только в определенных границах и которое относится к ним точно так же; стремящиеся «добиться своего» в самой конкурентной экономике на Земле; окруженные чужаками и опирающиеся только на семью с ее слабеющей структурой; как никто затравленные своими «эмансипированными» женщинами (которые, в свою очередь, вынуждены отказываться от многих сравнительных привилегий своего пола и ради выживания действовать по-мужски); бросающие своих родителей и в свой черед бросаемые собственными детьми; подкрепляемые в своих отношениях с другими уникальной смесью реализма и нетерпимости — таков Эдем, который американцы создали для самих себя. Эпицентром этого Эдема служит вина. Я не хочу сказать,

* Пер. В. А. Топорова.

что вина — это американское изобретение; она обитает в самом сердце протестантского этоса. Разве Лютер с самого начала не объявил в своих девяноста пяти тезисах, что «вся жизнь верующих [а не только таинство покаяния, как у католиков] должна быть исполнена покаяния» в совершенных грехах? Некоторые антропологи делят все общества на те, которые движимы чувством вины, и те, которыми движет необходимость сохранить лицо¹. Независимо от того, насколько эта классификация действительно дает ключ к человеческому поведению, Америка явно принадлежит к обществам первого типа.

В других протестантских обществах люди издавна приспособились к жизни с ощущением вины. При этом они разработали ряд теорий, от неостоицизма XVI в. до пиетизма XVII и XVIII вв.² В центре всех этих учений были тяжкий труд (чем тяжелее, тем лучше), долг и смирение. Долг перед ближними, долг перед церковью, долг перед работодателем и — до начавшегося в 1945 г. упадка национализма — долг перед своей страной. Американцы с энтузиазмом приняли первую из этих ценностей, то есть труд. Но дойдя до второй, они ее столь же убежденно отвергли. Важнейшей тому причиной была их одержимость идеей прав, которая превращает долг в нечто такое, что должны *им* все другие люди и организации. Большинство американцев слишком мобильны географически и социально и к тому же слишком индивидуалистичны, чтобы развить сильное чувство долга перед кем-либо или чем-либо за пределами нуклеарной семьи, — а некоторые сказали бы, что и внутри нее.

Хотя бы потому, что, не считая периода Гражданской войны, страна никогда не переживала по-настоящему тяжких бедствий, третий член этой троицы, смирение, подходит американцам так же мало, как ярмо скаковому коню. Когда американцы вслед за Линкольном, использовавшим это выражение в Геттисбергском послании³, говорят, что они как народ «ходят

¹ Например: J. Delumeau, *Sin and Fear; The Emergence of Western Guilt Culture*, New York, N.Y., St. Martin's, 1991; а также: J. G. Peristiany, ed., *Honor and Shame: The Values of Mediterranean Society*, London, Weidenfeld & Nicolson, 1966.

² См.: G. Oestreich, *Neostoicism and the Early Modern State*, Cambridge, Cambridge University Press, 1981, особенно pp. 13—27; а также: R.E. Stieffler, *The Rise of Neoevangelical Pietism*, Leiden, Brill, 1965.

³ См. об этом: Fletcher, *Our Secret Constitution*, pp. 50—51.

под Богом», на самом деле они имеют в виду, что на них лежит Божье благословение — что «Господь на стороне народа», как выразился упомянутый выше Генри Льюс⁴. Они решительно не намерены признавать, что Высшее Существо способно ограничить их возможности и будущие действия. Собственно говоря, очень может быть, что у Него даже нет права на это; остается только ждать периода серьезного национального упадка (если он вообще наступит), чтобы посмотреть, что произойдет с верой американцев. Да смирение и не подходит народу, составленному из иммигрантов и потомков иммигрантов. По меньшей мере со времен Бенджамина Франклина, то есть с середины XVIII века, американцы часто задаются вопросом: не следует ли считать иммигрантов, высаживающихся на их берегах, «самой невежественной и бестолковой частью своих народов», теми, кто не смог преуспеть на родине, а потому отправился искать счастья в далекой стране⁵. Прошло два с половиной столетия, но ответа на этот вопрос нет и поныне. Но разве сам факт, что люди решили собрать пожитки и двинуться в путь, не показывает, сколь мало было в них смирения перед судьбой?

Поскольку два участника троицы отвалились как лишний балласт, осталось только чувство вины. Воздействие чувства вины обострилось двумя факторами. Во-первых, несмотря на неоднократные утверждения обратного, в этой стране единственный предел — небо. Никто не обречен оставаться там, где он (или она) оказались в силу случайности рождения; нет и запретов, которые диктовали бы, куда идти и что делать со своей жизнью. Как бы ни были плохи начальные условия, мир и ведущие к нему дороги распахнуты всем. Всегда найдутся другое место жительства, другая работа, другая возможность или, если угодно, другой муж, другая жена: они всегда рядом или будут рядом, если хорошенько поискать. В известной степени искать все это становится все легче — достаточно включить компьютер и щелкнуть мышкой.

Кто бы ты ни был, добро пожаловать: приходи, работай изо всех сил и устраивай свою жизнь как можно лучше — она у тебя одна, и поэтому если многие американцы и верят в рай,

⁴ H. R. Luce, "The American Century".

⁵ Franklin to Collinson, 9.5.1753, *Writings*, J. A. Leo Lemay ed., New York, N.Y., Library of America, 1987, pp. 472—473.

то еще больше среди них тех, кто твердо намерен создать для себя рай на земле⁶. Верно и обратное. Не можешь добиться своего — это твоя собственная вина, если только ты не малолетка, не инвалид и (по мнению некоторых) не принадлежишь к меньшинствам. Мужчина ты или женщина, любая испытанная тобой неудача, любые перенесенные тобою лишения доказывают, что где-то в дороге ты сбил с пути, прогневил Бога и бросил обществу вызов своим недопустимым поведением. Еще более важно, что эту веру разделяют и те, кто терпит нужду и лишения.

Этим, вероятно, объясняется то, почему американская разновидность протестантизма, и даже та его разновидность, которая ведет к наблюдающемуся во многих церквях полубезумному поведению, не стоит преградой на пути прогресса, в отличие от шиизма и хасидизма. Напротив, американский протестантизм обрел силу приводить людей в движение подобно хорошему генератору — силу, предположительно куда бóльшую, чем сила церквей других протестантских стран, где жизнь более упорядочена, а горизонты уже и ближе. В то же время, и тоже в противоположность другим протестантским странам, этот же фактор склоняет американцев к консерватизму или, во всяком случае, не дает им взбунтоваться против сложившихся обстоятельств. Сам протестантизм, конечно, начал с восстания против католицизма, и должно было пройти более столетия кровавых столкновений, прежде чем он наконец сумел добиться признания. Начиная со второй половины XIX века, и особенно в XX веке, многие протестантские страны пережили грандиозный подъем социалистических и коммунистических движений. В Германии именно протестантский Север, а не католический Юг стал родиной социал-демократической партии, которая в начале XX века была самой влиятельной в мире. Да и в наши дни самые сильные государства всеобщего благосостояния — скандинавские страны.

Американскому протестантизму, напротив, никогда не приходилось бороться за выживание с другими, более старыми и более устоявшимися религиями. Если уж на то пошло,

⁶ Об истоках американского сочетания религиозности и консюмеризма см.: W. Leach, *Land of Desire: Merchants, Power, and the Rise of New American Culture*, New York, N.Y., Vintage, 1993, pp. 191—224.

именно протестанты изгоняли со своей территории или держали в подчинении всех остальных. Так было с первыми поселенцами в Массачусетсе, которые изгнали квакеров, а потом сурово наказали тех, кто попытался вернуться⁷. Однако политическая децентрализация, столь характерная для первых столетий Америки, означала, что религиозные гонения редко могли иметь длительный характер или сколько-нибудь устойчивый успех. В соответствии с убеждением, что «в этой стране никто не страдает от бедности, кроме как... за свои грехи» (писатель XIX века Генри Уорд Бичер), религия стала инструментом, удерживавшим людей от бунта против системы. В какой-то мере она делала свое дело лучше, чем какая-либо другая⁸.

США не знали массового отхода трудящихся классов от религии, который пережила Европа во второй половине XIX века; а вот марксизм, усматривающий в страданиях масс результат объективных исторических обстоятельств, которые неподвластны даже самым талантливым и упорным личностям, так и не смог пустить корни в Америке. Начиная чуть ли не с первых дней самого первого поселения, американцы неизменно следовали путем, который вел их все к большим и большим успехам. Неудивительно, что они отказываются поверить (если вообще задумываются об этом), что история может установить им предел — и отдельным людям, и тем более народу в целом. Вот почему все они, начиная с Генри Форда, заявившего, что «история — это чушь», так мало интересуются этим предметом. Интересу к истории не способствует и тот факт, что у кочевого народа коллективная память неизбежно слаба.

Волей-неволей — а чаще, надо сказать, волей — американцы проводят свою жизнь, играя в рулетку. И это происходит не только там, где азартные игры узаконены, как в Атлантик-Сити, Лас-Вегасе и в других местах. Нет, всякий раз, отправляя деньги на индивидуальные пенсионные счета, что необходимо ради обеспечения будущего, они в действительности делают ставку, а поскольку сегодня многие корпорации в счет оплаты выдают своим работникам опционы на акции, игра стала

⁷ См. об этом: Monroe, *Hellfire Nation*, pp. 70—72.

⁸ См. блестящий анализ в книге: Luttwak, *Turbo Capitalism*, pp. 20—25; и почти на двести лет раньше о том же самом см.: F. J. Grund, *The Americans in their Moral, Social, and Political Relations*, 1837, перепечатано в: Commager, *America in Perspective*, pp. 69—67.

частью повседневной жизни в прямом смысле слова. Со времен Великой депрессии и Франклина Рузвельта американцы могли рассчитывать хотя бы на то, что если рухнет все остальное, то они смогут прожить при помощи системы социального обеспечения. Еще только предстоит выяснить, сможет ли система социального обеспечения выжить в ее нынешнем виде или ей придется уйти в прошлое. Неудивительно, что многие американцы откладывают выход на пенсию и пытаются как можно дольше оставаться в упряжке⁹.

При игре в рулетку многим, несмотря на все их старания, суждено проиграть. Американцы могут не верить в то, что их судьба зависит от истории, но слова «*good luck!*» [«удачи!»], которыми они ободряют друг друга, показывают, что они полагаются на *luck* — удачу. Но ведь любому может выпасть и неудача. Осознавая этот факт, американцы не считают сильнейшим позором экономический провал, который, как подтверждают Токвиль и другие иностранцы¹⁰, воспринимается как дело обычное и житейское. Например, был здесь в свое время король порнографии, который обанкротился, так как не предвидел, что Интернет начнет поставлять нагую плоть намного дешевле, чем его глянцево-журналы. Теперь он торгует в Нью-Йорке бубликами, а его грехи прощены, и он снова (почти) чист; он, пожалуй, даже заслуживает определенного восхищения¹¹. Чем глубже падение — нашему королю порнографии, владевшему многомиллионной империей, однажды пришлось ночевать на парковой скамейке, — тем большее уважение вызывает стойкость, с которой он пытается опять встать на ноги. Лучшее свойство человека — «упорство» [*grit*], которое, как утверждает словарь *Longman Dictionary of American English*, означает «решительность, несокрушимое мужество, готовность без уныния преодолевать трудности». Это относится не только ко взрослым мужчинам, но и почти в той же мере — к женщинам и детям.

⁹ W. Lester, “Americans Choosing Work after Retirement”, Yahoo! News, 9.3.2005.

¹⁰ *Democracy in America*, ii, p. 249 [Рус. пер.: Токвиль А. де. Указ. соч. С. 450]; Grund, *The Americans*, in Commager, *America in Perspective*, p. 76; Mackay, *The Western World*, quoted in *ibid*, p. 97.

¹¹ J. Zawadinski, “Fallen U.S. Porn King Goldstein Rebuilds with Bagels”, ABC News, 24.1.2005 (www.abcnews.go.com/Entertainment/wireStory?id=438233).

Однако упорство допустимо, только пока оно действует в рамках закона, морали и, по возможности, религии. Как сказал некогда Маркс, то, что люди, особенно богатые и влиятельные, стали тем, чем они стали, исключительно честными методами, — «миф». Но именно этот миф делает приемлемой для подавляющего большинства американскую действительность, столь суровую для многих; уберите этот миф, и останутся дикие джунгли, где человек человеку волк. Нет ничего более чуждого для американцев, чем идея Ницше, что закоренелые уголовники, которым хватает гордости не только признаваться в своих деяниях, но и хвастаться ими, сделаны из «наилучшего материала». Вероятно, ближе всего к истине подошел роман Марио Пьюзо «Крестный отец», по которому был снят знаменитый блокбастер. Эпиграф романа гласит «За каждым большим состоянием стоит преступление». Но даже этот роман завершается тем, что грехи его героя Майкла Корлеоне прощает ему жена, Кей Адамс, чистая американка по происхождению. Он прощен отчасти потому, что пошел на преступления, чтобы отомстить за своего убитого отца, а отчасти потому, что, совершая их, он планирует вывести свою мафиозную «семью» из криминального в легальный бизнес.

Как свидетельствуют бесчисленные примеры, в американской модели к успеху ведут (или, по крайней мере, должны вести) упорство, вера и усердный труд, а вовсе не насилие, коварство и предательство. Разве классические формы американского искусства, вестерны и детективы, не представляют собой бесчисленные вариации на тему того, что преступных нарушителей закона отдают правосудию их не менее жесткие, но честные и справедливые противники¹²? Аспект протестантской этики, по-настоящему усвоенный американцами, — ответственность, то есть представление о том, что люди отвечают и всегда должны отвечать за свои действия. Как мы видели, приучение людей к ответственности — во многих случаях вряд ли можно называть это обучением — начинается в очень раннем возрасте, пожалуй, еще до года. Зачастую при этом используются довольно сомнительные методы, да еще и с помощью всевозможных «экспертов». Внушение чувства вины — это,

¹² G. N. Fonin and W. K. Everson, *The Western*, New York, N.Y., Grossman, 1973, pp. 25–46.

пожалуй, важнейший из методов, с помощью которого некоторые американцы превращают других в то, что они есть.

Чтобы люди могли нести ответственность за свои действия, они прежде всего должны знать законы, правила и нормы, которые правят обществом (или должны им править). Отсюда все эти списки указаний и предостережений, которые встречаешь в общественном транспорте, в национальных парках, кемпингах и т.д. Они так многочисленны, что возникает вопрос — что же это за страна, где предполагается, что люди незнакомы с самыми элементарными нормами цивилизованного поведения? Но стоит посмотреть на то, как замусорены многие общественные места, чтобы прийти к выводу: те, кто развешивает все эти предостережения о наказаниях, знают что делают. Непонятно, что тому причиной — то ли запреты подстрекают людей к плохому поведению, то ли, напротив, плохое поведение делает необходимым обилие всяческих запретов. Как бы то ни было, результат таков, что американцы, даже очень юные, окружены всяческими угрозами. Нередко дети, возвращаясь после своего первого дня в школе, приносят брошюру страниц на пятьдесят убористого шрифта. Она заполнена десятками правил, которые необходимо соблюдать, и наказаниями, положенными за их несоблюдение: трудно представить более яркую демонстрацию недоверия.

В большинстве других стран ссора между детьми в школе заканчивается тем, что их отводят к наставнику, тот делает им внушение и отсылает обратно в класс. В США их проступок будет занесен в досье каждого из них — в эпоху всеобщей компьютеризации это очень просто. Когда ответственность является высшей ценностью, неизбежным итогом оказывается, с одной стороны, большое число правонарушителей и, с другой стороны, множество тихих зануд — и тех, кто согласен жить «не высовываясь» в одинаковых коробках, миллионы и миллионы. Много хуже, что, когда равенство требует, чтобы со всеми обращались одинаково, «милосердие... милосердие милосердие милосердие милосердие» (романист Бернард Маламуд)¹³ делается редкостью. Может, жесткую выдержку действительно изобрели британцы, но щеголяют ею американцы, пусть несколько иначе. Уверенность в себе и «позитивный настрой» — уже не столь-

¹³ Bernard Malamud, *The Tenants*, New York, N.Y., Farrar Strauss, 1971, p. 210.

ко желаемые, сколько обязательные качества. Сегодня некоторые фирмы даже институционализировали счастье. Служащим предлагается «премия за хорошую форму, физическую и духовную» [«wellness bonus»] при условии, что они участвуют в соответствующих программах [«wellness program»] и зарабатывают соответствующие очки [«wellness credits»]¹⁴; участие в такого рода программах предполагает ориентацию на исполнительность, которая царит в армии. И, наоборот, в обществе, в котором счастье и процветание стали общепринятыми, горе тому, кто рискнет обнаружить свои подлинные чувства. Пожалуй, жалобы, нытье и слезы в США еще более бесполезны, чем в любом другом обществе.

Все это создало общество, которое похоже на тугую пружину и всегда готово завестись с пол-оборота. Разумеется, выражение *hard-driving*, «подстегивание», «сильно заводит» — само по себе характернейший американизм. Это выражение обозначает своеобразное сочетание динамизма, настойчивости и еще, пожалуй, своего рода безжалостности — безжалостности по отношению и к себе, и к другим. «Сильно заводит» и «заводится с пол-оборота» — едва ли не лучшая похвала, которая может адресоваться почти всему на свете, от музыки до собак, но это не просто похвала: наличие этого качества может даже служить своего рода компенсацией вины пьяниц, распутников и, *mirabile dictu**, страдающих ожирением. Японцев нельзя назвать нацией бездельников. Многие служащие в высшей степени преданы своей работе, они проводят дома совсем мало времени и, выйдя наконец на пенсию, обнаруживают, что просто не знают, чем заняться, за что их прозвали «опавшими листьями» [wet leaves]. Судя по поведению японцев во Второй мировой войне, когда для выкуривания японских войск с некоторых островов Тихого океана зачастую приходилось использовать огнеметы, прежде чем горстка выживших принимала решение сдаться¹⁵, они превосходят всех

¹⁴ Так, например, поставлено дело в *J. M. Smith Corporation*, Северная Каролина; см. об этом: <http://www.jmsmithbenefits.com/wellnessplan.htm>.

* Как ни странно (лат.). — Прим. перев.

¹⁵ Данные о японских потерях см. в работе: J. Stokesbury, *A Short History of World War II*, New York, N.Y., William Morrow, 1980, pp. 335—336.

умением терпеть страдания. При этом в опросах американцы вдвое чаще японцев говорили, что ради успеха готовы терпеть какие угодно мучения. А когда был задан вопрос о готовности людей пойти ради успеха на что угодно, разница увеличилась еще вдвое — до четырех к одному¹⁶.

Вероятно, только чудовищным давлением, под которым находятся американцы и которое они сами и наращивают, можно объяснить, отчего они, несмотря на необъятные материальные блага, так же далеки от счастья, как все прочие люди¹⁷. Вероятно, именно из-за этого давления они совершают так много насильственных преступлений и так жестоко наказывают преступников. Этим объясняется и то, почему они так часто ходят к психологам и психиатрам, почему принимают все больше всевозможных пилюль. В расчете на душу населения американцы покупают больше продаваемых без рецепта лекарств, чем все остальные, за исключением канадцев¹⁸. Не все принимаемые снадобья законны. Согласно имеющимся оценкам, американцы ежегодно употребляют по 3,8 г наркотиков на человека. Это почти втрое больше, чем в Великобритании, в три с лишним раза больше, чем в Канаде, и почти в пять раз больше, чем в Нидерландах, где легализовано использование «легких» наркотиков¹⁹. Многие из этих проблем взаимосвязаны и образуют порочный круг. Чем больше люди подвержены стрессу, тем они предположительно более склонны прибегать к наркотикам ради краткосрочного, пусть и вредного для здоровья, расслабления. Чем больше наркотиков они потребляют, тем безжалостнее правительство — заметим,

¹⁶ Tadao Kagano et al., *Strategic vs. Evolutionary Management: U.S.-Japan Comparison of Strategy and Organization*, Amsterdam, North Holland Press, 1985, pp. 55—90; Masahiko Aoki, *Information, Incentives and Bargains in the Japanese Economy*, Cambridge, Cambridge University Press, 1988, pp. 61—64.

¹⁷ См. об этом опубликованную недавно книгу: G. Easterbrook, *The Progress Paradox: How Life Gets Better while People Feel Worse*, New York, N.Y., Random House, 2003, особенно pp. 164—213.

¹⁸ Данные за 1996 г. из официальной статистики ОЭСР, “Pharmaceutical Policies in OECD Countries”, 2000, p. 66, table 4, and p. 67, table 5.

¹⁹ International Narcotics Control Board, “Estimated World Requirements of Narcotic Drugs for 2005” (http://www.incb.org/pdf/e/tr/nar/2005/Narcotics_2005_ebook.pdf).

правительство, избранное ими самими, — борется с наркоманами и поставщиками наркотиков. Чем беспощаднее эта война, тем выше цены и значительнее стресс, и т.д.

Все это не способствует ни психическому здоровью, ни высокому качеству жизни. Уже Токвиль подозревал, хоть и не имел тому доказательств, что умопомешательство распространено в США больше, чем в любой другой стране²⁰. По оценке Национального института психиатрии, в 2000 году 44 млн человек, то есть более чем каждый пятый из числа совершеннолетних американцев, страдал от «диагностируемого психического расстройства», и если эти данные сопоставимы, то они вдвое превышают соответствующие цифры по Великобритании²¹. По данным одного международного исследования, использовавшего 39 показателей качества жизни, в 2002 году в США первое место по качеству жизни занял Сан-Франциско. При этом в мировом рейтинге он оказался только на 20-м месте, уступая сопоставимым городам Европы, Канады и Новой Зеландии²². По данным другого исследования, США заняли 13-е место среди 111 стран, а во главе списка оказались Ирландия, Норвегия, Люксембург, Швеция и Австралия²³. Возможно, именно стресс объясняет и то, почему американцы объедаются так, что в результате в Америке больше тучных людей, чем в любой другой стране мира, не считая Словакии. Наконец, в Америке живет больше лауреатов Нобелевской премии по медицине, чем в любой другой стране. Америка расходует на здравоохранение больший процент ВВП, чем любая другая страна, и располагает лучшими

²⁰ *Democracy in America*, ii, p. 147. [Рус. пер.: Токвиль А. де. Указ. соч. С. 395.]

²¹ National Institute of Mental Health, “The Numbers Count: Mental Disorders in America”, 2001 (www.nimh.nih.gov/publicat/numbers.cfm); A. Hopkins, “A Lesson for Neurologists from the United Kingdom Third National Morbidity Survey”, 1989 (<http://jnnp.bmjournals.com/cgi/content/abstract/52/4/430>).

²² J. Hopps, “Survey Ranks World’s Best, Worst Places to Live”, 4.3.2003. (<http://www.meritcare.com/news/world/viewarticle.aspx?id=9273>). Данный опрос был проведен Mercer Human Resource Counseling.

²³ L. Kecik, “The World’s Best Country”, The Economist Intelligence Unit, 2005 (www.idaireland.com/uploads/documents/External_publications/BestCountry_2.pdf).

и самыми передовыми медицинскими технологиями. И при этом по показателю ожидаемой продолжительности жизни она занимает одно из последних мест среди стран ОЭСР²⁴. Таковы радости от принадлежности к «заводному» народу [driven people].

Америка — это не только «заводные» американцы, это еще и ее «заводная» коллективная душа. По существу, Америка — собрание (слово «союз» слишком сильное) индивидов. Нет сомнений в том, что у демократии, особенно по-американски, с множеством ограничений на то, что дозволено делать правительству, много преимуществ. Однако она не обязательно делает жизнь легкой для тех, кто живет при демократии и предпочитает жить при демократии. Какая бы проблема ни возникла (а что такое жизнь, как не бесконечная череда проблем?), американцы — «мы, народ» (цитируя первые слова Конституции США), — считают себя в ответе за нее, иначе как бы они смогли и дальше быть, выражаясь словами романиста Германа Мелвилла, «первопроходцами мира»²⁵? Будучи в ответе за все, они обязаны исправить все как можно быстрее и основательнее: в конце концов, вся цель американской жизни, как сказано в конституции, в том, чтобы создать «более совершенный союз». Лучшее всех эту идею выразил Франклин Лейн, министр внутренних дел при президенте Вудро Вильсоне: «Здесь у нас нет господина, кроме самих себя... Если в этой стране нет Справедливости, это наша вина. Если факел свободы коптит или гаснет, это наш грех. Если наш флаг падет, все гонимые и страждущие в других странах падут духом и будут нам вечным упреком все те, кто украсил его звездами на исполненном надежды голубом фоне и прочертил его полосы на внушающем мужество красном»²⁶.

²⁴ Данные за 2001 г. Obesity: OECD Health Data, 2004, table 20. Health-care expenditure; *ibid*, table 10. Life expectancy: *ibid*, table 1 (www.oecd.org/document/16/0,2340,en_2649_37407_2085200_1_1_1_37407,00.html)

²⁵ Цит. по: A. Brinkley, "The Concept of the American Century", in R. L. Moore and M. Vaudagan, eds., *The American Century in Europe*, Ithaca, N.Y., Cornell University Press, 2003, p. 8.

²⁶ Цит. по: D. King, *Making Americans: Immigration, Race, and the Origins of the Diverse Democracy*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 2000, p. 13.

Наконец, Америка — это построенное в Новом Свете новое общество, само себя создавшее и создающее. Оно куда менее прочих ограничено своим прошлым или связано с ним. Добавьте сюда идею личной ответственности, и становится ясно, почему американцам так трудно мириться с тем, что в их глазах является злом. Зло не есть нечто неизбежное и неизменное, с чем общество должно справляться настолько, насколько у него хватает сил. Оно и не создано Богом, чтобы людям было с чем сражаться и тем самым очищать себя. Нет, оно представляет собой — и здесь опять просматривается параллель с романом «1984» — позорное пятно, от которого следует избавиться.

Соединенные Штаты Америки и в самом деле ушли бесконечно далеко от пуританского сообщества, каким они были в самом начале. Это, однако, не ослабило первоначального побуждения, а усилило его, потому что страна стала куда более могущественной, чем могли представить себе отцы-пилигримы в своих самых безумных мечтах. Их целью было построение маленького, свободного от грехов Иерусалима силами горстки изолированных сообществ, отвоевавших у дикой природы немного места для выживания. Постоянно расширяясь, к концу XX века американцы завоевали весь мир, а совершенствование этого мира стало их путеводной звездой. Во всем, от труднейших национальных проблем до обеспечения того, чтобы малыши не слишком увлекались кока-колой, потому что им это (предположительно) не на пользу, результатом является неустанное и нескончаемое стремление к Утопии.

Некоторые превозносят это стремление как основу чрезвычайно быстрого развития Америки, ее нынешнего величия и будущего роста²⁷. Другие, ужаснувшись абсолютной нелепости всего предприятия, соглашаются с Блейком, увидевшим «берега, пламя Орка которые жрет». Быть святым или стремиться к святости — задача нелегкая. За пределами США это с равным успехом вызывает как конфликты с иностранцами, не перестающими изумляться потребности американцев в постоянных заверениях, что их страна действительно самая великая и чудесная на свете, так и искреннюю благодарность и восхищение. Внутри страны неспособность уживаться со злом

²⁷ См.: M. A. Ledeen, *Tocqueville on American Character*, New York, N.Y., Truman Tally, 2000, pp. 42—60.

или с тем, что американцы в тот или иной момент решили считать злом, часто вела к попыткам социальных реформ, порой весьма причудливых.

Америка, будучи изначально демократической, была избавлена от худших форм революции и тирании, терзавших остальной мир последние двести лет. Здесь не было ничего, подобного французской революции, русской революции, фашистской революции, нацистской революции и китайской революции со всеми их чудовищными последствиями для миллионов людей. Сколь бы отталкивающими ни были многие лидеры Америки, среди них не было таких фигур, как Робеспьер, Ленин, Сталин, Гитлер, Мао или Пол Пот. Среди них не нашлось даже никого вроде Муссолини или Франко, которые были мелкой сошкой в стане диктаторов. По сравнению с этими лидерами и этими историческими событиями, американская жизнь, за частичным исключением Гражданской войны, — это история мира и любви, даже с учетом рабства. Этим, разумеется, и объясняется то, что многие миллионы людей после перенесенных ими гонений видели и видят в Соединенных Штатах Америки райское убежище.

Но нужно признать и то, что в Америке всегда были и есть ее собственные демоны. В конце XVII века, когда процессы над ведьмами сходили в Европе на нет, в Салеме, штат Массачусетс, суд приговорил к сожжению 14 женщин и пять мужчин²⁸. Когда в XVIII—XIX веках Европа начала движение к секуляризации, Соединенные Штаты пережили несколько периодов религиозного ревайвализма (возрожденчества)²⁹. Служителям культа (среди которых попадались люди настолько неотесанные, что их не допускали в обычное общество, а некоторые были замешаны в практиках, неприемлемых для большинства американцев, вроде полигамии) всегда удавалось привлечь массу последователей. Они изгоняли дьявола, распевали гимны, осанну и аллилуйю, чтобы подстегнуть эмоции толпы и довести верующих до конвульсий при покаянии во всевозможных грехах. Если они сами и не претендовали на то, что творят

²⁸ См. прежде всего: F. Hill, *A Delusion of Satan: The Full Story of the Salem Witch Trials*, New York, N.Y., Da Capo, 1995.

²⁹ См. превосходный недавний анализ: J. A. Morone, *Hellfire Nation: The Politics of Sin in American History*, New Haven, Conn.: Yale University Press, 2004 *passim*.

чудеса, вводя свою паству в состояние, когда те воют, лают и содрогаются, то они определенно предоставляли творить их Богу там и тогда, где и когда им было нужно. Многие согласны, что начиная примерно с 1976 года страну охватила очередная волна религиозного возрождения, и потому нет ничего удивительного, что подобные зрелища не редкость даже сегодня. Бывший президент Клинтон в своих мемуарах, этом превосходном зеркале американской жизни, рассказывает о том, как в родном Литл-Роке был свидетелем церемонии, более напоминающей вудуистскую магию, чем христианство основных деноминаций³⁰.

Остановимся на кампаниях прошлого столетия, которые имели больший или меньший успех — благодарение Богу, это относится не ко всем, — в их числе усердные попытки очистить половую мораль нации, остановить распространение «непристойностей» по почте и заткнуть рты тем, кто пытался предоставлять информацию о контрацепции и абортах. Как только начала утихать кампания, начатая в 1873 году с принятием закона Комстока* (по имени почтового инспектора Комстока, назначенного Конгрессом для проведения этого закона в жизнь), как началась эпоха сухого закона, введенная поправкой к конституции — никак не меньше. Через 12 лет сухой закон был отменен еще одной поправкой к конституции, а с концом Второй мировой войны начался период длинной в сорок пять лет, когда главной целью подозрений, а порой и преследований, были коммунисты.

С крахом Советского Союза коммунисты стали вымирающим видом, так что мог бы возникнуть вакуум, если бы его нишу не заняла политкорректность. Она создала ситуацию, когда люди стали бояться называть лопату лопатой из опасений, что обидятся все остальные лопаты. Например, были прекращены все исследования, которые могли бы доказать, что женщины умнее мужчин (или наоборот). Сегодня в посланцев сатаны превратили курильщиков, которые не могут или не желают отказаться от своей привычки (в демократической

³⁰ Clinton, *My Life*, pp. 249—251. [Рус. пер.: Клинтон У. Дж. Указ. соч. 275—277]

* Закон Комстока объявлял незаконной пересылку литературы, имеющей «непристойный, похотливый или развратный» характер. — *Прим. перев.*

стране, которая день за днем приближается к совершенству, допустимы только полезные привычки) и намеренно травят окружающих. Сегодня разоблачены продавцы быстрой и недорогой еды, которые, оказывается, нарочно готовят жареную картошку и котлеты так, чтобы граждане впадали в зависимость от этой нездоровой пищи. Вдруг из адской тьмы, где они таились, возникли толпы совратителей и растлителей малолетних, затмили горизонт своими мерзостями, и требуются срочные меры по их подавлению³¹.

Хотя цели крестовых походов и меняются, но их общая схема остается неизменной³². В обществе, которое было и остается по преимуществу пуританским, каждый крестовый поход начинается с небольшой армии фанатиков и любителей лезть в чужие дела. Они одержимы стремлением искоренить зло, спасти мир и по возможности увеличить свою силу и влияние. Иногда они не брезгают распространением фантастических угроз. Например, в начале XX века якобы каждый год происходило «60 000 похищений невинных девиц», которых потом помещали в бордели больших городов³³. Если бы экстремистские утверждения борцов с курением были хоть наполовину верны, половина страны уже покоилась бы на кладбище, а остальные, с наполовину разрушенными от курения легкими, тихо ждали бы своего часа сойти в могилу. Хотя борцы со злом редко бывают выходцами из высших слоев общества, им нередко удается найти поддержку наверху. Если никакие их уловки не действуют, они всегда могут поднять крик о том, что «наши дети в опасности». Начиная со времен, когда афиняне заставили Сократа выпить яд, этот лозунг зачастую приводил к самым бессмысленным преступлениям.

Затем за дело берутся жадные до сенсаций средства массовой информации и политики, мечтающие вовремя вскочить на подножку, а в них не бывает недостатка в стране, где информация столь свободна, как в США, и где массовые низовые организации играют столь важную роль в политической жизни. Университетские и прочие ученые тоже откликаются на призыв, украшают его множеством ссылок и примечаний,

³¹ См. об этом: K. Lyon, *Witch Hunt*, New York, N.Y., Avon, 1988.

³² О соответствующих механизмах см.: Morone, *Hellfire Nation*, pp. 45, 112—113, 268, 282—283, 316—317, 343, 388, 476.

³³ Morone, *Hellfire Nation*, p. 262.

просвещают друг друга на научных конференциях, а заодно собирают гранты на исследования. Пропаганда и реформистский зуд быстро начинают перерастать в политические действия. Начавшись на местном уровне и быстро распространяясь навверх, крестовый поход порождает множество новых законов и новых полицейских учреждений: именно так возникли ФБР и Управление по борьбе с наркотиками. Боясь остаться в стороне от главных событий, в дело включаются и существующие ведомства. К примеру, так произошло, когда министерство обороны создало особую службу для борьбы с грозящей Америке страшной опасностью — распространяемыми в Интернете фотографиями обнаженных детей³⁴.

Вскоре эти ведомства начинают вторгаться в частную жизнь и преследовать людей. Им помогают стихийно возникающие группы добровольцев, которые либо молятся перед барами, как в дни перед введением сухого закона, или, как после 2000 года, играют в полицейских, патрулируя границы, чтобы поймать нелегальных иммигрантов. Работодатели требуют, чтобы их работники либо бросали курить, либо их уволят³⁵. Мужчин и женщин начинают расспрашивать об их привычках и убеждениях. Нарушается даже право частной собственности — самая священная корова американского общества. Замораживаются банковские счета заподозренных (не осужденных) в торговле наркотиками. Конфискации подвергаются машины и суда, в которых были найдены наркотики. Целые отрасли, вроде производителей силиконовых имплантатов для груди, объявляются пагубными и доводятся до банкротства. Время от времени воронка засасывает видных политиков, привлекая всеобщее внимание и добавляя остроты сводкам новостей, поскольку демократы и республиканцы с удовольствием используют друг против друга грехи представителей своего противника.

Но в пользу Америки говорит то, что до сегодняшнего дня у всего этого были и есть определенные границы. Как свидетельствует недавняя реабилитация производителей силиконовых

³⁴ P. Roberts, "Defense Department Uses New Tools to Fight Child Porn", 25.1.2005 (<http://www.pcworld.com/article/id,119434-page,1/article.html>).

³⁵ "Quit Smoking or Quit Your Job, U.S Company Says", 26.1.2005 (<http://www.prisonplanet.com/articles/january2005/270105quit-smoking.htm>).

имплантатов для груди³⁶, рано или поздно наступает обратная реакция. Возникает понимание, что охотники на ведьм приносят больше вреда, чем сами ведьмы. Крестовый поход выдыхается, уходит в прошлое. Публикуется масса работ с выражением сожалений о случившемся и рекомендацией людям в следующий раз быть рассудительнее и осмотрительнее, прежде чем начать преследование своих сограждан. Но все это только после того, как невезучие попались в сети и пострадали, после того, как добавится еще один слой к и без того огромной куче запретов и ограничений, в рамках которых живут простые люди, и только после создания новых правоохранительных органов, которые, обнаружив, что поставленная задача отменена, а цель выведена из-под огня, сделают все возможное, чтобы найти для борьбы новых монстров.

Каждый крестовый поход пытается улучшить людей, заставить их отказаться от плохого поведения (либо примерно наказать, если они не смогут или не захотят сделать это) и превратить в святых, живущих исключительно чистой жизнью. Движение за сухой закон сумело, во всяком случае, превратить некоторых людей в чудовищ, а всех остальных — в правонарушителей. Несмотря на уроки, преподанные провалом сухого закона, курильщиков почти наверняка будут преследовать с той же энергией, с какой в былые дни преследовали пьяниц, а в наши дни — наркоманов. Даже того факта, что без марихуаны некоторые лезут на стену от боли, для администрации Клинтона оказалось недостаточно, чтобы сделать для них исключение, а затем тот же подход подхватила администрация Буша и санкционировал Верховный суд³⁷. К 2007 году

³⁶ E. Mechatie, "FDA Panel Gives Mixed Advice on Silicone Implants", *Internal Medicine News*, 38, 10, 15.515.2005; CBS/AP, "Panel Oks Silicone Gel Implants", 15.10.2003 (<http://www.cbsnews.com/stories/2003/10/08/health/main577194.shtml>).

³⁷ "Clinton Administration Response to State Initiatives" [о разрешении использовать марихуану в медицинских целях], Washington D.C., 1997 (www.marijuana-as-medicine.org/administration.html); G. Holland, "High Court to Hear Medical Marijuana Case", 29.11.2004 (http://www.redorbit.com/news/health/106815/high_court_to_hear_medical_marijuana_case/index.html); G. Holland, "Court Rules against Pot for Sick People", 6.6.2005 (http://www.redorbit.com/news/general/154059/court_rules_against_pot_for_sick_people/index.html).

жгучей проблемой, которую одни американцы использовали, чтобы преследовать и дискриминировать других, было право гомосексуалистов вступать в брак и пользоваться такими правами семейных пар, как пособия по уходу за больными и возможность воспитывать приемных детей. Многие, начиная с президента Буша, решили, что необходима поправка к конституции, которая запретила бы геям покушаться на святость брака. Как будто американцы с их самым высоким в мире показателем количества разводов не нарушают эту святость тысячи раз на день.

На деле, конечно, американский Союз вряд ли стал или становится более «совершенным» в каком-либо абсолютном значении слова. Одна из причин состоит в том, что американцы не могут договориться между собой по поводу того, что считать совершенством. Одни требуют большего правительственного вмешательства ради достижения большего равенства, другие хотят, чтобы дали волю свободному рынку, не глядя на последствия. Одни требуют, чтобы каждый, когда-либо осужденный за владение фотографией обнаженного ребенка, был подвержен кастрации, другие настаивают, что право иметь такого рода картинки и любоваться ими является столь существенной частью свободы, что посягательства на него недопустимы. Одни верят, что аборт — абсолютное зло, другие — что ничто не должно ограничивать право женщины «выбирать». Эти и мириады других вопросов обсуждаются не во имя наибольшего счастья для наибольшего числа людей, поскольку оно играет второстепенную роль, а рассматриваются сквозь призму высоких, прямо-таки священных принципов.

Другая и, пожалуй, еще более важная причина того, что совершенство, или хотя бы продвижение к нему, остается недостижимым, заключается в изменчивости представлений о должном, как и всего в нашем мире. Если на протяжении большей части американской истории людей китайского и японского происхождения оценивали невысоко и всячески их притесняли, то начиная примерно с 1970 года стало почти честью сочетаться браком с представителями этих групп, которые вдруг оказались самыми прилежными, интеллигентными и успешными из всех. Если в 1920-е гг. изображения курящей женщины воспринимались как нечто малопрстойное и подвергались цензуре, то спустя десять лет женские сигареты стали известны как «факелы

свободы»³⁸. На этом, однако, дело не кончилось. Прошло еще шестьдесят лет, и за попытку закурить любого могут буквально распять. Кто знает, что готовит нам будущее в этом и во многих других отношениях? Если на протяжении большей части американской истории преобладало пуританство, сексуальные отношения регулировались очень жесткими правилами, а людей привлекали к суду за использование почты для рассылки «непристойностей», то 1960-е гг. принесли «сексуальную революцию» и требование заниматься не войной, а любовью. Но и эта революция была в свой черед сметена поворотом к морали в 1980-е гг. Тем самым поворотом, вызванным страхом перед СПИДом, который вернул к жизни установки, давно, казалось бы, канувшие в прошлое³⁹.

Американцы то размахивают флагом, то сжигают его, а потом опять начинают им размахивать (и грозить наказанием каждому, кто в этом не участвует). Вот страна двинулась в сторону большей политической централизации, а вот она повернула (или попыталась повернуть) в обратном направлении и настаивает на приоритете прав штатов. Вот она выступает за доминирование президентской власти, а вот в фавориты выбился Конгресс. Обычно Конгресс выходит в любимцы публики в результате зарубежных авантюр, которые оказались или показались менее удачными, чем того хотелось бы. Так получилось, например, после Первой мировой войны, когда Конгресс отверг требование Вильсона присоединиться к Лиге Наций, а потом еще раз в ноябре 1973 года, когда он принял Закон о военных полномочиях, ограничивший роль президента и усиливший роль Конгресса в принятии решений об американском военном вмешательстве за пределами США. Вот США расширяют свое вмешательство в мировые дела, а вот они склоняются к отходу от них, к изоляционизму и самоуглубленности.

В 1930-е гг. большинство американцев считали своими злейшими врагами Сталина и коммунизм, если не считать, пожалуй, презренных япошек. После Пирл-Харбора Сталин превратился в «дядю Джо», а япошек стали презирать еще больше. Как

³⁸ Об этом странном эпизоде см. E. Foner, *The Story of American Freedom*, pp. 180–181.

³⁹ См. об этом: E. M. Schur, *The Americanization of Sex*, Philadelphia, PA., Temple University Press, 1988.

только окончилась Вторая мировая война, Сталин стал быстро превращаться в сатану, а вот японцы — а с ними, разумеется, и немцы — встали на путь исправления. Злодеи превращаются в друзей, друзья — в злодеев. За пару лет до 1991 года Вашингтон все еще видел в Саддаме Хусейне союзника. Совершенные им преступления по большей части старались не замечать: пусть он сукин сын, зато это *наш* сукин сын, который помогал нам воевать со злодеями из Тегерана. Когда Джордж Оруэлл сказал, что его роман «1984» до известной степени был карикатурой на Соединенные Штаты Америки, он вполне мог иметь в виду именно такие повороты⁴⁰.

За этими поворотами политики стоит склонность демократического народа, которому некого винить в ошибках, кроме самого себя, бросаться от крайнего самодовольства к яростному самобичеванию и обратно — склонность, отражающая сочетание предельного динамизма с пуританством. Весь цикл нередко укладывается в несколько лет, а то и меньше. В 1919 году страна с полным на то основанием гордилась победой в Первой мировой войне. Прошло несколько лет, войну начали воспринимать как огромную ошибку, и соответственно были резко осуждены все те, кто предположительно втянул Америку в европейскую бойню. Чтобы предотвратить повторение подобной ситуации, в 1930-е гг. Конгресс принял четыре закона о нейтралитете — в 1935, 1936, 1937 и 1939 гг. Потребовалось менее двух лет, чтобы эти законы были сочтены заслуживающими порицания, поскольку они способствовали успеху Гитлера, Муссолини и Того.

В 1980 году кандидат в президенты Рональд Рейган сделал основой своей предвыборной агитации одну из экономических болезней или то, что казалось таковой. Через четыре года на вопрос о том же самом ответом было бы громогласным «да!». Но Рейган был переизбран подавляющим большинством и покинул свой пост, обладая рейтингом, более высоким, чем какой-либо президент до или после него. Более того, можно утверждать, что величайшим достижением «великого коммуникатора» было то, что он пробудил в американцах хорошее отношение к самим себе. Когда Джорджу Бушу-старшему оставалось менее двух лет до конца срока, многие из тех, кто еще

⁴⁰ В. Crick, *George Orwell: A Life*, Harmondsworth, Middlesex, 1980. p. 566.

недавно ликовал по поводу американской победы над Ираком, вдруг задумались о том, что, «фундаментальная для Америки уверенность, что следующее поколение будет жить лучше, чем предыдущее, оказалась на грани краха»⁴¹ — и это в то время, когда вот-вот должна была наступить эра Клинтона! Так восторженный подъем вечно сменяется сомнениями и опасениями. И очень часто никто не в силах понять причины этих перемен.

В условиях царящей нестабильности предназначением суда, и особенно Верховного суда (хотя и не только его), должна быть опора на конституцию для обуздания этой нестабильности. На практике Верховный суд часто напоминает платоновского дрессировщика зверей. Он должен управляться с большим и потенциально опасным зверем, а потому всегда рискует принять за объективное благо именно то, чего хочет зверь в данный момент. Суды могут сколько угодно гордиться своей независимостью и объективностью, но решения судов не могут не быть зеркалом общественного мнения. Вчера эти решения отражали желание не допускать смешения рас (*Plessy v. Ferguson*, 1896), сегодня они запрещают сегрегацию и налагают суровые наказания на тех, кто ее допускает (начиная с решения по делу *Brown v. Board of Education*, 1954). То выигрывает идея свободы самовыражения, то обратные ей пури坦ство и цензура мысли.

Например, в 1915 году суд решил, что кино — это средство «развлечения», а потому не имеет права на свободу слова в соответствии с Первой поправкой. Из фильмов начали вырезать сцены, в которых балерины курили, а полицейские появлялись в нижнем белье: первые были виноваты в том, что подавали дурной пример, а вторые выставляли правительство в смешном свете⁴². Тот же самый Верховный суд, который в 1973 году легализовал аборты (дело *Roe v. Wade*), теперь всячески их ограничивает, а если возобладает позиция более консервативных судей, то и запретит их⁴³. Как показывает этот

⁴¹ Leach, *Land of Desire*, p. 389.

⁴² J. W. Chambers, *The Tyranny of Change: America in the Progressive Era, 1890–1920*, New Brunswick, N.J., Rutgers University Press, 2000, p. 123.

⁴³ W. Mears and B. Franken, “Thirty Years After Ruling Ambiguity, Anxiety, Surround Abortion Debate” (www.cnn.com/2003/LAW/01/21/roevwade.overview/).

пример, было время, когда система помогла женщинам получить контроль над собственным телом. Тридцать лет спустя мать, у которой при родах погибли двойняшки из-за ее отказа от кесарева сечения, была осуждена за убийство⁴⁴.

Было время, когда Верховный суд поддерживал политику «дискриминации наоборот» в пользу меньшинств (включая женщин — единственное «меньшинство», которое является большинством), но теперь он, по-видимому, от нее отказывается. Было время, когда он давал зеленую улицу искам об ответственности, но потом он предпринял так называемую контрреволюцию гражданской ответственности⁴⁵. Амнезия — общая для всей нации хворь, и люди часто не осознают, что принимаемое ими за святую истину прямо противоположно тому, что они делали или во что верили прежде. Так, утверждается, что горизонты «поколения X» (рожденного между 1965 и 1980 г.) исключают все, что происходило до Рональда Рейгана, а их преемники, по-видимому, не будут иметь ни малейшего представления о жизни до Уильяма Дж. Клинтона⁴⁶. Наконец, в обществе, где каждый должен вопить во весь голос, чтобы пробиться вперед, непостоянство усиливается шумихой поистине вселенских масштабов⁴⁷. Все либо делается *con brio**, либо не существует.

Таким образом, нация не только все время ищет способы избавления от зла, но еще и в разное время очень по-разному определяет, что такое зло. Разумеется, в других странах тоже случаются зигзаги. Еще древнегреческий философ Гераклит сказал, что нельзя войти дважды в одну и ту же реку. Еще в немецкой средневековой легенде возникла фигура Фауста, человека, который не мог успокоиться, пока не покорит небеса. Еще в XVII веке французский мудрец Паскаль (а не какой-нибудь американский телевизионный гуру) писал, что человек не способен провести всю жизнь в тиши своей комнаты, ничего не делая. Америку отличает от других лишь то, что это настоящая

⁴⁴ Yahoo! News, 12.3.2004.

⁴⁵ Friedman, *American Law*, pp. 523—547.

⁴⁶ W. Lester, “Washington Lags in Polls of Top Presidents”, Yahoo! News, 20.2.2005.

⁴⁷ См. об этом в работе: B. Glassner, *The Culture of Fear: Why Americans Are Afraid of the Wrong Things*, New York, N.Y., Perseus, 1999.

* С жаром (*ит.*, *муз.*). — *Прим. перев.*

демократия. Здесь, как ни в какой другой стране, люди сами, своим сознательным решением определяют, как именно пойдут изменения. Это означает, что они должны быть убеждены, а еще — что они, в свой черед, должны убедить своих правителей, которых сами избрали из своих рядов, претворить в жизнь желания народа. Потому-то все и делается с жаром, равного которому нет на земле; потому-то задолго до того, как несравненная мощь американцев поставила их перед необходимостью быть безупречными во всем, эта нация не могла смириться с идеей, что прежде они были, ну... не совсем безупречны.

Создавшая саму себя, сравнительно новая, населенная людьми, чей напор таков, будто за ними гонится сам дьявол, людьми, которые стремятся к совершенной жизни для себя и своих детей, — ни одна страна не предоставляет более благоприятных условий для перемен, чем Америка, и ни одна страна не меняется так быстро и так охотно. Работая над этой главой, я читал книгу о борьбе, которая началась в 1565 году и спустя восемьдесят лет обеспечила Нидерландам независимость от Испании⁴⁸. В книге довольно много страниц занимают изображения одних и тех же мест в те времена (репродукции картин старых мастеров) и теперь. За прошедшие четыре столетия население страны выросло в восемь раз, что по американским стандартам немного. Эти места были свидетелями промышленной революции и всего, что она принесла, — новые дома, новые заводы и транспортные магистрали (и даже совершенно новые виды транспорта) и пр. И при этом многие дома, церкви, мосты, крепостные укрепления и тому подобное легко узнаваемы: они если и изменились, то совсем немного.

В США все иначе. Американцы не просто продолжают мигрировать с места на место: отсутствие постоянства как будто встроено в структуру общества. «В этой стране все не так, как двадцать лет назад... Перед нами новая организация общества... Мы изменили совершенно все экономические условия, сверху донизу, а вместе с ними и всю организацию нашей жизни» (Вудро Вильсон, 1913)⁴⁹. Возьмем самое нагляд-

⁴⁸ R. De Graaf, *Oorlog, Mijn Arme Schapen: Een Andere Blik of the Tactichjarige Oorlog, 1565—1648*, Faneker, Van Wijnen, 2004.

⁴⁹ Цит. по: Chambers, *The Tyranny of Change*, p. 127.

ное свидетельство: в колониальный период средний американский жилой дом стоял сотню лет, прежде чем его сносили и строили новый. К 1960-м гг. этот показатель снизился на 60%⁵⁰. С тех пор он упал еще ниже, и во многих больших городах настоящее исчезает чуть ли не быстрее, чем успевает превратиться в прошлое. То, что в случае индивидуальных жилых домов обеспечивается легкостью конструкции, в многоэтажных строениях достигается с помощью троса с чугунной бабой или динамита. В результате в большинстве американских городов, а тем более в самых быстрорастущих городах, мало что можно назвать «почтенным» и «освященным временем». Если «почтенное» и существует, то оно становится таковым, когда на стену здания вешают мемориальную доску. А как только это произошло, возникает необходимость привлечь туристов, чтобы поддержать поток доходов. Результатом зачастую оказывается что-нибудь вроде цирка, парка увеселений и ярмарки.

Почти с самого начала необходимость производства для массового рынка и скудость трудовых ресурсов привили американским предпринимателям готовность много инвестировать в технологии⁵¹. С другой стороны, скудость трудовых ресурсов позволяла американским рабочим с легкостью менять места работы, прихватывая с собой знание новейших методов и техники. Поэтому в США никогда не было ничего похожего на луддитское движение. Машины не считали злом даже «Рыцари труда», которые в 1870-х гг. были действительно радикальным, идеологически ориентированным профессиональным союзом⁵². Поэтому забастовки с требованием отказаться от внедрения новой технологии были редки, а попытки уничтожения станков и машин — еще реже.

Разница подходов отразилась и в литературе. Британский автор конца XIX века Уильям Моррис, социалист, художник, дизайнер, писатель и поэт, мечтал о возвращении к политической

⁵⁰ По данным из работы: A. Toffler, *Future Shock*, New York, N.Y., Bantam 1970, p. 55.

⁵¹ См. об этом: W. P. Strassmann, *Risk and Technological Innovation: American Manufacturing Methods during the Nineteenth Century*, Ithaca, N.Y., Cornell University Press, 1956.

⁵² См. об этом движении: N. G. Grob, "The Knights of Labor and the Trade Unions, 1878—1896", *Journal of Economic History*, 18, 2, 1958, pp. 72—92.

децентрализации, сельской старине и ремесленному, высокохудожественному производству как альтернативе промышленному обществу⁵³. В США все было иначе. Здесь журналист Эдвард Беллами мечтал о гигантских фабриках и универмагах, о подземной пневматической почте, через которую пересылаются товары, и о централизованной организации всей жизни общества. Чтобы обеспечить если не процветание, то хотя бы приемлемый уровень жизни, он готов был поступиться знаменитым американским индивидуализмом. Фактически он мечтал о фашистско-коммунистическом будущем, где все трудоспособные граждане состоят в единой «промышленной армии»⁵⁴. Его книга «Взгляд назад» (*Looking Backward*) была так популярна, что по всей стране возникли «Клубы Беллами», членами которых в какой-то момент было полмиллиона человек.

Тем временем неослабевающий поток технических инноваций преобразовал не только производство, но и образ жизни людей. К концу XIX века образ «ловкого янки» утвердился в качестве синонима изобретательности, пусть и не всегда положительного. Человеком, который стал символом времени и которого незадолго до его смерти публика назвала самым важным человеком в мире, был американец Томас Эдисон, хотя на эту роль с равным успехом могли бы претендовать такие его современники, как Александр Грэм Белл, Хайрем Стивенс Максим (изобретатель станкового пулемета), Генри Форд и авиаторы братья Райт. В те времена и позднее Эдисон прославился главным образом как изобретатель электрической лампочки, граммофонов и граммофонных пластинок («замороженной музыки», как говорили в свое время), а также менее известного «эффекта Эдисона», явления термоэлектронной эмиссии, что в конечном счете привело к изобретению электронной лампы. Менее известен тот факт, что он работал не в одиночку, а создал на доходы от своих изобретений большую промышленную лабораторию. Эта лаборатория была не единственной в мире, но именно она стала моделью для множества других⁵⁵.

⁵³ W. Morris, *News from Nowhere*, Boston, MA, Roberts, 1890.

⁵⁴ E. Bellamy, *Looking Backward, 2000—1887*, Harmondsworth, Middlesex, Penguin, 1987 [1888].

⁵⁵ См.: C. W. Bernard, "Building Thomas: Edison's Laboratory at West Orange, New Jersey", *History of Technology*, 13, 1991, pp. 150—167.

После 1945 года, когда американская экономика заняла доминирующее положение в мире, выросли ее расходы на исследования и разработки. Исследовательские центры появились в каждой большой корпорации: *DuPont*, *General Electric*, *IBM*... За 1940—1970 гг. число работников, занятых в области исследований и разработок, выросло в двадцать раз, а соответствующие расходы стали исчисляться миллиардами долларов, так что сами исследования превратились в целую отрасль экономики, которой посвящена огромная литература. Другим странам было трудно поспеть за Америкой, отчасти по экономическим причинам, отчасти из-за того, что количество научных работников в них практически всегда было меньшим, чем в США. Некоторые, особенно развивающиеся страны, пошли по пути использования дешевой рабочей силы, чтобы сбывать дешевые товары развитым странам, а на заработанную валюту развивать технически более современные и сложные производства. Другие, особенно небольшие развитые страны, как, например, Швейцария и Швеция, отступили в те рыночные ниши, где масштаб производства не имел большого значения и где они могли пустить в ход свои сравнительные преимущества. По меньшей мере одна страна, Япония, избрала стратегию гонки за лидером. Недостаточное количество собственных базовых исследований она компенсировала быстрым освоением чужих изобретений.

Поскольку только США — по крайней мере на Западе — продолжали лидировать по всему фронту, примерно до 1975 года мало кто сомневался, что они опережают всех во всем, в том числе и в области технологических разработок. В конце концов, за предыдущие 170 лет они были первыми более чем в половине важнейших 110 технологических инноваций⁵⁶. К тому же, в довершение успеха, разве не американцы осуществили проект «Аполлон», и разве Нейл Армстронг не водрузил на Луне звездно-полосатый флаг? Американское превосходство стало выглядеть менее убедительным, когда в конце 1970-х и в 1980-е гг. на американский рынок хлынул поток японских телевизоров и видеомагнитофонов, а также немецких станков и автомобилей. Тем не менее самые сложные виды продукции все-таки появлялись в Соединенных Штатах

⁵⁶ OECD, *Gaps in Technology; Analytical Report*, Paris, OECD, 1970.

Америки — в виде систем вооружений, от крылатых ракет до дистанционно-управляемых беспилотных самолетов⁵⁷. Как указывает само выражение «системы вооружений», речь шла не просто о смертоносных машинах. С точки зрения рассматриваемого предмета, то есть технических новшеств, их важность состояла в том, что они воплощали целый спектр новейших технологических достижений, от композитных материалов до электроники.

Затем, с началом компьютерной революции 1990-х гг., США вернулись на первое место, а количество книг, превосходящих японские технологии, пошло на убыль. Начиная с 2000 года США получили 205 000 международных патентов — втрое больше, чем стоящая на втором месте Япония, и втрое больше, чем Германия, Франция и Великобритания, вместе взятые⁵⁸. Подобно ряду предшествовавших изобретений, таких как паровой двигатель, электродвигатель и двигатель внутреннего сгорания, компьютеры находят применение в самых разных областях. Микрочипы нашли место практически повсюду, от телефонных аппаратов до электрогенераторов, от кофеварок до реактивных самолетов. Сила американского возрождения нашла отражение в экстраординарном успехе таких компаний, как *Yahoo!*, *Google* и прежде всего *Microsoft*: основателя последней, Билла Гейтса, кто-то даже сравнил с Цезарем и Наполеоном. У всех этих компаний были иностранные конкуренты, вот только не было за границей ни одной равноценной им. А с учетом их положения на мировых рынках маловероятно, что в обозримом будущем смогут появиться сопоставимые по мировому влиянию иностранные компании.

В 2000 году США вложили в исследования и разработки 318 млрд долларов — на 75% больше, чем Европейский союз, и даже если скорректировать цифры с учетом сорокапроцентного роста курса евро в последующие шесть лет, разница все равно составит 25%⁵⁹. Нужно признать, что при сравнении

⁵⁷ См. об этом: J. S. Gansler, *The Defense Industry*, Cambridge, MA, MIT Press, 1982, pp. 97–109, 162–203, 254–256.

⁵⁸ AP, “UN: World’s Cos. Filed for 1M Patents”, *Yahoo! News*, 14.01.2005.

⁵⁹ J. Chu, “How to Plug Europe’s Brain Drain”, *Time Europe*, 11.1.2004 (www.time.com/time/europe/html/040119/brain/story.html).

стран по количеству ежегодно публикуемых статей на одного ученого США окажутся только на 17-м месте, но это, видимо, лишь игра статистики. Хотя США существенно отстают от таких малых стран, как Швейцария, Швеция и Израиль, производительность американских ученых была выше, чем японских, и на уровне производительности ученых в таких средних странах, как Великобритания, Германия и Франция.

Между тем количество имеет значение. За пятилетний период, с 1999 по 2003 г., в США было опубликовано столько же научных статей, сколько в четырех странах (Япония, Великобритания, Германия и Франция), вместе взятых. За указанный период в США было опубликовано 1,25 млн статей, что составило более трети научной продукции всего мира. Областью, в которой доминирование США выражено особенно сильно, является (ничего удивительного!) право — более 85% опубликованных в мире статей. Затем идут образование (58%), общественные науки (55%) и психиатрия/психология (54%). Доминирование США несколько менее выражено в области естественных наук, где их доля в мировой научной продукции составила от 48% (науки о космосе) до 20% (материаловедение). Впрочем, из 25 областей, охватывающих всю науку, не было ни одной, в которой какая-либо другая страна производила больше статей, чем Соединенные Штаты Америки.

Если взять верхний (по цитируемости) 1% статей, мы обнаруживаем, что на каждую американскую статью появилось 140 ссылок, т.е. примерно столько же, сколько на аналогичные по рангу публикации в других странах. В эту категорию вошли 51 тыс. научных статей, опубликованных в США. Это больше, чем во всех странах Европейского союза, вместе взятых (примерно 40 тыс.), и чуть больше половины столь же часто цитируемых статей во всем мире. Можно подняться еще выше по этой лестнице и отбросить не 99%, а 99,9% статей снизу. Здесь мы обнаруживаем, что на США приходится 62%, то есть 987 из общего числа 1584 статей. Можно, конечно, предположить, что на американские статьи ссылаются пропорционально чаще просто потому, что все они написаны на английском языке, а также в силу большой заметности самих США (не говоря о том факте, что сбором этой статистики занимается американский Институт научной информации — Institute of Science Information). Но даже с учетом всего этого нет сомнений,

что американские ученые и американская наука не хуже таковых любой другой страны и лучше, чем в большинстве стран⁶⁰; высококачественных статей в США выпускается на душу населения в десять с лишним раз больше.

Следует признать, что большая часть (некоторые полагают, что даже слишком большая) научных усилий Америки идет на разработку все более совершенного оружия, начиная от высокоточных боеприпасов до футуристических самолетов и противоракет для борьбы с баллистическими ракетами. Однако верно и то, что нет окончательной ясности в вопросе о связи между оборонными исследованиями и разработками, с одной стороны, и уровнем технического развития, с другой. До 1914 года классической страной науки и технологического прогресса считались не США, а Германия. В каталоге магазинов *Sears and Roebuck* за 1903 год, в этом замечательном зеркале американской жизни, довольно много товаров с определением «немецкое качество». Это и «немецкая» машинка для ремонта обуви, и «немецкие» носки, и, конечно же, «гейдельбергский пояс», предназначенный для лечения импотенции посредством электрических разрядов в соответствующий орган. Из этого каталога никак нельзя уяснить тот факт, что у Германии были мощные вооруженные силы, а у США — почти никаких.

В межвоенный период США по-прежнему содержали относительно малые вооруженные силы. Но к тому времени американская наука и американские технологии явно опережали всех, так что Германия, Советский Союз и другие промышленные страны начинали копировать американские достижения, а не наоборот. После 1945 года в Америке развился огромный военно-промышленный комплекс, что внесло в ситуацию совершенно новый фактор. Кое-кого это встревожило, в том числе президента Эйзенхауэра, и возникли опасения, что результатом может стать пренебрежение исследованиями, не имеющими оборонного значения. Другие в ответ указывали на дополнительные эффекты, которые проявлялись, когда

⁶⁰ Все расчеты сделаны на основе данных, любезно предоставленных Институтом научной информации (Филадельфия, шт. Пенсильвания.); анализ произвел по моей просьбе профессор Гидеон Чапски (Gideon Czapski) с факультета физической химии Еврейского университета в Иерусалиме.

изобретения и разработки, изначально выполненные в военных целях, распространялись в другие сферы⁶¹.

В 1970-х и 1980-х гг. расходы на оборонные исследования и разработки часто подвергались критике как расточительные, неэффективные и непосильно дорогие для экономики в целом⁶². В сравнении с гражданскими отраслями, оборонные расходы были непроизводительны и создавали слишком мало рабочих мест. Чем сложнее и дороже такие изделия, как танки, корабли, самолеты, тем в меньшем количестве они выпускаются; результатом стали архаические способы производства, когда важнейшие системы вооружений производятся чуть ли не вручную. Тем не менее прямую связь между расходами на оборону и экономическим ростом обнаружить так и не удалось, а возможно, и не удастся⁶³. Так, в 1973—1978 гг. экономика США росла в среднем на 2,3% в год. Примерно таким же был рост экономики во Франции, Германии и Канаде, где военные расходы были сравнительно невелики⁶⁴. В любом случае в ходе очевидного экономического подъема 1990-х гг. эти жалобы забылись.

Одна из причин, по которым они были забыты, состояла в том, что после окончания холодной войны США оказались крупнейшим в мире экспортером оружия: на Америку приходилась почти половина мирового экспорта⁶⁵. Трудно найти другую область, в которой соотношение между экспортом и импортом было бы столь же благоприятным и которая вследствие этого оказывала бы столь положительное воздействие на торговый баланс Америки; с точки зрения многих, если США и превратились в торговца смертью, так тому и быть. С учетом

⁶¹ См. об этом, например: White House National Economic Council, National Security Council, and the Office of Science and Technology Policy, *Second to None: Preserving America's Military Advantage Through Dual-Use Technology*. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, February 1995.

⁶² Например: M. Kaldor, *The Baroque Arsenal*, New York, N.Y., Hill & Wang, 1981, pp. 169—218.

⁶³ C. Huang and A. Mintz, "Defense Expenditure and Economic Growth", *Defense Economics*, 3, 1991, pp. 35—40.

⁶⁴ Данные из работы: B. Bellon and J. Niosi, *The Decline of the American Economy*, Montreal, Black Rose, 1988, p. 130 table 6.1.

⁶⁵ См. количественные данные в: IISS, *The Military Balance*, 2004—2005, p. 359.

всех этих фактов не удастся выявить четкую взаимосвязь между расходами страны на оборонные исследования и разработки, с одной стороны, и ее научными и технологическими достижениями в целом, с другой. Иными словами, в том, что касается науки и технологии, международные позиции Америки были бы примерно такими же, даже если бы у нее вовсе не было никаких вооруженных сил, лишь проблема дефицита торгового баланса могла бы стать куда острее.

Во всех странах наука и технология вызывают изменения того, как люди живут, работают и общаются, создавая эффект распространения, который, в свою очередь, отражается в развитии науки и технологии. Однако в Америке изменения подталкиваются и другими факторами. Во-первых, сказывается уже отмеченная слабость исторической традиции. Во-вторых, существует гипертрофированное стремление к образованию. Средний американец, возможно, отнюдь не является самым образованным человеком в мире. Согласно одному исследованию, проведенному канадцами, если взять навыки чтения, американские учащиеся оказались на 10-м месте из 35 стран, по знанию математики ученики восьмых классов заняли такое же место⁶⁶. Знаменитый современный американский журналист и кинематографист даже назвал американцев «нацией идиотов»⁶⁷. Немногие станут отрицать, что в этом обвинении есть толика истины. Иностранцев особенно поражает невежество американцев во всем, что относится к остальному миру, что отчасти можно объяснить размером, географическим положением и мощностью страны. Но все это парадоксальным образом не мешает американцам фанатично верить в образование. Об этой вере свидетельствуют разные факты — от сумм, которые расходуются на образование, до количества продаваемых книг для самообразования: в Америке их выходит больше, чем где-либо еще.

⁶⁶ International Association for the Evaluation of Educational Achievement, “Progress in International Reading ability”, 2001 (www.eqao.com/pdf_e/03/03P012e.pdf#search='educational%20achievement%20international%20data); H. J. Walberg, “Spending More while Learning Less; U.S School Productivity in International Perspective”, Fordham Foundation, 1998 (http://www.edexcellence.net/detail/news.cfm?news_id=51).

⁶⁷ Moore, *Stupid White Men*, pp. 85—118.

Третьим и, возможно, самым значимым фактором, который подстегивает изменения, является продолжающаяся иммиграция. США ежегодно принимают в шесть раз больше людей, чем следующая за ней в списке Германия; в такой ситуации страна не может остановиться, даже если бы захотела. Иммигранты создают демографическое давление, которое вызывает непрерывные сдвиги. Они оседают в больших городах, что заставляет прежних горожан перебираться в пригороды, где стиль жизни совершенно иной. Прежние жители пригородов в свой черед вынуждены перебираться в «загороды» [exurb], т.е. загородные поселки, где стиль жизни снова не совпадает с прежним. Эти поселки, связанные между собой магистральными дорогами, разрастаются и сливаются. Одновременно сельское население тает на глазах, потому что в сельском хозяйстве трудится все меньше людей. Из оставшегося сельского населения многие живут в передвижных домах на колесах, стоящих буквально у черта на рогах. Как и во многих других странах, в США существует сильная традиция ксенофобии, и многие группы зачастую от всей души не любят иммигрантов. Но поскольку иммигрантов здесь намного больше, чем в других странах, их влияние сказывается решительно на всем — от религиозных культов до питания и от повседневного языка до искусства.

Но американцы не были бы американцами, если бы не верили, что изменения в целом благотворны. Идея эта никоим образом не самоочевидна. Греческий поэт Гесиод писал о блаженном золотом веке, на смену которому пришел сначала серебряный, а потом и железный. Для Платона история вообще и движение к демократии в частности были, по сути, процессом вырождения. Китайская конфуцианская доктрина в чем-то похожа на первые две. Основанное на почитании предков, конфуцианство всегда предпочитало предполагаемые достоинства прошлого предполагаемым невздам настоящего; тем самым оно парадоксальным образом сделало претенциозную чепуху важнейшей областью изучения.

В Америке все иначе. Страна возникла в конце XVIII века, как раз вовремя, чтобы заразиться верой в прогресс, свойственной эпохе Просвещения. Для американцев, писал знаменитый историк, прогресс — «это... не просто философский идеал, а общеизвестный факт»⁶⁸. В Америке никогда не было

⁶⁸ Commager, *America in Perspective*, p. xiv.

подлинно консервативной партии, которая стремилась бы затруднить изменения и сохранить как можно больше от прошлого. Единственным исключением, пожалуй, были крупные рабовладельцы довоенного Юга с их аристократическими претензиями. В той степени, в какой они не были уничтожены Гражданской войной, они преуспели лишь в том, что обрекли свою часть страны на целое столетие отсталости, в то время как Север и Запад стремительно развивались. В США даже так называемые консерваторы, не говоря уж о неоконсерваторах, в действительности есть не что иное, как особого рода либералы. Во всех других странах подобные им вымерли после Первой мировой войны⁶⁹.

Во многих развитых странах веру в прогресс убили две мировые войны в период с 1914 по 1945 г. Вооруженные конфликты выкосили цвет этих наций, вызвали невыразимые лишения и оставили огромные демографические и экономические потери. И дело не только в этом. Кульминацией стал Аушвиц — можно ли после этого оставаться оптимистом? Другие страны сделали идеалы Просвещения частью своих официальных идеологий, произвели революции, приняли марксизм в той или иной форме и установили коммунистические режимы. И были горько разочарованы, когда эти режимы, так и не обеспечив рая на земле, были поражены застоем, превратились в жестокие диктатуры и в конце концов распались.

Американский опыт был совсем иным. Если смотреть с берегов Нового Света, единственными серьезными задержками развития были Гражданская война, прежде чем она обернулась мощным орудием экономического подъема Севера страны, и Великая депрессия, когда Рузвельт заявил согражданам, что страх — это единственное, чего им следует опасаться. Не считая этих событий, обе мировые войны и крах коммунизма представляли для американцев триумфальные победы, а не страдания и горечь пережитых поражений; как уже говорилось, даже нынешний отход от государства благосостояния рассматривается как победа истинно американских ценностей, а не как печальная необходимость. Когда американцы, переживая подъем, вторгались в другие страны, их нередко приветствовали как освободителей. Сравнивая судьбу встреченных ими ино-

⁶⁹ См. превосходный краткий анализ этого момента в: Lipset, *American Exceptionalism*, pp. 35—38.

странцев со своей собственной, они почти всегда могли только благодарить Господа за то, что он сделал их американцами. Поэтому они сохранили в первоизданном виде дух Просвещения и исторический оптимизм. Американский образ действия состоит не в том, чтобы предвидеть изменения и покорно их принимать, не говоря уж вовсе о том, чтобы строить бункеры и искать в них убежища, пока эти перемены уничтожают прошлое. Нет, он состоит в том, чтобы требовать перемен, с нетерпением ожидать их, а зачастую и пытаться ускорить их наступление.

Если бы США были похожи на другие страны, то 95% человечества, то есть неамериканцы, могли бы взирать на них с приятным любопытством. Таким и было отношение к Америке большей части человечества на протяжении большей части XIX века. Немногие оказались столь же проницательны, как Наполеон, который, пребывая в ссылке на острове Св. Елены, как говорят, предвидел, что когда-нибудь США и Россия поделят мир между собой. Даже в Первую мировую войну немцы, объявив неограниченную подводную войну, спровоцировали США на присоединение к Антанте, а причиной тому была недооценка мощи Америки⁷⁰.

По-видимому, многие неамериканцы хотят лишь того, чтобы их оставили в покое, и пусть тогда эти странные люди на той стороне Атлантики (или Тихого океана) живут как им нравится. Пусть они там восхваляют Бога и поклоняются мамоне, пытаются навязать целомудрие и прелюбодействуют (похоже, они этим занимаются куда больше многих других)⁷¹, шараясь то в одну сторону, то в другую, поскольку их прихоти меняются с бешеной скоростью. Но они постоянно меняются, как если бы прошлого вовсе не существовало, и сочетают эту изменчивость с глубоко укорененным чувством вины, нередко доводящим их почти до безумия. Проблема, конечно, именно в том, что США не такая страна, как все. А результат — существенный вклад США в глобальную нестабильность как в силу могущества этой страны, так и в силу того, что за Америкой следует столь значительная часть мира.

⁷⁰ D. Steffen, "The Holtzendorff Memorandum of 22.11.1916 and Germany's Declaration of Unrestricted U-Boat Warfare", *Journal of Military History*, 68, 1, 2004, pp. 215—224.

⁷¹ См. некоторые количественные данные в: Morone, *Hellfire Nation*, p. 481.

Откуда берется уникальная способность США экспортировать свою цивилизацию? Первый и самый очевидный ответ таков: США — это империя, а империи всегда занимались тем, чем сейчас занимаются США. Завоевания Александра Македонского привели к тому, что *koine* («общий» греческий язык) стал языком всего Восточного Средиземноморья, а мраморные изображения этого царя находят на пространстве от Македонии до современного Афганистана. Посетите северную Англию, предел древней *oekoimene*, то есть обитаемого мира, и вы обнаружите, что стоявшие там римские гарнизоны строили для себя бани и театры. О таких странах, окружающих Китай, как Бирма, Таиланд, Камбоджа, Лаос, Вьетнам и Корея порой говорят, что они составляют часть китайской цивилизации, и недаром в период Вьетнамской войны Пекин называл эту страну «Югом». Британцы, пребывая в своем зените, экспортировали поло, крикет, левостороннее движение (которое было принято в Милане и Швеции и которое до сих пор принято в Японии) и газету *Times*. По сей день в мире выходит множество газет, в названии которых эхом звучит имя их знаменитой лондонской прародительницы. И не имеет ровно никакого значения тот факт, что к настоящему времени последняя пала так низко, что владельцы подумывают превратить ее в таблоид.

Не приходится спорить, что любая страна, столь же большая и сильная, как США, не смогла бы воспрепятствовать распространению своей культуры, даже если бы захотела. Однако следует заметить, что американские методы, применяемые в этом деле, уникальны. Древние Ассирия, Вавилон, Персия, Македония, Рим, империи ацтеков, инков и многие другие сначала покоряли чужие страны, а потом навязывали им свою культуру. Как правило, победа являлась лучшим доказательством культурного превосходства победителя. Нередко культурное влияние осуществлялось путем кооптации части местной элиты в новый механизм управления. Например, во многих римских провинциях, особенно там, где жили греки или народы, воспринявшие греческую культуру, римлянами были только руководитель администрации и его аппарат. Рутинными делами занимались городские советы, которые набирались из местного люда и пользовались немалой самостоятельностью. Чтобы присоединиться к британской администрации в Индии,

«туземцу» достаточно было выучить английский и получить соответствующее образование. Поэтому десятилетиями лучшей рекомендацией для жителя Дели, Бомбея и Калькутты было, что он (реже — она) «вернулся из Англии»⁷².

Хотя США тоже захватили несколько заморских территорий, на протяжении большей части их истории такого рода владения были крайне незначительны. Впервые американские армии вошли в чужую страну, чтобы остаться там, во время Испано-Американской войны. Масштаб завоеваний был столь ничтожен, что непосредственно затронутыми оказались лишь сами завоеванные территории*. В результате Первой мировой войны США получили дополнительные «колониальные» владения в виде тихоокеанских островов еще меньших по величине. Как римские легионы, разгромившие в 196 г. до н.э. правителя Македонии Филиппа V, оставили Грецию и вернулись к себе домой, так поступили и американские армии после 1918 года — хотя, с точки зрения рядового солдата, они могли бы сделать это и побыстрее. Еще в 1941 году американское военное присутствие за рубежом было ничтожным в сравнении с заморскими владениями важнейших колониальных держав Европы, которые к тому времени были намного меньше, чем их колониальные империи.

После окончания Второй мировой войны войска США возвращались домой с той скоростью, с какой их успевали грузить на транспортные суда⁷³. Но в этот раз ситуация повернулась по-другому. На пороге была холодная война, существенная часть американской армии осталась на военных базах, разбросанных от Западной Европы до Японии. В конце 1960-х гг. на пространстве от северного полюса до мыса Доброй Надежды на базах США дислоцировался почти миллион военнослужащих. За прошедшее с тех пор время некоторые гарнизоны были расширены, но большинство сократились. Некоторые были и вовсе закрыты, как это произошло в Ливии, на

⁷² См. об этом работу: J. and R.H. Useem, *The Western Educated Man in India: Studies of His Social Role and Influence*, New York, N.Y., Dryden, 1951.

* Филиппины, о. Гуам, Пуэрто-Рико и Куба, получившая статус американского протектората. — *Прим. перев.*

⁷³ О том, как это происходило, см.: J. C. Sparrow, *History of Personnel Demobilization in the United States Army*, Washington D.C, Department of the Army, 1951.

Филиппинах и в Саудовской Аравии. Отражая общее сокращение численности вооруженных сил, большинство гарнизонов стали куда более малочисленны, чем сорок лет назад, так что возникли немалые проблемы с поддержанием их боеготовности. При этом число баз все еще исчисляется сотнями. Появились новые базы в Косово (*Camp Bondsteel*), в Афганистане (*Camp Rhino*), в нескольких странах Центральной Азии, в Кувейте, в странах Персидского залива и в других местах по всему миру⁷⁴.

Приходя как победители и завоеватели, американские войска наслаждались всеми обычными преимуществами такого статуса — факт, который отмечался уже в Веймарской Германии 1920-х гг.⁷⁵ Но в их положении было много своеобразия. В самом начале экспансии, когда они были неизмеримо богаче всех окружающих (а во многих местах эта ситуация сохраняется и по сей день), куда бы ни приходили американские войска, они приносили с собой сравнительно много денег. Эти деньги они тратили, создавая спрос на все — от часов с кукушкой до проституток (в Японии с 1945 года вокруг американских баз действует система «девушек для отдыха») — и возбуждая в местном населении желание насытить этот спрос⁷⁶.

Куда бы ни шли американские солдаты, они, помимо прочего, строили американские анклавы. В этих анклавах есть все, и все это родное, американское — свои дома, свои радио и телевидение, свои рестораны, клубы, кинотеатры и спортивные площадки, свои школы, свои церкви и многое другое. С одной стороны, такая организация жизни способствовала изоляции американских военных от местного населения. В то же время анклавы производили сильнейшее впечатление на местное население, которое там работало, приходило туда в гости и восхищалось увиденным. Короче говоря, большинство иностранцев, даже в тех странах, где США держали свои гарнизоны, почувствовали вкус к американской культуре не потому, что ее навязывали силой, а потому, что она им пришлась по сердцу и они были готовы за нее платить.

⁷⁴ См. об этом: Johnson, *The Sorrows of Empire*, pp. 143—149.

⁷⁵ Например: E. Diesel, *Die deutsche Wandlung*, Stuttgart/Berlin, Cotta, 1931, p. 49.

⁷⁶ “Document: U.S. Troops Used ‘Comfort Women’ After WWII”, CNN.com, 25.4.2007.

Тот факт, что иностранцы столь часто впитывали американскую культуру по собственному желанию, объясняет, почему эта культура начала распространяться задолго до того, как США превратились в глобальную империю, и даже еще прежде, чем они стали удовлетворять этому определению по большинству показателей. К примеру, язык. К тому времени, когда американские колонии освободились от владычества Великобритании, история английского языка уже насчитывала восемьсот лет. Языки подчинены законам эволюции примерно так же, как живые организмы. Поэтому можно было бы ожидать, что, обрубив множество связей с тем, что в то время бесспорно было более значительным культурным центром, американцы будут иметь такое же отношение к остальному миру, как гигантские черепахи с Галапагосских островов к прочей фауне. Очень хорошим примером того, как действует этот закон, является африкаанс. Нельзя сказать, что африкаанс — это просто язык грубых, необразованных голландских моряков, основавших в XVII веке колонию на мысе Доброй Надежды⁷⁷. С другой стороны, он демонстрирует все характеристики языка, развивавшегося в изоляции и сохранившего многие архаические черты.

Американский английский на самом деле в известной степени сохранил более древние, даже примитивные черты. Отчасти это произошло из-за расстояния от центра, который в первые лет двести продолжал служить главным источником культуры⁷⁸, а отчасти потому, что вряд ли можно было рассчитывать на то, что люди вроде Дэйви Крокета и Эндрю Джексона станут говорить языком, принятым в салоне Джейн Остин. С другой стороны, как отмечал еще Токвиль⁷⁹, США превратились в неисощимый источник новых слов. Уже в 1813 году *Edinburgh Review* выразил обеспокоенность тем, что эти чудаки по ту сторону Атлантики могут «искалечить» английский язык. Они будут делать это, не только используя его у себя на фронтире

⁷⁷ T. M. Haarhoff and C. M. van der Heerer, *The Achievement of Afrikaans*, South Africa, Central News agency, 1934.

⁷⁸ См. об этом: P. Giles, *Transatlantic Insurrection; British Culture and the Formation of American Literature, 1730—1860*, Philadelphia, PA, University of Pennsylvania Press, 2000.

⁷⁹ *Democracy in America*, ii, pp. 68—72. [Рус. пер.: Токвиль А. де. Указ. соч. С. 353.]

и между собой — это малое зло, заслуживающее снисходительного отношения, но и экспортируя собственную версию языка в метрополию.

По мере прибытия все новых и новых иммигрантов вместе с ними в общее употребление проникали новые слова практически со всех концов мира. С другой стороны, старые слова начали использоваться по-новому, как в случае, когда почтенные существительные вдруг стали употребляться в качестве прилагательных и глаголов, что придало языку неизвестную прежде гибкость. Далее, разговорные слова и даже сленг начали получать статус нормы (если вообще можно говорить о существовании нормы); этому процессу способствовал тот факт, что страна была велика и этнически разнородна, классовые барьеры слабы, а возможности для социального восхождения велики. Но самым интересным было то, что в то самое время, когда британцы вдруг обеспокоились тем, что американцы могут сотворить с их языком, Великобритания отнюдь не находилась на грани упадка. Напротив, ей предстояла победа в борьбе с Наполеоном, представлявшим величайшую в истории угрозу, с какой она когда-либо сталкивалась. Одержав эту победу, Великобритания вскоре превратилась во всемирную мастерскую и в величайшую империю, какую когда-либо видел мир не только в XIX веке, но и по сей день.

Помимо трех упомянутых выше факторов, изменяющих язык, американцам свойственно отказываться от старых форм произношения и написания в пользу новых (как, например, в случае происходящей ныне замены *through* на *thru*, и *night* на *nite*). Поэтому, несмотря на отдельные попытки американских снобов ввести британские нормы произношения⁸⁰, американский английский и британский английский продолжают отдаляться все больше и больше. В Германии, во всяком случае, их сегодня считают весьма непохожими и заслуживающими различных обозначений, и на титульном листе новой переводной книжки будет указано, с «американского» она переведена или «с английского». Для популяризации семи книжек «Гарри Поттера» в США издатели заменили некоторые английские выражения, чтобы американские дети смогли понять книги: почта стала не *post*, а *mail*, грузовики из *lorries*

⁸⁰ Lind, *The Next American Nation*, pp. 145—146.

превратились в *trucks*, а английские две недели, *fortnight*, были заменены на *two weeks*⁸¹. Но по большей части движение идет в обратном направлении. Дело не только в том, что американские издания переводятся на иностранные языки куда больше, чем наоборот, но и в том, что на международном рынке преобладают американские книги и журналы. То же самое относится к американской музыке. Американские фильмы обеспечивают четыре пятых кассовых сборов по всему миру. В 1993 году 88 из 100 самых популярных фильмов были сделаны в США⁸². В эпоху гигантских дефицитов торгового баланса кино остается единственной отраслью, в которой первенство США неоспоримо.

Определенному культурному дисбалансу между США и остальным миром мы обязаны притяжением, которое создает масштаб этой страны. В Финляндии и Швейцарии жизнь, наверное, приятнее. Однако они занимают на карте мира очень мало места, и на каждого человека, который когда-либо слышал о них, приходится двадцать человек, которые слышали о США. В мире 1,6 млн студентов, которые учатся в университетах за рубежом, и из этого числа 28% обучаются в американских университетах. Во второй по привлекательности стране, в Великобритании, число иностранных студентов вдвое меньше, а к этому следует добавить и тот факт, что только в 2002 году в американских образовательных учреждениях вели исследования и преподавали 86 тыс. иностранных ученых⁸³. Отчасти этот дисбаланс связан с экономической мощью: половина из 500 крупнейших мировых компаний и 62 из 100 самых известных в мире брендов являются американскими⁸⁴. Последней по порядку, но не по значению, идет система целенаправленных

⁸¹ Åsa Nygren, *Essay on the Linguistic Features in J.K. Rowling's Harry Potter and the Philosopher's Stone*. Stockholm University, Department of English, 2006.

⁸² J. Rockwell, "The New Colossus: American Culture as Power Export", *New York Times*, 30.2.1994.

⁸³ A. Riding, "The New EU", *New York Times*, 21.1.003, Education Life Section, p. 30; Hey-Kyung Koh, ed., *Open Doors 2002; Report of the International Educational Exchange*, New York, N.Y., Institute of International Education, 2002, p. 22.

⁸⁴ Business Week, 4.8.2003, pp. 72–78; "Financial Times Releases 5th Annual International MBA Survey", *Business Wire* (online magazine), 20.1.2003.

ограничений. Превосходный пример таких ограничений предоставляет Голливуд, величайший экспортер культуры. Ежегодно на все иностранные фильмы выделяется только один «Оскар», а американские фильмы награждаются призами по множеству различных категорий.

Как бы ни были впечатляющи эти цифры, из них непросто вывести взаимосвязь между величиной Америки, ее экономической мощью и ее способностью экспортировать свою культуру вместе с образом жизни. С одной стороны, как показывают, среди прочего, опасения *Edinburgh Review*, культурная экспансия дала о себе знать задолго до того, как США превратились в империю, и как раз в то самое время, когда британские войска обшаривали побережье Америки от Вашингтона до Нового Орлеана. Она началась задолго до того, как Америка стала экономическим центром мира, и ровно за столет до того, как она превратилась из страны-должника в страну-кредитора — уже в 1914 году 60—75% показанных в Великобритании фильмов были сняты в Америке. Тем не менее на протяжении большей части американской истории многие иностранцы считали, что, хотя Америка может превосходить всех в экспорте сначала звериных шкур, потом леса, зерна, хлопка и табака, а затем паровозов, часов, пишущих машинок, автомобилей, в этой стране нет собственной культуры и, вероятно, нет настоящей культуры вообще.

Из тех, кто носился с этой идеей, наиболее влиятельным был, вероятно, английский писатель, поэт и эстет XIX века Мэтью Арнольд. Америка, писал он, новая страна. Здесь все создано *ex novo** и только с одной целью — разбогатеть как можно быстрее; как только место, занятие, традиция перестают приносить материальный доход, их тут же забрасывают. В результате возникновение всего и вся освещалось ясным светом человеческой деятельности, а не пряталось в таинственной дымке прошлого. Ни вещи, ни историческая память не имели времени для обретения, так сказать, патины. В американской жизни отсутствуют «таинственность», «дисциплина трепета и почитания» и «то настоящее чувство величия, к которому инстинктивно тянется... человеческая натура». Никаких призраков и никаких демонов. Даже демонов в человеческом облики немного; только «малоинтересная»

* Заново, с нуля (лат.). — Прим. перев.

страна, да слепящее небо, которое опаляет душу так, будто оно из «бронзы и стали»⁸⁵. Взгляды Арнольда разделяли многие викторианцы, и не только они. Именно в ответ на эти нападки, порываясь убедить своих соотечественников, что США переживают восход, а Британия — закат (а потому должна стремиться к новому объединению с Америкой), Уильям Стид попытался объяснить им, что американская культура достойна внимания⁸⁶.

На протяжении большей части американской истории все целенаправленные попытки экспорта американской культуры обычно подчинялись коммерческим соображениям, причем настолько, что американцы сами были поражены, выяснив, что иностранцы почитают их небоскребы и джаз «культурой»⁸⁷. Правительство США очень поздно включило культуру в инструментарий своей дипломатии — то ли не чувствуя, что у Америки есть что предложить, то ли в силу приверженности традиции свободного предпринимательства, а может, из-за того, что для «цивилизаторской деятельности» у страны имелась лишь горстка незначительных колоний⁸⁸. В сфере культурной дипломатии Америку опередили Франция, Великобритания, Италия, а при нацистах — и Германия. Только в конце 1930-х гг., да и то лишь из опасений, вызванных растущим влиянием Италии и Германии в странах Латинской Америки, администрация Рузвельта решила, что недопустимо и дальше пренебрегать этим инструментом.

Ну а когда было решено использовать культурную дипломатию, то, дабы наверстать упущенное, она была пущена в ход с беспрецедентным размахом. В 1938 году в Государственном департаменте был создан Отдел культурных связей [Division of Cultural Relations]. В 1942 году была создана радиостанция

⁸⁵ M. Arnold, "Civilization in the United States: First and Last Impressions", 1888, перепечатано в: Commager, ed., *America in Perspective*, pp. 135—137.

⁸⁶ Stead, *The Americanization of the World*, pp. 104—121.

⁸⁷ F. Costigliola, *Awkward Dominion: American Political, Economic, and Cultural Relations with Europe, 1919—1933*, Ithaca, N.Y., Cornell University Press, 1984, p. 22.

⁸⁸ См. об этих попытках в работе: E. J. Suarez-Findley, *Imposing Decency: The Politics of Sexuality and Race in Puerto Rico, 1870—1920*, Durham, N.C., Duke University Press, 1999, pp. 110—134.

Voice of America («Голос Америки») ⁸⁹, и в этом же году было учреждено Управление военной информации [Office of War Information, OWI], на которое была возложена задача координации всех усилий Америки в этой области. До конца войны оно распространило в союзных и нейтральных государствах гору всевозможных материалов — книжек, брошюр, фильмов, фотографий, флагов. К 1945 году Управление военной информации начало издавать собственные книги и журналы. Тем временем «Голос Америки» транслировал программы, разработанные для ознакомления людей во всем мире с американским богатством, производительностью, свободой, демократией и, последнее по порядку, но не по значению, с американской мощью.

Президент Трумэн упразднил Управление военной информации, но это не означало отказа правительства от попыток представить миру вызывающий симпатии образ Америки. Напротив, настоящая работа только начиналась. Многие из функций управления были переданы «Голосу Америки» и его двойнику, «Радио Свобода» ⁹⁰. Государственный департамент, преодолевая бюрократическую грызню, сумел создать Информационное агентство США [U.S Information Agency, USIA]. Свой вклад в это дело внесла военная администрация в Германии [Office of Military Government U.S, OMGUS] — она помогла создать Конгресс за свободу культуры [Congress for Cultural Freedom, CCF] со штаб-квартирой в Париже. На протяжении 1950-х гг. эта организация устраивала ежегодные встречи с участием писателей и других деятелей культуры. Некоторые американцы считали Конгресс самым эффективным средством борьбы с «коммунистической пропагандой среди интеллектуалов Европы и Азии» ⁹¹.

Еще одним важным источником американской культуры, правда, предпочитавшим действовать скрытно и за спиной других организаций, было Центральное разведыватель-

⁸⁹ Н. С. Shulman, *The Voice of America; Propaganda and Democracy, 1941–1945*, Madison, WI, University of Wisconsin Press, 1990.

⁹⁰ См. об этих радиостанциях J. Crithclow, “Western Cold War Broadcasting”, *Journal of Cold War Studies*, 1, 3, 1999, pp. 168–175.

⁹¹ По словам Шепарда Стоуна [Shepard Stone], главы международной программы фонда Ford Foundation, цит. по: V. R. Berghahn, *America and the Intellectual Cold Wars in Europe*, Princeton, N.J., Princeton University Press, 2001, p. 176.

ное управление, ЦРУ. Оно, в свою очередь, опиралось на фундамент, заложенный во время Второй мировой войны Бюро стратегических служб [Office of Strategic Services, OSS]. Помимо своей прямой функции, то есть шпионажа, ЦРУ под руководством Аллена Даллеса (1953—1961 гг.) финансировало и вело «психологическую войну» в качестве средства приобретения друзей и влияния на людей⁹².

В основе всего этого лежала идея, что заключения союзов, создания военных баз, размещения гарнизонов и оказания помощи союзникам в строительстве собственных сильных вооруженных сил, которые могли бы в случае необходимости сразиться с Советским Союзом, вовсе не достаточно. Нет, США должны завоевать сердца и умы простых людей. Во-первых, для того, чтобы остановить «красный прилив»*, и, во-вторых, чтобы заставить его отступить. Проводились бесчисленные шоу, выставки, конгрессы и дни открытых дверей на военных базах. Все было организовано так, чтобы пробуждать понимание, хорошее отношение и любовь ко всему, за что выступала Америка, и все эти мероприятия использовались для распространения всевозможных американских сувениров — от миниатюрных американских флагов до бейсбольных кепок.

В эпицентре всех этих усилий было создание американских культурных центров во многих странах⁹³. Каждый, кто бывал там, знает, что эти центры явно не были рассчитаны на массы народа, но столь же явно они не были нацелены на элиты, которые участвовали в конгрессах. К концу 1950-х гг. в книжных хранилищах центров было почти 3 млн томов, и ежедневно их посещали примерно 80 тыс. человек. Потом некоторые центры подверглись погромам, что подчеркнуло их значимость как символов американской культуры; нападения организованных толп имели место в Алжире, Афинах, Багдаде, Бейруте, Боготе,

⁹² V. D. Berghahn, "Elitism, Money and Popular Culture", in Moore and Vaudagna, eds., *The American Century in Europe*, p. 120, 125—126; F. Saunders, *The Cultural Cold War*, New York, N.Y., New Press, 1999, p. 82 ff.

* «Красный прилив» — цветение водоёма микроорганизмами красного цвета; в эпоху холодной войны так называли угрозу перерастания холодной войны в «горячую». — *Ред.*

⁹³ См. об этом: W. L. Hixson, *Parting the Curtain; Propaganda, Culture and the Cold War, 1945—1961*, New York, N.Y., St. Martin's 1997, p. 124 ff.

Калькутте и Пекине. Кино представляло еще более мощное средство влияния, чем книги. Правда, в большинстве кинотеатров уже и без того шли американские фильмы⁹⁴, но как быть с очень бедными районами, где не было кинотеатров? Администрация Эйзенхауэра оказалась на высоте задачи: она предоставила 350 мобильных кинопроекторов, которые демонстрировали и коммерческие, и пропагандистские фильмы в самых глухих уголках мира.

Не удовлетворенные всем этим, рыцари холодной войны взялись за пропаганду совершенно новой области исследований — американистики. Эволюция этой области исследований очень любопытна. По крайней мере с первой половины XIX века многие американцы пытались найти объяснение выдающимся успехам своей страны. Зачастую они сводили все к тому «факту», что были республиканцами, любящими свободу честными и высоконравственными протестантами «тевтонского» происхождения — в отличие от монархистов-канадцев на севере, часть которых была к тому же французами и папистами, и в отличие от тех же католиков-испанцев на юге, ленивых и необузданных. Предполагалось, что сам «дух свободы» зародился именно в лесах Германии. Этот дух, возвращенный в тени дубрав, восходил к тем дням, когда древние тевтоны сражались с римскими легионами и одержали победу⁹⁵.

По мере того, как Канада к концу XIX века достигла таких же успехов в развитии, как и США, а в страну вливалось все больше иммигрантов, не являвшихся ни протестантами, ни потомками «тевтонов», американцам пришлось отказаться от этого объяснения. Оглядевшись в поисках другого истолкования, они наткнулись на знаменитую «теорию фронта», предложенную Фредериком Тернером. Центральный аргумент Тернера состоял в том, что американская культура, заимствуя лучшие элементы культуры европейской, существенно отличается от нее. На западном берегу Атлантического океана обширные,

⁹⁴ О том, как это происходило, например, в Германии, см.: Н. Borchers, "Hollywood as Re-educator; The Role of Feature Films in U.S Policies Directed at Postwar Germany", *Paedagogica Historica*, 33, 1, 1997, pp. 301—317.

⁹⁵ G. P. Marsh, *Man and Nature*, Seattle, WA, University of Washington Press, 2003 [1888], p. 142; об этой восхитительной истории см.: Lind, *The Next American Nation*, pp. 26—38.

открытые, малонаселенные пространства создали новые схемы организации поселений, а это, в свою очередь, привело к совершенно другой организации хозяйственной деятельности и к другой организации общества. Иными словами, Тернер заложил основу для нового, горделивого понимания Соединенных Штатов Америки и их взаимоотношений со старым миром.

На следующем этапе американистика, возникшая в 1930-х гг., была очередным шагом к формулированию самостоятельной истории. На этот раз целью было показать, что американцы, появившиеся на исторической арене сравнительно поздно, достигли в развитии «национального характера» не меньшего успеха, чем давно сформировавшиеся английский, французский и испанский народы. Многие пошли в этом направлении еще дальше. По сути дела, они утверждали, что Соединенные Штаты Америки настолько уникальны и важны, что требуют особой «теории» и особой научной дисциплины. Иными словами, они заявляли, что американская «исключительность» относится не только к самой стране, но и к методам ее изучения, описания и постижения⁹⁶, хотя никто так и не объяснил, в чем заключаются эти новые методы.

Продукт столь же американский, как «Форд» и «Шевроле», американистику вначале развивали одни американцы для других американцев. В статью экспорта ее превратило то, что из-за Второй мировой войны наука за пределами Америки по большей части лежала в руинах (и отчаянно нуждалась в финансировании), и к тому же началась холодная война, так что спрос совпал с предложением. Для иностранных ученых, а также их студентов и последователей американистика была тем же, чем для культурной элиты были конгрессы, а для народных масс за рубежом — жвачка, джинсы, нейлоновые чулки и (пока японцы не захватили рынок) мотоциклы. Зачастую американистику основательно субсидировало правительство США или частные американские организации начиная с *Ford Foundation*. Иногда они обеспечивали финансирование зданий и даже целых кампусов, как это было с берлинским Свободным университетом [Freie Universität]. Куда чаще они предоставляли только книги и другие учебные материалы, что позволило Свободному

⁹⁶ R. Meredith, ed., *American Studies: Essays on Theory and Method*, Columbus, OH, Merrill Publishing, 1968, особенно статьи Р. Хубера (R. H. Huber) и Р. Пирса (R. H. Pearce).

университету создать, вероятно, крупнейшее в Европе собрание трудов по американистике. В рамках этих же программ организовывался обмен студентами, американские профессора отправлялись преподавать в другие страны, оказывалась помощь иностранным ученым в посещении США, и т.д. Как и все прочее в сфере культурной дипломатии, продвижение американистики развивалось постепенно, с конфликтами и дублированием. До 1961 года вся эта деятельность осуществлялась на основании Закона об информационном и образовательном обмене [Mutual Educational and Exchange Act].

Сегодня, когда холодная война окончена, появились сомнения в том, что США и Европа все еще являются частью единого «Запада», а не расходятся в разные стороны. Как бы то ни было на самом деле, Вашингтон все так же занят экспортом своих идей. Как показали прошедшие в середине 1990-х гг. дебаты о будущем радиостанций «Голос Америки» и «Радио Свобода», некоторые усилия предпринимаются просто по инерции. Мало кому хочется отказываться от своих функций и соответствующего финансирования, поэтому ведомства изобретают новые причины для сохранения своего существования. Размещенные за рубежом американские вооруженные силы также продолжают попытки наладить дружеские отношения с местным населением, пусть не всегда успешно, что демонстрируют время от времени проходящие против них демонстрации в Южной Корее и на Гуаме. Значительная часть усилий направлена на сравнительно мощные государства, прежде всего на Китай и Россию, которые рассматриваются как конкуренты или, по крайней мере, как потенциальные конкуренты. Лидеры этих стран любят жаловаться на «порнографию», имея в виду не столько обнаженную женскую плоть, сколько любые несимпатичные им идеи. Часть американских усилий направлена на общества, которым, как принято считать, грозит риск быть вновь поглощенными двумя этими государствами, — например, на Украину. Начиная с 2001 года еще одной важной мишенью стали общества слабые, отсталые и фанатичные настолько, что они могут стать для США источником опасности, укрывая террористов и помогая им.

Многие, а может, и большинство движущих импульсов формируются во внутривнутриполитических баталиях. Например, давнишняя неспособность Америки прийти к всеобщему согласию по вопросу о роли женщин в обществе является

главной причиной периодически повторяемых попыток возглавить международную борьбу за ликвидацию организованной торговли «белыми рабынями»⁹⁷. Попытки добиться того, чтобы средства, расходуемые правительством США на борьбу с такими болезнями, как СПИД, не шли на оплату мерзостей, подобных абортам и презервативам, отражают заботу Америки о собственной нравственности. Куда старше (ему уже почти сто лет) стремление не позволить другим странам смягчить законы, наказывающие за потребление и продажу наркотиков, и добиться того, чтобы они вели эту борьбу с такой же энергией и жесткостью, как сами США⁹⁸. Мало кто знает, что соответствующее условие (под номером 295) было даже включено в текст Версальского договора. С 1960 года Управление по борьбе с наркотиками имеет отделения не менее чем в 42 странах⁹⁹. Даже попытки добиться оборудования заходящих в американские порты иностранных круизных судов так, чтобы ими могли пользоваться и американские инвалиды, непосредственно связаны с внутренней политикой США¹⁰⁰. Однако сказать, что этим все исчерпывается, было бы несправедливостью по отношению к американцам. Они не были бы самими собой, если бы вдобавок к своим неустанным попыткам искоренить зло (или то, что им кажется злом) внутри страны они не пытались бы добиться того же самого в масштабах всего мира. А дополнительным бонусом им служит тот факт, что, занимаясь этим, они оказываются (или им так кажется) на нравственных высотах, позволяющих поучать всех остальных.

Как и следовало ожидать, попытки познакомить мир с американскими институтами, американской культурой и американским образом жизни оказались сопряжены с рядом проблем. Некоторые проблемы отражали внутренние американские

⁹⁷ См. об этом захватывающем сюжете: Morone, *Hellfire Nation*, pp. 62—66, 95—97, 159—168, 222—256.

⁹⁸ См.: W. B. McAllister, *Drug Diplomacy in the Twentieth Century: An International History*, London, Routledge, 2000, pp. 27—28. Я благодарен Джонатану Леви (Jonathan Lewy), обратившему мое внимание на эти факты.

⁹⁹ Перечень стран см. на веб-сайте www.dea.gov/pubs/history/deahistory_01.htm#1.

¹⁰⁰ B. Thackeray, "Supreme Court Case will Determine Americans' Right to Cruise with Disability", 27.1.2005 (www.handicappedtravelclub.com/supreme_court_case_will_determin.htm).

конфликты, как это было в период маккартизма. Культурные центры США одними из первых подверглись нападкам и вынуждены были провести чистку фондов. Правительство США не могло, разумеется, диктовать гражданам, что им читать и хранить, но оно могло прошерстить собственные библиотечные фонды и сделало это. Порой давление на иностранцев оказывалось таким мощным, что приводило к результатам, противоположным намеренным. Особенно примечательны неоднократные случаи, когда ЦРУ попадалось с поличным на субсидировании определенных политических организаций, чтобы помочь им выиграть выборы в собственных странах. В 1950-е гг. получателями такого рода финансирования были умеренно правые, консервативные партии в таких странах, как Германия, Италия и Франция. Сам процесс и достигаемые им результаты описаны в знаменитой в то время книге У. Ледерера и Ю. Бёрдика «Отвратительный американец»*. Возможно, ожесточение, с которым иранцы в 1979 году ополчились на США, отчасти объясняется памятью о том, как ЦРУ поддерживало шаха.

И, конечно, нет страны или нации, которая так много вкладывала бы в распространение своей культуры и своего образа жизни. Отчасти это объясняется тем, что только американцы располагают необходимыми материальными ресурсами. Отчасти все дело в наличии политической воли, а отчасти, возможно, причиной служат движущие силы, укорененные так глубоко, что без психоаналитика до них не добраться. Впрочем, было бы ошибкой объяснять «американизацию мира» исключительно или главным образом величиной этих расходов. Во-первых, следует помнить то, что отнюдь не американцы сделали культуру инструментом внешней политики, а также то, что американская культура начала оказывать свое влияние задолго до того, как это произошло. Во-вторых, официальные усилия всегда и везде бледнеют на фоне коммерческих продуктов, которые не связаны ни с какой политикой и, возможно, именно этому обязаны своим успехом. В Западной Европе в первые десятилетия после 1945 года и в странах Восточного блока до самого конца холодной войны желанным было практически все имевшее отношение к Америке; жажда была столь велика, что для описания процесса даже придумали термин

* William Lederer and Eugene Burdick *The Ugly American* (1958).

«кока-колонизация»¹⁰¹. Временами иностранцы, расположенные как «дружественно», так и «враждебно», буквально расхватывали ту американскую продукцию, которая считалась особенно «грязной» и «подрывной», которую американские официальные лица предпочли бы и вовсе скрыть (как обычно, безуспешно).

В-третьих, и это самое существенное, американское влияние довольно часто давало о себе знать вопреки всем усилиям местных властей воспрепятствовать этому. Следует отдавать себе отчет, что такого рода имперские эффекты и соответствующие проблемы имеют множество прецедентов в истории. Уже Талмуд фиксирует спор между двумя раввинами о желательности и благотворности такого римского импорта, как акведуки, бани и театры. По сути, иудейская история периода римской оккупации в значительной степени наполнена попытками сдержать натиск римской культуры, и прежде всего, разумеется, культ императоров. В начале XIX века знаменитый немецкий патриот Иоганн Готлиб Фихте заявил, что учить дочь французскому языку — это то же самое, что продать ее в проститутки. Как свидетельствует это замечание, французы, издавна имевшие репутацию *la grande nation*^{*}, особенно прославились попытками навязать свою культуру другим — и не без успеха, как видно хотя бы из того, что самый быстрый пассажирский самолет в истории получил имя во французском написании, *Concorde*, а не в английском, *Concord*. В знаменитом анекдоте Карл Маркс отмечает, что на заседании Первого Интернационала французская делегация, заявившая о необходимости упразднения наций и национализма, говорила все-таки по-французски.

С учетом всего этого вряд ли удивительно, что, начиная уже с 1920-х гг., попытки экспорта американской культуры наталкивались на сопротивление — официальное и неофициальное. Немцы, естественно, не могли избежать внедрения «фордизма» на своих заводах, но, как свидетельствует само это слово, от всего этого на них веяло каким-то мистическим ужасом. Когда некоторые французы говорили о «небоскребном творчестве» в американской поэзии, всем было понятно, что это творчество отличается от общепринятого и что оно, мягко говоря, весьма

¹⁰¹ R. Pells, *Not Like Us*, pp. 199—201.

* Великая нация (фр.). — Прим. перев.

сомнительно. Довольно часто за этим противодействием скрывалось одно своеобразное обстоятельство. Империи прошлых времен экспортировали в первую очередь свою высокую культуру, хотя, конечно, бывали исключения — в гладиаторских боях нет ничего возвышенного. Любимцем европейских дворов был утонченный Вольтер, который то изящно шутил с Фридрихом Великим, то обменивался письмами с его грозной противницей, русской императрицей Екатериной Великой. При этом музыканты, игравшие во французских деревнях на крестьянских свадьбах, оставались у себя на родине.

Случай Америки был иным — некоторые назвали бы его уникальным. Подобно большинству высоких культур, американская высокая культура никогда не была особенно привлекательна для масс как у себя на родине, так и за рубежом. Американскую высокую культуру иностранные элиты отвергали куда более резко, чем большинство других высоких культур. Они предпочитали (и зачастую предпочитают до сих пор) собственную высокую культуру, и проявления этого предпочтения часто смешаны с немалым снобизмом и напыщенностью. Но именно в популяризации своей простонародной культуры Америка преуспела как ни одна другая страна в прошлом, а возможно, и в будущем. Ее произведения не всегда отличаются высочайшим качеством и вкусом, но в них нет никакого снобизма и напыщенности. Напротив: они доступны, как это и задумано, человеку с улицы, который в детстве идет в музей, только когда его ведет туда учитель, а, став взрослым, никогда не потратится на билет в оперу. Это в равной мере относится к выступавшей почти обнаженной прославленной танцовщице Жозефин Бейкер и к режиссеру и продюсеру Сесилю Блаунту де Миллю, к рокеру Элвису-пелвису*, и к «просто хорошей музыке», как пишут порой на компакт-дисках с американской попсой.

В таких странах, как Франция, Британия и, в меньшей степени, Германия (которая до прихода к власти нацистов из чувства мести к тогдашним европейским врагам предпочитала все американское)¹⁰², культурные элиты столкнулись не с одной, а сразу с двумя проблемами. Прежде всего, американская

* Кличка Элвиса Пресли; *pelvis* (англ., лат.) — тазовая область тела. — *Ред.*

¹⁰² Costigliola, *Awkward Dominion*, pp. 179—180.

культура, будучи иностранной, была *a priori* нежелательна¹ как многое иностранное. Но куда хуже было то, что она шла не сверху, а снизу и, будучи общедоступной и безыскусной, грозила изменить представления простонародья о том, в чем состоит смысл культуры вообще. И тем самым Америка грозила подорвать уважение народа к самозванным национальным культурным лидерам. Некоторые из них могли даже предстать в роли каких-то манекенов, поскольку за их произведениями — невразумительными образами и звуками, окутанными столь же маловразумительным пустословием, — не стояло ничего, кроме пустоты¹⁰³.

Напуганные тем, что шло к ним из-за океана, некоторые европейские страны вскоре после окончания Первой мировой войны начали устанавливать квоты. Цель всегда была одна и та же: ограничить процент американских (или, чтобы замаскировать настоящую цель, иностранных) фильмов в прокате, американской музыки на радио и т.п.¹⁰⁴ Все эти запреты действовали не только в метрополиях, но и в колониях; бельгийцы дошли даже до того, что вообще запретили своим подданным в Конго смотреть американские фильмы. Культурные вкусы нацистов были, вообще говоря, весьма демократичны, но и они в 1930-е гг. насаждали свою разновидность культурного национализма. Они запретили джаз и другие формы происходящей из США «еврейско-негритянской дегенеративной» музыки. При случае они избивали тех, кто играл эту музыку или танцевал под нее, для чего использовались погромщики из отрядов СА. Виновные порой оказывались в концентрационных лагерях.

В последние годы жизни Сталина было опасно слушать американские радиостанции, иметь что-либо привезенное из Америки, положительно отзываться об Америке или случайно поговорить со встреченным на улице американцем (если это ужасное преступление вообще было возможно) — за это можно

¹⁰³ Berghahn, “European Elitism, American Money, and Popular Culture”, in Moore and Vaudagan, eds., *The American Century in Europe*, pp. 117–130.

¹⁰⁴ См. об этом: J. Trumhour, *Selling Hollywood to the World; U.S. and European Struggles for Mastery of the Global Film Industry, 1920–1950*, New York, N.Y., Cambridge University Press, 2002, особенно chapter 1.

было загреметь в «соответствующие органы». С 1980-х гг. французское правительство пытается бороться за сохранение чистоты французского языка. Из Европы это течение перекинулось на другие континенты. Китай, Малайзия, Сингапур и многие другие страны, каждая на свой манер, пытаются защититься от неугодных им аспектов американской культуры. В Саудовской Аравии и Индии пытаются помешать людям праздновать День св. Валентина¹⁰⁵.

Все эти меры были не слишком успешны. Введенные в 1920-е гг. запреты несколько понизили долю американских фильмов в европейском прокате, но незначительно и ненадолго¹⁰⁶ — трудно бороться с натиском огромного американского внутреннего рынка. Позднее приток иммигрантов позволил Голливуду дублировать свои фильмы или производить их сразу на нескольких иностранных языках, что помогло сохранить превосходство, завоеванное в эпоху немое кино. Другим способом культурной экспансии было привлечение лучших европейских деятелей кино. Из-за отсутствия необходимых ресурсов ни одна киноиндустрия не была способна на адекватный ответ¹⁰⁷. Нацисты, разумеется, смогли реализовать ограничения на распространение американской культуры, а во время Второй мировой войны целиком отрезали ее от немецкого рынка. Но даже они не смогли помешать немецким подросткам из больших городов, присматривать за которыми было некому, потому что отцы были на фронте, а матери — на работе, выражать свое несогласие с режимом, тайком слушая джаз и даже создавая собственные джазовые оркестры. Гитлер и сам любил по вечерам смотреть в своем поместье Бергхоф американские фильмы, подобранные для него его министром пропаганды, Йозефом Геббельсом. Говорят, что один фильм, «Гроздь гнева» (*The Grapes of Wrath*), так сильно повлиял на его представление об Америке, что помог ему решиться на

¹⁰⁵ Kh. Al Awadh, "People Warned against Celebrating Valentine's Day", Arab News, 14.2.2004 (www.arabnews.com/?page=1§ion=0&article=39498&d=14&m=2&y=2004); "Hindu Hardliners See Red as Indian Couples Take to Valentine's Day", AFP, 14.2.2005; A "Singapore Ends Chewing Gum Ban", CNN News, 25.5.2004.

¹⁰⁶ Некоторые количественные характеристики см. в статье: W. V. Strauss, "Foreign Distribution of American Motion Pictures", *Harvard Business Review*, 8, April 1930, pp. 307—315.

¹⁰⁷ Costigliola, *Awkward Dominion*, pp. 177—178.

объявление ей войны. Очевидно, он принял бродячие ватаги сельских поденщиков за настоящую Америку¹⁰⁸.

Хотя фюрер и запретил фильмы с Микки-Маусом, способность американских мультипликаций воздействовать на массовую аудиторию произвела на него такое впечатление, что он приказал сделать немецкий аналог, но с весьма посредственным успехом. Причины неудачи поучительны. Герои фильмов Диснея, такие, как Микки-Маус, три поросенка и многие другие, часто прибегают к жульничеству, но по сути это хорошие и честные американцы. Представляя образ маленького человека, они стали популярны прежде всего благодаря тому, что противостоят и побеждают куда более сильных противников, которые всячески пытаются их уничтожить, причем иногда самым жестоким образом. Когда нацистская акция по уничтожению голландских евреев столкнулась с некоторым сопротивлением со стороны части населения, Геббельс, по совету Гитлера, решил обратиться к помощи искусства. Его подручные изобрели персонаж, получивший имя *Jodokus* (от *Jood*, еврей, созвучное с *Krokeledokus*, именем традиционного персонажа голландских детских мультфильмов). Как и Микки-Маус, *Jodokus* прибегает к мошенничеству. Но он стремится не к выживанию, а к обогащению за чужой счет. Это был мерзкий и убогий двурушник, делавший всевозможные гадости, а в конце получавший «заслуженное» наказание. Здесь не было и следа раскрепощающей идеи о способности маленького и слабого к успешной борьбе с большим и сильным — идеи, которая и составляет суть диснеевских фильмов.

¹ Кроме фильмов есть еще и радио. С самого начала 1920-х гг. RCA (созданная в 1919 году *Radio Corporation of America*) начала создавать радиостанции в таких далеких странах, как Польша, Аргентина и Филиппины. Она производила программы для разных стран и постепенно превратилась в подлинную транснациональную корпорацию, с которой в других странах могла отчасти сравниться только ВВС. После 1945 года компания стала предпринимать еще большие усилия, на этот раз опираясь на значительные правительственные субсидии. К концу холодной войны у западных, и прежде всего американских

¹⁰⁸ См. об этом: J. V. Compton, *The Swastika and the Eagle: Hitler, the United States, and the Origins of World War II*, Boston, MA, Houghton Mifflin, 1967, pp. 9–23, 218–219, 237.

радиостанций были сотни миллионов слушателей по ту сторону железного занавеса. Сам генеральный секретарь Михаил Горбачев признал их роль в переходе СССР к политике гласности и перестройки, которая завершилась распадом Советского Союза¹⁰⁹.

Судьба Горбачева не остановила, а, пожалуй, и подстегнула руководство Франции к политике борьбы с *franglais**, который запрещено использовать в официальных документах, к введению квот на американские фильмы и музыку и т.д. Успешность этих мер столь же невысока, как и в 1920-х и 1930-х гг. В 2002 году американские фильмы составили 52% французского рынка проката; еще 34% составили французские фильмы, и 14% фильмы других стран¹¹⁰. Члены Французской академии тоже включились в битву, пытаясь справиться с идущим из-за океана бесконечным потоком неологизмов. Ситуация поистине комичная, потому что американские языковые обороты рождаются на улице, в офисах и в магазинах без чьего-либо сознательного усилия. А французы пытаются остановить их распространение с помощью надуманных и вымученных оборотов, изобретаемых комиссиями экспертов. К настоящему времени даже Сингапур отменил запрет на жевательную резинку, из чего можно сделать вывод, что прогресс не остановить.

Как показывает последний пример, с американской продукцией и идеями приходит американский образ жизни. Первые небоскребы были построены в Нью-Йорке и Чикаго к концу XIX века. Но сегодня здания, почти неотличимо похожие на них, можно видеть во множестве городов, от Йокогамы до Тель-Авива; нынче их с поразительной скоростью строят даже в Куала-Лумпуре и Шанхае. Первые настоящие пригороды были построены в США в конце 1940-х гг., но сегодня значительная часть населения мира хочет жить в поселениях, как можно более похожих на американский оригинал. Собственно говоря, учитывая, сколько американцев живут в пригородах,

¹⁰⁹ Ср.: W. R. Roberts, "The Information Revolution I: a Breakdown in the East?", *The World Today*, 45, 6, 1989, pp. 95—96.

* "*Franglais*" — смесь французского и английского (*фр.*). — *Прим. перев.*

¹¹⁰ См. об этом: J. Delacroix and J. Bornon, "Can Protectionism Ever Be Respectable? A Skeptic's Case for the Cultural Exception, with Special Reference to French Movies", *The Independent Review*, ix, 3, winter 2005, p. 364.

можно назвать эти поселки важнейшей статьей американского экспорта. Вместе с пригородами приходит множество всего, что обычно ассоциируется с Америкой: частные плавательные бассейны, грили, газонокосилки, автомобили, городские магистрали, семьи с двумя машинами, фастфуд, полуфабрикаты... Вероятно, только недостаток пространства и дороговизна земли помешали другим странам превратить свои города в подобия Лос-Анджелеса.

Универсальные магазины вроде нью-йоркского *Macy's*, чикагского *Marshall Fields*, бостонского *Jordan Marsh* и филаделфийского *Wannamaker's* впервые распахнули свои двери в 1870-е гг.¹¹¹, но к настоящему времени они и их преемники и подражатели распространились даже в Индии. То же самое относится к сетям специализированных магазинов, первой из которых была чайная компания *Atlantic and Pacific Tea Company*. Гамбургеры и хот-доги ведут свое происхождение из США, но к концу XX века их можно было купить даже в Санкт-Петербургском Эрмитаже (хоть и почти несъедобные). Аналогичным образом идея «сексуальной революции» возникла в США в 1960-е гг. Отсюда она быстро пошла на экспорт по всему миру вместе с такими американскими танцами, как твист, фраг и все, что пришло им на смену.

По пятам «сексуальной революции» в жизнь ворвались ее незаконнорожденные отпрыски, в том числе феминизм, высокий уровень разводов (который превращает брак в игру «музыкальные стулья»), одинокие родители (90% которых одинокие матери) и политкорректность. Все это несетя таким цунами публикаций, радиопостановок, кинофильмов, телесериалов и веб-сайтов, что укрыться не в силах даже полуграмотные люди из стран, где не говорят по-английски. Бесчисленные иностранные студенты мечтают завершить образование в США, а бесчисленные профессора надеются провести здесь годичный отпуск. Уже этих причин достаточно для того, чтобы школы и университеты по всему миру взялись перенимать американскую модель образования¹¹². В Германии

¹¹¹ О начальном период их истории см.: Leach, *Land of Desire*, особенно pp. 15—38.

¹¹² См., например, J. Bockock and others, "American Influence on British Higher Education; Science, Technology and the Problem of University Expansion, 1947—1963", *Minerva*, 41, 4, 2003, pp. 327—346.

переходят на американскую систему научных степеней, заменяют семестры триместрами, вводят систему зачетных баллов за прослушанные курсы и тому подобное.

Некоторые страны открыты американскому влиянию больше, другие — меньше; безоглядно перенимают американские образцы очень немногие. Небоскребов может быть сколько угодно, но ни один европейский город не похож на Даллас. Рестораны «Макдоналдс» есть везде, но подаваемые там мясо, жареная картошка и горчица везде немного разные. Многообразие столь велико, что один автор даже вывернул ситуацию наизнанку и написал о «европеизации американской культуры»¹¹³. То же самое в полной мере относится ко многим другим странам, от Индии до Японии, не говоря о городке Мевасерет Сион, близ Иерусалима, где расположен единственный в мире кошерный «Макдоналдс». Единственная, пожалуй, страна, которой с успехом удается избегать американского влияния — это Северная Корея, «государство-отшельник». В результате ее народ голодает в прямом смысле слова.

Во многом это влияние вовсе не случайно. Напротив, оно культивировалось намеренно или по меньшей мере подкреплялось рекламой, как в случае производителя сигарет, которому пришла в голову блестящая идея о создании мифической «страны Мальборо». Таким образом, коммерческие интересы, экономическая мощь и политическая власть объединяются, создавая игровую площадку, на которой господствует фактор Америки. В прошлом даже попытки исключить американское влияние зачастую оказывались разрушительными. Еще важнее, пожалуй, те факторы, благодаря которым США всегда служили магнитом для людей со всего мира и благодаря которым эта страна и сейчас остается страной иммиграции *par excellence*. Главным из них является обетование личной свободы, включая, по-видимому, свободу женатых и неженатых пар в один прекрасный день, называемый днем любви, дарить друг другу розы. Свобода порождает возможности (по крайней мере все в это верят), и как бы длинна и трудна ни была дорога, в ее конце человека и его детей ждет достаток и лучшее будущее. США и вправду уловили дух времени, обещая (или якобы обещая) все это.

¹¹³ Pells, *Not Like Us*, pp. 324.

Ярко пылающие, подгоняемые чрезвычайно своеобразным сочетанием идеализма, праведности, жадности, страха, отчуждения, предубежденности и неугомонности, неизменно стремящиеся к небесам, но нередко попадающие в ад американцы все время толкают этот мир вперед. Попадая в Америку или возвращаясь оттуда, иностранцы могут объяснить, сколь тяжела бывает жизнь. Критики — отечественные и иностранные — вправе разоблачать ее идеалы свободы, равенства и справедливости. Они то подвергают сомнению истолкование американцами этих идеалов, то утверждают, что американцы привержены им только на словах, а в действительности изменяют им. То, что в этом много правды, не станут отрицать даже самые непреклонные американские неоконсерваторы, взявшись сделать мир безопасным для звездно-полосатого флага, морской пехоты и кофеен *Starbucks**. И все же следует признать два элементарных факта. Во-первых, хотя среди американцев есть циники и почти все американцы иногда цинично относятся к определенным вещам, очень немногие из них проявляют цинизм все время и в отношении всего и вся. Многие, а может, и большинство из них чаще всего искренни. Именно это в какой-то мере и делает их жизнь такой трудной.

Во-вторых, идеи, за которые выступают американцы, обладают взрывной разрушительной силой именно потому, что большинство из них чаще всего по-настоящему искренни в своих убеждениях. Строго говоря, американцы всегда были не одиноки в своей приверженности этим идеям. В 2005 году многие европейцы увлеклись очередной попыткой провести границу между собой и «Западом». Они настаивают, что их собственная культура абсолютно иная и, разумеется, она более утонченная, чем та смесь вульгарности и животной чувственности, которая царит по ту сторону Атлантики. Независимо от того, насколько истинно или ложно подобное представление, английские и французские философы Просвещения еще до возникновения США на протяжении десятилетий распространяли эти узнаваемо современные, узнаваемо либеральные и демократические

* Игра слов: «Сделать мир безопасным для демократии» — лозунг, сформулированный президентом Вудро Вильсоном для объяснения цели вступления США в Первую мировую войну. — *Ред.*

идеи. Именно у них американцы заимствовали многие из собственных идей. Всего через несколько лет после возникновения Соединенных Штатов Америки Франция сбросила *ancien régime** и приняла собственную версию этих идей.

Во времена революции Франция, с населением примерно вдесятеро большим, чем в США, и не отделенная от Европы Атлантикой, была самой могущественной державой Запада. Вначале она реформировала свои учреждения так, чтобы они соответствовали новым идеалам, и по случайности выбрала флаг тех же цветов, что и американский. Потом она занялась экспортом новых идеалов и делала это с непревзойденным *élan*** и с помощью невиданного в то время огромного числа штыков, мушкетов и пушек. Отход от этих идей означало не что иное, как поражение Наполеона в 1815 году (а многие отнесут эти события ко времени захвата им власти в 1799 году). Но джинна не удалось загнать обратно в бутылку — и вся королевская конница, и вся королевская рать, и даже сам князь Меттерних не смогли собрать этого Шалтая-Болтая. На протяжении всего XIX века слышался и ощущался подземный гул, порой прорывавшийся яркими извержениями, причем не только во Франции, но и почти во всей Европе.

Весь XIX век многие европейцы продолжали видеть в Америке источник вдохновения, а многие даже искали в ней убежища от преследований. Нужно признать, что почти до самого 1900 года страной наиболее мощной либеральной традиции была Великобритания, но она притягивала слабее. Прежде всего, она, в отличие от США, не была и не стала «нацией наций». На деле редко где иностранцу так трудно стать в обществе своим, как в Британии со всей ее неподражаемой смесью классового сознания, снобизма, сдержанности, эксцентричности и юмора. Во-вторых, Великобритания ввела всеобщее (для мужчин) избирательное право только в 1918 году. До этого настоящей демократии не было даже в метрополии. Не было страны, в которой трудящимся классам так же строго указывали их место и обращались с ними так же жестко; и не было страны, где так страшно было бы оказаться бедным, как в Великобритании 1820—1890 гг. Еще в большей степени это относится к колониям, где Британия правила железной рукой, и где, как

* Старый порядок (фр.). — Прим. перев.

** Стремление, порыв (фр.). — Ред.

показала война с бурами в Южной Африке, она при необходимости прибегала к самым суровым и жестоким мерам.

Поэтому способность Великобритании экспортировать свой либерализм, да и свою культуру в целом, была ограничена преимущественно ее доминионами. Она была привлекательна для определенных групп элиты других стран. Во времена Второго Рейха немецкие аристократы одобряли женитьбу на британских наследниках. Тон задал сам кайзер, надевший форму британского адмирала. Даже в 1914—1918 гг., когда его страна воевала с Британской империей не на жизнь, а на смерть, он продолжал платить рабочим, возводившим для его сына, кронпринца, дворец в стиле английского загородного дома. Однако за пределами тех секторов общества, восприимчивых к ее снобистскому обаянию, британская модель зачастую воспринималась с безразличием и даже враждебностью, а ее представители — как чрезмерно властные и надменные люди¹¹⁴. Хотя британцы могли утверждать, что их империя была «величайшей силой добра во всей мировой истории», но лишь немногие иностранцы (находящиеся как внутри, так и вне империи) могли с этим согласиться. Поэтому только Соединенные Штаты Америки, и особенно обещания Вильсона сделать этот мир безопасным для демократии, положили начало той почти всемирной притягательности идеалов демократии и либерализма, которой они обладают сегодня.

В истории последних двух столетий либеральная демократия была не единственным транснациональным массовым движением, принявшим идеалы свободы, равенства и справедливости. Были и другие, и наиболее значительными среди них, пожалуй, являются социализм и ислам. Возникший примерно в середине XIX века социализм в некоторых отношениях явился продолжением либеральной демократии, а в других — ее прямым отрицанием. Он шел по следам своего отчима в том, что требовал свободы и равенства. Отличался же он тем, что рассматривал равенство, и прежде всего равенство в имуществе и доходе, как необходимое предварительное условие свободы, а не наоборот: согласно Марксу, только так можно построить истинно справедливое общество. Возрождающийся ислам подходит с абсолютно иной позиции. В силу

¹¹⁴ Kennedy, *The Rise of the Anglo-German Antagonism 1860—1914*, Winchester, MA, Allen & Unwin, 1980, pp. 386—409.

своего религиозного характера он рассматривает свободу как повиновение воле Аллаха. Равенство естественным образом преобладает в кругу всех истинно верующих независимо от расы, общественного положения или собственности, ну а справедливость и правосудие возникают, когда правители и подданные строго следуют религиозным законам, т.е. *sh'aria* (шариату).

Если говорить о начале XXI века, то ни первое, ни второе из этих движений, как представляется, не имели такого успеха в распространении своих идеалов, как либеральная демократия. Одна из причин этого состоит в том, что уже в 1900 году социализм раскололся на два ожесточенно враждующих лагеря. Один из них, коммунизм, выродился в ряд кровожадных тоталитарных режимов. После Второй мировой войны они безобразным лишаем покрывали землю от Восточного Берлина на западе до Пхеньяна на востоке, пока большинство из них не рухнуло, не выдержав собственной тяжести. В той мере, в какой коммунизм еще существует, скажем, в Китае, он утратил почти всякий интерес к социальной справедливости. В прошлое ушла и почти вся притягательность коммунизма, и осталась лишь диктатура, смягчаемая коррупцией. Социалистическая или социал-демократическая разновидность социализма еще жива, но, отступая шаг за шагом, утратила всякую наступательную энергию. Там, где еще господствует социализм, скажем, в Великобритании, Германии и Швеции, он стал почти неотличим от либеральной демократии, фактически слившись с ней. Его способность служить факелом для страждущего человечества весьма ограничена. Другим странам он может предложить небольшую денежную помощь в сочетании с благожелательным наставлением, а внутри страны — скучноватую, комфортабельную жизнь в ухоженном садике¹¹⁵.

У ислама были дни славы, но они далеко в прошлом. По меньшей мере с начала XVIII века он воспринимался как воплощение отсталости — сначала в немусульманском мире, а по мере распространения европейских идей и европейского влияния на Ближнем Востоке, в Африке и в Азии к такому же выводу приходят и многие мусульмане. Начиная с 1826 года, когда султан Махмуд II реформировал армию Османской

¹¹⁵ R. Kagan, *On Paradise and Power*, pp. 53—70.

империи, и вплоть до высшего подъема «арабского социализма» в 1950 — 1980 гг., предпринималось немало попыток модернизировать исламские общества, однако успех был в лучшем случае смешанным. К концу XX века эти неудачи позволили исламу в очередной раз выйти на арену. Его цель заключается именно в том, чтобы создать надежную защиту от западного, и прежде всего от американского, культурного влияния в странах, где он господствует.

Современный исламский фундаментализм сумел добиться определенных успехов в достижении этой цели¹¹⁶. Но успехи эти ограничены в силу того факта, что, хотя исповедуемые им идеи имеют взрывной характер — слишком часто, увы, в самом буквальном смысле слова, — они привлекательны исключительно для мусульман. Как показывает идущая во многих регионах мира вооруженная борьба, ислам способен (если вообще способен) добиться внимания сторонников других религий только силой оружия. Но, обращаясь к силе оружия, он создает врагов по меньшей мере столько же, сколько и новообращенных. Он способен обратить в бегство сторонников других религий, которым приходится спасать свою жизнь, как это происходит в Ираке, на Западном берегу реки Иордан и, до известной степени, даже в бедных районах европейских городов. Однако ему не по силам обратить их в свою веру и таким образом укрепиться числом.

Здесь мы не станем обсуждать, наступил ли конец истории, как считает Френсис Фукуяма¹¹⁷. Фукуяма написал свою знаменитую статью как раз в тот момент, когда либеральная демократия праздновала свой величайший триумф — рухнул Советский Союз и окончилась холодная война. Поэтому он на радостях преувеличил способность либеральной демократии и трансформировать бывшие коммунистические страны, и оказать глубокое влияние на неевропейский, и прежде всего на исламский мир. Среди первых лишь немногие сумели принять принципы свободы, равенства и справедливости, а некоторые, движимые страхом перед анархией или просто

¹¹⁶ F. Zakaria, *The Future of Freedom; Illiberal Democracy at Home and Abroad*, New York, N. Y., Norton, 2003, pp. 119—160.

¹¹⁷ F. Fukuyama, *The End of History and the Last Man*, New York, N. Y., Free Press, 1992. [Рус. пер.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, АСТ Москва, Хранитель, 2007.]

волей диктатора, более деятельного и жестокого, чем остальные, все дальше отходят от них. В последнем случае многие страны оказались глухими к пению сирен либеральной демократии. Другие, похоже, оказались готовы скорее к распаду, чем к принятию этих принципов; некоторые авторы доказывают, что это результат структуры семейных отношений, укорененных настолько глубоко, что любые изменения оказываются невозможными¹¹⁸.

Однако с учетом этих исключений и приняв за посылку принимаемую Фукуямой гегелевскую философию истории, он по существу прав. Для тех, кто уже живет в условиях либеральной демократии, это единственный образ жизни, который они готовы принять. Это нечто такое, что они будут хранить, лелеять и защищать почти любой ценой. Если они порой и ворчат на нее, то лишь потому, что не верят по-настоящему в возможность какой-либо серьезной угрозы для своих обществ, а также в силу того, что не знают никакой другой жизни. Для тех, кто еще не живет в условиях либеральной демократии, это единственное движение, которое, как говорил Сэмюэл Хантингтон, способно действовать поверх границ, разделяющих разные цивилизации¹¹⁹. При этом она преисполняет людей решимостью и ведет к великим и славным деяниям. В этом смысле либерально-демократическая версия свободы, равенства и справедливости действительно восторжествовала.

Если исходить из числа приверженцев, экономической мощи, количества и качества высокоточного оружия, которое может быть доставлено в любую точку Земли, то самым могучим поборником либеральной демократии являются США. Но это далеко не все и, возможно, даже не самое важное. Для распространения своих идей США, подобно исламу, но в куда большем масштабе, часто прибегали и продолжают прибегать к военной силе и убили намного больше людей, чем какой-нибудь бен Ладен. При этом они, подобно исламу,

¹¹⁸ См. великолепный анализ, данный в книге: E. Todd, *The Explanation of Ideology; Family Structures and Social Systems*, Oxford, Blackwell, 1985, особенно pp. 134—154.

¹¹⁹ S. P. Huntington, *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, New York, N.Y. Simon&Schuster, 1996, p. 54. [Рус. пер.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 134.]

создают больше врагов, чем друзей¹²⁰. Но США отличаются от ислама в том, что у них есть идея, которая как ни одна другая способна проникать далеко за пределы их собственных границ, сколь бы сомнительны ни были в глазах многих пришедшие ей достоинства.

Американская версия свободы, равенства и справедливости сама по себе уникальна, но при этом подобна тем, которые признаются в других странах. Она не лишена недостатков, в том числе весьма серьезных, но и в этом она остается всего лишь человеческой, слишком человеческой. Отличие Америки состоит в том, что она, в определенном смысле, и *есть* всё это — и свобода, и равенство, и справедливость. Никакая другая страна никогда не могла утверждать подобное и, пожалуй, никогда не сможет. Однажды было сказано, что если ни один человек не является героем в глазах своего слуги, то не потому, что на свете нет героев, а потому что слишком многие слуги не в состоянии узнать героя, даже когда он стоит прямо перед ними. Если некоторые не в состоянии понять, что такое Америка, то это, вероятно, больше говорит о них, чем о ней.

¹²⁰ См. данные об отношении иностранцев к США в работе: J. S. Nye, *Soft Power; The Means to Success in World Politics*, New York, N.Y. Public Affairs, 2005, pp. 41–44.

Глава 8

ПОМЫСЛИТЬ НЕМЫСЛИМОЕ

Сегодня, в начале XXI века, не может быть сомнений в том, что США — одна из величайших «историй успеха» в истории человечества. На протяжении более чем двухсот лет их население росло, ресурсы множились, а мощь увеличивалась быстрее, чем у прочих стран, и, не считая периода Гражданской войны, все это происходило без тех кровавых катаклизмов, которые пережили многие страны. В ходе своего восхождения США затмили многих и время от времени сокрушали тех, кто пытался противостоять им, либо подозревался в попытке противостояния. Некоторые и, вероятно, многие успехи были достигнуты не вполне честными и мирными средствами. Но в этом США едва ли одиноки.

Природа, милостиво предоставив американцам для расселения лучшую часть почти пустого континента да еще и по океану по обе его стороны для защиты от врагов извне, сделала для роста США больше, чем для других стран. Тем не менее значительной частью роста американцы обязаны, конечно же, самим себе — своей воле, энергии, способности создавать и поддерживать благоприятные для себя условия. Первое из этих условий — демократическая форма правления. При всех своих недостатках она в основном обеспечивала согласие и стабильность, а также социальный мир, если и не самый совершенный из возможных, то по крайней мере достаточно устойчивый и допускающий сравнительно цивилизованную жизнь. Второе условие — экономический климат, который всегда благоприятствовал иммиграции (и до сих пор поощряет ее), упорному труду, новаторству, а также технологическому и научному прогрессу. Третье условие — общественный строй, во многих отношениях и для множества людей чрезвычайно суровый, но никогда не создававший серьезных помех росту, а во многом и стимулировавший его.

Сам факт, что американцы столь долгое время действовали с таким успехом, показывает, что они сумели «колонизировать» будущее. Под этим я подразумеваю, что они успешнее

всех сумели предвидеть, что принесет им это будущее, каким оно будет, как до него добраться и как получить от него выгоду. Если бы не эта «синхронность между ростом США в качестве глобальной либеральной державы и общесистемными императивами модернизации»¹, как сформулировал один автор, Америка никогда не стала бы тем, что она есть, не говоря уж об экспорте своей цивилизации и образа жизни во все концы света. Америка умудрилась ухватить современность за чуб, о чем с очевидностью свидетельствует то, что она экспортирует все подряд, от фото- и кинокамер до холодильников. Еще поразительнее то, что страна по-прежнему остается синонимом современности и через сорок лет после того, как дефицит американского внешнеторгового баланса превратился в такую дыру, что в нее могла бы ухнуть целая вселенная. Учитывая скорость и масштаб развития Китая, уже недалек тот день, когда практически все, продаваемое в магазинах США, будет импортировано оттуда — не только игрушки, кеды и майки, но и радио и телеприемники, DVD-проигрыватели и все остальное. Тем не менее если говорить о стилях жизни, стремлениях и идеалах, то именно китайцы лезут из кожи вон, чтобы подражать США, а не наоборот, и зачастую вопреки всем усилиям своего правительства, направленным на то, чтобы не допустить по возможности никаких заимствований.

До сих пор американская история представляла собой почти безостановочный подъем, приведший к мировой гегемонии. Вот вопрос на сто триллионов долларов: удастся ли продолжить этот подъем в XXI веке? Или США ждут стагнация и начало упадка? Сами американцы, а особенно некоторые наиболее образованные люди страны, с тревогой искали ответ на этот вопрос. Если не с первых дней существования страны, то по меньшей мере с 1903 года, когда Тедди Рузвельт сообщил публике, что все великие народы со временем сходят со сцены²; поиск ответа шел если не постоянно, то уж во всяком случае при каждой очередной вспышке экзистенциальной тревоги и само-

¹ G. J. Ikenberry, "American Unipolarity; The Sources of Persistence and Decline", in *idem*, ed., *America Unrivaled; the Future of the Balance of Power*, Ithaca, N.Y., Cornell University Press, 2000, p. 296

² "Message to the Congress", 6.12.1903, in H. Habgerdorn, ed., *The Works of Theodore Roosevelt*, New York, N.Y., Scribner's, 1925, pp. 255—256.

бичевания. Недавно слова Рузвельта эхом отдались в высказываниях таких светил, как бывший государственный секретарь Генри Киссинджер, бывший помощник президента по вопросам национальной безопасности Збигнев Бжезинский и знаменитый политолог Сэмюэл Хантингтон³. В 1996 году то же самое сказал Джеймс Шлезингер, бывший министр обороны в администрации Ричарда Никсона. Но есть важное различие. Целью Рузвельта было прищипорить американцев, подтолкнуть их к еще большим усилиям, пока не закатилось их солнце. Шлезингер (возможно, потому что он уже пожилой человек) выражает смирение, а не надежду.

К дискуссии присоединились и иностранцы. Легенда гласит, будто в ссылке на острове Св. Елены Наполеон заявил, что будущее принадлежит России и Соединенным Штатам Америки. Некоторые считали возвышение Америки неизбежным. Стив, например, цитирует «образованного еврея», сказавшего, что ему неизвестно, насколько хватит американского «запаса энергии», но «в данный момент нет никаких признаков истощения этого резервуара»⁴. Другие иностранцы полагали, что уже различают конец американской мощи, и предсказывали ей близкий и неминуемый крах — примером может служить французский историк и демограф Эммануэль Тодд⁵. Очень часто этими предсказателями двигателя не любовь к истине, а ненависть, страх и, разумеется, зависть. Пусть другие спорят о том, насколько оправданны страх и ненависть. Я хочу лишь заявить, что оснований для зависти предостаточно.

Спор о будущем тесно связан с американской «исключительностью». По словам известного консервативного критика Билла Линда, американская исключительность «повторяет испанскую исключительность, французскую исключительность, австрийскую исключительность и так далее. Исключителен каждый, пока история не докажет обратного»⁶. Стоя на ступенях Капитолия и глядя на Эспланаду, легко поражаться амери-

³ См., например, Z. Brzezinski, *The Grand Chessboard*, New York, N.Y., Basic Books, 1997, pp. 24–29; а также: J. S. Nye, Jr., *The Paradox of American Power*, New York, N.Y., Oxford University Press, 2002, pp. 168–171.

⁴ Stead, *The Americanization of the World*, p. 147.

⁵ Todd, *After the Empire*.

⁶ Уильям Линд, частное письмо, 11.2.2005. Я хочу поблагодарить Билла за разрешение его процитировать.

канскому могуществу. Однако так же легко размышлять о том, что со времен пирамид все столицы империй всегда производили впечатление величия, и все они, без исключения, пришли в упадок. В лучшем случае (вновь процитируем Теодора Рузвельта) они оставили в истории «неизгладимый отпечаток». В худшем они были полностью погребены песками или поросли джунглями. Уже сам факт, что меры по борьбе с терроризмом привели к тому, что простые люди больше не могут совершать поступков, которые прежде представлялись естественными — например, любоваться Эспланадой с лестницы Капитолия, — может служить доказательством того, что Америка клонится к упадку.

Это, однако, всего лишь умозрительные построения. Утверждение, что США, представляющие менее 5% мирового населения, не смогут вечно сохранять свое превосходство, а потому обречены на упадок, подобно всем своим предшественникам, может заинтересовать эстета, перед глазами которого возникнет смутный образ руин на месте Белого дома и зарослей вокруг Капитолия. Но вряд ли оно поможет тем, кто обязан смотреть в будущее, скажем, на 10—25 лет и по возможности подготовиться к нему. На самом деле нам нужно знать, какие механизмы могут привести страну к окончательному упадку, каковы будут последствия этого для Соединенных Штатов Америки и остального мира, так ли близок упадок, чтобы начинать думать о нем уже сегодня, что можно сделать, чтобы предотвратить упадок, а если он действительно неизбежен, то как действовать, чтобы избежать катастрофы, как это столь часто случалось в прошлом. Это трудные вопросы, и далее я попытаюсь ответить на них.

Каким образом Америка может утратить то завидное положение, которое она занимает в настоящее время? Прежде всего забудьте о многочисленных политических, институциональных, правовых и социальных проблемах страны. Я не говорю, что этих проблем нет или что они несерьезны; я говорю лишь, что как бы тяжелы ни были все эти проблемы с точки зрения иностранцев, американцы к ним приспособились и справляются с ними. Собственно говоря, именно эта их способность и образует значительную часть американской загадки, которая и составляет предмет этой книги.

Действительно, социально-экономическое неравенство сегодня очень велико, но так было практически всегда. Одно исследование показало, что распределение богатства едва ли претерпело какие-либо изменения за период 1774—1986 гг.⁷ Если в 1989 году более половины богатства страны принадлежало 1% населения, то и в 1890 году ситуация была точно такой же⁸. Большую часть того, что произошло за это время (если и произошло), можно объяснить увеличением иммиграции⁹. Неслучайно так называемый «золотой период» в распределении доходов (1933—1973 гг.) довольно точно совпал с тем периодом американской истории (1924—1965 гг.), когда иммиграция была приостановлена. В 2000 году, по данным исключительно тщательного исследования, американский коэффициент Джини*, который экономисты используют для измерения неравенства в распределении богатства, скорректированный по паритету покупательной способности, составил 0,801. Этот показатель выше, чем у большинства других развитых стран, что указывает на большее неравенство, но он существенно меньше, чем у большинства развивающихся стран; фактически этот коэффициент почти в точности равен среднему для всего населения планеты (0,802)¹⁰. И американцы отнюдь не утратили оптимизма. В 2005 году из каждых четырех опрошенных трое сказали, что в сравнении с 1975 годом их шансы

⁷ С. Shammas, “A New Look at the Long Term Trends in Wealth Inequality”, *American Historical Review*, 98, 2, April 1993, p. 420.

⁸ Данные за 1989 г., Lind, *The Next American Nation*, p. 191.

⁹ S. Camorata, “The Impact of Immigration on the Size and Growth of the Poor Population in the United States”, Washington D.C, Center for Immigration Studies, 1999.

* Коэффициент Джини — статистический показатель, используемый для характеристики степени неравенства в распределении некой величины (например, дохода или богатства) в генеральной совокупности. Принимает значение от 0 (равномерное распределение) до 1 (максимальная степень неравенства) и измеряет отклонение фактического распределения от идеального равномерного распределения. — *Ред.*

¹⁰ J. Davies et al., “The World Distribution of Household Wealth” United Nations University, December 2006, table 11b (http://www.wider.unu.edu/publications/working-papers/discussion-papers/2008/en_GB/dp2008-03/_files/78918010772127840/default/dp2008-03.pdf).

на социальный успех либо повысились, либо остались прежними¹¹. Сегодня, как и в прошлом, жизнь многих американцев нелегка. Сегодня, как и в прошлом, ни этот факт, ни неравенство в распределении богатства не мешают американцам расти, процветать и опережать в этом весь остальной мир.

На протяжении всей американской истории этническая пестрота была правилом, а не исключением. Когда-то проблемой считались китайские и японские иммигранты, и принимались жесткие законы, ограничивавшие их приток в страну. Было время, когда источником страхов служили «обезьяноподобные», «дикие», «чувственные», «зверские», «звероподобные» и, разумеется, «пьяные» ирландцы¹². В свой черед источником опасений были итальянцы, русские, поляки и выходцы с Балкан — всех их считали существами низшего порядка. Цена интеграции, измеряемая человеческими страданиями, порой была очень велика.

Тем не менее страна справлялась с подобными проблемами в прошлом и, несомненно, совладеет и в будущем — если не навсегда, то на очень долгое время, если не на основе английского языка, то на основе испанского или какого-то сочетания этих языков, которому еще только предстоит сформироваться. Впечатляющее развитие Майами после 1960 года показало, насколько хороши испаноязычные американцы в умении делать деньги, то есть в самом американском из всех видов деятельности. Многочисленные испаноязычные иммигранты вовсе не укрепляют католицизм и не размывают традиционные ценности; напротив, многие из них присоединяются к протестантским церквям¹³. Подобно предыдущим группам иммигрантов, они уже начали покидать те места, где поселились, как только прибыли в Америку, и стали распространяться по всей стране. Недавно их молодежь даже заслужила высшую похвалу тем, что (предположительно) начинает половую жизнь

¹¹ Опрос организован *New York Times*. (www.nytimes.com/packages/html/national/20050515_CLASS_GRAPHIC/index_04.html).

¹² Эпитеты взяты мною из работы: R. Takaki, *A Different Mirror*, Boston, MA, Little, Brown 1993, p. 149. См. также: A. M. Greeley, *That Most Distressful Nation: The Taming of the American Irish*, Chicago, IL, Quadrangle, 1972.

¹³ A. Soto, "U.S. Protestants Recruit Latino Immigrants", 15.7. 2005 (http://www.redorbit.com/news/health/174254/us_protestants_recruit_latino_immigrants/index.html).

позже, чем англоязычные¹⁴. Кто скажет, что они менее пригодны для того, чтобы вести Америку в будущее, чем WASP — белые протестанты англо-саксонского происхождения?

Среди множества теорий, оценивающих будущее Америки в свете ее прошлого и настоящего, лучше всего известны те, что опираются главным образом на дефицит бюджета и платежного баланса. Пожалуй, самым влиятельным представителем этого подхода является Пол Кеннеди, развивающий его в своей книге «Взлет и падение великих держав» (*The Rise and Fall of Great Powers*). Живя и работая в Великобритании, Кеннеди занимался историей дипломатии и специализировался на вопросах англо-германских отношений перед Первой мировой войной. Подобно многим из числа своих наиболее удачливых коллег, впоследствии он нашел пристанище на зеленых берегах Америки, представленный в его случае Йельским университетом. Мало кто станет отрицать, что его книга во многих отношениях превосходна. Но она ни за что не стала бы бестселлером, если бы не вышла в свет в 1987 году, во время краха фондового рынка. Иными словами, она подтвердила распространившиеся страхи и много на этом выиграла.

Как и большинство замечательных книг, она несет простую идею. В былые века сильнейшими державами мира или по меньшей мере той его части, которая тяготеет к Западной Европе, были сначала Испания, потом Франция, а после Британия. Подъем каждой из этих стран опирался на сочетание экономической и военной мощи. Задолго до того, как Лондон стал главным торговым центром мира, сходную роль играли Севилья, Генуя и Антверпен (два последних города являлись владениями Испании). Задолго до того, как британцы показали, насколько успешны они в качестве строителей империи, *tercios** сметали все на своем пути. Расширяя и строя империю, каждая страна достигала точки, в которой метрополии уже нечем было оплачивать расходы на защиту имперских владений. Кеннеди называет это явление «перенапряжением империи» [imperial overstretch]. Именно в перенапряжении, сопровождаемом мириадами вторичных симптомов, состояла причина краха предыдущих империй. Любопытно, что

¹⁴ “Culture Keeps Hispanic Youth from Sex—Study”, 7.3.2005 (<http://www.hivdent.org/pediatrics/pedCKHY0305.htm>).

* Пехотные полки в XVI—XVII вв. (исп.). — Прим. перев.

Пол Кеннеди, признавая, что Советский Союз стоит перед серьезными проблемами, все же не предвидел краха, который ждал эту страну в ближайшем будущем¹⁵. Зато, всецело сосредоточившись на американском дефиците бюджета и платежного баланса, он закончил книгу предупреждением, что США либо быстро решат эти проблемы, либо должны приготовиться к серьезнейшим последствиям.

В 1993 году Кеннеди выпустил еще один бестселлер под названием «Готовясь к двадцать первому веку» (*Preparing for the Twenty-First Century*). Здесь он продолжает с того места, где закончил предыдущую книгу, повторяя, что США страдают от «имперского перенапряжения», и дополняет книгу рассуждением, что страны, которые не страдают всем этим — Швейцария и Германия, — лучше подготовлены к встрече с будущим. К несчастью для него, как раз в то время Федеративная Республика Германия, заглотившая Германскую Демократическую Республику как удав кролика (и сильно американизировавшаяся по ходу дела), начала выказывать признаки сильного несварения желудка. Поскольку Германия издавна была экономическим мотором Европы, ее проблемы затронули весь континент. А тем временем на другом берегу Атлантики администрация Клинтона содействовала небывалому рывку американской экономики, создающей новые технологии и рабочие места темпами, которые поразили мир.

Мы уже говорили о том, что случилось с американским экономическим чудом после 2000 года, и не станем повторяться. Достаточно сказать, что если у Америки есть проблемы, то они есть и у каждого из ее главных соперников. В 2006 году бюджетный дефицит США (включая расходы на Ирак) составил примерно 260 млрд долларов. Это составляло примерно 2% ВВП, что не намного больше, чем у многих стран Евросоюза, в том числе у самых больших. В том же году совокупный национальный долг составил около 65% ВВП. Это больше, чем у Великобритании (42%) и у Швейцарии (51%). Это примерно столько же, сколько у Франции и Канады (по 65%), но меньше, чем у Германии (68%), у Италии (108%) и у Японии (176%)¹⁶. После провалившихся

¹⁵ Paul Kennedy, *The Rise and Fall of the Great Powers*, p. 513.

¹⁶ Данные из: *World Fact Book, 2007* (http://www.cenimar.com/factbook/trend_list.jsp).

попыток 1990-х гг. расшевелить экономику правительство Японии тратит на обслуживание долга втрое большую часть государственного бюджета, чем американское. Таким образом, не Вашингтон, а Токио рискует потерять финансовую свободу действий.

Обычно бюджетный дефицит ведет к некоторой инфляции, но Федеральная резервная система не допускает этого. ФРС не может контролировать расходы правительства, которые, как и в других демократических странах, подпадают под юрисдикцию законодательных органов. Но она использует свои методы, чтобы контролировать инфляцию, и многие годы именно в этом и состояла главная задача ФРС. Всем известно, что в США цены растут на протяжении уже довольно длительного времени, но инфляция, за исключением периода конца 1970-х гг., когда она достигала 9% в год, обычно настолько невысока, что не мешает людям жить. Некоторые даже отмечают, что инфляция заставляет людей вкладывать деньги, а не держать их под спудом, и что пока она держится на уровне от 1% до 3% в год, то действует в качестве полезного стимула экономического роста¹⁷. Например, в 1897—1914 гг. имел место величайший подъем в истории США. Возникли гигантские корпорации, многие из которых до сих пор играют доминирующую роль в мировой экономике, реальный ВВП увеличивался в среднем на 6% в год, а инфляция на протяжении всего периода составляла в среднем 3% в год. В 1950—1965 гг. годовая инфляция составляла в среднем 2%. В правление президента Клинтона она не превышала 3% в год.

Если дефицит бюджета сохранится, правительство США и впредь будет тратить больше денег, чем собирает. Как показывает история многих империй прошлого, это может привести к катастрофическим результатам, но такой итог никоим образом не является ни неизбежным, ни даже вероятным. В последний раз индекс стоимости жизни понижался в 1939—1940 гг. После этого он только рос и в 2004 году составил

¹⁷ Например, M. S. Khan and A. S. Senhadji, "Threshold Effects in the Relationship between Inflation and Growth", IMF Staff Paper, vol. 48, No. 1, 2001 (<http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2000/wp00110.pdf>); а также в более популярном изложении, T. Thirwall, "Inflation is No Devil in Monetary Policy Deal", *Guardian*, 24.12.2004.

1330% по отношению к уровню 1940 года.¹⁸ Инфляция длится уже так долго, что стала, можно сказать, неотъемлемой частью экономики. В США и за их пределами большинство людей принимают ее как данность, действуют соответственно и учитывают ее, когда откладывают или вкладывают деньги, а также когда их тратят. Если исключить катастрофический сценарий развития событий, в соответствии с которым, скажем, стране не удастся вовремя найти решение финансовых проблем системы социального обеспечения (а некоторые доказывают, что и здесь все может обойтись без проблем), почему все это не может продолжаться еще какое-то время?

Предположим, однако, что оправдались наихудшие предсказания и возникла гиперинфляция. Систему социального обеспечения ждут нелегкие времена, но одни лишь ее проблемы вряд ли способны привести к катастрофе. В конце концов, если эта свинья-копилка разобьется, правительство может одним росчерком пера уменьшить или приостановить платежи. Такое решение, естественно, поставит в крайне тяжелое положение многих, не сумевших накопить достаточно денег к старости. Но из-за этого ни один американец не бросит работу и не перестанет торговать. Наиболее вероятным результатом окажется то, что в ход будет пущено все, что сейчас, можно сказать, простаивает без пользы: например, можно увеличить возраст выхода на пенсию. С большей вероятностью экономический крах может произойти в том случае, если люди потеряют веру в способность правительства отвечать по другим обязательствам — например, выплачивать жалование и, в первую очередь, проценты по долгу. Это как раз то, что в теории может случиться в любой момент и по любой причине или вовсе безо всяких причин.

Но, если взять наихудший из сценариев, могут ли США пережить гиперинфляцию? Другие страны, в том числе куда меньшие по размеру и по обеспеченности материальными ресурсами, ее пережили. Франция в 1790-х гг. прошла через период гиперинфляции — всего за три года *assignats*^{*}, которые революционное правительство печатало вместо настоящих денег, потеряли 98% стоимости. В то же самое время

¹⁸ Индекс потребительских цен, рассчитываемый Министерством труда США (<ftp://ftp.bls.gov/pub/special.requests/cpi/cpiiai.txt>).

* Букв.: ассигнации (фр.). — Прим. перев.

вооруженные силы вели войну на всех фронтах против войск первой и второй коалиций. А страна не только выжила, но и разбила своих врагов и сумела на короткое время объединить под своей властью Европу, чего не случилось со времен Карла Великого и что еще раз повторится только в начале 1940-х гг. при Гитлере.

В 1918—1922 гг., в первые годы своего существования, СССР прошел через период гиперинфляции, пережил чудовищный голод, а потом превратился в сверхдержаву, доминирующую на евразийском континенте. В 1920—1923 гг. Германия прошла через жесточайшую гиперинфляцию, но выжила. За ней последовали «хорошие» годы Веймарской республики, когда Германия производила впечатление бастиона стабильности в беспокойной Центральной Европе, когда были заложены основы того, что во многих отношениях являлось самым передовым государством благосостояния, когда немецкая культура процветала как никогда прежде или, как утверждают некоторые, как никогда больше не процветала с тех пор¹⁹. В 2001 году рухнула финансовая система Аргентины, но спустя четыре года она уже была на пути к выздоровлению. В конце концов, финансовые системы — всего лишь клочки бумаги и магнитные диски, на которых записаны числа и расписки. Имеют значение не они, а доверие людей. В других странах бывали периоды, когда это доверие исчезало, а через несколько лет им большой ценой удавалось его восстановить. Почему США не смогут сделать то же самое?

Остается вопрос о дефиците торгового баланса. Мало кто станет отрицать, что существующий уже столько лет торговый дефицит свидетельствует о фундаментальной слабости американской экономики и что эта слабость не может не иметь последствий для США и остального мира. Собственно говоря, речь даже не о будущем, потому что эти последствия ощущаются всеми нами уже в течение 30 лет. С тех пор, как в 1972 году Никсон разорвал связь доллара с золотом, курс доллара претерпевает резкие колебания: сначала относительно иены и важнейших европейских валют того времени, а после

¹⁹ Об этих и других примерах гиперинфляции см.: Th. Watkins, "Episodes of Hyperinflation", San Jose State University, Economics Department, n.d. (<http://www.sjsu.edu/faculty/watkins/hyper.htm>).

2000 года — относительно иены и евро. Весной 2007 года доллар после шести лет падения потерял почти 60% ценности и был близок к историческому минимуму. И он не упал относительно юаня только потому, что этому помешал Пекин, который выдерживает политику жесткого валютного контроля.

И все же мир не рухнул, а возвращается как прежде. Тому есть три причины, и все три существенны. Во-первых, в 2004 году импорт США включал не менее чем на 698 млрд долларов товаров, произведенных на американских дочерних предприятиях за рубежом. А расположенные в США предприятия иностранных корпораций экспортировали товаров всего на 123 млрд долларов, преимущественно в Канаду и Мексику²⁰. Разница между двумя показателями составила 575 млрд долларов, что намного больше, чем весь внешнеторговый дефицит США, составивший всего 431 млрд долларов.²¹ Что бы ни производили иностранные корпорации, создающие предприятия в США, — цемент, автомобили или телекоммуникации, — они производят все это для американского же рынка. А многие американские корпорации, перенося производство за границу, делают это для того, чтобы потом отправлять свою продукцию собственным ненасытным потребителям. Это объясняет, почему, в отличие от ситуации до 1945 года, когда американские предприятия за рубежом ориентировались на производство для населения этих стран, сегодня корпорации крайне редко требуют установления импортных тарифов, защищающих их от иностранных конкурентов. Напротив, они решительно выступают против любых тарифов на импорт чего угодно — от спортивных туфель фирмы *Nike* до автомобилей *Chevrolet* (в действительности *Daewoo*). Иными словами, зачастую вовсе не иностранные фирмы теснят американских производителей в Америке. Чаще это делают американские фирмы и нередко именно те американские фирмы, которые вынесли производство в другие страны.

Во-вторых, к 2003 году, по данным Бюро экономического анализа, иностранные инвестиции в США превысили сумму американских инвестиций за рубежом более чем на 2 трлн

²⁰ U.S. Census Bureau News, 12.4.2005 (<http://freerepublic.com/focus/f-news/1390019/posts>).

²¹ World Trade Organization, *International Trade Statistics*, 2004, tables 1.5, 1.8.

долларов²², и если уж это не служит доказательством всеобщей веры в будущее американской экономики, то какие еще доказательства нужны? В-третьих, повышение курса евро относительно доллара (2001—2007 гг.) во многом всего лишь оптическая иллюзия. Курс евро следует сравнивать не с тем, каким он был в низшей точке падения в конце 2000 года, а с его курсом в начале 1999 года, когда он только вышел на рынок. Можно пойти еще дальше, сравнив его с курсом доллара относительно немецкой марки (ближайшая предшественница евро) по состоянию на 1979 год. При этом мы обнаружим, что за 28 лет курс колебался много раз. В целом получается, что курс европейской валюты вырос за этот период всего на 15%, то есть рост составил чуть более 0,5% в год. Это не назовешь «свободным падением». Во Франкфурте, где размещается европейский Центральный банк, огни сейчас сияют ярче, но и в Нью-Йорке они отнюдь не погасли.

Если падение доллара продолжится, может возникнуть вопрос о том, что в качестве резервной валюты его заменит евро — ну и что? Такого рода сдвиги происходили и в прошлом. Великобритания, которая эмитировала резервную валюту до восхождения доллара, утратила империю и в этом смысле «пришла в упадок». Но уже Уильям Стид в 1900 году сомневался в ее способности бесконечно долго править своими владениями, которые по большей части рвутся на волю. К тому же, «придя в упадок», Великобритания по-прежнему существует и процветает больше, чем когда-либо. Своим процветанием она, как это ни парадоксально, в значительной степени обязана тому факту, что под руководством Маргарет Тэтчер с начала 1980-х гг. пошла дорогой, которой идут «приходящие в упадок» Соединенные Штаты Америки, и делает это куда последовательнее, чем остальные члены Евросоюза. Она приватизировала гигантские государственные корпорации, которые жерновами висели на шее страны, провела значительное дерегулирование, ослабила профсоюзы²³ и в итоге позволила разрыву между богатыми и бедными стать намного больше, чем

²² По данным Бюро экономического анализа, см. www.bea.gov/bea/di/htm, а также www.bea.gov/bea/newsrel/transnewsrelease.htm.

²³ См. об этом: D. W. Ellwood, "The Quest for a British Modernity", in L. Moore and M. Vaudagna, ed., *The American Century in Europe*, pp. 140—46.

он был в 1970-х гг., когда курс фунта стерлингов был на исторически самом низком уровне, Лондон выглядел и вонял, как гигантская трущоба, а люди толковали о том, что «Британию слили в канализацию».

Пока доллар все-таки не рухнул, падение его курса может нанести куда больший ущерб не самим США, а Европе, Японии и прежде всего Китаю, имеющему самые большие долларовые резервы. Ущерб этот состоит в удушении их экспорта, увеличении безработицы и понижении покупательной способности дорого доставшихся запасов американской валюты. В конце концов, есть существенная доля истины в утверждении, что неприятности Америки, так же, как неприятности Великобритании в 1919—1949 гг., напрямую проистекают из того факта, что курс доллара в качестве «резервной» валюты по определению сильно завышен. Это позволяет американским гражданам неудержимо тратить свои доллары за границей, а процветающим американским фирмам переносить производство в другие страны.

Но предположим, что причиной краха явится неожиданный кризис доверия, который вынудит иностранцев разом избавиться от всех своих долларов (что им будет сделать довольно трудно, потому что в Америке они владеют не только клочками бумаги, но и такими материальными активами, как недвижимость, производственные активы и т.п.). В этом случае США, несомненно, введут валютный контроль, как поступали в прошлом многие другие страны. Учитывая роль Америки в мировой торговле, вероятным результатом будет мировой экономический кризис, который накроет всех или почти всех, поэтому все заинтересованы в том, чтобы его избежать.

При всем при том эти два случая несопоставимы. Что бы ни думать о США, это не маленький остров со сравнительно небольшим населением и скудными природными ресурсами, который, благодаря стартовому рывку в период индустриализации, сумел вырваться вперед и смог распространить свою власть на четвертую часть земной суши. В сравнении с тем, что имела Великобритания в момент расцвета, заморские владения Америки ничтожны. Эту «империю» она может с легким сердцем утратить. Но никуда не денутся такие ее материальные активы, как огромная территория (сама по себе источник силы), богатые почвы, огромные запасы многих видов сырья, многочисленное, хорошо образованное и очень трудолюбивое

население, а также гигантские производственные мощности. А поскольку все это останется нетронутым, США по-прежнему будут мощнее, чем любая отдельная страна, и будут сопоставимы с тем аморфным конгломератом стран, которое известно миру как Евросоюз.

Нельзя полностью исключить возможность того, что внезапная катастрофа порвет правовые и политические связи, обеспечивающие единство общества. Но и в этом отношении почти все окажутся в одной лодке. После краха 1929 года в США политическая система устояла, а в других местах — нет. Если общественный порядок сохранится и американцы не начнут стрелять друг в друга из принадлежащих им 220 000 000 стволов, есть все основания считать, что США выстоят и вновь встанут на ноги. Во всяком случае, подняться им будет не труднее, чем любому другому. А вновь встав на ноги, они вновь окажутся если не *самой* большой, то одной из самых больших экономик мира.

А не получится ли так, что международный финансовый кризис, вызванный крахом доллара, обернется большой войной? В этом отношении история тоже может кое-чему научить. Хотя замена фунта стерлингов на доллар была важной поворотной точкой, трудно найти прямую связь между этим сдвигом и двумя мировыми войнами. Вообще говоря, можно рассуждать о том, что эти войны были связаны с изменением баланса экономических возможностей соперничавших держав. Если предположить, как это делает Пол Кеннеди²⁴, что причиной, пусть и косвенной, таких всплесков вооруженного насилия, которые известны нам под именем мировых войн, были сдвиги в соотношении экономической мощи, то возникает вопрос о том, не повторится ли этот сценарий. Прежде чем пытаться ответить на этот вопрос, полезно вспомнить об англичанине Нормане Энджелле. В своем бестселлере 1910 года «Великая иллюзия» (*The Great Illusion*) Энджелл утверждал, что в эпоху, когда главным источником богатства стало не производство, а торговля, война лишается смысла. А раз так, то все меньше оснований опасаться начала войны. Все мы знаем, что случилось дальше.

²⁴ P. Kennedy *The Rise of Anglo-German Antagonism, 1860—1914*, Humanity Books: 1988, pp. 464—466.

Рассмотрим самый плохой сценарий. В США разражается гиперинфляция, и иностранцы решают вообще отказаться от доллара, либо все происходит в обратном порядке, а итог — глобальный финансовый крах. Во многих странах мира множество людей теряют все, что имели. Экономическая активность резко падает. Принимаются меры против свободного перемещения денег и товаров, результатом чего оказывается массовая безработица. Можно ожидать, что в результате во многих частях мира вспыхнут беспорядки, революционные восстания и вооруженные конфликты внутри стран и между странами. Можно предположить, что Китай, будучи недемократической страной с длительной историей нестабильности и самыми большими долларовыми запасами, окажется особенно подвержен такому развитию событий²⁵. Но каким образом это кровопролитие может отразиться на США? Даже если реализуется именно этот сценарий, они все равно сохранят превосходство практически над любой другой страной мира. Обширные территории, укрытые за двумя океанами, два соседа, не представляющие никакой угрозы, — словом, об идее вторжения извне можно забыть.

Как в энный раз показала война в Ираке, вооруженные силы Америки неспособны контролировать не то что весь мир, но даже страну с населением 24 млн человек. Им хватает сил для того, чтобы разрушать и завоевывать, но не для того, чтобы оккупировать и удерживать. И все же эти вооруженные силы, особенно флот и авиация, настолько превосходят все прочие, что говорить о соперничестве с ними просто не имеет смысла. До окончания Второй мировой войны главной причиной падения великих держав неизменно было поражение в большой войне, разгром вооруженных сил и во многих случаях хотя бы временная оккупация территории. Ситуация, однако, претерпела фундаментальные изменения. Никакая война не может нанести серьезный ущерб стране, обладающей столь большим и изощренным ядерным арсеналом, каким располагают Соединенные Штаты Америки²⁶. Президент США, стоит ему лишь пожелать, может нажатием кнопки в любой момент в течение часа

²⁵ См. об этом: В. Stokes, “Self Confident China”, *National Journal*, 16.7.2005, pp. 2275—2276.

²⁶ См.: Ikenberry, “American Unipolarity”, p. 290; а также: J. Joffe, “Defying History and Theory”, in Ikenberry, ed., *America Unrivaled*, p. 156.

уничтожить любую из 190 стран мира, не выходя из Овального кабинета. Если не считать четырех стран, обладающих межконтинентальными баллистическими ракетами, — России, Китая, Франции и Великобритании, — он может сделать это, не опасаясь никакого возмездия. Поскольку, таким образом, полный военный разгром исключен, худшее, что может ожидать США в случае длинной серии небольших поражений в разнообразных военных конфликтах вроде войны в Ираке, заключается в утрате статуса *единственной* сверхдержавы. Тогда страна вновь окажется в положении одной из ряда держав, и некоторые специалисты в области стратегии считают такой исход не только приемлемым, но и желательным²⁷.

Что же касается американских страхов, что такие «государства-изгои», как Северная Корея, Иран и Ирак (когда он еще не был разбит), в один прекрасный день станут угрозой их безопасности, я могу лишь повторить, что эта шутка настолько неудачна, что отнестись к ней серьезно могут только американцы²⁸. США десятилетиями сдерживали агрессию самой могущественной военной машины, которую когда-либо видел мир и которая, по утверждениям множества специалистов, во многих отношениях превосходила американские вооруженные силы. Как вообще могла появиться мысль, что США не хватит сил сдерживать «врагов», настолько слабых и бедных, что они с трудом могут прокормить собственное население, и настолько малых, что их на карте найти нелегко? Судя по всему, дело в особенностях психики людей вроде Доналда Рамсфельда, который начал говорить об этой опасности еще в 1988 году²⁹, а вовсе не в том, что способны разработать, сделать, придумать или учудить какие-либо «страны-изгои» или их вожди.

Остается только одна военная угроза — терроризм. То, что случилось 11 сентября, ужасно само по себе. Но и до этого события уже звучали многочисленные предостережения³⁰, что

²⁷ Например, С. А. Kupchan, “Hollow Hegemony or Stable Multipolarity?” in Ickenberry, ed., *America Unrivaled*, pp. 68–97.

²⁸ В. Cuming and others, *Inventing the Axis of Evil: The Truth about North Korea, Iran, and Syria*, New York, N.Y., New Press, 2004.

²⁹ В то время Рамсфельд возглавлял Комитет Конгресса по распространению ракетного оружия; см.: М. Decter, *Rumsfeld, a Personal Portrait*, New York, N.Y., Regan Books, 2003, pp. 107–111.

³⁰ См., например, доклад Харта/Рудмена (Hart/Rudman Report, March 2001), <http://www.fas.org/irp/threat/nssg.pdf>.

можно ожидать куда худшего, если террористы используют химическое, биологическое и даже ядерное оружие. Вряд ли уместно обращаться здесь к анализу вероятности подобных нападений, шансов на их предотвращение, возможных последствий и т.п. Достаточно сказать, что, по утверждению авторов последних докладов президенту Бушу, США не располагают разведывательными возможностями, чтобы гарантированно исключить такую перспективу³¹, и здесь не поможет даже самая тщательная проверка авиапассажиров.

Но было бы полезно напомнить, что разрушение Гамбурга, Дрездена, Токио, Хиросимы и Нагасаки не привело к «краху» Германии и Японии, во всяком случае эти страны не рухнули и не исчезли, как Рим и многие другие империи. Напротив, обе страны смогли довольно быстро подняться из руин, причем стали во многих отношениях сильнее и определенно куда привлекательнее, чем прежде; то же самое, если уж на то пошло, можно сказать и о самих городах Нагасаки, Хиросиме, Токио, Дрездене и Гамбурге. Можно даже утверждать, а некоторые и утверждают, что главная опасность терроризма не в том, скольких он может убить и сколько разрушить, а в тех ограничениях свободы, к которым он уже принудил и к которым может принудить в будущем³².

Подведем итог. Из двух главных угроз, стоящих перед США, первая представляется намного более серьезной. Даже если экономика рухнет и даже если при этом большинство других стран не пострадают, серьезное военное нападение на США невозможно. Если исключить ядерную войну, которая приведет к полному уничтожению цивилизации в том смысле, в каком мы понимаем это слово, та же ситуация сохранится и в будущем. США могут потерпеть поражение, даже унижительное, но их не удастся покорить и поставить на колени. Нельзя исключить возможность террористической атаки с использованием оружия массового поражения, которая будет иметь

³¹ “Notable Quotes about U.S. WMD Commission Report”, Reuters, 31.3.2005 (www.alertnet.org/thenews/newsdesk/N31261314.htm); J. J. Lumpkin, “Bush Intel Panel See Difficult Task Ahead”, Yahoo! News, 1.4.2004.

³² Например: R. C. Leone and G. Angrig, eds., *The War on Our Freedoms*, New York, N.Y., Public Affairs, 2003; а также: D. Goldberg et al., eds., *It's A Free Country; Personal Freedom in America After September 11*, New York, Thunder Mouth, 2002.

очень серьезные последствия. Но ее последствия для страны с почти трехсотмиллионным населением, занимающей территорию почти 3 700 000 кв. миль, неизбежно будут весьма ограниченными, особенно если представить, что нечто подобное может произойти и с другими странами.

Если говорить о первых десятилетиях XXI века, то США во многом превратились в «либеральную империю», влияние которой охватывает весь мир. Некоторые эксперты считают такое положение дел если не идеальным, то, во всяком случае, более предпочтительным, чем любая другая возможная ситуация³³. Я не согласен с ними. Как *belle époque** люди вспоминают не десятилетия доминирования США после 1945 года, а годы перед Первой мировой войной, когда, во всяком случае в так называемом развитом мире, жизнь была более цивилизованной, чем когда-либо впоследствии. В результате «заката» Америки нынешний однополярный мир может превратиться в многополярный, в котором главными игроками станут США, Евросоюз (если сумеет действовать согласованно), Россия, Индия, Китай и Япония. В этом случае равновесие сил будет не менее, а более стабильным, чем до изобретения ядерного оружия³⁴. Такой мировой порядок не по вкусу некоторым жадным до власти людям в Белом доме и Пентагоне, которых страшит то, что они, со своей любовью к обтекаемым эвфемизмам, называют появлением «равного соперника»³⁵. Тем не менее, учитывая, что нынешний порядок вещей создает для засевающей на острове гориллы соблазн демонстрировать агрессивное поведение по поводу и без повода, будущий порядок не обязательно будет хуже сегодняшнего.

³³ N. Ferguson, *Colossus: The Price of American Empire*, New York, N.Y., Penguin, 2004.

* Золотой век (фр.). — Прим. перев.

³⁴ Первым высказал предположение, что распространение ядерного оружия может оказаться полезным для мира, K. N. Waltz, *The Spread of Nuclear Weapons: More May be Better*, Adelphi Paper, No. 171, London, International Institute of Strategic Studies, 1981. Насколько я понимаю, с тех пор события неизменно подтверждали это его предположение.

³⁵ Цит. по: J. A. Alsace, "In Search of Monsters to Destroy: American Empire in the New Millennium", *Parameters*, 33, 3, autumn 2003, p. 123.

Сколько придется ждать этого самого «заката»? Учитывая, сколько зависит от известного своим непостоянством фактора доверия, ответить на этот вопрос невозможно. Медленный, милосердный «закат», характеризуемый инфляцией и падающим долларом, может длиться десятилетиями и так никогда и не завершиться. С другой стороны, как уже отмечалось, всегда есть шанс, что доверие может рухнуть мгновенно, следствием чего станет внезапный кризис. Вообразите, что «Аль-Каида» или подобная ей организация сумела доставить в Нью-Йорк атомную бомбу, чтобы шантажировать Америку или просто взорвать ее. Или представьте, что доллар будет падать до момента, когда инвесторы всего мира решат, что с них достаточно. Вообразить можно многое.

Иными словами, бессмысленно и бесполезно пытаться угадать, когда начнется «закат», тем более что, по мнению некоторых, он уже начался. Даже не будучи согласны с этим мнением, мы не в силах ответить на вопрос о временах и сроках. Упадок может начаться завтра, а может почти неощутимо длиться чрезвычайно долгое время, а может так и не наступить. Пожалуй, полезнее было бы задаться вопросом, что сделать для того, чтобы если не развернуть долговременную тенденцию, то хотя бы обеспечить мягкую посадку. Кеннеди и многие другие комментаторы исходят из того, что корень проблемы в экономике и что беды американской экономики неким образом связаны с величиной вооруженных сил и с тем, что они разбросаны по всему миру. Соответственно очевидный подход к решению проблемы заключается в том, чтобы должным образом сократить вооруженные силы: собственно говоря, если закрыть Пентагон, то проблема бюджетного дефицита будет решена мгновенно.

Без слов понятно, что любое выступление с подобными рекомендациями обречено быть гласом вопиющего в пустыне. Дело в том, что многие американцы, не задумываясь над тем, что их страна обладает неслыханной военной мощью, без ума влюблены в «оборону», и к тому же, как доказали администрации Рейгана и Дж. Буша-младшего, партия, которая со времен Рузвельта чаще всего добивалась власти под лозунгом «ответственной» фискальной политики, одновременно настаивает на том, чтобы не жалеть денег на оборону. Аналитики, связанные с консервативным Институтом Катона, предла-

гают другой подход: американские вооруженные силы слишком велики и обходятся чрезмерно дорого, а потому их следует уменьшить примерно наполовину. Недостаток этого подхода, если считать его недостатком, состоит в том, что многие американские генералы неожиданно окажутся без дела, а военно-промышленному комплексу придется сократиться. Придется также сократить развернутые силы и закрыть многие военные базы. Большинство этих баз, пусть и не все, расположены за рубежом. Поэтому в результате военного присутствия США в десятках мест уменьшится, а может, и сведется к нулю. Станут ли США в результате такого сокращения защищены менее, чем они были защищены, скажем, до первой заморской авантюры в ходе испано-американской войны? Я в этом сомневаюсь. Сомневаются и многие американцы. В 1995 и в 2005 гг. очень многие из них высказались за то, что их страна должна оставить заботу о распространении демократии и не вмешиваться в дела других народов³⁶.

Уменьшение американских вооруженных сил не нанесет ущерба безопасности страны, зато после переходного периода, который для многих окажется очень болезненным, ее экономика сможет радикально оздоровиться. Бюджетный дефицит уменьшится, инфляционное давление ослабнет, а ФРС сможет понизить процентные ставки. Как мы могли убедиться, идея, что чрезмерное развитие оборонной промышленности неблагоприятно сказывается на научном и технологическом прогрессе, вовсе не самоочевидна, но передача значительных ресурсов из оборонного сектора в гражданский тоже вряд ли нанесет вред. Собственно говоря, есть только один сценарий событий, который реально ущемляет способность Америки если не владычествовать над миром, то хотя бы играть в нем важную роль, и он предполагает возможность объединения против США всего евразийского континента. Некоторые, подобно Тодду, нетерпеливо ждут такого исхода. Другие, подобно Бжезинскому, опасаются этого и считают, что для предотвращения

³⁶ Данные за 1995 г: M. Morris, "Searching for a New Domestic Consensus", in R. L. Hutchins, ed., *At the End of the American Century*, Baltimore, MD, Johns Hopkins University Press, 1998, p. 202 figure 14.2. Данные за 2005: "Americans Say Bush is Out of Touch, but Are More Optimistic About Iraq", 3.5.2005 (<http://www.fileitunder.com/2005/03/file-it-under-acronyms-for-afp.html>).

развития событий по этому сценарию США должны и впредь держать гарнизоны и контролировать континент со всех сторон, как это делалось с конца Второй мировой войны.

Но и Бжезинскому и Тодду вряд ли удастся увидеть, как сбываются их опасения и надежды. Последняя попытка объединить Евразию была предпринята лет восемьсот назад Чингисханом. Но созданная им империя простояла всего несколько лет, а потом рухнула под собственным весом. Единое государство, простирающееся от Дублина до Владивостока, включающее еще и Китай, может возникнуть либо по доброму согласию, либо по принуждению. Учитывая огромные культурные различия между Евросоюзом, Россией и Китаем, никакое согласие здесь невозможно. Некоторые полагают, что Россия, население которой тает год от года, скорее будет раздавлена между Евросоюзом и Китаем, чем объединится с кем-либо из соседей. Куда вероятнее, что Россия вернется к авторитаризму и вновь станет самой собой. В этом случае Европа, естественно, станет зависеть от США не меньше, а больше.

Чем бы дело ни кончилось, у США сохранятся возможности лавировать между другими державами. Учитывая, что после 1945 года число существующих в мире государств утроилось, можно даже утверждать, что формирование новых больших государств противоречит исторической тенденции, а потому маловероятно. Находящаяся в безопасности на своем острове горилла может быть уверена, что ее враги, если они действительно враги, останутся разъединенными. Насколько можно предвидеть, «решетки тюрьмы», как выразился однажды Франклин Рузвельт, говоря о возможности того, что диктаторы могут захватить мир, останутся открытыми.

При любых обстоятельствах главная задача состоит в том, чтобы гарантировать, что закат США, если и когда он произойдет (и тем более если он уже начался), будет постепенным и без больших потрясений. Это нелегкая задача, потому что мы не умеем предсказывать внезапные события, которые могут разрушить доверие в экономической жизни, а также потому что мир был и будет полон хаоса. Если закат Америки будет происходить постепенно, то, при всех неизбежных неурядицах, трудно понять, о чем беспокоиться ее гражданам, да и всему остальному миру. Если он окажется внезапным, то здесь и вовсе ничего не поделаешь, и останется только позаботиться о предотвращении широкомасштабных внутренних

беспорядков и насилия, а потом собрать осколки и попытаться вновь встать на ноги.

Можно ли сказать, что иссякла главная сила Америки, ее паразитическая способность управлять будущим? В первом десятилетии XXI века по сравнению с многими другими странами американское общество все еще является более открытым для новшеств, а американские инвесторы по-прежнему больше готовы рисковать. Еще большее значение имеют два следующих факта. Во-первых, даже при том что рождаемость в Америке по-прежнему выше, чем в большинстве других развитых стран, США все так же привлекательны для миллионов и миллионов иммигрантов. Некоторые из них приезжают легально, другие — нет. В любом случае, большинство иммигрантов становятся частью великого потока национальной жизни, изменяют его и сами при этом меняются. Порой они придают этому потоку совершенно неожиданные направления, но в конце концов они всегда придавали ему силу, а не ослабляли его. Во-вторых, США все так же продолжают наводнять мир неослабевающим потоком всего — от кинофильмов до законов против наркотиков и сомнений в истинности дарвинизма, и делают это с такой силой, что, по словам журнала *The Economist*, «Вчера — Америка, сегодня — весь мир»³⁷.

Нужно сказать, что сегодня иммигранты приезжают сюда не из тех стран, что прежде. До закрытия иммиграции в 1924 году в Америку на протяжении столетий приезжали преимущественно европейцы, включая все более растущее число иммигрантов из Восточной и Южной Европы — то есть из стран, которые мы сегодня называем «развитыми», а в менее лицемерные времена называли «цивилизованными». После того, как в 1965 году ворота вновь отворились, из этих краев приезжает лишь незначительное меньшинство иммигрантов. Если еще в 1963 году посетивший США немец увидел перед собой страну, «где утопия стала реальностью»³⁸, всего через несколько лет она перестала привлекать массовую иммиграцию

³⁷ “In the Beginning”, *Economist.com Special*, 19.4.2007 (http://www.economist.com/world/PrinterFriendly.cfm?story_id=9036706).

³⁸ H. von Borch, *The Unfinished Society*, London, Sidgwick and Jackson, 1963, p. 14.

из Европы. Одним из результатов стало то, что мне с моим голландским паспортом не понадобилась въездная виза.

С другой стороны, когда я путешествую со своим израильским паспортом, виза *нужна* — и в этом отношении я подобен людям из всех других стран, которых правительство США надменно считает недостаточно развитыми, чтобы заслужить право бесконтрольного въезда. Сегодня Америка мало что может предложить среднему жителю Западной Европы, Австралии или Японии (хотя она может предложить и предлагает очень многое тем, кто выше или считает себя выше среднего уровня). Тем не менее множество людей со всех сторон света продолжают стучаться в ее двери. Очень часто они готовы на все, чтобы попасть сюда. Даже рискуя своей жизнью, как мексиканские иммигранты, пытающиеся пересечь Аризонскую пустыню и гибнущие в пути от жажды. И даже ценой нелегального проживания там, где удастся осесть.

Экспорт американской культуры наталкивается на сопротивление по меньшей мере с начала XX века, но трудно сказать, стало ли оно со временем сильнее. Дело в том, что исследование этих процессов началось сравнительно недавно, и к тому же такого рода экспорт подвержен значительным, пусть и краткосрочным колебаниям в соответствии с тем, насколько другие страны одобряют действия США — вернее, Белого дома. После начала иракской войны в 2003 году была попытка бойкотировать американскую кинопродукцию и прочее, и примерно то же самое происходило в период войны во Вьетнаме. С уверенностью можно сказать лишь то, что экспорт культурной продукции хоть и не тождественен экономической, политической и военной мощи Америки, но тесно с ней связан. Пока растет сила, будет расти и культурное влияние США. Если сила начнет иссякать, начнет иссякать и влияние.

С помощью или без помощи государства, многие новостные агентства — от *BBC* до «Аль-Джазиры» и от франкоязычных до испаноязычных служб новостей — делают все, чтобы сломать американскую монополию в области информации. Они добиваются известных успехов, но лишь до известных пределов. «Аль-Джазире» потребуется очень много времени на то, чтобы за пределами арабского мира у нее стало столько же зрителей, сколько у CNN в арабских странах. И, безусловно, уйдет очень много времени на то, чтобы французский аналог Google.com, который пытается набрать обороты сейчас, в начале 2007 года,

смог конкурировать с оригиналом хотя бы во франкоязычных странах. Ни китайский, ни арабский, ни испанский не заменят английского в качестве важнейшего языка этого мира. Тот факт, что китайцев, изучающих английский, куда больше, чем американцев, учащихся китайский, показывает, что и Пекин не верит в изменение этой ситуации; более того, кое-кто полагает, что всего через несколько лет число китайцев, использующих английский в качестве второго языка, превзойдет общее число тех, для кого английский является родным. США, несомненно, останутся экспортером культурных благ, если и не доминирующим, как сегодня, то, во всяком случае, самым значительным и намного опережающим всех остальных.

Я не хочу сказать, что культурное преобладание США сохранится навсегда — ничто не вечно. Помимо относительного ослабления экономики, еще по крайней мере два процесса могут привести к тому, что американские идеи утратят влияние. Во-первых, надеть судейскую мантию и стать главным глашатаем либеральной демократии может другая страна (или объединение стран). Сегодня единственным кандидатом на эту роль является Евросоюз. Дело в том, что он, как и США, также является объединением народов (а потому, в отличие от Японии, не привязан к одной культуре), а кроме того, также подобно США, он все в большей степени превращается в сообщество иммигрантов (будем исходить из того, что иммиграция не приведет к терроризму и в конечном итоге к гражданской войне). Некоторые скажут, что Евросоюз, оказывая мягкое давление на желающих присоединиться к нему или торговать с ним, уже сегодня делает для распространения либеральной демократии больше, чем США с их склонностью к военным авантюрам³⁹. Объединенные в рамках НАТО, эти двое подобны супружеской паре. У них разные подходы к миру, они дополняют друг друга, то ссорятся, то мирятся, но не расстаются.

За пределами Америки однажды может возникнуть диктатура столь же мощная, как некогда Советский Союз. Быть может, ей удастся создать ядерное оружие, и она попытается использовать его, чтобы запугивать и/или сокрушать тех, кто встанет на ее пути. Даже если предположить, что, проводя такую политику, она сможет выжить, для устойчивости ей

³⁹ Nye, *Soft Power*, pp. 75—83.

понадобится некая новая идеология, которая сможет стать убедительной альтернативой той, которую представляют Америка, а также, в своей мягкой манере, Европейский союз. Причина состоит в том, что, как признает даже Макиавелли в последней главе трактата «Государь», без большой идеи, которая будет, так сказать, тащить людей за волосы, невозможно долго удерживать власть.

Как уже отмечалось⁴⁰, за последние двести с лишним лет критики Америки чаще попадали впросак, когда были пессимистами, чем когда были оптимистами. Как бы плохо люди ни относились к США и какие бы претензии они ни предъявляли идее, которую представляет Америка, в настоящее время и близко не видно никакой другой, которая могла бы так же охватить весь мир. Предположим, что страна сможет преодолеть экономические трудности или, во всяком случае, сумеет предотвратить скатывание к катастрофическому краху, который затронет каждого в этом мире. Предположим также, что война с терроризмом не дойдет до саморазрушительных крайностей, которые нанесут столь серьезный ущерб многим людям, что вызовет серьезное, возможно, даже вооруженное сопротивление; по сути дела, уже есть признаки того, что начинается формирование движения с целью не допустить подобного развития событий⁴¹. В этом случае Америка по-прежнему будет если не доминировать, то по крайней мере играть важную роль в мировой жизни. И то же самое можно сказать о ее возвышенной, пусть и не лишенной недостатков, мечте о свободе, равенстве и справедливости для всех и каждого.

⁴⁰ Commager, *America in Perspective*, p. xv.

⁴¹ См., например: AFP, "Pentagon Wants to End Controversial Spying Program", 26.4.2007 (http://news.yahoo.com/s/afp/20070425/pl_afp/usiraqdefense_070425230526).

БИБЛИОГРАФИЯ

- A Summary Report of the World Youth Survey*, 1989, Tokyo, Prime Minister's Office, 1989.
- Abramovitz, M. *Regulating the Lives of Women: Social Welfare Policy from Colonial Times to the Present*, Boston, Ma, South End Press, 1996 [1988].
- Adams, John. *A Defence of the Constitutions of Government of the United States of America*, New York, N. Y., Da Capo, 1971, [1787–1788].
- Adebayo, A. *Can I Have My Balls Back, Please?*, Boston, MA, National Book Network, 2002.
- Alexander Hamilton, "Continentalist", 4.7.1782, in H. C. Syrett, ed., *The Papers of Alexander Hamilton*, New York, N. Y., Columbia University Press, 1961–1979.
- Alexander, H. *Financing Politics: Money, Elections and Political Reform*, Washington D.C., Congressional Quarterly Press, 1992.
- Althusser, L. *Montesquieu, la politique et l'histoire*, Paris, Presses Universitaires, 1959.
- Ambrose S. J. and J. A. Barber, eds. *The Military and American Society*, New York, N. Y., Free Press, 1972.
- Ambrose, S. E. *Duty, Honor, Country: A History of West Point*, Baltimore Md., Johns Hopkins Press, 1960.
- Ambrose, S. E. *Eisenhower*, New York, N. Y., Simon & Schuster, 1984.
- America's International Relations since World War I*, New York, N. Y., Oxford University Press, 1999.
- Amin, T. "Why Are European Teens Healthier?" Network for Family Education, Rutgers University, 2004.
- Amott T. and J. Matthaehi, *Race, Gender, and Work: A Multi-Cultural Economic History of Women in the United States*, Boston, MA, South End, 1996.
- Anderson, R. M. *Vision of the Disinherited; The Making of American Pentecostalism*, Peabody, MA, Hendrickson, 1979.
- Arendell, T. ed. *Contemporary Parenting; Challenges and Issues*, London, Sage, 1997.
- Armey, D. *The Freedom Revolution*, Washington D. C., Regnery, 1995.
- Arnold, M. "Civilization in the United States: First and Last Impressions" [1888] in H. S. Commager, ed., *America in Perspective: The United States through Foreign Eyes*, New York, N. Y., Mentor, 1947.
- Austin, G. *Herman Hollerith; Forgotten Giant of Information Processing*, New York, N. Y., Columbia University Press, 1982.
- Ball, T. "The Myth of Adam and American Liberty", in T. Ball, ed., *Reappraising Political Theory: Revisionist Studies in the History of Political Thought*, Oxford, Clarendon, 1995.
- Barber, J. A. "The Social Effects of Military Service", in Ambrose S. J. and J. A. Barber, eds. *The Military and American Society*, New York, N. Y., Free Press, 1972..

- Barker-Benfield, G. J. *The Horrors of the Half-Known Life: Male Attitudes Toward Women and Sexuality in Nineteenth-Century America*, New York, N. Y., Harper & Row, 1976.
- Barzini, L. *O America*, New York, N. Y., Harper & Row, 1977.
- Baynes, N. ed. *The Speeches of Adolf Hitler, 1922–1939*, London, Oxford University Press, 1942.
- Beard, C. A. *An Economic Interpretation of the Constitution of the United States*, New York, N. Y., Macmillan, 1913.
- Beauvoir, S. de. *America Day by Day*, Berkeley, CA, University of California Press, 1999 [1947].
- Belknap, J. *The Invisible Woman: Gender, Crime and Justice*, Belmont, CA, Wadsworth, 1996.
- Bell, D. *The End of Ideology; On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties*, New York, N. Y., Collier, 1961.
- Bellamy, E. *Looking Backward, 2000–1887*, Harmondsworth, Middlesex, Penguin, 1987 [1888].
- Bellesiles, M. A. *Arming America: The Origins of a National Gun Culture*, New York, N. Y., Vintage, 2000.
- Bellknap, M. R. *The Supreme Court under Earl Warren, 1953–1969*, Columbia, S.C., University of South Carolina Press, 2004.
- Bellon B. and J. Niosi, *The Decline of the American Economy*, Montreal, Black Rose, 1988.
- Bensel, R. F. *The Political Economy of American Industrialization, 1877–1900*, Cambridge, Cambridge University Press, 2000.
- Berghahn, V. D. “Elitism, Money and Popular Culture” in L. Moore and M. Vaudagna, eds., *The American Century in Europe*, Ithaca: Cornell University Press, 2003.
- Berghahn, V. R. *America and the Intellectual Cold Wars in Europe*, Princeton, N. J., Princeton University Press, 2001.
- Berkowitz E. D. and K. McQuaid, *Creating the Welfare State: The Political Economy of 20th-Century Reform*, Lawrence, Ks, University Press of Kansas, 1992.
- Bernard, C. W. “Building Thomas: Edison’s Laboratory at West Orange, New Jersey”, *History of Technology*, 13, 1991.
- Bianchi S. M. and D. Spain, *American Women in Transition*, New York, N. Y., Russell Sage, 1986.
- Billington, R. A. *Westward Expansion: A History of the American Frontier*, New York, N. Y., Macmillan, 1960.
- Bird, C. *Born Female: The High Cost of Keeping Women Down*, New York, N. Y., McKay, 1970.
- Black, E. *IBM and the Holocaust*, New York, N. Y., Random House, 2001.
- Blainey, G. *The Tyranny of Distance: How Distance Shaped Australian History*, London, McMillan, 1982.
- Blinder A. S. and J. L. Yellen, “The Fabulous Decade; Macroeconomic Lessons from the 1990s”, in A. B. Kruger and R. M. Sollow, eds., *The Roaring Nineties*, New York, N. Y., Sage, 2002.
- Block, F. L. *The Vampire State*, New York, N. Y., New Press, 1996.
- Blow, M. *Ship to Remember: the Maine and the Spanish-American War*, New York, N. Y., Morrow, 1992.

- Boorstin, D. *The Americans: The National Experience*, New York, N. Y., Vintage, 1965. [
- Borch, H. von. *The Unfinished Society*, London, Sidgwick and Jackson, 1963.
- Borchers, H. "Hollywood as Re-educator; The Role of Feature Films in U.S Policies Directed at Postwar Germany", *Paedagogica Historica*, 33, 1, 1997, pp. 301–317.
- Bosbach, E. "Papstum und Universalmonarchie in Zeitalter der Reformation", *Historisches Jahrbuch*, 107, 1, 1987.
- Bouza, T. *The Decline and Fall of the American Empire: Corruption, Decadence and the American Dream*, New York, N. Y., Plenum, 1996.
- Brenner M. A. et al., *Airline Deregulation*, Westport, CT, Eno Foundation for Transportation, Inc., 1985.
- Brinkley, A. "The Concept of the American Century", in R. L. Moore and M. Vaudagan, eds., *The American Century in Europe*, Ithaca, N. Y., Cornell University Press, 2003.
- Brodie, B. "Vital Interests; What Are They, and Who Says So?" in Brodie, B. *War and Politics*, New York, N.Y, Macmillan, 1973. Ch. 8.
- Brooks, D. *On Paradise Drive*, New York, N. Y., Simon & Schuster, 2004.
- Brooks, D. *Paradise Drive*, New York, N. Y., Simon & Schuster, 2004.
- Brownmiller, S. *Against our Will; Men, Women and Rape*, New York, N. Y., Simon & Schuster, 1975.
- Brownmiller, S. *In Our Time; Memoir of a Revolution*, New York, N. Y., Dial, 1999.
- Bruchey, S. "Social and Economic Developments After the Revolution", in J. P. Greene and J. R. Pole, eds., *The Blackwell Encyclopedia of the American Revolution*, Oxford, Blackwell, 1991.
- Bruchey, S. *Cotton and the Growth of the American Economy, 1790–1860*, New York, N. Y., Harcourt, Brace & World, 1967.
- Brumberg, J. J. "Something Happens to Girls': Menarch and the Emergence of modern American Hygienic Imperative", in J. W. Leavitt, ed., *Women and Health in America*, Madison, WI, University of Wisconsin Press, 1999.
- Bryce, J. *The American Commonwealth*, London, Macmillan, 1888.
- Cammissa, A. M. *Government as Interest Groups: Intergovernmental Lobbying and the Federal System*, Westport, CT, Praeger, 1995
- Camorata, S. "The Impact of Immigration on the Size and Growth of the Poor Population in the United States", Washington D. C., Center for Immigration Studies, 1999.
- Caplow, Th. *Middletown Families: Fifty Years of Change and Continuity*, New York, N. Y., Bantam, 1983.
- Carnegie, A. *An American Four in Hand in Britain*, New York, N. Y., Scribner's, 1883.
- Carroll P. N. and W.D. Noble, *The Free and the Unfree: A New History of the United States*, New York, N. Y., Penguin, 1985.
- Cashman, S. D. *America in the Gilded Age: From the Death of Lincoln to the Rise of Theodore Roosevelt*, New York, N. Y., New York University Press, 1984.

- Castro, G. *American Feminism: A Contemporary History*, New York, N. Y., New York University Press, 1990.
- Chafe, William H. *The American Woman: Her Changing Social, Economic and Political Roles, 1920–1970*, New York, N. Y., Oxford University Press, 1980.
- Chambers, J. W. *The Tyranny of Change: America in the Progressive Era, 1890–1920*, New Brunswick, N. J., Rutgers University Press, 2000.
- Chambers, J. W. *To Raise an Army: The Draft Comes to America*, New York, N. Y., Free Press, 1987.
- Chesney-Lind, M. *The Female Offender, Girls, Women and Crime*, Thousand Oaks, CA, Sage, 1997.
- Chittum, Th. W. *Civil War Two: The Coming Breakup of America*, Show Low, AZ, American Eagle Publications, 1996.
- Chodorow, N. *The Reproduction of Mothering; Feminism, Psychoanalysis and the Sociology of Gender*, Berkeley, CA, University of California Press, 1978.
- Chomsky, N. *Failed States: The Abuse of Power and the Assault on Democracy*, New York, N. Y., Holt, 2006.
- Clark C. L. and D. W. Aziz. *Shock Incarceration in New York State: Philosophy, Results, and Limitations*, New York, N. Y., Koch Crime Institute, 2003.
- Clayton, A. *Satisfaction: Women, Sex and the Quest for Intimacy*, New York, N. Y., Ballantine, 2007.
- Clayton, J. L. *On The Brink: Defense, Deficits and Welfare Spending* (New York: National Strategy Information Center, 1984).
- Clinton, B. *My Life*, New York, N. Y., Knopf, 2004, p. 630.
- Cohen, P. E. *A Calculating People: The Spread of Numeracy in Early America*, London, Routledge, 1999.
- Compton, J. V. *The Swastika and the Eagle: Hitler, the United States, and the Origins of World War II*, Boston, MA, Houghton Mifflin, 1967.
- Cornia G. A. and S. Danziger. “Common Themes, Methodological Approach”, in A. Cornia and S. Danziger, eds., *Child Poverty and Deprivation in the Industrialized Countries, 1945–1995*, Oxford, Clarendon Press, 1997.
- Cornia, G. A. “Child Poverty and Deprivation in the Industrialised World”, in A. Cornia and S. Danziger, eds., *Child Poverty and Deprivation in the Industrialized Countries, 1945–1995*, Oxford, Clarendon Press, 1997.
- Costigliola, F. *Awkward Dominion: American Political, Economic, and Cultural Relations with Europe, 1919–1933*, Ithaca, N. Y., Cornell University Press, 1984.
- Cotton, J. *A Meet Help*, Boston, New England, Green, 1699.
- Cox W. M. and R. Alm, *Myths of Rich and Poor; Why We're Better off Than We Think*, New York, N. Y., Basic Books, 1999.
- Crecevoeur, J. Hector St. John de. *Letters from an American Farmer*, London, Penguin, 1986 [1782].
- Crenson M. A. and F. E. Rourke, “American Bureaucracy since World War II”, in L. Galambros, ed., *The New American State: Bureaucracies and Policies since World War II*, Baltimore, MD., Johns Hopkins University Press, 1987.
- Crick, B. *George Orwell: A Life*, Harmondsworth, Middlesex, 1980.

- Crithclow, J. "Western Cold War Broadcasting", *Journal of Cold War Studies*, 1, 3, 1999.
- Crittenden, A. *The Price of Motherhood: Why the Most Important Job in the World is Still the Least Valued*, New York, N. Y., Holt, 2001.
- Crittenden, D. *What Mother Did Not Tell Us: Why Happiness Eludes the Modern Woman*, New York, N.Y, Simon & Schuster, 1999.
- Cross, G. *Time and Money: The Making of Consumer Culture*, London, Routledge, 1993.
- Culliver, C. C. ed., *Female Criminality: The State of the Art*, New York, N.Y, Garland, 1993.
- Cuming B., et al. *Inventing the Axis of Evil: The Truth about North Korea, Iran, and Syria*, New York, N. Y., New Press, 2004.
- Danziger, S., Danziger, S. K. and J. Stern. "The American Paradox: High Income and High Child Poverty", in A. Cornia and S. Danziger, eds., *Child Poverty and Deprivation in the Industrialized Countries, 1945—1995*, Oxford, Clarendon Press, 1997.
- David, P. A. *Technical Choice, Innovation and Economic Growth*, New York, N. Y., Cambridge University Press, 1975.
- Davies, D. J. *An Introduction to Mormonism*, Cambridge, Cambridge University Press, 2003.
- Dayan, M. *Vietnam Diary*, Tel Aviv, Idanim, 1977 [на иврите].
- De Graaf, R. *Oorlog, Mijn Arme Schapen: Een Andere Blik of the Tactich-jarige Oorlog, 1565—1648*, Faneker, Van Wijnen, 2004.
- Decter, M. *Rumsfeld, a Personal Portrait*, New York, N. Y., Regan Books, 2003.
- Degler, C. N. "What Ought to be and What Was: Woman's Sexuality in the Nineteenth Century", in J. W. Leavitt, ed., *Women and Health in America*, Madison, WI, University of Wisconsin Press, 1999.
- Delumeau, J. *Sin and Fear; The Emergence of Western Guilt Culture*, New York, N. Y., St. Martin's, 1991.
- Denison, E. F. *Accounting for Slower Economic Growth: The United States in the 1970s*, Washington E.C, Brookings, 1979.
- Denson, J. V. *The Costs of War: America's Pyrrhic Victories*, New Brunswick, NJ., Transaction Books, 1999.
- Dept of State, ed., *Peace and War; The United States Foreign Policy 1931—1941*, Washington D.C., GPO, 1943.
- Devlin, R. *Relative Intimacy: Fathers, Adolescent Daughters, and Modern American Culture*, Durham, N. C., University of North Carolina Press, 2005.
- Deylser, D. "'Good, by God, We're Going to Bodie!'; Ghost Towns and the American West", in G. J. Hausladen, *Western Places, American Myths: How We Think About the West*, Reno, NA, University of Nevada Press, 2003. Pp. 273—295.
- Dacey, E. *Six Months in the Federal States [1863]* in H. S. Commager, ed., *America in Perspective: The United States through Foreign Eyes*, New York, N. Y., Mentor, 1947.
- Diesel, E. *Die deutsche Wandlung*, Stuttgart/Berlin, Cotta, 1931.
- Diller, L. H. *Running on Ritalin; A Physician Reflects on Children, Society and Performance in a Pill*, New York, N. Y., Bantam, 1998.

- Dineen, T. *Manufacturing Victims; What the Psychological Industry is Doing to People*, Westmount, Davis, 2000.
- Dingwall, E. *The American Woman*, New York, N. Y., Signet, 1957.
- DiQuinzo, P. *The Impossibility of Motherhood: Feminism, Individualism, and the Problem of Mothering*, London, Routledge, 1999.
- Dorfman, J. *Thorstein Veblen and His America*, New York, N. Y., Viking, 1934.
- Drew, K. F. ed., *The Laws of the Salian Franks*, Philadelphia, PA, University of Pennsylvania Press, 1991.
- Duany A. et al., *Suburban Nation: The Rise of Sprawl and the Decline of the American Dream*, New York, N. Y., North Point, 2000.
- Duggan L. and N. D. Hunter, eds., *Sex Wars: Sexual Dissent and Political Culture*, New York, N. Y., Routledge, 1995.
- Duggan, "Censorship in the Name of Feminism", in Duggan L. and N. D. Hunter, eds., *Sex Wars: Sexual Dissent and Political Culture*, New York, N. Y., Routledge, 1995.
- Dumenil G. and D. Levy, *Capital Resurgent: Roots of the Neoliberal Revolution*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 2004.
- Dunlap, L. K. "The Reform of Rape Law and the Problem of White Men", in M. Hodes, ed., *Sex, Love, Race; Crossing Boundaries in North American History*, New York, N. Y., New York University Press, 1999.
- Dworkin, A. *Intercourse*, New York, N. Y., Free Press, 1987.
- Easterbrook, G. *The Progress Paradox: How Life Gets Better while People Feel Worse*, New York, N. Y., Random House, 2003.
- Edin K. and M. Kefals, *Promises I Can Keep; Why Poor Women Put Children Before Marriage*, Berkeley, CA, University of California Press, 2007.
- Edwards III George C. et al. *Government in America*, New York, N. Y., Longman, 2000.
- Ehrenberg, V. *The Greek State*, New York, N. Y., Norton, 1960.
- Ehrenreich, B. *Nickel and Dimed; On (Not) Getting by in America*, New York, N. Y., Metropolitan, 2001.
- Elliott D. S. et al. "Violence in American Schools: An Overview", in D. S. Elliott et al., eds., *Violence in American Schools*, Cambridge, Cambridge University Press, 1998.
- Ellwood, D. W. "The Quest for a British Modernity", in L. Moore and M. Vaudagna, eds., *The American Century in Europe*, Ithaca: Cornell University Press, 2003.
- Emerson, S. *American Jihad: The Terrorists Living Among Us*, New York, N.Y., Free Press, 2002.
- England P. and N. Folbre. "Reforming the Social Family Contract", in G. J. Duncan and P. Lindsay-Lasdale, eds., *For Better and for Worse: Welfare Reform and the Well Being of Children and Families*, 2001.
- Fay, Sidney H. *Origins of the World War*, New York, N. Y., Macmillan, 1930.
- Feaver, P. D. *Armed Servants: Agency, Oversight and Civil-Military Relations*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 2001.
- Fehrenbacher, D. *The Dred Scott Case: Its Significance for American Law and Politics*, New York, N. Y., Oxford University Press, 1978.

- Fein E. and S. Schneider, *The Rules*, New York, N.Y, Time Warner, 1995.
- Ferguson, N. *Colossus: The Price of American Empire*, New York, N. Y., Penguin, 2004.
- Ferguson, R. "Women's Liberation Has a Different Meaning for Blacks", in G. Lerner, ed., *Black Women in White America: A Documentary History*, New York, N. Y., Vintage, 1973.
- Final Report of the Select Committee to Study Government Operations with Respect to Intelligence Activities of the United State Senate, 94th Congress, 2nd session, 1976.
- Fingerhut, L. A. "Firearm Mortality among Children, Youth and Young People", in National Center for Health Statistics, ed., *Advance Data from Vital and Health Statistics*, Hyattsville, Md., 1993.
- Finkelman, P. "Slavery and the Constitutional Convention", in R. Beeman et al., eds., *Beyond Confederation: Origins of the Constitution and American National Identity*, Chapel Hill, N,C, University of South Carolina Press, 1987.
- Finkelstein, J. *The American Economy from the Great Crash to the Third Industrial Revolution*, Arlington Heights, Ill., Harlen Davidson, 1992.
- Fischer, C. S. *America Calls; a Social History of the Telephone to 1940*, Berkeley, CA, University of California Press, 1992.
- Fisher, L. *The Politics of Shared Power*, Washington D.C, Congressional Power Press, 1981.
- Fitzgerald, M. S. "Rejecting Calhoun's Expansible Army Plan: The Army Reduction Act of 1821", *War in History*, 3, 2, April 1996, pp. 161—185.
- Fitzgerald, M. *Sex-Ploytation: How Women Use Their Bodies to Extort Money from Men*, Willowbrook, IL, April House, 1999.
- Fletcher, G. P. *Our Secret Constitution: How Lincoln Redefined Democracy*, New York, N. Y., Oxford University Press, 2001.
- Flexner, E. *Century of Struggle: The Woman's Rights Movement in the United States*, Cambridge, Ma, Harvard University Press, 1975.
- Flora P. and A. J. Heidenheimer, eds., *The Development of Welfare States in Europe and America*, New Brunswick, N.J., Transaction Books, 1981.
- Flora, P. *State, Economy and Society in Western Europe 1915—1975*, Frankfurt am Main, Campus, 1983.
- Foner, E. *The Story of American Liberty*, New York, N. Y., Norton, 1998.
- Fonin G. N. and W. K. Everson. *The Western*, New York, N. Y., Grossman, 1973.
- Francke, L. *Ground Zero: The Gender Wars in the Military*, New York, N. Y., Simon & Schuster, 1997.
- Freeman, R. B. "How Labor Fares in Advanced Economies", in Freeman, ed., *Working Under Different Rules*.
- Frey, E. *Schwarzbuch USA*, Frankfurt/Main, Eichborn, 2004.
- Friedan, B. *Life So Far*, New York, N.Y, Simon & Schuster, 2000.
- Friedan, B. *The Feminine Mystique*, New York, N.Y, Bantam, 1963.
- Friedan, B. *The Second Stage*, New York, N. Y., Summit Books, 1981.
- Friedlaender, S. *Prelude to Downfall: Hitler and the United States, 1939—1941*, New York, N. Y., Knopf, 1967.
- Friedman, D. E. *Linking Work-Family Issues to the Bottom Line*, New York, N. Y., The Conference Board, 1991.

- Friedman, L. M. *A History of American Law*, New York, N. Y., Simon & Schuster, 1973.
- Friedman, L. M. *American Law in the 20th Century*, New Haven, C., Yale University Press, 2002.
- Fuchs, V. R. *Women's Quest for Economic Equality*, Boston, MA, Harvard University Press, 1988.
- Fukuyama, F. *The End of History and the Last Man*, New York, N. Y., Free Press, 1992.
- Fukuyama, F. *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*, New York, N. Y., Free Press, 1995.
- Furstenberg F. and J. O. Teitler, "Reconsidering the Effects of Marital Disruption", *Journal of Family Issues*, 15, 1994.
- Furstenberg F. F. and A. Cherlin. *Divided Families*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1991.
- Furstenberg F. F. and C. W. Nord. "Parenting Part", *Journal of Marriage and the Family*, 47, 4, November 1985.
- Gabin, Nancy. "Time out of Mind: the UAW's Response to Female Labor Laws and Mandatory Overtime in the 1960s", in Ava Abron, ed., *Work Engendered: Towards a New History of American Labor*, Ithaca, New York, Cornell University Press, 1991.
- Galbraith, J. K. *The Affluent Society*, Boston, MA: Houghton Mifflin, 1959.
- Galenson, D. W. "The Market Evaluation of Human Capital: The Case of Indentured Servitude", *Journal of Political Economy*, 89, 3, 1991.
- Gamson, J. *Freaks Talk Back: Tabloid Talk Show and Sexual Nonconformity*, Chicago, IL, University of Chicago Press, 1999.
- Gansler, J. S. *The Defense Industry*, Cambridge, MA, MIT Press, 1982.
- Gardell, M. *Gods of the Blood: The Pagan Revival and White Separatism*, Durham, N. C.: Duke University Press. 2003.
- Genovese, E. D. *Roll, Jordan, Roll; The World the Slaves Made*, New York, N. Y., Random, 1974.
- George, P. *The Emergence of Industrial America: Strategic Factors in American Economic Growth since 1870*, Albany, N. Y., State University of New York Press, 1982.
- Ghesquire, R. "Euro-Currency Markets; A Critical Survey", in *Tijdschrift voor Economie en Management*, 22, 1, 1977.
- Gholz E. and D. G. Press, "Energy Alarmism: The Myths That Make Americans Worry about Oil", *Policy Analysis*, 5.4.2007.
- Gibson, J. W. *Warrior Dreams: Violence and Manhood in Post-Vietnam America*, New York, N. Y., Hill and Wang, 1994.
- Gilbert, C. *American Financing of World War I*, Westport, CT: Greenwood Press, 1977.
- Gilbert, N. *Capitalism and the Welfare State*, New Haven, CT, Yale University Press, 1983.
- Gilens, M. *Why Americans Hate Welfare*, Chicago, IL, University of Chicago Press, 1999.
- Giles, P. *Transatlantic Insurrection: British Culture and the Formation of American Literature, 1730—1860*, Philadelphia, PA, University of Pennsylvania Press, 2000.

- Gilligan, C. *In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1982, pp. 83–105.
- Gillman, H. "Reconnecting the Modern Court to the Historical Evolution of Capitalism", in H. Gillman and C. Clayton, eds., *The Supreme Court in American Politics*, p. 248.
- Glass J. and S. B. Estes. "Employment and Child Care", in T. Arendell, ed., *Contemporary Parenting; Challenges and Issues*, London, Sage, 1997.
- Glassner, B. *The Culture of Fear: Why Americans Are Afraid of the Wrong Things*, New York, N. Y., Perseus, 1999.
- Glendon, M. A. *A Nation under Lawyers*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1996.
- Goldberg D., et al., eds., *It's A Free Country: Personal Freedom in America After September 11*, New York, Thunder Mouth, 2002.
- Goldberg, P. J. P. *Women, Work and Life Cycle in a Medieval Economy*, Oxford, Clarendon, 1992.
- Goldberg, S. *Why Men Rule: A Theory of Male Dominance*, Chicago, IL, Open Court, 1994.
- Goldberg, S. *Why Men Rule: A Theory of Patriarchy*, Chicago, IL, Open Court, 1996.
- Goldin, C. "Career and Family: College Women Look to the Past", *National Bureau of Economic Research Digest*, Washington D.C., December 1995.
- Goldin, C. "The Political Economy of Immigration Restriction in the U.S., 1890 to 1921, National Bureau of Economic Research, Working Paper No. 4345, 1993 (<http://www.nber.org/papers/w4345.pdf>).
- Goldman, E. "The U.S Military in Uncertain Times: Organizations, Ambiguity and Strategic Adjustment", *Journal of Strategic Studies*, 20, 2, June 1997.
- Gompers, S. *Labor in Europe and America*, New York, N. Y., Harper, 1910.
- Goode, W. J. *World Changes in Divorce Patterns*, New Haven, CT, Yale University Press, 1993.
- Goodwin, J. *Otis: Giving Rise to the Modern City*, Chicago, IL, Dee, 2001.
- Gordon, D. R. *The Justice Juggernaut: Fighting Street Crime, Controlling Citizens*, New Brunswick, NJ, Rutgers University Press, 1990.
- Gordon, R. J. "Why Was Europe Left at the Station when America's Productivity Locomotive Departed?", Working Paper 10661, National Bureau of Economic Research, Cambridge, MA, 2004 (www.nber.org/papers/w10661).
- Gough, J. W. *John Locke's Political Philosophy*, Oxford, Clarendon, 1973.
- Gour J. and J. M. Ronney, *Avoiding the Defense Train Wreck*, Washington D. C., Center for Strategic and International Studies, 1999.
- Graber, M. A. "The Problematic Establishment of Judicial Review", in H. Gillman and C. Clayton, eds., *The Supreme Court in American Politics*, Lawrence, Ks, The University Press of Kansas, 1999, pp. 28–34.
- Greeley, A. M. *That Most Distressful Nation: The Taming of the American Irish*, Chicago, IL, Quadrangle, 1972.

- Grob, N. G. "The Knights of Labor and the Trade Unions, 1878–1896", *Journal of Economic History*, 18, 2, 1958, pp. 72–92.
- Grund, F. J. *The Americans in their Moral, Social, and Political Relations [1837]* in H. S. Commager, ed., *America in Perspective: The United States through Foreign Eyes*, New York, N. Y., Mentor, 1947.
- Grund, Francis. *The Americans in their Moral, Social, and Political Relations*, 1837.
- Gull Hasan, A. *American Muslims*, New York, N. Y., Continuum, 2000.
- Gutmann, S. *The Kinder, Gentler Military: Can America's Gender-Neutral Fighting Force Still Win Wars?* New York, N. Y., Scribner, 2000.
- Guttentag M. and P. M. Secord. *Too Many Women? The Sex Ratio Question*, Beverly Hills, CA, Sage, 1982.
- Haarhoff T. M. and C. M. van der Heerer. *The Achievement of Afrikaans*, South Africa, Central News agency, 1934.
- Habakuk, H. J. *American and British Technology in the Nineteenth Century; The Search for Labor Saving Inventions*, Cambridge, Cambridge University Press, 1962.
- Hagerman, E. *The American Civil War and the Origins of Modern Warfare*, Bloomington, ID, Indiana University Press, 1988.
- Halberstam, D. *The Reckoning*, New York, N. Y., Morrow, 1986.
- Hamburg, M. A. "Youth Violence as a Public Health Concern", in D. S. Elliott et al., eds., *Violence in American Schools*, Cambridge, Cambridge University Press, 1998.
- Hamilton, A., Madison J. and J. Jay, *The Federalist Papers*, C. Rossiter ed., New York, N. Y., Mentor, 1999 [1787–1788].
- Hammersley, G. "The Charcoal Iron Industry and Its Fuel", *Economic History Review*, 26, 4, 1973.
- Harper, W. "Memoir on Slavery", in W. Harper and others, eds., *The Pro-Slavery Argument; as Maintained by the Most Distinguished Writers on the Southern States*, Charleston, S. C., Walker, Richards & co.
- Harrington, M. *The Other America: Poverty in the U.S.*, New York, N. Y., Collier, 1962.
- Harris, M. and S. *The Last Days of Innocence: America at War, 1917–1918*, New York, N. Y., Random House, 1997.
- Hauptmann, G. *Buch der Leidenschaft*, Berlin, Fischer, 1930.
- Haverman R. and B. Wolfe, *Succeeding Generations: On the Effects of Investment in Children*, New York, N. Y., Russell Sage, 1995.
- Headlee S. and M. Elfin, *Cost of Being Female*, Westport, CT, Praeger, 1996.
- Hearing before the Select Committee on Children, Youth and Families. 27.4.1989. "Born Hooked", Washington D.C., House of Representatives, 1989.
- Herberg, W. *Protestant – Catholic – Jew; An Essay in American Religious Sociology*, Chicago, IL, University of Chicago Press, 1983.
- Herman, A. *The Idea of Decline in Western History*, New York, N. Y., Free Press, 1997.
- Hewitt, C. *Understanding Terrorism in America: From the Klan to Al Qaeda*, London, Routledge, 2003.
- Hewlett, S. A. *Creating a Life: Professional Women and the Quest for Children*, New York, N.Y, Talk Miramax, 2002.

- Hewlett, S. A. *When the Bough Breaks; The Cost of Neglecting Our Children*, New York, N. Y., Basic Books, 1991.
- Hey-Kyung Koh, ed. *Open Doors 2002: Report of the International Educational Exchange*, New York, N. Y., Institute of International Education, 2002.
- Higginbotham, D. "The Military Institutions of Colonial America: The Rhetoric and the Reality", in J. A. Lynn, *Tools of War: Instruments, Ideas and Institutions of Warfare, 1445—1871*, Urbana, IL, University of Illinois Press, 1990.
- Higgs, R. "The Cold War Economy; Opportunity Costs, Ideology, and the Politics of Crisis", *Explorations in Economic History*, 31, July 1994.
- Higgs, R. *Against Leviathan; Government Power and a Free Society*, Oakland, CA, The Independent Institute, 2004.
- Hill, F. *A Delusion of Satan: The Full Story of the Salem Witch Trials*, New York, N. Y., Da Capo, 1995.
- Hine J. M. and R. W. Faragher, *The American West: A New Interpretative History*, New Haven, CT, Yale University Press, 2000.
- Hintze, O. *Staat und Verfassung: Gesammelte Abhandlungen zur Allgemeinen Verfassungsgeschichte*, Goettingen: Vanderhoek, 1961.
- Hirschel J. D. and W. Wakefield, *Criminal Justice in England and the United States*, London, Praeger, 1995.
- Hixson, W. L. *Parting the Curtain: Propaganda, Culture, and the Cold War, 1945—1961*, New York, N. Y., Griffin, 1998.
- Hobbes, Th. *Leviathan, or the Matter, Forme and Power of a Commonwealth*, Oxford, Blackwell, 1961.
- Hobhouse, H. *Seeds of Change: Five Plants that Transformed the World*, New York, N. Y., Harper & Row, 1986.
- Hochschild A. and A. Machung, *The Second Shift; Working Parents and the Revolution at Home*, New York, N. Y., Avon, 1989.
- Hochschild, A. R. *The Time Bind: When Work Becomes Home and Home Becomes Work*, New York, N. Y., Metropolitan, 1997.
- Hodges, W. F. *Interventions for Children of Divorce*, New York, N. Y., John Wiley.
- Hoelscher S. D. and R. C. Ostergen, "Old European Homelands in the American Middle West", *Journal of Cultural Geography*, 13, 2, 1993.
- Hoff Sommers, C. *The War Against Boys*, New York, N. Y., Simon & Schuster, 2000.
- Hoff Sommers, C. *Who Stole Feminism? How Women Have Betrayed Women*, New York, N. Y., Simon & Schuster, 1994.
- Hoffereth S. L., et al. "National Household Educational Survey, 1995", National Center for Education Statistics, Publication 89-128, Washington D.C., NCES, 1998.
- Hoffman, L. W. "Cross-Cultural Differences in Childrearing Goals", in R. A. LeVine et al., eds., *Parental Behavior in Diverse Societies*, San Francisco, CA, Jossey-Brass, 1988.
- Hofstadter, R. "Cuba, the Philippines and Manifest Destiny", in L. W. Levine and R. Middlekauff, eds., *The National Temper: Readings in American Culture and Society*, New York, N.Y, Harcourt, Brace Jovanovic, 1972.

- Hofstadter, R. *The Paranoid Style in American Politics and Other Essays*, New York, N.Y., Vintage, 1964.
- Hoppe, H. H., ed., *The Myth of National Defense: Essays on the Theory and History of Security Production*, Auburn, Al., The Ludwig von Mises Institute, 2003.
- Horstman, A. *Victorian Divorce*, London, Croom Helm, 1985.
- Hoschschild, A. R. *The Time Bind: When Work Becomes Home and Home Becomes Work*, New York, N. Y., Metropolitan Books, 1997.
- Huang C. and A. Mintz, "Defense Expenditure and Economic Growth", *Defense Economics*, 3, 1991.
- Hult and C. E. Walcott, K. M. *Empowering the White House: Governance under Nixon, Ford, and Carter*, Lawrence, KS, University Press of Kansas, 2004.
- Huntington, S. P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, New York, N. Y. Simon&Schuster, 1996.
- Huntington, S. *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*, New York, N. Y., Simon & Schuster, 2004.
- Ickenberry, G. J. "American Unipolarity; The Sources of Persistence and Decline", in G. J. Ickenberry, ed., *America Unrivaled; the Future of the Balance of Power*, Ithaca, N. Y., Cornell University Press, 2000.
- International Institute for Strategic Studies, *The Military Balance 1990—1991*, London, IISS, 1991.
- International Institute of Strategic Studies, *The Military Balance 1991—1992*, London, IISS, 1992.
- International Institute of Strategic Studies, *The Military Balance*, 2002-3.
- Jackson, J. W. *Valley Forge: The Pinnacle of Courage*, Gettysburg, PA., Thomas publications, 1992.
- Jackson, R. H. "Mormon Wests: The Creation and Evolution of an American Region", in G. J. Hausladen, *Western Places, American Myths: How We Think About the West*, Reno, NA, University of Nevada Press, 2003.
- Jacoby, S. *Freethinkers; A History of American Secularism*, New York, N. Y., Metropolitan, 2004.
- James, H. *The Turn of the Screw and Daisy Miller* [1879], New York, N.Y., Dell, 1964.
- Jayne, A. *Jefferson's Declaration of Independence; Origins, Philosophy and Theology*, Lexington, KE, University Press of Kentucky, 1998.
- Jeffrey, J. R. *Frontier Women: The Trans-Mississippi West, 1840—1880*, New York, N. Y., Hill & Wang, 1979.
- Jensen, J. *Army Surveillance in America, 1775—1980*, New Haven, CT, Yale University Press, 1991.
- Joffe, J. "Defying History and Theory", in G. J. Ickenberry, ed., *America Unrivaled; the Future of the Balance of Power*, Ithaca, N. Y., Cornell University Press, 2000.
- Johnson, C. A. *The Sorrows of Empire: Militarism, Secrecy, and the End of the Republic*, New York, N. Y., Metropolitan, 2004.
- Johnson, P. *A History of the American People*, London, Phoenix, 1997.
- Johnson, P. *A Shopkeeper's Millennium; Society and Revivals in Rochester, New York*, New York, N. Y., Wang & Hill, 1978.

- Jones, H. M. *The Age of Energy: Varieties of American Experience, 1865—1915*, New York, N. Y., Viking, 1971.
- Jones, K. W. *Taming the Troublesome Child*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1999.
- Jones, S. *The Descent of Men*, Boston, MA, Houghton Mifflin, 2003.
- Josephson, M. *The Robber Barons: The Great American Capitalists, 1861—1901*, New York, N. Y., Harcourt, Brace & World, 1962.
- Julian, F. H. "Gender and Crime: Different Sex, Different Treatment?" in Culliver, C. C. ed., *Female Criminality: The State of the Art*, New York, N.Y., Garland, 1993.
- Kagan, R. A. "How Much to National Styles of Law Matter?", in R. Kagan and L. Axelrad, eds., *Regulatory Encounters: Multinational Corporations and American Adversarial Legalism*, Berkeley, CA, University of California Press, 2000.
- Kagan, R. *On Paradise and on Power: America and Europe in the New World Order*, New York, N. Y., Knopf, 2003.
- Kagano, Tadao, et al., *Strategic vs. Evolutionary Management: U.S.-Japan Comparison of Strategy and Organization*, Amsterdam, North Holland Press, 1985.
- Kaldor, M. *The Baroque Arsenal*, New York, N. Y., Hill & Wang, 1981.
- Kammerman S. B. and A. J. Kahn. "Investing in Children: Government Expenditures for Children and their Families in Western Industrialised Countries", in A. Cornia and S. Danziger, eds. *Child Poverty and Deprivation in the Industrialized Countries, 1945—1995*, Oxford, Clarendon Press, 1997.
- Kanowitz, Leo. "'Benign' Sex Discrimination: Its Troubles and Their Cure", *Hastings Law Journal*, 31, 6, July 1980.
- Kanter, R. M. *Men and Women of the Corporation*, New York, N. Y., Basic Books, 1977.
- Kaplan, R. D. *An Empire Wilderness: Travels into America's Future*, New York, N. Y., Random House, 1998.
- Karsh, E. "Reflections on the 1990—1991 Gulf Conflict", *Journal of Strategic Studies*, 19, 3, September 1996, pp. 307—308.
- Katz, M. B. *The Price of Citizenship: Redefining the American Welfare State*, New York, N. Y., Holt, 2001.
- Katzouian, M. A. "The Development of the Service Sector; A New Approach", in *Oxford Economic Papers*, 22, 3.11.1970.
- Kaus, M. *The End of Equality*, New York, N. Y., Basic Books, 1995.
- Kavanaugh, J. F. *Following Christ in a Consumer Society; The Spirituality of Cultural Resistance*, Maryknoll, N. Y., Orbis, 1981.
- Kecik, L. "The World's Best Country", The Economist Intelligence Unit, 2005 (www.idaireland.com/uploads/documents/External_publications/BestCountry_2.pdf).
- Keegan, J. *The Battle for History: Re-Fighting World War II*, London, Hutchinson, 1995.
- Kennedy, P. *The Rise of Anglo-German Antagonism, 1860—1914*, Humanity Books, 1988.
- Kennedy, P. *Preparing for the Twenty-First Century*, New York, N. Y., Vintage, 1993.

- Kennedy, P. *The Rise and Decline of the Great Powers*, New York, N. Y., Random House, 1987.
- Kennedy, P. *The Rise of the Anglo-German Antagonism 1860–1914*, Winchester, MA, Allen & Unwin, 1980.
- Khan M. S. and A. S. Senhadji, “Treshold Effects in the Relationship between Inflation and Growth”, IMF Staff Paper, vol. 48, No. 1, 2001 (<http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2000/wp00110.pdf>).
- Kids Count Data Book 2000*. The Annie E. Casey Foundation (www.aecf.org).
- King, D. *Making Americans: Immigration, Race, and the Origins of the Diverse Democracy*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 2000.
- King, E. “The First Class Hotel and the Age of the Common Man”, *Journal of Social History*, 23, 1957.
- Kinsey, Alfred C. *Sexual Behavior in the Human Female*, Philadelphia, Pa, Saunders, 1953.
- Kissinger, H. A. *American Foreign Policy*, New York, N. Y., Norton, 1974.
- Klein, M. *Rainbow’s End; The Crash of 1929*, New York, N. Y., Oxford University Press, 2001.
- Knaus, M. *The End of Equality*, New York, N. Y., Basic Books, 1992.
- Kohn, M. *Brave New Neighborhood: The Privatization of Public Space*, London, Routledge, 2004.
- Kraditor, A. S. *The Ideas of the Woman Suffrage Movement, 1899–1920*, New York, N. Y., Anchor Books, 1965.
- Kronman, A. T. *The Lost Lawyer: Failing Ideals of the Legal Profession*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1993.
- Kullikoff, A. *From British Peasants to Colonial American Farmers*, Chapel Hill, N. C. University of North Carolina Press, 2000.
- Kullikoff, A. *The Agrarian Origins of American Capitalism*, Charlottesville, VA, University Press of Virginia, 1992.
- Kupchan, C. A. “Hollow Hegemony or Stable Multipolarity?” in G. J. Ick-enberry, ed., *America Unrivaled; the Future of the Balance of Power*, Ithaca, N. Y., Cornell University Press, 2000.
- Kurz, D. “Doing Parenting; Mothers, Care, Work and Policy”, in T. Arendell, ed., *Contemporary Parenting; Challenges and Issues*, London, Sage, 1997.
- Lake, D. A. *Entangling Alliances; American Foreign Policy in Its Century*, Princeton, NJ, Princeton University Press, 1999.
- Lake, D. A. *Entangling Relations*, Princeton, N. J., Princeton University Press, 1999.
- Lamoreaux, N. “Banks, Kinship, and Economic Development; The New England Case”, *Journal of Economic History*, 46, September 1986, pp. 647–667.
- Laqueur, W. *Guerrilla*, London, Weidenfeld & Nicolson, 1977.
- LaRocco, C. “If You Build It, They Will shop; The Evolution of Malls in America”, *Financial History*, 78, 2003.
- Larson, J. *Internal Improvement: National Public Works and the Promise of Popular Government in the Early United States*, Chapel Hill, N.C, University of North Carolina Press, 2001.
- Laski, H. J. *The American Democracy*, New York, N. Y., Viking, 1948.

- Laumann E. O. A. et al. "Sexual Dysfunction in the United States: Prevalence and Predictors", *Journal of the American Medical Association*, 281, 1999.
- Laxer, J. *Decline of the Superpowers; Winners and Losers in Today's Global Economy*, Toronto, Lorimer, 1987.
- Le Sueur, Meridel. "Women Are Hungry", in *Ripening: Selected Works, 1927–1980*, Old Westbury, N. Y., Feminist Press, 1982.
- Leach, W. *Land of Desire; Merchants, Power, and the Rise of a New American Culture*, New York, N. Y., Vintage, 1993.
- Ledeen, M. A. *Tocqueville on American Character*, New York, N. Y., Truman Tally, 2000.
- Ledeen, Michael A. *Tocqueville on American Character*. New York: St. Martin's Press, 2000.
- Lemon, J. T. *The Best Poor Man's Country: Early Southeastern Pennsylvania*, Baltimore, MD, Johns Hopkins University Press, 2002.
- Leonard, E. B. *Women, Crime and Society: a Critique of Theoretical Criminology*, New York, N.Y, Longman, 1982.
- Leone, R. C. and G. Angrig, eds., *The War on Our Freedoms*, New York, N. Y., Public Affairs, 2003.
- Levine, J. *Harmful to Minors: The Perils of Protecting Children From Sex*, New York, N.Y., Thunder's Mouth, 2002.
- Levit, N. *The Gender Line: Men, Women and the Law*, New York, N. Y., University of N.Y. Press, 1998.
- Licht, W. *Industrializing America: The Nineteenth Century*, Baltimore, Md., Johns Hopkins, 1995.
- Liddy, G. Gordon. *When I was a Kid, This Used to be a Free Country*, Washington D. C., Regnery, 2002.
- Lincoln C. E. and L. H. Hamiya, *The Black Church in the African-American Experience*, Durham, N.C, Duke University Press, 1990.
- Lind, M. *The Next American Nation: The New Nationalism and the Fourth American Revolution*, New York, N. Y., Free Press, 1995.
- Linfield, M. *Freedom Under Fire: U. S. Civil Liberties in Times of War*, Boston, MA, South End Press, 1990.
- Lipset, S. M. *American Exceptionalism: A Double Edged Sword*, New York, N. Y., Norton 1996.
- Lipset, S. M. *Continental Divide: The Values and Institutions of the United States and Canada*, New York, N. Y., Routledge, 1990.
- Lipsitz L. and D. M. Speak, *American Democracy*, New York, N. Y., St. Martin's 1993.
- Lipson, L. "European Responses to the American Revolution", *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 428, 1976.
- Litwack, L. F. *Trouble in Mind; Black Southerners in the Age of Jim Crow*, New York, N. Y., Knopf, 1998.
- Locke, J. *Second Treatise on Government*, London, Ballantine, 1884 [1688?].
- Locke, J. *Two Treatises on Government*, Cambridge, Cambridge University Press, 1960.
- Locke, J. L. *Why We Don't Talk to Each other Any More; The de-Voicing of Society*, New York, N. Y., Touchstone, 1998.

- Loeber R. and M. Southamer-Loeber, "Juvenile Aggression at Home and at School", in D. S. Elliott et al., eds., *Violence in American Schools*, Cambridge, Cambridge University Press, 1998.
- Long, L. *Migration and Residential Mobility in the United States*, New York, N. Y., Russel Sage, 1988.
- Luttwak, E. N. *Turbo Capitalism: Winners and Losers in the Global Economy*, New York, N. Y., Harper Perennial, 1999.
- Lyon, K. *Witch Hunt*, New York, N. Y., Avon, 1988.
- MacDonald, C. A. *Korea: The War Before Vietnam*, New York, N. Y., Free Press, 1986.
- Mackay, A. *The Western World, or Travels in the United States in 1846 and 1847 [1849]*.
- Maddison, A. "Comparative Analysis of the Productivity Situation in the Advanced Capitalist Countries", in J. W. Kendrick, ed., *International Comparisons of Productivity and Causes of the Slowdown*, Cambridge, MA, Billinger, 1984.
- Mailer, N. *Barbary Shore*, New York, N. Y., Grosset & Dunlap, 1951.
- Mailer, N. *The Naked and the Dead*, New York, N. Y., Holt, Reinhart and Winston, 1948.
- Mailer, N. *The Prisoner of Sex*, Boston, MA, Little, Brown, 1971.
- Maistre, J. de. *Considerations on France*, Cambridge, Cambridge University Press, 1994.
- Majone, G. "Regulatory Policies in Transition", *Jahrbuch fuer neue politische Oekonomie*, Tuebingen, 1984.
- Malamud, Berbard. *The Tenants*, New York, N. Y., Farrar Strauss, 1971.
- Malone, D. *The New Nation, 1865–1917*, New York, N. Y., Alleton-Century-Crofts, 1960.
- Manning R. A. et al. *China, Nuclear Weapons and Arms Control: A Preliminary Assessment*, New York, N. Y., Council on Foreign Relations, 2000.
- Mansbridge, J. J. *Why We Lost the ERA*, Chicago, IL, University of Chicago Press, 1986.
- Mansfield, H. C. Jr., *The Taming of the Prince; The Ambivalence of Modern Executive Power*, New York, N. Y., Free Press, 1989.
- Markham, J. W. *A Financial History of the United States*, Armonk, N. Y., Sharpe, 2002.
- Marsh, G. P. *Man and Nature*, Seattle, WA, University of Washington Press, 2003 [1888].
- Martineau, Harriet. *Society in America [1837]*, New York, N. Y., Doubleday, 1966.
- Marx K. and F. Engels, *Manifesto of the Communist Party [1848]*, New York, N.Y, International Publishers, 1948.
- Marx K. and F. Engels, *The Communist Manifesto*, in L. Feuer, ed., *Marx and Engels*, Garden City, N.J, Doubleday, 1959.
- Masahiko Aoki, *Information, Incentives and Bargains in the Japanese Economy*, Cambridge, Cambridge University Press, 1988, pp. 61–64.
- Mason, M. A. *The Equality Trap*, New Brunswick, N. J., Transaction, 2002.
- Mather, Cotton. *The Great Works of Christ in America = Magnalia Christi Americana*, Carlisle, PA, Banner of Truth Trust, 1979 [1702].

- Matt, S. J. *Keeping Up with the Joneses; Envy in American Consumer Society, 1890–1930*, Philadelphia, PA, University of Philadelphia Press, 2003.
- Mattox, W. R. “The Family Time Famine”, *Family Policy*, 3, 1, 1990.
- Mattox, W. R. “The Parent Trap”, *Policy Review*, 55, Winter 1991, pp. 3–13.
- Mayer, R. N. *The Consumer Movement: Guardians of the Marketplace*, Boston, MA, Twayne, 1989.
- McAllister, W. B. *Drug Diplomacy in the Twentieth Century: An International History*, London, Routledge, 2000.
- McCabe K. A. and G. M. Martin, *School Violence, The Media and Criminal Justice Responses*, N.Y, N.Y, Lang, 2005, pp. 61–62.
- McCarthy, J. R. *America’s Retreat from Victory*, New York, N. Y., Devin-Adair, 1951.
- McDonald, F. *The American Presidency: An Intellectual History*, Lawrence, KS, University of Kansas Press, 1994.
- McDougall, W. *Promised Land, Crusader State: The American Encounter with the World since 1776*, Boston, MA, Houghton Mifflin, 1997.
- McKinnon, C. A. *The Sexual Harassment of Working Women*, New Haven, CT, Yale University Press, 1979.
- McLelland, D. *The Achieving Society*, Princeton, N.J, Van Nostrand, 1961).
- McWilliams, W. C. *The Idea of Fraternity in America*, Berkeley, CA, University of California Press, 1973.
- Meredith, R. ed. *American Studies: Essays on Theory and Method*, Columbus, OH, Merrill Publishing, 1968
- Michael R. T. and K. Joyner, “Sex During Adolescence”, in E. O. Laumann and R. T. Michael, eds., *Sex, Love and Health in America*, Chicago, IL, University of Chicago Press, 2000.
- Michael, R. T. “Private Sex and Public Policy”, in E. O. Laumann and R. T. Michael, eds., *Sex, Love and Health in America*, Chicago, IL, University of Chicago Press, 2000.
- Middleton, R. *Colonial America; A History, 1585–1776*, Oxford, Blackwell, 1992.
- Mikesh, R. C. *Japan’s World War II Balloon Attacks on North America*, Washington D. C. Smithsonian Institution, 1973.
- Miller, D. E. *Reinventing American Protestantism; Christianity in the New Millennium*, Berkeley, CA, University of California Press, 1997.
- Miller, H. “Shadowy Monomania”, *Sunday After the War*, New York, N. Y, New Directions, 1944.
- Miller, H. *Sexus*, New York, N. Y., Grove Press, 1964.
- Miller, H. *Tropic of Cancer*, New York, N.Y, Grove Press, 1961.
- Miller, H. *Tropic of Capricorn*, New York, N. Y., Grove Press, 1961.
- Millet, Kate *Sexual Politics*, London: Sphere Books, [1969] 1971.
- Millett A. R. and P. Maslowski, *For the Common Defense: A Military History of the United States of America*, New York, N. Y., Free Press, 1984.
- Milward, A. *The European Rescue of the Nation State*, London: Routledge, 1992.
- Milward, A. *War, Economy and Society, 1939–1945*, Berkeley, CA, University of California Press, 1977.

- Mitchell, B. *Women in the Military: Flirting with Disaster*, Washington D.C., Regnery, 1998.
- Monroe, J. A. *Hellfire Nation: The Politics of Sin in American History*, New Haven, CT, Yale University Press, 2003.
- Moore D. *Stupid White Men*, New York, N. Y., 2002.
- Moore S. and J. Simon, *It's Getting Better All the Time: 100 Greatest Trends in the Last 100 Years*, Washington D.C., 2000, CATO Institute.
- Moore, R. L. *Selling God; American Religion in the Marketplace of Culture*, New York, N. Y., Oxford University Press, 1994.
- Morgan, E. S. "The Puritans and Sex", in L. W. Levine and R. Middlekauff, eds., *The National Temper: Readings in American Culture and Society*, New York, N.Y, Harcourt, Brace Jovanovic, 1972.
- Morgan, E. S. *Visible Saints: The History of a Puritan Idea*, Ithaca, N. Y., Cornell University Press, 1963.
- Morgan, J. L. "'Some Could Suckle over Their Shoulder'; Male Travelers, Female Bodies, and the Gendering of Racial Ideology, 1550–1770", *William and Mary Quarterly*, 54, 1997.
- Morone, J. A. *Hellfire Nation: The Politics of Sin in American History*, New Haven, Conn.: Yale University Press, 2004.
- Morris, E. *The Rise of Theodore Roosevelt*, New York, N. Y., The Modern Library, 1979.
- Morris, M. "Searching for a New Domestic Consensus", in R. L. Hutchins, ed., *At the End of the American Century*, Baltimore, MD, Johns Hopkins University Press, 1998.
- Morris, W. *News from Nowhere*, Boston, MA, Roberts, 1890.
- Mousset, S. *Olympe de Gouges et le droits des femmes*, Paris, Folin, 2003.
- Muhammad Ali, M. *Translation of the Holy Quran*, Lahore, Ahhamadyyah Anhuman Ishaat-i-Islam, 1951).
- Mumford, H. M. *Revolution and Romanticism*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1974.
- Mynch, L. M. "Payoffs to Alternative Training Strategies at Work", in R. B. Freeman, ed., *Working Under Different Rules*, New York, N. Y., Russell Sage, 1994.
- Nash-Marshall, S. *What It Takes to be Free*, New York, N. Y., Crossroad, 2003, p. 27.
- National Center for Children in Poverty, "Basic Facts about Low Income Children: Birth to Age 18", 2006 (http://www.nccp.org/publications/pub_678.html).
- National Institute of Mental Health, "The Numbers Count: Mental Disorders in America", 2001 (www.nimh.nih.gov/publicat/numbers.cfm).
- Neu, C. E. "The Rise of the National Security Bureaucracy", in L. Galambos, ed., *The New American State: Bureaucracies and Policies since World War II*, Baltimore, MD., Johns Hopkins University Press, 1987.
- Nyberg, A. "The Social Construction of Married Woman's Labour-Force Participation: the Case of Sweden in the Twentieth Century", *Continuity and Change*, 9, 1994.
- Nye, J. S. Jr. *Soft Power; The Means to Success in World Politics*, New York, N. Y. Public Affairs, 2005.
- Nye, J. S., Jr. *The Paradox of American Power*, New York, N. Y., Oxford

- University Press, 2002.
- Nygren, Esa. *Essay on the Linguistic Features in J. K. Rowling's Harry Potter and the Philosopher's Stone*. Stockholm University, Department of English, 2006.
- O'Neill, W. L. *American High : The Years Of Confidence, 1945–1960*, New York, N. Y., Free Press, 1989.
- OECD, *Gaps in Technology; Analytical Report*, Paris, OECD, 1970.
- Oestreich, G. *Neostoicism and the Early Modern State*, Cambridge, Cambridge University Press, 1981.
- OMB Report to Congress, September 1997 (www.whitehouse.gov/omb/inforeg/prareprt.html).
- Osgood, R. E. *Ideals and Self-Interest in America's Foreign Relations*, Chicago, IL, University of Chicago Press, 1953.
- Ostrower, F. *Why the Wealthy Give; The Culture of Elite Philanthropy*, Princeton, N.J, Princeton University Press, 1995.
- Packard, B. *The Naked Society*, Harmondsworth, Middlesex, Penguin, 1964.
- Packard, V. *The Sexual Wilderness: The Contemporary Upheaval in Male-Female Relationships*, New York, N. Y., Pocket Books, 1968.
- Pagonis, W. H. *Moving Mountains: Lessons in Leadership and Logistics from the Gulf War*, Cambridge, MA, 1991.
- Parcel T. L. and E. G. Menaghan, *Parents' Jobs and Children's Lives*, New York, N. Y., Aldine, 1994.
- Parenti, C. *Lockdown America; Police and Prisons in the Age of Crisis*, London, Verso, 1999.
- Patai, D. *Sexual Harassment and the Future of Feminism*, London, Rowman & Littlefield, 1998.
- Patterson, J. T. "The Legacies of the Reagan Years", in W. E. Brownlee and H. D. Graham, eds., *The Reagan Presidency*, Lawrence, KS, University Press of Kansas, 1992.
- Pay, J. "Full Circle: The U.S Navy and Its Carriers, 1974–1993", *Journal of Strategic Studies*, 17, 1, March 2004, pp. 124–147.
- Pearce, D. "Welfare is Not for Women", in L. Gordon, ed., *Women, the State, and Welfare*, Madison, WI, University of Wisconsin Press, 1990.
- Pearlman, M. D. *Warmaking and American Democracy; The Struggle over Military Strategy, 1700 to the Present*, Lawrence, KS, University Press of Kansas, 1999.
- Peden, W. ed., *Notes on the State of Virginia*, Chapel Hill, N. C., University of North Carolina Press, 1955, p. 138.
- Pells, R. *Not Like Us: How Europeans Have Loved, Hated and Transformed American Culture since World War II*, New York, N. Y., Basic Books, 1997.
- Peristiany, J. G. ed. *Honor and Shame: The Values of Mediterranean Society*, London, Weidenfeld & Nicolson, 1966.
- Perkins, E. J. *The Economy of Colonial America*, New York, N. Y., Columbia University Press, 1980.
- Peterson, A. L. *Seeds of the Kingdom: Utopian Communities in the Americas*, Oxford, Oxford University Press, 2005.
- Pivar, D. J. *Purity Crusade; Sexual Purity and Social Control, 1862–1900*, Westport, CT, Greenwood Press, 1973.

- Pollack, O. *The Criminality of Women*, Westport, CT, Greenwood Press, 1978.
- Porter, B. D. *War and the Rise of the State: The Military Foundation of Modern Politics*, New York, N. Y., Free Press 1993
- Powers S. I. and S. Rothman, *The Least Dangerous Branch? Consequences of Judicial Activism*, New York, N. Y., Praeger, 2002.
- Primus W. and K. Daugirdas. "Reducing Child Poverty by Improving the Work-Based Safety Net", in G. J. Duncan and P. Lindsay-Lasdale, eds., *For Better and for Worse: Welfare Reform and the Well Being of Children and Families*, New York, N. Y., Russell Sage, 2001, p. 249.
- Pringle, Rosemary. *Sex and Medicine: Gender, Power and Authority in the Medical Profession*, Cambridge, Cambridge University Press, 1998.
- Purdy, L. M. "Babystrike!" in H. L. Nelson, ed., *Feminism and Families*, New York, N. Y., Routledge, 1997.
- Raboteau, A. J. *Slave Religion: The Invisible Institution in the Ante-Bellum South*, New York, N. Y., Oxford University Press, 1978.
- Rafaelli M. and E. Duckett. "We Were Just Talking... Conversations in Early Adolescence", *Journal of Youth and Adolescence*, 18, 1989, pp. 567–582.
- Rapping, E. A. "Theory and Experience in Crevecoeur's America", *American Quarterly*, 19, 4, 1967.
- Reeves, Th. C. *Twentieth Century America*, New York, N. Y., Oxford University Press, 2000.
- Reskin B. F. and P. A. Roos, *Job Queues, Gender Queues: Explaining Women's Inroads into Male Occupations*, Philadelphia, Pa., Temple University Press, 1997.
- Reskin F. and P. Roos, *Job Queues, Gender Queues; Explaining Women's Inroads into Male Occupations*, Philadelphia, PA., Temple University Press, 1995.
- Reuter, P. H. "U.S. - French Relations Concerning Intervention in Mexico", *Southern Quarterly*, 6, 4, 1968.
- Rhodes, R. *The Making of the Atomic Bomb*, New York, N. Y., Simon & Schuster, 1988.
- Richard, Carl J. *The Founders and the Classics: Greece, Rome, and the American Enlightenment*, Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1994.
- Ricks, T. "The Widening Gap Between the Military and Society", *Atlantic Monthly*, 280, July 1997.
- Riley, G. *The Female Frontier: A Comparative View of Women on the Prairie and the Plains*, Lawrence, KS, University Press of Kansas, 1988.
- Ritterhouse, J. "Speaking of Race: Sara Patton, Boyle and the 'T. J. Sellers Course for Backward Southern Whites'", in M. Hodes, ed., *Sex, Love, Race; Crossing Boundaries in North American History*, New York, N. Y., New York University Press, 1999.
- Robertson, B. C. *Day Care Deception; What The Child Care Establishment Isn't Telling Us*, San Francisco, CA, Encounter, 2003.
- Robertson, J. O. *American Myth, American Reality*, New York, N. Y., Hill & Wang, 1980.
- Robins, G. *Women in Ancient Egypt*, London, British Museum 1993.

- Robinson, J. and G. Godbey, *Time for Life; The Surprising Ways Americans Use Their Time*, Philadelphia, PA, Pennsylvania State University Press, 1997.
- Rodgers J. R. and J. L. Rodgers, "The Effect of Mobility on Male-Labor Force Participation in the United States", University of Wollongong, Wollongong, Australia, 1998 (<http://www.springerlink.com/content/xh1tmkfkv818jlvw/fulltext.pdf>).
- Roiphe, K. *Last Night in Paradise: Sex and Morals at the Century's End*, New York, N. Y., Vintage, 1997.
- Rorty, J. *Where Life is Better: The Unsentimental American Journey*, New York, N. Y., Reynal and Hitchcock, 1936.
- Rosenberg, H. *Bureaucracy, Aristocracy and Autocracy: the Prussian Experience, 1660—1815*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1953.
- Ross, D. *The Origins of American Social Science*, Cambridge, Cambridge University Press, 1991.
- Rostow, W. W. *The World Economy; History and Prospects*, Austin, TX, University of Texas Press, 1978.
- Rothbard, M. N. *A History of Money and Banking in the United States; The Colonial Era to World War II*, Auburn, AL., Ludwig von Mises Institute, 2002.
- Rothbard, M. N. *For a New Liberty. The Libertarian Manifesto*, Auburn, AL.: The Ludwig Mises Institute, 2006.
- Rothbard, M. N. *The Ethics of Liberty*, N.Y: New York University Press, 1998.
- Rousseau, J. J. *The Government of Poland*, Indianapolis, IND, Bobbs Merrill, 1985.
- Rowen H. S. and C. Wolf, Jr., "The Future of the Soviet Empire", in H. S. Rowen and C. Wolf, Jr., eds., *The Future of the Soviet Empire*, New York, N.Y., St. Martin's, 1987.
- Ruddick, S. "Thinking Mothers/Conceiving Birth", in H. Bassin and M. Kaplan, eds., *Representations of Motherhood*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1994.
- Ruland, R. *America in Modern European Literature: From Image to Metaphor*, N. Y.: New York University Press, 1976.
- Russell, K. et al, *The Color Complex: The Politics of Skin Color among African Americans*, New York, N. Y., Anchor, 1992.
- Russett B. M. and A. Stepra, eds. *Military Force and American Society*, New York, N. Y., Harper & Row, 1973.
- Russett, B. M. *No Clear and Present Danger: A Skeptical View of the United States' Entry into World War II*, New York, N. Y., Harper & Row, 1972.
- Sanday, P. R. "Gender in Minangkabau Society", in P. R. Sanday and R. G. Goodenough, eds., *Beyond the Second Sex*, Philadelphia, PA, University of Pennsylvania Press, 1990.
- Sandefur G. D. and J. Mosley, "Family Structure, Stability, and the Well being of Children" in R. M. Hauser and others, eds., *Indicators of Children's Well Being*, New York, N. Y., Russell Sage.
- Sandford, Mrs John [Elizabeth] *Woman in Her Social and Domestic Character*, Boston, MA, Otis, 1842.

- Saradar Z. and M. W. Davies, *Why Do People Hate America?* London, Icon, 2002.
- Schaller, M. *The American Occupation of Japan: The Origin of the Cold War in Asia*, New York, N. Y., Oxford University Press, 1985.
- Scheiner, M. ed., *Feminism: The Essential Historical Writings*, New York, N. Y., Vintage Books, 1972.
- Schewe, D. B. ed., *Franklin D. Roosevelt and Foreign Affairs*, New York, N. Y., Garland, 1979.
- Schlesinger, A. M. *The Imperial Presidency*, Boston, MA, Houghton Mifflin, 1973.
- Schor, J. B. *The Overworked American; The Unexpected Decline of Leisure*, New York, N. Y., Basic Books, 1991.
- Schrecker, E. *Many Are the Crimes: McCarthyism in America*, Princeton, N. J., Princeton University Press, 1998.
- Schreyer, A. "The American Dream and the Spirit of Enterprise", in L. Alexander and C. E. Finn, eds., *The New Promise of American Life*, Indianapolis, ID, Hudson Institute, 1995.
- Schumpeter, J. A. *History of Economic Analysis*, New York, N. Y., Oxford University State, 1954.
- Schur, E. M. *The Americanization of Sex*, Philadelphia, PA., Temple University Press, 1988.
- Schwartz, P. et al. *The Long Boom; A Vision for the Coming Age of Prosperity*, Reading, MA, Perseus, 1999.
- Schwartz, B. *A History of the Supreme Court*, New York, N. Y., Oxford University Press, 1993.
- Scott, A. F. *The Southern Lady; From Pedestal to Politics, 1830–1930*, Chicago, IL, University of Chicago Press, 1970.
- Seib, Ph. *Headline Diplomacy: How News Coverage Affects Foreign Policy*, Westport, CT, Praeger, 1997.
- Seidenberg, R. *The Father's Emergency Guide To Divorce Custody Battles*, Takoma Park, MD., TES Books, 1997.
- Seldes, G. *You Can't Do That*, New York, N. Y.: New Age, 1938.
- Shammas, C. "A New Look at the Long Term Trends in Wealth Inequality", *American Historical Review*, 98, 2, April 1993.
- Sherwood, Joan. *Poverty in Eighteenth Century Spain: the Women and Children of the Inclusa*, Toronto, University of Toronto Press, 1998.
- Shipler, D. K. *The Working Poor: Invisible in America*, New York, N. Y., Knopf, 2003.
- Shulman, H. C. *The Voice of America; Propaganda and Democracy, 1941–1945*, Madison, WI, University of Wisconsin Press, 1990.
- Simon, A. R. *How much is enough? Hungering for God in an Affluent Culture*, Grand Rapids, Mich., Baker Books, 2003.
- Singh S. and J. E. Darroch, "Adolescent Pregnancy and Childbearing: Levels and Trends in Developed Countries", *Family Planning Perspectives*, 32, 1, 2000.
- Skowronek, S. *Building a New American State*, Cambridge, Cambridge University Press, 1982
- Smeeding, T. M., Danziger, S. and L. Rainwater. "Child Well-Being in the West", in A. Cornia and S. Danziger, eds., *Child Poverty and Depriva-*

- tion in the Industrialized Countries, 1945–1995*, Oxford, Clarendon Press, 1997.
- Smith, J. M. “Civil Liberties and Bare Breasts”, in D. Goldberg et al., eds., *It's A Free Country*, New York, N. Y., Thunder's Mouth, 2003.
- Smith, M. R. “Army Ordnance and the ‘American System’ of Manufacturing, 1815–1861”, in *idem*, ed., *Military Enterprise and Technological Change; Perspectives on the American Experience*, Cambridge, MA, MIT Press, 1987, pp. 39–86.
- Solomon, R. M. *The International Monetary System, 1945–1976: An Insider's View*, New York, N. Y., Harper & Row, 1977.
- Sorley, D. *A Better War; The Unexamined Victories and Final Tragedy of America's Last Years in Vietnam*, New York, N. Y., Harcourt, Brace, 1999.
- Sparrow, J. C. *History of Personnel Demobilization in the United States Army*, Washington D. C., Department of the Army, 1951.
- Stanley Th. J. and W. D. Danko. *The Next Door; The Surprising Secrets of America's Wealth*, New York, N. Y., Pocket Books, 1996.
- Stanley, Th. J. *The Millionaire Mind*, Kansas City, KS, McMeel, 2000.
- Staples, R. “Race and Marital Status; An Overview”, in H. P. McAdoo, ed., *Black Families*, Thousand Oaks, CA, Sage, 1997.
- Starfield, B. “Health Indicators for Pre-Adolescent School Age Children”, in R. M. Hauser and others, eds., *Indicators of Children's Well Being*, New York, N. Y., Russell Sage.
- Stead, W. T. *The Americanisation of the World*, London: Review of Reviews, 1902.
- Stefan Zweig, *The World of Yesterday*, London, Cassell, 1943, pp. 189–190.
- Steffen, D. “The Holtzendorff Memorandum of 22.11.1916 and Germany's Declaration of Unrestricted U-Boat Warfare”, *Journal of Military History*, 68, 1, 2004.
- Steffens, H. *Die gegenwartige Zeit und wie sie geworden*, Berlin, Reimer, 1817.
- Stern, Philip M. *Still the Best Congress Money Can Buy*, Washington D. C., Regnery, 1992.
- Stevens, A. H. “Long Term Effect of Job Displacement”, Cambridge, MA, National Bureau of Economic Research, 1995 (<http://www.nber.org/papers/w5343.pdf>.)
- Stieffler, R. E. *The Rise of Neoevangelical Pietism*, Leiden, Brill, 1965.
- Stigler, G. J. “The Theory of Economic Regulation”, *Bell Journal of Economics and Management Science*, 2, Spring 1971, pp. 3–21.
- Stiglitz, J. E. “The private Uses of Public Interests: Incentives and Institutions”, *Journal of Economic Perspectives*, 12, Spring 1998.
- Stokesbury, J. *A Short History of World War II*, New York, N. Y., William Morrow, 1980.
- Stouffer S. and P. E. Lazarsfeld, *Research Memorandum on the Family in the Depression*, New York, N. Y., Social Science Research Council, 1937.
- Strassmann, W. P. *Risk and Technological Innovation: American Manufacturing Methods during the Nineteenth Century*, Ithaca, N. Y., Cornell University Press, 1956.

- Strauss, W. V. "Foreign Distribution of American Motion Pictures", *Harvard Business Review*, 8, April 1930.
- Strober M. H. and A. M. Kaneko Chan, *The Road Winds Uphill All the Way: Gender, Work and Family in the United States and Japan*, Cambridge, MA, MIT Press, 1999.
- Strom, K. J. *Hate Crimes Reported in NIBRS, 1997–1999*, Washington D. C., U. S. Department of Justice, 2001.
- Stubbing, R. A. *The Defense Game: An Insider Explores the Astonishing Realities of America's Defense Establishment*, New York, N. Y., Harper & Row, 1986.
- Suarez-Findley, E. J. *Imposing Decency: The Politics of Sexuality and Race in Puerto Rico, 1870–1920*, Durham, N. C., Duke University Press, 1999.
- Summary of Vital Statistics, *Journal of Blacks in Higher Education*, 35, Spring 2002.
- Sutch, R. *The Breeding of Slaves for Sale and the Westward Expansion of Slavery, 1850–1860*, University of California, Institute of Business and Economic Research, 1972.
- Sweet J. A. and L. L. Bumpass, *American Families and Households*, New York, N. Y., Russell Sage, 1990.
- Szatmary, D. *Shay's Rebellion; The Making of an Agrarian Insurrections*, Amherst, University of Massachusetts Press, 1980.
- Takaki, R. *A Different Mirror*, Boston, MA, Little, Brown 1993.
- Taylor, F. W. *The Principles of Scientific Management*, Mineola, N. Y., Dover, 1998 [1911].
- Taylor, G. R. *The Transportation Revolution, 1815–1860*, New York, N. Y., Harper & Row, 1951.
- Taylor, R. L. "Who's Parenting? Trends and Patterns, in ", in T. Arendell, ed., *Contemporary Parenting; Challenges and Issues*, London, Sage, 1997.
- Tellenbach, G. *Church, State and Christian Society at the Time of the Investiture Conflict*, Oxford, Blackwell, 1970.
- Terkel, S. *The Good War; An Oral History of World War II*, New York, N. Y., New Press, 1997.
- The Autobiography of Calvin Coolidge*, Honolulu HI, University Press of the Pacific, 2004 [1929].
- The Works of Theodore Roosevelt*, Habgerdorn, H. ed., New York, N. Y., Scribner's, 1925.
- Thirwall, T. "Inflation is No Devil in Monetary Policy Deal", *Guardian*, 24.12.2004.
- Thompson W. S. and P. K. Whelpton, *Population Trends in the United States*, New York, N. Y., Gordon and Breach 1969.
- Thompson, F. *The Alamo*, San Diego, CA, Thunder Bay Press, 2002; L. Jacobs, *Cry, Heart; Stories and Memoirs of the Confederacy*, Camden, S. C., Burd Street Press, 1997.
- Thomson, W. R. *Black Caribbean*, London, MacDonald, 1946.
- Tiger, L. *The Decline of the Male*, New York, N.Y, St. Martin's, 1999; B. Sykes, *The Seven Daughters of Eve*, New York, N. Y., Bantam, 2001.

- Tocqueville A. de. *Democracy in America*, New York, N. Y., Vintage, 1945 [1838].
- Todd, E. *After the Empire: The Breakdown of the American Order*, New York, N. Y., Columbia University Press, 2003.
- Todd, E. *The Explanation of Ideology; Family Structures and Social Systems*, Oxford, Blackwell, 1985.
- Todd, J. *Mary Wollstonecraft: A Revolutionary Life*, New York, N. Y., Columbia University Press, 2000.
- Toffler, A. *Future Shock*, New York, N. Y., Bantam 1970.
- Trencham, C. et al., "Impact of Four Title V Section 510 Abstinence Education Programs", Mathematica Policy Research Inc., *Final Report*, April 2007.
- Trollope, F. *Domestic Manners of the Americans* [1832], [1832], London, Penguin, 1997.
- Trumphour, J. *Selling Hollywood to the World: U. S. and European Struggles for Mastery of the Global Film Industry, 1920–1950*, New York, N. Y., Cambridge University Press, 2002.
- Tuchmann, B. *The Zimmermann Telegram*, New York, N. Y., Dell, 1958.
- U. N. *Human Development Report*, 2001.
- U. S. Bureau of the Census, *Poverty in the United States*, Washington D. C., U. S. Government Printing Office, 1991, Series P-60. No. 181.
- U. S. Census Bureau, "Geographical Mobility of People 1 Year and Older, by Sex, Between March 1996 and March 1997" (<http://www.bls.census.gov/cps/pub/1997/mobility.htm>).
- U. S. Census Bureau, "Migration and Geographic Mobility in Metropolitan and Nonmetropolitan America: 1995 to 2000", Washington D. C., 2000 (<http://www.census.gov/prod/2003pubs/censr-9.pdf>).
- U. S. Department of Justice, *Report of the Surgeon General's Workshop on Pornography and Mental Health*, Washington D.C., Government Printing Office, 1986.
- U. S. Department of Labor, "Bureau of Labor Statistics-Social Workers", 2003 (www.bls.gov/oco/ocos060.htm).
- U. S. Government, "America's Children" (http://www.childstats.gov/pdf/ac2006/ac_06.pdf).
- Upham, F. K. *Law and Social Change in Postwar Japan*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1987.
- Useem, J. and R. H. *The Western Educated Man in India: Studies of His Social Role and Influence*, New York, N. Y., Dryden, 1951.
- Valian, V. *Why So Slow? The Advancement of Women*, Cambridge, MA, MIT Press, 1999.
- Van B. Cleveland, H. and Th. F. Huertas. *Citibank, 1812–1970*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1985.
- Van Creveld, M. *Command in War*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 1985.
- Van Creveld, M. *Fighting Power: German and U.S Army Performance, 1939–1945*, Westport, CT, Greenwood, 1982.
- Van Creveld, M. *Men, Women and War*, London, Cassell, 2001.
- Van der Wee, H. *Prosperity and Upheaval: The World Economy 1945–1980*, New York, N. Y., Viking, 1986.

- Van Riper, P. P. *History of the U. S. Civil Service*, Evanston, IL, Row, Peterson, 1958.
- Wallerstein J. et al. *The Unexpected Legacy of Divorce*, New York, N. Y., Hyperion, 2000.
- Waltz, K. N. *The Spread of Nuclear Weapons: More May be Better*, Adelphi Paper, No. 171, London, International Institute of Strategic Studies, 1981.
- Wangler, Th. E. "John Ireland and the Origins of Liberal Catholicism in the United States", *Catholic Historical Review*, 56, 1971, pp. 617–629.
- Ward, M. D. and D. R. Davis, "Sizing Up the Peace Dividend: Economic Growth and Military Spending in the U.S, 1948–1996", *American Political Science Review*, 86, 3, September 1992.
- Watson, H. L. *Liberty and Power; The Politics of Jacksonian America*, New York, N. Y., Noonday, 1990.
- Weber, M. *Economy and Society; an Outline of Interpretative Sociology*, G. Roth and C. Wittich, eds., New York: Bedminster, 1968.
- Weber, M. *General Economic History*, New York, N. Y., Collier, 1961 [1923].
- Weber, M. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*, New York, N. Y., Scribner's, 1958 [1905].
- Weinberg, A. K. *Manifest Destiny; A Study of Nationalist Expansionism in American History*, Baltimore, MD, Johns Hopkins Press, 1935.
- Weiss, Th. *A Deplorable Scarcity; The Failure of Industrialization in the Slave Economy*, Chapel Hill, N. C., University of North Carolina Press, 1981.
- Wells, T. *Wild Man: The Life and Times of Daniel Ellsberg*, New York, N. Y., Palgrave, 2001.
- Welter, B. "The Cult of True Womanhood, 1820–1860", in L. W. Levine and R. Middlekauff, eds., *The National Temper: Readings in American Culture and Society*, New York, N.Y, Harcourt, Brace Jovanovic, 1972, pp. 144–163.
- Wertheimer, B. F. *The Monetary Rewards of Migration within the U.S.*, Washington D.C., The Urban Institute, 1970.
- Westmoreland, W. C. *A Soldier Reports*, New York, N. Y., Dell, 1976.
- White House National Economic Council, National Security Council, and the Office of Science and Technology Policy, *Second to None: Preserving America's Military Advantage Through Dual-Use Technology*. Washington, D. C.: U. S. Government Printing Office, February 1995.
- White, D. *The Republican Era, 1869–1901: A Study in Administrative History*, New York, McMillan, 1958.
- Wills, G. *A Necessary Evil: A History of American Distrust of Government*, New York, N. Y., Simon & Schuster, 1999.
- Wilson, W. "The Study of Administration", in A. S. Link, ed., *The Papers of Woodrow Wilson*, Princeton, N.J., Princeton University Press, 1968, vol. 5.
- Wilson, W. *Congressional Government: A Study in American Politics*, Gloucester, Smith, 1973 [1885].
- Winer, Lynn E. *From Working Girl to Working Mother: the Female Labor Force in the United States, 1820–1980*, Chapel Hill, N. C., North Carolina University Press, 1985.

- Winokur, J. *Encyclopedia Nerotica*, New York, N. Y., St. Martin's, 2005.
- Wirszubski, Ch. *Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and the Early Principate*, Cambridge: Cambridge University Press, 1960.
- Witten, M. C. *All is Forgiven: The Secular Message of American Protestantism*, Princeton, N. J., Princeton University Press, 1993.
- Wolfe B. L. and J. Sears, "Health Indicators for Preschool Children, Ages One to Four", in R. M. Hauser and others, eds., *Indicators of Children's Well Being*, New York, N. Y., Russell Sage.
- Wollstonecraft, Mary. *A Vindication of the Rights of Women* [1792], Mineola, N. Y., Dover, 1996.
- Wright Mills, C. *The Power Elite*, New York, N. Y., Oxford University Press, 2000 [1956].
- Brzezinski, Z. *The Grand Chessboard*, New York, N. Y., Basic Books, 1997.
- Zakaria, F. *From Wealth to Power: The Unusual Origins of America's World Role*, Princeton, N. J., Princeton University Press, 1998.
- Zakaria, F. *The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad*, New York, N. Y., Norton, 2004.
- Zepezauer, M. and A. Naiman. *Take the Rich off Welfare*, South End Press, 2004.
- Zepezauer, M. *Take the Rich off Welfare*, Cambridge, MA, South End Press, 2004.
- Zimmerman, J. *Tailspin: Women at War in the Wake of Tailhook*, New York, N. Y., Doubleday, 1995.
- "A Radical Assault on the Constitution", *New York Times*, 24.7.2004.
- "A Survey of America", *The Economist*, 8.11.2003.
- Administration for Children and Families, "Child Maltreatment, 2001", Chapter 4 (www.acf.hhs.gov/programs/cb/publications/cm01/chapterfour.htm#character).
- AFP, "Pentagon Wants to End Controversial Spying Program", 26.4.2007 (http://news.yahoo.com/s/afp/20070425/pl_afp/usiraqdefense_070425230526).
- Al Awadh, Kh. "People Warned against Celebrating Valentine's Day", Arab News, 14.2.2004 (www.arabnews.com/?page=1§ion=0&article=39498&d=14&m=2&y=2004).
- Alsace, J. A. "In Search of Monsters to Destroy: American Empire in the New Millennium", *Parameters*, 33, 3, Autumn 2003.
- "Americans Say Bush is Out of Touch, but Are More Optimistic About Iraq", 3.5.2005 (<http://www.fileitunder.com/2005/03/file-it-under-acronyms-for-afp.html>).
- Anderson S. and J. Cavanagh, "Of the World's 100 Largest Economies 51 are now Corporations" (200 data), 2002, (<http://www.corporations.org/system/top100.html>).
- AP, "Judge: School Gay Rights School Club Can Meet", 7.7.2007 (<https://www.cbn.com/CBNnews/133533.aspx>).
- AP, "UN: World's Cos. Filed for 1M Patents", Yahoo! News, 14.1.2005.

- Apuzzo, M. "Gunman in Virginia Tech massacre had raised concerns with his disturbing writings", AP, 19.4.2007 (<http://www.signonsandiego.com/news/nation/20070417-1354-virginiatechshooting.html>).
- Baby Center. "Cost of Raising a Child' Calculator" (http://www.babycenter.com/costofchild/costs.jhtml?_requestid=6589).
- Bauer, G. "Congress Gets the Child-Care Issue Wrong", *Wall Street Journal*, 10.10.1990, p. A18.
- Bernstein, N. "Daily Choice Turned Deadly: Children Left on Their Own", *New York Times*, 19.10.2003.
- Bocock J., et al., "American Influence on British Higher Education; Science, Technology and the Problem of University Expansion, 1947—1963", *Minerva*, 41, 4, 2003.
- Bowyer, J. "Debt be Not Proud?", *National Review Online*, 4.1.2006 (http://www.nationalreview.com/nrof_buzzcharts/buzzcharts200601040939.asp).
- Buck, T. "EU at Levels of U.S. in 1970s", *Financial Times*, 11.3.2005.
- Cane, A. "Why Progress Requires Ambition and Risk", *Financial Times*, 11.3.2005, p. 8.
- Casimir, L. "Black Maternal Deaths 4 Times the White Rate", *Daily News*, 8.6.2001.
- Cassidy, P. "Police Take Military Turn", *Boston Globe*, 11.01.1998.
- Cave, D. "For Recruiters, a Hard Toll from a Hard Sell", *New York Times*, 27.3.2005.
- CBS/AP, "Panel Oks Silicone Gel Implants", 15.10.2003 (<http://www.cbsnews.com/stories/2003/10/08/health/main577194.shtml>).
- Center for Military Readiness, "Court Dismisses Lawsuit to Include Women in Draft Registration", 4.9.2003 (www.cmrlink.org/recruit.asp?DocID=212).
- Chu, J. "How to Plug Europe's Brain Drain", *Time Europe*, 11.1.2004 (www.time.com/time/europe/html/040119/brain/story.html).
- Cisneros, D. "'Virtual Child' Pornography on the Internet: A 'Virtual' Victim?" *Duke Law Review*, 23.9.2002 (<http://www.law.duke.edu/journals/dltr/articles/2002dltr0019.html>).
- Clark County Prosecuting Attorney, "The Death Penalty" (www.clarkprosecutor.org/html/death/opinion.htm).
- Clark County, ID, Prosecuting Attorney, "Juvenile Crime", 2003 (<http://www.clarkprosecutor.org/html/juvenile/juvenile.htm>).
- "Clinton Administration Response to State Initiatives", Washington D. C., 1997 (www.marijuana-as-medicine.org/administration.html).
- Copeland, L. "Students Paid for Snitching on Peers", *USA Today*, 18.4.2005.
- Crary, D. "Bill Aims to Curb Out-Of-State Abortions", 30.1.2005 (<http://www.newsmax.com/archives/articles/2005/1/30/90823.shtml>).
- Crary, D. "States Brace for Cigarette Backlash", 13.7.2002 (<http://www.freerepublic.com/focus/news/715737/posts>).
- Crenshaw, A. B. "The Middle Class is Getting Richer", *New York Times*, 12.10.2002.
- Cullen, D. "The Air Force Academy's Show Trial", 9.7.2003 (<http://slate.msn.com/id/2085365>).

- “Culture Keeps Hispanic Youth from Sex — Study”, 7.3.2005 (<http://www.hivdent.org/pediatrics/pedCKHY0305.htm>).
- “Cupid Clocks Overtime in U.S Workplaces”, Yahoo! News, 11.2.2005.
- Davey, “Recruiters Try New Tactics to Sell wartime Army”, *New York Times*, 14.6.2004.
- Davies J., et al., “The World Distribution of Household Wealth” United Nations University, December 2006 (http://www.wider.unu.edu/publications/working-papers/discussion-papers/2008/en_GB/dp2008-03/_files/78918010772127840/default/dp2008-03.pdf).
- “Death with Dignity National Center”, “Ninth Circuit Court Sides with Oregon”, 26.5.2004, (<http://www.dwd.org/news/releases/05.26.04.asp>).
- Delacroix J. and J Bornon, “Can Protectionism Ever Be Respectable? A Skeptic’s Case for the Cultural Exception, with Special Reference to French Movies”, *The Independent Review*, IX, 3, Winter 2005.
- DiFiori, J. P. “Overuse Injuries in Children and Adolescents”, *The Physician and Sportsmedicine*, 27, 1.1.1999 (http://www.physsportsmed.com/issues/1999/01_99/difiori.htm).
- “Document: U.S Troops Used ‘Comfort Women’ After WWII”, CNN.com, 25.4.2007.
- Doyle, A. “Iceland’s Hydrogen Buses Zip toward Oil-Free Economy”, Reuters, 14.1.2005 (<http://www.detnews.com/2005/autosinsider/0501/17/autos-60181.htm>).
- Easen N. “New Technology from ‘Black World’”, CNN, 8.9.2004 (www.cnn.com/2003/TECH/09/05/wow.tech.black.world).
- Eckholm, E. “In Turnabout, Infant Deaths Climb in South”, *New York Times*, 22.4.2007.
- “Financial Times Releases 5th Annual International MBA Survey”, *Business Wire* (online magazine), 20.1.2003.
- Fucanan, T. B. “Much Ado About a Bikini”, *The Sunday Times* (Manila), 16.11.2003.
- Fullerton J. and K. Kiely, “Clinton Admits Donor Sleep-Overs His Idea”, *Arkansas Democrat-Gazette*, 26.2.1997.
- Garin, K. “A Foreign Affair”, *Harper’s*, June 2006.
- Garwin, R. L. “Holes in the Missile Defense”, *Scientific American.com*, November 2004 (<http://www.sciam.com/article.cfm?chanID=sa006&colID=1&articleID=000A45A2-E044-115D-A04483414B7F0000>).
- Gilman, C. P. “Comment and Review”, *Forerunner*, 1, December 1910.
- Glater, J. R. “In a Complex World, Even Lawyers Need Lawyers”, *New York Times*, 3.2.2004.
- Goldenberg, S. “Religious Right Fights Science for the Heart of America”, *The Guardian*, 7.2.2005.
- Gomez, R. “Women Slowly Moving Up”, *The Seattle Times*, 19.11.2002 (<http://archives.seattletimes.nwsourc.com/cgi-bin/texis.cgi/web/vortex/display?slug=womenexecs19&date=20021119>).
- Goodman, E. “High School Punishes L.I Athletes for Visits to Florida Strip Club”, *New York Times*, 9.9.2003.
- Gosselin, P. G. “Credit Card Firms Won as Users Lost”, *Latimes.com*, 4.3.2005 (<http://www.latimes.com/business/la-na-bankruptcy-4mar0405,0,2770999.story>).

- “Got The Time?”, *Economist*, 26.6.1999.
- Greenhouse, L. “Court Hears Case on U.S Detainees”, *New York Times*, 29.4. 2004.
- Greenhouse, L. “Justices, in 5—4 Vote, Raise Doubts on Sentencing Rules”, *New York Times*, 25.07 2004.
- Greenspan, A. “Transparency in Monetary Policy”, 11.10.2001 (<http://www.federalreserve.gov/boarddocs/speeches/2001/20011011/default.htm>).
- Guggs, E. “Senate Passes Bill to Tighten Teen Abortion Rules”, *The Atlanta Journal-Constitution*, 12.2. 2004.
- Hannah, J. “As Student Power Up; Colleges Rewire”, Associated Press, 28.11.2003 (<http://edition.cnn.com/2003/EDUCATION/11/28/dorm.overload.ap/index.html>).
- Harvard School of Public Health Press release, 17.4.2002 (www.hsph.harvard.edu/press/releases/press04172002.html).
- Harvard School of Public Health, “The Work, Family and Equity Index: Where does the U. S. Stand Globally?”
- “Hello Dollies, Everywhere”, *The Sunday Times*, 27.10.1996.
- Hempel, J. “Gates’ Booster for Kids’ Health”, *Businessweekonline*, 26.1.2005.
- “Hindu Hardliners See Red as Indian Couples Take to Valentine’s Day”, AFP, 14.2.2005; A “Singapore Ends Chewing Gum Ban”, CNN News, 25.5.2004.
- Holden-Reed, B. “Power Sovereignty and the Great Republic: Anglo-American Diplomatic Relations in the Era of the Civil War”, *Diplomacy and Statecraft*, 14.2.2003.
- Holland, G. “Court Rules against Pot for Sick People”, 6.6.2005 (http://www.redorbit.com/news/general/154059/court_rules_against_pot_for_sick_people/index.html).
- Holland, G. “High Court to Hear Medical Marijuana Case”, 29.11.2004 (http://www.redorbit.com/news/health/106815/high_court_to_hear_medical_marijuana_case/index.html).
- Holland, G. “Supreme Court to Hear Web Porn Case”, 12.2.2002 (http://www.fairness.com/resources/one?resource_id=4919).
- Holland, J. J. “Senate Oks Handgun Locks Legislation”, 26.2.2004 (<http://www.officer.com/article/article.jsp?id=10098&siteSection=1>).
- “Homicide Trends in the U.S.: Gender” (<http://www.ojp.usdoj.gov/bjs/homicide/gender.htm>).
- Hong, C. “A New voting Age for Women: 26”, *The Village Voice*, 15.6.2004.
- Hopkins, A. “A Lesson for Neurologists from the United Kingdom Third National Morbidity Survey”, 1989 (<http://jnnp.bmjournals.com/cgi/content/abstract/52/4/430>).
- Hopps, J. “Survey Ranks World’s Best, Worst Places to Live”, 4.3.2003 (<http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/europe/2815625.stm>).
- Hulse G. and A. Liptak, “New Fight over Controlling Punishment is Widely Seen”, *New York Times*, 13.01.2005.
- “House Votes to Raise Indecency Fines”, 1.3. 2004 (<http://www.nytimes.com/2004/03/11/politics/11CND-INDEC.html?ei=5007&en=7e>

- a45535e1d00c9a&ex=1394427600&adxnml=1&partner=USERLAND&adxnmlx=1120957272-m3xSF/OXYXhFZP5o1MXUJA).
- Hutchinson, S. "Under Fire Both in Combat and Back at the Home", *Mercury News*, 25.4.2003.
- "In the Beginning", *Economist.com Special*, 19.4.2007 (http://www.economist.com/world/PrinterFriendly.cfm?story_id=9036706).
- International Narcotics Control Board, "Estimated World Requirements of Narcotic Drugs for 2005" (http://www.incb.org/pdf/e/tr/nar/2005/Narcotics_2005_ebook.pdf).
- Jayson, S. "More High School Seniors Working their Way Through School" *USA Today*, 22.2.2005.
- Johnson, L. A. "Spending Soars for Kids' Behavior Drugs", 17.5.2004 (<http://www.msnbc.msn.com/id/4993606>).
- Julian, L. "Lee Bee Homework Tips" (www.freenetpages.co.uk/hp/An.yGill/Teaching%20Responsibility%20With%20C).
- Kalb, C. "Troubled Souls", *Newsweek*, 22.9.2003.
- Keating, G. "Calif. DNA Plan Draws Ire of Civil Libertarians", *Yahoo! News*, 22.12.2003.
- Kimmel, Michael S. "Invisible Masculinity", *Society*, September-October 1993.
- Korb, L. J. "A War of Choice or of Necessity?" *Washington Post*, 8.12.2003, P. A25.
- Lacey M. and L. Goudswin, "Bush Fleashes out Proposal to Expand Aid to Religious Organizations", 2003, (www.cephasministry.com/nwo_bush_faithbased_decisions.html).
- Lambo, D. "Spending Growth Upsets Conservatives", *Washington Times*, 30.6.2003 (<http://www.washtimes.com/national/20030630-121947-6635r.htm>).
- Law Center, "Ten Commandment Monument Moved", 14.11.2003, www.cnn.com/2003/LAW/08/27/ten.commandments.
- League of Women Voters of the Meadville [Tx.] Area. "Report on School Recesses", 2001 (<http://www.geocities.com/recessplease/CCSDReportExecSum.htm>).
- LeFever, G. "Ritalin Alert!" (www.newhorizons.org/spneeds/adhd/lefever.htm).
- Leopold, E. "Annan Challenges U.S Doctrine of Preventive Action", *Free Republic*, 23.9.2003 (<http://www.freerepublic.com/focus/f-news/987503/posts>).
- Lester, W. "Americans Choosing Work after Retirement", *Yahoo! News*, 9.3.2005.
- Lester, W. "Washington Lags in Polls of Top Presidents", *Yahoo! News*, 20.2.2005.
- Letters and Papers of George Washington*, New York, N. Y., Sun Dial, 1909, p. 400.
- Levine, J. "No. 1 Cause of death in Pregnant Women: Murder", *WeBMD Medical News*, 21.12.2004 (http://my.webmd.com/content/article/31/1728_75217?src=Inktomi&condition=Home%20&%20Top%20Stories).
- Lind, M. "In Defense of Liberal Nationalism", *Foreign Affairs*, 73, 3, 1994.

- Lind, M. "The Beige and the Black", *New York Times Magazine*, 16.8.1998.
- Liptak, A. "U. S. Opposes Proposal to Limit Who May Give Legal Advice", *New York Times*, 3.2.2003.
- "Lobbyist Spending Expected to Break \$ 2B", Yahoo! News, 30.12. 2004.
- Locke, M. "U. S. Considers Using Barcodes for Cadavers", USAtoday.com, 7.2.2005, (http://www.usatoday.com/tech/news/2005-02-06-cadaver-coding_x.htm).
- Longley, J. "Average Home Price Tops 264,000", in October", U. S. Government Info, November 2004 (<http://usgovinfo.about.com/od/consumerawareness/a/avghomeprice04.htm>).
- Luce, H. R. "The American Century" (www.informationclearinghouse.info/article6139.htm).
- Lumpkin, J. J. "Bush Intel Panel See Difficult Task Ahead", Yahoo! News, 1.4.2004.
- M. Kaufman, "Compromise May Restrict Morning After Pill", *Washington Post*, 8.4.2004.
- Maestri, N. "Scrapbooks Create Booming Industry", Reuters, 30.12.2004 (<http://www.tiscali.co.uk/news/newswire.php/news/reuters/2004/12/30/odd/scrapbookscreateboomingindustry.html>).
- Males M. A. and D. Macallair, "An Analysis of Curfew Enforcement and Juvenile Crime in California", *Western Criminology Review*, 1 (2), 1999 (<http://wcr.sonoma.edu/v1n2/males.html>, introduction).
- Mariner, J. "Private Contractors who Torture", CNN.Com, 17.6.2004, (<http://www.cnn.com/2004/LAW/06/17/mariner.contractors/>).
- Mark, R. "Biometric Passports Not Ready for Prime Time", 15.6.2004 (www.internetnews.com/security/print.php/3368661).
- Marquis, C. "Rumsfeld Made Iraq Overture in '84 Despite Chemical Raids", *New York Times*, 23.12.2003.
- Marquis, M. "What's Behind the Low U.S Personal Savings Rate?" *FRBSF Economic Letter*, 29.3.2002, (<http://www.frbsf.org/publications/economics/letter/2002/el2002-09.pdf>).
- McLane, B. R. "Reporting from the Sandstorm: An Appraisal of Embedding, *Parameters*, XXXIV, 1, Spring 2004.
- Mears W. and B. Franken, "Thirty Years After Ruling Ambiguity, Anxiety, Surround Abortion Debate" (www.cnn.com/2003/LAW/01/21/roevwade.overview/).
- Mechatie, E. "FDA Panel Gives Mixed Advice on Silicone Implants", *Internal Medicine News*, 38, 10, 15.515.2005;
- Melman, S. "Military State Capitalism", *Nation*, 20.5.1991.
- Mercy, J. A. "Youth Violence as a Public Health Problem", *Spectrum*, 60, 3, Summer 1993.
- Ministry of Health, Labor and Welfare, Tokyo, "International Comparison of Divorce Rates", 20.9.2003 (<http://personalwebs.oakland.edu/~yamazaki/readings/Family2003.htm>).
- "Most Adults in the United States Who Have Multiple Sexual Partners Do Not Use Condoms Consistently", *Family Planning Perspectives*, 26, January-February 1994.
- "No Sex Please, You're American", *The Guardian*, 8.9.2003.

- Noonan, D. "When Safety is the Name of the Game", *Newsweek*, 22.9.2003.
- Norton, A. "Many High School Girls Report Date Violence", 3.8.2004 (<http://www.ncdsv.org/images/ManyHighSchoolGirlsReportDatingViolence.pdf>).
- "Notable Quotes about U.S WMD Commission Report", Reuters, 31.3.2005 (www.alertnet.org/thenews/newsdesk/N31261314.htm).
- Pear, R. "Welfare Spending Shows Huge Shift", *New York Times*, 13.10.2003.
- Pennington, B. "As Stakes Rise, More Parents Are Directing Rage at Coaches", *New York Times*, 28.6.2005.
- Peters, R. "Seven Sings of Non-Competitive States", *Parameters*, XXXVIII, No. 1, spring 1998.
- Peters, R. "The American Mission", *Parameters*, XXIX, 3, Autumn 1999.
- Poovey, B. "Court Affirms Ban on School Bible Classes", A.P., 06.08.2004, (<http://www.phillyburbs.com/pb-dyn/news/1-06082004-313022.html>).
- "Pregnant Women Risk Murder in U.S, Report Finds", Yahoo! News, 23.2.2005 (<http://crime.about.com/b/2005/02/24/us-pregnant-women-face-murder-risk.htm>).
- "Programs that Mitigate the Effects of Poverty on Children", *The Future of Children*, No. 6 (www.futureofchildren.org/information2827/information_show.htm?doc_id=72184).
- "Quit Smoking or Quit Your Job, U.S Company Says", 26.1.2005 (<http://www.prisonplanet.com/articles/january2005/270105quitsmoking.htm>).
- Registrar for the State of Massachusetts. "FAQs about Learner's Permits and Junior Operator", n.d., (http://www.mass.gov/rmv/jol/21336_web.pdf).
- "Report of the Special Committee on Investigation of n the Munitions Industry and World Peace", 24.2.1936, (<http://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/nye.htm>).
- Ring, W. "Feds Bring Rare Vermont Death Case", Yahoo! News, 5.5.2005.
- Roberts, P. "Defense Department Uses New Tools to Fight Child Porn", 25.1.2005 (<http://www.pcworld.com/article/id,119434-page,1/article.html>).
- Roberts, W. R. "The Information Revolution I: a Breakdown in the East?", *The World Today*, 45, 6, 1989, pp. 95–96.
- Rockwell, J. "The New Colossus: American Culture as Power Export", *New York Times*, 30.2.1994.
- Rumsfeld memo, 16.10.2003, Yahoo! News, 22.10.2003.
- Sanger, D. E. "Bush Embraces Some Regulations as Election Approaches", *New York Times*, 31.12.2003.
- Schemann, S. "The Only Superbad Power", *New York Times*, Sunday Book Review, 25.1.2004.
- Schlaflly, Ph. "A Short History of ERA", n.d, (<http://www.eagleforum.org/psr/1986/sept86/psrsep86.html>)
- Schoetz, D. "Georgia High School to Celebrate First Ever Integrated Prom", ABC News, 10.4.2007 (<http://abcnews.go.com/US/story?id=3026519&page=1>).

- Smith, C. "Woman Arrested, Cuffed, for Eating Candy", 29.7.2004 (http://www.accessmylibrary.com/comsite5/bin/pdinventory.pl?pdlanding=1&referid=2930&purchase_type=ITM&item_id=0286-12814205).
- Snell, B. "The Streetcar Conspiracy: How General Motors Deliberately Destroyed Public Transit" (<http://www.loveearth.net/gmdeliberatelydestroyed.htm>).
- "Socioeconomics of Interracial Marriage", *Gene Expression*, 29.7.2003.
- Soto, A. "U. S. Protestants Recruit Latino Immigrants", 15.7. 2005 (http://www.redorbit.com/news/health/174254/us_protestants_recruit_latino_immigrants/index.html).
- Stenson, J. "Pushing Too Hard Too Young", 1.4.2004 (www.msnbc.msn.com/id/4556235).
- Sterling, J. "A Shorter Workweek Indicates Lower Employee Productivity", *Career Journal.com*, 23.11.2004 (<http://208.144.115.170/myc/workabroad/20041123-sterling.html>).
- Stokes, B. "Self Confident China", *National Journal*, 16.7.2005.
- "Students Found Apathetic About Politics", 13.7.2004 (<http://www.freerepublic.com/focus/f-news/1153031/posts>).
- "Such a Waste", *The Economist*, 8.12.2001.
- Szep, J. "Youth Turnout in Elections Biggest in 20 Years", 8.11.2006 (<http://elections.us.reuters.com/top/news/usnN08342322.html>).
- Tanner, R. "Poll: 7 out of 10 Worried about Government Secrecy", 13.3.2005 (<http://www.msnbc.msn.com/id/7171895>).
- Thackeray, B. "Supreme Court Case will Determine Americans' Right to Cruise with Disability", 27.1.2005 (www.handicappedtravelclub.com/supreme_court_case_will_determin.htm).
- "The 25 Points of the National Socialist Party of America" (www.nsm88.com/25points/25points.html).
- "The Dark Side of America", *New York Times*, 17.5.2004.
- The Haunted House, Dead Men's Mall, Wentzville, Missouri; Yahoo! News, 11.10.2002.
- The Project on Global Working Families, Harvard School of Public Health, "The Work, Family and Equity Index: Where does the U. S. Stand Globally?" (www.globalworkingfamilies.org/), p. 29.
- The Report, "International Matchmaking Organizations" (1999) (http://www.uscis.gov/files/article/Mobrept_full.pdf).
- "The Shape of the Recovery", 18.4.2004 (<http://www.ecc-conference.org/34/pdfs/wyss.pdf>).
- Transparency International Corruption Perceptions Index, 2002, (http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2002).
- "Trend to Live Together, Not Marry, Puts Kids at Risk", *USA Today*, 20.10.2003.
- Ucitelle, L. "An Epitaph for a Rule that Just Won't Die", *New York Times*, 30.7.2000.
- Ward, J. "UNICEF: U.S., British Children Worst Off" (http://www.redorbit.com/news/health/840735/unicef_us_british_children_worst_off/index.html).
- Wartella, E. "The Commercialization of Youth: Channel One in Context", *Phi Delta Kappa*, 76, 6, February 1995.

- Watkins, Th. "Episodes of Hyperinflation", San Jose State University, Economics Department, n.d. (<http://www.sjsu.edu/faculty/watkins/hyper.htm>)
- Weber, B. "For Players, Fast Pulses; For Parents, Raw Nerves", *New York Times*, 22.1.2005.
- Wedhans, N. "Bill Would Tie U.S. Dues to U. N. Reform", 20.5.2005 (http://www.huffingtonpost.com/2005/05/20/bill-would-tie-us-dues-n_1302.html).
- Weiner, T. "Parents, Shopping for Discipline, Turn to Tough Schools Abroad", 9.5.2003 (<http://www.nytimes.com/2003/05/09/international/americas/09MEXI.html?ex=1368504000&en=887f047ae8a9643f&ei=5007&partner=USERLAND>).
- Weiss, Kenneth R. "Tradition of Lifetime Tenure Is Under Assault", *Los Angeles Times*, 13.1.1999, (<http://articles.latimes.com/1999/jan/13/local/me-62992>).
- West, K. "Stopping Sexual Harassment Before it Starts" (<http://pages.sss-net.com/ohio/bar/parenting-sh-kw.html>).
- White House News, "Social Security", 11.1.2005 (<http://www.whitehouse.gov/infocus/social-security>).
- Willing, R. "FBI May Collect Juvenile's DNA", Yahoo! News, 17.11.2003.
- Yen, H. "High Court to Hear Ten Commandments Case", Yahoo! News, 2.3.2005.
- Zawadinski, J. "Fallen U.S. Porn King Goldstein Rebuilds with Bagels", ABC News, 24.1.2005 (www.abcnews.go.com/Entertainment/wireStory?id=438233).
- Zinsmeister, K. "The Problem with Day Care", *American Enterprise*, May/June 1998, pp. 34–35.
- Zysman, J. "U. S. Power, Trade and Technology", *International Affairs*, 67, 1, January 1991.

- Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2005.
- Бурстин Д. Американцы: национальный опыт. М.: Прогресс, 1993.
- Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: прогресс, 1990.
- Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001.
- Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004.
- Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1789–2001 г.). М.: Издательский дом «Стратегия», 2001.
- Клинтон У. Дж. Моя жизнь. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.
- Локк Дж. Два трактата о правлении. // Локк Дж. Сочинения в 3 тт. Т.3. М.: Мысль, 1988.
- Местр Ж. де. Рассуждения о Франции. М.: РОССПЭН, 1997.
- Миллер Г. Сексус. М.: АСТ, АСТ-Москва, Хранитель, 2007.
- Миллер Г. Тропик козерога. М.: АСТ, АСТ Москва, 2008.
- Миллер Г. Тропик рака. М.: АСТ, Люкс, 2005.

- Ротбард М. История денежного обращения и банковского дела в США: от колониального периода до Второй мировой войны. Челябинск: Социум, 2005.
- Тейлор Ф. У. Принципы научного менеджмента. М.: Контроллинг, 1991.
- Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Весь Мир, 2000.
- Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002.
- Федералист. М.: Прогресс—Литера, 1993.
- Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, АСТ Москва, Хранитель, 2006.
- Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, АСТ Москва, Хранитель, 2007.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
- Хомский Н. Несостоятельные Штаты. Злоупотребление властью и атака на демократию. М: Столица - Принт, 2007.
- Шумпетер Й. А. История экономического анализа. СПб: Экономическая школа, 2001.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Август 20
Агню С. 62
Адамс А. 228
Адамс Дж. 21, 31, 53, 70, 228,
399, 400
Адамс Дж. К. 53
Али М. 372
Андерсон Ш. 402
Аннан К. 381
Армстронг Н. 435
Арнольд М. 450, 451
Ачесон Д. 371
Ашкрофт Дж. 82, 405, 406

Б

Баффет У. 220
Беверидж А. 355
Бейкер Дж. 384
Бейкер Ж. 460
Белл А. Г. 434
Беллами Э. 434
Берд Ч. 22
Бёрдик Ю. 458
Бернстайн Л. 402
Бжезинский З. 477, 495, 496
Бирд Ч. 402
Бичер Г. У. 413
Блейк У. 409, 421
Блумберг М. 65
Боббит Л. 272
Бовуар Симона де 10, 88, 93, 126,
192, 239, 242, 326 сн.
Болдуин Р. 401
Брайс Р. 68 сн.
Браунмиллер С. 243
Брежнев Л. И. 371
Брехт Б. 403
Бурстин Д. 33 сн., 161 сн., 162
сн., 183 сн., 285, 253 сн.
Буш Дж. Г. 53, 62, 66, 78, 95,
134, 429
Буш-мл. Дж. 12, 53, 65, 129,
151, 158, 207, 289, 387, 406,
408, 426, 427, 494

В

Вагнер Р. 122
Ванденберг 375
Вандербильты 107
Вашингтон Дж. 30, 31, 60, 70,
131, 175, 178, 363
Вентура Дж. 53
Вергилий 26
Верн Ж. 349
Вильсон В. 37, 39, 63, 355, 361,
362, 374, 378, 400, 420, 428,
432, 467 сн., 469
Волкер П. 133
Вольтер 460
Вудс Т. 280
Вульф В. 299

Г

Гамильтон А. 15, 21, 49, 393
Ганнибал 354
Гардинг У. 39
Гарнер Дж. 62
Гарриманы 107
Гаррисон Б. 38
Гауптман Г. 102, 143 сн.
Геббельс Й. 462, 463
Гегель Г. 18
Гейтс Б. 220, 232, 436
Георг III 27
Герман А. 282
Гершвин Дж. 402
Гесиод 441
Гиллиган К. 294
Гилман Ш. П. 338
Гитлер А. 359, 361, 422, 429,
462, 463, 485
Гласпи Э. 384
Гоббс Т. 17, 18, 20, 25
Голдуотер Б. 381
Гомперс С. 121
Гор Э. 62
Грант У. С. 53, 102
Грили Х. 349
Грин Г. 355
Гринспен А. 36, 37 сн., 148

Гувер Г. 123, 359
 Гувер Э. 403
 Гуж О. де 251
 Гулды 107

Д

Даллес А. 453
 Даян М. 52
 Дворкин А. 234, 269
 Джеймс Г. 240, 241, 261
 Джексон Дж. 54
 Джексон Э. 35, 37, 45, 52, 57,
 347, 350, 447
 Джефферсон Т. 15, 19, 27, 28, 42,
 52, 161, 175, 178, 227, 247,
 264, 283, 327, 346, 347
 Джонсон Л. 40, 48, 53, 62, 67 сн.,
 127, 131, 372, 403
 Джонсон П. 285 (см. тж:
 Johnson P. M.)
 Джонсон У. 327
 Диккенс Ч. 183
 Дисней 463
 Дос Пасос Дж. 402
 Дукакис М. 192
 Дьюи Дж. 402
 Дэвис Г. 29
 Дэвис Дж. 400

Е

Екатерина Великая 379, 460

Ж

Жене Ж. 266
 Жиллет У. 126

И

Истмен Дж. 126

К

Калхун Дж. 44, 45, 46
 Карл Великий 485
 Карнеги Э. 94
 Картер Дж. 40, 50, 62, 133, 148
 Келлог Дж. 208
 Кеннеди, семья 53
 Кеннеди Дж. 48, 62, 63, 127,
 128, 194, 320, 370, 394,
 396

Кеннеди П. 481, 482, 489, 494
 (см. тж: Kennedy P.)

Кент Дж. 35
 Керри Дж. 66
 Керуак Дж. 172
 Кеттеринг Ч. 96
 Кинзи А. 242
 Киплинг Р. 240, 355
 Киссинджер Г. 54, 354, 477
 Кларк Дж. Б. 108 сн.
 Кливленд Г. 38
 Клинтон Б. 41, 50, 53, 55 сн.,
 57, 59 сн., 62, 63, 64, 72, 78,
 134, 135, 282, 383, 385, 386,
 389, 392 сн., 423, 426, 430,
 482
 Клинтон Х. 63, 230
 Кнудсен У. 95
 Колдуэлл Э. 402
 Колумб Х. 178
 Коммагер Г. С. 285
 Констан Б. 34
 Коттон Дж. 229, 237 сн., 262
 Кофлин П. 257
 Кревкер Э. де 95, 172
 Крокет Д. 447
 Кромвель О. 171
 Кулидж К. 39, 64, 100

Л

Л'Анфан П. - Ш. 175
 Ладен Усама бен 389, 390,
 472
 Ларуш Л. 399
 Леви Дж. 457 сн.
 Ледерер У. 458
 Лейн Ф. 420
 Ленин В. И. 422
 Либерман Дж. 390
 Линд Б. 477
 Линкольн А. 37, 53, 64, 131,
 164, 175, 348, 349, 354,
 400, 410
 Липпман У. 95
 Лодж Г. К. 357
 Локк Дж. 18, 20, 21, 35, 227
 Лоуренс Д. Х. 266
 Люс Г. 359, 411
 Лютер М. 410

М

Мак-Кинли У. 38, 358
 Макиавелли 354, 500
 Макартур Д. 398
 Маккарти Дж. 403
 Маккиннон К. 243
 Макклеллан Дж. Б. 349
 Макнамара Р. 67 сн., 95, 372
 Максим Х. С. 434
 Максимилиан I 349
 Максимилиан-Иммануил II 343
 Македонский А. 444
 Маламуд Б. 416
 Мамфорд Л. 402
 Манн 43
 Мао Цзедун 422
 Маркс К. 22, 141, 226, 227 сн.,
 402, 415, 459, 469
 Марси У. 60
 Мартино Г. 90, 265
 Маршалл Дж. 42, 45, 352
 Маршалл Дж. К. 353, 396, 403
 Масинисса 354
 Махмуд II 470
 Мейлер Н. 266, 268, 269, 270,
 402
 Меллвил Г. 420
 Меллон Э. 113
 Местр Ж. де 34
 Меттерних К. 468
 Миллер Д. 240, 241
 Миллер А. 402
 Миллер Г. 266, 267, 268, 269,
 270
 Миллет К. 266, 268
 Милль С. Б. де 460
 Миченер Дж. 271, 272 сн.
 Морган Дж. П. 108, 394
 Морганы 107
 Морил 106
 Матер Коттон 86
 Моисей 41, 299
 Мондейл У. 230
 Монро Дж. 348
 Монтеस्कье Ш.-Л. 31, 34
 Моррис У. 433
 Муссолини Б. 422, 429
 Мэдисон Дж. 26, 27, 33, 228
 Мэхэн А. 357

Н

Най 110
 Наполеон 102, 346, 348,
 436, 448, 468, 477
 Наполеон III 349
 Нейдер Р. 55
 Нибул Р. 402
 Нигл П. 38
 Никсон Р. 40, 50, 62, 127,
 130, 131, 366, 378, 392,
 403, 477
 Ницше Ф. 415
 Норвега М. 374

О

Оглторп 30
 Омар 390
 Оруэлл Дж. 214, 223, 325,
 429
 Остин Дж. 447
 Отис Э. Г. 177

П

Павезе Ч. 185
 Павел, апостол 17
 Паудерли Т. В. 121
 Пауэлл К. 387
 Пендлтон 60
 Перро Р. 65
 Платон 441
 Пол Пот 422
 Пресли Э. 394, 460
 Пьюзо М. 415
 Пулитцер Дж. 357
 Пульман Дж. 94

Р

Райс К. 187, 282
 Райт О. 434
 Райт У. 434
 Райт Ф. Л. 402
 Рамсфельд Д. 383, 391, 491
 Рейган Р. 40, 41, 50, 57,
 131, 132, 133, 142, 148,
 370, 378, 383, 429, 431,
 494
 Рейнольдсы 107
 Рибикофф А. 320
 Робеспьер М. 422

- Родс С. 312
 Рокфеллер Дж. Д. 94, 108
 Роммель Э. 364
 Ротбард М. 112
 Рудмен 491
 Рузвельт Т. 38, 46, 53, 60, 93, 119, 143, 229, 355, 357, 358, 476, 477, 478
 Рузвельт Ф. Д. 39, 50, 53, 62, 64, 115, 123, 131, 142, 148, 360, 361, 362, 414, 442, 451, 494, 496
 Руссо Ж. - Ж. 162, 224, 251
- С**
- О'Салливан Дж. Л. 346
 Сект Г. фон 398
 Серван-Шрейбер Ж. - Ж. 138
 Симпсон О. Дж. 280
 Синклер Э. 401
 Сиснерос Е. 358
 Скотт Д. 42
 Скотт У. 347
 Смит А. 118
 Смит Дж. 203
 Смит 402
 Солдаты М. 239
 Сталин И. В. 402, 422, 428, 429, 461
 Сталь де А. - Л. Ж. 34
 Стерн Ф. 66
 Стивенс 59 сн.
 Стивенсон Э. 192
 Стил У. 198, 451, 477, 487
 Стимсон Г. 62
 Стоун Ш. 452
 Стэнтон Э. К. 252, 253
 Сьюард 356
 Сэндфорд Дж. 265
- Т**
- Тайлер Дж. 161
 Тафт У. Х. 39, 60
 Твен М. 136
 Тейлор Ф. У. 190
 Тернер Дж. 285
 Тернер Т. 330
 Тернер Ф. 454, 455
 Того Х. 361, 429
- Тодд Э. 477, 495, 496 (см. тж: Todd E.)
 Токвиль А. де 72, 88, 93, 151, 163, 166, 200, 219, 238, 239, 261, 265, 275, 285, 414, 419, 447
 Томсон У. 240
 Троллоп Ф. 145, 192, 198, 264, 265 сн., 395
 Троцкий Л. 122
 Трумен Г. 62, 375, 452
 Тэйни Б. 43
 Тэтчер М. 158, 487
- У**
- Уисс Д. 153
 Уинфри О. 200, 282
 Уитни Э. 103, 105
 Уоллес Г. 402
 Уоллстоункрафт М. 251
 Уолтон С. 232, 401
 Уонамейкер Дж. 208
 Уоррен Э. 43, 44
 Уотсон Т. 111
 Уэлс Г. 299
 Уэстморленд У. 194
- Ф**
- Фаст Г. 402
 Филипп V 445
 Фиорина К. 232
 Фиски 107
 Фихте И. Г. 459
 Форд Г. 126, 150, 413
 Форд Дж. 40, 50, 391, 434
 Фолл А. 80
 Франклин Б. 52, 94, 131, 411
 Франко Ф. 422
 Фридан Б. 230, 253, 254, 275, 276
 Фридрих Великий 398, 460
 Фриксы 107
 Фукуяма Ф. 188 сн., 195 сн., 214 сн., 471, 472
- Х**
- Хаксли О. 147, 187
 Халл К. 360
 Харди Т. 161
 Хантингтон С. 162 сн., 472, 477

Харт 491
 Хатчинсон Э. 229
 Хеллер Дж. 401
 Херст У. 357
 Хефнер Х. 242
 Холлерит Г. 185, 186 сн.
 Хилл А. 282
 Хомский Н. 13 сн.
 Хор Дж. 37
 Хусейн С. 135, 272—373, 383,
 384, 429

Хэмингуэй Э. 402

Ц

Цвейг С. 157, 158, 185
 Циммерман А. 400
 Цезарь 435
 Цицерон 72

Ч

Чаплин Ч. 403
 Чапски Г. 438
 Чейни Д. 62
 Черчилль У. 30, 51, 113
 Чингисхан 496

Ш

Шварценеггер А. 53
 Шейс 28
 Шерман Дж. 119
 Шлафли Ф. 248
 Шлезингер Дж. 477
 Шульц Дж. 381
 Шумпетер Й. 63 сн.

Э

Эдисон Т. 94, 126, 434
 Эйзенхауэр Д. Д. 44, 48, 49, 53,
 127, 355, 367, 438, 454
 Элсберг Д. 67 сн., 404
 Энгельс Ф. 56, 141 сн.
 Энджелл Н. 489
 Энтони С. Б. 253
 Эренрайх Б. 149 сн., 158, 190,
 220

Я

Яков I Стюарт 343

А

Abbott M. 167
 Abramovitz M. 115
 Adams H. C. 53
 Adebayo A. 276
 Alexander H. 64
 Alm R. 139, 152
 Alsace J. A. 493
 Althusser L. 31
 Ambrose S. E. 28, 49
 Ambrose S. J. 367
 Amin T. 287
 Amott T. 277, 281
 Anderson R. M. 206
 Anderson S. 138
 Angrig G. 492
 Anon 65
 Aoki M. 418
 Apuzzo M. 336
 Arendell T. 338
 Armey D. 90
 Ashworth W. A. 117
 Aziz D. W. 339

В

Baynes N. 359
 Barker-Benfield G. J. 240
 Ball T. 201
 Barber J. A. 367, 394
 Barzini L. 95
 Bauer G. 296
 Beard C. A. 22
 Belknap J. 256
 Belknap M. R. 43
 Bellessort A. 365
 Bellesiles M. A. 196, 395
 Bellon B. 439
 Bensel R. F. 106
 Berghahn V. R. 452, 453, 461
 Berkowitz E. D. 48, 124
 Bernard C. W. 434
 Bernstein N. 302
 Bianchi S. M. 250
 Billington R. A. 163
 Bird C. 261
 Black E. 111
 Blainey G. 33
 Blinder A. S. 134

- Blow M. 358
 Block F. L. 154
 Boccock J. 465
 Borch H. von 497
 Borchers H. 454
 Bornon J. 464
 Bouza T. 241
 Bowyer J. 155
 Brenner M. A. 133
 Brodie B. 352
 Brooks D. 90, 161, 194, 312, 326
 Brownmiller S. 254
 Brinkley A. 420
 Bruchey S. 22, 103
 Bryce J. 59
 Boorstin D. 33
 Bosbach F. 382
 Brumberg J. J. 234
 Buck T. 139
 Bumpass L. L. 279, 280, 281, 297
- C**
- Calabresi M. 99
 Cammisa A. M. 56
 Camorata S. 479
 Cane A. 137
 Caplow Th. 167, 332
 Carnegie A. 91
 Carroll P. N. 35, 106, 161, 228, 347, 355
 Cashman S. D. 108
 Casimir L. 280
 Castro G. 254
 Cavanagh J. 138
 Cave D. 387
 Chafe W. H. 114
 Chambers J. W. 365, 430, 432
 Cassidy P. 75
 Cherlin A. 291
 Chesney-Lind M. 298
 Chittum Th. W. 51
 Chodorow N. 338
 Chu J. 436
 Cisneros D. 324
 Clark C. L. 339
 Clayton J. L. 128
 Cleveland H. van B. 113
 Cohen P. E. 185
 Commager H. S. 441, 500
 Compton J. V. 463
 Copeland L. 337
 Cornia G. A. 289, 290, 300
 Costigliola F. 451, 462
 Cotton J. 229, 237
 Cotton M. 344
 Cox W. M. 139, 152
 Crary D. 316
 Crenshaw A. B. 155
 Crenson M. A. 50
 Crick B. 429
 Crithclow J. 452
 Crittenden A. 231, 255
 Cross G. 97
 Cullen D. 244
 Culliver C. C. 258
 Cuming B. 491
- D**
- Danko W. D. 98, 155, 232
 Danziger S. 289, 290, 300
 Danziger S. K. 290
 Darroch J. E. 286
 Daugirdas K. 302
 Davey M. 393
 David P. A. 150
 Davies D. J. 203
 Davies J. 479
 Davies M. W. 13
 Davis D. R. 134
 De Graaf R. 432
 Decter M. 491
 Degler C. N. 262
 Delacroix J. 464
 Delumeau J. 410
 Denson J. V. 354
 Devlin R. 333
 Deylser D. 184
 Denison E. F. 116
 Dershowitz A. M. 260
 Dicey E. 154
 Diesel E. 446
 DiFiori J. P. 309
 Diller L. H. 334
 Dineen T. 218
 Dingwall E. 275
 DiQuinzo P. 338
 Dorfman J. 192
 Doyle A. 145

Drew K. F. 226
 Duany A. 176, 179, 181
 Duckett E. 332
 Duggan L. 260, 270
 Dumenil G. 123, 130
 Dunlap L. K. 281

E

Easen N. 397
 Easterbrook G. 418
 Eckholm E. 289
 Edin K. 288
 Edwards III G. C. 326
 Elfin M. 256
 Elliott D. S. 336, 338
 Ellwood D. W. 487
 Ehrenberg V. 32
 Ehrenreich B. 149, 158, 190, 220
 Emerson S. 389
 England P. 302
 Estes S. B. 295, 280
 Everson W. K. 415

F

Faragher R. W. 164
 Fay S. H. 375
 Feaver P. D. 395
 Fehrenbacher D. 43
 Fein E. 245, 246, 247
 Ferguson N. 493
 Ferguson R. 282
 Fingerhut L. A. 337
 Finkelman P. 228
 Finkelstein J. 141
 Fischer C. S. 172
 Fisher L. 32
 Fitzgerald M. 244, 363
 Fitzhugh G. 226
 Fletcher G. P. 35, 79, 350, 410
 Flexner E. 253
 Flora P. 61
 Folbre N. 302
 Foner E. 16, 428
 Fonin G. N. 415
 Francke L. 257
 Franken B. 430
 Freeman R. B. 166
 Frey E. 137, 149, 280
 Friedan B. 230, 253, 254, 275, 276

Friedlaender S. 361
 Friedman D. E. 293
 Friedman L. M. 23, 74, 211
 Fucanan T. B. 390
 Fuchs V. R. 295
 Fullerton J. 64
 Furstenberg F. F. 291, 292

G

Gabin N. 255
 Galbraith J. K. 124, 145, 148
 Galenson D. W. 90
 Gamson J. 200
 Gansler J. S. 436
 Gardell M. 203
 Garin K. 273
 Garwin R. L. 383
 Genovese E. D. 204
 George P. 122, 126, 148
 Ghesquire R. 130
 Gholz E. 135
 Gibson J. W. 393
 Gilbert C. 47
 Gilbert N. 127
 Gilens M. 131, 141
 Giles P. 447
 Gillman H. 22
 Glass J. 295, 280
 Glassner B. 431
 Glater J. R. 211
 Glendon M. A. 72
 Godbey G. 92, 188
 Goldberg D. 492
 Goldberg P. J. P. 236
 Goldberg S. 223, 224
 Goldenberg S. 52
 Goldin C. 168, 232
 Goldman E. 366
 Gomez R. 230
 Goode W. J. 248, 249, 280
 Goodman E. 317
 Goodwin J. 177
 Gordon D. R. 76
 Gordon R. J. 141
 Gordon Liddy G. 80
 Gosselin P. G. 98
 Goudswin L. 207
 Gough J. W. 35
 Gour J. 383

- Graber M. A. 42
 Greeley A. M. 480
 Greenhouse L. 76, 406
 Greenspan A. 36
 Grund F. 205, 210, 413
 Guggs E. 318
 Gull Hasan A. 202
 Grob N. G. 433
 Gutmann S. 331
 Guttentag M. 263
- H**
- Haarhoff T. M. 447
 Habakuk J. 89
 Hagerman E. 102
 Halberstam D. 128
 Hamburg M. A. 336
 Hamilton A. 42
 Hamiya L. H. 205
 Hammersley G. 104
 Hannah J. 144
 Harper W. 283
 Harrington M. 124
 Harris M. 360
 Harris S. 360
 Haverman R. 286, 287, 295, 335
 Headlee S. 256
 Hegeman R. 149
 Hempel J. 220
 Herberg W. 87
 Herman A. 399
 Hewitt C. 389
 Hewlett S. A. 231, 304, 306, 322
 Higginbotham D. 363
 Higgs R. 80, 369
 Hill F. 422
 Hine J. M. 164
 Hintze O. 34
 Hirschel J. D. 215
 Hixson W. L. 380, 453
 Hobhouse H. 103
 Hochschild A. R. 189, 293, 337
 Hoelscher S. D. 170
 Hodges W. F. 291
 Hoff Sommers C. 260, 319
 Hoffereth S. L. 297
 Hoffman L. W. 337
 Hofstadter R. 356, 399
 Holden-Reed B. 350
- Holland G. 323, 426
 Holland J. J. 317
 Hong C. 67
 Hopps J. 419
 Horstman A. 250
 Huang C. 439
 Huber R. H. 455
 Huertas Th. F. 113
 Hulse G. 76
 Hult K. M. 40
 Hunter N. D. 260
 Huntington S. 169, 472, 477
 Hutchinson S. 394
- I**
- Ickenberry G. J. 476, 490
- J**
- Jackson J. W. 220
 Jackson R. H. 176
 Jacobs L. 220
 Jacoby S. 27, 79
 Jay J. 42
 Jayne A. 228
 Jayson S. 308
 Jeffrey J. R. 236
 Jensen J. 401
 Joffe J. 490
 Jones H. M. 358
 Jones S. 261
 Johnson C. A. 277, 316, 376, 446
 Johnson L. A. 334
 Johnson P. E. 209
 Johnson P. M. 100, 143, 177, 347
 Jones K. W. 320
 Josepshon M. 94
 Joyner K. 287
 Julian L. 307
 Julian F. H. 258
- K**
- Kahn A. J. 300, 301
 Kagan R. A. 212, 378, 469
 Kagano T. 418
 Kalb C. 334
 Kaldor M. 439
 Kamerman S. B. 300, 301
 Kaneko Chan A. M. 297
 Kanowitz L. 247

- Kanter R. M. 230
 Kaplan R. D. 294
 Karsh E. 383
 Katz M. B. 132
 Katzouian M. A. 135
 Kaufman M. 318
 Kaus M. 148, 394
 Kavanaugh J. F. 86
 Keating G. 315
 Kecik L. 419
 Keegan J. 117
 Kefals M. 288
 Kennedy P. 108, 136, 370, 469
 Khan M. S. 483
 Kiely K. 64
 Kimmel M. S. 295
 King D. 420
 King E. 174
 Knaus M. 53
 Kohn M. 146
 Korb L. J. 387
 Kraditor A. S. 229, 282
 Kronman A. T. 213
 Kullikoff A. 102, 162
 Kupchan C. A. 491
 Kurz D. 291, 295
- L
- Lake D. A. 359, 375, 384
 Lambo D. 141
 Lamoreaux N. 96
 LaRocco C. 124
 Larson J. L. 60, 120
 Laski H. J. 90
 Laumann E. O. A. 242
 Laxer J. 136
 Lacey M. 207
 Laqueur W. 388
 Lazarsfeld P. E. 115
 Le Sueur Meridel 115
 Leach W. 97, 109, 148, 208, 412, 430, 465
 Ledeen M. A. 219, 421
 LeFever G. 334
 Lemon J. T. 344
 Leonard E. B. 258
 Leone R. C. 492
 Leopold E. 381
 Lerner G. 282, 283, 288
- Lester W. 414, 431
 Levine J. 319
 Levit N. 258
 Levy D. 123, 130
 Licht W. 90, 106, 119, 165, 394
 Lincoln C. E. 205
 Lind M. 53, 386, 448, 454, 479
 Linfield M. 401
 Lipset S. M. 22, 67, 84, 86, 90, 98, 201, 205, 220, 290, 354, 442
 Lipsitz L. 44, 47, 56, 65
 Lipson L. 345
 Liptak A. 77, 214
 Litwack L. F. 283
 Locke J. L. 199
 Locke M. 216
 Loeber R. 336
 Long L. 165
 Longley J. 155
 Luce H. R. 359
 Lumpkin J. J. 492
 Luttwak E. N. 78, 212, 413
 Lyon K. 424
- M
- Macallair D. 315
 MacGuinness M. 99
 Machung A. 337
 Mackay A. 192, 193
 Maddison A. 131
 Madison J. 42
 Maestri N. 183
 Majone G. 71
 Males M. A. 315
 Malone D. 351, 355
 Manning R. A. 378
 Mansfield, Jr. H. C. 28
 Mansbridge J. J. 248
 Mariner J. 153
 Mark R. 407
 Markham J. W. 110
 Marquis C. 383
 Marquis M. 97
 Marsh G. P. 454
 Martin G. M. 311, 320, 336, 338
 Maslowski P. 372, 397
 Mason M. A. 250, 255
 Matt S. J. 98
 Matthaei J. 277, 281

Mattox W. R. 293
 Mayer R. N. 54
 McAllister W. B. 457
 McCabe K. A. 311, 320, 336, 338
 MacDonald C. A. 372
 McDonald F. 22, 61
 McDougall W. 348
 McLane B. R. 387
 McLelland D. 98
 McQuaid K. 48, 124
 McWilliams W. C. 201, 218
 Mears W. 430
 Mechatie E. 426
 Melman S. 369
 Menaghan E. G. 296
 Mercy J. A. 336
 Meredith R. 455
 Michael R. T. 287
 Middleton R. 236
 Mikesch R. C. 360
 Miller D. E. 203, 206, 208
 Millett A. R. 372, 397
 Milward A. S. 115, 128, 396
 Mintz A. 439
 Mitchell B. 223, 224, 257
 Monroe J. A. 208, 413
 Moore D. 80, 163, 440
 Moore R. L. 208
 Moore S. 112
 Morgan E. S. 237, 319, 344
 Morgan J. L. 283
 Morone J. A. 422, 424, 443, 457
 Morris E. 358
 Morris M. 495
 Morris W. 434
 Mosley J. 304
 Mousset S. 251
 Muhammad Ali M. 299
 Mumford H. M. 31
 Mynch L. M. 92

N

Naiman A. 369
 Nash-Marshall S. 16
 Neu C. E. 393
 Niosi J. 439
 Noble W. D. 35, 106, 161, 228,
 347, 355
 Noonan D. 309

Nord C. W. 291
 Norton A. 244
 Nyberg A. 293
 Nye J. S. Jr. 473, 477, 499
 Nygren E. 449

O

O'Neill W. L. 371
 Oestreich G. 410
 Osgood R. E. 359
 Ostergen R. C. 170
 Ostrower F. 220

P

Packard B. 190
 Packard V. 330
 Pagonis W. H. 364
 Parenti C. 77
 Patai D. 330
 Patterson J. T. 41
 Pay J. 367
 Pearce D. 294
 Parcel T. L. 296
 Pear R. 302
 Pearce R. H. 455
 Pearlman M. D. 62, 116, 353, 398
 Peden W. 283
 Pells R. 402, 459, 466
 Pennington B. 309
 Peristiany J. G. 410
 Perkins E. J. 89, 102, 103
 Peters R. 167, 386
 Peterson A. L. 21
 Pivar D. J. 314
 Pollack O. 258
 Poovey B. 79
 Porter B. D. 61, 171, 350
 Powers S. I. 79
 Press D. G. 135
 Primus W. 302
 Purdy L. M. 341

R

Raboteau A. J. 204
 Rafaelli M. 332
 Rainwater L. 290
 Reeves Th. C. 335
 Reskin B. F. 231, 256
 Reuter P. H. 349

- Rhodes R. 62
 Richard C. J. 19, 33, 72
 Ricks T. 395
 Riding A. 449
 Riley G. 236, 250
 Ring W. 51
 Ritterhouse J. 279
 Roberts P. 425
 Roberts W. R. 464
 Robertson B. C. 292, 293, 296, 298
 Robertson J. O. 229
 Robins G. 226, 233
 Robinson J. P. 92, 188
 Rockwell J. 449
 Rodgers J. L. 167
 Rodgers J. R. 167
 Roiphe K. 270
 Ronney J. M. 383
 Roos P. A. 231, 256
 Rorty J. 114
 Rosenberg H. 398
 Ross D. 53, 108
 Rostow W. W. 362
 Rothbard M. N. 80, 81, 112
 Rothman S. 79
 Rourke F. E. 50
 Rowen H. S. 378
 Ruddick S. 294
 Ruland R. 239
 Russell K. 278
 Russett B. M. 359, 368
- S
- Sanday P. R. 226
 Sandefur G. D. 304
 Sanger D. E. 72
 Saradar Z. 13
 Saunders F. 453
 Schaller M. 375
 Scheiner M. 252
 Schemann S. 13
 Schewe D. B. 360
 Schlesinger A. M. 41
 Schneider S. 245, 246, 247
 Schoetz D. 279
 Schor J. B. 92, 295, 308
 Schrecker E. 403
 Schreyer A. 99
- Schur E. M. 428
 Schwartz B. 125
 Schwartz P. 136
 Scott A. F. 263
 Sears J. 292, 297, 303
 Secord P. M. 263
 Seib Ph. 358, 373, 386
 Seldes G. 308
 Senhadji A. S. 483
 Shachar S. 227
 Shamma C. 479
 Sherwood J. 233
 Shieler D. K. 151
 Seidenberg R. 251
 Shulman H. C. 452
 Simon A. R. 86, 163
 Simon J. 112
 Singh S. 286
 Skowronek S. 56
 Smeeding T. M. 290
 Smith C. 74
 Smith J. M. 324, 417
 Smith M. R. 105
 Snell B. 178
 Solomon R. M. 129
 Sorley D. 374
 Soto A. 480
 Southamer-Loeber M. 336
 Spain D. 250
 Sparrow J. C. 445
 Speak D. M. 44, 47, 56, 65
 Starfield B. 304
 Stead W. T. 91
 Stanley Th. J. 95, 98, 152, 155, 232, 247
 Staples R. 278
 Steffen D. 443
 Steffens H. 344
 Stenson J. 309
 Stepra A. 368
 Sterling J. 92
 Stern J. 290
 Stevens A. H. 153
 Stieffler R. E. 410
 Stigler G. J. 120
 Stokes B. 490
 Stokesbury J. 417
 Stouffer S. 115
 Strassmann W. P. 433

Strauss W. V. 462
 Strober M. H. 297
 Strom K. J. 335
 Stubbing R. A. 368
 Suarez-Findley E. J. 451
 Sutch R. 103
 Sweet J. A. 279, 280, 281, 297
 Sykes B. 261
 Szatmary D. 28
 Szep J. 67

T

Takaki R. 480
 Tanner R. 68
 Taylor G. R. 348
 Taylor R. L. 291
 Teitler J. O. 292
 Tellenbach G. 17
 Terkel S. 221
 Thackeray B. 457
 Thirwall T. 483
 Toffler A. 433
 Trencham C. 319
 Tiger L. 261
 Todd E. 137, 472, 477
 Todd J. 251, 280, 285
 Thompson F. 220
 Thompson W. S. 271
 Trollope F. 45
 Trudeau P. 46
 Trumphour J. 461
 Tuchmann B. 400

U

Ucitelle L. 148
 Upham F. K. 211
 Useem J. 445
 Useem R. H. 445

V

Valian V. 230, 259
 Van Creveld M. 172, 357, 364,
 396
 Van der Heerer C. M. 447
 Van der Wee H. 117, 129, 139
 Van Riper P. P. 60

W

Wakefield W. 215
 Walcott C. E. 40
 Wallerstein J. 292
 Waltz K. N. 493
 Wangler Th. E. 87
 Ward J. 289
 Ward M. D. 134
 Wartella E. 327
 Watkins Th. 485
 Watson H. L. 46
 Weber B. 309
 Weber M. 34, 86, 89
 Wedhans N. 381
 Weinberg A. K. 356
 Weiner T. 340
 Weiss K. R. 154
 Weiss Th. 45
 Wells T. 404
 Welter B. 263
 Wertheimer B. F. 167
 West K. 320
 Whelpton P. K. 271
 White D. 37
 Willing R. 315
 Wills G. 45
 Winer L. E. 91
 Winokur J. 210
 Wirszubski Ch. 17
 Witten M. C. 205, 206
 Wolf, Jr. C. 378
 Wolfe B. 286, 287, 292, 295, 297,
 303, 335
 Woodward C. 397
 Wright Mills C. 48, 53, 73

Y

Yellen J. L. 134

Z

Zakaria F. 55, 57, 79, 352, 471
 Zepezauer M. 125, 140, 369
 Zimmerman J. 257
 Zinsmeister K. 298
 Zysman J. 136
 Klein M. 96, 97, 12, 148

В Москве все книги издательства ИРИСЭН
всегда можно купить в магазине «Гнозис»:

11⁰⁰–18⁰⁰ Пн–Пт
м. Парк Культуры
Зубовский пр., д. 2, стр. 1
Тел. (495) 246-05-48

Мартин ван КРЕВЕЛЬД
АМЕРИКАНСКАЯ ЗАГАДКА

Подписано в печать 15.08.2008. Формат 60×90 1/16
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Объем 34,125 печ. л.
Тираж 1000 экз. Заказ 4991.

АНО «Институт распространения информации
по социальным и экономическим наукам»
тел. (495) 211-77-21
www.irisen.ru ; info@irisen.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.